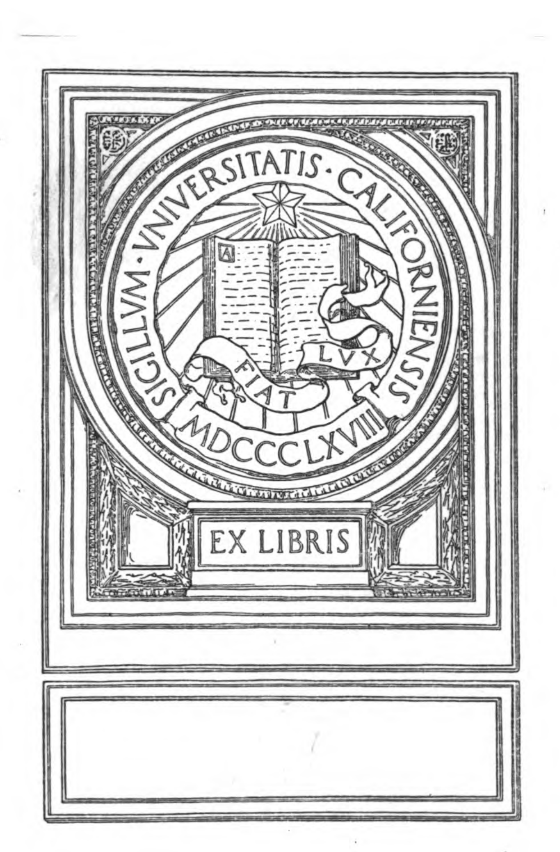

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ V-й. **№ 5-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Годъ V-й. **№ 5-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

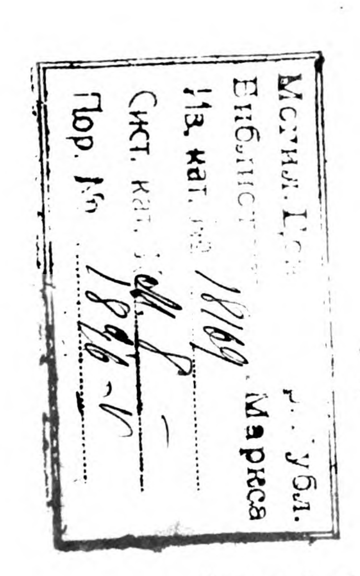
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАЙ

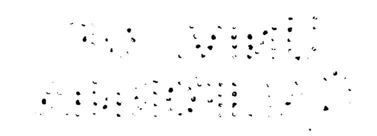
1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

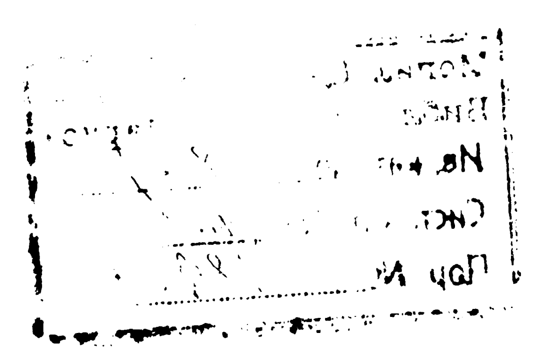
Типографія И. Н Скороходова (Надеждинская, 43).

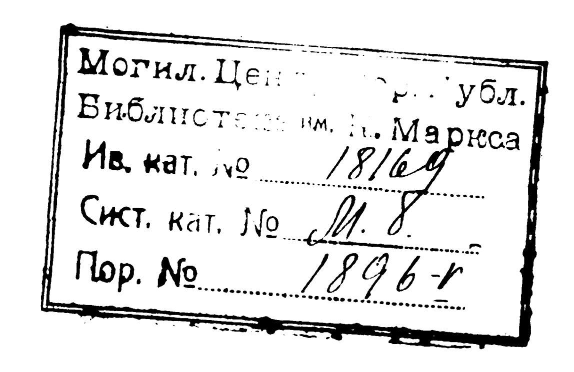
1896.

Дозволено цензурою 24-го апрѣля 1896 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОЖИТЕЛЬСТВО И ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ.

Зоологическій очеркъ профессора А. Ѳ. Брандта.

На всѣхъ перекресткахъ нынѣ толкуютъ о борьбѣ за существованіе, о войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ; философская система Фридриха Нитше, прославляющая эту борьбу и кулачное право въ человѣческомъ обществѣ, находитъ толпы поклонниковъ. «Въ животномъ мірѣ господствуетъ борьба за существованіе; человѣкъ одинъ изъ представителей животнаго міра... слѣдовательно», и т. д. Вотъ силлогизмъ, которымъ руководствуются эти мыслители fin de siècle, опирающіеся на естествознаніе, въ области котораго, однако, являются не болѣе, какъ дилеттантами, нахватавшимися верхушекъ. Тлетворныя идеи этихъ господъ, конечно, не остаются безъ возраженій, но чѣмъ дружнѣе будетъ отпоръ, имъ оказываемый, тѣмъ лучше. Въ средѣ протестующихъ противъ новѣйшихъ нравственно-философскихъ вѣяній—мѣсто и зоологу. Его обязанность указать на преувеличенное значеніе, приписываемое борьбѣ за существованіе въ мірѣ животныхъ, и противопоставить ей принципъ взаимной помощи. Этотъ принципъ также весьма распространенъ, и ему-то, а никакъ не борьбѣ, многія животныя обязаны сближеніемъ въ семьи, общины, своего рода государства, подобныя человѣческимъ. Выясненіе въ этомъ духѣ лжеосновъ модной этики требуетъ сопоставленія разнообразнаго, довольно обширнаго матеріала. Такой матеріалъ и рѣшаюсь представить нашимъ читателямъ.

I.

Всѣмъ, безъ изъятія, организмамъ присуще стремленіе къ безграничному размноженію въ геометрической прогрессіи. При этомъ каждый изъ нихъ, въ лицѣ своихъ потомковъ, готовъ завладѣть черезъ короткое время всѣмъ наличнымъ пространствомъ и питательнымъ матеріаломъ на сушѣ или въ водѣ. Тѣсня другъ друга,

животныя и растенія присвоиваютъ себѣ и такія пристанища, которыя, казалось бы, вполнѣ неблагопріятны для органической жизни. Такъ, иныя изъ нихъ забираются съ веселой, залитой лучами солнца поверхности земли въ ея нѣдра, въ вѣчно мрачныя пещеры, въ это царство смерти и гробоваго молчанія, прерываемаго лишь тихимъ хлестомъ мѣрно падающихъ съ каменнаго свода хрустальныхъ капель, а кое-гдѣ глухимъ плескомъ ручейка или даже грохотомъ водопада. И при такой обстановкѣ организмы продолжаютъ взаимную борьбу изъ-за скуднаго питательнаго матеріала, изъ-за темнаго, незавиднаго уголка. Мы тутъ находимъ рядомъ съ низшими растеніями: инфузорій, червей, ракообразныхъ, насѣкомыхъ, рыбъ и, какъ главаря этой печальной братіи, представителя амфибій—протея темничнаго (рис. 1). Таковъ, напримѣръ, животный міръ необозримыхъ гротовъ австрійской Краины. Обитатели темнаго царства, сами темные, т. е. лишены способности видѣть. 7° по Реомюру это, неизмѣнная, лѣтомъ и зимою, температура подземелій Краины, температура, при которой и наземная органическая жизнь идетъ вяло, сонливо. Мрачныя пучины океана и глубины альпійскихъ озеръ, гдѣ, какъ въ подземныхъ гротахъ, господствуютъ вѣчный мракъ и прохлада, точно также дали убѣжище разнообразной органической жизни.

Рис. 1. Протей (Proteus anguinus). Длина ок. 1′.

Въ своихъ требованіяхъ тепла организмы бываютъ изумительно скромны. Нѣкоторыя низшія водоросли, инфузоріи, черви, даже насѣкомыя (глетчерная блоха), занесенные на льды и снѣга Шпицбергена и альпійскихъ глетчеровъ, мирятся съ необходимостью жить только лѣтомъ, и то лишь въ тѣ немногіе часы, пока солнце пригрѣваетъ и оттаиваетъ снѣговой саванъ, на которомъ они поселились; остальные же часы долгихъ сутокъ ихъ оковываетъ леденящій морозъ. Но намъ незачѣмъ отправляться для подобныхъ наблюденій на глетчеры Кавказа или Швейцаріи и снѣговыя поляны Шпицбергена, если на льду нашей родной Невы, въ покрывающей его легкой копоти развивается прекрасная изумрудно-зеленая нитчатая водоросль.

При такомъ стремленіи организмовъ къ захвату даже самыхъ неудобообитаемыхъ мѣстъ весьма понятна ихъ падкость на мѣста,

благопріятныя для заселенія. Обозрѣватели музеевъ привыкли видѣть чистенькіе экземпляры раковинъ, коралловъ. Не такими они представляются на днѣ морскомъ (рис. 2). Устрицы, присылаемыя въ наши столицы упакованными въ бочки, бываютъ густо усажены мхомъ изъ низшихъ животныхъ и растительныхъ организмовъ, и притомъ весьма разнообразныхъ, въ чащѣ которыхъ прячутся черви и всякаго рода другія существа. Любознательному не трудно, приготовивъ искусственно морскую воду, заселить маленькій акварій разнообразнѣйшими организмами, собранными на экскурсіи въ гастрономическій магазинъ. Какой бы ни вытащили со дна моря предметъ: водоросль, камень, кораллъ, сваю, всѣ они оказываются сплошь покрытыми всякаго рода тварью, при чемъ одна цѣпится за другую, облѣпляетъ ее. Дайте лишь живое мѣстечко, за постояльцемъ дѣло не станетъ; такимъ живымъ ключемъ бьетъ въ морѣ жизнь организмовъ. Океаническія суда до самой ватерлиніи покрываются живою корою изъ миріадъ всевозможныхъ существъ. Тутъ ихъ наростаетъ такъ много, что получается сильное треніе о воду, замѣтно замедляющее ходъ корабля. По прибытіи на мѣсто послѣ тропическаго плаванія всю подводную часть судовъ приходится соскребывать. Въ былыя времена, когда суда строились еще изъ дерева и не обшивались мѣдью, моллюски-древоточцы, нѣкоторыя другія раковины, черви, губки просверливали себѣ ходы и въ самый корпусъ корабля, и за короткое время дѣлали его непригоднымъ для дальнѣйшаго плаванія. Поселенцы ниже ватерлиніи непредумышленно записались въ разрядъ зайцевъ, безплатныхъ пассажировъ. Ихъ плавающія личинки, въ поискахъ за прочнымъ пристанищемъ, лишь случайно наткнулись на корабельный корпусъ; одинаково охотно онѣ укрѣпились бы на любой сваѣ, на скалѣ, кораллѣ, раковинѣ, на панцырѣ рака или черепахи.

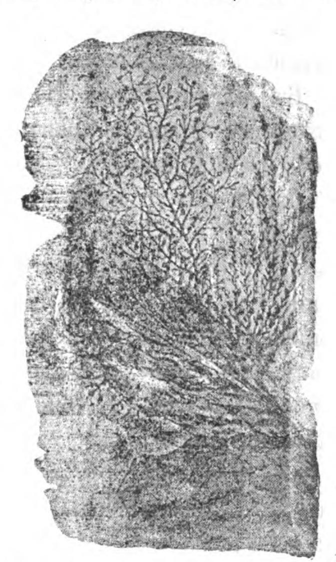

Рис. 2. Устрица, усаженная низшими растеніями.

Океаны обилуютъ рыбою и всякими другими животными, пригодными для прокормленія чаекъ, буревѣстниковъ, альбатросовъ, чистиковъ и плавающихъ птицъ другихъ наименованій; но этимъ

птицамъ требуются еще и мѣста, удобныя для отдыха и гнѣздованія. А этихъ-то мѣстъ, сравнительно съ ширью океана, весьма немного. Берега океана, большею частью, низменны, заливаются бурною волною. Вотъ почему скалистые берега и острова океана въ періодъ вывода птенцовъ бываютъ, можно сказать безъ преувеличенія, сплошь усѣяны всевозможною птицею. На толстомъ многовѣковомъ пластѣ гуано чайки, буревѣстники, гагары, бакланы e tutti quanti бокъ-о-бокъ устраиваютъ свои гнѣзда, по большей части ничтожныя ямки, едва выстланныя немногими перышками. Между гнѣздами порою не остается, какъ говорится, живого мѣстечка. Тѣсня другъ дружку, сосѣдки нерѣдко подымаютъ крикъ и вступаютъ въ драку изъ-за яицъ, легко перекатывающихся въ сосѣднее гнѣздо.

Въ окрестностяхъ Неаполя на Лаго д'Аніано, при которомъ находится столь знаменитая, упоминаемая въ географіи и физикѣ «собачья пещера», я былъ пораженъ неимовѣрнымъ количествомъ лягушекъ и жабъ. На берегу этого небольшого озера нельзя было ступить и шагу, чтобы не спугнуть съ десятокъ этихъ животныхъ, быстро спасавшихся въ воду. Казалось, тутъ собрались лягушки со всего, столь засушливаго и бѣднаго стоячими водами Аппенинскаго полуострова. Впослѣдствіи озеро, какъ источникъ міазмовъ и болотныхъ лихорадокъ, засыпали и превратили въ плодоносную землю на гибель царству квакающихъ. Весьма часто какой-нибудь ставокъ, какая-нибудь лужа кишмя кишитъ инфузоріями, мелкими ракообразными. Эти животныя размножились тутъ, благодаря обилію подходящаго питательнаго матеріала, и, при замкнутости водоема, скучиваются иногда до того, что приравниваются живой кашицѣ.

Аналогичныя сожительства представляютъ, далѣе, миріады вредныхъ насѣкомыхъ на поляхъ, въ садахъ и лѣсахъ. И они порождаются обиліемъ однообразнаго питательнаго матеріала.

Достаточно приведенныхъ примѣровъ для указанія первѣйшей и наиболѣе общей причины сожительства животныхъ, т. е. ихъ скучиванія въ подходящихъ мѣстахъ силою размноженія. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ сожительство обусловлено исключительно внѣшними причинами, и между сожительствующими животными нѣтъ внутренняго объединяющаго начала. Такое объединяющее начало предполагается *добровольнымъ* (инстинктивнымъ или сознательнымъ), направленнымъ на удовлетвореніе внутренней потребности въ обществѣ единоплеменниковъ. Подчеркиваемъ тутъ слово *добровольнымъ*, ибо мы знаемъ форму сожительства, въ которой взаимная зависимость и взаимныя услуги особей достигаютъ самой выс-

шей, вообще только мыслимой степени; и, тѣмъ не менѣе, единеніе ихъ наиболѣе подневольное. Намекаю на такъ называемыхъ колоніальныхъ животныхъ.

Въ нашихъ болотахъ, озерахъ, медленно текущихъ рѣкахъ, на ряскѣ и другихъ растеніяхъ встрѣчается одно изъ интереснѣйшихъ существъ, многочисленные и разнообразные родичи котораго свойственны морямъ,—гидра (рис. 3 и 4). Самые крупные экземпляры, когда растянутся до послѣдней возможности, достигаютъ длины всего линіи въ двѣ, три. Удлиненное, мѣшкообразное тѣло увѣнчано щупальцами, расположенными вокругъ рото-

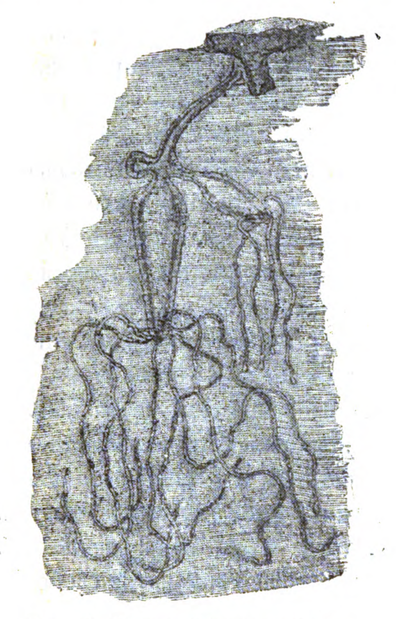

Рис. 3. Гидра. Почкованіе ея.

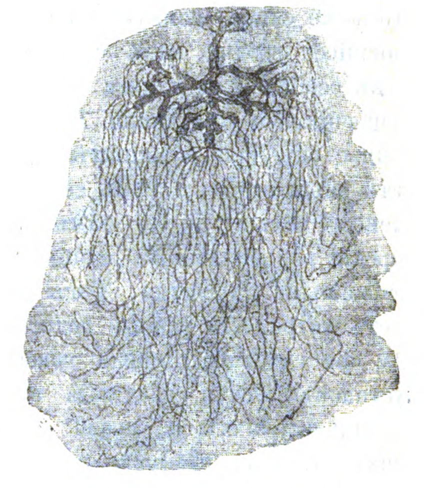

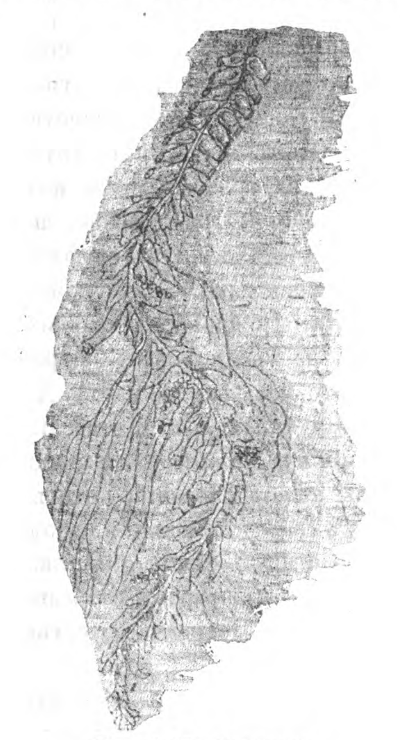
Рис. 4. Колонія гидръ.

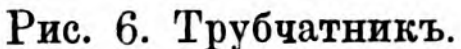
ваго отверстія. Наше крохотное существо окрещено зоологами наименованіемъ миѳической многоглавой водяной змѣи, побѣжденной Геркулесомъ. Чудовище обладало такою живучестью, что, вмѣсто отрубленной головы, у него тотчасъ выростала новая. Аналогичная способность воспроизведенія утраченныхъ частей фактически свойственна нашей крохотной гидрѣ, страшной лишь для мелкихъ ракообразныхъ, личинокъ насѣкомыхъ и мельчайшихъ, новорожденныхъ рыбокъ. Еще въ прошломъ столѣтіи было установлено опытами, что если изрѣзать гидру на кусочки, то каждый изъ нихъ разростается въ новую маленькую гидру. Однако, не это свойство тутъ для насъ важно, а размноженіе гидры почкованіемъ (рис. 3). Оно происходитъ такимъ образомъ, что изъ стѣнки

тѣла выпячивается, выростаетъ отростокъ, на концѣ котораго почкуютъ щупальцы и прорывается ротовое отверстіе. Когда дочерній организмъ готовъ, тогда онъ отшнуровывается отъ материнскаго. Случается нерѣдко—а это въ настоящій моментъ заслуживаетъ нашего вниманія — что на первоначальной особи выростаетъ одновременно по нѣсколько дочерей; на дочеряхъ тутъ же внучки, а на этихъ правнучки (рис. 4). Такимъ образомъ получается цѣлый кустикъ или, какъ говорятъ зоологи, колонія особей. Послѣдняя, пока не распадется, составляетъ совокупность сращенныхъ между собою особей, пищеварительныя полости которыхъ составляютъ цѣлостную, связную систему. Всякая добыча, схваченная любымъ изъ членовъ колоніи, идетъ на пользу всѣхъ остальныхъ, ибо получающійся изъ нея пищевой растворъ можетъ распространяться по всѣмъ связаннымъ между собой желудкамъ. Это тоже самое коммунистическое питаніе, которымъ обладаютъ сросшіеся уроды, какъ сіамскіе близнецы, двухголовый соловей, и въ особенности Радика и Додика съ ихъ непосредственно сообщающимися желудками. Колоніи прѣсноводныхъ гидръ не долговѣчны; онѣ при обычныхъ условіяхъ вскорости распадаются на отдѣльныя особи, и тѣмъ самымъ прекращается круговая порука членовъ семьи. За то намъ извѣстны весьма многочисленныя морскія гидроподобныя существа—гидрополипы, остающіеся колоніальными на всегда. Тотъ мохъ, который столь часто покрываетъ устрицъ и разные подводные предметы, въ болѣе или менѣе значительной степени можетъ состоять изъ гидрополипныхъ кустиковъ. Особи, входящія въ составъ такого кустика, могутъ различаться какъ по своей формѣ, такъ и по отправленію. Въ этихъ случаяхъ взаимная зависимость особей становится особенно рѣзкой. Такимъ многоформеннымъ, полиморфнымъ колоніямъ сродны колоніальныя животныя, къ которымъ теперь обращаемся.

Къ красивѣйшимъ представителямъ фауны морей и океановъ, безспорно, относятся *трубчатники*. Представимъ себѣ граціозную гирлянду, сплетенную изъ прозрачныхъ какъ стекло цвѣтковъ и листьевъ, лишь тамъ и сямъ раскрашенныхъ въ нѣжные пестрые колера (рис. 5 и схематичеческій рис.). Цвѣтки и листья гирлянды ничто иное, какъ живо.ныя существа. Они нанизаны на нѣжный стебелекъ или стволъ (*a*), внутри съ каналомъ, изъ котораго заимствуютъ необходимый имъ питательный матеріалъ. Передній или верхній конецъ ствола расширяется въ пузырь (*h*), наполненный воздухомъ. Назначеніе пузыря поддерживать всю слитную колонію особей подъ самой поверхностью воды. Подъ пузыремъ располагаются *плавательные колокола* (*f*), какъ и пу-

зырь, особи безъ желудка и рта. Въ ихъ край вставлена кольцеобразная мускульная пластинка, благодаря ритмическимъ сокращеніямъ которой колокола приводятъ въ движеніе всю колонію. На дальнѣйшемъ протяженіи стержня насажены между прочимъ листки (*g*). Это особи, сродныя съ колоколами, но упрощенныя еще болѣе и до того сплющенныя, что превращены въ пластинку, лишенную мускульнаго круга, а потому неподвижную и пригодную служить лишь для прикрытія другихъ, лежащихъ подъ ними особей. Къ такимъ особямъ относятся, между прочимъ,

Рис. 6. Трубчатникъ.

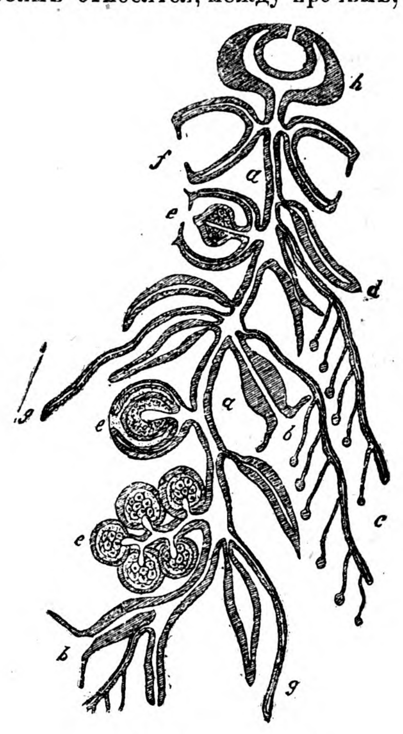

Рис. 6. Схематическій.

пищеварительные полипы (*b*), трубчатые, пальцеобразные со ртомъ и желудкомъ. Ихъ назначеніе—проглатывать и переваривать пищу, а извлеченную изъ нея питательную вытяжку препровождать въ каналъ стержня на благо всей коммуны: ибо, если гдѣ-либо осуществленъ коммунистическій общественный строй, такъ это у трубчатниковъ. Съ пищеварительными полипами имѣютъ большое сходство *щупики* (*d*), тѣ же животныя особи, но уже лишенныя ротоваго отверстія. Они особенно раздражительны, сократительны и подвижны, никакъ не могутъ успокоиться, а вѣчно что-то ощупываютъ, видно, отыскивая пищу для своихъ собратовъ и кор-

мильцевъ, пищеварительныхъ полиповъ а, быть можетъ, и ради предупрежденія общины объ угрожающей ей опасности. Приблизилась добыча или недоброжелатель, на сцену выступаютъ *ловчія нити* (*c*). Это опять-таки своеобразныя особи, нитевидно удлиненныя, вѣтвистыя, крайне сократительныя. Онѣ особенно густо усажены баттареями клѣточекъ, изъ которыхъ обстрѣливаютъ добычу, злоумышленника тысячами микроскопическихъ жалящихъ нитей. Къ перечисленнымъ присоединяется еще одна категорія особей, особей, всецѣло превращенныхъ въ капсулы съ продуктами размноженія. Это *половыя особи* (*e*). Всѣ поименованныя разнородныя особи пріурочиваются къ двумъ основнымъ формамъ, свойственнымъ классу полипомедузъ, къ которому причисляются трубчатники. Одня форма — гидрополипъ, другая — медуза, существа, живущія и сами по себѣ отдѣльно. Подъ типъ медузы подводятся: плавательные колокола, покровныя пластинки, половыя особи; подъ типъ же гидрополиповъ подходятъ: пищеварительныя особи, щупики и ловчія нити. Впрочемъ, оба основныхъ типа, въ свою очередь, приводятся зоологами къ одному знаменателю, т. е. къ одному и тому же основному плану организаціи. Помощію нѣсколькихъ лишнихъ строкъ и добавочнаго рисунка не трудно было бы растолковать это съ полною ясностію; но это къ дѣлу не идетъ. Для насъ совершенно достаточно установленія факта о существованіи въ природѣ сложныхъ, слитныхъ колоній изъ *полиморфныхъ* индивидуумовъ, между которыми раздѣлены тѣ отправленія, которыя у самостоятельныхъ животныхъ бываютъ сосредоточены въ одномъ и томъ же недѣлимомъ. Изъ опасенія растянуть статью, мы взяли только одинъ примѣръ, тогда какъ такихъ примѣровъ съ разнообразнѣйшими видоизмѣненіями и градаціями зоологія знаетъ сотни, и притомъ не только въ группѣ трубчатниковъ.

Печальная картина; на необозримое пространство поля окутаны траурною пеленою. Это миріады хлѣбныхъ жуковъ (Anisoplia), которые роются въ колосьяхъ, отыскивая мягкія, наливающіяся зерна (рис. 7). Совпаденіе условій, весьма прискорбныхъ для земледѣльца и благопріятныхъ для жука, расплодило это насѣкомое въ столь неимовѣрномъ количествѣ. Жуки дружно, бокъ-о-бокъ совершаютъ свою разрушительную работу; но работа эта, тѣмъ не менѣе, не есть работа общественная. Каждый изъ жуковъ самъ по себѣ, не заботясь о товарищахъ, отыскиваетъ и вы-

Рис. 7. Хлѣбный жукъ. (Anisoplia).

ѣдаетъ сочныя завязи, не интересуясь при этомъ сосѣдями: сожительство жуковъ, не смотря на несмѣтную массу неимовѣрно скученныхъ особей, носитъ случайный характеръ. Но вотъ запасъ мягкихъ, поддающихся челюстямъ зеренъ истощенъ, и тутъ наблюдается такое явленіе, — вся масса жуковъ сразу подымается на воздухъ, чтобы отлетѣть и сразу же опуститься на непочатомъ хлѣбномъ полѣ. Такое дружное снятіе съ мѣста и перелетъ всею массою уже свидѣтельствуютъ о пробужденіи общественнаго инстинкта, чувства солидарности. Иногда воздушное путешествіе совершается сплошною тучею на весьма большія разстоянія, даже черезъ морскіе заливы, въ волнахъ которыхъ порою все полчище находитъ смерть. Картина, набросанная тутъ для хлѣбнаго жука, повторяется въ тѣхъ же общихъ чертахъ и для саранчи и многихъ другихъ насѣкомыхъ, отъ времени до времени массами появляющихся на поляхъ. Мы имѣемъ тутъ, очевидно, дѣло съ первыми проблесками общественности, съ переходомъ отъ скучиванія особей къ взаимной солидарности. Описаны многочисленные случаи массоваго передвиженія стрекозъ, бабочекъ, мухъ, комаровъ и т. д. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановиться нѣсколько обстоятельнѣе на одномъ такомъ примѣрѣ, издавна обращавшемъ на себя вниманіе какъ профановъ, такъ и ученыхъ. Литература прежнихъ вѣковъ сохранила рядъ фантастическихъ разсказовъ о *ратномъ червѣ* (Heerwurm), о которомъ собираемся повести рѣчь.

«Ратный червь» личинка одного изъ видовъ *траурныхъ комаровъ* (Sciara), названныхъ такъ по ихъ, въ общемъ, черной окраскѣ тѣла и дымчатымъ крыльямъ. По внѣшнему виду эти двукрылыя насѣкомыя представляютъ нѣчто среднее между комарами и мухами. Насъ тутъ интересуетъ личинка траурнаго комара ратнаго (Sciara militaris), о величинѣ и внѣшнемъ видѣ которой даетъ приблизительное понятіе рис. 8. Она бѣловатая, просвѣчивающая, лишь съ черной головкой. Сверху и снизу она слегка приплюснута; на переднихъ трехъ членикахъ туловища замѣчается по парѣ ножныхъ бугорковъ, помогающихъ лишь пассивно передвиженію личинки. Это передвиженіе совершается такимъ образомъ, что личинка сокращаетъ, подаетъ впередъ свой хвостовый конецъ, а затѣмъ вытягиваетъ передній. При этомъ она слегка цѣпляется за поверхность земли ножными бугорками: способъ передвиженія, обыденный для червеобразныхъ личинокъ двукрылыхъ насѣкомыхъ. Личинки ратнаго траурнаго комара обитаютъ въ лѣсахъ, по преимуществу болотистыхъ, и кормятся гніющими растительными веществами, что доказывается микроскопическимъ изслѣдованіемъ ихъ кишеч-

наго содержимаго. Ко времени приближенія срока окукленія, личинки собираются въ полчища, выстраиваются въ колонну и

Рис. 8. Шествіе ратнаго червя.

пускаются въ путь. Число участниковъ шествія весьма различно. Наблюдались процессіи безъ малаго въ двѣ сажени длины при

ширинѣ не вездѣ одинаковой, отъ трехъ поперечныхъ пальцевъ до цѣлой ладони. Особенно замѣчательно, что такая армія не составляетъ плоской ленты, а имѣетъ значительную толщину, именно съ нашъ большой палецъ. Значитъ, крошечные червячки нагромождены другъ на друга, карабкаются при движеніи по спинамъ товарищей, представляя въ общемъ какъ бы живую кашицу. Сравненіе съ кашицей тутъ тѣмъ болѣе умѣстно, что вся масса особей связывается во-едино выдѣляемою ими слизью. Послѣдняя придаетъ всей совокупности на столько вязкости, что удается приподымать ея конецъ на мгновеніе отъ земли рукою или палкою. Все вмѣстѣ напоминаетъ змѣю, съ тою только разницею, что передвигается съ медленностью улитки. Нѣкто *Гоманнъ* далъ себѣ трудъ вычислить, на основаніи величины личинокъ, приблизительное общее ихъ количество въ одномъ изъ точно описанныхъ шествій, имѣвшемъ въ длину около трехъ саженей, при ширинѣ въ ладонь и толщинѣ въ большой палецъ. По этимъ вычисленіямъ, количество участницъ должно было состоять, приблизительно, изъ 1.689.700 штукъ. Другой авторъ переложилъ это количество на фунты и такимъ образомъ опредѣлилъ вѣсъ всей ватаги въ $1^3/_4$ пуда и, далѣе, на основаніи извѣстной плодовитости траурнаго комара, вычислилъ, что въ шествіи участвовало потомство отъ 5.600 до 6.700 самокъ. Шествіе не придерживается какого-либо опредѣленнаго направленія и часто его путь змѣеобразно извилистый. Каждый изъ червячковъ виляетъ головкой туда и сюда и, при всей медленности передвиженія совокупности, представляется очень оживленнымъ. Если прервать шествіе, выхвативъ изъ него палкою полосу, то оно вскорѣ вновь замыкается; если поперегъ дороги положить какое-либо препятствіе, то шествіе его обходитъ такъ же, какъ обходитъ и природныя препятствія. Копыта лошадей и колеса повозокъ, раздавливая массы червячковъ, тѣмъ не менѣе, не разстраиваютъ процессіи. Еще *Кюнъ*, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, имѣлъ случай сдѣлать рядъ любопытныхъ наблюденій надъ шествіями ратнаго червячка. Такъ, онъ захватилъ въ горшокъ, сколько могъ, личинокъ и высыпалъ ихъ на аллеѣ: черезъ полчаса животныя возобновили свое шествіе. Каждый попадавшійся на встрѣчу камень либо огибался шествіемъ, либо подавалъ поводъ къ его расщепленію на двѣ колонны, правую и лѣвую, которыя, вслѣдъ за тѣмъ, по ту сторону камня, вновь возсоединялись. Въ другой разъ *Кюнъ* набралъ изъ шествія, сколько смогъ, индивидуумовъ и посадилъ ихъ въ большой ящикъ. Вскорѣ и здѣсь изъ нихъ сформировалась колонна и въ полномъ порядкѣ замаршировала въ ящикѣ кругомъ. Личинки не переносили не только прямыхъ лучей солнца,

но и яркаго дневного свѣта и отъ нихъ тотчасъ стали въ безпокойствѣ мотать головками. Непріятны имъ были и дождевыя капли. Когда наблюдатель насыпалъ на дно ящика кучу перегноя, то онѣ немедленно въ него запрятались. Въ другой разъ тотъ же наблюдатель посадилъ личинокъ въ банку изъ подъ варенья. И здѣсь двинулось круговое шествіе, которое впослѣдствіи сомкнулось въ полное кольцо, какъ змѣя, закусившая свой хвостъ. Простой народъ въ Германіи съ суевѣріемъ относился, да отчасти еще и теперь относится, къ появленію ратнаго червяка. Одни предсказывали при его появленіи войну, другіе—неурожай. Въ Силезіи и Тюрингіи шествіе червя долу считалось хорошимъ, въ гору—дурнымъ предзнаменованіемъ. Иные гадали на червѣ о себѣ лично, кладя ему поперегъ дороги платья, ленты. Гадальщики и гадальщицы, въ особенности женщины, въ ожиданіи, радовались, если червь переползалъ черезъ эти предметы, а если ихъ огибалъ, то считали это за предсказаніе скорой смерти. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ лѣсничій *Бэлингъ*, наблюдавшій описываемыхъ личинокъ какъ въ лѣсу, такъ и въ неволѣ, вынесъ убѣжденіе, что мотивомъ для ихъ курьезныхъ странствованій являются поиски за подходящими пастбищами. Однако, достаточно ли этотъ взглядъ обоснованъ? Личинки питаются перегноемъ и палымъ листомъ, которыхъ вездѣ много въ сырыхъ, болотистыхъ лѣсахъ. Это одно; а другое то, что странствованія предпринимаются личинками уже взрослыми, отъѣвшимися и готовыми къ окукленію. Курьезно, что это окукленіе часто происходитъ среди шествія, на спинахъ бойко шествующихъ впередъ товарищей, которые и увлекаютъ съ собою данныя куколки. Въ виду этого, мнѣ кажется правдоподобнѣе болѣе старый взглядъ *Бартольда*, по которому скучиваніе имѣетъ скорѣе цѣлью взаимное доставленіе личинкамъ благопріятной среды для окукленія, каковою является слизистый выпотъ сосѣднихъ личинокъ. Правда, этимъ не объясняется передвиженіе, которое, впрочемъ, не можетъ считаться явленіемъ постояннымъ, обычнымъ, а должно признаваться явленіемъ болѣе исключительнымъ, обусловленнымъ невыясненными до сихъ поръ обстоятельствами.

«На западномъ концѣ деревни Кубо,—пишетъ извѣстный путешественникъ по Африкѣ *Бартъ*, — расположено предмѣстье изъ шестидесяти тростниковыхъ хижинъ, обитаемыхъ скотоводами. Здѣсь господствовали оживленіе и нѣкоторая зажиточность. Но лишь только мы прошли это мѣсто, насъ обуялъ страхъ, ибо замѣтили, что всѣ тропы были покрыты красными червями, которые непрерывными рядами маршировали по направленію къ деревнѣ. Даже мои собственные люди, никогда не видавшіе подобнаго зрѣ-

лища, перепугались и выражали свое удивленіе и состраданіе къ поселянамъ повторными криками: «волла, волла». Далѣе Бартъ свидѣтельствуетъ свое незнакомство съ даннымъ явленіемъ; но считаетъ краснаго червя свойственнымъ вообще тѣмъ странамъ, такъ какъ его наблюдалъ повторно. По его указанію, красные черви производятъ много вреда въ садахъ и на поляхъ. Думается, что эти, такъ называемые «черви», точно также ничто иное, какъ личинки двукрылыхъ.

И Америка имѣетъ своего army worm, но только это не личинки комара, а гусеницы ночной бабочки (Leucania extranea). Мы могли бы наполнить эту главу еще массою примѣровъ скопленія разнообразныхъ насѣкомыхъ большими полчищами для совмѣстнаго перекочеванія по пѣшему способу или же полетомъ; но боимся впасть въ однообразіе.

II.

Отъ примѣровъ болѣе или менѣе случайнаго и непроизвольнаго сожительства животныхъ обратимся къ такимъ, въ которыхъ сожительство носитъ на себѣ ясно выраженный характеръ добровольнаго союза, сопряженнаго съ раздѣленіемъ труда и взаимною помощью. Особенно обильный подходящій сюда матеріалъ доставляютъ намъ перепончато-крылыя насѣкомыя: муравьи, осы, пчелы.

Разъ заговоривъ, въ концѣ предшествующей главы, о странствующихъ насѣкомыхъ, весьма естественно начать настоящую главу съ характеристики образа жизни *муравья-гонителя* (Anomma arcens). Это бродяга par excellence, по крайней мѣрѣ, его недоразвитыя самки или рабочіе, величина которыхъ колеблется почему-то въ широкихъ предѣлахъ отъ одной до шести линій. Развитыя половыя особи, т. е. крылатые самцы и самки, на сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ еще не были найдены, что, впрочемъ, не особенно удивительно, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ обитателемъ тропиковъ, именно Западной Африки. Тамъ муравьи-гонители наводятъ страхъ и на людей, и на животныхъ. При его нашествіи все спасается бѣгствомъ: и мыши, и крысы, и насѣкомыя, да и сами хозяева среди ночи, застигнутые врасплохъ въ постели, опрометью оставляютъ хижину. Домашнія животныя въ хлѣвахъ и загонахъ, пернатыя на птичьемъ дворѣ и въ курятникахъ безпощадно пожираются голодными полчищами. Горе и тому дикому животному, котораго настигаютъ муравьи-гонители: они перво-на-перво выѣдаютъ своей жертвѣ глаза, а за симъ пожираютъ беззащитную живьемъ. Ихъ добычею порою становятся и громадныя змѣи-великаны, и проворныя обезьяны.

Какъ истые разбойники, муравьи-гонители избѣгаютъ солнечнаго свѣта, который дѣйствуютъ на нихъ пагубно, свои же странствованія совершаютъ обыкновенно ночью, рѣже въ пасмурные дни; въ знойную же пору они прячутся подъ сухимъ листомъ, въ травѣ, подъ кустами, свалившимися деревьями. Однако, иногда случается, что гонители замѣшкаются на пути и на оголенномъ отъ растительности пространствѣ рискуютъ подвергнуться гибельнымъ лучамъ солнца. Въ такомъ случаѣ передовики съ самоотверженіемъ принимаются мѣсить челюстями землю или глину, смѣшивая ее со слюною, и дружными усиліями лѣпятъ изъ этого матеріала сводчатую галлерею, пересѣкающую все опасное мѣсто. Сберегая время и трудъ, они отчасти пользуются, какъ готовыми, природными стѣнками, попадающимися на пути трещинами въ землѣ, камнями, обломками вѣтвей. Подъ прикрытіемъ такой галлереи все полчище продолжаетъ свой путь въ намѣченномъ направленіи. Кромѣ знойныхъ пространствъ гонителямъ зачастую приходится наталкиваться на преграждающіе ихъ путь потоки и лужи отъ тропическихъ дождей. Въ этомъ случаѣ они взбираются на деревья и кусты и продолжаютъ свой путь на воздухѣ по сплетающимся вѣтвямъ кустарной и древесной чащи. Но вотъ, путники наткнулись на просвѣтъ между деревьями. Теперь они свѣшиваются съ вѣтвей живыми гирляндами, порою окутывая все дерево этимъ своебразнымъ украшеніемъ. Составляются гирлянды такимъ образомъ, что сначала одинъ изъ муравьевъ вонзается своими необыкновенно крѣпкими челюстями въ вѣтку, а остальнымъ тѣломъ свѣшивается; затѣмъ по немъ спалзываетъ другой, потомъ третій и т. д., которые всѣ хватаются и держатся другъ за друга челюстями и лапками. Если живая цѣпь, сама собою или же раскачиваемая вѣтромъ, своимъ нижнимъ концомъ достигаетъ вѣтви, находящейся на пути слѣдованія полчища, то ближайшій къ ней муравей хватается за нее, и такимъ образомъ замыкаетъ собою висячій мостъ, по которому немедленно начинается переправа сотоварищей. Однако, вѣтки, досягаемой для живой гирлянды, не случилось и послѣдняя, все удлиняясь, достигла, наконецъ, лужи или потока. Путешественники и тутъ не унываютъ. Тотъ изъ нихъ, который первымъ достигъ поверхности воды, становится на нее, не переставая держаться за предшественника, а потомъ и дальнѣйшіе товарищи продолжаютъ спускаться по цѣпи и одинъ за другимъ становятся на воду замѣсто плашкоутовъ плавучаго моста. Удлиненіе живого моста продолжается этимъ способомъ до тѣхъ поръ, пока его конца не прибьетъ теченіемъ или вѣтромъ къ противоположному берегу, за который и хватается ближайшій къ нему муравей. Теперь мостъ

готовъ и переправа по немъ идетъ безостановочно. Надо полагать, что самоотверженные саперы, дающіе себя топтать товарищамъ, массами гибнутъ, уносимые потоками. Впрочемъ, число жертвъ, по всей вѣроятности, меньше, чѣмъ можно бы было предполагать a priori, ибо муравьи-гонители послѣ продолжительнаго погруженія въ воду оживаютъ, какъ это доказано экспериментально *Сэвэджомъ*, который опускалъ ихъ въ холодную воду на цѣлыхъ двадцать часовъ. Умѣстно вспомнить тутъ объ оригинальномъ способѣ обезопашиванія себя отъ воды, практикуемомъ муравьями-гонителями. Когда ихъ убѣжища затопляются тропическими ливнями, они скучиваются въ шары, средняя величина которыхъ равняется шару для игры въ крикетъ. Это своего рода войлокъ, въ которомъ болѣе мелкія и слабыя особи занимаютъ центральную массу, сильныя, рослыя же — периферическій слой. Попеченіе болѣе сильныхъ о слабыхъ сотоварищахъ сказывается еще и въ слѣдующемъ курьезномъ наблюденіи. Когда разбойничьему шествію приходится пересѣкать оголенное отъ травы, листвы, хвороста пространство не въ солнечную, а въ пасмурную пору, тогда самые крупные и сильные передовики отряда строятъ крытый ходъ для слѣдованія по немъ остальныхъ, болѣе слабыхъ товарищей, уже не изъ глины или земли, а изъ собственыхъ своихъ тѣлъ. Стѣнки такого хода или галлереи—густая сѣть, сплетенная изъ туловищъ, ножекъ и челюстей. По сторонамъ галлереи бѣгаютъ въ ажитаціи взадъ и впередъ часовые, высматравающіе приближеніе непріятеля. При малѣйшей опасности они подымаютъ тревогу: галлереи моментально распадаются и ея участники становятся въ боевую позу.

Столь замѣчательные своими странствованіями муравьи-гонители, само собою разумѣется, не могутъ быть лишены, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ своей жизни, гнѣзда, въ которомъ выводятся родителями. Здѣсь, въ этихъ гнѣздахъ должна совершаться мирная работа попеченія о потомствѣ, аналогичная извѣстной намъ для нашего обыкновеннаго или лѣсного рыжаго муравья и близкихъ его родичей. Отмѣтимъ нѣкоторые, главнѣйшіе факты изъ жизни и этихъ муравьевъ. Всякому извѣстно, съ какою настойчивостью муравьи таскаютъ хвои, стебельки, обломки хвороста, не жалѣя своихъ силъ, по неровностямъ почвы, по мху и травѣ. При чрезмѣрности ноши они призываютъ на помощь товарищей. Результатомъ ихъ дружной строительной работы является муравейникъ, главное назначеніе котораго—вопреки прежнему, распространяемому и баснописцами представленію—служить тепловою защитою для развивающагося потомства, а никакъ не провіантомъ на

зиму, такъ какъ зиму трудолюбивый народецъ проводитъ въ состояніи окоченѣнія, изъ котораго пробуждается лишь вешними солнечными лучами. Муравейникъ цѣлый лабиринтъ ходовъ и камеръ, резиденціи болѣе или менѣе многочисленныхъ матокъ или королевъ, преданныхъ только одному дѣлу: кладкѣ нескончаемаго числа яицъ. Вылупляющихся изъ яицъ червеобразныхъ личинокъ рабочіе пичкаютъ пережеванною пищею. По мѣрѣ надобности, они переносятъ ихъ бережно съ мѣста на мѣсто внутри самаго муравейника, для просушки, обогрѣванія и дезинфекціи выносятъ также на воздухъ. Такимъ же образомъ они няньчатся и съ личинками окуклившимися, заплетенными въ шелковичный коконъ, т. е. съ такъ называемыми «муравьиными яйцами». Развившемуся изъ куколки готовому насѣкомому няньки—рабочіе муравьи—своими челюстями помогаютъ прогрызать плотную пряжу кокона и выйти на свѣтъ Божій. Тѣ же рабочіе пекутся также о чистотѣ обширнаго дворца, вынося изъ него нечистоты и трупы товарищей.

Принадлежащія къ одному и тому же муравейнику особи узнаютъ другъ друга, какъ доказываютъ наблюдатели, вѣроятно, по приставшему къ нимъ специфическому запаху родного гнѣзда. Между собою, за общею работою муравьи вообще дружатъ, хотя драки повторяются довольно часто; по отношенію же къ муравьямъ иноплеменнымъ или изъ чужого муравейника они ведутъ себя весьма враждебно, вступая съ ними въ бой на жизнь и смерть. При этомъ пускаются въ ходъ и грозныя челюсти, и жало, и брызги яда. При многочисленности участниковъ нападеній и обороны разыгрываются формальныя сраженія, которыя оканчиваются бѣгствомъ одной изъ сторонъ, послѣ чего поле битвы бываетъ усѣяно ранеными и трупами. Многими видами муравьевъ регулярно предпринимаются разбойничьи походы на чужіе, иноплеменные муравейники съ цѣлью похищенія коконовъ съ куколками. При этомъ уносятся куколки отнюдь не развитыхъ самокъ и самцовъ, а лишь непремѣнно только рабочихъ, ибо цѣль похищенія заключается въ легкомъ пріобрѣтеніи помощниковъ или рабовъ.

У иныхъ муравьиныхъ видовъ рабы только раздѣляютъ труды со своими господами, у другихъ же на нихъ взваливаются всѣ труды по постройкѣ муравейника и уходѣ за молодью; при чемъ господа всецѣло предаются вольной разбойничьей жизни. Таковы *муравьи-амазонки* (Polyergus). У себя дома они неуклюжи, безпомощны до того, что принуждены предоставлять всѣ работы рабамъ. Ихъ челюсти приспособлены исключительно для боя и непригодны даже для жеванія. Поэтому рабовладѣльцы должны бы умереть съ голода даже среди обильнаго провіанта, если бы не рабы, которые суютъ имъ въ ротъ уже пережеванную пищу.

Всѣми признается, что источникомъ прочно организованныхъ общежитій какого бы то ни было рода животныхъ должна считаться семья. Надъ частностями же происхожденія обширныхъ ассоціацій или «государствъ», хотя бы у перепончатокрылыхъ, уже многіе ломали себѣ головы; при чемъ біологи-мыслители были между собою согласны лишь въ томъ основномъ положеніи, что предки соціальныхъ насѣкомыхъ жили въ одиночку. Въ новѣйшее время успѣшно занимался интересующимъ насъ вопросомъ нѣмецкій ученый *Вергеффъ* по отношенію къ осамъ и пчеламъ. О возможности рѣшенія вопроса историческимъ методомъ, конечно, рѣчи быть не можетъ, ибо едва ли подлежитъ сомнѣнію, что пчелы, осы, шмели образовали свои ассоціаціи еще задолго до появленія на землѣ нашихъ праотцевъ. Единственнымъ примѣнимымъ методомъ долженъ считаться сравнительно-біологическій. Отрядъ перепончатокрылыхъ чрезвычайно богатъ представителями съ разнообразнѣйшими градаціями общежитія, начиная съ полнаго его отсутствія и первѣйшихъ его проблесковъ и кончая многолюдными ульями съ ихъ полиморфными особями, раздѣлившими между собою труды. При этомъ многія изъ перепончатокрылыхъ явно находятся на пути къ выработкѣ общественнаго строя, уже раньше пройденнаго болѣе или менѣе близкими родичами. Не легки, конечно, наблюденія надъ нравами и образомъ жизни мелкихъ насѣкомыхъ, въ особенности, обитающихъ подъ землею, въ дуплахъ, ульяхъ и другихъ скрытыхъ мѣстахъ. Къ тому же, громадное большинство тропическихъ видовъ до сихъ поръ остается біологически неизслѣдованнымъ.

Обезпеченіе потомства пріютомъ и пищею—вотъ главный смыслъ ассоціацій разсматриваемыхъ нами перепончатокрылыхъ. По мнѣнію *Вергеффа*, у прародителей этихъ насѣкомыхъ прежде всего пробудилась забота объ обезпеченіи потомства пищею. Эта забота и по сію пору проще всего проявляется у представителей придорожныхъ осъ (Pompilus), животныхъ, сходныхъ съ осами. Ихъ самки болѣе рослыя и сильныя нежели самцы, чувствуя подступленіе зрѣлаго яйца, снуютъ туда, сюда по разнымъ закоулкамъ и трещинамъ. Отыскавъ паука, самка Pompilus'а смѣло вступаетъ съ нимъ въ единоборство; уколами своего ядоноснаго жала она либо убиваетъ его, либо приводитъ въ продолжительное или кратковременное оцѣпенѣніе, которымъ пользуется для того, чтобы прилѣпить къ своей жертвѣ яичко. Вылупляющаяся изъ послѣдняго червеобразная личинка кормится трупомъ паука, или же, если паукъ остался въ живыхъ, то является его паразитомъ. Исходъ одинъ и тотъ же: ко времени окукленія личинки отъ паука остаются

лишь ножки, челюсти и хитиновая кожица. Ближайшая болѣе высокая ступень заботливости о потомствѣ осуществляется нѣкоторыми видами изъ того рода Pompilus, которые не только откладываютъ яйца на пауковъ, но и пользуются норками послѣднихъ, какъ колыбелью для своего потомства, при чемъ усугубляютъ свои материнскія заботы еще и тѣмъ, что, для безопасности, закладываютъ входъ въ норку камешками. Еще дальнѣйшую ступень заботливости о потомствѣ показываютъ тѣ изъ одиночныхъ перепончатокрылыхъ, которыя, поймавъ добычу и отложивъ на нее яичко, сами сооружаютъ для нихъ какое-либо защитное вмѣстилище. Отсюда только одинъ, правда, очень существенный шагъ къ тѣмъ видамъ, которые строютъ норку сначала, а потомъ уже отправляются на охоту за провіантомъ, и такимъ образомъ являютъ примѣръ такой же предусмотрительности, какую замѣчаемъ у строителей сложныхъ ульевъ. Первоначальный типъ норки у Pompilus actopunctatus—норка однокамерная. Дальнѣйшее осложненіе представляютъ норки о многихъ камерахъ, которыя располагаются либо на главномъ ходѣ въ видѣ четкообразныхъ расширеній, либо на концахъ боковыхъ корридоровъ. Особенно интересны для насъ, какъ дальнѣйшее усовершенствованіе строительнаго искусства, свободныя гнѣзда, вылѣпленныя изъ глины, песчинокъ и другихъ матеріаловъ. Ихъ назначеніе точно также служить кладовой для пауковъ и гусеницъ, приведенныхъ въ оцѣпенѣніе ядовитыми уколами, т. е. не живыхъ, не мертвыхъ, а консервированныхъ отъ разложенія. Такія свободныя ячейки наблюдаются въ томъ же семействѣ помпилидъ и опять-таки могутъ быть и одиночными, и сгруппированными по нѣсколько штукъ.

Приведенному нами автору посчастливилось бросить нѣкоторый свѣтъ на вѣроятный способъ образованія первоначальныхъ колоній у пчелъ, т. е. тѣхъ изъ перепончатокрылыхъ, у которыхъ общежитіе приняло наиболѣе широкіе размѣры и сдѣлалось непрерывнымъ. Первоначально одиночная жизнь—такъ онъ разсуждаетъ—могла перейти въ общественную только у такихъ первобытныхъ формъ, которыя плодились въ теченіе года по нѣскольку разъ; при чемъ маткѣ давался удобный случай оставаться въ сожительствѣ одновременно съ приплодомъ нѣсколькихъ поколѣній: безъ этого совмѣстныя попеченія о потомствѣ многихъ индивидовъ были бы невозможны. О томъ, какъ это могло осуществиться, по мнѣнію *Вергеффа*, даетъ представленіе сравнительное изученіе гнѣздъ разныхъ видовъ изъ рода *Halictus* (рис. 9). Галиктусы устраиваютъ свои норки особенно охотно въ твердой почвѣ. Поэтому мы нерѣдко находимъ ведущія въ нихъ круглыя отверстія

на плотно укатанныхъ проѣзжихъ дорогахъ, на припекаемыхъ солнцемъ глинистыхъ обрывахъ. Внутреннее устройство жилищъ неодинаково у различныхъ видовъ изъ рода Halictus. Для насъ наиболѣе интересно жилище H. quadristrigatus. Оно образуетъ сводистую камеру, въ которой нагромождены ячейки. Такъ какъ ячейки не наполняютъ собою всей камеры, то между ними и сводомъ послѣдней остается свободное пространство, гдѣ могутъ встрѣчаться молодыя пчелки, по мѣрѣ своего вылупленія. Періодъ размноженія у нашего насѣкомаго до того продолжителенъ, что старѣйшія изъ личинокъ бываютъ уже готовы къ окукленію, пока матка еще занята кладкою яицъ и снабженіемъ ихъ провіантомъ для прокормленія ожидаемыхъ личинокъ. Мало того, довольно вѣроятно, что старѣйшія изъ дѣтей завершаютъ свое превращеніе въ готовыхъ пчелокъ еще до смерти матери, и такимъ образомъ и съ нею встрѣчаются. Предположимъ, что послѣднее становится нормою; предположимъ, далѣе, что дочери, вмѣсто того, чтобы копать новыя норки, начинаютъ строить ячейки въ той же родной камерѣ, и мы получили бы форму общежитія, весьма сходную со шмелиною. Такимъ образомъ, по мѣткому замѣчанію нашего автора, Halictus quadristrigatus фактически стоитъ на порогѣ къ колонизаціи.

Рис. 9. Halictus.

Нашимъ общежительнымъ осамъ, по мнѣнію *Вергеффа*, предшествовали одиночныя формы, которыя сооружали сплоченныя ячейки, свободная поверхность которыхъ служила мѣстомъ встрѣчи сестеръ и братьевъ. Представимъ себѣ, что матка, озабоченная постройкой непосильно большаго числа ячеекъ, не успѣвала наполнять ихъ достаточнымъ количествомъ провіанта, а потому не стала ихъ и запечатывать, а пріучилась ежедневно кормить вылупляющихся изъ яицъ личинокъ. Въ результатѣ тутъ получилась бы та форма продолжительнаго общенія матки съ приплодомъ, которая наблюдается у нашихъ осъ.

Попытаемся приложить въ общихъ чертахъ указанія германскаго ученаго къ современнымъ намъ шмелямъ, осамъ и пчеламъ. Шмели еще плохіе зодчіе. Они сами не строятъ гнѣздъ, а поль-

зуются мышиной или кротовой норкой и, лишь въ случаѣ надобности, приспособляютъ внутренность къ новой спеціальной цѣли, придавая ей видъ камеры. Внутри этого помѣщенія они складываютъ комья, слѣпленные изъ смѣси медоваго сока съ цвѣтенью. На эти комья матка и кладетъ по нѣсколько яичекъ. Молодыя личинки мало-по-малу въѣдаются въ свой кормовой комъ, выдалбливаютъ въ немъ какъ бы ячейки, стѣнки которыхъ однако надстраиваются маткою или рабочими наслойкой новаго питательнаго матеріала. Прежніе наблюдатели совершенно ошибочно принимали эти quasi-ячейки за настоящія, построенныя взрослыми. И такъ, по отношенію попеченія о молоди шмели не далеко ушли отъ тѣхъ представителей рода Pompilus, которые въ чужой норкѣ скопляютъ провіантъ для ожидаемаго приплода. Различіе лишь въ томъ, что этотъ провіантъ не животнаго, а растительнаго происхожденія и исподоволь, по мѣрѣ надобности, пополняется. Первоначальный характеръ шмелиныхъ колоній сказывается и въ ихъ недолговѣчности. Какъ у Halictus quadristrigatus, онѣ закладываются перезимовавшей оплодотворенной одиночной самкой. Нововведеніемъ представляется появленіе у этой самки прежде всего дочерей-сотрудницъ въ лицѣ шмелей рабочихъ, которыя—быть можетъ, вслѣдствіе своего недостаточнаго питанія въ состояніи личинокъ—неспособны къ размноженію. Позже—вѣроятно, въ связи съ лучшимъ питаніемъ дальнѣйшихъ личинокъ, выкормленныхъ дружными усиліями рабочихъ — появляются уже болѣе развитыя самки, хотя все еще малорослыя, но уже способныя класть яйца. Послѣднія, будучи не оплодотворены, даютъ начало однимъ только самцамъ. Лишь подъ конецъ къ этимъ особямъ присоединяются и полнорослыя, оплодотворяемыя самки или матки, которыя предназначены къ тому, чтобы перезимовать, а на слѣдующую весну положить начало новымъ шмелинымъ колоніямъ. Всѣ остальные индивиды осенью погибаютъ. При этомъ, по однимъ наблюденіямъ, родоначальная матка еще доживаетъ до вылупленія своихъ развитыхъ преемницъ, по другимъ же она можетъ кончаться и раньше ихъ рожденія на свѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, очевидно, болѣе первоначальнымъ. Чтобы покончить со шмелями, упомянемъ еще только, что общая сумма членовъ ихъ колоній не превышаетъ, примѣрно, сотни индивидовъ, изъ коихъ, приблизительно, двадцать пять самцовъ, пятнадцать самокъ, а остальные шестьдесятъ—рабочіе.

Въ противоположность шмелямъ, осы являются уже настоящими, и притомъ весьма искусными строительницами. Ихъ соты, окруженные нерѣдко еще общимъ футляромъ, состоятъ, какъ

извѣстно, изъ бумажной массы, приготовляемой изъ пережеванной коры, древесины и т. п. веществъ. Соты съ шестигранно-призматическими шейками, обращеными отверстіями книзу, составляютъ либо только одинъ, либо нѣсколько горизонтальныхъ кружковъ, расположенныхъ этажами. Подобно шмелинымъ, и осиныя колоніи однолѣтни и обязаны своимъ происхожденіемъ одиночной, перезимовавшей самкѣ, которая черезъ нѣкоторое время воспитываетъ себѣ дочерей-работницъ, къ которымъ присоединяются напослѣдокъ развитые самки и самцы. У наилучше до сихъ поръ изслѣдованнаго осинаго вида, у *галльской осы* (Polistes gallica) *Зибольдъ* констатировалъ существованіе еще третьей категоріи женскихъ особей, занимающихъ положеніе среднее между недоразвитыми въ половомъ отношаніи работницами и вполнѣ развитыми матками, особей, аналогичныхъ мелкимъ шмелинымъ самкамъ. Эти особи точно также могутъ класть неоплодотворенныя яйца, дающія начало самцамъ. Галльская оса ограничивается обыкновенно сооруженіемъ всего одного только сотового кружка. Лишь въ особенно благопріятное, теплое и обильное пищею лѣто къ этому кружку подвѣшивается на ножкѣ еще второй. Такимъ образомъ, все народонаселеніе гнѣзда достигаетъ максимальнаго комплекта отъ шестидесати до стадвадцати недѣлимыхъ. Многолюднѣе колоніи шершня и германской осы. Бразильская же Polybia liliacea сооружаетъ, громадныя вальковатыя, многоэтажныя гнѣзда съ народонаселеніемъ, навѣрное, изъ многихъ тысячъ особей.

Въ большомъ, раціонально устроенномъ пчелиномъ ульѣ число рабочихъ пчелъ достигаетъ иногда 30.000 штукъ. На это количество приходится всего одна только матка и, въ извѣстное время года, до 3.000 самцовъ или трутней. Такое многолюдство является результатомъ не только хорошаго ухода со стороны человѣка, но и продолжительнаго, непрерывнаго сожительства пчелъ. Улей не ликвидируется подобно шмелиной и осиной колоніи при наступленіи осеннихъ холодовъ. Изъ него изгоняются и умерщвляются одни лишь дармоѣды-трутни, тогда какъ рабочіе зимуютъ. Центромъ, около котораго онѣ прочно группируются, является матка съ четырехлѣтнею продолжительностью жизни. Противовѣсомъ чрезмѣрному разростанію улья служитъ періодическое роеніе пчелъ. Лѣтомъ, передъ вылупленіемъ первой молодой матки, старая оставляетъ улей въ сопровожденіи части рабочихъ и вмѣстѣ съ ними закладываетъ новый, филіальный. Вслѣдъ за симъ изъ улья вылетаетъ съ роемъ самцовъ и работницъ и старшая изъ молодыхъ матокъ. Послѣ этого свадебнаго полета эта молодая матка со своею свитою рабочихъ либо также ищетъ себѣ новое пристанище,

а именно, въ томъ случаѣ, если улей сильно заселенъ, либо—при слабомъ его заселеніи—возвращается въ него. Въ этомъ второмъ случаѣ молодая матка предварительно, т. е. еще передъ роеніемъ, обезпечиваетъ за собою нераздѣльную власть въ ульѣ тѣмъ, что самолично закалываетъ своимъ жаломъ еще не успѣвшихъ выйти изъ яичекъ сестеръ-соперницъ. Во всякомъ случаѣ, маткѣ какъ старой, такъ и молодой, въ противоположность шмелинымъ и осинымъ, никогда не приходится начинать ульи, такъ сказать, съ азовъ, ибо съ самаго начала располагаетъ отрядомъ дѣятельныхъ сотрудницъ. Сообразно этому, на долю современной намъ пчелиной матки не приходится никакихъ заботъ ни по части строительной, ни по части собиранія провіанта и ухода за приплодомъ. Она всецѣло предается переработкѣ въ собственномъ организмѣ подносимаго ей рабочими отборнаго корма въ яйца, которыя и кладетъ ежедневно въ громадномъ числѣ. Раздѣленіе физіологическаго, а вмѣсто съ тѣмъ и общественаго труда въ такой мѣрѣ, въ какой оно не осуществлено нигдѣ болѣе въ классѣ насѣкомыхъ, наложило свою печать и на организацію троякаго рода особей ульевой пчелы. Матка узнается по удлинненому брюшку и ротовымъ частямъ, укороченнымъ, неприспособленнымъ къ извлеченію медовыхъ соковъ изъ глубины цвѣточныхъ вѣнчиковъ. Рабочая пчела, кромѣ длинныхъ ротовыхъ частей, располагаетъ на голени задней пары ногъ снаружи углубленіемъ, окруженнымъ щетинками, *корзиночкой*; первый членикъ заднихъ же лапокъ расширенъ и снутри усаженъ рядами щетинокъ, образуя собою такъ называемую щеточку. Какъ щеточка, такъ и корзиночка служатъ для собиранія цвѣтени. Самецъ или трутень массивной формы, съ широкимъ брюшкомъ, громадными соприкасающимися на серединѣ головы глазами и съ короткими частями рта. Весьма замѣчательно, что соты пчелъ строятся рабочими не изъ какого-либо посторонняго матеріала, а изъ выдѣленія кожныхъ железокъ собственнаго брюшка. Это фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что строительное искусство ульевой пчелы не могло выработаться по прямой линіи изъ строительнаго искусства рода Halictus. Тутъ связь только по аналогіи, а не генеалогическая. Это подтверждается и своеобразномъ отвѣснымъ расположеніемъ сотъ, составленныхъ, къ тому же, изъ двухъ пластовъ ячеекъ-антиподокъ

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА.

БУРЯ.

Надъ рѣчкою сонной,
Гдѣ меркнетъ лазурь—
Промчись изступленно
Дыханіе бурь!
Повсюду въ долинахъ
Стемнѣло отъ тучъ,
Лишь тамъ, на вершинахъ
Горитъ еще лучъ.

—

И своды унылы,
Какъ стѣны тюрьмы,
Здѣсь царство могилы,
Затишья и тьмы.
Ни шума, ни плеска
Нагорныхъ ключей,
Ни красокъ, ни блеска
Полдневныхъ лучей.

—

Пускай же громовый
Ударъ прогремитъ,
И силою новой
Тутъ все оживитъ:
Пусть пышно созрѣетъ
Подъ бурей посѣвъ,
Иль смертью повѣетъ
Карающій гнѣвъ!

Пер. **О. Н. Чюминой.**

„ПРОГРЕССЪ".

Очеркъ.

— А что, Павелъ Васильичъ, почему бы и намъ чего-нибудь не выставить?

— Какъ то-есть?..

— Да очень просто: выставочку устроить, хоть небольшую... Все-таки и мы не лыкомъ шиты... Не слѣдуетъ отставать...

— Научно-промышленную?—съ оттѣнкомъ ироніи спросилъ Павелъ Васильевичъ.

— Нѣтъ-съ... Какая тамъ наука-съ!.. Сельскохозяйственную... Губернія помѣщичья, есть все-таки и образцовыя хозяйства... У васъ, напримѣръ... А главное, чѣмъ же нибудь надо о себѣ заявлять?.. Этакъ мы вѣкъ въ загонѣ останемся... Люди хлопочутъ, у людей—желѣзныя дороги и всякій прогрессъ, а у насъ какъ было при Горохѣ, такъ и сейчасъ... Я вотъ третье четырехлѣтіе головой состою, а никакого прогресса не вижу... А почему?.. Поѣхалъ хлопотать... Представляюсь: градской, говорю, голова города Трущобинска... А на меня смотрятъ, глаза разинули, словно никогда и города-то такого не знали... Вѣточку, говорю, намъ желательно бы... Пріобщиться къ прогрессу... А они: какая тамъ вѣточка? Зачѣмъ?.. Нечего вамъ возить... А почему?.. Сидимъ —и о насъ ни слуху, ни духу!..

— Да...—задумчиво, выпуская изъ-подъ усовъ табачный дымокъ, произнесъ Павелъ Васильевичъ.—Наши хлопоты о подъѣздной вѣточкѣ не выгорѣли... Носъ!..

— А вамъ не дурно бы?.. а?.. Ваше имѣньице какъ разъ возлѣ вѣточки было бы... Сѣлъ, динь-динь-динь!.. тррр...

и пошла, пошла!.. Черезъ два-три часа дома, у законной супруги-съ!.. Хе-хе-хе!..

— Гм... да-а...

— Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ-съ, Павелъ Васильевичъ... Самимъ надо стараться... Такъ же и прогрессъ-съ!.. Его за хвостъ надо поймать, да еще стараться не выпустить! Хе-хе-хе!..

„Градской голова“ хлопнулъ предсѣдателя земской управы по колѣнкѣ и засмѣялся тѣмъ сытымъ смѣхомъ самодовольства и самоувѣренности, какимъ хохочутъ плутоватые пузатенькіе купчики...

Собесѣдники сидѣли въ укромномъ уголкѣ общественнаго сада, вблизи шумнаго ярко освѣщеннаго вокзала, утопавшаго въ зелени и казавшагося теперь какимъ-то сказочнымъ фантастическимъ зàмкомъ, храмомъ Вакха... Смѣхъ, говоръ, бряканье билліардныхъ шаровъ, хлопанье пробокъ, лязгъ ножей, звонъ посуды, оркестріонъ,—какая-то дикая оргія звуковъ вырывалась изъ раскрытыхъ, ослѣпительно яркихъ въ темнотѣ ночи оконъ вокзала...

Густая заросль акацій скрывала одинокій зеленый столикъ со скамеечкой. Здѣсь при розовомъ фонарикѣ, въ компаніи съ бутылкою портвейна, обоимъ собесѣдникамъ чувствовалось хорошо, свободно и уютно... Любопытный глазъ публики не проникалъ чрезъ густую стѣну акаціи, а между тѣмъ здѣсь прекрасно былъ слышенъ оркестръ военной музыки, черезъ каждые полчаса наигрывавшій польки, вальсы и отрывки изъ „Жизни за Царя“...

— А вы думали, прогрессъ-то самъ вамъ въ ротъ полѣзетъ?.. Дудки-съ!.. А вотъ устроимъ выставочку, а тамъ ночлежный домикъ-съ... Вы вотъ уже завели агрономовъ... Сколько про васъ писали?!. И пусть пишутъ!.. Пусть знаютъ, видятъ, помнятъ!!.

— Земство стѣснено... Сами знаете, какъ отразились на нашемъ бюджетѣ всѣ эти недороды, безкормицы...

— Пустяки!.. Богъ дастъ день, дастъ и деньги... Хе-хе-хе!.. Вамъ прикажете?

— Наливайте!..

Чокнувшись, собесѣдники отхлебнули по глотку винца и посмаковали его...

— Какъ будто немного кисловато?

— Да... есть... Окупится, Павелъ Васильевичъ!.. Городъ отъ себя дастъ тысченокъ пятнадцать-двадцать... За городъ я ручаюсь!.. Ну, земство — тысячъ пять... Вотъ и будетъ. Сборъ съ экспонентовъ, съ входныхъ билетовъ... Можно ресторанчикъ этакій уютный, веселенькій устроить... Хе-хе-хе!..

Трудно сказать, что заставляло купца Кленова такъ страстно желать выставки, но мысль о ней неотступно преслѣдовала его съ тѣхъ поръ, какъ онъ проѣздомъ побывалъ на выставкѣ въ городѣ Орлѣ. Очень можетъ быть, что Кленову хотѣлось славы, популярности, хотѣлось пофигурировать въ печати въ качествѣ „просвѣщеннаго дѣятеля“, а можетъ быть, имъ дѣйствительно руководило желаніе принести благо городу косвеннымъ путемъ, путемъ „напоминаній“ о себѣ... Какъ бы то ни было, а Кленовъ, какъ говорится, спалъ и видѣлъ выставку и рѣшительно изводилъ этой выставкой свою жену.

— А ты что, Θекла Степанидовна, выставишь?

— Будетъ тебѣ, охальникъ! Постыдись!.. Какая я тебѣ Степанидовна?..

— Возьму это я тебя подъ ручку и—на выставку! На другой день въ газетѣ: „вчера изволили посѣтить выставку нашъ уважаемый градской голова съ законной супругою своей...“

— А тебѣ и любо?..

— Подойдетъ это губернаторъ... Подъ козырекъ сдѣлаетъ... На мнѣ, конечно, цѣпь... Онъ честь не мнѣ, а знаку дѣлаетъ. Само собой и я тоже—„мое почтеніе!“

На сей разъ Никанору Ивановичу подвернулся предсѣдатель управы, и онъ, вмѣсто супруги, изводилъ выставкой предсѣдателя... Собесѣдники уже покончили съ бутылкой вина за разговорами о выставкѣ, но Никаноръ Иванычъ, не желая отпускать своей жертвы, потребовалъ новую бутылку...

— Постой, поговоримъ!—удерживалъ онъ собесѣдника, захмѣлѣвъ и незамѣтно переходя на „ты“.

Предсѣдатель, улучивъ минутку, сбѣжалъ.

„Градской голова“, пошатываясь, поплелся вдоль главной аллеи. Здѣсь онъ поймалъ репортера мѣстнаго „Листка“, фамильярно подхватилъ его подъ руку и повлекъ въ кусты акаціи.

— Хоть вы, дьяволы, только и знаете, что ругаетесь, а все-таки я печать уважаю и всегда готовъ...

— Я, Никаноръ Ивановичъ, съ дамами... Виноватъ!— попробовалъ отвертѣться репортеръ.

— Постой!.. Дѣло, значитъ, есть!.. Бабы не уйдутъ, всегда при тебѣ останутся...

Репортеръ печально шелъ за головой, но когда тотъ потянулъ его съ аллеи въ кусты,—инстинктивно отшатнулся и попятился:

— Куда же вы тащите?..

— Да постой!.. Думаешь, бить буду? Нѣтъ... Я не такой... Пиши, пожалуйста, ругайся сколько влѣзетъ, я жалиться по начальствамъ не полѣзу... Я печать все-таки уважаю...

— Садись!—тономъ безапелляціоннаго приказанія произнесъ голова, ткнувъ сотрудника мѣстной газетки на ту же самую лавочку, съ которой сбѣжалъ недавно предсѣдатель управы.

Затѣмъ голова налилъ въ стаканчики вина и произнесъ:

— Скажи „слава Богу!“

— Почему это?

— Заработокъ тебѣ будетъ... Вотъ ужъ попишешь всласть!.. отведешь душу... Теперь кажный день въ управу бѣгаешь да спрашиваешь „что новаго?“—а тогда, братъ, только писать поспѣвай!..

— Да что такое?

— Ну, выпьемъ спервоначалу!.. Будь здоровъ! Пиши, старайся, а ужъ мы тебя не забудемъ!..

Голова чокнулся съ репортеромъ и залпомъ выпилъ стаканчикъ.

Выпилъ и сотрудникъ.

— Какъ вы, газетчики, полагаете: выставка—полезная вещь?

— Еще бы!.. Конечно...

— Ругать того человѣка, который устроитъ эту самую вещь, можно?..

— Зачѣмъ же ругать непремѣнно?..

— Вотъ то-то и оно-то!..

— А что?

— Будетъ выставка!.. Вотъ тебѣ моя рука!.. Не быть мнѣ головой, если...

— Что же, прекрасно...

— Да ты что мнѣ говоришь „прекра-а-асно!“ Ты скажи: поддержитъ меня газета? Али тоже кастерить будетъ?.. На васъ не угодишь...

— Нашъ органъ всякое хорошее доброе дѣло поддерживаетъ... Не людей, а дѣло...

— А ты будетъ канитель-то разводить! Дѣло! Само̀, что-ли, дѣло-то сдѣлается? Чай, люди же его будутъ дѣлать?..

— Конечно, люди... гм...

— Давай руку!.. Хоть вы и лаетесь, а я для города всей душой... Мнѣ ничего не надо! Я и отъ жалованья, братъ, если захочу,—откажусь... Вотъ что! Я для прогресса всегда готовъ...

Дня чрезъ два послѣ описаннаго вечера, въ мѣстномъ „Листкѣ“ появилась первая замѣтка о предстоящей въ Трущобинскѣ сельскохозяйственной выставкѣ: „Мы слышали изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, что нашъ уважаемый городской голова Н. И. Кленовъ явился иниціаторомъ въ дѣлѣ устройства въ г. Трущобинскѣ первой сельскохозяйственной выставки. Завтра поговоримъ подробнѣе объ этомъ въ высшей степени симпатичномъ и полезномъ для края предпріятіи, дѣлающемъ честь нашему „отцу города“, а пока скажемъ только: въ добрый путь!“ Эта замѣтка такъ подбодрила голову, что онъ сейчасъ же послалъ за секретаремъ управы „Платонычемъ“,—какъ всѣ называли его заглаза,—и приступилъ къ дѣлу:

— Надо, Максимъ Платонычъ, докладецъ составить о выставкѣ... Только жалостнѣе, чтобы гласные не упирались... Чтобы вся польза отъ выставки на лицо была... А то народъ прижимистый... Двадцать тысячъ просить надо...

— Можно...

— Сможешь-ли?.. А то попроси-ка газетчика, который къ намъ за справками ходитъ... Онъ здо̀рово, складно пишетъ. Я могу заплатить,—дѣло полезное...

— Самъ справлюсь...

— Нѣтъ, позови, братецъ!.. Онъ собаку на этомъ съѣлъ... Противъ него не сможешь...

Затѣмъ голова объѣхалъ всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ гласныхъ и заручился ихъ полнымъ согласіемъ вотировать за выставку, что было, впрочемъ, совсѣмъ нетрудно, такъ какъ каждый изъ этихъ гласныхъ имѣлъ что̀ выставить...

Цѣлый годъ г. Трущобинскъ готовился къ открытію выставки... Разговоры частные и общественные, рѣчи съ безчисленнымъ количествомъ словъ: прогрессъ, культура, цивилизація, благо народа и т. д., цѣлый рядъ статей въ „Листкѣ“ съ эпиграфомъ:

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!»

Всѣ говорили, читали и писали о томъ великомъ общественномъ значеніи, которое имѣютъ всѣ выставки вообще и какое предстоящая трущобинская будетъ имѣть въ особенности... Дѣльцы набили языки, повторяя заученныя фразы объ общественной роли выставки, ея умственномъ и нравственномъ значеніи для цѣлой области, вліяніи на самосознаніе ея жителей и т. д.

Слушая всѣ эти толки, можно было подумать, что предстоящая въ Трущобинскѣ выставка облагодѣтельствуетъ цѣлый край, а мужики этого края сразу поумнѣютъ, будутъ высоконравственными, перестанутъ бить своихъ бабъ, не станутъ ходить въ кабаки, всѣ разбогатѣютъ и станутъ исправными „плательщиками“...

И вотъ, выставка приходила къ нимъ на помощь: здѣсь можно было узнать, что пахать слѣдуетъ вовсе не двурогой деревянной сохою, а желѣзнымъ плугомъ; что вмѣсто того, чтобы сыпать хлѣбъ на землю при жнитвѣ, гнуть въ дугу спины и тратить такъ много времени попусту,—можно употреблять въ дѣло жнею: она чисто сожнетъ, и въ снопы свяжетъ, и зерна не выльетъ... Здѣсь можно было узнать, что худыя съ поджарыми боками и обглоданными хвостами коровы и лошади—хуже породистыхъ тирольскихъ коровъ и заводскихъ жеребцовъ... Вообще, здѣсь было можно многое увидѣть, узнать и очень многому поучиться...

Послѣ годовой подготовки выставка отпраздновала торжество своего открытія...

Это былъ,—выражаясь языкомъ мѣстнаго „Листка“,— „мѣстный праздникъ въ честь человѣческаго ума, такъ ус-

пѣшно расширяющаго свое могущество надъ непокорными силами природы и ея враждебныхъ человѣку стихій..."

Различные „успѣхи" въ различныхъ отрастяхъ хозяйства и промышленности, прогрессы и прогрессики всяческихъ сортовъ переполняли всѣ уголки красивыхъ выставочныхъ павильоновъ и витринъ... Тутъ были и новоизобрѣтенная машина, которая сама сѣяла, сама жала, молотила и чуть-чуть только не пекла хлѣбныхъ караваевъ; тутъ были и усовершенствованныя породы крупнаго и мелкаго домашняго скота: свинья необъятныхъ размѣровъ, еле-еле волочущая свою жирную тушу, гордый величественный рысакъ и тучная корова; были сѣмена хлѣбныхъ породъ: американскій овесъ, царская рожь, королевскій ячмень и т. д.

Отслужили благодарственный Господу Богу молебенъ, и разноцвѣтные флаги взвились на высокихъ жердяхъ надъ павильонами. Какой-то членъ выставочной коммиссіи произнесъ подобающую случаю рѣчь, которая тянулась около двухъ часовъ времени и утомила всѣхъ присутствовавшихъ до головной боли. Въ этой рѣчи ораторъ, главнымъ образомъ, указывалъ на значеніе совершающагося событія въ экономической жизни края и всѣхъ его жителей...

Затѣмъ грянулъ оркестръ военной музыки и наступило общее ликованіе.

Задолго до открытія въ г. Трущобинскѣ выставки староста села „Подгорное" Миронъ Матвѣевъ, по распоряженію волостного писаря, созвалъ сходъ. Время было рабочее, горячее, поэтому согнать народъ было не легко...

Миронъ ходилъ по дворамъ и постукивалъ подожкомъ въ оконницы:

— Эй! Григорій!.. Кто дома есть?

Поднимается оконница и выставляется по поясъ мальчуганъ лѣтъ восьми:

— Тятьки нѣту-ти, дяденька... На полѣ...

— Обѣдъ понесешь ему?

— Понесу... Скоро побѣгу: ты гляди, гдѣ солнышко-то?!..

— Накажи отцу, чтобы на сходъ утресь приходилъ, чтобы не уходилъ на поле! Изъ губерніи, скажи, такая гумага пришла насчетъ нашего брата... Оченно важное, скажи, дѣло.

— Ладно скажу...

— Мотри не забудь! Такъ и скажи: гумага пришла... изъ губерніи...

Оконница захлопывалась, а Миронъ шелъ дальше.

— Эй! Кто есть?..

— Чаво тебѣ?—отвѣчаетъ чей-то больной недовольный голосъ...

— Отворь! Надо!

Изъ окна выставляется рѣденькая бороденка клинышкомъ.

— А, ты, Кузьма, дома!...

— Дома, Миронъ Матвѣичъ... Лихоманка замучила... Измаялся...

— Вотъ что, Кузьма: на сходъ надо завтра!..

— А что?..

— Изъ губерніи бумага пришла... Писарь читалъ ее,—только я что-то не совсѣмъ раскумекалъ...

— Дай Богъ! Знать смилостивился Господь Милосердный!..

— Такъ приходи завтра утресь!..

— Какъ-нибудь приплетусь... Можетъ полегче станетъ, отпуститъ...

Такъ Миронъ обошелъ всѣ порядки и вездѣ сообщилъ о бумагѣ изъ губерніи.

Вѣсть объ этой бумагѣ изъ села пошла гулять по полямъ.

На другой день большинство подгорновцевъ были дома и съ ранняго утра толкались на улицахъ, разсуждая о „гумагѣ изъ губерніи". Насчетъ значенія послѣдней дѣлались самыя невѣроятныя предположенія.

— Поблажка сказываютъ... Сѣмянъ, баютъ, выдадутъ и протчее...

— Нѣтъ, для че сѣмянъ?! Чай, я слышалъ, какъ писарь съ урядникомъ говорили... Насчетъ скотины чего-то. Видно, выдавать скотину хотятъ...

— Это ужъ на что лучше бы! Каку-бы нибудь кляченку мнѣ выдали!.. Эхъ! мнѣ никакъ невозможно...

— На сходъ!..—закричалъ Миронъ, выйдя на крыльцо сборной избы.

Подгорновцы галопомъ поскакали туда и сбились въ стадо густой массою...

Изъ избы вышелъ урядникъ. Мужики скинули шапки.

Урядникъ властнымъ окомъ окинулъ собраніе, крякнулъ и началъ читать бумагу. Подгорновцы съ напряженнымъ вниманіемъ слушали эту завѣтную бумагу, боясь пропустить мимо ушей хоть одно слово ея...

Въ бумагѣ предписывалось объявить по волости, что такого-то числа, мѣсяца и года въ Трущобинскѣ открывается выставка; далѣе въ пяти-десяти словахъ выяснялось великое значеніе этой выставки для всего края, затѣмъ приглашались въ качествѣ экспонентовъ желающіе кустари крестьяне...

Чтеніе окончилось, а подгорновцы стояли молча, съ разинутыми ртами и пожирали глазами урядника... Ничего изъ этой бумаги они не поняли; уразумѣли только отдѣльныя слова и выраженія: „сельское хозяйство“, „рогатый скотъ“, „улучшенныя породы зерноваго хлѣба“, „выгоды“, „награды“.

— Поняли?—прикрикнулъ урядникъ.

Всѣ молчали. Одни почесывали въ затылкахъ, другіе довольно улыбались и поглаживали свои бороды, третьи—стояли съ устремленными въ землю взорами.

— Поняли? Ну ты, лысый?.. Понялъ?..

— Мы что же... Какъ міръ... Міръ спроси!..

— Да ты-то понялъ?..

— Я-то?.. знамо понялъ... Только что же я?.. Другихъ спрашивай!..

Урядникъ плюнулъ и началъ объяснять:

— Открывается выставка, черти сиволапые... Выставятъ всякую тебѣ штуку: машину, скотину, сѣмена, рожь тамъ, овесъ... и протчее... того... какъ приказано... Теперь—кустари... Гм... Кто у васъ кустарь?.. Выходи впередъ!..

Всѣ стояли молча, переглядываясь другъ съ другомъ.

— Ты, Рябой, вѣдь этимъ дѣломъ займаться?—спросилъ, наконецъ, одинъ изъ мужиковъ своего сосѣда, ткнувъ его кулакомъ подъ бокъ.

— Я-то?..

— Ты кусты сажалъ?..

— Разсадилъ дѣвствительно... Хочу садикъ развести...

Рябой выдвинулся впередъ, но принялъ такую позу, словно стоялъ на готовѣ и при малѣйшей опасности намѣревался юркнуть въ толпу.

— Еще кто? Есть? Выходите!..—командовалъ урядникъ.

Но больше никто не вышелъ.

— Ты кустарь?—спросилъ урядникъ Рябого.

— Немного баловался...

— Чѣмъ?

— Кусточки люблю, садикъ хочу развести...

Урядникъ нахмурился...

— А больше никого нѣтъ?

— Нѣту-ти, ваше благородіе, больше!..

— Никого... Одинъ—Рябой!..

— Ну, одного нечего и считать... Не стоитъ...—тихо замѣтилъ урядникъ и громко добавилъ:

— Такъ вотъ, о всемъ вышеизложенномъ я вамъ и объявляю для свѣдѣнія и руководства... Больше ничего! Можете расходиться!..

И, еще разъ строго-начальнически оглянувъ толпу, урядникъ ушелъ въ избу, а подгорновцы все еще продолжали стоять въ какомъ-то оцѣпенѣніи... Среди нихъ поднялся вдругъ невообразимый хаосъ: всѣ заговорили разомъ... Нѣкоторые такъ просто горланили, ни къ кому не обращаясь, другіе успѣли уже вступить въ споръ и ругань...

— Будетъ галдѣть!.. Сказано—расходиться!—сердито закричалъ урядникъ чрезъ раскрытое окно...

Толпа стала разбредаться, переругиваясь на ходу...

Цѣлый день подгорновцы волновались и спорили о томъ, принесетъ ли прочитанная бумага убытокъ міру, или ее надо считать за поблажку.

Миронъ, со словъ урядника, къ которому его посылало „обчество“, объяснилъ, что никакого вреда отъ бумаги не будетъ, какъ не будетъ и никакихъ поблажекъ; объяснялъ, что „все это только такъ, одна, значитъ, прокламація, и больше ничего,—приказано объявить и все тутъ!“..

Но старики думали про себя, что тутъ что-то не такъ, въ ихъ сѣдыя головы закралось смутное подозрѣніе... Старики ворчали и недовольно сплевывали въ сторону:

— Гумага... Ты пойми ее, эту гумагу,—вотъ оно что! Для чего-нибудь да прислано же... Не зря же?..

— Это вѣрно... Зачѣмъ зря гумагу марать?!.. Тоже приказано объявить... А если приказано, значитъ есть въ ей, въ гумагѣ-то, что-нибудь...

Дѣло дошло до того, что и самъ Миронъ началъ сомнѣваться и подозрѣвать, что урядникъ „что-нибудь не такъ“...

Прошло около мѣсяца, а подгорновцы все еще не могли успокоиться...

Между тѣмъ въ Трущобинскѣ открылась выставка и въ село Подгорное стали доноситься о ней смутные толки. Ѣздившая въ городъ заштатная престарѣлая просвирня наговорила дома цѣлую кучу небылицъ, которыя окончательно взбаламутили подгорновцевъ. Опять стали толковать о томъ, какъ бы не проворонить поблажку, что приказано объявить,— значитъ есть къ тому причина, что не будутъ зря бумагу марать и т. д.

Подгорновцы рѣшили послать въ городъ ходока, поручивши ему разслѣдовать дѣло обстоятельно, пораспрошать начальство, что и какъ, куда слѣдуетъ прошеніе подавать о сѣменахъ и куда о скотинѣ, гдѣ награду получить, а также и „о протчемъ“... Потому, не спроста это...

Выборъ палъ на старика Назара Петрова, человѣка бывалаго и надежнаго... Собрали съ міру десять цѣлковыхъ и отправили Назара въ городъ.

Назаръ вздѣлъ на плечи котомку, привязалъ на подожекъ лапотки, попрощался съ односельцами и, помолившись на храмъ Божій, двинулся...

— Счастливо!..

— Постарайся!..

— Будемъ стараться... Господь милостивъ...

Человѣкъ онъ былъ толковый, въ городѣ бывалъ нѣсколько разъ, поэтому Назару не пришлось блуждать здѣсь, какъ въ лѣсу.

Переночевавъ въ ночлежномъ домѣ, Назаръ умылся, причесался, помолился и отправился по начальству. Назаръ довѣрялъ только самому „первому начальству“,— поэтому онъ махнулъ прямо къ губернатору.

— Ты куда лѣзешь?—встрѣтилъ его у дверей параднаго подъѣзда полицейскій.

— Сами у себя будутъ?

— Кто?

— Губернаторъ!..

— А что?

— Надо покалякать!—нахмуривъ сѣдыя брови, отвѣтилъ Назаръ.

Какъ ни протестовалъ полицейскій, Назаръ взялъ свое и добился личнаго свиданія... Объясненіе было краткое, выразительное, не допускающее превратныхъ толкованій...

Оказалось, урядникъ говорилъ правильно, что все это такъ и что ждать ни дурного, ни хорошаго не приходится...

Время шло подъ вечеръ. Назаръ рѣшилъ переночевать, а завтра чуть-свѣтъ двинуться въ обратный путь. Оставалось нѣсколько часовъ времени, которое было некуда дѣвать. Поэтому, Назаръ и надумалъ посмотрѣть, что это за штука—выставка?..

Добрался Назаръ до громадной городской площади, гдѣ высились красивыя выставочныя зданія съ развѣвавшимися на вершинахъ флагами...

Музыка гудѣла съ страшнымъ одушевленіемъ, всѣхъ болѣе горячился турецкій барабанъ...

— Экъ его бухаетъ какъ здорово!..—подумалъ Назаръ про барабанъ.

Около входа, разукрашеннаго прекрасными тріумфальными воротами, толкалась масса горожанъ... Около маленькаго окошечка кассы происходила страшная давка... Въ воздухѣ мелькали руки, зонтики, шляпы...

Назаръ не струсилъ:

— А мы нешто не люди?.. Надо посмотрѣть...

Онъ безцеременно растолкалъ локтями публику, протерся къ тріумфальнымъ воротамъ и смѣло двинулся дальше.

— Билетъ вашъ?

— Билетъ?.. Можно... Вотъ онъ, изволь-смотри!

Назаръ полѣзъ за пазуху и вытащилъ грязный засаленный паспортъ.

— Не этотъ билетъ, а для входа... Надо сперва деньги за входъ заплатить!..

— Деньги?.. А много-ль?

— Двадцать копѣекъ!..

— Ну, такъ я лучше ужо! Лишнихъ денегъ, голубчикъ, нѣтъ...

Назаръ протискался обратно. Онъ скоро сообразилъ, что можно посмотрѣть и не плативши двугривеннаго... Забравшись на зады одной изъ построекъ, онъ приложился глазомъ къ дырѣ, образовавшейся въ доскѣ отъ выпавшаго сучка, и сталъ разсматривать.

Передъ его взорами открывался не особенно привлекательный видъ.

Назаръ усмотрѣлъ часть хлѣвушка и сидѣвшихъ въ немъ свиней... Неудобство наблюденій черезъ дырочку не позволяло ему видѣть животныхъ во всей ихъ красѣ, и Назаръ обозрѣвалъ ихъ по частямъ: то промелькнетъ передъ его глазомъ свиной задъ съ маленькимъ хвостикомъ-закорючкой, то ухо съ мордой и „пятачкомъ", то двѣ ноги... Тѣмъ не менѣе, Назаръ составилъ въ своемъ воображеніи полный рисунокъ свиньи.

— Ну и боровъ!..—время отъ времени шептали губы Назара, и онъ никакъ не могъ оторваться отъ дыры...

Наконецъ, будочникъ далъ Назару по шеѣ, и онъ вспомнилъ, что пора идти на ночевку...

— Пошелъ! Морду набью!—прикрикнулъ на него будочникъ.

— Ну и боровъ!..—твердилъ себѣ Назаръ...

Во снѣ Назару снился все тотъ же боровъ. Нѣсколько разъ Назаръ просыпался и сердито отплевывался:

— Фу ты, Боже мой!.. Такъ въ глаза и лѣзетъ, окаянный!

Назаръ крестился и опять засыпалъ, но боровъ снова являлся во снѣ, принимая все болѣе и болѣе необъятные размѣры...

Какъ только по селу пошла вѣсть, что Назаръ изъ городу воротился, къ его избѣ стали подходить группы односельчанъ.

— Что Назаръ, какъ наши дѣла?

— Зря ходилъ... Урядникъ правильно говорилъ... Такъ, для проформы...

— Самъ губернаторъ баилъ?

— Самъ... Я его вотъ какъ видѣлъ: вплоть!..

Подгорновцы печально опустили головы и вздыхали. А

когда они спрашивали, что дѣлается въ городѣ и что за штука эта выставка, Назаръ одушевлялся и начиналъ разсказывать:

— Борова, напримѣръ, показываютъ... Ну, дьяволъ его заѣшь, сколь годовъ на свѣтѣ живу, а такого лѣшаго не видывалъ!.. Право!.. Тамъ, значитъ, музыка гудётъ, развлекаются... Ну, и боровъ! Ахъ ты, окаянная сила!..

— А насчетъ наградъ какъ же?..

— Каки награды!.. Спрашивалъ я... Вотъ этому самому борову, дьяволъ его задави, и дадутъ, баютъ, награду!..

— Ну?.. Что городишь!!..

— Кто ихъ знатъ: мнѣ такъ въ городу сказывали... Борову... этому самому... золоту медаль, баютъ... Ахъ, ѣшь ихъ мухи съ комарами!..

И всѣ покатывались со смѣху, не смотря на горькое разочарованіе...

А Назаръ, разсказывая о выставкѣ, всегда сбивался на борова... Выставка и боровъ въ его представленіи, а затѣмъ и въ представленіи всѣхъ подгорновцевъ, соединились въ одно цѣлое, нераздѣльное...

Евгеній Чириковъ.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ГЕРМАНІИ И АНГЛІИ.

Л. Гижицкой.

Чтобы составить болѣе или менѣе ясное представленіе о женскомъ движеніи въ отдѣльныхъ странахъ, нужно прежде всего уяснить общія причины возникновенія его. Оно не можетъ быть названо искусственнымъ явленіемъ, созданнымъ фанатическими агитаторами, какъ часто утверждаютъ его противники, но представляетъ необходимый продуктъ общественнаго развитія. Если мы указываемъ на отдѣльныя историческія эпохи, къ которымъ можетъ быть отнесено его начало, то мы не хотимъ этимъ сказать, что въ такомъ-то году, въ такой-то день оно появилось на свѣтъ, подобно Аѳинѣ, вышедшей во всеоружіи изъ головы Юпитера; а только, что именно въ то время экономическое и культурное развитіе настолько подвинулось, что это движеніе стало видимымъ для историческаго наблюденія. И когда мы называемъ нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ дѣятелями и мучениками этого движенія, то мы не предполагаемъ, что они внезапно провозгласили идею о равноправности половъ; мы признаемъ только, что они были первыми, которые нашли слова для выраженія мыслей и чувствъ многихъ тысячъ другихъ людей.

Зародыши женскаго движенія могутъ быть найдены и въ древнее время, и въ средніе вѣка. Въ эпоху возрожденія женщины занимали каѳедры въ знаменитѣйшихъ университетахъ Италіи и Испаніи, и это доказываетъ, что они добились этой мужской прерогативы и, конечно, должны были бороться за нее, хотя въ то время еще не было организованной борьбы за право, распространяющееся на всѣхъ, и борьба велась отдѣльными личностями, добивающимися личныхъ цѣлей. Во всѣхъ культурныхъ государствахъ на соотвѣтствующей ступени развитія мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Его нельзя объяснять исключительно тѣмъ, что выдающіяся натуры силой прокладывали себѣ

путь къ новымъ занятіямъ; въ значительной степени оно объясняется и тѣмъ, что кухня, прялка и ткацкій станокъ перестали быть исключительной собственностью каждой семьи, и дочери не находили себѣ больше занятія въ маленькомъ промышленномъ хозяйствѣ семьи. Каждая работа, которая вырывалась изъ рукъ хозяйки дома и ея дочерей, ознаменовывала собою дальнѣйшій шагъ женскаго движенія, проявляющагося равномѣрно во всѣхъ культурныхъ государствахъ.

Такимъ образомъ, развитіе промышленности и все яснѣе выступающій впередъ принципъ раздѣленія труда, вызвали къ жизни женское движеніе, и даже неразрывная связь съ общимъ соціальнымъ движеніемъ яснѣе всего обнаруживается въ томъ, что требованія его обыкновенно провозглашались при общественныхъ переворотахъ. Уже во время англійскихъ движеній XVII вѣка женщины начали требовать себѣ права вліянія на управленіе государствомъ. Насколько мнѣ извѣстно, первой большой петиціей, подписанной женщинами и обращенной къ законодательному учрежденію, является петиція англійскихъ женщинъ въ 1643 г., которая была ими подана въ такъ называемый «долгій парламентъ», и въ которой онѣ требовали возстановленія мира въ виду экономическаго раззоренія страны *). Вторая женская петиція была подана Людовику XVI. Эта петиція просила о томъ, «чтобы мужчины не отнимали у женщинъ присвоенныхъ ими занятій, какъ шитье, вышиваніе, дѣланіе шляпъ... Мы хотимъ образовываться и имѣть занятія», говорилось далѣе въ петиціи, «не для того, чтобы узурпировать мужское господство, а потому, что хотимъ быть уважаемыми и имѣть обезпеченное занятіе на случай, если насъ постигнетъ несчастіе» **). Скромный языкъ и робкія требованія этой петиціи, конечно, оказались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Защитникомъ полной равноправности половъ выступилъ маркизъ Кондорсе, который, въ то время, какъ народъ былъ охваченъ энтузіазмомъ къ «всеобщимъ правамъ человѣка», заговорилъ и о правахъ женщинъ въ своихъ «Lettres d'un bourgeois de New-Haven à un citoyen de Virginie» ***). Его позднѣйшая статья о предоставленіи женщинамъ гражданскихъ правъ, породила движеніе среди современныхъ ему женщинъ. Движеніе это выразилось въ извѣстной декларацiи Olympe de Gouge—«Declaration des droits des femmes». Вскорѣ послѣ этого женщины подали національному собранію петицію, въ которой выставлялись слѣдующія требова-

*) Cobbets Parliamentary History of England, Lond. 1809, vol. II, s. 160.
**) A. Lefaure: «Le socialisme pendant la Révolution», p. 122.
***) Oeuvres complètes, Paris 1804, p. 19—21.

нія: «1) Всѣ привиллегіи мужчинъ должны быть совершенно устранены по всей Франціи и на всѣ времена. 2) Женщины должны пользоваться той же свободой, тѣми же преимуществами, тѣми же правами и тѣми же почестями, какъ и мужчины» *). Онѣ всегда находились тамъ, гдѣ нужно было бороться за справедливость. Въ 1830 г. мадамъ де-Мошанъ, поддерживаемая такими людьми, какъ Жанэнъ и Шатобріанъ, обратилась къ Луи-Филиппу съ адресомъ, въ которомъ говорилось: «qu'il est roi des françaises comme il est roi des français» (что онъ король француженокъ, также какъ и французовъ).

Мысли распространяются съ удивительной быстротой, которая не можетъ быть превзойдена никакой механической силой. Одновременно съ Кондорсе о женскихъ правахъ заговорила Мэри Уольстонкрафтъ въ своемъ сочиненіи «Vindication of the rights of women» («защита правъ женщинъ»). Англичане горячо возстали противъ ея «французскихъ идей», которыя, однако, развились на совершенно англійской почвѣ. Въ Англіи уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ самостоятельныя женщины допускались къ участію въ выборахъ, и только въ 1739 г. женщинамъ была запрещена подача голосовъ. И «французскія идеи» не удалось искоренить. Онѣ все болѣе и болѣе укрѣплялись въ умахъ свободнаго островного народа, пока, наконецъ, не получили своего полнаго выраженія въ сочиненіяхъ Бентама, Милля, Спенсера и др.

Первая петиція о женскомъ избирательномъ правѣ была подана въ палату общинъ въ 1832 г. и была поддерживаема сэромъ Робертомъ Пилемъ. Вскорѣ послѣ этого Іеремія Бентамъ высказался за равноправность женщинъ; за нимъ послѣдовалъ Герб. Спенсеръ. Вышедшая спустя нѣсколько лѣтъ книга Милля «О подчиненности женщинъ» сдѣлалась классической книгой женскаго движенія. Еще большее значеніе въ этомъ смыслѣ имѣла его рѣчь, сказанная 20 мая 1867 г., въ которой онъ предлагалъ включить въ списки избирателей всѣхъ женщинъ, уплачивающихъ налоги. Послѣ цѣлаго ряда рѣзкихъ возраженій противъ аргументовъ противниковъ, которые и до сихъ поръ еще не утратили своей популярности, онъ перешелъ къ защитѣ своего проекта и замѣтилъ, что съ принятіемъ его «законъ не будетъ болѣе отрицать за женщинами способности заниматься серьезными вещами, и торжественно провозглашать, что ихъ взгляды и желанія по отношенію къ такимъ явленіямъ, которыя касаются ихъ также близко, а иногда и гораздо ближе, чѣмъ мужчинъ,—не заслуживаютъ никакого вни-

*) Dan. Sterne «Histoire de la Révolution de 1848», p. 379.

манія. Онѣ не стояли бы больше на одной ступени съ дѣтьми, сумасшедшими и преступниками и не считались бы неспособными выражать свою волю, на томъ основаніи, что другіе все рѣшаютъ за нихъ, не спрашивая ихъ мнѣнія. Если въ настоящее время изъ двадцати тысячъ женщинъ только одна въ состояніи воспользоваться избирательнымъ правомъ, то оно всетаки должно быть дано всѣмъ. Даже такое, почти теоретическое, освобожденіе сняло бы съ нихъ тотъ гнетъ, который мѣшаетъ имъ проявлять свои способности» *). Его предложеніе было отвергнуто 194 голосами противъ 73. Съ тѣхъ поръ въ парламентъ представлялись тысячи петицій, покрытыя сотнями тысячъ подписей, и на послѣднихъ, чрезвычайно продолжительныхъ дебатахъ въ 1892 г., которые были открыты консервативнымъ депутатомъ сэромъ Альбертомъ Роллитомъ, явившимся защитникомъ женскаго права подачи голосовъ, этотъ законопроектъ былъ отвергнутъ незначительнымъ большинствомъ 19 голосовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ борьба женщинъ за избирательныя права уже увѣнчалась успѣхомъ. Въ штатахъ Віомингѣ, Колорадо, Утахѣ и въ Новой Зеландіи женщины уже пользуются политическими правами. Къ особенно интереснымъ результатамъ это привело въ Новой Зеландіи. Въ своемъ интервью съ корреспондентомъ «Westminster Gazette», одинъ изъ министровъ Новой Зеландіи, м-ръ Ривъ, заявилъ слѣдующее: «Большинство женщинъ было на сторонѣ передовой партіи. Введеніе женской подачи голосовъ во всемъ мірѣ чрезвычайно подвинетъ прогрессъ коллективизма, такъ какъ женщины имѣютъ менѣе всего основаній быть довольными современнымъ строемъ. Даже наименѣе умныя и умѣлыя среди нихъ вездѣ чувствуютъ на себѣ гнетъ соціальныхъ и экономическихъ условій, и поэтому, всѣ ихъ симпатіи принадлежатъ тѣмъ, кто старается измѣнить эти условія». Здѣсь мы опять-таки наталкиваемся на тѣсную связь, существующую между женскимъ и рабочимъ движеніями. Другимъ, чрезвычайно убѣдительнымъ доказательствомъ того же самаго служитъ тотъ фактъ, что успѣхи женскаго движенія во всѣхъ областяхъ бывали особенно блестящи тамъ, гдѣ на первый планъ выдвигалось требованіе политической равноправности. Для всего прогрессивнаго движенія новѣйшаго времени всеобщее избирательное право точно также было исходнымъ пунктомъ и ключемъ ко всѣмъ другимъ правамъ и вольностямъ. Мы видимъ, что въ Америкѣ, гдѣ борьба за женское избирательное право ведется въ теченіе десятилѣтій съ громадной энергіей

*) Ср. Parliamentary Reports. 1892.

и съ поражающими затратами силъ, времени и денегъ, гимназіи и университеты открыты для женщинъ, женщины занимаютъ мѣста въ городскихъ и школьныхъ управленіяхъ, въ судахъ и госпиталяхъ, въ церквахъ и на университетскихъ каѳедрахъ. Мы видимъ, что въ Англіи женщины исполняютъ должности врачей, коммунальныхъ чиновниковъ, фабричныхъ инспекторовъ, полицейскихъ коммиссаровъ. Во Франціи онѣ являются въ качествѣ студентокъ, врачей, ассистентовъ фабричныхъ инспекторовъ, полноправныхъ избирателей въ торговыя палаты. А между тѣмъ, въ другой большой культурной странѣ, въ которой назначеніе женщины опредѣляется словами поэта:

...Sie flechten und weben
Himmlishe Rosen ins irdische Leben *),

гдѣ онѣ сидятъ дома въ качестнѣ «домовитыхъ хозяекъ», и мужчина одинъ выходитъ на борьбу за существованіе—въ этой странѣ шумъ общественной жизни рѣдко проникалъ сквозь дубовыя двери домашняго святилища и свѣтъ новаго времени съ трудомъ проникалъ туда черезъ створчатыя ставни.

Женское движеніе въ Германіи имѣетъ совершенно особый отпечатокъ. Нигдѣ женщины не были такъ мало уважаемы, какъ въ германскихъ земляхъ, и нигдѣ онѣ такъ мало не чувствовали этого. Начиная отъ миннезенгеровъ и до настоящаго времени, женщинъ закармливали сладостями лести и въ концѣ-концовъ до такой степени испортили ихъ вкусъ, что имъ теперь трудно привыкнуть къ здоровой пищѣ.

Германскія женщины, болѣе чѣмъ женщины всѣхъ другихъ націй, напоминаютъ рабынь Греціи и Рима. Онѣ являются частью рабынями труда, частью—рабынями наслажденія. Гавеллокъ Еллисъ доказываетъ, что «женщина можетъ считаться піонеромъ и творцомъ всякой промышленности» **). Съ того момента, какъ мужчина впервые бросилъ у входа въ ея пещеру, вигвамъ или хижину убитаго имъ звѣря, и она стала обтачивать камень, чтобы воспользоваться имъ, какъ ножомъ,—она выступила первымъ работникомъ промышленности. Чѣмъ тверже была земля, предоставленная ей для обработки, пока мужъ отправлялся на войну или на охоту, тѣмъ тяжелѣе дѣлалась ея доля, тѣмъ болѣе ей приходилось гнуть шею. Такъ какъ ей постоянно приходилось обращать взоры къ землѣ, то взглядъ ея тускнѣлъ и сила духа слабѣла.

Уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ вопросъ о допущеніи жен-

---

*) Они рвутъ и вплетаютъ райскія розы въ земную жизнь

**) Havellock Ellis: «Man and Woman».

щинъ къ высшимъ профессіямъ не разъ обсуждался въ литературѣ. Тогда еще серьезно приходилось бороться съ широко-распространеннымъ мнѣніемъ, будто женщина—не человѣкъ, и лишь послѣ того, какъ смѣлые борцы, вродѣ Андреаса Шоппіуса и Бальтазара Вэнделя изощряли все свое остроуміе для опроверженія этого взгляда, «ученой женщинѣ» удалось выступить изъ своей тихой дѣвической свѣтелки на арену общественной жизни. Не только принцессы, но и простыя дворянки и даже представительницы буржуазіи—по большей части дочери ученыхъ, прославились своими знаніями. Въ одномъ изъ сочиненій, появившихся въ 1707 г., высказывается даже предложеніе объ устройствѣ германской «женской академіи» (Jungfern-Akademie), въ виду того, что «дѣвицамъ еще нельзя посовѣтовать учиться въ коллегіяхъ вмѣстѣ съ господами студентами». Въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій этотъ планъ постоянно снова выплывалъ на поверхность и обсуждался съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. До выполненія его дѣло не дошло, но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается *), что въ то время во многихъ мѣстностяхъ университеты были открыты для женщинъ. Такъ, нѣкая Анна-Кристина Еренфридъ фонъ-Бальтазаръ, «бакалавръ» Грейфсвальда, чрезвычайно восхваляется своими современниками за ея выдающіяся познанія. Но всѣ эти единичныя усилія не служатъ еще симптомами сильнаго соціальнаго движенія, они могутъ быть названы скорѣе его предвѣстниками.

Германія, впрочемъ, тоже имѣла своего Кондорсе, голосъ котораго, конечно, точно также остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Теодоръ Готфридъ фонъ-Гиппель, первый поборникъ женской равноправности въ Германіи, былъ уроженцемъ Восточной Пруссіи, какъ и Кантъ, и въ одно время съ нимъ проживалъ въ старомъ городѣ Кёнигсбергѣ. Его остроумныя сатиры и философскія размышленія, которыя онъ умѣлъ облекать въ самую привлекательную форму и съ помощью которыхъ онъ дѣлалъ понятнымъ для большой публики содержаніе тяжеловѣсныхъ періодовъ Канта, доставили ему почетное мѣсто въ исторіи литературы. Но германскія женщины забыли его, хотя онъ болѣе всякаго другого заслуживалъ бы памяти съ ихъ стороны. Въ единственномъ историческомъ сочиненіи о женскомъ движеніи въ Европѣ **), которое заключаетъ основательныя изслѣдованія этого вопроса въ разныхъ странахъ, собранныя и изданныя Теод. Стантономъ, три

*) См. Steinhausen.

**) The Woman question in Europe. Edited by Theod. Stanton. Lond. 1884.

нѣмецкіе автора, участвовавшіе въ немъ, даже не упомянули его имени. Да оно и понятно. Слишкомъ ужъ обидно было бы констатировать, что въ 1792 г. знатный нѣмецкій дворянинъ предлагалъ уравненіе женскихъ правъ совершенно въ томъ же объемѣ, какой въ настоящее время, т.-е. спустя 100 лѣтъ, предлагается только наиболѣе передовыми дѣятелями, и при этомъ признать, что до сихъ поръ ни одно изъ его предложеній не получило еще осуществленія. Его книга объ «Улучшеніи гражданскаго положенія женщинъ» смѣло можетъ быть поставлена рядомъ съ сочиненіями Кондорсе и Милля. Съ большой проницательностью и остроуміемъ опровергаетъ онъ всѣ доводы, которые могутъ быть выставлены противъ. Онъ хочетъ отвоевать женщинамъ судебныя мѣста, каѳедры и пр.; но наиболѣе важнымъ представляется ему допущеніе ихъ къ участію въ государственномъ управленіи. По его мнѣнію, «можно быть увѣреннымъ, что тогда мы имѣли бы меньше тирановъ, которые съ удовольствіемъ смотрятъ на работу бѣдняковъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни, или бросаютъ соломенки тѣмъ, которые борются съ житейскими волнами; меньше кровопійцъ, которые, съ одной стороны, тщательно отмѣриваютъ каждый кусокъ, а съ другой—безо всякой мѣры и цѣли расточаютъ потъ и кровь своихъ подданныхъ, и начинаютъ свое управленіе грабежами».

Гиппель писалъ эти строки въ вѣкъ французской революціи, и авторъ статьи о женскомъ движеніи въ Германіи, въ вышеупомянутой книгѣ Стантона, въ слѣдующихъ строкахъ констатируетъ фактъ революціоннаго происхожденія женскаго движенія. «Многія прекрасныя реформы встрѣчали въ Германіи упорное и долгое сопротивленіе, потому что онѣ считались продуктами революціи 1789 г., и вслѣдствіе этого несчастного происхожденія, и женское движеніе, подъ названіемъ «женской эманципаціи», тоже попало въ немилость. Значеніе, которое придавалось этому слову, служило главнымъ камнемъ преткновенія на нашемъ пути».

Нѣмецкія женщины прилагали всѣ усилія, чтобы заставить позабыть объ этомъ происхожденіи женскаго движенія. Онѣ боролись по большей части не за освобожденіе женщинъ отъ политическихъ, соціальныхъ и правовыхъ оковъ, а за обезпеченіе жизни одинокихъ женщинъ. Безъ сомнѣнія, борьба изъ-за этой цѣли такъ же входитъ въ составъ общаго женскаго движенія, и достиженіе ея будетъ имѣть огромное значеніе; но несомнѣнно также, что одна эта цѣль никогда не можетъ быть достигнута и что одностороннее стремленіе къ ней неизбѣжно сводитъ все движеніе съ прямого пути.

О знаменитомъ милліонѣ избыточныхъ женщинъ въ Германіи уже было говорено безъ конца. Нѣмецкія защитницы женскихъ правъ постоянно ссылались на этотъ милліонъ, и съ этой стороны философъ безсознательнаго, Гартманъ, былъ не совсѣмъ неправъ, когда онъ замѣнялъ слово «женскій вопросъ» словомъ «дѣвическій вопросъ» (Jungfernfrage). Въ дѣйствительности, одиноко стоящихъ женщинъ въ Германіи гораздо больше милліона, потому что около 10% мужчинъ остаются холостыми, и, кромѣ того, многія разведенныя и овдовѣвшія женщины также остаются одинокими; по переписи 1882 г. въ Германіи оказывается ни болѣе, ни менѣе, какъ 5½ милліоновъ незамужнихъ женщинъ. Какое значеніе имѣетъ заработокъ для такихъ женщинъ, можно видѣть изъ того, что изъ 1.000 работающихъ женщинъ 800 оказываются незамужними (въ это число входятъ также разведенныя жены и вдовы).

Въ то время, какъ во Франціи, въ Англіи и въ Америкѣ женское движеніе сразу приняло революціонную окраску и защитники ея, во имя справедливости и торжественно провозглашенныхъ всеобщихъ правъ человѣка, выступили за полную равноправность женщинъ, въ Германіи женское движеніе поставило себѣ болѣе узкую цѣль: доставленіе женщинамъ доступа къ высшимъ профессіямъ. Выразителемъ этого движенія явился «Всеобщій германскій женскій союзъ» (Allgemeiner deutsher Frauenferein), основанный въ 1865 г. въ Лейпцигѣ. Уже самый фактъ основанія его долженъ сдѣлать незабвеннымъ имя его первой предсѣдательницы Луизы Отто-Петерсъ. Она принимала участіе въ движеніи 1848 г., и впослѣдствіи раздѣлила общую судьбу нѣмецкаго либерализма, который былъ воплощеніемъ нѣмецкой свободомыслящей буржуазіи и въ настоящее время въ значительной степени является воплощеніемъ нѣмецкаго филистерства.

«Всеобщій германскій женскій, союзъ» заявилъ въ своей программѣ, «что трудъ является обязанностью и честью для женщинъ», и выступилъ въ защиту «права на трудъ» для женщинъ. Своей задачей онъ ставилъ «всѣми силами содѣйствовать высшему образованію женщинъ и освобожденію женскаго труда отъ всѣхъ препятствій». Его тридцатилѣтняя исторія имѣетъ огромный интересъ для изученія развитія женскаго движенія въ Германіи. Въ первые годы его существованія изъ его среды исходили не только петиціи о допущеніи женщинъ къ службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ и на телеграфѣ, но члены его интересовались также и судьбой фабричныхъ работницъ, такъ что возникали даже особые женскіе союзы, ставившіе задачей повышеніе заработной платы на фабрикахъ; но затѣмъ, съ теченіемъ времени, онъ все болѣе и болѣе

превращался въ союзъ женщинъ изъ средняго класса, хлопочущихъ только о себѣ. Еще въ сентябрѣ 1883 г. одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе радикальныхъ членовъ союза, Маріанна Менцеръ выступила съ рѣчью о положеніи женщинъ, занятыхъ ручнымъ трудомъ, и вмѣстѣ съ графинею Гюльомъ-Шакъ внесла предложеніе объ организаціи женскаго ремесленнаго союза. Но это было последней энергичной попыткой «Всеобщаго женскаго союза» вступиться за права угнетаемыхъ женщинъ-работницъ. Съ тѣхъ поръ союзъ рѣшительно вступилъ на другой путь. Одной изъ причинъ этого была все растущая боязнь нѣмецкой буржуазіи передъ рабочей партіей, которая внесла въ свою программу требованіе женской равноправности. Маріанна Менцеръ, которая, будучи уже 80-ти-лѣтней старухой, съ юношескимъ жаромъ защищала свои взгляды, когда небольшая кучка нѣмецкихъ женщинъ подала свою петицію для протеста противъ недавняго проекта исключительныхъ законовъ,—вышла изъ состава совѣта «Союза», а графиня Гюльомъ Шакъ, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ найти поддержу своимъ планамъ у какой-либо изъ буржуазныхъ партій, присоединилась къ рабочей партіи.

Очень характернымъ для женскаго движенія въ Германіи является образованіе «Союза нѣмецкихъ женскихъ обществъ» и общее собраніе «Всеобщаго женскаго союза», состоявшееся въ октябрѣ 1895 г. Ганна Биберъ-Бёмъ заимствовала у женскаго конгресса въ Чикаго идею національнаго союза всѣхъ женскихъ обществъ, который долженъ находиться въ сношеніяхъ съ такими-же національными союзами въ другихъ странахъ. Всѣ эти національные союзы должны быть объединены въ общій интернаціональный союзъ. Представительницы всѣхъ націй должны были встрѣчаться каждые два года на конгрессахъ и обсуждать свои общіе интересы. Устройство нѣмецкаго союза было поручено вліятельнымъ женщинамъ, стоящимъ во главѣ Всеобщаго германскаго женскаго союза, и предсѣдательница уже въ своей вступительной рѣчи при открытіи засѣданія, посвященнаго обсужденію этого вопроса, послѣ многихъ прекрасныхъ словъ о единеніи, братствѣ и пр., заявила, что соціалъ-демократическіе союзы работницъ не должны входить въ составъ предполагаемаго національнаго женскаго союза. Среди многочисленныхъ присутствовавшихъ делегатокъ нашлись только четыре женщины, которыя возстали противъ этого рѣшенія. На будущемъ интернаціональномъ женскомъ конгрессѣ въ Лондонѣ, вѣроятно, предстоитъ интересное зрѣлище: тамъ будутъ засѣдать представительницы нѣмецкихъ учительницъ, студентки, завѣдующія дѣтскими садами, даже экономки и

завѣдующія хозяйствомъ, но страданія, борьба и надежды женскаго рабочаго сословія в Германіи будутъ игнорироваться, также какъ они игнорировались на общемъ собраніи «Всеобщаго женскаго союза». Буржуазная пресса разсыпалась въ восхваленіяхъ по поводу умѣреннаго тона ораторшъ, одна изъ которыхъ слѣдующимъ образомъ высказала господствующее убѣжденіе большинства: «Всѣ политико-соціальныя теоріи должны разбиться при столкновеніи съ нѣжной чувствительностью женской души, и нѣмецкое женское движеніе всегда будетъ оказывать имъ самое энергичное сопротивленіе».

Итакъ, коллективизмъ долженъ потерпѣть крушеніе при столкновеніи съ женскимъ движеніемъ въ Германіи. Нѣкоторыя явленія какъ бы служатъ подтвержденіемъ этого взгляда. Недавно еще жены «нуждающихся» шлезвигскихъ аграріевъ подали министру сельскаго хозяйства петицію, въ которой, между прочимъ, стояло слѣдующее: «если рабочій раньше, при болѣе низкой заработной платѣ, могъ платить на два пфеннига больше за свой хлѣбъ, то почему онъ не можетъ дѣлать того же теперь, при повышенной заработной платѣ? Для рабочаго было бы даже большой нравственной выгодой, если бы хлѣбъ стоилъ дороже, потому что тогда у него оставалось бы поменьше денегъ для водки, которою они такъ злоупотребляютъ, и благодаря которой ихъ грубость и безнравственность все усиливается и дѣлается опасной для государства».

Чтобы оцѣнить значеніе женскаго движенія въ Германіи, мы должны прежде всего поставить вопросъ: какихъ положительныхъ результатовъ оно достигло? Такъ какъ въ Германіи женское движеніе часто смѣшивается съ благотворительностью, то отвѣтить на этотъ вопросъ будетъ не легко. Убѣжища для женщинъ, дѣтей и работницъ, дѣтскіе сады, лѣчебныя станціи, народныя кухни, даровые юридическіе совѣты и пр. имѣютъ столь же мало отношенія къ женскому движенію, какъ рабочія колоніи, пріюты для бездомныхъ, и пр.—къ рабочему движенію. Несомнѣнно, что нѣмецкія женщины сдѣлали очень многое въ области благотворительности, хотя они еще очень далеки отъ того, что сдѣлано въ этомъ же направленіи англійскими женщинами. Если же исключить всѣ благотворительныя учрежденія, то останутся крайне ничтожные результаты. Они сведутся къ допущенію женщинъ на службу въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ; къ основанію женскихъ гимназій въ Карлсруэ, Берлинѣ и Лейпцигѣ, и къ разрѣшенію учительницамъ держать экзаменъ на старшую учительницу. Болѣе передовая группа женщинъ, постепенно выдѣлившаяся изъ

«Всеобщаго нѣмецкаго женскаго союза» и теперь все болѣе и болѣе выступающая на первый планъ, занялась организацiей приказчицъ въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ и устраиваетъ среди нихъ общества взаимопомощи. Этой группѣ удалось даже увлечь за собою «Союзъ нѣмецкихъ женскихъ обществъ», который рѣшился выступить съ петиціей и ходатайствовать о назначеніи женщинъ фабричными инспекторами, объ измѣненіи юридическаго положенія женщины, и о нѣкоторыхъ другихъ вещахъ.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Англіи.

Весною 1895 г., я присутствовала въ Лондонѣ при открытіи «Союза англійскихъ женскихъ обществъ». Въ числѣ делегатокъ находились представительницы консервативной «Примрозъ-Лиги», также какъ представительницы различныхъ организацій работницъ. М-съ Эми Гиксъ, швея по занятію, слѣдующимъ образомъ охарактеризовала собранію положеніе своихъ товарокъ: «Мы, работницы», говорила она, «болѣе всѣхъ остальныхъ умѣемъ цѣнить все значеніе объединенія. Мы лично не нуждаемся въ новомъ Союзѣ, потому что мы и такъ чувствуемъ свое единеніе со всѣми работающими женщинами, со всѣмъ рабочимъ классомъ». Тѣмъ не менѣе, она, отъ имени союзовъ работницъ, выразила готовность присоединиться къ вновь возникающему женскому Союзу, потому что онѣ надѣются и здѣсь работать на пользу общаго рабочаго движенія. И женщина, которая рѣшилась выступить съ такой рѣчью, была единогласно избрана въ члены совѣта новаго Союза.

Вскорѣ послѣ этого мнѣ удалось наблюдать за приготовленіями англійскихъ женщинъ къ парламентскимъ выборамъ. Въ бюро союзовъ женскихъ избирательныхъ правъ, — а такихъ союзовъ въ Великобританіи нѣсколько сотъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ партіямъ и насчитывающихъ сотни тысячъ членовъ,—развивалась лихорадочная дѣятельность. Рядомъ съ приставленными къ этому дѣлу лицами работали и добровольныя помощницы. Молодыя дѣвушки и старыя женщины старались перещеголять другъ друга своимъ рвеніемъ. На улицахъ раздавались листки и брошюры, въ концертныхъ залахъ, часовняхъ, трактирныхъ залахъ и даже на открытомъ воздухѣ говорились рѣчи, которыя, по страстности выраженія и убѣдительности доказательствъ, смѣло могли бы выдержать сравненіе съ рѣчами мужчинъ. Нѣкоторыя женщины, въ примитивныхъ экипажахъ, напоминающихъ цыганскія телѣги, разъѣзжали изъ деревни въ деревню, гдѣ онѣ останавливались на площадяхъ и говорили рѣчи передъ собравшейся толпой. Элегантныя лэди и жены про-

стыхъ буржуа оспаривали другъ у друга первенство въ подготовкѣ выборовъ, — въ своихъ округахъ онѣ ходили изъ квартиры въ квартиру и старались каждаго отдѣльнаго избирателя, по возможности, расположить въ пользу кандидата своей партіи. Для такой работы требуется нетолько обстоятельное знакомство съ наиболѣе важными политическими вопросами, но и вѣрное пониманіе потребностей, желаній и условій жизни тѣхъ, къ кому обращаются съ убѣжденіями.

Другого рода дѣятельность мнѣ пришлось видѣть въ Лондонѣ, въ одномъ изъ вліятельныхъ учрежденій городского самоуправленія, въ которомъ женщины обладаютъ активными и пассивными избирательными правами. Отдѣленіе Св. Панкратія, съ которымъ я успѣла ближе познакомиться, обнимаетъ одинъ изъ округовъ Лондона съ 45.000 жителей. Оно пользуется правомъ самостоятельно назначать торговыхъ и санитарныхъ инспекторовъ, завѣдуетъ улицами, освѣщеніемъ, общественными прачечными, водопроводами, домами для бѣдныхъ, и пр. Оно имѣетъ право, по просьбѣ небольшого количества гражданъ, заставить уничтожить цѣлыя части города, неудовлетворительныя въ санитарномъ отношеніи. Среди членовъ «вестріи»—отдѣленія (ихъ было окола ста),—засѣдала одна женщина, молодая ирландка. Когда я пришла, она какъ разъ представила собранію проектъ объ уничтоженіи одной изъ грязныхъ, глухихъ улицъ Св. Панкратія и предлагала устроить тамъ дома для рабочихъ по новому плану, выработанному ею совмѣстно съ архитекторомъ. Никто изъ мужчинъ не могъ превзойти ее въ знаніи дѣла и умѣніи говорить, что признавалось всѣми, и одинъ изъ членовъ высказалъ даже мнѣніе, что «миссъ Фицпатрикъ дѣлаетъ для округа больше, чѣмъ мы всѣ вмѣстѣ взятые до сихъ поръ сдѣлали».

Всюду, гдѣ женщины занимаютъ общественныя должности, приходится слышать такія мнѣнія. Что это не однѣ пустыя фразы, доказывается тѣмъ, что при каждыхъ новыхъ выборахъ въ школьные совѣты, попечительства о бѣдныхъ, вестріи и приходскіе совѣты возрастаетъ число нетолько женщинъ - избирателей, но и женщинъ, избираемыхъ на различныя должности. Такъ, со времени лѣта 1895 г., 900 женщинъ состоятъ попечителями бѣдныхъ. Въ каждомъ школьномъ совѣтѣ непремѣнно засѣдаетъ женщина, да нерѣдко она и предсѣдательствуетъ въ немъ.

Благодаря неутомимой агитаціи англійскихъ женщинъ, во главѣ которыхъ стояла миссъ Балгарни, было достигнуто назначеніе женщинъ полицейскими чиновниками (подъ именемъ полицейскихъ матронъ) въ крупнѣйшихъ городахъ Англіи. Въ послѣдніе

дни своего министерскаго поста м-ръ Асквитъ писалъ миссъ Балгарни, что всѣ женщины, сидящія въ тюрьмѣ, будутъ отданы въ вѣдѣніе полицейскихъ матронъ, которымъ будетъ предоставлено исключительное право посѣщать ихъ, и пр. Но самымъ большимъ успѣхомъ англійскаго рабочаго движенія кажется мнѣ—назначеніе женскихъ фабричныхъ инспекторовъ и женскихъ чиновниковъ въ министерствѣ труда.

Когда въ коммиссіи прусской палаты депутатовъ обсуждался вопросъ о назначеніи женщинъ ремесленными инспекторами, то это дѣло было отложено, вслѣдствіе, будто бы, отсутствія матеріаловъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ женскіе фабричные инспектора уже существуютъ. Между тѣмъ, Асквитъ неоднократно въ своихъ оффиціальныхъ рѣчахъ высказывалъ, что правительство довольно дѣятельностью женскихъ инспекторовъ, и даже ежегодно высказывается за увеличеніе числа ихъ. Даже при самомъ бѣгломъ сравненіи отчетовъ англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ съ нѣмецкими бросается въ глаза, что для изслѣдованія и наблюденія за женскимъ трудомъ необходимо назначеніе женщинъ-чиновниковъ. Отчеты англійскихъ женщинъ-инспекторовъ *) отличаются объективностью, полной откровенностью и энергіей въ преслѣдованіи того, что онѣ считаютъ необходимымъ. Благодаря довѣрію, съ которымъ къ нимъ относятся работницы, онѣ получаютъ свѣдѣнія объ ихъ домашнихъ отношеніяхъ, недоступныя для мужчинъ. Главный инспекторъ въ своемъ отчетѣ съ особенной похвалой отзывается объ ихъ успѣшной борьбѣ съ *Schwitz system* **). Онъ говоритъ: «ихъ попытки оказали несомнѣнное вліяніе на строгое проведеніе закона и доказали, насколько онѣ пригодны для возложенной на нихъ работы». Англійскій фабричный законъ ставитъ также частныя мастерскія, напр., модныя мастерскія, подъ охрану фабричныхъ инспекторовъ, и въ этомъ направленіи женщины-инспекторы тоже проявили очень энергическую дѣятельность: ихъ отчетъ о чрезмѣрной работѣ портнихъ въ субботніе вечера (перепечатанный потомъ во всѣхъ газетахъ), которая мотивировалась хозяйками мастерскихъ тѣмъ, что ихъ знатныя заказчицы требуютъ новыхъ платьевъ для воскресной обѣдни, произвелъ большую сенсацію и не остался безъ вліянія на заказчицъ, а слѣдовательно, и на работницъ.

Объ успѣшной дѣятельности женщинъ въ министерствѣ труда также существуютъ опубликованныя свѣдѣнія. Послѣднее стати-

*) См. Report of the Chief Inspector of Factories and Workshops for the Year 1894.

**) «Система выжиманія пота», т. е. посредствомъ непосильной работы.

стическое изслѣдованіе миссъ Клары Коллетъ о работницахъ Англіи и Уэльса *) даетъ такія точныя свѣдѣнія о заработной платѣ, возрастѣ и семейномъ положеніи работницъ, что было бы чрезвычайно интересно сопоставить эти данныя съ такими же данными, касающимися нѣмецкихъ работницъ, но, къ сожалѣнію, по отношенію къ Германіи такого матеріала нѣтъ. У насъ имѣются только отдѣльныя указанія, дѣлаемыя нашими фабричными инспекторами на положеніе женщинъ-работницъ, или частныя изслѣдованія, которыя не могутъ быть удовлетворительными, вслѣдствіе недостатка средствъ и силъ.

Среди многочисленныхъ частныхъ учрежденій, возникшихъ на почвѣ англійскаго женскаго движенія, мы укажемъ только одно, которое во многихъ отношеніяхъ является чрезвычайно характернымъ. Это—центральное общество женскаго труда, основанное только въ прошломъ году и дѣйствующее въ Лондонѣ и въ Глазго. Основателями, руководителями и сотрудниками этого общества являются мужчины и женщины, принадлежащіе къ самымъ различнымъ политическимъ и соціальнымъ направленіямъ. Дѣятельность ихъ распредѣляется по различнымъ коммиссіямъ и заключается въ изслѣдованіи женскаго труда, въ особенности въ такъ-называемой «домашней промышленности», которая въ Англіи точно также почти совсѣмъ не подлежитъ правительственному надзору. Члены его производятъ опросы на мѣстѣ, собираютъ матеріалы и стараются выяснить работницамъ выгоды организаціи.

Очевидно, что сравненіе между женскимъ движеніемъ въ Англіи и въ Германіи говоритъ не въ пользу послѣдняго. Но до сихъ поръ мы разсматривали только то женское движеніе, которое исходитъ изъ высшихъ классовъ. Успѣхи его въ Англіи находятся въ связи со всѣмъ свободнымъ развитіемъ этой страны, которая уже съ XIII вѣка имѣетъ демократическое правительство, въ буржуазіи которой до сихъ поръ еще течетъ кровь Кромвелля. Если же мы обратимся къ современной Германіи съ ея милитаризмомъ, подавляющимъ желѣзною рукою всякія проявленія свободы, которыя тотъ или иной идеалистъ старается привить на германской почвѣ, то неуспѣхъ женскаго движенія станетъ намъ вполнѣ понятнымъ. Для англичанина, который, въ качествѣ свободнаго гражданина, изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкъ участвовать въ законодательствѣ страны, было логической необходимостью признать и за женщиной гражданскія права; между тѣмъ

*) См. Report on the Statistics of Employment of Women and Girls. 1895. (Publications of the Labour Department of the Board of Trade).

какъ нѣмецъ еще долженъ привыкать къ тому, «чтобы смѣть свое сужденіе имѣть», потому что прежде онъ былъ пріученъ только къ молчанію и послушанію. Какъ же можно отъ него требовать признанія правъ за женщиной, которая по отношенію къ нему занимаетъ такое же положеніе, какое самъ онъ еще недавно занималъ по отношенію къ своимъ повелителямъ? Другой причиной медленнаго развитія женскаго движенія въ Германіи является отрицательное отношеніе общества къ рабочей партіи, которая внесла равноправность половъ въ свою программу. Буржуазному женскому движенію пришлось рѣшать дилемму: или примкнуть въ этомъ вопросѣ къ рабочей партіи и широкой дорогой идти съ нею рука въ руку къ общей цѣли, или же отказаться отъ этой цѣли и свернуть на какую-нибудь боковую тропинку. Оно избрало послѣдній путь. Поэтому, въ Германіи представительницей соціальной стороны женскаго движенія является рабочая партія. Въ другихъ странахъ, напр., въ Англіи, необходимость женской равноправности давно уже признана всѣми, и защитники ея вербуются изъ самыхъ различныхъ слоевъ общества; между тѣмъ какъ въ Германіи эта роль принадлежитъ исключительно рабочей партіи.

Вошло въ обычай восхвалять рыцарскія сердца германцевъ, которые во времена Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде и Вольфрама фонъ-Эшенбаха подвергались всевозможнымъ опасностямъ и вступали въ борьбу изъ-за своихъ герцогинь. Но еще болѣе достойны удивленія современные потомки ихъ слугъ и крестьянъ, которые дружно ведутъ борьбу за освобожденіе всѣхъ женщинъ. На брюссельскомъ интернаціональномъ рабочемъ конгрессѣ 1891 г. нѣмецкіе рабочіе внесли предложеніе, чтобы ихъ собратья во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ обязались бороться «за предоставленіе женщинамъ одинаковыхъ правъ съ мужчиной, какъ въ области права, такъ и въ области политики». Когда, 13-го февраля 1895 г., въ германскомъ рейхстагѣ въ первый разъ обсуждался вопросъ о политическихъ правахъ женщины, то вопросъ этотъ былъ возбужденъ не петиціей интеллигентныхъ женщинъ, а заявленіемъ, вышедшимъ изъ рабочей среды.

Рабочій, который обыкновенно стоитъ на одномъ уровнѣ развитія съ работницей, который учится вмѣстѣ съ нею въ одной и той же народной школѣ, который потомъ работаетъ рядомъ съ нею въ полѣ или на фабрикѣ, и, женившись, дѣлитъ съ нею и труды и лишенія,—рабочій естественно долженъ былъ включить въ программу борьбы и борьбу за женскую равноправность. Онъ стоитъ въ данномъ случаѣ не на почвѣ абстрактныхъ теорій, а

на почвѣ реальныхъ фактовъ дѣйствительности. Доказательствомъ можетъ служить борьба за законодательную охрану женскаго труда въ Англіи.. Рабочіе стояли за нее, а либеральные женскіе союзы всѣми силами агитировали противъ предполагавшагося закона, будто бы подрывавшаго индивидуальную свободу.

Въ Англіи въ настоящее время получила большое развитіе организація рабочихъ по роду ихъ занятій. Въ 1893 г. тамъ было уже 29 женскихъ рабочихъ союзовъ, въ которыхъ состояло 5.116 членовъ. Кромѣ того, 82.362 работницы входятъ въ составъ смѣшанныхъ союзовъ, въ которыхъ членами состоятъ и мужчины, и женщины *). По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, въ Соединенномъ Королевствѣ числится 5.081.495 работающихъ женщинъ; по сравненію съ этой цифрой, число организованныхъ женщинъ представляется не особенно внушительнымъ. Но если мы сравнимъ его съ цифровыми данными относительно Германіи, то у насъ получится другое впечатлѣніе: въ Германіи работающихъ женщинъ числится 5.541.000, и изъ нихъ только 5.251 состоятъ членами рабочихъ организацій. При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ составъ рабочихъ союзовъ входятъ, главнымъ образомъ, промышленные рабочіе и работницы. Напримѣръ, полъ-милліона женскихъ служащихъ (прислуга, приказчицы и пр.) не имѣютъ еще никакой организаціи, не говоря уже о 2½ милліонахъ нѣмецкихъ женщинъ, занятыхъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ.

Въ Англіи въ настоящее время дѣлаются попытки организовать многочисленныхъ женщинъ, занятыхъ въ молочномъ производствѣ; нѣкоторыя представительницы женскаго движенія занимаются также объединеніемъ домашней прислуги. Въ обѣихъ этихъ отрасляхъ дѣятельности можетъ быть рѣчь только объ исключительно женскихъ союзахъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда мужчины и женщины совмѣстно работаютъ въ какой-нибудь отрасли производства, предпочитаются смѣшанные союзы. Женскіе союзы, по большей части, или терпѣли неудачу, или превращались въ союзы взаимопомощи, развлеченія и самообразованія, не имѣвшія никакого вліянія на условія труда работницъ. Во главѣ стояли, обыкновенно, дамы изъ общества, которыя—отчасти искренно желая сдѣлать что-нибудь полезное, отчасти же просто слѣдуя модѣ—обучаютъ работницъ пѣнію, игрѣ въ теннисъ, плаванію и другимъ видамъ спорта. Какъ мало эти дѣятельницы вникаютъ въ положеніе работницъ и въ соціальныя условія ихъ жизни, видно хотя бы изъ приведеннаго уже мною факта, что почти всѣ либе-

*) Ср. «The 7 Report an Trade Unions». 1895.

ральные женскіе союзы агитировали противъ законодательной охраны женскаго труда, а во главѣ этихъ союзовъ стояли такія энергичныя защитницы женскихъ политическихъ правъ, какъ лэди Карлейль, м-съ Фауссетъ и др. На смѣшанные англійскіе рабочіе союзы буржуазный элементъ также оказалъ вредное дѣйствіе. Англичане съ гордостью указываютъ на работницъ ткацкой промышленности, которыя добились «за равную работу равной платы» съ мужчинами, но все-таки мы не должны вдаваться въ односторонняя восхваленія англійскихъ условій. Борьба за улучшеніе положенія рабочаго класса оттѣснила тамъ на второй планъ политическую борьбу. Послѣдніе выборы въ парламентъ доказали слабость и разъединенность англійской рабочей партіи. Усиленная дѣятельность женщинъ изъ высшихъ классовъ, отличающихся своей просвѣщенностью и передовымъ образомъ мыслей, въ рабочей средѣ привела къ тому, что въ работницахъ еще слабо развито классовое сознаніе и чувство своей солидарности. Въ общемъ, англійскія работницы все-таки уступаютъ нѣмецкимъ по развитію и политическому интересу, и лишь очень немногія изъ дѣятельницъ и ораторшъ выходятъ изъ среды самихъ работницъ. Въ Германіи же, наоборотъ, организація работающихъ женщинъ является всецѣло дѣломъ ихъ самихъ и ихъ товарищей-мужчинъ. За исключеніемъ Гиршъ-Дункеровскихъ союзовъ, въ которыхъ участвовало, сравнительно, мало женщинъ, и немногочисленныхъ благотворительныхъ союзовъ, всѣ женскіе рабочіе союзы представляютъ созданія нѣмецкой рабочей партіи. Между женскимъ рабочимъ движеніемъ и женскимъ движеніемъ вообще въ Германіи не существуетъ никакой внѣшней связи; они какъ будто игнорируютъ тотъ фактъ, что желанія ихъ, въ большинствѣ случаевъ, сходятся, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о назначеніи женщинъ фабричными инспекторами, объ измѣненіи юридическаго положенія женщины, и пр.

Но женщины-работницы идутъ дальше. Онѣ понимаютъ, что когда нѣмецкія женщины откроютъ себѣ доступъ ко всѣмъ мужскимъ профессіямъ, когда онѣ добьются равноправности съ мужчинами и получатъ активныя и пассивныя избирательныя права, то женскій вопросъ въ Германіи еще не будетъ рѣшенъ, также какъ онъ не рѣшенъ еще въ другихъ странахъ, гдѣ женщины уже добились всѣхъ этихъ правъ. Онѣ понимаютъ, что женскій вопросъ составляетъ лишь часть вопроса соціальнаго и можетъ быть разрѣшенъ только вмѣстѣ съ нимъ.

Пер. съ нѣмец. **Л. Давыдова.**

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго **В. Чепинскаго**.

*(Продолженіе *).*

26-го августа, дорогой въ Миннеаполисъ.

Мѣстность не скована прошлымъ, не было надобности отрѣшаться отъ прежней формы капитала для того, чтобы ввести новую, улучшенную форму его. Человѣкъ селился въ исторической пустынѣ и сразу устроилъ себѣ самыя лучшія приспособленія. Вотъ почему электрическія желѣзныя дороги тянутся отъ Сентъ-Поля во всѣхъ направленіяхъ. На такомъ именно поѣздѣ, спеціально для насъ предназначенномъ, ѣдемъ мы изъ этого послѣдняго города въ Миннеаполисъ. Проѣхавъ мимо послѣднихъ рядовъ домиковъ, мы очутились на проселочной дорогѣ, которая своимъ пескомъ напоминаетъ лѣсныя дороги въ мазурской области Вислы; но здѣсь на пескѣ проложены рельсы, и по нимъ двигаются поѣзда электрической желѣзной дороги.

Еще десять минутъ—и мы очутились среди уличнаго грохота и шума. Лѣтъ 50 тому назадъ, тутъ была еще совершенная пустыня. Еще живо воспоминаніе о началѣ города. Да иначе и не можетъ быть, такъ какъ въ числѣ гражданъ есть еще старичекъ, который первый поселился въ этомъ мѣстѣ. Исторія Миннеаполиса подобна стремительному потоку. «Она такъ же интересна, какъ романъ!» читаю я въ альбомѣ. Развитіе города—это развитіе огромнаго желудка, который, помощью своихъ рукъ—желѣзныхъ дорогъ—стягиваетъ къ себѣ земледѣльческіе урожаи цѣлыхъ степей пшеницы, куда мы теперь направляемся. Въ настоящее время Миннеаполисъ — самый большой хлѣбный рынокъ на зем-

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1896 г.

номъ шарѣ! Мельницы его, по словамъ мѣстныхъ обывателей, представляютъ восьмое чудо свѣта; изъ нихъ одна, самая большая, производитъ столько муки, что могла бы удовлетворить потребности шести такихъ городовъ, какъ Варшава. Развитіе города началось, главнымъ образомъ, съ 1870 года, т.-е. съ того именно времени, когда появилась хлѣбная конкурренція. Мучной городъ—Flour city—дитя такой конкурренціи, онъ разросся благодаря зерну и мукѣ и благодаря имъ составилъ свои милліоны.

Но Миннеаполисъ — очагъ не одной только хлѣбной торговли. Въ его стѣнахъ свилъ себѣ гнѣздо огромный, прожорливый паукъ—крупный биржевой ростовщикъ-посредникъ, который опуталъ своей паутиной фермеровъ. Какіе заговоры составляются на миннеаполисской биржѣ, какими средствами обыкновенно увеличивается дань, уплачиваемая земледѣльцами, какіе налоги взимаетъ биржевой царекъ со всѣхъ потребителей—чтобы изучить все это, надо просидѣть въ мучномъ городѣ цѣлые годы. Скоро мы очутились въ святилищѣ паука и черезъ нѣсколько минутъ будемъ торжественно приняты! Онъ будетъ и нашимъ проводникомъ на далекихъ поляхъ Дакоты, гдѣ трудятся высасываемыя имъ мухи. Но все будетъ имѣть праздничный видъ, даже мухи будутъ пѣть паукамъ хвалебные гимны. У меня есть нѣкоторое основаніе подозрѣвать, что мы сами играемъ здѣсь роль своего рода приманки.

26-го августа, Миннеаполисъ.

Мы въ главномъ залѣ мѣстной биржи. Ораторъ, одинъ изъ царьковъ капитала, привѣтствуетъ насъ отъ имени города. Рѣчь его вполнѣ согласуется съ американскими обычаями. Онъ разсказываетъ, чѣмъ былъ когда-то Миннеаполисъ и что́ представляетъ онъ въ настоящее время. Хвастовство его на первыхъ порахъ поражаетъ наше европейское ухо. Оно и понятно! Всякіе гимны вродѣ тѣхъ, какіе раздаются теперь, у насъ были бы плохой и нелѣпой лестью, такъ какъ она была бы фальшива и незаслуженна. Но гражданинъ заморской республики находится въ иномъ положеніи. На американской сторонѣ Атлантическаго океана самохвальство не есть проявленіе пустого самомнѣнія, прикрывающаго свое ничтожество фальшивыми перьями, а есть лишь въ грубой формѣ высказанное сознаніе дѣйствительной силы и величія. Миннеаполису есть чѣмъ гордиться! Биржа, которая по случаю нашего пріема, съ часъ назадъ, пріостановила свою дѣятельность, представляетъ самый могущественный на всемъ земномъ шарѣ пульсъ хлѣбной торговли. Ораторъ не преминулъ

подчеркнуть то обстоятельство, что привѣтствуетъ насъ въ храмѣ самыхъ богатыхъ жрецовъ хлѣбной Мамоны, указалъ и на размѣры пшеничнаго потока, который съ далекаго Запада многочисленными руслами вливается въ мѣстные элеваторы и мельницы, чтобы изъ этого скопища расплыться по всему бѣлому свѣту. Милліоны, десятки, сотни милліоновъ звенятъ въ рѣчи, словно основной аккордъ мелодіи. Ораторъ заканчиваетъ свое привѣтствіе выраженіемъ надежды, что ни одинъ изъ гостей не будетъ чувствовать себя чужимъ въ стѣнахъ Миннеаполиса, возникшаго изъ смѣшенія самыхъ разнообразныхъ народовъ, и видящаго залогъ своего величія въ общемъ братствѣ.

Въ залѣ страшная давка—такая давка, что легкимъ не хватаетъ воздуха. На карандашъ напрашиваются разныя мелочи американской жизни, которыя могли бы довести мандариновъ этикета до полнаго отчаянія. То одинъ, то другой гражданинъ Миннеаполиса взбирается на столъ и оттуда разсматриваютъ насъ, со шляпой на головѣ. А вотъ еще одинъ, занявъ такую же позицію, направилъ на насъ фотографическій аппаратъ; другой черезъ плечи заглядываетъ намъ въ лицо, смотрю—рисуетъ на насъ каррикатуры и какъ разъ одному изъ самыхъ почтенныхъ «членовъ нашей экскурсіи», негодующему на «сапожническія» манеры американцевъ, придалъ черты, мало согласующіяся съ важностью,—очевидно, почуялъ въ немъ врага американской культуры. До слуха доносится стукъ телеграфнаго аппарата, который дѣйствуетъ безостановочно—вѣдь биржа, хотя и остановила свою дѣятельность, но не вѣдаетъ перерыва, когда дѣло идетъ объ обращеніи ея соковъ. Свобода полнѣйшая.

Никто не спрашиваетъ, разрѣшается ли ему присутствовать? Всѣ тѣснятся, ломятся, стараясь занять мѣсто передъ лицомъ оратора, всякій хватаетъ насъ за рукавъ и щупаетъ матеріалъ нашего платья или—безъ всякаго на то позволенія—срисовываетъ наши физіономіи. Ораторовъ прерываютъ рукоплесканія, которыя иной разъ звучатъ очень странно: кто-то, повидимому въ знакъ радости, лаетъ по собачьи.

Наконецъ, пріемъ кончился. Публика расходится, а мы разглядываемъ разложенные на столахъ биржевые образцы зерна. Вмѣсто голоса оратора, теперь раздаются другіе звуки: биржевые агенты выкрикиваютъ курсы зерна и записываютъ ихъ на громадной таблицѣ. Подъемныя машины доставляютъ насъ внизъ: мы отправляемся осматривать мельницы, элеваторы и лѣсопильни.

Мы посѣтили самыя большія мельницы и лѣсопильни—я неохотно употребляю эти выраженія, ибо американская дѣйствитель-

ность такъ далеко ушла отъ европейскихъ образцовъ, что «лѣсопильня» можетъ вызвать въ воображеніи читателя совершенно не то представленіе. Въ настоящую минуту мы отдыхаемъ на крышѣ мѣстнаго «дома до небесъ» и оттуда оглядываемъ окрестность. По сравненію съ чикагскими, этотъ «домъ до небесъ» скромныхъ размѣровъ, такъ какъ въ немъ лишь четырнадцать этажей, но для Миннеаполиса это все-таки великанъ. Крыша плоская, окруженная перилами, съ обсерваціонной башенкой, поднимающейся еще на высоту цѣлаго этажа. Архитектура города достойна изученія. Прямо передъ нами находится кварталъ оптовой торговли и финансовыхъ операцій: огромный остовъ изъ кирпича и гранита. Дома въ нѣсколько этажей, въ иныхъ мѣстахъ изъ мозаики крышъ торчатъ вверхъ семью или десятью этажами зданія большихъ размѣровъ. Нѣсколько далѣе, въ сторону рѣки, столбы дыма образовали грязное облако. Это паровыя мельницы, а рядомъ съ ними высятся странные по формѣ элеваторы зерна. Но громада каменныхъ зданій занимаетъ очень немного мѣста среди того обширнаго пространства, какое охватываютъ наши взоры. Зданія скоро кончаются, и глазъ начинаетъ скользить по зеленому ковру луговъ, перескакиваетъ черезъ рощи, спускается къ рѣкѣ вмѣстѣ съ покатостью почвы, но повсюду, среди зеленой оправы, встрѣчаетъ чернѣющіе и бѣлѣющіе жилые домики. И снова у насъ получается то же впечатлѣніе, какъ и въ Сентъ-Полѣ—впечатлѣніе парка съ разбросанными въ немъ человѣческими жилищами. Въ Миннеаполисѣ едва ли наберется 200.000 жителей, а между тѣмъ онъ занимаетъ гораздо большую площадь, чѣмъ Варшава. Населеніе въ изобиліи пользуется чистымъ воздухомъ, дѣти имѣютъ довольно лужаекъ для шалостей, а прохожіе—тѣнь на улицахъ.

Я полагаю, что Сентъ-Поль и Миннеаполисъ—образцы настоящихъ американскихъ городовъ, такъ какъ Чикаго и Нью-Іоркъ переросли мѣру, да къ тому же приняли въ себя слишкомъ много европейской нищеты. Американецъ считаетъ ихъ нарывами пауперизма на тѣлѣ своей родины. Американскій городъ—это великанъ, не лишившійся деревенскаго характера. Части его не имѣютъ между собою связи, улицы, вмѣсто сплоченнаго ряда каменныхъ артерій, превратились въ разсыпанные среди зелени отдѣльные домики. И лишь главные органы городского организма—торговыя конторы—сбѣжались въ кучу и сосредоточились въ одномъ мѣстѣ, словно сердце разбросаннаго туловища. Но общественная жизнь не замедляетъ отъ этого своего темпа—разбросанные члены соединены телефонами, телеграфами и трамваями. И чѣмъ дальше мы станемъ подвигаться на западъ, тѣмъ нервы эти играютъ бо́льшую

роль, а разбросанность принимаетъ болѣе чудовищные размѣры. Граница между городомъ и деревней мало-по-малу исчезаетъ.

27-го августа, Миннеаполисъ.

Насъ торжественно привѣтствовали вчера, вечеромъ, въ купеческомъ собраніи Сентъ-Поля, а въ «мучномъ городѣ» намъ устроили торжественный пріемъ на сосѣднемъ озерѣ. Въ такихъ торжественныхъ случаяхъ дѣло не обходится безъ рѣчей. И интересно обратить вниманіе на то, кто возвышаетъ голосъ изъ нашего общества. Американецъ растопталъ ногами всѣ предписанія этикета: не оффиціальные представители того или другого государства благодарятъ за гостепріимство, не они являются предметомъ особеннаго вниманія со стороны публики. Есть въ нашемъ обществѣ одинъ норвежецъ, истый потомокъ древнихъ викинговъ. Онъ задумалъ выстроить ладью по образцу тѣхъ, въ которыхъ, тысячу лѣтъ тому назадъ, пускались въ открытое морѐ нормандскіе корсары, переплыть въ ней черезъ Атлантическій Океанъ и добраться до Чикаго. Правительство отказало ему въ помощи, тѣмъ болѣе, что этотъ мореплаватель принадлежитъ къ оппозиціонной партіи, мечтающей объ отдѣленіи Норвегіи отъ Швеціи и о провозглашеніи ея республикой. Капитанъ Андерсенъ прибѣгнулъ тогда къ общественной щедрости, благодаря частнымъ пожертвованіямъ была построена ладья, а въ ней съ двѣнадцатью товарищами онъ переплылъ черезъ Океанъ. То, что нѣкогда было дѣломъ обычнымъ, теперь, въ вѣкъ пароходовъ, считается отчаянной отвагой. Вотъ какъ понизился уровень антропологическихъ свойствъ! Не оффиціальный представитель Швеціи, а этотъ юноша фигурируетъ на столбцахъ газетъ, произноситъ благодарственныя рѣчи... Точно такъ же не оффиціальный представитель Испаніи, а другой смѣльчакъ, который переплылъ черезъ Антлантическій Океанъ на флотѣ, построенномъ по образцу кораблей Колумба, возвышаетъ голосъ передъ публикой! За ними слѣдуетъ какой-то толстякъ съ острова Ямайки, затѣмъ какой-то старичекъ съ другого Антильскаго острова. Представители нашей части свѣта стушевались. Они положительно чувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ въ этомъ обществѣ, издѣвающемся надъ всякимъ этикетомъ, и втихомолку высказываютъ свое возмущеніе, высмѣивая недостатокъ вѣжливости и такта у американцевъ.

Америка можетъ похвалиться своими отелями. Эти заведенія выразительно говорятъ о томъ, что американское населеніе цѣлыми массами и, притомъ, часто мѣняетъ мѣсто своего пребыванія.

Обыкновенно отель имѣетъ видъ нашихъ каменныхъ зданій

на улицахъ Вильчьей или Вспульной—видъ застроеннаго четырехугольника съ дворомъ посрединѣ—съ тою только разницей, что этотъ дворъ представляетъ залу съ стеклянной крышей на верху. Здѣсь находится контора, здѣсь толкутся проѣзжіе, въ сосѣднемъ отдѣленіи пишутъ они письма, а администрація отеля безплатно доставляетъ все для этого необходимое, а именно конверты, перья, бумагу. Первый этажъ, съ галлерей котораго можно видѣть движеніе на дворѣ съ стеклянной крышей, занимаютъ столовая и салоны. Этихъ послѣднихъ имѣется обыкновенно нѣсколько, причемъ они иногда бываютъ устроены съ необыкновенной роскошью. Трудно дать надлежащее представленіе объ ихъ числѣ, размѣрахъ, наконецъ о томъ комфортѣ, какой царствуетъ тамъ. Все эти вещи насквозь американскія—въ томъ смыслѣ, что нигдѣ, кромѣ американскаго континента, такими удобствами не пользуются такія крупныя массы населенія. Изъ этихъ салоновъ въ нашей части свѣта надѣлали бы, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько десятковъ номеровъ. Выше, начиная со второго и вплоть до шестого этажа расположены спальни, снабженныя холодной и теплой водой и электрическимъ освѣщеніемъ; однимъ словомъ, каждая мелочь разсчитана на то, чтобы проѣзжій имѣлъ, по возможности, больше удобствъ. Подъемная машина замѣнила лѣстницы.

Устройство отелей, повидимому, одно и то же на всемъ протяженіи Соединенныхъ Штатовъ. Разница замѣтна лишь въ степени роскоши. Въ чикагскомъ *Аудиторіумъ* все внутри выложено мраморомъ, въ салонахъ висятъ дорогія картины, роскошные ковры выстилаютъ полъ. Отель побѣднѣе не имѣетъ такой роскоши, но мы повсюду встрѣчаемъ одну и ту же расточительность—съ европейской точки зрѣнія—по отношенію къ пространству, занятому салонами, въ которыхъ то одинъ, то другой съ удобствомъ располагается въ креслѣ, положивъ ноги на сосѣдній столикъ, и читаетъ газету саженныхъ размѣровъ. Цѣны, если принять во вниманіе дороговизну жизни за моремъ, очень низки. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что отель въ общественной жизни Америки играетъ гораздо болѣе важную роль, нежели у насъ. Есть тамъ заведенія, гдѣ постоянно живутъ цѣлыя семьи: общественное раздѣленіе труда окончательно поглотило семейный очагъ. Древній Зничъ оказывается чужой собственностью, и многіе не только живутъ въ чужихъ стѣнахъ, но и спятъ на чужомъ ложѣ и на чужой постели, согрѣваются у нанятаго камина, отдыхаютъ не въ своемъ креслѣ и ѣдятъ съ тарелокъ, которыя не принадлежатъ имъ...

Нью-Іоркъ, а тѣмъ болѣе такой не американскій городъ, какъ

Чикаго, лишены множества обычаевъ чисто американской жизни, въ томъ числѣ предупредительности по отношенію къ женщинѣ. Феодальная эпоха выработала рыцарскую вѣжливость, но въ глубинѣ ея скрывалось униженіе женскаго пола. Это было просто идеализированное вожделѣніе самца, окруженное ореоломъ поэзіи. Донъ-Кихотъ, эта каррикатура авантюристской предпріимчивости средневѣковаго рыцарства въ освѣщеніи мѣщанской трезвости, видитъ въ Дульцинеѣ, являющейся плодомъ его фантазіи, только самку. Между тѣмъ въ Америкѣ, особенно въ западной ея части, совершенно другіе факторы создали вѣжливость по отношенію къ женщинѣ. Чисто половой элементъ играетъ и здѣсь извѣстную роль, но не исключительную. Бретъ-Гартъ превосходно изобразилъ зародыши этой предупредительности въ первыхъ поселеніяхъ Калифорніи: женщина, появляясь среди нѣсколькихъ десятковъ мужчинъ, сразу дѣлалась укротительницей ихъ дикости, смягчала ихъ грубость, уничтожала пьяныя оргіи. Такія причины, хотя и не въ одинаковой степени, дѣйствовали повсюду на американскомъ континентѣ. Но къ этимъ факторамъ присоединились еще и другіе. За моремъ культура развилась изъ крестьянскаго поселенія, и тамъ женщина работаетъ наравнѣ съ мужчиной и всегда она тамъ пользовалась относительно бо́льшимъ уваженіемъ. Условія заработка усиливали въ Америкѣ это положеніе женщины, развили ея умъ, пріучили ее къ самостоятельности, а относительный недостатокъ въ женщинахъ благопріятствовалъ закрѣпленію наслѣдія прошлаго и усилилъ позднѣйшія завоеванія. Предупредительность по отношенію къ женщинѣ—это дань, отдаваемая ея общественному положенію.

Здѣсь, вдали отъ Чикаго, мы постоянно встрѣчаемся съ этой вѣжливостью. Самый старый мужчина въ трамваѣ спѣшитъ уступить свое мѣсто дѣвушкѣ-подростку. Здѣсь, въ отелѣ, я могу наблюдать иныя проявленія предупредительности. Нѣсколько человѣкъ съѣзжало внизъ на подъемной машинѣ. Вошла дама, всѣ мужчины встали съ своихъ мѣстъ и сняли шляпы. Они стояли съ непокрытыми головами, пока временная спутница не покинула насъ на второмъ этажѣ. Тогда всѣ усѣлись опять и надѣли шляпы.

27 августа, въ вагонѣ желѣзной дороги.

Около часу пополудни. Мы пересѣкаемъ область озеръ. Я не геологъ, однако, охотно поговорилъ бы со спеціалистомъ, который могъ бы объяснить мнѣ происхожденіе формаціи, разстилающейся передъ моими глазами. Рядомъ со мною сидитъ уругваецъ, профессоръ антропологіи въ Монтевидео. Къ сожалѣнію, онъ го-

воритъ по-испански, а потому мы только при помощи мимики дѣлимся своими впечатлѣніями. Поверхность земли представляется какъ бы собраніемъ огромныхъ корытъ и кадокъ, одни изъ нихъ обращены къ верху своей выпуклостью, другія вогнулись въ землю и являются убѣжищемъ для водной стихіи. Изъ окна вагона я обозрѣваю лишь тѣсный горизонтъ, не могу поэтому сказать, образуютъ ли эти неровности почвы одну цѣпь, или же безпорядочно разбросаны въ пространствѣ, словно коралловое ожерелье, которое разорвалось, причемъ отдѣльныя бусы разсыпались во всѣ стороны. Озера различной величины, но всѣ неизмѣнно круглой формы, иногда даже очень правильной. Ландшафтъ чрезвычайно разнообразенъ, но только съ виду, ибо на каждомъ шагу повторяется въ одномъ и томъ же родѣ. Множество рощъ, осѣняющихъ тѣнью своею покатости горъ; обиліе луговъ, то здѣсь, то тамъ покрытыхъ желтыми цвѣтами. Мѣстами сверкнетъ другой глазокъ—это свѣжее жниво. На различныхъ разстояніяхъ отъ желѣзной дороги расположились фермы, по преимуществу мелкія, но онѣ попадаются гораздо рѣже, нежели на востокѣ. Жилой домъ напоминаетъ нашу родную дачу, но онъ гораздо лучше и прежде всего удобнѣе, нежели тѣ трущобы, въ какихъ гнѣздятся наши дачники, и всегда скрашенъ въ сѣрый или бѣловатый цвѣтъ. Рядомъ расположены отроенія неизмѣнно грязно-кирпичнаго цвѣта, съ широкой бѣлой оправой по угламъ. Надъ постройками мелькаетъ довольно большое крыло, въ формѣ колеса, и медленно поворачивается. Какъ нашъ колодезный журавль господствуетъ на дворѣ хутора, такъ и этотъ воздушный вѣеръ возвышается здѣсь надъ крышами. Назначеніе обоихъ одинаково, но выполняютъ они это назначеніе различнымъ образомъ. Смѣтливый американецъ заставилъ движеніе воздуха накачивать воду, которая льется изъ канала въ огромную кадку внизу. Этотъ вѣеръ работаетъ безостановочно, а кадка поставлена на такой высотѣ, что, пользуясь давленіемъ воды въ ней и приспособивъ соотвѣтствующій механизмъ, можно, словно дождемъ, орошать довольно значительное пространство. Вотъ одна изъ картинокъ, изображающихъ деревенскую жизнь въ Америкѣ: автоматы повсюду выручаютъ человѣка и дѣлаютъ возможнымъ сбереженіе его силъ. Какой новый духъ, какіе отличные отъ нашихъ потребности и горизонты, какой, наконецъ, не имѣющій ничего общаго съ нашимъ способъ веденія хозяйства сказывается въ этихъ крылатыхъ автоматахъ-журавляхъ!

На станціяхъ мы замѣчаемъ небольшія ограды, отъ которыхъ тянется помостъ, обрывающійся на нѣкоторой высотѣ. Это всасывающіе сосуды того организма, сердце котораго мы видимъ въ

stock-yard'ахъ (бойняхъ) Чикаго, Омаги или Канзасъ-Сити. Ежедневно ходятъ поѣзда, забираютъ изъ оградъ скотъ, словно пассажировъ, и везутъ его въ очаги мясного промысла. На этомъ холмистомъ пространствѣ господствуетъ скотоводство и молочное хозяйство.

Три часа пополудни. Холмы остались далеко-далеко позади насъ. Поверхность почвы сдѣлалась совершенно гладкой, словно поверхность стола. Вмѣстѣ съ возвышенностями исчезли и лѣса, которые такъ художественно спускались къ водамъ и смотрѣлись въ естественное зеркало. Даже деревья стали теперь рѣдкостью. Мы встрѣчаемъ ихъ при фермахъ, а ихъ низкій ростъ выразительно говоритъ о томъ, что они лишь съ недавнихъ поръ существуютъ въ этой мѣстности, которая, мало-по-малу, принимаетъ видъ степи. Да, мы въѣхали въ предѣлы прерій,—будемъ выражаться точнѣе и скажемъ: прежнихъ прерій, такъ какъ человѣкъ повсюду уничтожилъ дѣвственность захолустья, вспахалъ почву, которая съ тѣхъ поръ, какъ огромныя пространства суши выступили изъ-подъ морской пучины, почивала нетронутая, и заставилъ ее сбросить съ себя прежній дикій покровъ, сплетенный изъ степного бурьяна и степныхъ травъ, нарядивъ ее вмѣсто этого въ цивилизованное платье, сотканное изъ хлѣбныхъ нивъ.

Отъ поры до времени изъ сѣраго покрова жнивъ выступаетъ небольшая рощица. Выросла она на этомъ мѣстѣ не по милости дикихъ силъ капризницы-природы, а была вызвана къ жизни заботливой человѣческою рукою. Покрытіе лѣсами голой нѣкогда степи составляетъ предметъ особенной заботы на сѣверо-западѣ Америки. Висконсинъ, который мы недавно пересѣкли, Миннесота, по пажитямъ которой мчитъ насъ теперь поѣздъ, усердно заняты этимъ, ибо возвысили это даже до степени общественной повинности. Въ опредѣленный день, обыкновенно въ концѣ апрѣля, населеніе празднуетъ торжество посадки деревьевъ. Никто не отказывается отъ этой обязанности. Мать-земля, которая никогда не вѣдала тѣни даже во время самаго ужаснаго зноя, должна прислушиваться теперь къ длиннымъ рѣчамъ, являющимся соревнованіемъ въ краснорѣчіи, въ честь лѣсныхъ гущъ, обсаженныхъ деревьями дорогъ, рощъ передъ домомъ. Вдоль и поперекъ всей степи тянутся процессіи, обыватели несутъ молодыя деревца, при звукахъ національнаго гимна, и сажаютъ ихъ въ пустыряхъ. Я везу съ собою брошюры, посвященныя этому великому торжеству, извѣстному подъ названіемъ *Arbor-day* (день деревьевъ). Это отчеты школьныхъ инспекторовъ о празднованіи дѣтьми *праздника деревьевъ*. Эти американцы на самомъ дѣлѣ умѣютъ сочетать пре-

красное съ полезнымъ, забаву съ наукой! Еще за цѣлый мѣсяцъ до наступленія этого праздника въ стѣнахъ школъ раздаются голоса страстныхъ дебатовъ. Мальчики и дѣвушки, организующіеся при этомъ по образцу законодательнаго собранія своей великой родины, серьезно разсуждаютъ о томъ, какія деревца въ текущемъ году должна посадить школа на своемъ дворѣ. Образуются различныя партіи—партіи бука, пихты, вяза. Во время обсужденія каждая партія исчерпываетъ всевозможные аргументы въ пользу того, какое дерево красивѣе, полезнѣе или практичнѣе. Борющіяся стороны прибѣгаютъ къ содѣйствію книжекъ, а учитель умѣло подсовываетъ матеріалъ въ соотвѣтствующихъ руководствахъ. Партіи идутъ на взаимныя уступки, выбираютъ спикеровъ. Стилистическія упражненія вращаются около этого клубка, дѣти роются въ сочиненіяхъ писателей, описывающихъ прелести лѣсовъ и рощъ и распространяющихся о красотахъ природы. Наконецъ, приближается торжество. Школа подаетъ голоса за различныя деревца, а администрація штата доставляетъ тѣ изъ нихъ, въ пользу которыхъ оказалось большинство голосовъ. А когда наступаетъ, наконецъ, *Arbor-day*, радостямъ нѣтъ конца. Музыка, пѣсни, рѣчи, декламированіе—нѣтъ ни въ чемъ недостатка въ этотъ торжественный день. Ребенокъ вырабатываетъ въ себѣ эмоціальный патріотизмъ по отношенію къ прелестямъ матери-природы, пріучается къ дѣйствію сообща и обогащаетъ свою головку полезными свѣдѣніями о растительномъ царствѣ.

Мысль вскользь пробѣгаетъ страницы и забываетъ о томъ, что порабощенная степь усмѣхается богатствомъ своихъ пажитей. Она добралась до конца брошюры и, утомленная чтеніемъ, паритъ далѣе, не будучи въ силахъ оторваться отъ школьнаго дѣла въ Америкѣ. Предо мной сидитъ нѣмецъ, который присоединился къ нашей экскурсіи въ Мильвоке. Я завожу съ нимъ разговоръ о школьныхъ обычаяхъ. Мой собесѣдникъ дополняетъ то, о чемъ я узналъ изъ оффиціальныхъ изданій. Въ каждомъ округѣ имѣется общество садоводства. Оно не только объединяетъ взрослыхъ людей, но и основываетъ филіи между школьной молодежью. За ежегодный взносъ въ десять копѣекъ оно снабжаетъ дѣтей въ одну весну кустами смородины, въ другую—кустами малины. Дѣти сажаютъ ихъ около дома своихъ родителей и ухаживаютъ за ними.

Поѣздъ, не замедляя ни на минуту своего хода, останавливается, наконецъ, передъ станціей. Надпись гласитъ: Барнесвилль. Желѣзнодорожное росписаніе показываетъ, что мы отъѣхали 200 миль съ лишнимъ отъ Сентъ-Поля. Я охотно сфотографировалъ бы эту мѣстность—до такой степени она кажется оригинальной моимъ

глазамъ, не привыкшимъ къ картинамъ, какія создала американская культура при своемъ набѣгѣ на степи. Поселеніе это невелико, въ немъ нѣсколько сотъ жителей. Оно расположилось въ открытомъ полѣ, или, выражаясь точнѣе, среди преріи, лишенной деревьевъ и кустовъ и поросшей лишь степнымъ бурьяномъ. Главная, едва-ли не единственная улица тянется параллельно желѣзной дорогѣ и не имѣетъ мостовой, а снабжена лишь однимъ тротуаромъ изъ досокъ. Дома являются простыми, деревянными хижинами и балаганами, какіе временно возникаютъ на Мокотовскомъ полѣ во время пасхальныхъ гуляній. Городокъ in statu nascendi! Населеніе его высыпало на станцію и привѣтствуетъ насъ громкими восклицаніями. Какая-то американка горячо настаиваетъ на томъ, чтобы показать ей капитана Андерсена. Мнѣ думается, что если бы многоженство было терпимо въ Норвегіи, отважный мореплаватель привезъ бы съ собой на родину нѣсколько десятковъ женъ съ приданымъ. Шутка ли переплыть черезъ Атлантическій океанъ въ утлой ладьѣ!

Но не смѣйтесь надъ американскими захолустьями. Подобно тому, какъ во время Наполеона I, каждый рядовой носилъ въ своемъ ранцѣ дипломъ на генерала, такъ и мелкое, брошенное въ голой степи поселеніе мечтаетъ о великолѣпномъ будущемъ. Пусть только найдется въ немъ нѣсколько предпріимчивыхъ и смышленыхъ головъ, и кто знаетъ, какъ далеко пойдетъ нынѣшнее захолустье! Постарайтесь вникнуть поглубже въ мертвую рѣчь, съ какою обращаются къ вамъ эти домики. Правда, это хижины, но на одной изъ этихъ хижинъ виднѣется надпись: *State bank* (государственный банкъ). Возлѣ желѣзной дороги возвышаются два элеватора грязно-кирпичнаго цвѣта и странной формы; одинъ изъ нихъ принадлежитъ мѣстному союзу фермеровъ, о чемъ мы узнаемъ по надписи. Изъ за густой сорной травы выглядываетъ свѣжій транспортъ жней, вяжущихъ снопы, и манитъ къ себѣ наши взоры яркой желтизной своей окраски, а тамъ вдали краснѣетъ одна, другая, пятая паровая молотилка! Въ захолустьи кипитъ промышленная дѣятельность и его торговые обороты, пожалуй, превышаютъ торговые обороты многихъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ...

Карандашъ продолжаетъ еще записывать впечатлѣніе, какое произвелъ на меня Барнесвилль, хотя поселеніе давно уже исчезло въ пространствѣ, а вслѣдъ за нимъ исчезли и фермы, которыя довольно тѣсною толпой окружаютъ станцію. Мѣстность потонула въ отдаленіи, и мы опять въ степи. Луга безъ конца! Трава по поясъ; теперь, когда она пожелтѣла отъ засухи, ее можно при-

нять за хлѣбную ниву. Мѣстами пасется скотъ—и такъ, мы все еще въ предѣлахъ области, гдѣ главное занятіе составляютъ скотоводство и молочное хозяйство.

Скоро пять часовъ. Поросшая дикой травой, естественная степь съ каждымъ шагомъ замѣтно убываетъ, зато все чаще и чаще появляются хлѣбныя поля, по преимуществу пшеничныя. Вотъ, наконецъ, преріи окончательно смѣнились безбрежнымъ пахатнымъ полемъ, гладкимъ, какъ столъ, безъ деревьевъ и холмовъ. Уже цѣлый часъ передъ глазами разстилается подобный пейзажъ. Куда бы ни взглянулъ, вездѣ на гладкой поверхности лежатъ, словно трупы, поваленные снопы пшеницы. Странное впечатлѣніе производитъ эта картина на глазъ, привыкшій видѣть шашечницу мелкихъ полей, испещренныхъ разнообразными цвѣтами, изъ которыхъ одно засѣяно краснѣющимъ клеверомъ, другое бѣлѣетъ цвѣтомъ гречихи, третье—желтое, и которыя отдѣлены другъ отъ друга оградами и заборами. Гляжу въ бинокль въ надеждѣ увидѣть гдѣ-нибудь на горизонтѣ конецъ этого огромнаго поля битвы. Напрасный трудъ! Оно тянется безъ конца, безъ перерыва. Въ полномъ смыслѣ слова — пшеничная степь, безъ деревьевъ, безъ межей, безъ другихъ хлѣбовъ,—одно сплошное жниво съ расположенными на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга стогами сноповъ пшеницы. И одни только трупы! Порой цѣлыхъ четверть часа ѣдемъ по такому полю битвы, которое лишь на минуту смѣняется чистымъ жнивомъ, а тамъ опять на десять и болѣе минутъ разстилается пространство, покрытое снопами. Единственное разнообразіе въ это, покрытое жнивомъ, море вносятъ фермы, торчащія на довольно значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга и ярко выступающія на желтомъ фонѣ своими строеніями грязно-кирпичнаго цвѣта. Иногда посаженныя человѣческою рукою рощицы заслоняютъ тѣнью своею жилища, но онѣ попадаются все рѣже и рѣже. Человѣкъ не успѣлъ еще здѣсь украсить степь искусственной зеленью. Лишенное деревьевъ, даже садика, человѣческое поселеніе располагается обыкновенно на пшеничной нивѣ и никакой заборъ не устанавливаетъ границъ между пространствомъ, занятымъ хуторомъ, и моремъ хлѣба. Степной бурьянъ всецѣло овладѣлъ дворомъ. Всевозможныя сорныя травы, изгнанныя плугомъ изъ преріи, назначили себѣ сходку подъ защитой строеній.

Самое устройство поселенія носитъ на себѣ своеобразный, чисто-американскій отпечатокъ. Въ немъ я не могу найти и слѣдовъ той привязанности къ матери-землѣ, какою, будто бы, отличается европейскій мужичокъ, идеализируемый мелко-мѣщанскими тео-

ріями. Пейзажъ нашептываетъ мнѣ на ухо разсказъ совершенно иного содержанія. Каждая ферма, хотя и не представляетъ шатра, но производитъ на меня впечатлѣніе подвижнаго шалаша кочевника, который во всякую данную минуту можетъ поставить свое жилище на колеса—а такіе случаи здѣсь бываютъ—и поѣхать дальше хищнически высасывать соки изъ другой почвы, бросивъ окончательно истощенный и оскудѣвшій участокъ земли. Къ тому же, воображеніе разыгралось у меня до такой степени, что я крайне ясно представляю себѣ картину такого переселенія. Человѣческія жилища передвигаются на колесахъ, вслѣдъ за ними идутъ хозяева, таща за собою огромныя жнеи - вязальщицы, привязанныя къ паровому локомобилю, замѣняющему лошадь... Но полетъ фантазіи внезапно обуздывается, ибо я не знаю, что мнѣ дѣлать съ сѣрыми избушками, которыя торчать на поляхъ. Онѣ безъ оконъ и безъ дверей — кажется, что я не ошибаюсь, ибо двери какъ-то непохожи на наши двери. Какое назначеніе имѣютъ эти домики въ морѣ пшеницы, точно скиты, удаленные отъ поселенія? Это для меня неразрѣшимая загадка. Это нѣчто непонятное портитъ мнѣ картину кочевого переселенія земледѣльцевъ, ибо воображеніе не въ силахъ найти мѣсто для сѣрыхъ избушекъ въ общемъ передвиженіи.

Мы пересѣкаемъ сравнительно населенную мѣстность. Глазъ не можетъ оторваться отъ красивенькихъ домиковъ, бѣлѣющихъ въ толпѣ кирпичныхъ построекъ. Иногда попадается болѣе многочисленное скопленіе построекъ грязноватаго цвѣта. Это—хуторъ! Еще рѣже попадаются городки. Это станціи, мимо которыхъ презрительно проѣзжаетъ нашъ поѣздъ, не останавливаясь ни на минуту. Хижины деревянныя; вмѣсто улицъ, одинъ только дощатый тротуаръ, потонувшій въ сорной травѣ, ни слѣда забора, повсюду кругомъ пшеничная степь. Возлѣ желѣзной дороги—рядъ одинаковаго устройства и неизмѣнно краснаго цвѣта элеваторовъ; среди бурьяна и всевозможной зелени краснѣютъ осѣненныя лучами августовскаго солнца паровыя молотилки и пышно выдѣляются своей желтизной жнеи-вязальщицы, виднѣются также и нѣкоторыя другія земледѣльческія орудія, свидѣтельствующія о томъ, что желѣзный вѣкъ воцарился на нивѣ.

Мы оставили за собой пажити «сѣверной звѣзды» и «всемірной житницы»; подъ этими названіями слыветъ Миннесота. Но это неосновательно, ибо она утратила уже первенство въ этомъ отношеніи и уступила его сосѣдней Дакотѣ. Мы проѣзжаемъ какъ разъ на рубежѣ этихъ двухъ штатовъ параллельно теченію славной рѣки Красной. Имя этого воднаго потока, которое, двадцать

*

лѣтъ тому назадъ, было извѣстно лишь незначительному числу спеціалистовъ-географовъ, гремитъ въ настоящее время по всему цивилизованному міру. Дѣло въ томъ, что здѣсь находится мѣстопребываніе одной изъ самыхъ могущественныхъ батарей заокеанской хлѣбной конкурренціи, а также отечество колоссальныхъ *bonanza farms*, возвѣщающихъ новую эпоху въ земледѣліи! Плодородіе почвы кажется просто баснословнымъ: по мнѣнію мѣстныхъ теоретиковъ-агрономовъ, почва вполнѣ способна давать одинаковые сборы пшеничнаго зерна въ теченіе сотни лѣтъ, не нуждаясь нисколько въ удобреніи. Вотъ почему потокъ человѣческихъ головъ разливается по прежней преріи, подобно горному ручью, выступившему изъ береговъ и прорвавшему насыпи въ долинѣ. Степи, которыя, лѣтъ десять-двадцать тому назадъ, оставались совершенно пустынными и служили лишь убѣжищемъ для буйволовъ, въ настоящее время представляютъ безконечную, волнующуюся золотистую поверхность. Отъ буйволовъ остались лишь побѣлѣвшія кости; такой истлѣвшій остатокъ я нашелъ на землѣ, когда поѣздъ остановился въ открытомъ полѣ и мы съ ружьями предприняли небольшую охоту на степныхъ птицъ. Бѣлый человѣкъ вторгся съ батареей желѣзныхъ чудовищъ, плугъ взрѣзалъ остававшееся съ незапамятныхъ временъ нетронутымъ лоно матери-земли, сѣятель бросилъ зерно. И дикія преріи стали давать обильный урожай. Явилось благосостояніе и высокій уровень умственнаго и нравственнаго развитія. Право, я сомнѣваюсь, чтобы въ исторіи земного шара можно было указать другой, подобный этому, моментъ, когда бы въ столь короткое время такіе огромные пустыри превратились въ очагъ такой зажиточности и цивилизаціи.

Дѣвственная почва ждала ласкъ плуга, улыбнулась ухаживателямъ обильнѣйшими урожаями и щедро вознаградила труды земледѣльца. Не одинъ приходилъ сюда голый, какъ турецкій святой. Часто онъ принужденъ былъ работать въ качествѣ простого наемника у тѣхъ, которые очутились въ степи съ кошелькомъ, набитымъ деньгами, и зарабатывать себѣ капиталъ, необходимый для уплаты перваго срочнаго взноса за машины. Но по истеченіи какого-нибудь десятка лѣтъ онъ уже утопалъ въ достаткѣ. Бѣднякъ сколачивалъ себѣ состояніе воздѣлываніемъ пшеницы, несмотря на то, что не эксплуатировалъ чужого труда и трудился исключительно въ потѣ своего собственнаго лица! Реклама не замедлила извлечь выгоды изъ подобныхъ обстоятельствъ. Желѣзная дорога, везущая насъ, имѣетъ еще много земель для продажи, а старые поселенцы сочувственно встрѣ-

чаютъ всякаго новоприбывшаго. Дѣло въ томъ, что каждый человѣческій атомъ, поселяющійся здѣсь, своимъ присутствіемъ увеличиваетъ цѣну существующаго земельнаго имущества. Реклама подхватываетъ всякій успѣхъ и трубитъ о немъ по всему широкому свѣту, побуждая переселенцевъ бросать родную хату и искать себѣ счастья въ далекой чужбинѣ. У меня въ рукахъ масса бумаги съ напечатанными на ней гимнами подобнаго рода, управленіе чествующей насъ желѣзной дороги отличается въ этомъ отношеніи необыкновенной щедростью и велитъ разбрасывать на креслахъ все новые и новые свертки бумаги. Такимъ образомъ, я узнаю, что нѣкто пришелъ сюда, десять лѣтъ тому назадъ, съ тремя стами долларовъ въ карманѣ, а въ настоящее время его состояніе простирается до 20 тысячъ. Другой разсказываетъ, что шесть лѣтъ тому назадъ очутился на нивахъ Дакоты безъ единаго гроша въ карманѣ, обладая лишь знаніемъ сѣдельнаго ремесла, которое и дало ему возможность закупать земли. Въ настоящее время онъ обладатель 420 акровъ земли, 12 лошадей, довольно значительнаго стада рогатаго скота и болѣе тысячи долларовъ ежегоднаго дохода съ земли. Еще кто-то другой прибылъ сюда, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, съ десятью долларами, а въ настоящее время владѣетъ двумя съ половиною тысячъ акровъ и ежегодно собираетъ по 16 тысячъ бушелей пшеницы. А вотъ еще и третій, который пришелъ сюда пѣшкомъ, привлеченный разными слухами, и въ теченіе перваго полугодія работалъ въ качествѣ наемника, а по истеченіи восьми лѣтъ доработался до тысячи акровъ земли.

Ограничимся однако этими примѣрами. Разумѣется, реклама выбрала изъ исторіи поселеній то, что считала наиболѣе выгоднымъ для своихъ цѣлей, и не обмолвилась ни однимъ словомъ о всѣхъ неудачникахъ, съ которыми судьба обошлась, какъ мачиха; изъ числа же счастливцевъ, о которыхъ повѣствуетъ празднословіе зашибателей деньги, мы, опять-таки, по всей вѣроятности привели если не самые краснорѣчивые, то ужъ во всякомъ случаѣ одни изъ болѣе краснорѣчивыхъ примѣровъ. Но не выбрасывайте чистаго зерна вмѣстѣ съ плевелами рекламы! Вышеизложенные случаи являются лишь преувеличеніемъ общей и дѣйствительно существующей тенденціи. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ могъ бы кто-нибудь въ Старомъ Свѣтѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, на пшеничной нивѣ изъ пролетарія, лишеннаго капитала, сдѣлаться человѣкомъ, утопающимъ въ благосостояніи? Развѣ тамъ имѣлъ бы кто-нибудь возможность превратить потъ лица своего и утомленіе своихъ собственныхъ мышцъ въ двѣ тысячи долларовъ еже-

годнаго дохода? Объ этомъ не слыхать въ старой Европѣ. Между тѣмъ здѣсь, въ области рѣки Красной, это составляетъ общее правило. Не всякій дѣлается богачемъ, но вѣдь никому не угрожаетъ и призракъ нищеты, если только на плечахъ у него голова не на-показъ, а руки не боятся труда. Нынѣ такія времена уже проходятъ. Желѣзнодорожныя линіи перерѣзали порѣчье во всевозможныхъ направленіяхъ, въ землѣ появился недостатокъ, даже свободныя земли, которыя еще не утратили своего дикаго, дѣвственнаго покрова изъ бурьяна и сорной травы, пріобрѣли уже стоимость. Наступила эпоха спекулянтовъ, торгующихъ землей...

Семь часовъ вечера. Въ теченіе цѣлыхъ пяти часовъ неизмѣнно разстилается передъ нами одинъ и тотъ же видъ—пшеничное жниво безъ конца, съ правильно разбросанными стогами пшеницы. Эта правильность создается жнеей, выбрасывающей изъ себя снопы на одинаковыхъ разстояніяхъ. А среди этого безграничнаго поля битвы, покрытаго трупами-снопами, я еще до сихъ поръ не замѣтилъ въ полѣ человѣка! Жителей прежней преріи я видѣлъ лишь на станціяхъ желѣзной дороги.

Что чувствуетъ человѣческое существо въ пшеничной степи? Я имѣю въ виду не крупныхъ капиталистовъ, а обыкновеннаго фермера, соотвѣтствующаго по своему положенію нашему крестьянину. Что онъ не обладаетъ душой европейца и при продажѣ своего участка не станетъ горевать о томъ, что ему приходится покинуть деревенское кладбище, на которомъ покоятся его прадѣды, и навсегда проститься съ журчаніемъ деревенскаго ручейка и съ сіяніемъ родного мѣсяца,—это очевидно. Мнѣ не приходилось еще разговаривать съ земледѣльцами, которымъ принадлежатъ эти безконечныя нивы, я даже не замѣтилъ ни одного изъ нихъ въ полѣ, но устройство фермы и вся ея обстановка бросаютъ свѣтъ на ихъ личную жизнь, на движенія ихъ души, на идеи ихъ ума. Въ памяти у меня всплываютъ *Отголоски съ полей и нивъ* Конопницкой. Диссонансомъ звучатъ они въ этомъ пейзажѣ, отъ котораго я не могу оторвать глазъ. Ужъ навѣрно ни одна дѣвушка изъ этихъ степей не будетъ жаловаться на то, что родители не хотятъ отдать ее изъ хаты, и ни одна мать не будетъ напѣвать надъ липовой колыбелькой о сѣрой долѣ своему дитяти. Всякая вилла—я не рѣшаюсь назвать эти прекрасные домики хатами!—имѣетъ видъ какъ бы временного пристанища. Можетъ быть, это обусловливается отсутствіемъ деревьемъ, да и отсутствіе заборовъ поражаетъ мой глазъ; можетъ быть, впрочемъ, и то обстоятельство, что каждая ферма стоитъ одиноко, заставляетъ меня усматривать тамъ безчувственность по отношенію

къ землѣ. Нѣтъ, я не ошибаюсь! И рекламные листки говорятъ о томъ, что въ степи расположился рой человѣческой саранчи, подвигающійся по направленію къ мѣстностямъ, гдѣ особенно можно поживиться. Одинъ безъ всякаго сожалѣнія покинулъ свою ферму въ Висконсинѣ, узнавъ о плодородіи земель по рѣкѣ Красной; другой разстался съ роднымъ участкомъ земли въ Индіанѣ. Однимъ словомъ, всегда и вездѣ кто-нибудь что-то бросилъ, прельщенный слухами о томъ, какія «дѣла» ждутъ его здѣсь. И пусть только разнесется вѣсть о чемъ-нибудь, еще болѣе выгодномъ, эти люди навѣрно покинутъ свое теперешнее мѣстопребываніе и, подобно кочевникамъ, потянутся далѣе, чтобы въ другомъ мѣстѣ раскинуть свои шатры. Жажда наживы въѣлась въ существо земледѣльца. Мнѣ припоминаются чьи-то слова: «Мелкіе фермеры далекаго Запада—крестьяне, но въ нихъ вы не замѣтите ни одной изъ духовныхъ чертъ европейскаго крестьянина, кромѣ его жадности. Они выходцы изъ отдаленныхъ странъ и оставили тамъ за собою всѣ свои привычки, предразсудки, обычаи, инертность, однимъ словомъ, все то, что въ Старомъ Свѣтѣ препятствуетъ развитію. Ихъ не обуреваетъ, какъ европейскихъ крестьянъ, это чертовское стремленіе къ землѣ, опоэтизированное Мишле, Прудономъ и иными великими свѣтилами ординарной мѣщанской демократіи. Въ преріяхъ далекаго Запада нѣтъ мѣста для мечтательной сентиментальности. Они не воскрешаютъ въ памяти дѣтства, не на этой землѣ качалась колыбелька фермера, а самъ онъ не ходитъ по могиламъ своихъ дѣдовъ. Здѣшній фермеръ сдѣлался земледѣльцемъ не для того, чтобы слиться въ одно цѣлое съ матерью-землей, а лишь для того, чтобы вырвать у нея богатство. Какъ только поля начинаютъ истощаться, онъ бросаетъ ихъ; если гдѣ-нибудь открываются новыя дѣвственныя земли, онъ спѣшитъ туда. Земледѣлецъ порвалъ мистическую связь съ землей и ея плодами и отвоевалъ себѣ гордую независимость кочевника».

На одной изъ станцій я увидѣлъ цѣлую толпу этихъ земледѣльцевъ-кочевниковъ. Дѣльныя физіономіи, смѣлый и увѣренный въ себѣ взглядъ, загорѣлыя лица, интеллигентная голова на плечахъ, сгорбившихся подъ бременемъ труда, однимъ словомъ, матеріалъ, изъ какого формируются существа, которыя, если выразиться по американски, самостоятельно устраиваютъ свою судьбу и готовы искать счастья повсюду, хотя бы за десятью горами и ста рѣками. «Пусть цѣлый адъ встанетъ намъ поперекъ дороги, мы пройдемъ черезъ него, чтобы добраться до дѣвственной почвы запада», такъ говорили толпы, направлявшіяся въ мѣстности, по которымъ мы теперь проѣзжаемъ...

Земледѣлецъ сбросилъ съ себя не однѣ только привычки осѣдлой жизни. Онъ пропитывается городскимъ духомъ — городскими вкусами и городскими понятіями. Пашетъ онъ плугомъ, на которомъ сидитъ, собираетъ урожай при помощи самовяжущей жнеи, паровая молотилка, снимаемая за извѣстную плату поденно, вымолачиваетъ его сборы. Ужъ это одно вноситъ въ крестьянское поселеніе своеобразные духовные элементы. Вмѣсто того, чтобы хранить зерно у себя на фермѣ, онъ ссыпаетъ его въ элеваторы, одѣвается въ платье, сшитое въ городѣ, даже въ печкѣ у себя сжигаетъ уголь, а на кухнѣ—нефть, привезенные изъ города; въ настоящее время онъ уже поговариваетъ о мелкихъ электрическихъ двигателяхъ, чтобы приводить въ движеніе станокъ для сѣченія соломы. На каждомъ шагу онъ зависитъ отъ города! Онъ пересталъ быть созданіемъ, работающимъ на эти чуждыя ему по духу сборища домовъ и въ обмѣнъ за свои плоды получающимъ оттуда очень немногое. И разбросанность поселеній, лежащихъ одно вдали отъ другого, толкаетъ его по направленію къ городу. У насъ, гдѣ есть деревни, т. е. группы расположенныхъ другъ возлѣ друга крестьянскихъ жилищъ, и не подозрѣваютъ, до какой степени благопріятствуетъ такое скопленіе хатъ на небольшомъ пространствѣ образованію самобытнаго деревенскаго духа, или, выражаясь правильнѣе—крестьянской культуры. Иное дѣло тамъ, гдѣ ферма находится на разстояніи версты и болѣе отъ другой фермы, какъ это мы видимъ на этой безконечной нивѣ. Весною, когда нивы зазеленѣютъ на безпредѣльномъ пространствѣ, и лѣтомъ, когда пшеничная степь покроется золотистымъ блескомъ, — въ такое время года человѣку бываетъ весело на лонѣ природы. Но зато какое запустѣніе распростираетъ свои крылья надъ прежней преріей, когда зима одѣнетъ равнину снѣжнымъ саваномъ, и мятели начнутъ свободно разгуливать по этимъ безконечнымъ пустынямъ. У женщины не находится подъ рукою кумушки, да и хозяину трудно найти собесѣдника. Ближайшій городокъ служитъ единственнымъ убѣжищемъ. Тамъ происходятъ засѣданія «фармазонскихъ» союзовъ, къ которымъ въ большомъ числѣ принадлежатъ земледѣльцы, мѣстная *Grange* *) имѣетъ тамъ свою резиденцію, дѣти посѣщаютъ школу, клубы предоставляютъ молодежи свои залы для танцевъ. Крестьянскія семейства вмѣстѣ съ инвентаремъ переселяются въ это время года въ города, а крупныя имѣнія отправляютъ свой скотъ въ степи за двѣсти англійскихъ миль. Городъ царитъ надъ деревней, хотя

*) Союзъ фермеровъ.

земля все еще продолжаетъ дѣлиться на мелкіе клочки, составляющіе частную собственность. Сдѣлайте еще одинъ шагъ и вообразите себѣ акціонерныя крестьянскія товарищества, извлекающія всѣ выгоды изъ централизаціи хозяйства, а потому зависящія отъ земли еще менѣе, нежели современный фермеръ. Что же тогда станется съ деревней? Земледѣлецъ пріобрѣтетъ тогда черты настоящаго кочевника, его лѣтнее жилище превратится въ шатеръ, и одинъ лишь городъ сохранитъ отпечатокъ осѣдлаго образа жизни.

Полночь. Мы проѣхали болѣе 400 англійскихъ миль отъ Миннеаполиса, въ томъ числѣ 200 миль, если не болѣе, по пшеничной степи. Солнечный закатъ настигъ насъ на лонѣ безконечнаго жнивья, покрытаго правильными рядами сноповъ. Теперь мы отдыхаемъ на маленькой пограничной станціи, завтра переѣдемъ черезъ границу и поколесимъ нѣкоторое время по Канадѣ, а потомъ мы будемъ возвращаться по другой, параллельно первой идущей линіи, чтобы въ какомъ - то мѣстѣ повернуть подъ прямымъ угломъ.

Измученные ѣздой въ теченіе цѣлаго дня, мы гурьбой отправляемся осматривать поселеніе. Городокъ спитъ, и лишь немногочисленныя пары молодежи возвращаются съ увеселеній. Вмѣсто улицы — деревянный тротуаръ, который тянется рядомъ съ желѣзной дорогой. Вдоль этихъ мостковъ расположены одноэтажные домики на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Ближе къ станціи—нѣсколько бараковъ другъ возлѣ друга; это магазины. На улицѣ сорныя травы растутъ до пояса и стоятъ лужи воды.

28 августа, на желѣзной дорогѣ.

Мы возвращаемся. Далекій сѣверъ сдѣлалъ свое дѣло: вмѣсто поля битвы, усѣяннаго снопами,—безконечное желтовато-золотистое море, волнующееся подобно поверхности воды, всякій разъ, какъ проносится болѣе сильное дуновеніе вѣтра. Среди желтаго ковра выступаютъ бѣлые изящные домики и грязныя кирпичныя массы строеній, а еще чаще сѣрые домики безъ оконъ и безъ дверей, имѣющіе загадочное назначеніе.

Желтыя нивы исчезли. Мы подъѣзжаемъ къ станціи Гамильтонъ. Четыре элеватора, нѣсколько магазиновъ, пара красныхъ молотилокъ, сверкающихъ въ лучахъ солнца, множество самовяжущихъ жней на травѣ. Еще минута — и мы опять двигаемся среди золотистыхъ полей созрѣвшаго хлѣба. Земля ждетъ, чтобы гигантскія бритвы освободили ее отъ растительности. Иногда мы замѣчаемъ эти орудія въ полѣ: это жнеи - вязальщицы. Еще чаще

встрѣчаются онѣ на станціяхъ возлѣ желѣзной дороги, только что, повидимому, привезенныя, обыкновенно въ компаніи съ парой локомобилей. Желѣзнодорожныя станціи имѣютъ видъ какъ бы арсеналовъ и постовъ огромной арміи: возвышаются странной формы элеваторы, подъ открытымъ небомъ стоятъ склады земледѣльческихъ орудій, агенты торгующихъ хлѣбомъ фирмъ имѣютъ обыкновенно здѣсь свои конторы. Миннеаполисъ служитъ главнымъ оплотомъ, а эти станціи — укрѣпленными пунктами земледѣльческой дѣятельности. «Мучной городъ» ежегодно продаетъ на 70 милліоновъ рублей земледѣльческихъ машинъ.

Никогда книжка не можетъ замѣнить жизни. Объ американской хлѣбной конкурренціи я имѣлъ нѣкоторое теоретическое понятіе. Но всякій разъ, когда мысль моя занималась этимъ вопросомъ, заморская конкурренція представлялась мнѣ, какъ безтѣлесное сборище огромныхъ чиселъ, переносящихся съ запада на востокъ, скрытыхъ въ элеваторахъ, переплывающихъ Атлантическій Океанъ, но только въ видѣ сухихъ чиселъ, безкровныхъ, безжизненныхъ. Вчерашній и сегодняшній день нарядилъ этотъ статистическій скелетъ въ живые образы. Теперь, когда ужъ цѣлыя сутки вижу передъ собою пшеничныя поля или побоище сноповъ, а вдоль желѣзнодорожнаго полотна—ряды элеваторовъ, напоминающихъ собою чудовищной величины колѣнопреклоненныхъ монаховъ въ темныхъ одеждахъ, когда около возникшихъ подъ вліяніемъ общественнаго раздѣленія труда амбаровъ усматриваю по десяти и болѣе зеленыхъ возовъ, а кромѣ того вижу громадныя молотилки,—теперь только заморская конкурренція кажется моему воображенію живымъ существомъ. Сухія статистическія данныя стерлись, каждая цифра растетъ, перемѣщается въ пространствѣ, мѣняетъ видъ, принимаетъ реальный образъ, обращаясь то въ безпредѣльныя нивы, то въ сотни элеваторовъ, то въ движущіеся поѣзда. Чувственныя впечатлѣнія, производимыя видомъ желтаго ковра и поддерживаемыя силуэтами элеваторовъ и сторожевыми постами машинъ, настоятельно требуютъ дополнительнаго очерка. Гдѣ-же чародѣй, который обратилъ преріи въ хлѣбный океанъ, вспахалъ поле, имѣющее въ длину 300 англ. миль и густо засѣянное пшеницей, и совершилъ переворотъ въ старинномъ способѣ веденія хозяйства? О немъ ничего неизвѣстно, не слышно. Безпрерывно тянется дѣло его рукъ —великое дѣло, но его самого не видно. Могущество человѣческой руки празднуетъ въ земледѣліи новую эру. При незначительномъ усиліи собираются жатвы, изъ-за которыхъ въ нашей части свѣта въ десять разъ бо́льшее количество человѣческихъ рукъ должно

вступать въ бой съ природой, и обрабатываются такія пространства, на какихъ у насъ живетъ и работаетъ гораздо болѣе многочисленная толпа.

Мы остановились на болѣе долгое время на станціи Сентъ-Томасъ. Ужъ издали, словно передовой караульный постъ, привѣтствовалъ насъ рядъ элеваторовъ. По другую сторону желѣзнодорожнаго пути, среди густой травы, виднѣются двѣ паровыхъ молотилки, неизмѣнно окрашенныхъ въ ярко-красный цвѣтъ. Сомнѣваюсь, чтобы населеніе городка превышало двѣсти человѣкъ. Всякая мелочь свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ представляетъ сторожевой постъ хлѣбной торговли и ничего болѣе. Среди жалкихъ шалашей, въ деревянной дырѣ, помѣщается банкъ. Виднѣются безчисленные ряды желтыхъ жней и зеленыхъ повозокъ. Пользуясь тѣмъ, что поѣздъ остановился на болѣе долгое время, мы отправляемся многочисленной компаніей къ одному изъ элеваторовъ. Но можно ли разсмотрѣть многое въ теченіе пяти, можетъ быть, десяти минутъ? Выношу лишь пару отрывочныхъ впечатлѣній. Представимъ себѣ нагроможденныя другъ на друга строенія; съ крыши одного поднимается другое, такой же длины, но менѣе широкое — словно обрубленная съ боковъ голова на плотномъ туловищѣ. Причудливая архитектура находится въ полной гармоніи съ устройствомъ внутреннихъ органовъ. Возъ въѣзжаетъ въ зданіе, хлѣбъ сбрасывается въ подвалъ, тамъ подхватываютъ его лопаты, укрѣпленныя на подъемной машинѣ, и поднимаютъ на вершину зданія. Благодаря движенію воздуха, пыль по пути отбрасывается и собирается на вершинѣ элеватора, а чистый хлѣбъ, когда подъемная машина подъ сводомъ крыши поворачиваетъ внизъ, падаетъ въ трубы, а затѣмъ въ огромные ящики-желудки. Эти ящики наполняютъ остовъ элеватора и изъ нихъ зерно направляется прямо уже въ вагоны. Паровой двигатель приводитъ въ движеніе весь этотъ механизмъ. Американецъ хозяйничаетъ здѣсь по-американски, т. е. заботится не о блескѣ, а о наживѣ. Полу-ступеньки, полу-лѣстницы трясутся подо мною, когда взбираюсь въ «голову» элеватора, онѣ такъ узки, что хватаютъ только для одного человѣка и снабжены ненадежными перилами съ одной стороны и быстро двигающимся передаточнымъ ремнемъ съ другой. Такъ темно, что ничего не видно. Изъ любезности, управленіе приказало человѣку съ фонаремъ освѣщать намъ этотъ отчаянный путь на верхъ строенія.

На станціи Минто насъ ожидалъ сюрпризъ. Собрались окрестные фермеры, чтобы торжественно привѣтствовать чужеземцевъ, посѣтителей дакотскихъ полей. Здоровыя, плотныя фигуры въ огром-

ныхъ черныхъ шляпахъ, какія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были у насъ внѣшними знаками того, что въ мозгахъ подъ ними скрываются радикальныя идеи. Въ собравшейся толпѣ я разглядѣлъ около десятка земляковъ. Ни малѣйшаго слѣда той несамоувѣренности и покорной пришибленности, къ которымъ я привыкъ на пескахъ береговъ Вислы. На богатыхъ нивахъ Дакоты все имѣетъ иной видъ. Выраженіе лица гордое—не приступайся; движенія самоувѣренныя, можетъ быть, болѣе самоувѣренныя, чѣмъ у стариннаго сельскаго шляхтича-сермяжника, который горланилъ на сеймѣ, что всякій шляхтичъ равенъ воеводѣ, а въ то же время покорно кланялся въ ноги ясновельможнымъ панамъ и получалъ удары плетью на коврѣ. Одежда будничная, рабочая, но не грязная; на головахъ такія же шляпы, какъ у остальныхъ земледѣльцевъ. На рукахъ одного изъ нихъ двухлѣтній ребенокъ въ розовомъ платьицѣ, пышетъ здоровьемъ, какъ у насъ господское дитя. Я съ любопытствомъ смотрю на ребенка, который на прощаніе подаетъ ручку и, хотя отецъ шепчетъ ему на ушко польское «до свиданія», бросаетъ намъ американское *good bye*, прощайте. Въ общемъ, здѣшнія степи оказываются благопріятными для нашихъ переселенцевъ. Даже подъ знойнымъ небомъ Техаса молодое поколѣніе, какъ дубки, выростаетъ здоровое и интеллигентное. Глядя на гордаго парня, трудно представить себѣ, что робкій мазурскій подростокъ приходится ему двоюроднымъ братомъ.

Пріемъ длится недолго. Поѣздъ трогается при звукахъ народнаго марша. Мы направляемся въ Грандъ-Форксъ, гдѣ проводимъ остальную часть дня. Городокъ этотъ едва ли имѣетъ 7.000 жителей, но, находясь среди земель рѣки Красной, является весьма важнымъ торговымъ пунктомъ. Однѣхъ досокъ ежегодно доставляется окрестнымъ фермерамъ около 15 милліоновъ квадр. футовъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, тамъ была еще полная пустыня. Нынѣ же въ городѣ имѣется четыре банка, выходятъ двѣ ежедневныхъ газеты, есть университетъ и пятиэтажныя гостинницы съ паровыми подъемными машинами; газъ, водопроводъ и электрическое освѣщеніе, телефонъ, соединяющій до ста пунктовъ. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ огромныхъ листовъ, кажется, спеціально для насъ отпечатанныхъ и воспѣвающихъ чудеса той богатой мѣстности, къ которой мы подъѣзжаемъ.

28 августа, Grand-Forks.

Мы ѣдемъ по городу въ маленькихъ кабріолетахъ. Вездѣ немощеныя улицы—другихъ, по крайней мѣрѣ, не вижу. Вдоль нихъ деревянные мостки, которые проложены высоко надъ уровнемъ

улицы, иногда высятся они на 2 — 3 фута, а на перекресткахъ еще выше. Горе прохожему, который во мракѣ ночи шагнетъ съ мостковъ! Даже на главнѣйшихъ улицахъ, гдѣ стоятъ двухъэтажные дома, большею частью деревянные, на срединѣ находится болото, не смотря на хорошую погоду; боковые же и второстепенные переулки густо поросли травою. Желѣзная дорога прорѣзываетъ городъ. Рельсы пересѣкаютъ главнѣйшую, т. е. самую оживленную улицу. Единственнымъ предостереженіемъ для прохожихъ служитъ написанное на табличкахъ *look out* (гляди!), такъ какъ не имѣется ни шлагбаумовъ, ни сторожей, которые оберегали бы проходящую толпу. Думай всякій о себѣ!

Грандъ-Форксъ построенъ по образцу всѣхъ американскихъ городовъ. Торговый кварталъ состоитъ изъ тѣсныхъ рядовъ кирпичныхъ строеній, за ними разбросаны виллы и домики, по большей части деревянные. Имѣется уже плутократическая улица, которая отличается отъ прочихъ своей тишиной, изобиліемъ деревьевъ и свѣжестью зеленой травы.

Выѣзжаемъ въ поле. Дорога напоминаетъ нашъ проселокъ. Никакого слѣда шоссе, ихъ почти не встрѣчается въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ извѣстны только или желѣзнодорожный путь, или обыкновенная дорога, но гдѣ не терпится наше шоссе, какъ мало производительная затрата. На дорогѣ, пересѣкающей подъ прямымъ угломъ ту, по которой мы ѣдемъ, фыркаетъ паровая машина и трудится надъ утаптываніемъ пути. Въ полѣ работаютъ жнеи-вязальщицы. Куда не глянетъ глазъ—вездѣ лежатъ снопы пшеницы, а въ иныхъ мѣстахъ—стоги обмолоченной соломы. Фермеръ, сопровождающій насъ, говоритъ, что сегодня, утромъ, не было еще ни одного стога, а теперь только около полудня. Показалась паровая молотилка, въ часъ или два управилась со сборами фермы, потомъ удалилась на другую, на третью. Вотъ какъ хозяйничаетъ заморскій крестьянинъ! Разумѣется, нѣтъ у него средствъ для того, чтобы купить дорогую машину. На помощь ему приходятъ спеціальные предприниматели, которые молотятъ хлѣбъ за опредѣленную плату съ бушеля. Часа два пребыванія молотилки на фермѣ—и кончена молотьба, которая отнимаетъ массу времени у нашего хозяина. Иногда земледѣльцы-сосѣди покупаютъ молотилку сообща, собираются всѣ у одного, вымолачиваютъ зерно, потомъ ѣдутъ къ слѣдующему, пока не объѣдутъ всѣхъ.

Дорога, по которой мы ѣдемъ, ведетъ къ большому зданію, довольно небрежно огороженному. На заборѣ размѣстились саженныя рекламы, написанныя аршинными буквами, о порошкѣ для печенья, касторовомъ маслѣ и другихъ специяхъ. Зданіе стоитъ

одиноко въ полѣ, быть можетъ, на разстояніи нашей мили отъ ближайшаго человѣческаго жилья. А между тѣмъ зданіе это является очагомъ знанія для штата Сѣверной Дакоты. Это мѣстный университетъ! Ректоръ—ужъ я, право, не знаю, какъ величать руководителя этого свѣже-испеченнаго университета, которому всего лишь нѣсколько лѣтъ отъ роду,—ректоръ привѣтствуетъ насъ на крыльцѣ короткой рѣчью, въ основѣ которой звучитъ обѣщаніе: «повремените немного и вы увидите, чѣмъ станетъ нашъ университетъ!» и послѣ такого пріема приглашаетъ насъ войти и водитъ по всему зданію. Зданіе двухъэтажное, деревянное, очень скромныхъ размѣровъ для университета. Въ каждой мелочи сказывается не тотъ духъ, какой мы привыкли видѣть въ стѣнахъ старинныхъ университетовъ нашей Европы. Даже сидѣнія въ аудиторіяхъ гласятъ о томъ, что мы находимся въ странѣ, сокрушающей всякую рутину. А библіотека? Для университета она весьма жалкая. За то она включаетъ въ себя всѣ отборныя произведенія обще-философскаго содержанія, какія только появились въ наукѣ въ послѣднія десятилѣтія. Ни малѣйшихъ слѣдовъ педантической эрудиціи, антиковъ совсѣмъ не видно, историческихъ сочиненій очень немного. Библіотека имѣетъ такой видъ, какъ будто бы ее устраивалъ воинствующій позитивистъ—Гекель, Гексли или Летурно.

На дверяхъ надписи: «Для дамъ!» Секретарь заведенія объясняетъ, что это мѣста отдыха студентокъ, которыя въ общемъ числѣ двухсотъ слушателей составляютъ почти половину. Между профессорами равнымъ образомъ есть лица прекраснаго пола. Одна женщина читаетъ англійскую литературу, другая—ассистентка при каѳедрѣ химіи. Слушательницы обязываются дѣлать физическія упражненія, которыми, разумѣется, руководитъ женщина. Управленіе университета объявило неумолимую войну противъ корсетовъ, ношеніе которыхъ запрещено. Въ началѣ учебнаго года каждая дѣвушка подвергается осмотру врача; кромѣ общихъ упражненій, онъ предписываетъ слушательницамъ еще спеціальныя, чтобы укрѣпить ихъ слабые органы и мускулы. При университетѣ устроено нѣчто вродѣ интерната. Пока тамъ живутъ однѣ лишь студентки. Еженедѣльная плата за помѣщеніе вмѣстѣ съ отопленіемъ доходитъ до 75 центовъ! За тѣ же деньги барышня имѣетъ еще право пользоваться... ужъ я, право, не знаю, не приметъ ли это за шутку съ моей стороны какая-нибудь кандидатка въ университетъ изъ Варшавы. Но если румянецъ стыда выступитъ на лицѣ моей соотечественницы при мысли о занятіяхъ ея заморской сестры, то пусть вина за это падетъ на американ-

скую дѣйствительность, которая, впрочемъ, мнѣ очень нравится! Дѣло въ томъ, что студентка въ Сѣверной Дакотѣ до такой степени лишена чувства собственнаго достоинства, что сама стираетъ бѣлье въ университетской прачечной!.. Вотъ и еще одна мелочь, ясно свидѣтельствующая о практическомъ смыслѣ американца. Въ педагогическомъ кругу мы находимъ «матрону», женщину старшаго возраста, къ которой, въ случаѣ надобности, могутъ обращаться за совѣтомъ дѣвушки, оторванныя отъ семьи. Питомцы этого заведенія, въ большинствѣ случаевъ, дѣти мѣстныхъ фермеровъ, т. е. крестьянъ, и многіе изъ нихъ по окончаніи курса будутъ работать на нивѣ. Всѣ пользуются обѣдомъ изъ университетской кухни, но не по принужденію, а просто потому, что дешевле и лучше не достать въ городѣ. Лекціи читаются безплатно. Университетская организація образуетъ въ то же время и одинъ изъ отрядовъ народнаго ополченія.

Мы направляемся далѣе. Я оглядываюсь, не ўвижу ли гдѣ-нибудь здѣшней студентки, которой не позволяется носить корсетъ и которая собственными руками стираетъ бѣлье. Напрасно. Теперь вакаціонное время и слушательницы, можетъ быть, какъ разъ въ эту минуту доятъ коровъ на фермѣ.

Въ отелѣ мы пообѣдали, при чемъ, разумѣется, дѣло не обошлось безъ рѣчей касавшихся блестящаго будущаго этого города. Устройство этого отеля то же, что и всѣхъ прочихъ, какіе мы до сихъ поръ видѣли. Зданіе пятиэтажное, вмѣсто лѣстницы—подъемная машина, къ услугамъ гостей телефонъ и огромная столовая. Въ Грандъ-Форксѣ имѣется еще и другое такое заведеніе, а можетъ быть, даже и третье. Городокъ этотъ, хотя и насчитывающій не болѣе семи тысячъ жителей, имѣетъ однако отели, которые могли бы служить украшеніемъ Варшавы! Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о подвижности американца, который вообще не любитъ засиживаться на одномъ мѣстѣ и смѣется надъ мудростью пословицы, гласящей о томъ, что даже камень поростаетъ, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Мы прогуливаемся по городу. По дорогѣ мы завернули въ «оперу». Зданіе одноэтажное и имѣетъ довольно привлекательный видъ снаружи. Мы входимъ туда. Внизу кресла и двѣ ложи, наверху же одни только кресла. Стало быть полное отсутствіе ложъ, этого внѣшняго выраженія семейной солидарности. Залъ небольшихъ размѣровъ и разсчитанъ, повидимому, человѣкъ на триста. На удобства для публики обращено большое вниманіе. Варшава могла бы многому научиться въ американской пустынѣ. Одинъ рядъ креселъ поднимается на цѣлый футъ выше другого ряда,

внизу подъ сидѣньями имѣются пружины для шляпъ, а на спинкѣ находящагося предо мною кресла — приспособленіе для храненія палки или дамской накидки. Корридоры и всѣ проходы между креслами выстланы коврами.

Мы вошли безъ всякаго спроса въ пустую залу, зажгли электрическій свѣтъ и расположились въ креслахъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, французскій журналистъ, садится за піанино и начинаетъ играть марсельезу. Всѣ мы поемъ. За нами вваливается толпа зѣвакъ, окружаетъ японца и буквально щиплетъ его. Добродушный представитель желтой расы только улыбается, радуясь такимъ оваціямъ. Никто не заступаетъ намъ дороги и не выгоняетъ непрошенныхъ гостей.

Вечеромъ насъ принимаютъ въ гражданскомъ клубѣ, который помѣщается на третьемъ этажѣ одного изъ отелей. Само собою разумѣется, мы въѣзжаемъ туда на подъемной машинѣ. Въ первой же комнатѣ я замѣчаю знакомыя мнѣ лица нашихъ евреевъ. Они не желаютъ входить въ залу, ибо, не зная ничего о готовящемся торжествѣ, явились въ будничной одеждѣ (потомъ я видѣлъ ихъ въ салонахъ, такъ какъ предсѣдатель клуба заставилъ ихъ всетаки принять участіе въ торжествѣ). Одинъ изъ нихъ родомъ изъ Львова, другой—изъ Бродовъ, оба они сидятъ на землѣ и занимаются ея обработкой. Я узнаю, что евреи въ большомъ числѣ заняты фермерствомъ въ штатѣ Сѣверной Дакоты: въ области Дьявольскаго озера ихъ насчитываютъ человѣкъ сорокъ, въ другомъ уголкѣ—до пятидесяти, еще въ какомъ-то мѣстѣ—нѣсколько десятковъ. Нѣкоторые уже въ теченіе двадцати лѣтъ заняты земледѣліемъ. Поселенцы-евреи чувствуютъ себя здѣсь хорошо; одинъ изъ нихъ показывалъ мнѣ бумаги, свидѣтельствовавшія о кредитѣ, какимъ онъ пользуется въ банкѣ. Дѣти ихъ посѣщаютъ общественныя школы. Самый пожилой изъ встрѣтившихся мнѣ здѣсь евреевъ, въ обычномъ одѣяніи еврея-ремесленника, имѣлъ такую смѣлую наружность, что скорѣе напоминалъ добродушнаго земледѣльца-хуторянина, сидящаго на нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ въ Мазуріи, нежели нашего типичнаго еврея. Земля на лицо каждаго, кто полюбилъ ее, кладетъ отпечатокъ искренности и простоты. Мой товарищъ, инженеръ Рыцерскій, пришелъ въ такое восхищеніе отъ нашего фермера ветхозавѣтнаго вѣроисповѣданія, что просилъ у него фотографической карточки, которую обѣщалъ помѣстить въ варшавскихъ изданіяхъ. А между тѣмъ, во Львовѣ этотъ еврей былъ факторомъ, лакейски-покорнымъ и способнымъ, пожалуй, ко всякаго рода услугамъ!

Евреи разсказываютъ мнѣ о полякахъ. Наши соотечественники

расположились въ окрестностяхъ городка Минто, въ числѣ пятисотъ съ небольшимъ поселенцевъ. Въ штатѣ они принадлежатъ къ самымъ зажиточнымъ, ибо работаютъ, прибавляетъ фермеръ-еврей, не такъ, какъ туземцы. Земледѣлецъ американецъ кончаетъ обыкновенно работу въ 5½ часовъ пополудни, между тѣмъ какъ полякъ продолжаетъ работать до заката солнца. Поля его лучше воздѣланы, ибо онъ влагаетъ въ нихъ больше своего поту и крови и не такъ скоро бросаетъ насиженный участокъ въ томъ случаѣ, если гдѣ-нибудь возникаютъ виды на лучшій заработокъ. Вообще, если бы не европейскій крестьянинъ, выносливый и довольствующійся малымъ, Дакота не была бы въ настоящее время Дакотой. Раньше, въ первое время земледѣльческой горячки, расположились-было здѣсь крупныя земледѣльческія хозяйства, *Bonanza farms*. Но лишь только цѣны на пшеницу упали, большинство крупныхъ капиталистовъ бросили землю. За обработку земли, раздѣленной на небольшія фермы, принялись нѣмцы и норвежцы. Трудолюбіе ихъ, выработавшееся подъ игомъ европейскихъ общественныхъ отношеній, было вознаграждено съ избыткомъ: оно увѣнчалось полнымъ достаткомъ.

Невозможно не замѣтить однообразія, тяготѣющаго надъ городской жизнью въ Америкѣ. Какъ въ Чикаго, такъ и въ Грандъ-Форксѣ я замѣчаю совершенно одинаковое платье и одинаковаго фасона шляпы; но сходство замѣчается не только въ этомъ: устройство домовъ, форма газетъ, манеры жителей повсюду одни и тѣ же. Въ «Старомъ Свѣтѣ» между человѣкомъ изъ большаго города и жителемъ какого-нибудь провинціальнаго захолустья существуетъ разница въ манерѣ держать себя, сразу бросающаяся въ глаза. Приходскій духъ сказывается въ каждомъ движеніи. Пожалуй, что и въ Америкѣ въ этомъ отношеніи существуетъ такое же различіе, только я что-то не замѣчаю его. Подъ шляпою же одинаковаго фасона и въ домикѣ неизмѣнно одного и того же устройства скрываются одинаковые вкусы и понятія. Самый ничтожный городишко имѣетъ здѣсь еще такую массу сношеній съ внѣшнимъ міромъ и въ своихъ стѣнахъ видитъ еще такое множество гостей, прибывающихъ издалека, что съ жителей его легко стираются черты обособленности, а сами они пріобрѣтаютъ увѣренность въ себѣ при сношеніяхъ съ чужеземцами. Развѣ житель какого-нибудь уѣзднаго городишки у насъ держалъ бы себя такъ просто, какъ обыватель Грандъ-Форкса, если бы очутился съ глазу на глазъ съ обществомъ гостей-чужеземцевъ?..

Въ особенности поражаетъ меня здѣсь отсутствіе интеллектуальныхъ различій. Во время прогулки за городомъ я сталкивался

съ мѣстнымъ элементомъ, потомъ я слушалъ заобѣденныя рѣчи, провелъ часа два вечеромъ въ клубѣ, всѣ залы котораго были биткомъ набиты, бесѣдовалъ съ старшимъ поколѣніемъ и съ молодыми американками, и всегда меня удивляла непоколебимая увѣренность въ себѣ.

28 августа, въ вагонѣ желѣзной дороги.

Поѣздъ мчитъ насъ перпендикулярно къ теченію рѣки Красной. Насъ везутъ въ имѣніе Лариморъ, которое считается однимъ изъ болѣе крупныхъ, хотя и не самымъ крупнымъ въ этой мѣстности. Оно, подобно всѣмъ крупнымъ земельнымъ имуществамъ въ Соединенныхъ Штатахъ, принадлежитъ акціонерному обществу: *Elk Valley farm C—o.* Такая форма въ значительной мѣрѣ способствуетъ развитію земледѣльческой техники и придаетъ необыкновенную эластичность какъ разнымъ земледѣльческимъ предпріятіямъ, такъ и предпріятіямъ скотоводства. Акціонерный капиталъ смѣло идетъ на такое предпріятіе, отъ котораго навѣрно отшатнулся бы индивидуальный капиталъ, такъ какъ при значительномъ числѣ участниковъ каждый изъ нихъ рискуетъ лишь малой долей своего имущества, и всегда можетъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія, если дѣло не оплачивается. Обыкновенно образуютъ акціонерное общество юркіе городскіе капиталисты, которые привыкли смѣло глядѣть въ глаза банкротству и никогда не отказываются испробовать новые пути, лишь бы они обѣщали богатые барыши. Лариморскую ферму основали спекулянты изъ С.-Луи въ 1881 году и передали управленіе его въ руки опытнаго агронома и вмѣстѣ съ тѣмъ оборотливаго дѣльца господина Ларимора (*Larimore*). Это имѣніе занимаетъ шестнадцать тысячъ акровъ земли, при чемъ десять тысячъ изъ нихъ засѣяны пшеницей. Урожай прошлаго года состоялъ изъ 175 тысячъ бушелей пшеницы, 40 тысячъ бушелей овса и 10 тысячъ бушелей ячменя. Инвентарь состоитъ изъ двухсотъ муловъ—другого скота не имѣется. Дѣлецъ внесъ въ земледѣліе обычную для него отчетность и смотритъ на землю, какъ на своего рода фабрику. «Крупныя фермы Дакоты—исповѣдуется одинъ изъ предпринимателей, хозяйничающій на сконцентрированномъ пшеничномъ полѣ, обнимающемъ полторы тысячи десятинъ—ведутся въ строгомъ согласіи съ правилами *business'a*. Все тамъ систематически устроено. Мы прекрасно знаемъ, что стоитъ каждая мелочь и во что она обходится собственнику. Съ фермы мы получаемъ ежедневные отчеты о томъ, что достигнуто въ теченіе всего дня и что сдѣлали отдѣльный рабочій, лошадь или машина. Мы оцѣниваемъ изнашиваніе машины по отношенію

къ ея дѣятельности, присоединяемъ сюда затраты на ея ремонтъ и превосходно знаемъ ея жизнь. На нашихъ фермахъ имѣются бухгалтеры, управляющіе и другія должностныя лица. Мы превосходно знаемъ, во что обходится намъ одинъ акръ поля, другими словами его обработка, а также и барыши, какіе мы съ него получаемъ. Мы можемъ высчитать проценты съ капитала съ точностью до одного цента». Но когда такая строгая отчетность обнаруживаетъ, что земледѣльческій гешефтъ не приноситъ должныхъ барышей, тогда акціонерный капиталъ бросаетъ безъ всякаго сожалѣнія землю, стягиваетъ при содѣйствіи рекламы выходцевъ изъ крестьянской Европы и распредѣляетъ между ними землю, дробя ее на мелкіе участки.

29 августа, станція *Larimore*.

Шесть часовъ утра. Одна часть нашего общества отправилась на охоту, другая—спитъ еще. Что касается меня, то я отправляюсь въ городокъ съ цѣлью развѣдать о немъ что-нибудь. Я рѣшилъ осмотрѣть городокъ, въ которомъ, не знаю, можно ли насчитать нѣсколько сотъ жителей. Со станціи я прямо попадаю въ одинъ изъ боковыхъ переулковъ. Съ нѣкоторымъ затрудненіемъ я рѣшаюсь дать ему такое названіе, пожалуй, лучше было бы назвать его просто мостками. Ибо повсюду кругомъ пышно разрослись всякія травы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ даже до пояса. Деревянные мостки служатъ единственнымъ доказательствомъ того, что мы имѣемъ дѣло съ улицей; если бы ихъ не было, можно было бы подумать, что это поле. Эти мостки приводятъ насъ къ другимъ мосткамъ, которые тянутся перпендикулярно къ первымъ. Картина та же. Наконецъ, пройдя еще одинъ перекрестокъ, я выхожу на болѣе видную улицу: здѣсь меньше бурьяну и тянутся даже два ряда мостковъ. На этой улицѣ сразу бросаются въ глаза два красивыхъ, деревянныхъ, одноэтажныхъ зданія. Это муниципалитетъ и школа. Послѣдняя окружена пустынной площадью, на которой то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ торчатъ затычки съ молодыми деревцами. Вообще деревьевъ, за исключеніемъ только-что упомянутыхъ, не видно ни въ городѣ, ни въ его окрестностяхъ. Въ концѣ-концовъ я очутился на главной улицѣ, широкой, какъ и повсюду на американской землѣ. Одна хата ютится возлѣ другой. Однимъ словомъ, мы имѣемъ дѣло съ нарождающимся городомъ. Въ травѣ стоятъ элеваторы, изъ-подъ бурьяна выглядываютъ жнеи-вязальщицы. Американецъ не особенно бережно относится къ своимъ орудіямъ: не прячетъ ихъ въ сарай, а оставляетъ на солнцѣ и дождѣ.

*

Десять часовъ утра. Одна телѣга за другою везетъ насъ на лариморскую ферму. Вмѣстѣ съ ближайшимъ городкомъ и станціей она получила названіе отъ своего директора. Сопровождающій меня членъ принимающаго насъ комитета живо жестикулируетъ и старается вызвать во мнѣ удивленіе передъ близкимъ его сердцу захолустьемъ: пахарь на лариморскомъ полѣ проходитъ обыкновенно двѣ англійскихъ мили, не уклоняясь отъ прямой линіи, и въ теченіе одного дня отваливаетъ только двѣ борозды, туда и обратно.

Мы проѣзжаемъ какъ разъ мимо имѣнія. Руководители этой поѣздки нашли совершенно излишнимъ показывать намъ его устройство. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можетъ представить тамъ для васъ интересъ, говоритъ мнѣ мой проводникъ. А между тѣмъ, не одинъ изъ насъ нашелъ бы тамъ, пожалуй, много интересныхъ вещей. Поэтому я пытаюсь хоть издали разсмотрѣть это странное помѣстье, расположившееся на 40 т. акрахъ земли. Ферма напоминаетъ городокъ; крыши ея, залитыя солнечными лучами, рѣзко выдѣляются своимъ краснымъ цвѣтомъ. Вилла директора расположена нѣсколько въ сторонѣ въ недавно еще засаженномъ паркѣ. Видны два двуэтажныхъ дома. Три огромныхъ колодезныхъ вѣера слегка поворачиваются въ воздухѣ и накачиваютъ воду. Множество длинныхъ зданій грязно-кирпичнаго цвѣта—это конюшни для муловъ и для пары упряжныхъ лошадей. Тутъ же видны и другія, также длинныя строенія — это лѣтніе бараки для рабочихъ, которые пріѣзжаютъ сюда на время полевыхъ работъ изъ городовъ, находящихся на разстояніи тысячи верстъ отсюда, остаются здѣсь до окончанія земледѣльческихъ работъ и къ концу лѣта возвращаются на городскую мостовую. Но на этой огромной фермѣ не видно амбаровъ, не замѣтно также ни одного овина. Строенія, считающіяся у насъ необходимыми, совершенно неизвѣстны лариморскому имѣнію!

Подъ колодезными вѣерами, на высокихъ подмосткахъ стоятъ огромныя круглыя кадки, какія можно видѣть у насъ на пивоваренныхъ заводахъ, а тутъ же на землѣ длинныя корыта, черезъ края которыхъ льется вода. Нѣтъ возможности удержать вѣтеръ въ работѣ! Среди густой сорной травы краснѣетъ одна, другая, третья паровая молотилка; около одной изъ нихъ возятся люди. На протяженіи, какое только можно охватить глазами, стоятъ цѣлыми рядами плуги, такіе, которые обыкновенно сразу проводятъ двѣ борозды. Картина эта производитъ на насъ своеобразное впечатлѣніе. Трудно передать это впечатлѣніе: выходитъ такъ, какъ

будто мы стоимъ передъ чѣмъ-то намъ чуждымъ и непонятнымъ, передъ чѣмъ-то такимъ, что надо еще усвоить и переварить.

Мы миновали ферму и опять очутились въ чистомъ полѣ, среди тянущагося безъ конца жнивья. Только на далекомъ горизонтѣ медленно движется (на первый взглядъ, кажется, что стоитъ неподвижно) полоса черныхъ пятенъ, почти сливающихся одно съ другимъ. Это батарея жней-вязальщицъ, ожидающая лишь нашего прибытія, чтобы въ какой-нибудь часъ времени убрать поле, раскинувшееся на нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ.

Мы на желанномъ мѣстѣ. Обширная пшеничная нива волнуется передъ нами. Вдоль ея краевъ одна за другою движутся жнеи-вязальщицы; каждая изъ нихъ запряжена тройкою муловъ. Возница важно сидитъ на стулѣ вверху. Служащіе въ имѣніи и члены принимающаго насъ комитета даютъ намъ необходимыя разъясненія. Ровно сорокъ пять автоматовъ срѣзаютъ поднимающуюся передъ нами пшеничную стѣну, и въ полѣ работаютъ больше полуторы сотни мужчинъ, либо въ качествѣ возницъ, либо въ качествѣ простыхъ пѣхотинцевъ, которые должны возиться со снопами и исполнять другія работы. Такая многочисленная батарея жней выставлена исключительно лишь по случаю нашего прибытія. При обычномъ же ходѣ работы эта батарея состоитъ изъ двухъ меньшихъ партій, по десяти, самое бо́льшее по пятнадцати машинъ каждая, главнымъ образомъ, для того, чтобы въ случаѣ временной порчи одной изъ машинъ остальнымъ не приходилось стоять въ бездѣйствіи, пока поврежденный автоматъ не будетъ удаленъ изъ строя. Между пѣхотинцами то и дѣло летаютъ верхомъ на лошадяхъ нѣсколько офицеровъ земледѣльческой арміи — это механики съ инструментами. Лишь только одинъ изъ тарановъ, ударяющихъ въ сплошную стѣну пшеницы, потребуетъ починки, его тотчасъ же удаляютъ изъ строя и механикъ спѣшитъ къ нему на помощь. А вотъ два воза. На каждомъ изъ нихъ бочка съ водою для освѣженія работающихъ, и множество огромныхъ мотковъ толстой бичевки, которые вставляются въ жнею и служатъ для связыванія сноповъ.

Когда стоишь близко, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ дѣйствующей батареи, получается странное, совсѣмъ необычное впечатлѣніе. Тѣ жнеи, которыя находятся прямо передъ моими глазами, я различаю превосходно. Дальше, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ направленіи, перспектива уменьшаетъ размѣры автоматовъ и суживаетъ промежутки между ними. Еще далѣе свободные промежутки окончательно исчезаютъ и мы видимъ уже только непрерывный и сплошной поясъ, все болѣе и болѣе уменьшаю-

средствами для предотвращенія бѣдствій голода. Вѣдь природа такъ всемогуща, а силы человѣка такъ ничтожны! Силы природы выростаютъ здѣсь до чего-то чудовищно всевластнаго. Неумолкающій стонъ и безконечная, безнадежная немощь образуютъ главную мелодію на святомъ праздникѣ змѣй, назначеніе котораго у Зуніевъ состоитъ, въ томъ, чтобы вымолить милость неба и хорошій урожай! Изъ того же источника произошла, по моему мнѣнію, и пѣсня «Въ день оный, въ день страшный». Между тѣмъ, здѣсь, на нивахъ Дакоты, въ присутствіи этого чудовища, на спинѣ котораго усѣлись люди, при видѣ этихъ безчисленныхъ сноповъ, выбрасываемыхъ отдѣльными звеньями змѣиной дуги, и элеваторовъ на горизонтѣ, присутствіе которыхъ заставляетъ допустить скрывающуюся за ними желѣзнодорожную сѣть, такая боязнь совершенно исчезаетъ. Человѣкъ сознаетъ свои силы и окончательно стряхнулъ съ себя мучительную боязнь голода. Онъ не боится капризовъ природы. Онъ лишенъ того терпѣнія, которымъ обладаетъ варваръ - земледѣлецъ и которое неразрывно связано съ копаніемъ земли мотыкой или взрѣзываніемъ ея простой сохой. Этотъ возница, который важно расположился на сидѣньѣ жнеи и рѣжетъ лоно земли странными паровыми плуѓами, извлечетъ изъ своей души разные гимны религіознаго характера, но въ этихъ гимнахъ навѣрно не будетъ плача и отчаянія «дня страшнаго».

И вообще настроеніе человѣка, его отдыхъ и забавы уже въ настоящее время имѣютъ въ пшеничной степи иной видъ, не такой, какъ у насъ. Человѣкъ работаетъ тамъ другими органами, и другія мышечныя впечатлѣнія вступаютъ въ міръ его эмоцій. Спѣшная работа нашихъ жнецовъ, которые, сгибаясь надъ серпомъ отъ восхода и до заката солнца, медленно подвигаются впередъ среди страшнаго зноя, вызываетъ во всемъ организмѣ особенное утомленіе. Земледѣлецъ такъ и бросился бы на землю, лежалъ бы на ней неподвижно цѣлыми часами, довольный уже тѣмъ, что ему не приходится двигать измученными мышцами. Такимъ образомъ, когда послѣ непосильнаго недѣльнаго труда наступаетъ минута отдыха, онъ даетъ полную волю этому инстинкту. Его дакотскій товарищъ не сгибаетъ своей спины и не напрягаетъ своихъ мускуловъ. Зато, сидя на козлахъ, онъ работаетъ своимъ органомъ зрѣнія, а главнымъ образомъ, органомъ слуха. Онъ имѣетъ передъ собою лишь муловъ, а позади себя—весь механизмъ жнеи, стало быть, ея зубы, срѣзывающіе хлѣбъ, ея руки, связывающія солому, ея части, выбрасывающія снопы. Ухомъ своимъ ловитъ онъ скрежетъ пасти и шумъ связывающаго аппа-

рата и по ихъ правильности судитъ о томъ, нормально ли дѣйствуетъ автоматъ. Малѣйшая порча даетъ знать о себѣ, такъ или иначе нарушая гамму обычныхъ звуковъ. Послѣ дневного труда онъ сходитъ съ своего сидѣнья съ притупленнымъ слухомъ и утомленнымъ зрѣніемъ, но съ мускулами, жаждущими работы послѣ бездѣйствія въ теченіе многихъ часовъ. Прибавимъ къ этому еще, что онъ совсѣмъ иначе питается, такъ какъ мясо служитъ для него главнымъ матеріаломъ для возстановленія силъ. Его эмоціи имѣютъ по необходимости другой характеръ, нежели эмоціи нашего крестьянина! Какъ онъ реагируетъ на впечатлѣнія внѣшняго міра, какія страсти и стремленія въ немъ преобладаютъ, какимъ забавамъ онъ предается и даже какимъ образомъ ухаживаетъ за дѣвушкой,—обо всемъ этомъ я не могу сказать ровно ничего, но я чувствую, что во всемъ этомъ онъ рѣзко отличается отъ нашего деревенскаго парня! Это представители двухъ различныхъ формацій общественнаго развитія.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Крюковъ, это подло! — высокой нотой выкрикивала Парасковея Пятница, вся красная отъ волненія.—Да, подло, гадко, отвратительно, гнусно...

— Вы въ этомъ убѣждены, Парасковья Игнатьевна?— спокойно спрашивалъ Крюковъ, ероша начинавшуюся бѣлокурую бородку.

— И вы еще спрашиваете?!.. Гдѣ я?..

Парасковея Пятница сдѣлала трагическій жестъ и вызывающе посмотрѣла на стѣну съ фотографіями, точно призывала ихъ быть нѣмыми свидѣтелями совершаемой Крюковымъ подлости.

— Человѣкъ, который поступаетъ подло, называется подлецомъ,—разсуждалъ Крюковъ невозмутимо.—А такъ какъ вы прибавили еще слово: „гнусно", и такъ какъ, насколько я понялъ, все это относится къ моей особѣ, то въ результатѣ выходитъ, что я гнусный подлецъ... Такъ?

— Я этого не говорила. Это вы сами придумываете...

— Нѣтъ, позвольте, Парасковья Игнатьевна. Будемте немного послѣдовательными и допустимъ, что это дѣйствительно такъ. Какъ видите, я даже не обижаюсь. Но меня удивляетъ слѣдующее: какъ вы рѣшаетесь имѣть дѣло съ подобными

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1896 г.

людьми? Прибавьте, что всѣ негодяи убѣждены, что они порядочные люди, и это происходитъ по той простой причинѣ, что они лишены возможности взглянуть на самихъ себя со стороны. Это даже извиняетъ ихъ до нѣкоторой степени. Но совсѣмъ другое дѣло, когда порядочный человѣкъ связывается съ завѣдомымъ негодяемъ и дѣлается даже хуже его, потому что не можетъ оправдываться даже спасительнымъ невѣдѣніемъ. Повторяю: мнѣ отъ души васъ жаль, Парасковья Игнатьевна.

— Съ вами совершенно нельзя говорить серьезно, Крюковъ. Вы вѣчно балаганите и изъ васъ никогда-никогда не выработается мыслящій реалистъ. У насъ въ Казани былъ точно такой случай, и тогда Иванъ Михайлычъ, мой мужъ, сказалъ прямо: „Полина, я это устрою...“ Онъ не любилъ имя Парасковья и называлъ меня Полиной. И дѣйствительно, устроилъ... Дѣло едва не дошло до дуэли.

— Согласитесь, что я не виноватъ, что не живу въ Казани и не достигъ совершенствъ вашего мужа...

Разговоръ происходилъ осенью, на другой день, какъ только Крюковъ вернулся съ лѣтнихъ каникулъ. Онъ загорѣлъ и замѣтно возмужалъ, благодаря пробивавшейся бородкѣ и усикамъ. Парасковея Пятница нашла его красавцемъ, зазвала его въ свою комнату пить кофе и неожиданно поставила въ самое неловкое положеніе. Крюковъ отшучивался, пока могъ, а потомъ проговорилъ умоляющимъ тономъ:

— Вѣдь, въ сущности, я, ей-Богу, даже не знаю, чего вы отъ меня хотите, Парасковья Игнатьевна...

— Не притворяйтесь, пожалуйста. Онъ не понимаетъ?!.. Скажите, какая угнетенная невинность или поросенокъ въ мѣшкѣ... Вѣдь вы хорошо знали Катю Анохину? Двоюродная сестра Честюниной... Забыли?

— Нѣтъ, помню хорошо. Такая бойкая особа...

— Да, да... Такъ вотъ она вышла замужъ—понимаете?

— Охотно допускаю...

— Родители ни за что не хотѣли этого брака, но она дѣвушка энергичная и поступила, какъ полноправная дѣвушка. Свадьба была недѣлю назадъ и пока молодые скрылись у меня... Ахъ, какъ трогательно смотрѣть на нихъ! Оба ничего не понимаютъ и только смотрятъ другъ другу въ

глаза... Я даже вскликнула: точь-въ-точь, какъ покойный Иванъ Михайлычъ...

— И это допускаю...

— Но, представьте себѣ, Крюковъ, отецъ Кати оказался страшнѣйшимъ деспотомъ, даже извергомъ... Такъ какъ Катя вышла замужъ и вышла изъ-подъ его деспотизма, то онъ заявилъ, что убьетъ ея мужа. Понимаете? Это совершенный дикарь... Хуже людоѣда. Да... Потомъ: онъ разузналъ какимъ-то низкимъ способомъ адресъ Кати и сегодня пріѣдетъ сюда убивать зятя. Поняли? Какъ на грѣхъ, у меня сейчасъ никого жильцовъ мужчинъ нѣтъ, кромѣ васъ... да. Однимъ словомъ, вы должны объясниться съ этимъ пещернымъ человѣкомъ.

— Я?!..

— Да, вы... Васъ это удивляетъ? Вы струсили впередъ?

— Нѣтъ, позвольте: Катя вышла замужъ, ergo, я имѣю основаніе подозрѣвать, что у нея есть мужъ, а отсюда логическимъ путемъ вытекаетъ, что этотъ подозрѣваемый мною мужъ какъ-нибудь защититъ жену...

— Ахъ, какой вы непонятный... Да я же сказала вамъ, что этотъ троглодитъ убьетъ мужа Кати? Я была у нихъ посаженной матерью и совсѣмъ не желаю, чтобы Катя овдовѣла, не переживъ даже своего медоваго мѣсяца...

— Все-таки ничего не понимаю... Налетитъ сюда взбѣсившійся человѣкъ, я выйду къ нему—что же я ему скажу?

— Вы не знаете, что сказать? Ахъ, если бы я была мужчиной... Да я и сейчасъ все бы ему сказала, но онъ и меня тоже хочетъ убить, потому что какъ я смѣла быть посаженой матерью. Вы ему скажите прямо, что, во-первыхъ, всякая женщина имѣетъ такія же права, какъ и мужчина, слѣдовательно, вполнѣ можетъ располагать собой, а во-вторыхъ, что звѣрскіе инстинкты мыслящими людьми не признаются и что, наконецъ, скандалить нехорошо. У насъ въ Казани...

— Знаете, Парасковья Игнатьевна, я очень васъ уважаю, но еще никогда не бывалъ въ такомъ дурацкомъ положеніи. Ну, какое мнѣ дѣло до вашей Кати Анохиной, до ея мужа, до этого взбѣшеннаго отца?

— Какое дѣло? А какъ же Иванъ Михайлычъ хотѣлъ

стрѣляться на дуэли точно по такому же случаю? Берите съ него примѣръ, Крюковъ, и будьте хотя немножко мужчиной...

— Хорошо, я подумаю.. Позвольте одинъ вопросъ: гдѣ теперь эта самая Катя Анохина?

— Господи, да у меня же...

Понизивъ голосъ, она сообщила:

— Рядомъ въ комнатѣ со своимъ мужемъ прячется... Заперлись на крючокъ и сидятъ вотъ уже второй день. Я ее вполнѣ понимаю... Молодая женщина только-что добилась свободы и вдругъ... Ахъ, какіе они смѣшные оба!.. Ничего-ничего не понимаютъ... И представьте себѣ, совершенно счастливы. Даже завидно со стороны на нихъ смотрѣть... Знаете, въ жизни каждаго индивидуума есть моментъ поэзіи...

— Дда, поэзія маленькая...

Крюковъ ушелъ къ себѣ въ комнату, оставивъ всѣхъ „бабъ" въ сильномъ подозрѣніи по части логики вообще и простого здраваго смысла въ частности. Позвольте, ему-то, Крюкову, какое дѣло до всѣхъ Кать на свѣтѣ? Ну, выходите замужъ, реализируйте свою равноправность, сходите съ ума, если можете позволить себѣ такую безумную роскошь—сдѣлайте милость. Но зачѣмъ впутывать сюда его, Крюкова? По пути Крюковъ обругалъ и самого себя,—дернуло же его остановиться у Парасковеи Пятницы! Здѣсь вѣчно какіе-нибудь романы разыгрываются... А вотъ теперь и расхлебывай чужую кашу. Этотъ взбѣсившійся отецъ Кати еще убьетъ какъ разъ.

Впрочемъ, студенту Крюкову не пришлось долго раздумывать. Старикъ Анохинъ явился въ тотъ же день вечеромъ, явился совершенно неожиданно, хотя всѣ и ожидали его. Дверь отворить по привычкѣ вышла сама Парасковея Пятница и попятилась въ ужасѣ, когда Василій Васильичъ проговорилъ съ разсѣяннымъ видомъ:

— Мнѣ нужно видѣть хозяйку этой квартиры...

Онъ не узналъ ее, принявъ за прислугу. Въ другое время она даже обидѣлась бы, а тутъ была счастлива, какъ вырвавшаяся изъ мышеловки мышь. Она съ несвойственной своему почтенному возрасту и комплекціи живостью кинулась прямо въ комнату къ Крюкову.

— Голубчикъ, спасите... Чуть не убилъ!.. Ради Бога... Выйдите къ нему и говорите, что хотите.

— Благодарю васъ...

Однако, нечего дѣлать, пришлось выходить. Анохинъ ждалъ, расхаживая нетерпѣливо по корридору. Крюковъ прямо подошелъ къ нему и спросилъ съ самымъ непринужденнымъ видомъ:

— Вамъ нужно Парасковью Игнатьевну?

— Мнѣ нужно видѣть г-жу Приростову... — твердо отвѣтилъ старикъ, подозрительно оглядывая Крюкова съ ногъ до головы.—Да, Приростову.

— Она сейчасъ выйдетъ... Вы ее подождите. Вотъ здѣсь...

Крюковъ, не сообразивъ, провелъ Анохина прямо въ комнату Парасковеи Пятницы. Старикъ подозрительно оглядѣлъ на дорогѣ каждую дверь, съ такимъ же подозрѣніемъ отнесся къ комнатѣ, куда его привели, и еще разъ съ головы до ногъ смѣрилъ Крюкова.

— Садитесь, пожалуйста...

— Скажите, пожалуйста, вы не артистъ?

— Нѣтъ, я студентъ...

— А фамилія?

— Крюковъ...

Старикъ точно обрадовался, протянулъ руку и отрекомендовался:

— Чиновникъ Анохинъ... Очень радъ. Здѣсь жила въ прошломъ году моя племянница, Честюнина...

— Курсистка? Я ее встрѣчалъ... да. Я даже знакомилъ ее съ другими...

— Ахъ, да, Маша мнѣ разсказывала.

Василій Васильичъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на дверь, въ которую должна была войти Парасковея Пятница и нѣсколько разъ приподнимался съ кресла, точно приготовляясь къ чему-то. Онъ нѣсколько разъ по пути застегнулъ и разстегнулъ свой сюртукъ. Крюковъ присѣлъ на стулъ и рѣшительно не зналъ, что ему говорить съ гостемъ. Онъ позабылъ всѣ слова и чувствовалъ, что начинаетъ краснѣть.

— Послушайте, молодой человѣкъ, гдѣ же эта особа?— уже сурово спросилъ Василій Васильичъ.—Мнѣ необходимо серьезно поговорить съ ней... Да, очень серьезно.

— Она... видите-ли... да... Я ошибся, она, кажется, къ вечернѣ ушла.

— Къ вечернѣ?!.. Послушайте, да вы, можетъ быть, совсѣмъ и не студентъ, а какой-нибудь великій артистъ?

— Подождите, я сейчасъ схожу и узнаю...

Это было самое позорное бѣгство, какому только предавалось когда-нибудь малодушное человѣчество. Парасковея Пятница встрѣтила его какимъ-то змѣинымъ шипѣньемъ.

— Зачѣмъ вы его ко мнѣ въ комнату затащили, несчастный?!.. Не стало вамъ другихъ комнатъ?!.. Цѣлыхъ три пустыхъ комнаты стоятъ...

— Да, вѣдь, онъ васъ спрашивалъ? Впрочемъ, я свое дѣло сдѣлалъ... Теперь ужъ вы сами, какъ знаете...

— Что же я могу знать, когда вы меня продали съ перваго слова!.. О, несчастный человѣкъ... Зачѣмъ вы сказали, что я дома?.. Своими ушами слышала...

— Сначала я, дѣйствительно, сказалъ, Парасковья Игнатьевна... растерялся немного... А потомъ я поправился и сказалъ, что вы, кажется, ушли къ вечернѣ...

Недавній страхъ предъ деспотомъ какъ рукой сняло. Парасковея Пятница гордо выпрямилась, окинула своего неудачнаго помощника презрительнымъ взглядомъ и величественно вышла изъ комнаты.

Парасковея Пятница совершенно свободно вошла въ свою комнату и вызывающе проговорила поднявшемуся на встрѣчу гостю:

— Вы желали видѣть меня, милостивый государь? Я къ вашимъ услугамъ...

Василій Васильичъ поклонился, но руки не подалъ. Кто же подаетъ руку разнымъ салопницамъ, которыя шляются къ вечернѣ?

— Ни къ какой вечернѣ я не ходила, г. Анохинъ,— гнѣвно оправдывалась Парасковья Пятница.—Собственно говоря, Крюковъ добрый малый и я его очень люблю, но у него, знаете, иногда зайцы въ головѣ прыгаютъ. Вы ужъ извините его...

II.

Этотъ потокъ ненужныхъ женскихъ словъ немного ошеломилъ Василія Васильича. Какая вечерня? Онъ посмотрѣлъ на Парасковею Пятницу какими-то умоляющими глазами и проговорилъ:

— Вы знаете, конечно, г-жа Приростова, зачѣмъ я пріѣхалъ къ вамъ...

Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Гдѣ моя дочь? Отдайте мнѣ мою дочь... Я пріѣхалъ за ней.

— Я не знаю, гдѣ она...

— Вы не знаете? Нѣтъ, вы лжете... да, да, да! Я это вижу по вашему лицу... Вы лжете, m-me Приростова! Отдайте мнѣ мою дочь...

— Милостивый государь, вы забываетесь... Я не позволю себя оскорблять.

— Ахъ, Боже мой!—застоналъ онъ, хватаясь за голову.— Развѣ я за этимъ пріѣхалъ, чтобы оскорблять васъ... Какое мнѣ дѣло до васъ!

— Ея нѣтъ...

— Если ея нѣтъ здѣсь—вы, все равно, знаете, гдѣ она. Да, да, да... Боже мой, что я говорю! Кому я говорю? Развѣ это люди...

Его голосъ вдругъ упалъ. Онъ безнадежно посмотрѣлъ кругомъ, глотая слезы.

— Г-жа Приростова, вы были ребенкомъ... у васъ была мать, которую вы любили... да... именемъ этой матери умоляю васъ, не скрывайте отъ меня, гдѣ она, моя дочь!.. Вы видите, я пришелъ къ вамъ жалкимъ, разбитымъ старикомъ... у меня отняли все...

Деспота душили слезы, и онъ быстро отвернулся. Именно этого Парасковея Пятница уже никакъ не ожидала... Иванъ Михайлычъ никогда не плакалъ. Въ добромъ сердцѣ Парасковеи Пятницы шевельнулось предательское чувство жалости, которое столько разъ ее губило. Плачущій деспотъ—это чего-нибудь стоило...

— Вы не знаете, г-жа Приростова, гдѣ моя дочь? Нѣтъ? О, Боже мой, Боже мой... Вы хотите, чтобы я на колѣняхъ умолялъ васъ объ этомъ? Вы хотите позора несчастнаго отца?.. Да, я испиваю чашу до дна... Больше—я дѣлаюсь смѣшнымъ. Когда я уйду отсюда, вотъ этотъ бѣлокурый студентъ первый посмѣется надо мной. Не правда-ли, вѣдь это очень смѣшно? Я ее ростилъ, любилъ, воспитывалъ и вдругъ...

— Васъ зовутъ Василіемъ Васильичемъ? Садитесь вотъ сюда въ кресло и успокойтесь... Я вамъ принесу воды...

Онъ повиновался, какъ ребенокъ, и ему казалось, что онъ когда-то, давно-давно былъ уже въ этой комнатѣ, давно-давно знаетъ Парасковею Пятницу и что онъ здѣсь свой человѣкъ. Любезная вдова сходила въ кухню за водой и вообще приняла свой обычный видъ.

— Видите-ли, Василій Васильичъ... — заговорила она, подбирая слова.—Можетъ быть, вы сердитесь на меня... даже подозрѣваете, что я была косвенной причиной вашего горя... Клянусь вамъ, что вы ошибаетесь.

Онъ ничего не понималъ и, схвативъ ее за руку, спрашивалъ:

— Вы ее видѣли? Можетъ быть, вчера? Она жива? Да? Она не спрашивала ничего обо мнѣ? Бѣдная дѣвочка... Знаете, кто виноватъ во всемъ? Я виноватъ... Да, я одинъ и больше никто. Я ее погубилъ своей отцовской любовью; неумѣньемъ выдержать ея характеръ, преступной слабостью... Вѣдь это такая чистая натура, вся чистая, чистая въ каждомъ движеніи. Боже мой, если бы я могъ ее видѣть хотя издали... Видите, я и тутъ не выдержалъ характера и пришелъ первымъ... Я больше не стыжусь своего позора.

— Знаете, Василій Васильичъ, я представляла васъ себѣ совсѣмъ другимъ...

— Представьте, и я тоже!.. Мы меньше всего, въ концѣ концовъ, знаемъ самихъ себя...

— О, да... Извините одинъ нескромный вопросъ: если бы встрѣтились... конечно, случайно... ну, съ мужемъ вашей дочери—вы не стали бы въ него стрѣлять?

— Я? стрѣлять? Мужъ моей дочери? Ахъ, да, вы говорите о человѣкѣ съ тремя фамиліями...

Онъ больно схватилъ ее за руку и прошепталъ:

— Онъ здѣсь? Ради Бога, говорите правду...

— Вѣдь вы знаете сами, что здѣсь...

Деспотъ вскочилъ и провелъ по лицу рукой, какъ человѣкъ, просыпающійся отъ тяжелаго сна.

— Здѣсь... — повторилъ онъ, что-то соображая. — Да, здѣсь... И онъ тоже будетъ смѣяться надъ моимъ отцовскимъ горемъ... Знаете что — покажите мнѣ его, этого человѣка съ тремя фамиліями. Я теперь похожу на лунатика, который крадется по карнизу... Меня тянетъ взглянуть на собственную погибель, какъ человѣка, который наклонился надъ бездонной пропастью, тянетъ наклониться еще ниже...

— Право, я не знаю, что вамъ отвѣтить. Можетъ быть, онъ не захочетъ...

— Скажите ему, чтобы онъ не боялся меня... Я ничего ему не сдѣлаю и только хочу видѣть. Понимаете вы меня?

— Вы даете честное слово?

— Цѣлыхъ три... по числу фамилій.

Парасковея Пятница отправилась парламентеромъ, причемъ ей ничего даже и объяснять не пришлось—благодаря досчатымъ перегородкамъ, раздѣлявшимъ номера, тайнъ не могло быть. „Человѣкъ съ тремя фамиліями" встрѣтилъ ее въ дверяхъ. Катя повисла у него на рукѣ и умоляла шепотомъ:

— Валерій, я тебя не отпущу!.. Милый, милый...

— Я долженъ его видѣть, Китти, и увѣренъ, что мы поймемъ другъ друга. Прежде всего, я буду имѣть дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ...

— Катя, я вамъ ручаюсь своей головой,—успокоивала Парасковея Пятница.

— Благодарю...—озлилась Катя.—Я-то что буду дѣлать съ вашей головой? Валерій, ради Бога... Послушай меня единственный разъ въ жизни.

„Человѣкъ съ тремя фамиліями" принялъ трагическую позу и объяснилъ съ трагическимъ жестомъ:

— Я, Китти, не знаю ни одной пьесы, гдѣ бы благородный отецъ убивалъ перваго любовника, виноватъ, т.-е. мужа своей дочери. Это разъ. А второе, Китти... я не могу позво-

лить, чтобы онъ заподозрилъ меня въ трусости. Ты этого не поймешь, Китти...

На эти переговоры изъ сосѣднихъ дверей показалась голова Крюкова. Этотъ веселый молодой человѣкъ, сдѣлавшійся косвеннымъ участникомъ происходившей въ корридорѣ драмы, показалъ Парасковеѣ Пятницѣ языкъ, а потомъ проговорилъ:

— Битва русскихъ съ кабардинцами или клятва на гробѣ прекрасной магометанки...

„Человѣкъ съ тремя фамиліями“ воспользовался моментомъ, вырвался изъ рукъ „первой любовницы“ и театральнымъ шагомъ пошелъ къ двери въ комнату хозяйки. На ходу онъ оправилъ манжеты, булавку въ галстукѣ и выбралъ выраженіе, которое приличнѣе всего было сейчасъ придать лицу. Нужно отдать полную справедливость, онъ дѣйствительно ничего не боялся.

Василій Васильичъ не могъ не слышать происходившаго въ корридорѣ и вздрогнулъ, когда ему показалось, что говоритъ Катя. Но это, — очевидно, была ошибка: развѣ Катя могла бы говорить теноромъ въ такую минуту? Развѣ Катя, его Катя не бросилась бы къ нему на шею, какъ только узнала, что отецъ пріѣхалъ за ней? Бѣдный старикъ, какъ всѣ отцы, не желалъ понимать одного — дочь уже не принадлежала больше ему...

— Можно войти?—послышался въ двери мужской голосъ.

— Войдите...

Эффектъ появленія „человѣка съ тремя фамиліями“ былъ испорченъ Парасковеей Пятницей, которая протиснулась въ самыхъ дверяхъ впередъ. Въ какой пьесѣ вы видѣли, господа, чтобы какой-нибудь авторъ такъ испортилъ первый выходъ на сцену перваго любовника? Василій Васильичъ такъ и впился глазами въ вошедшаго. Это былъ почти молодой человѣкъ съ какимъ-то подержаннымъ лицомъ, волосами, причесанными à la Kapul и начинавшейся лысиной. Всего характернѣе были глаза — такіе спокойно-безсовѣстные, увѣренные, дерзкіе и безсмысленные. „Человѣкъ съ тремя фамиліями“ что-то такое говорилъ, дѣлая граціозный поклонъ, но деспотъ ничего не слыхалъ. Потомъ деспотъ обратился къ Парасковеѣ Пятницѣ и, указывая рукой на почти молодого человѣка, тихо спросилъ:

*

— Это... это тотъ?

— Да...

Деспотъ отыскалъ свою шляпу, надѣлъ ее на голову и, не прощаясь ни съ кѣмъ, вышелъ изъ комнаты. Онъ шелъ по корридору, пошатываясь, какъ пьяный, и, какъ потомъ увѣрялъ Крюковъ, даже улыбался.

Инцидентъ кончился.

Всѣ дѣйствующія лица собрались въ комнатѣ Парасковеи Пятницы. „Человѣкъ съ тремя фамиліями" еще хранилъ на лицѣ слѣды изумленнаго негодованія. Развѣ такъ порядочные люди поступаютъ? Катя съ тревогой смотрѣла на него, какъ на оскорбленное божество. Появившійся въ дверяхъ Крюковъ переполнилъ чашу терпѣнія.

— Кстати, я былъ вполнѣ корректенъ?—обратился человѣкъ съ тремя фамиліями къ благосклонной публикѣ.—Я вошелъ, поклонился и отрекомендовался, а онъ...

— Папа былъ взволнованъ...—оправдывала Катя отца.

— О, онъ совсѣмъ даже не деспотъ!—заявляла Парасковея Пятница.—Я въ этомъ убѣдилась собственными глазами...

— Однако, господа, вы всѣ порядочно струсили,—говорилъ Крюковъ.

Всѣ разомъ накинулись на него. Да, онъ держалъ себя, какъ мальчишка, все напуталъ и при этомъ школьничалъ. Особенно свирѣпо отнеслась къ Крюкову взбѣшенная Катя.

— Послушайте, господа, да я-то причемъ тутъ?—оправдывался Крюковъ.—Вотъ это мило... Вы всѣ струсили, я нѣкоторымъ образомъ спасалъ васъ и вотъ благодарность...

— Вы не умѣете себя держать!—приставала Катя.—Что вы сказали про Парасковью Игнатьевну?

— Да, да...—вступилась Парасковея Пятница.—Онъ меня зарѣзалъ безъ ножа... Ну, Богъ съ нимъ. Я не злопамятна...

Катя усиленно ухаживала за мужемъ и теперь со страхомъ видѣла по его лицу, что онъ недоволенъ. Это приводило ее въ отчаяніе. Объ отцѣ она даже забыла, поглощенная мыслью объ оскорбленномъ напрасно мужѣ. Вѣдь онъ держалъ себя джентльменомъ и вдругъ...

Одна недѣля семейной жизни сдѣлала изъ Кати совершенно другую женщину. Она съ женскимъ инстинктомъ приспо-

собленія точно вся пропиталась интересами, привычками и даже недостатками мужа, великодушно забывая о самой себѣ. Вѣдь это было совершенство, недосягаемый идеалъ. Давно-ли еще она смѣялась надъ подругами, боготворившими своихъ мужей, а теперь сама дѣлала тоже. А совершенство въ лицѣ человѣка съ тремя фамиліями принимало это поклоненіе, какъ должную дань. Одной изъ приманокъ служила, между прочимъ, таинственность, окружавшая его происхожденіе.

— Это тайна, которой я не имѣю пока права никому открыть,—объяснялъ артистъ.—Да... Меня, вообще, преслѣдуютъ. Гдѣ-нибудь въ несчастныхъ „Озеркахъ“ и тамъ предпочли мнѣ какого-то Бурцова. Бурцовъ первый любовникъ... ха-ха!.. Впрочемъ, не стоитъ объ этомъ говорить.

— Валерій, тебя еще оцѣнятъ. Помнишь, какая рецензія была напечатана о тебѣ въ „Пчелѣ“? Положимъ, это не изъ первыхъ газетъ, но...

— Китти, ты говоришь о томъ, чего не знаешь... Антрепренеры всѣ поголовно свиньи, актеры—бездарность, а рецензенты сплошь подкуплены. О, я это давно знаю...

Великому артисту, вообще, приходилось преодолѣвать всевозможныя препятствія и онъ настолько привыкъ къ неудачамъ, что относился къ нимъ свысока. Вѣдь все это въ порядкѣ вещей. Напримѣръ, онъ цѣлыхъ пять лѣтъ добивается дебюта на императорской сценѣ и знаетъ отлично впередъ, что ему тамъ предпочтутъ какую-нибудь бездарность. Но его не удивятъ этимъ—онъ готовъ заранѣе ко всему. Дома разговоры велись только о театрѣ, и Катя въ теченіе недѣли разучила весь репертуаръ, повторявшійся изо дня въ день и была счастлива своими успѣхами.

Къ „молодымъ“ постоянно приходили гости и тоже всѣ говорили о театрѣ. Это были все свои театральные люди, начиная съ комика Рюшкина и кончая самымъ маленькимъ помощникомъ режиссера. Всѣ они злословили другъ про друга, ругали антрепренеровъ, льстили въ глаза и пили водку, потому что тоже были не оцѣнены по достоинству. Была еще одна общая черта: всѣ страшно нуждались въ деньгахъ и всѣ находились наканунѣ обогащенія. Сколько у каждаго пропало за одними антрепренерами, если бы только могъ высчитать какой-нибудь статистикъ. Но все это пока, а главное

дождаться только зимняго сезона—тамъ ужъ сразу все пойдетъ, какъ по маслу. Антрепренеры исправятся, долги будутъ уплочены, рецензенты преисполнятся справедливостью, публика оцѣнитъ каждаго по достоинству. Катя слушала и всему вѣрила, потому что это все было неразрывно связано съ судьбой собственнаго великаго человѣка. Ее нѣсколько смущалъ все настойчивѣе и настойчивѣе сказывавшійся question d'argent. Она съ этой стороной жизни еще не была знакома и съ легкимъ сердцемъ закладывала захваченныя съ собой золотыя бездѣлушки. *Онъ* такъ любилъ страсбургскіе пироги и красное вино—развѣ можно было отказывать себѣ даже въ такихъ пустякахъ? Тѣмъ болѣе, что впереди зимній сезонъ, а затѣмъ два антрепренера обѣщали уплатить старые долги.

Студентъ Крюковъ очень внимательно присматривался къ этой счастливой парочкѣ и, наконецъ, резюмировалъ свои наблюденія:

— Онъ—телячья головка тортю, она—бефъ-а-ля-модъ...

III.

Въ самый трагическій моментъ, когда участіе Честюниной было необходимо, она расхворалась самымъ глупымъ образомъ. У нея развился серьезный бронхитъ. Съ дачи изъ Павловска она переѣхала пока къ дядѣ, который страшно тосковалъ по дочери и не отпускалъ ее отъ себя. Замужество Кати было для старика ударомъ грома, и онъ нѣсколько дней ни за что не хотѣлъ этому вѣрить.

— Это она меня испытываетъ,—увѣрялъ онъ Честюнину.—О, я хорошо знаю ея характеръ... Вѣдь этого не можетъ быть, Маша? Да? Что же ты молчишь, Маша?

— Я ничего не знаю, дядя...

Потомъ на старика находило страшное отчаяніе. Онъ рвалъ на себѣ волосы, плакалъ и вообще неистовствовалъ. Честюниной приходилось отваживаться съ нимъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ. Она уговаривала его подождать, пока она поправится и сама съѣздитъ на Выборгскую сторону. Въ послѣдніе дни онъ успокоился и Честюнина поняла, что старикъ что-то замышляетъ и предупредила Парасковею Пят-

ницу письмомъ. Василій Васильичъ въ роковое утро казался такимъ спокойнымъ и сдѣлалъ видъ, что отправляется на службу. Домой онъ вернулся въ самомъ ужасномъ видѣ, точно его били.

— Дядя, вы нездоровы?— спрашивала Честюнина.

— Я? Нѣтъ, т. е. да...

Онъ сѣлъ на ближайшій стулъ и безпомощно смотрѣлъ на нее.

— Дядя, вы были *тамъ?*

— Нѣтъ, т. е. да... Я не могъ дождаться, когда ты поправишься и... я все видѣлъ... да. Теперь все кончено...

Честюнина не стала его разспрашивать ни о чемъ, чтобы не тревожить свѣжую рану, и старалась отвлечь его вниманіе. Хорошо было только одно, что Елена Ѳедоровна еще не вернулась изъ-за границы, и катастрофа разыгралась безъ нея. Это было большимъ облегченіемъ. Честюнина написала Эжену, чтобы онъ подготовилъ мать къ печальному извѣстію. Елена Ѳедоровна, собственно говоря, не любила дочери, но, конечно, не упуститъ случая разыграть домашнюю трагедію по всей формѣ. Въ ней тоже былъ скрытъ серьезный драматическій талантъ.

— Что же мы будемъ дѣлать съ тобой, Маша?—какъ-то по дѣтски спрашивалъ Василій Васильичъ за обѣдомъ.—У меня теперь такое чувство, какъ будто я вернулся съ кладбища въ пустой домъ... Ахъ, Маша, Маша! За что?.. Вѣдь у другихъ отцовъ есть дочери, а у меня... Мнѣ сейчасъ Катя представляется маленькой, когда я носилъ ее еще на рукахъ. „Катя, покажи, какъ любишь папу?“ Бывало, вцѣпится ручонками, прильнетъ, какъ молоденькая травка, защебечетъ... Потомъ она была серьезно больна въ дѣтствѣ... Такая маленькая лежитъ въ кроваткѣ, беззащитная... Какъ я тогда молился Богу, какъ плакалъ...

Старикъ снова переживалъ улетѣвшее счастье.

— Дядя, не нужно себя растравлять... Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ. Прошлаго не вернешь... Приходится мириться.

— Мириться? Никогда... Если бы она вышла замужъ за нашего швейцара Григорія или за старшаго дворника—это было бы лучше. За кого угодно, а только не за этого... Нѣтъ,

это невозможно! Я начинаю сомнѣваться въ собственныхъ глазахъ... Было что-то такое невозможное... Они теперь, навѣрно, смѣются надо мной... А Катя... неужели она была тоже тамъ?

Это отцовское горе выражалось въ такихъ трогательныхъ формахъ, что Честюнина какъ-то особенно полюбила старика дядю. Для нея съ какой-то болью открывался цѣлый новый міръ, новая цѣнность жизни. На этомъ фонѣ легкомысліе Кати выступало съ особенной рельефностью. Если бы она видѣла это горе отца, его отчаяніе — неужели она не съумѣла бы подавить своего увлеченія? Впрочемъ, не всѣ отцы похожи на Василія Васильича и не всѣ умѣютъ такъ чисто и беззавѣтно любить своихъ дѣтей... Честюнина просто любовалась старикомъ, въ горѣ котораго раскрывалась глубокая правда жизни. Всякая любовь построена на эгоизмѣ, а родительская въ особенности, и нужно большое сердце, чтобы во время примирить этотъ эгоизмъ съ наростающимъ эгоизмомъ дѣтей, которые уплатятъ проценты по затраченной на нихъ любви уже своимъ дѣтямъ и той же монетой. Есть безпощадная логика жизни, которая ломаетъ и крушитъ всѣ наши разсчеты и соображенія, какъ бы они хороши ни были сами по себѣ.

Старикъ особенно горевалъ по вечерамъ, когда спускались гнилые петербургскіе сумерки. Дневная бодрость смѣнялась какимъ-то старческимъ уныніемъ.

— Гдѣ-то теперь Катя? Что она дѣлаетъ? — повторялъ Василій Васильичъ, шагая по кабинету. — Боже мой, думалъ ли я когда-нибудь дожить до такой минуты? Мнѣ кажется, что въ цѣломъ мірѣ она не могла сдѣлать худшаго выбора... Жена актера — это бродячая собака. А тутъ еще могутъ быть дѣти... О, она еще придетъ ко мнѣ, придетъ жалкая, несчастная, виноватая, и я еще долженъ буду пережить свой позоръ.

— Дядя, вѣдь мы его не знаемъ... Очень можетъ быть, что онъ и хорошій человѣкъ. Хорошіе люди есть вездѣ. Профессія тутъ не при чемъ...

— Я его видѣлъ... Мнѣ достаточно было взглянуть на него одинъ разъ.

На душѣ у Честюниной тоже было не весело. На нее

по временамъ нападало тяжелое раздумье. А тутъ еще постоянныя письма отъ Андрея... Этотъ сумасшедшій человѣкъ, кажется, и не думалъ успокоиваться, а, напротивъ, превращался въ какого-то маніака. Онъ писалъ съ аккуратностью сумасшедшаго. Черезъ каждые три дня его письмо уже лежало на столѣ въ комнатѣ Честюниной,—она сейчасъ занимала комнату Кати, какъ потребовалъ дядя, не могшій видѣть эту дорогую для него комнату пустой. Онъ писалъ обо всемъ, а главнымъ образомъ о своихъ страданіяхъ и переживаемыхъ мукахъ. Это было нѣчто ужасное, отравлявшее жизнь Честюниной по каплямъ. Ее убивало сознаніе, что достаточно было ея одного слова, и этотъ несчастный Андрей ожилъ бы. Какое она имѣла право нравственно убивать человѣка? А это было настоящее убійство, хотя и безкровное... Съ другой стороны, она не могла ничего сдѣлать, потому что не находила въ своей душѣ отклика на этотъ страстный призывъ. Не могла же она обманывать и себя, и другихъ. Съ нея достаточно было уже пройденнаго опыта. Ей страстно хотѣлось отдохнуть и забыться, а, главное, уйти съ головой въ святую науку. Лекціи въ академіи уже начались, а она сидѣла дома съ своимъ бронхитомъ и мучилась вдвойнѣ. Какъ ни трогательно было горе дяди, но оно повторялось изо дня въ день и свѣжесть впечатлѣнія уже терялась. Время безжалостно, и Честюнина ловила себя въ безчувственности. Она была такая же, какъ всѣ люди... Вѣдь и хирургъ привыкаетъ къ своимъ операціямъ — это было еще ужаснѣе. Въ самой нервной системѣ положена какая-то тайная граница, за которой всѣ впечатлѣнія утрачиваютъ свою свѣжесть и человѣкъ превращается въ машину, главнымъ двигателемъ которой является простая привычка.

Потомъ Честюнину удивляло то, что она относилась къ Катѣ почти холодно. А вѣдь она ее очень любила... Можетъ быть, сказывалась даже тайная зависть къ ея счастью—что еще тамъ будетъ впереди, а сейчасъ Катя все-таки счастлива. Эта мысль заслоняла все остальное. Можетъ быть, и она, Честюнина, была бы счастлива съ Андреемъ, а не сидѣла теперь одинокой въ ожиданіи чего-то неизвѣстнаго. Даже и этого не было, а такъ одинъ день шелъ за другимъ... Вѣроятно, въ концѣ-концовъ, всякая женщина приходитъ къ

заключенію, что сдѣлала ошибку своимъ замужествомъ. Много ли видитъ дѣвушка мужчинъ и великъ ли ея выборъ— все дѣло чистой случайности. Вѣдь жили же раньше люди, когда жениховъ выбирали родители, и даже были счастливы. Но всѣ эти размышленія не покрывали одиночества, которое осенью чувствовалось какъ-то особенно ярко

Честюнина была рада, когда къ ней неожиданно заявилась Брусницина. Она думала, что это дачное знакомство такъ и кончится Павловскомъ и что они обмѣнялись адресами только изъ вѣжливости, какъ это принято дѣлать. Елена Петровна пришла озабоченная, какъ всегда, и послѣ нѣкоторыхъ подготовительныхъ разговоровъ съ гордостью заявила:

— Завтра Сергѣй дѣлаетъ свой докладъ въ отдѣленіи ботаники при обществѣ естествоиспытателей. Это въ университетѣ...

— Да? О болотныхъ растеніяхъ?

— Онъ взялъ темой отдѣлъ ароидныхъ—aroceae... Будетъ очень интересно. Если хотите, я за вами завтра заѣду. Мы живемъ тутъ совсѣмъ недалеко...

— Я съ удовольствіемъ, хотя еще и не выходила. У меня бронхитъ...

— О, это совершенные пустяки... У кого нѣтъ теперь бронхита? Это необходимое слѣдствіе нашей гнилой петербургской осени...

Что значилъ какой-то бронхитъ, когда Сергѣй дѣлаетъ докладъ объ aroceae? Честюнина это отлично понимала и была тронута трогательной заботливостью сестры знаменитаго ботаника собрать публику въ ученое засѣданіе. Она именно сейчасъ была особенно въ настроеніи раздѣлять эти восторги. Брусницины ей очень нравились, и она была рада возобновить это знакомство.

Въ назначенный часъ на слѣдующій день Елена Петровна заѣхала — она отличалась точностью дорогого хронометра. Дорогой она успѣла ее посвятить въ тайны доклада, который представлялъ собой только ничтожную часть обширнаго труда, всего одну главу. Честюнина уже сама должна была изумляться обширности матеріаловъ, какими владѣлъ Сергѣй.

Въ ученыхъ засѣданіяхъ Честюнина еще не бывала и входила во флигель на безконечномъ университетскомъ дворѣ

съ нѣкоторымъ трепетомъ. Ей даже было немного совѣстно, что она вторгается въ это святилище въ качествѣ профана. Впрочемъ, она успокоилась, когда въ свѣтлой и уютной комнатѣ, уставленной разными приборами и коллекціями, увидѣла нѣсколько дамъ.

— Это все свои...—объяснила по ихъ адресу Елена Петровна.—Жены, дочери и родственницы ботаниковъ.

Подошелъ Сергѣй Петровичъ, улыбающійся и довольный и крѣпко пожалъ руку Честюниной. Онъ только-что разговаривалъ съ извѣстнымъ профессоромъ и такъ же просто, какъ съ ней, и Честюнина прониклась къ нему особеннымъ уваженіемъ. Въ этомъ святилищѣ науки Брусницынъ былъ своимъ человѣкомъ.

— Отчего вы къ намъ не зайдете, Марья Гавриловна?—спрашивалъ Брусницинъ, продолжая улыбаться.—Это не хорошо такъ скоро забывать своихъ знакомыхъ...

Это засѣданіе произвело на Честюнину глубокое впечатлѣніе. Дорогой хлѣбъ науки фигурировалъ въ лицахъ. Каждый человѣкъ представлялъ собой опредѣленную научную величину. Имена были ей извѣстны еще въ гимназіи и теперь она смотрѣла на ихъ живыхъ носителей, затаивъ дыханіе. Скромная обстановка всего засѣданія тоже гармонировала съ важностью его цѣли. Наука не нуждается въ обстановкѣ, какъ честная женщина. Елена Петровна называла каждаго, кто входилъ, и немного поморщилась, когда шмыгающей походкой прошелъ мимо нихъ молодой человѣкъ съ богатой шевелюрой.

— Это Ивановъ...—шепнула она.—Онъ сегодня тоже дѣлаетъ докладъ.

Честюнина скоро поняла, въ чемъ заключалась причина этого недовольства. Ивановъ являлся сильнымъ соперникомъ. У него былъ интересный докладъ по вопросу о дыханіи растенія, причемъ докладчикъ очень эффектно иллюстрировалъ нѣкоторые опыты. Его наградили апплодисментами. Слѣдующимъ номеромъ выступилъ Брусницинъ. Онъ читалъ довольно плохо, но докладъ былъ интересенъ и вызвалъ ученыя пренія. Ученые люди такъ мило спорили о самыхъ мудреныхъ вещахъ, какъ просто банковскіе кассиры считаютъ сотни тысячъ и милліоны. За каждымъ приводимымъ фактомъ

стоялъ многолѣтній упорный трудъ, за каждой счастливой мыслью цѣлая исторія, за ученой проблемой преемственность идей. Честюниной казалось, что она попала въ какой-то иной міръ, такой свѣтлый и такой далекій отъ мелочей и тины настоящей жизни. Ее серьезно огорчило, когда засѣданіе кончилось и ученые мужи превратились въ обыкновенныхъ людей. Что-то точно закрылось, и Честюнина опять почувствовала себя на землѣ.

Домой Брусницины и Честюнина отправились пѣшкомъ. Послѣдняя шла молча, переживая полученныя впечатлѣнія. Она почему-то думала теперь о сестрѣ Катѣ, которая была лишена способности наслаждаться такими вещами, какъ сегодняшнее засѣданіе. Ясно, что люди устроены неодинаково и уже въ характерѣ ихъ вкусовъ сказывается ихъ будущее. Одни живутъ, а другіе только наблюдаютъ жизнь. Вотъ всѣ эти ученые люди именно отдали себя послѣднему.

— Марья Гавриловна, вы довольны сегодняшнимъ засѣданіемъ?—спрашивалъ Брусницинъ, предлагая руку.

— О, да... Я очень, очень вамъ благодарна за приглашеніе. Я еще не могу хорошенько очнуться... Знаете, я сидѣла и завидовала вамъ.

— Но, вѣдь, и вы можете идти по той же дорогѣ... Все дѣло только въ желаніи, а дорога открыта.

— Одного желанія еще недостаточно. Признаться сказать, я сильно сомнѣваюсь, чтобы женщина могла въ этомъ случаѣ идти наравнѣ съ мужчиной. Исключенія въ счетъ не могутъ идти...

— Ну, это наслѣдственный женскій страхъ, который пройдетъ самъ собой.

Когда Честюнина хотѣла повернуть къ себѣ, Брусницинъ проговорилъ:

— Идемте къ намъ чай пить... Всего еще одиннадцать часовъ. Поболтаемъ... Это совсѣмъ близко...

— Что же, я съ удовольствіемъ.

IV.

Брусницины жили въ меблированныхъ комнатахъ. У него была большая и свѣтлая комната, а она занимала какую-

то маленькую конурку. Въ его комнатѣ уже ждалъ накрытый для вечерняго чая столъ. Обстановка состояла изъ шкафовъ съ книгами, письменнаго стола и кровати. Третій стулъ пришлось принести изъ комнаты Елены Петровны. Отъ всей обстановки такъ и пахнуло ученымъ подвижничествомъ и интеллигентнымъ монашествомъ. Даже любящая женская рука, присутствіе которой чувствовалось въ каждой мелочи, не нарушала этого подвижнически-монашескаго стиля—это была рука сестры. Исключеніе представлялъ только женскій портретъ, стоявшій на письменномъ столѣ.

— У насъ еще есть свободная комната—переѣзжайте,— предлагала Елена Петровна, заваривая чай. — Главное достоинство нашихъ номеровъ — абсолютная тишина. Вамъ у дяди, Марья Гавриловна, не думаю, чтобы было удобно...

— Я тамъ на время... Такой особенный случай вышелъ... Я очень люблю старика, а у него большое горе.

— Горе?—переспросилъ Брусницинъ, прихлебывая чай изъ стакана.

— Да... Разыгрался довольно грустный романъ. Вы, можетъ быть, помните дѣвушку, которая гуляла со мной въ Павловскомъ паркѣ? Очень бойкая и веселая особа и такая милая...

Честюнина почувствовала себя точно дома и разсказала романъ Кати. Вѣдь эти люди были почти родные, и она выдала чужую семейную тайну. Но она не успѣла даже раскаяться въ послѣднемъ, потому что Брусницинъ пошелъ къ столу, принесъ портретъ и, подавая его гостьѣ, проговорилъ:

— Моя жена... актриса. Тоже былъ романъ... да. Но, къ счастью или несчастью, онъ скоро кончился... Всѣ почему-то считаютъ меня неспособнымъ къ нѣжнымъ чувствамъ, а вотъ вамъ цѣлый романъ... И еще какой: хотѣлъ отравляться.

Честюнина только теперь припомнила, какъ Елена Петровна намекала ей о какомъ-то горѣ брата — оно было на лицо. Сейчасъ Елена Петровна наклонила голову надъ своей чашкой и методически размѣшивала таявшій сахаръ съ такимъ видомъ, точно производила какой-нибудь химическій опытъ. Искренній тонъ Честюниной подѣйствовалъ на Брусницина заразительно, и онъ разсказалъ свой романъ просто и спокойно, какъ говорятъ о близкихъ людяхъ.

— Меня поразило совпаденіе,—объяснялъ онъ.—Тамъ— актеръ, здѣсь — актриса... Ахъ, какъ мнѣ это знакомо и близко!.. И я думаю, что романъ вашей сестры закончится такъ же скоро, какъ и мой. Желаю ей, конечно, счастья, но не вѣрю въ него, потому что тамъ, на сценѣ, такая разрушающая обстановка, свои традиціи, привычки — однимъ словомъ, специфическая атмосфера.

Романъ Брусницина былъ очень несложенъ. Онъ встрѣтилъ сестру одного университетскаго пріятеля, красивую и бойкую дѣвушку, которая училась на какихъ-то театральныхъ курсахъ. На послѣднее онъ, конечно, не обратилъ вниманія, увлекся и женился.

— Что это только было!—удивлялся Брусницинъ самому себѣ.—Представьте вы себѣ меня, съ моей фигурой, отыскивающаго въ гостиномъ дворѣ искусственные цвѣты, завивающаго въ парикмахерской дамскіе парики... А сколько я переносилъ за кулисы картонокъ съ разными тряпками, какъ я ухаживалъ за господами театральными рецензентами, какъ я дежурилъ на репетиціяхъ... Да, да, все это было и я даже какъ-то сейчасъ не вѣрю самому себѣ, что это было. А ревность?.. О, я прошелъ хорошую школу... Нѣтъ, это такое ужасное и несправедливое чувство... Представьте себѣ меня, подкарауливающаго жену на улицѣ, меня, перехватывающаго ея письма... Удивительно, что человѣкъ въ самый главный моментъ своей жизни дѣлается сумасшедшимъ. Развѣ это былъ я?... Теперь я говорю объ этомъ спокойно, потому что сдѣлался опять самимъ собой... И, вѣдь, я считалъ ее умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ, честнѣе, лучше. Изъ-за нея разсорился съ сестрой, чуть не бросилъ своей науки и даже хотѣлъ поступить на сцену...

Онъ разсказывалъ о себѣ съ юморомъ, такъ что даже Елена Петровна раза два улыбнулась. Такъ разсказываютъ путешественники о своихъ смѣлыхъ и комическихъ приключеніяхъ, когда вернутся домой, подъ родную кровлю. Свое незнаніе жизни и людей, довѣрчивость и увлеченія Брусницинъ передавалъ съ безпристрастіемъ лѣтописца.

— И вдругъ ничего нѣтъ... — съ грустью закончилъ онъ. — Виноватъ: остались болотныя растенія, которыя не умѣютъ измѣнять, но ревность возбуждать могутъ. Сегодня,

напримѣръ, Елена Петровна сильно ревновала Иванова, какъ бы онъ не заѣхалъ въ мое болото... Но онъ точно предчувствовалъ и скромно ограничился сушей. Въ наукѣ, Марья Гавриловна, есть свои увлеченія, страсти и даже несправедливость...

Домой Честюнина возвращалась уже въ первомъ часу, унося съ собой такое хорошее настроеніе. Какіе милые люди эти Брусницины, особенно онъ, соединявшій въ себѣ громадную наблюдательность и еще болѣе громадную наивность, какъ всѣ чистые люди. Какъ легко дышется въ этихъ монашескихъ кельяхъ и какъ далеко отъ нихъ все остальное, что волнуетъ и губитъ людей. Честюнина чувствовала себя самое лучше и чище, потому что встрѣтила именно то родное, къ чему всегда рвалась всей душой.

Подъ этимъ настроеніемъ Честюнина вернулась и домой. Отворявшій ей подъѣздъ швейцаръ Григорій осклабился и проговорилъ всего одно слово:

— Пріѣхадчи...

— Кто?

— Сами-съ, генеральша...

Елену Өедоровну ждали только черезъ двѣ недѣли, и Честюнина была не особенно пріятно поражена этимъ извѣстіемъ. Ее безпокоила участь бѣднаго дяди. Она быстро поднялась по лѣстницѣ и въ передней уже встрѣтила слѣды заграничнаго нашествія. Стояли дорожные сундуки, картонки, сакъ-вояжи—Елена Өедоровна иначе не могла ѣздить.

Въ гостиной расхаживалъ Эженъ, разодѣтый, какъ попугай—какая-то невообразимо пестрая пара, красный галстукъ, красные башмаки, въ зубахъ какая-то длинная соломина. Онъ издали сдѣлалъ предупредительный жестъ.

— Предки бунтуютъ...—объяснилъ онъ шепотомъ, указывая на кабинетъ.

— Ты получилъ мое письмо?

— Даже очень... И благодаря ему, мы вылетѣли изъ-за границы двумя недѣлями раньше. А все ты виновата, Marie... Ахъ, ужъ эти проклятыя письма—онѣ мнѣ отравляютъ всю жизнь.

— Но, вѣдь, я тебя просила только подготовить Елену Өедоровну?

— Я и хотѣлъ и даже повелъ дѣло, какъ Бисмаркъ, но мутерхенъ, по своей привычкѣ, сдѣлала у меня обыскъ и... и вотъ мы вылетѣли бомбой. Я, конечно, уважаю предковъ, но въ большомъ количествѣ они иногда надоѣдаютъ... Я вполнѣ понимаю, почему сбѣжала Катя. И я бы съ удовольствіемъ сбѣжалъ, если бы нашлась какая-нибудь сумасшедшая, хорошенькая и молоденькая актрисочка, которая выкрала бы меня отъ предковъ...

На этотъ разговоръ вполголоса въ дверяхъ кабинета показалась сама Елена Ѳедоровна. Когда Честюнина подошла поздороваться, она не подала руки, а показала свои часы.

— Скоро часъ... Гдѣ вы изволили пропадать, сударыня?

— Я... я была въ ученомъ засѣданіи.

— До часу?.. Ха-ха.. Такъ можетъ лгать моя горничная, сударыня, а вамъ стыдно. Я еще не совсѣмъ сошла съ ума... Впрочемъ, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Она пропустила Честюнину въ кабинетъ и плотно приперла за собой дверь. Эженъ оставался посреди гостиной и улыбался. Онъ отлично зналъ, что значитъ разговоръ милыхъ предковъ... Задастъ жару и пару мутерхенъ. Кстати, Эженъ пожалѣлъ, что не успѣлъ перехватить деньжонокъ у Marie, а то теперь самая бы пора махнуть на острова и отдохнуть душой.

Пропустивъ племянницу впередъ, Елена Ѳедоровна съ какимъ-то шипѣньемъ накинулась на мужа.

— Вотъ полюбуйтесь на плоды вашего воспитанія, Василій Васильичъ... Родная дочь сбѣжала, а племянница возвращается домой въ часъ ночи. Очень мило...

Василій Васильичъ стоялъ у окна и молчалъ.

— Стоило мнѣ уѣхать на три мѣсяца, какъ вы здѣсь всѣ посходили съ ума. Развѣ Катя посмѣла бы при мнѣ надѣлать такихъ глупостей... Впрочемъ, о ней потомъ. Она еще ребенокъ и находилась подъ дурнымъ вліяніемъ. M-lle Честюнина, какъ вы полагаете относительно этого вопроса?

— При чемъ же тутъ Маша?—вступился Василій Васильичъ, набираясь храбрости.—Я полагаю, что каждый отвѣчаетъ за себя, и Катя не маленькая...

— Однако, достаточно было переѣхать m-lle Честюниной къ намъ на дачу, какъ бѣдная Катя совсѣмъ потеряла голову... О, я отлично понимаю, какъ происходило все дѣло.

Ядъ разврата былъ занесенъ и этого было достаточно. Помилуйте, женскій вопросъ, равноправность—и вотъ вамъ результатъ. Да... Боже мой, до чего я дожила?!.. Мы васъ приняли, m-lle Честюнина, къ себѣ въ домъ изъ милости, т. е. Василій Васильичъ. Я не буду скрывать, что была противъ этого и была права... Результаты, къ сожалѣнію, на лицо. Вы внесли заразу въ нашъ домъ...

— Елена Өедоровна, позвольте мнѣ уйти...—спокойно отвѣтила Честюнина.—Я не считаю нужнымъ оправдываться въ чемъ-нибудь. Вы меня оскорбляете совершенно незаслуженно...

Дѣвушка повернулась и вышла. Елена Өедоровна широко раскрытыми глазами посмотрѣла ей вслѣдъ, потомъ посмотрѣла на мужа и проговорила съ зловѣщимъ спокойствіемъ:

— О, я только теперь поняла все...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Космологическія письма Герм. Клейна.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго.

ПИСЬМО I.

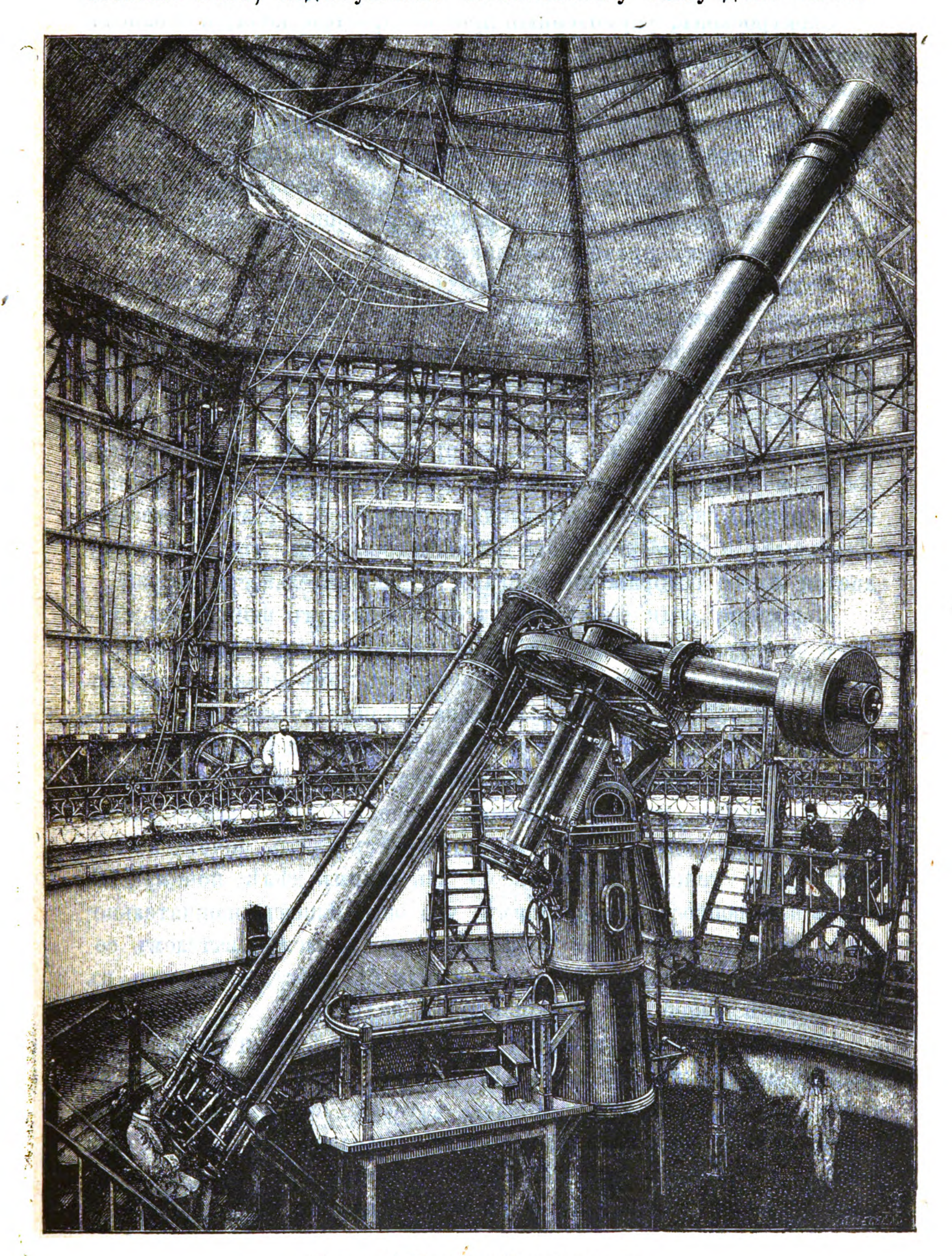
Міръ, какъ цѣлое.

Введеніе.—Разнообразіе и совершенство современныхъ астрономическихъ инструментовъ. — Значеніе астрономіи для духовнаго развитія человѣчества.— Воззрѣнія древнихъ и ошибки астрологовъ.—Разцвѣтъ точныхъ наукъ и первые взгляды на устройство вселенной.—Работы Фридриха Вильяма Гершеля.— Расположеніе звѣздныхъ системъ въ пространствѣ.—Развитіе и относительный возрастъ неподвижныхъ звѣздъ.—Поглощеніе свѣта звѣздъ въ міровомъ пространствѣ. — «Обновленіе» міровъ. — Появленіе «новыхъ» звѣздъ и его объясненіе.

Планетная система, небесное пространство, переполненное звѣздными мірами, ихъ устройство, ихъ исторія—все это въ высшей степени привлекательно для человѣческой мысли. Много мнѣній было высказано въ прежніе вѣка относительно обитаемости планетъ и кометъ, относительно связи между землею и звѣздами, наконецъ, относительно исторіи вселенной. Часто эти мнѣнія противорѣчили одно другому. Вотъ почему можетъ показаться безнадежною наша попытка снова освѣтить данный вопросъ съ научной и философской точки зрѣнія, на основаніи аналогіи и правилъ теоріи вѣроятностей. Но—наше положеніе иное, мы счастливѣе своихъ предшественниковъ: обратимъ ли мы вниманіе на общіе законы природы, или на устройство небесныхъ системъ, или на физическое состояніе отдѣльныхъ міровыхъ тѣлъ,—обо всемъ этомъ мы знаемъ нынѣ несравненно больше, чѣмъ знали даже 30 лѣтъ назадъ.

Телескопъ достигъ теперь такой степени совершенства, какая раньше считалась невозможною.

Фотографическая пластинка показываетъ намъ миллiоны небесныхъ тѣлъ, недоступныхъ человѣческому глазу даже съ по-

Большой Пулковскiй рефракторъ.

мощью сильнѣйшихъ телескоповъ. Чтобы изслѣдовать звѣзды, которыя съ начала вѣковъ оставались скрытыми, нѣтъ нужды не-

премѣнно оставаться при телескопѣ: эту работу можно производить во всякое время въ своемъ кабинетѣ.

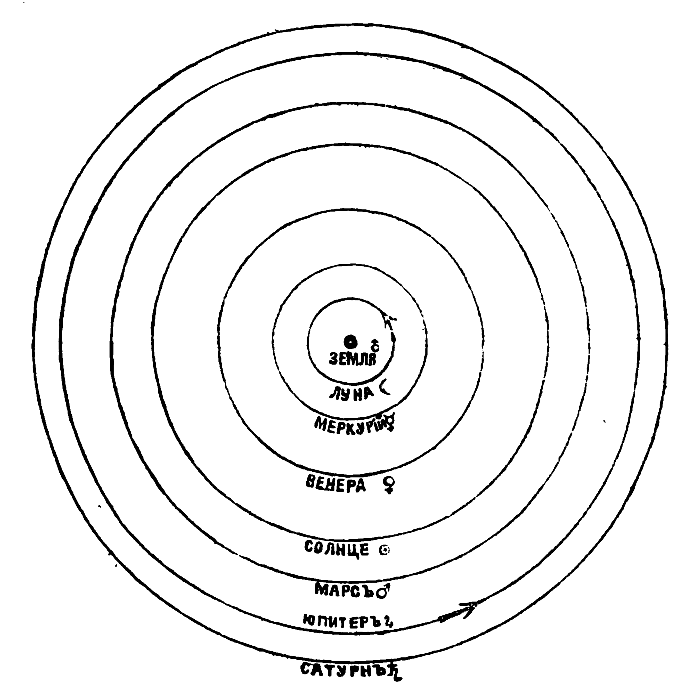
Спектроскопъ, укрѣпленный при окулярѣ телескопа, позволяетъ намъ съ одного взгляда опредѣлять состояніе матеріи и химическій составъ ея даже въ отдаленнѣйшихъ глубинахъ мірового пространства; если же соединить его съ фотографическою пластинкою, онъ покажетъ намъ, что нѣкоторыя неподвижныя звѣзды движутся около другихъ, сосѣднихъ, которыя невидимы для насъ. Такимъ образомъ, успѣхъ науки превзошелъ самыя смѣлыя надежды нашихъ предшественниковъ.

Наконецъ, цѣлый рядъ смѣлыхъ и осторожныхъ мыслителей недаромъ занимался вопросомъ о происхожденіи міра, изучая тѣ слѣдствія, которыя должны были вытекать изъ этого происхожденія и существуютъ до нашихъ дней. Легко видѣть, что въ наше время космологическія соображенія покоятся на иныхъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ прежнюю эпоху. Вотъ почему, изслѣдуя устройство вселенной съ космологической точки зрѣнія, нѣтъ нужды подчиняться взглядамъ прошлаго и идти по стопамъ *Фонтенеля* и *Ламберта*, хотя бы мы и сознавали, что не всякому дается живое воображеніе перваго и проницательность втораго.

Мыслящіе люди всѣхъ странъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдятъ за астрономическими наблюденіями и ихъ результатами. Причина понятна: эти результаты разгоняютъ тотъ мракъ, которымъ покрыто происхожденіе міра и тайна нашего собственнаго существованія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ изслѣдованія, всѣ порывы человѣческаго духа вращаются около вопроса, откуда произошелъ міръ, откуда взялись существа, которыя сознаютъ этотъ фактъ, которыхъ волнуетъ мысль: «почему существуетъ нѣчто, почему источникъ бытія течетъ непрерывно?» Въ самомъ дѣлѣ: почему? Въ этомъ весь вопросъ. Представимъ, что онъ рѣшенъ окончательно; тогда великая тайна міра лежала бы предъ изслѣдователемъ со всѣмъ разоблаченная, тогда мы поняли бы собственную роль въ этой смѣнѣ вещей, мы поняли бы все видимое.

Суждено ли намъ достигнуть такой высшей точки зрѣнія? Мы должны теперь же отвѣтить: нѣтъ! Намъ недоступны «вещи въ себѣ», мы познаемъ только образы, которые, отлившись въ формы пространства, времени и причинности, доходятъ до сознанія при посредствѣ нашихъ чувствъ. Самое сознаніе является для насъ непроницаемою тайной. Попытки свести сознаніе или ощущеніе на явленія движенія,—эти попытки совершенно не научны и обнаруживаютъ у авторовъ полное отсутствіе философскаго склада мышленія. Движеніе есть не что иное, какъ движеніе, и группа

колеблющихся атомовъ остается группою атомовъ, не болѣе. «Утверждаютъ», говоритъ *Рибо*, «что наше субъективное ощущеніе теплоты, свѣта и т. д. настолько же отличается отъ движенія, насколько сознаніе отличается отъ сотрясенія нервовъ; мы должны указать, что это сопоставленіе натянуто. Чтобы за движеніемъ послѣдовало ощущеніе свѣта, нуженъ оптическій аппаратъ и сознаніе; чтобы движеніе вызвало звукъ, нуженъ акустическій аппаратъ и сознаніе. Но какъ достигнуть, чтобы сотрясеніе нервовъ сдѣлалось сознаніемъ, котораго еще нѣтъ? Кто сможетъ объяснить это превращеніе?

Система міра по Птоломею.

Мы склонны допускать ошибку, въ высшей степени ненаучную, мы говоримъ: представимъ, что исчезли люди и всѣ вообще существа, одаренныя мыслящимъ и чувствующимъ мозгомъ; вселенная съ ея свѣтомъ и блескомъ, съ ея роскошью красокъ, съ ея образами и гармоніей,—однимъ словомъ, со всей ея красотою, все-таки будетъ существовать. Это—глубокое заблужденіе: вселенная, по крайней мѣрѣ, для насъ,—не болѣе, какъ рядъ состояній сознанія; предметы, образы, краски, словомъ, всѣ свойства, также всѣ законы матеріи существуютъ для насъ только вслѣдствіе этого. «И этотъ міръ», говоритъ *Шопенгауеръ*, «не существовалъ бы болѣе, если бы человѣческіе мозги

не размножались безъ перерыва, чтобы воспринимать міръ, который безъ этого обратился бы въ ничто, и чтобы отбрасывать, какъ мячъ, другъ къ другу эту великую, сходную во всѣхъ отношеніяхъ картину, тожество которой они выражаютъ словомъ «объектъ».

Бросимъ взглядъ на древнѣйшій періодъ знанія; мы найдемъ, что представленія объ устройствѣ и свойствахъ вселенной были тогда такими же примитивными и дѣтскими, какъ и наблюденія, на которыя они опирались. Какимъ тѣснымъ казался міръ тѣмъ людямъ, которые считали землю его центромъ и главною частью, а голубое небо разсматривали, какъ сводъ, къ которому прикрѣплены звѣзды! Разъ земля принималась за средоточіе вселенной, человѣкъ, властелинъ земли, неизбѣжно долженъ былъ казаться центромъ всего творенія. Для него, по мнѣнію нашихъ предковъ, сіяли звѣзды, для него солнце свершало свой путь, для него луна мѣняла свой свѣтлый ликъ и лила на землю серебристые лучи, Съ психологической точки зрѣнія было бы любопытно прослѣдить, какія отношенія между человѣкомъ и различными небесными явленіями признавались у отдѣльныхъ племенъ, сообразно съ ихъ духовнымъ складомъ и степенью развитія. Чтобы не отклоняться черезчуръ далеко отъ предмета моихъ писемъ, я хочу ограничиться однимъ только примѣромъ. Возьмемъ пятна, наблюдаемыя на лунѣ; первобытные народы обыкновенно связываютъ съ ними различныя легенды и миѳологическіе разсказы, и вотъ, съ изумленіемъ мы встрѣчаемъ одни и тѣ же воззрѣнія у разнообразнѣйшихъ племенъ, на всѣхъ концахъ земного шара. У монголовъ и островитянъ Тихаго океана, у перувіанцевъ и въ древнихъ англійскихъ преданіяхъ лунныя пятна ставятся въ самую тѣсную связь съ людскою судьбой и людскими несчастіями. Таинственный *Альбертъ Великій* также не могъ освободиться отъ наивнаго мнѣнія, будто лунныя пятна представляютъ аналогію съ земными организмами. Онъ видѣлъ въ нихъ дракона: на спинѣ дракона возвышается стволъ дерева, а къ дереву прислонился человѣкъ. Въ средніе вѣка *Некамъ* и потомъ *Данте* смѣялись надъ народнымъ воззрѣніемъ, которое видитъ въ пятнахъ луны образы людей и животныхъ; но даже въ наши дни въ низшихъ слояхъ народа широко распространено мнѣніе, будто на лунѣ находится человѣческое лицо или вѣсы и будто все это можно ясно различить, разсматривая пятна во время полнолунія.

Разъ принимали, что человѣкъ—средоточіе и цѣль всего творенія, что небесныя тѣла существуютъ только ради него, отсюда легко было перейти къ вѣрѣ, что звѣзды оказываютъ вліяніе на

весь человѣческій родъ вообще, и на отдѣльныхъ лицъ въ частности. Такъ произошла астрологія, искусство предсказывать участь людей по расположенію звѣздъ; цѣлыя столѣтія тѣснила она всѣ истинно-научные порывы человѣческаго ума.

Затѣмъ явился *Коперникъ*. По вдохновенному выраженію *Тихо-Браге*, ему «удалось сорвать солнце съ неба и утвердить его въ пространствѣ»; въ то же время онъ вывелъ землю изъ ея незыблемаго покоя и заставилъ ее нестись по круговой орбитѣ около мірового свѣточа, солнца. Этотъ смѣлый подвигъ постепенно отнялъ почву у астрологическихъ мечтаній. Земля должна была потерять высокое мѣсто мірового центра, которое несправедливо присвоивалось ей въ теченіе многихъ вѣковъ; ея удѣлъ отнынѣ— каждый годъ описывать кругъ около солнца.

Коперникъ.

Но правильныя представленія объ устройствѣ планетной системы не скоро еще привели къ раціональному пониманію мірового порядка. Въ этомъ отношеніи поучителенъ примѣръ *Кеплера*: открывши три закона планетныхъ движеній, онъ существенно усовершенствовалъ систему *Коперника*, и вдругъ этотъ же самый ученый допускаетъ мысль, что движенія планетъ подчинены спеціальному вліянію небесныхъ геніевъ, которые, будто бы, указы-

ваютъ каждой планетѣ ея путь. Изобрѣтеніе зрительной трубы повлекло за собою весьма важныя открытія. Все-таки еще въ 1733 году *Дергамъ* ставилъ вопросъ: не потому ли мы видимъ свѣтъ туманныхъ пятенъ, что по ту сторону твердаго небеснаго свода находится область огня, которая просвѣчиваетъ мѣстами. Чрезвычайную яркость туманности Оріона *Дергамъ* склоненъ былъ объяснять тѣмъ, что здѣсь съ силою пробиваются лучи такого «эмпирейскаго неба». Не одинъ *Дергамъ* держался подобныхъ воззрѣній; остроумный *Гюйгенсъ*, который первый поставилъ точныя наблюденія надъ туманностью Оріона и которому долго приписывалась честь ея открытія, при описаніи этого замѣчательнаго небеснаго тѣла говоритъ: «можно было повѣрить, что небесная сфера дала здѣсь трещину, и что мы заглядываемъ чрезъ нее въ царство свѣта».

Оставляя въ сторонѣ глубокомысленнаго *Ламберта*, равно какъ умозрѣнія *Врайта* и *Канта*, мы находимъ, что только *Вильямъ Гершель* установилъ научныя воззрѣнія на устройство вселенной, хотя, конечно, они должны были подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ въ послѣдующія времена. Со смерти *Гершеля* наука шла впередъ гигантскими шагами; въ наши дни возможны изысканія, о которыхъ не рѣшился бы подумать ни одинъ разумный человѣкъ въ началѣ настоящаго столѣтія. Облако, которое покрываетъ прошлое, настоящее и будущее вселенной, т.-е. доступной для насъ части мірового цѣлаго,—это облако за послѣднія 50 лѣтъ значительно освѣщено; становятся видны далекіе берега и отдѣльные острова на океанѣ міра; между тѣмъ наука непрерывно стремится впередъ, все болѣе и болѣе освѣщая тайны и загадки, которыми со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ природа.

Къ числу самыхъ важныхъ и точныхъ выводовъ изъ этихъ изслѣдованій принадлежитъ фактъ, что міръ, насколько онъ открывается намъ въ видѣ неподвижныхъ звѣздъ, туманностей и звѣздныхъ скопленій, неизмѣримъ и безпредѣленъ. Въ міровомъ пространствѣ, наполненномъ звѣздами, нигдѣ не можемъ мы отмѣтить послѣдней звѣзды, послѣдняго предѣла, даже намека на такой предѣлъ. Стоитъ увеличить силу инструментовъ, и нашъ взглядъ становится шире и глубже, и въ пространствѣ выступаютъ все новыя и новыя звѣзды. Особенно справедливо это для той части небеснаго свода, по которой проходитъ Млечный Путь, эта свѣтлая полоса, на которой даже простымъ глазомъ легко видѣть различныя степени яркости. Еще *Фр. В. Гершель*, изслѣдуя Млечный Путь при помощи большого зеркальнаго телескопа, нашелъ, что его образуютъ милліоны звѣздъ; онѣ склубились мас-

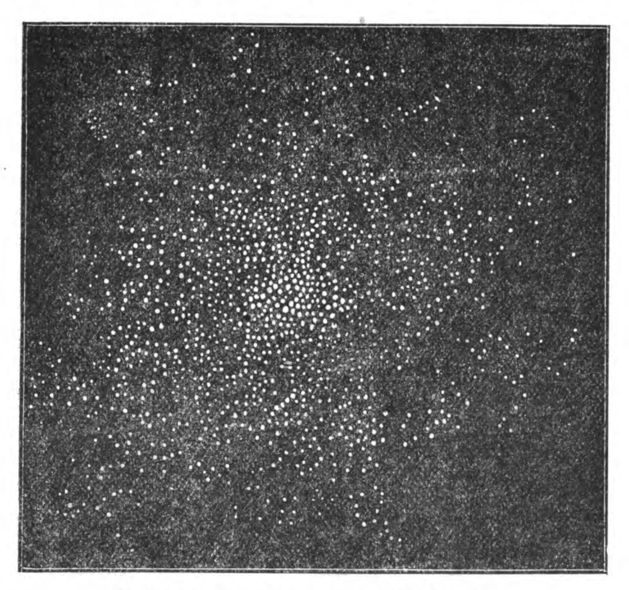
сами, похожими на облака; но вслѣдствіе громаднаго разстоянія и большаго числа этихъ звѣздъ до сихъ поръ не удалось различить ихъ даже въ самые сильные телескопы. Въ послѣднее время на обсерваторіи Лика въ Калифорніи были сняты при помощи фотографіи многія части Млечнаго Пути. Чувствительная пластинка подвергалась дѣйствію свѣта въ теченіе 3 часовъ и болѣе; такимъ путемъ были получены снимки, которые позволяютъ ясно различить тѣ звѣздныя облака, изъ которыхъ состоитъ Млечный Путь.

Фридрихъ Вильямъ Гершель.

Между ними замѣтны темные каналы, похожіе на широкія щели, которыя пересѣкаютъ и дѣлятъ цѣлое. Если разсматривать такую фотографію въ увеличительное стекло, становится яснымъ, что большинство свѣтлыхъ точекъ—не звѣзды, не отдѣльныя звѣзды, а цѣлыя группы звѣздъ. Такимъ образомъ, Млечный Путь представляетъ изъ себя систему системъ, величайшее скопленіе мірового вещества. Къ нему относятся многочисленныя собранія неподвижныхъ звѣздъ, которыя носятъ названіе «звѣздныхъ кучъ»; наше ночное небо съ разсѣянными по нему звѣздами—не болѣе, какъ одна изъ такихъ «кучъ». Между звѣздами разбросаны мно-

гочисленныя, необъятно-громадныя скопленія раскаленныхъ, слабо свѣтящихся газовъ, это—туманныя пятна. Звѣздныя кучи крайне разнообразны по своей величинѣ и количеству членовъ, но всегда отдѣльными членами ихъ являются неподвижныя, самосвѣтящіяся звѣзды, такія же солнца, какъ наше. Иногда мы видимъ, что нѣсколько звѣздъ тѣснѣе связаны между собою и образуютъ двойную или тройную звѣзду; въ такомъ случаѣ онѣ движутся вокругъ общаго центра тяготѣнія. Встрѣчаются темныя массы, которыя связаны въ одну систему съ яркою неподвижною звѣз-

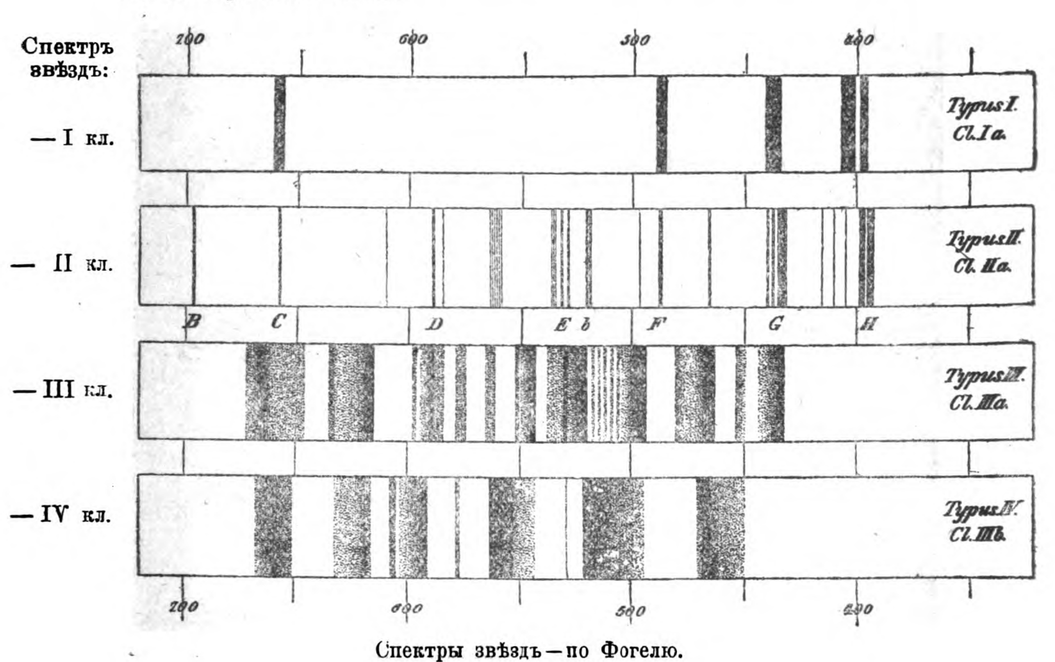
Звѣздная куча въ созвѣздіи Водолея.

дою. Не мало также отдѣльныхъ звѣздъ, которыя пересѣкаютъ міровое пространство по всевозможнымъ направленіямъ; но въ настоящее время мы еще не въ состояніи изслѣдовать пути этихъ звѣздъ съ желательною точностью. Къ такимъ странствующимъ звѣздамъ принадлежитъ и наше солнце, которое является центромъ движеній для цѣлой системы планетъ и кометъ; земля—одинъ изъ членовъ этой системы.

Такова въ общихъ чертахъ картина мірового пространства, таково распредѣленіе звѣздъ, его наполняющихъ. Объ устройствѣ цѣлаго мы не имѣемъ никакого понятія, потому что не можемъ обнять міръ до послѣднихъ его предѣловъ, но если разсматривать расположеніе отдѣльныхъ образованій: звѣздныхъ кучъ, туманностей и звѣздъ, невольно бросается въ глаза совершенно опредѣленный планъ развитія, о которомъ я буду подробно говорить

впослѣдствіи. Примѣняя къ царству звѣздъ представленіе объ *исторіи развитія*, мы открываемъ новыя и поразительныя точки зрѣнія, о которыхъ не могли бы и мечтать безъ этого.

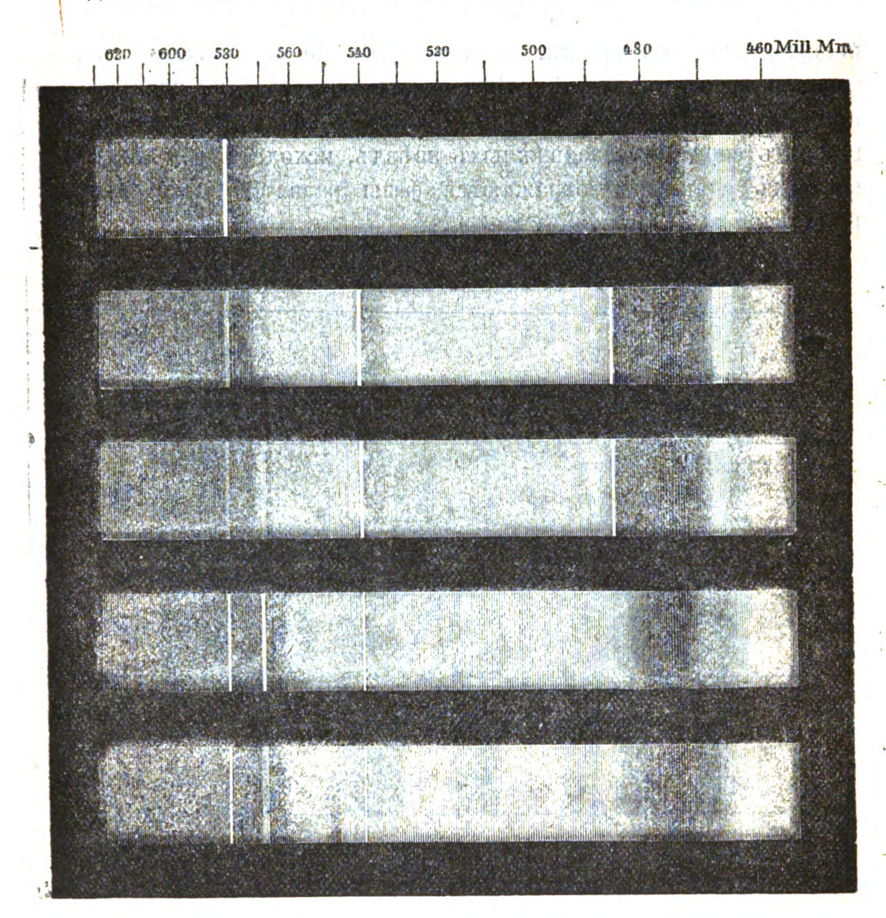
Для примѣра, обратимъ вниманіе на различную яркость звѣздъ. Оказывается, ее нельзя объяснять исключительно первоначальною разницею между звѣздами и удаленіемъ ихъ отъ насъ: она зависитъ также отъ того, сколько времени свѣтила данная звѣзда,— значитъ, отъ ея возраста. Въ подтвержденіе мы можемъ въ настоящее время съ полной увѣренностью сослаться на спектроскопическія изслѣдованія. Уже въ 1874 году *Фогель* могъ классифицировать спектры неподвижныхъ звѣздъ, исходя изъ мысли, что на этихъ спектрахъ отражаются фазы развитія соотвѣтствующихъ міровыхъ тѣлъ.

Спектры звѣздъ — по Фогелю.

Самыя юныя звѣзды обладаютъ самою высокою температурою. Раскаленная атмосфера ихъ съ ея металлическими парами производитъ поглощеніе лишь въ очень слабой степени. Вотъ почему въ спектрѣ ихъ темныя линіи отсутствуютъ или представляются очень тонкими. Голубая и фіолетовая часть спектра у этихъ звѣздъ бываетъ очень яркою; цвѣтъ ихъ вполнѣ бѣлый. Сюда относятся: блестящій Регулъ, Вега, затѣмъ Сиріусъ; въ спектрѣ послѣдняго линіи металловъ выступаютъ нѣсколько сильнѣе, особенно выдѣляются линіи желѣза и магнія.

Переходъ ко второму классу мы находимъ въ Альтаирѣ: его спектръ приближается къ солнечному. Главнымъ представителемъ звѣздъ второго класса является наше солнце. Въ его спектрѣ линіи металловъ выступаютъ ясно, даже рѣзко; у нѣкоторыхъ звѣздъ этого типа въ менѣе преломляемой части спектра можно замѣтить блѣдныя темныя полосы. Цвѣтъ этихъ звѣздъ — нѣсколько жел-

Спектры звѣздъ II класса: совпаденіе линій.

товатый; температура ихъ значительно ниже, чѣмъ у звѣздъ перваго типа. Какъ показываютъ изысканія *Шейнера* на астрофизической обсерваторіи въ Потсдамѣ, многія звѣзды этого класса обнаруживаютъ въ своихъ спектрахъ полное совпаденіе, которое простирается даже на мельчайшія подробности; таковы: солнце, Капелла, Арктуръ, Альдебаранъ и Поллуксъ. «Отсюда ясно», говоритъ названный наблюдатель, «что въ составѣ и въ исторіи раз-

витія звѣздъ проявляется необыкновенное однообразіе; что у звѣздъ, которыя находятся на одной и той же стадіи развитія, это однообразіе простирается на плотность, температуру и даже на процентное соотношеніе различныхъ элементовъ».

Звѣзды третьяго спектральнаго типа болѣе или менѣе красноваты. Вслѣдствіе продолжительности лучеиспусканія, значитъ, вслѣдствіе ихъ возраста, температура ихъ понижена настолько, что сдѣлались возможны соединенія элементовъ, изъ которыхъ состоитъ ихъ раскаленная атмосфера; эти соединенія всегда характеризуются болѣе или менѣе широкими полосами поглощенія.

Въ спектрахъ этихъ звѣздъ рядомъ съ темными линіями замѣтны также многочисленныя темныя полосы. Болѣе преломляемыя части спектра, граничащія съ полосою голубого цвѣта, являются поразительно слабыми. Между 2 и 3 классомъ неподвижныхъ звѣздъ можно прослѣдить постепенный переходъ, который характеризуется усиленіемъ красноватаго оттѣнка: отъ желтой Капеллы можно перейти ко красноватому Арктуру, потомъ къ еще болѣе красному Альдебарану и, наконецъ, къ Бетейгейзе, которая является самою яркою изъ звѣздъ третьяго типа. Точными снимками при помощи спектрографа *Шейнеръ* доказалъ, что спектръ Бетейгейзе по главнымъ линіямъ представляетъ полное сходство съ солнечнымъ спектромъ; но у Бетейгейзе линіи поглощенія сильнѣе и болѣе расплывчаты: тамъ часто сливаются между собою такія линіи, которыя у солнца ясно отдѣляются одна отъ другой; поэтому спектръ данной звѣзды обнаруживаетъ полосы тамъ, гдѣ въ солнечномъ спектрѣ мы находимъ группы отдѣльныхъ линій. Почти половина всѣхъ линій въ спектрѣ Бетейгейзе, по *Шейнеру*, принадлежитъ желѣзу, такъ же, какъ и у звѣздъ 2-го типа. Нѣкоторыя линіи на одной сторонѣ расплываются; *Фогель* замѣчалъ подобную расплывчатость также въ спектрѣ солнечныхъ пятенъ. Такія одностороннія расширенія образуются, какъ извѣстно, при химическихъ соединеніяхъ металловъ. Вотъ новое доказательство, что у звѣздъ третьяго типа температура значительно ниже, чѣмъ у звѣздъ предыдущихъ порядковъ. Если держаться аналогіи съ нашимъ солнцемъ, можно представить себѣ, что у звѣздъ третьяго типа на поверхности находятся многочисленныя, громадныя, темныя массы, подобныя солнечнымъ пятнамъ, которыя то исчезаютъ, то снова возникаютъ.

Дѣйствительно, многія звѣзды этого класса представляютъ неправильныя колебанія въ своей яркости, почему ихъ относятъ къ перемѣннымъ звѣздамъ съ неправильнымъ періодомъ. Эти звѣзды послѣ своего появленія успѣли потерять большую часть тепла чрезъ

лучеиспусканіе; онѣ значительно подвинулись по дорогѣ къ полному охлажденію и въ будущемъ чрезъ миріады лѣтъ перейдутъ, наконецъ, въ послѣднюю стадію развитія, именно въ классъ темныхъ звѣздъ, которыя обнаруживаютъ существованіе только притяженіемъ.

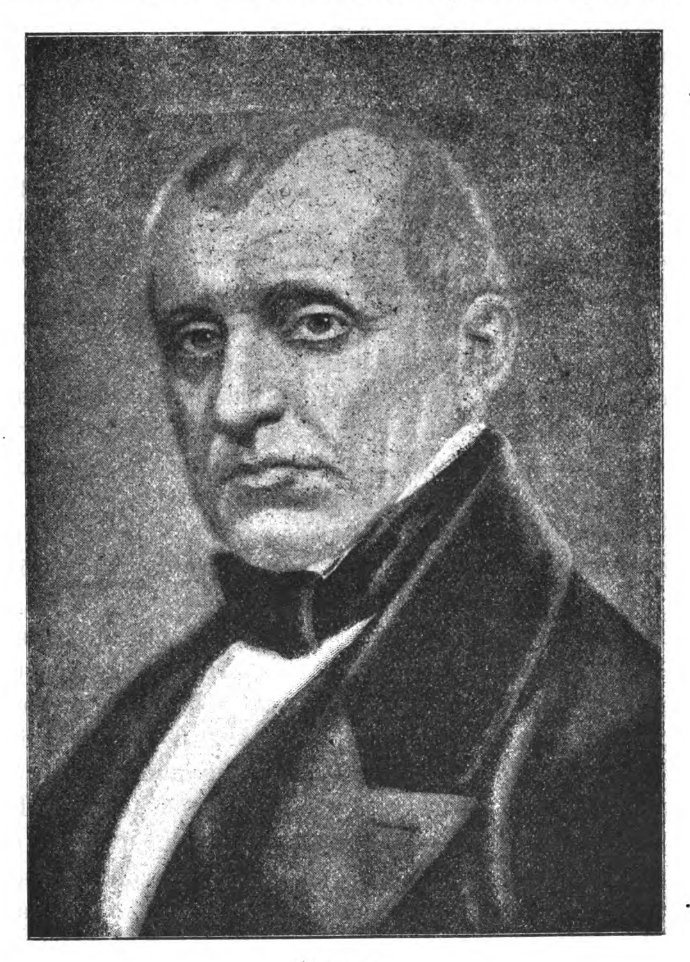
Распредѣленіе звѣздъ между отдѣльными спектральными классами еще не установлено съ полною точностью, потому что далеко не всѣ звѣзды спектроскопически изслѣдованы. Но уже теперь можно опредѣленно утверждать, что первый классъ заключаетъ большую часть неподвижныхъ звѣздъ, второй — около половины, третій—не болѣе $^1/_8$.

Такая неравномѣрность въ распредѣленіи звѣздъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть случайною: она указываетъ на существованіе общей причины. Въ чемъ заключается эта причина? Почему это: чѣмъ больше въ данномъ классѣ охлажденіе, тѣмъ меньше звѣздъ заключаетъ онъ? *Шейнеръ* даетъ такое объясненіе. Каждая звѣзда проходитъ длинную исторію развитія: въ первомъ періодѣ она блистаетъ бѣлымъ свѣтомъ; потомъ становится желтою, наконецъ, красною. Но дольше всего она остается бѣлою. Причина понятна. Въ этомъ періодѣ вещество звѣзды бываетъ очень рѣдкимъ; способность къ уплотненію—наибольшая. Но при этомъ уплотненіи вырабатываются громадные запасы теплоты, которыми и возмѣщаются потери лучеиспусканія. Вотъ почему высокая температура можетъ долго оставаться неизмѣнною и первый періодъ развитія оказывается самымъ продолжительнымъ. При дальнѣйшемъ развитіи обстоятельства мѣняются: насколько возрастаетъ плотность звѣзды, настолько понижается способность къ уплотненію; теплоты вырабатывается все меньше и меньше, охлажденіе идетъ все быстрѣе; каждый послѣдующій періодъ оказывается короче предыдущаго. Желтая окраска менѣе долговѣчна, чѣмъ бѣлая; красная исчезаетъ еще быстрѣе. Поэтому во всякій данный моментъ бѣлыя звѣзды составляютъ на небѣ громадное большинство, а красныя — меньшинство. Число звѣздъ разныхъ классовъ соотвѣтствуетъ длинѣ періодовъ развитія.

«Изъ этихъ разсужденій», говоритъ *Шейнеръ*, «естественно слѣдуетъ заключеніе, что на просторѣ вселенной должны встрѣчаться и темныя звѣзды; число ихъ зависитъ отъ того, какъ давно началось образованіе звѣздъ въ нашемъ участкѣ вселенной».

Звѣзды гаснутъ крайне медленно и постепенно. Чтобы убыль свѣта сдѣлалась замѣтною, долженъ пройти рядъ годовъ, который по длинѣ можно сравнить съ геологическими періодами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что за тотъ короткій промежутокъ, въ те-

ченіе котораго люди изслѣдуютъ небо, не удалось съ точностью констатировать ни одного случая дѣйствительнаго потуханія звѣздъ. Бываетъ, что какой-нибудь звѣзды вдругъ не окажется на томъ мѣстѣ неба, которое занимала она по точнымъ наблюденіимъ прежнихъ вѣковъ; но въ такихъ случаяхъ всегда удавалось доказать, что мы имѣемъ дѣло или со звѣздою перемѣнной яркости, или съ

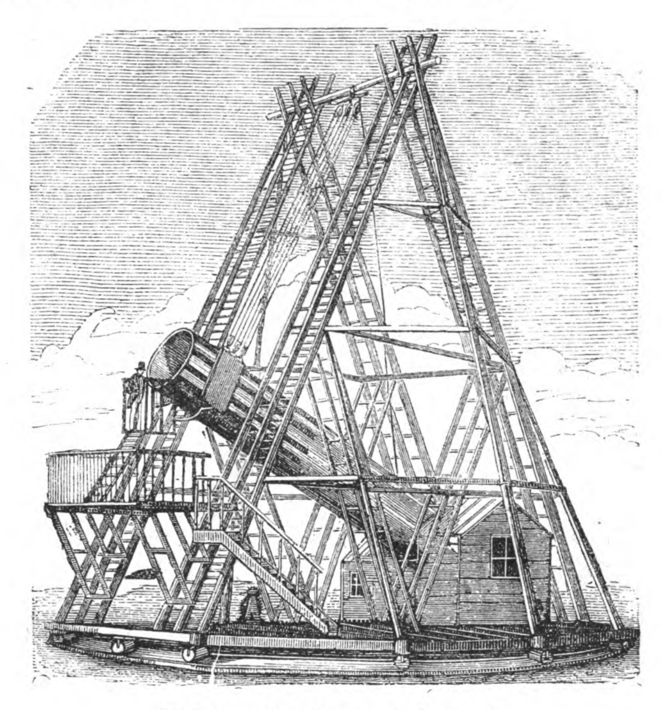
Медлеръ.

планетою, которую ошибочно считали за неподвижную звѣзду. Другое дѣло, еслибъ мы обладали звѣздными картами, ну, хоть со временъ каменноугольнаго періода, и еслибъ на этихъ картахъ были нанесены всѣ звѣзды до 15—16 величины, какъ на удивительныхъ фотографическихъ снимкахъ послѣднихъ лѣтъ: нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ звѣздъ оказались бы потухшими; свѣтъ ихъ за этотъ громадный промежутокъ времени на-

столько ослабѣлъ бы, что мы не въ состояніи были бы замѣтить ихъ съ помощью нашихъ инструментовъ.

Въ прежнее время часто утверждали, будто нѣкоторыя звѣзды настолько удалены отъ насъ, что свѣтъ ихъ не успѣлъ еще дойти до земли. «Быстрота свѣта», говоритъ Медлеръ, «это—величина конечная; промежутокъ времени, отдѣляющій наши дни отъ начала творенія, —также величина конечная; поэтому небесныя тѣла доступны нашимъ наблюденіямъ лишь на томъ разстояніи, которое можетъ пройти свѣтъ въ этотъ конечный промежутокъ времени. Такъ какъ темнота небеснаго свода находитъ въ этомъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе, нѣтъ нужды предполагать поглощеніе свѣта. Вмѣсто того, чтобы говорить, что свѣтъ съ извѣстныхъ разстояній *не можетъ доходить* до насъ, слѣдуетъ сказать: онъ *не успѣлъ еще дойти* до насъ». Вѣрно ли это? Вѣдь наша солнечная система существуетъ уже много милліоновъ лѣтъ, затѣмъ у насъ нѣтъ никакого основанія принимать, что она возникла *первою* и что всѣ остальныя небесныя тѣла явились несравненно позже; а разъ это такъ, неосновательность Медлеровскаго заключенія становится очевидною. *Гершель* полагалъ, что отъ самыхъ отдаленныхъ туманностей, видимыхъ въ его телескопъ, свѣтъ долетаетъ до земли въ два милліона лѣтъ. Этотъ разсчетъ опирается на предположеніе, будто туманности не что иное, какъ отдаленныя звѣздныя скопленія. Нельзя забывать, однако, что дальнѣйшія изысканія *Гершеля* и данныя спектральнаго анализа сдѣлали это предположеніе шаткимъ. Изслѣдуя силу телескоповъ, *Гершель* пришелъ къ выводу, что его 40-футовый рефлекторъ проникаетъ въ пространство на 2.300 «звѣздныхъ разстоянія». Величину «звѣзднаго разстоянія» въ настоящее время опредѣляютъ, круглымъ числомъ, въ 20 билліоновъ миль; свѣтъ проходитъ это разстояніе въ 16 лѣтъ. Такимъ образомъ, самыя отдаленныя звѣзды, какія можно было наблюдать въ телескопы *Гершеля*, отдѣлены отъ насъ такимъ разстояніемъ, что лучи свѣта могутъ пролетѣть его не болѣе, какъ въ 37.000 лѣтъ. Но это число еще слишкомъ велико. При своихъ разсчетахъ *Гершель* исходилъ изъ положенія, что міровое пространство абсолютно пусто, что поэтому свѣтовой лучъ ослабѣваетъ обратно пропорціонально квадрату разстояній, не болѣе. Оказалось, что это совершенно ошибочно. Уже *Струве* доказалъ, что при прохожденіи свѣта звѣздъ чрезъ небесныя пространства происходитъ значительное поглощеніе. Онъ находитъ поэтому, что 40-футовый телескопъ проникалъ въ пространство только на $^1/_6$ того разстоянія, какое указывалъ *Гершель*. Можно, конечно, оспа-

ривать вычисленія *Струве* относительно размѣровъ поглощенія въ міровомъ пространствѣ; но самый фактъ поглощенія свѣта не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію. Свѣтъ и теплота отъ неподвижныхъ звѣздъ достигаютъ до нашей земли; ужъ одно это обстоятельство заставляетъ признать существованіе среды, въ которой совершается передача, которая переноситъ свѣтовыя и тепловыя волны чрезъ небесныя пространства.

40-футовый рефлекторъ Гершеля.

Но если эта среда не что иное, какъ въ высшей степени тонкая матерія, родъ вѣсомой жидкости, то ясно, что свѣтовые лучи, проходя столь длинный путь, должны подвергаться значительному ослабленію или поглощенію. Вслѣдствіе этого поглощенія, съ извѣстнаго разстоянія ни одинъ лучъ не достигаетъ земли, и никакія искусственныя средства не помогутъ проникнуть за эту границу. Если опираться на вычисленія *Струве*, найдемъ, что до сихъ поръ ни одному телескопу не удавалось проникнуть въ глубину вселенной больше, какъ на 1.000 звѣздныхъ разстояній; это пространство свѣтъ пролетаетъ въ 16.000 лѣтъ. Звѣзды, которыя лежатъ за этими предѣлами, недоступны для насъ; мы никогда ничего не узнаемъ о нихъ. Но наша земля существуетъ болѣе 16.000 лѣтъ, навѣрное, даже больше 16.000.000 лѣтъ.

Нельзя поэтому ожидать, что на небесномъ сводѣ будутъ постоянно выступать такія новыя звѣзды, свѣтъ которыхъ только теперь успѣлъ дойти до насъ. Напротивъ, въ теченіе тысячелѣтій нѣкоторыя звѣзды должны становиться все блѣднѣе и бѣднѣе, пока совсѣмъ не исчезнутъ изъ нашихъ глазъ. Удалось ли наблюдать такое ослабленіе свѣта, — на это отвѣтить трудно,

Фридрихъ Вильгельмъ Струве.

такъ же трудно, какъ и на вопросъ объ исчезновеніи извѣстныхъ звѣздъ. Вѣроятность очень мала, потому что наши наблюденія обнимаетъ слишкомъ краткій промежутокъ времени.

Время отъ времени въ разныхъ мѣстахъ неба загораются «*новыя*» звѣзды, иногда значительной яркости. Но этотъ фактъ нисколько не противорѣчитъ утвержденію, что неподвижныя звѣзды съ теченіемъ времени потухаютъ. «Новыя» звѣзды представляютъ

совершенно особенный классъ явленій: по выраженію *Вильяма Гершеля*, это примѣръ «*обновленія въ лабораторіи вселенной*».

Вспыхнула новая звѣзда! Это, значитъ, среди сонма неподвижныхъ звѣздъ произошло событіе исключительное, нарушающее обычный ходъ вещей. Большинство новыхъ звѣздъ загорались по

Тихо Браге.

близости Млечнаго Пути; это обстоятельство привело нѣкоторыхъ изъ древнихъ астрономовъ, въ томъ числѣ и *Тихо-Браге* къ предположенію, что эти звѣзды образуются благодаря скопленію свѣтящейся туманной матеріи Млечнаго Пути. Описывая новую звѣзду, которая появилась въ созвѣздіи Кассіопеи въ 1572 году *Тихо* замѣчаетъ, что можно даже признать мѣсто, откуда стянулся свѣ-

*

тящійся туманъ. Само собою разумѣется, эта гипотеза неосновательна уже по той простой причинѣ, что Млечный Путь представляетъ не туманную массу, а скопленіе многочисленныхъ телескопическихъ звѣздъ. Затѣмъ наблюденія *Тихо* надъ этою звѣздою показываютъ, что за короткій промежутъ 15 мѣсяцевъ она потерпѣла крупныя измѣненія въ своихъ физическихъ свойствахъ, пока, наконецъ, не исчезла окончательно. Но возможно ли допустить внезапное образованіе звѣзды, которая, сначала блистаетъ ослѣпительнымъ бѣлымъ свѣтомъ, превосходя яркостью всѣ другія звѣзды, потомъ въ короткій срокъ теряетъ постепенно всю яркость, становится желтою, потомъ красною и, наконецъ, потухаетъ? Не будетъ ли правдоподобнѣе принять, что звѣзда существовала и раньше, что эта вспышка временное преходящее, явленіе въ ея жизни? Уже *Ньютонъ* былъ склоненъ отожествлять появленіе новыхъ звѣздъ съ пожаромъ и разрушеніемъ небеснаго тѣла. Ученіе о сохраненіи энергіи подтвердила эту гипотезу. Еще въ 1848 году *Робертъ Майеръ* замѣтилъ, что новыя звѣзды съ кратковременнымъ періодомъ блеска могутъ образоваться благодаря столкновенію двухъ звѣздъ, остававшихся раньше незамѣченными. Представимъ, что луна низверглась бы на землю; вычисленіе показываетъ, что соединенная масса двухъ свѣтилъ пріобрѣла бы при этомъ очень высокую степень жара, и земля сіяла бы, какъ солнце. Если бы мы находились на неподвижной звѣздѣ, намъ показалось бы оттуда, что вспыхнуло новое солнце. То же самое представляется намъ при появленіи новыхъ звѣздъ.

На это дѣлали одно возраженіе. Допустимъ, что столкнулись двѣ космическія массы, напримѣръ, двѣ неподвижныхъ звѣзды, или что планета упала на свою звѣзду; произойдетъ повышеніе температуры. Но оно была бы столь значительно, что температура не могла бы понизиться до прежняго уровня въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; на это понадобились бы цѣлыя тысячелѣтія. Все это совершенно вѣрно; немыслимо оспаривать, что охлажденіе крупныхъ міровыхъ тѣлъ можетъ сдѣлаться замѣтнымъ только по истеченіи необыкновенно долгихъ промежутковъ времени. Между тѣмъ, у такъ называемыхъ «новыхъ» звѣздъ ослабленіе свѣта наступаетъ иногда чрезъ нѣсколько дней. Но, по моему мнѣнію, охлажденіе въ этомъ случаѣ вызывается не однимъ лучеиспусканіемъ: есть другая причина. Какъ только столкнутся двѣ космическія массы, мгновенно образуется громадное количество теплоты; отдѣленные громаднымъ разстояніемъ, мы замѣчаемъ это явленіе, какъ внезапное усиленіе свѣта. Благодаря этой теплотѣ, веще-

ство обоихъ міровыхъ тѣлъ обращается въ газообразное состояніе; отдѣльныя частицы матеріи стремятся удалиться одна отъ другой и образуютъ туманность, протяженіе которой зависитъ отъ массы и температуры обѣихъ столкнувшихся звѣздъ. Объемъ увеличивается въ милліарды разъ, и это расширеніе, конечно, не можетъ произойти моментально: оно требуетъ извѣстнаго времени, которое при чудовищныхъ разстояніяхъ, съ которыми имѣемъ дѣло, нужно измѣрять недѣлями и даже мѣсяцами. Рядомъ съ этимъ температура газообразныхъ массъ должна падать, такъ какъ расширеніе можетъ произойти только насчетъ тепловыхъ потерь. Съ пониженіемъ температуры уменьшается сила свѣта, слѣдовательно, ослабѣваетъ яркость «новой» звѣзды. Ясно, что послѣ этихъ превращеній газообразная масса представляетъ уже не звѣзду, а космическую туманность съ очень малой яркостью. Этотъ выводъ подтверждается спектроскопическими наблюденіями надъ новой звѣздой 1877 года; въ концѣ развитія она давала спектръ, тожественный со спектромъ планетарныхъ туманностей. Можно принять, что звѣзда, дѣйствительно, превратилась въ такую туманность. По всей вѣроятности, планетарныя и многія другія туманности, которыя созерцаемъ на небѣ, не что иное, какъ прежнія звѣзды, которыя чрезъ столкновеніе обратились въ міровой туманъ. Вотъ почему спектры этихъ міровыхъ тѣлъ нельзя сопоставлять съ описанными выше типами звѣздныхъ спектровъ: они представляютъ, какъ отмѣчаетъ профессоръ *Пикерингъ*, совершенно особый типъ, который не имѣетъ никакой связи со спектральными типами обыкновенныхъ неподвижныхъ звѣздъ. Ничто, такимъ образомъ, не противорѣчитъ предположенію, что космическія тѣла, съ такимъ своеобразнымъ спектромъ, это массы, которыя черезъ столкновеніе обратились въ туманъ.

Такое столкновеніе между небесными тѣлами одной и той же системы по истеченіи довольно долгихъ періодовъ времени наступаетъ неизбѣжно; его причина—то сопротивленіе, которое оказываетъ эфиръ при движеніи вокругъ общаго центра тяготѣнія. Такимъ образомъ, это тонкое вещество, наполняющее небесныя пространства, является причиною гибели отдѣльныхъ міровыхъ тѣлъ, и оно же, какъ покажу я далѣе, та великая, общая могила, которая поглотитъ всю энергію вселенной.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„IАКТОНЪ“.

Разсказъ Марiи Конопницкой.

Онъ не всегда такъ назывался. Всѣ жители мѣстечка, отъ мала до велика, помнятъ, что прежде его звали Лейба Рабиновичъ. Однако, онъ не гордился своимъ именемъ такъ, какъ теперь гордится своимъ новымъ прозвищемъ. Сдѣлался ли легче ящикъ со стекломъ, который онъ цѣлый день таскаетъ, согнувъ спину, прибыло ли ему откуда-нибудь силы—неизвѣстно, но онъ какъ-то выпрямился, будто выросъ, и халатъ у него туже подпоясанъ, и шапка больше съѣзжаетъ на затылокъ, открывая узкiй, высокiй лобъ, обрамленный тонкими, гладкими, черными, серебрящимися кое-гдѣ волосами. Даже его длинные сапоги, виднѣющiеся изъ подъ заткнутаго за поясъ халата, и тѣ имѣютъ совсѣмъ другой видъ. Въ мѣстечкѣ теперь такая грязь, что упаси Боже, а Лейба такой чистый, опрятный, какъ будто только по самымъ сухимъ камушкамъ переступалъ. Чудеса, да и только!

Прежде, бывало, только въ шабашъ поднималъ онъ голову, и его темная, рѣдкая, остроконечная борода шевелилась, какъ-бы отъ тихо нашептываемыхъ словъ; только въ шабашъ его прищуренные, отливавшiе золотомъ глаза, пристально смотрѣли куда-то вдаль передъ собою... Теперь онъ всегда бываетъ такимъ и всякiй день ходитъ по мѣстечку съ такимъ видомъ, словно у него праздникъ на душѣ, хотя ему не легко достается кусокъ хлѣба, да и тотъ, который перепадаетъ на его долю, часто бываетъ горькимъ и черствымъ. А если онъ и сгорбится иногда, и бороду свѣситъ, и глаза опуститъ внизъ на грязную уличку, то стоитъ только кому-нибудь изъ-за угла или изъ темныхъ сѣней крикнуть ему вслѣдъ: «Iактонъ», какъ тотчасъ же Лейба выпрямляется, лицо его свѣтлѣетъ, а взглядъ прищуренныхъ съ золотыми искорками глазъ устремляется высоко, высоко, выше крышъ и выше даже самой синагоги... А между тѣмъ, эта кличка не имѣетъ

въ себѣ ничего лестнаго. Всѣ отъ мала до велика знаютъ, что «Іактонъ» значитъ попросту дурень. Такъ себѣ глупый человѣкъ, можетъ быть, даже и помѣшанный. Нерѣдка случалось, что вслѣдъ за этимъ прозвищемъ въ Лейбу пустятъ горстью песку, грязью или острымъ камнемъ; часто даже и попадаютъ въ него. Ба! да вѣдь вся «Хевра Кедиша», занимающаяся омовеніемъ и погребеніемъ умершихъ, плюетъ ему подъ ноги, не говоря уже про кагальныхъ. А ему все нипочемъ, только зашевелится его остроконечная борода, да лицо озарится внезапнымъ свѣтомъ, и идетъ онъ, какъ и шелъ прежде, своей дорогой, стуча суковатой палкой. Говорятъ, онъ и самъ участвовалъ въ «Хевра-Кедиша» и погребалъ умершихъ. Но ихъ общество исключило его изъ своего числа. То же самое сдѣлало и общество «Хевра-шомри-шабашъ», которое посылаетъ въ пятницу, вечеромъ, своихъ глашатаевъ стучать въ двери, припоминая, что пора уже зажигать шабашовыя свѣчи, и «Хевра-талмудъ-тора», которое посылаетъ бѣдныхъ дѣтей въ хедеръ, и «Хевра-нертуметъ», которое днемъ и ночью освѣщаетъ лампами синагогу. А все это надѣлалъ Фроимъ Портеръ своею глупою смертью. Да, смерть его была глупая, нечестивая, можетъ, даже и проклятая.

Фроимъ Портеръ давно уже основался въ мѣстечкѣ и былъ портнымъ, а заработанныя деньги отдавалъ Шлейфману на храненіе; сначала у него было только нѣсколько злотыхъ, потомъ нѣсколько десятковъ ихъ, а послѣ многихъ лѣтъ нужды и труда число ихъ дошло до тысячи и нѣсколькихъ сотенъ. Шлейфманъ пускалъ эти деньги въ оборотъ, продавалъ воловъ, покупалъ, перепродавалъ, ѣздилъ по большимъ ярмаркамъ и пользовался въ мѣстечкѣ довѣріемъ. Фроимъ Портеръ былъ вдовецъ и давно уже похоронилъ своихъ дѣтей, сыновей и дочерей. Былъ онъ одинъ одинешенекъ на свѣтѣ и утѣшали его въ одиночествѣ не дѣти и внуки, а только накопленныя имъ въ потѣ лица своего деньги. Ему часто приходилось видѣть въ жизни, какъ дѣти и внуки растутъ только для того, чтобы покинуть своихъ родителей и дѣдовъ и жить для себя; а кровныя денежки его уходили для того только, чтобы со временемъ вернуться назадъ и быть усладой и подпорой въ старости.

И была у Фроима сестра Хайя, выданная замужъ за талмудиста. Мужъ ея цѣлый день качался надъ книгами, не думая о томъ, что онъ будетъ ѣсть и что будутъ ѣсть его дѣти и жена. А дѣтей было много и съ каждымъ годомъ становилось еще больше. Обо всемъ этомъ вѣдала Хайя. Вѣдали объ этомъ ея распухшія и пораненныя ноги, ея трясущіяся исхудалыя руки, ея сверкающіе

жадностью и разбѣгающіеся во всѣ стороны глаза; вѣдали объ этомъ—ея охрипшее отъ непрерывнаго крика горло, никогда не высыхающій потъ лица ея и безпокойная дума, не знающая отдыха ни днемъ, ни ночью.

Обо всемъ этомъ вѣдала Хайя. Это былъ типъ жидовки маленькаго мѣстечка. Молодая, но уже увядшая, она билась изъ-за куска хлѣба, умѣла питаться холоднымъ картофлемъ съ лукомъ или баранками и при этомъ работать, рожать дѣтей и бѣгать за заработкомъ въ окрестныя деревни, умѣла въ теченіе цѣлаго дня напитать семью одной селедкой и фунтомъ хлѣба, да еще при этомъ кормить ребенка своего высохшею грудью.

Не смотря, однако, на всѣ ея усилія, нищета не отступала отъ нея ни на шагъ. Это была нищета хроническая, усиливающаяся каждое первое число мѣсяца, когда нужно было платить два рубля за жалкую квартиру.

Эти два рубля были трагическимъ моментомъ въ жизни Хайи.

Уже наканунѣ этого дня она бѣгала разстроенная, почти полупомѣшанная, ошибаясь въ счетѣ яицъ, которыя цѣлый день собирала по деревнямъ, забывая дать сдачи, голодная, плохо одѣтая, дающая тумаки старшимъ ребятамъ, забывая въ тоже время покормить груднаго ребенка и дать супа съ хлѣбомъ мужу-талмудисту. Ни одна самая лучшая гончая собака не будетъ съ такимъ рвеніемъ выслѣживать и тропить дичь, какъ она, цѣлый день бѣгая и выбиваясь изъ силъ въ погонѣ за копѣйкой. Отъ ярости, съ которою она набрасывалась на бабъ у заставы и почти насильно вытаскивала изъ лукошекъ тамъ пару яицъ, здѣсь кусокъ сыра или масла, чтобы ихъ перепродать въ мѣстечкѣ, она переходила къ просьбамъ, мольбамъ и горькому плачу. Мужики отталкивали ее отъ возовъ, но она возвращалась снова въ десятый, въ двадцатый разъ, хваталась за переплетъ телѣги, лѣзла сзади въ кузовъ, цѣплялась за лошадей. Случалось, что мужикъ стащитъ съ ея головы чепецъ, дастъ пинка въ спину, разорветъ кофту, а ей все нипочемъ. Какъ вцѣпится своими худощавыми пальцами въ телѣгу, такъ и бѣжитъ за сорвавшейся вдругъ съ мѣста, подхлестываемой кнутомъ кобылой, то торгуясь, то причитая, пока у нея не захватывало духъ и пѣна не выступала у рта.

Она бѣжала такъ за возомъ черезъ шлагбаумъ, черезъ мостъ, мимо почты, мимо аптеки до самаго рынка, отталкивая другихъ жидовокъ, ссорясь съ ними, угождая и льстя мужику, осыпающему ее бранью, и сверкая своими бѣгающими, налитыми кровью глазами.

Сколько тумаковъ попало ей въ спину, сколько разъ спотыка-

лась она на тумбы, сколько синяковъ получила въ такомъ походѣ, этого она не считала. Если ей удавалось заработать хоть десять грошей, она возвращалась домой изъ своего странствія побѣдоносная и радостная, и начинала считать мѣдныя деньги, собранныя такимъ же путемъ впродолженіе цѣлаго мѣсяца. Никогда, однако, ей не удавалось насчитать больше рубля. За другимъ рублемъ она шла къ брату. Она покорно, молчаливо останавливалась у его порога, не дѣлая ни шагу впередъ и держа у груди самаго маленькаго ребенка, а братъ уже безъ разговора зналъ, за чѣмъ она пришла.

Онъ поднималъ тогда склоненную надъ работой, рыжую огромную голову, смотрѣлъ стеклянными выпуклыми глазами на пришедшую, снималъ съ пальца блестящій стальной наперстокъ и, доставъ грязный мѣшокъ, который онъ носилъ на груди подъ ватнымъ кафтаномъ, доставалъ изъ него рубль и давалъ сестрѣ. Рубль былъ всегда бумажный и кромѣ его въ мѣшкѣ никакихъ денегъ не было, по крайней мѣрѣ, жадные, быстрые глаза Хайи никогда ничего, кромѣ этого единственнаго рубля, не видѣли. Вся эта сцена происходила въ полномъ молчаніи.

Хайя брала рубль, цѣловала замасленный рукавъ братнина кафтана и потихоньку плакала. Фроимъ не запрещалъ ей плакать и благодарить его, однако, все-таки пряталъ мѣшокъ за пазуху какъ можно скорѣе, застегивался, надѣвалъ наперстокъ, а Хайя, всхлипывая и вздыхая, скрывалась въ темныхъ, низкихъ сѣняхъ.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ. Однажды, утромъ, Фроимъ, молча какъ всегда, не тратя словъ понапрасну, купилъ кусокъ пустыря у бондаря Колкевича, и, подобравъ полы своего халата, отправился въ Трояновскій лѣсъ приглядѣть бревна и доски.

Онъ осмотрѣлъ все, какъ слѣдуетъ, далъ въ задатокъ деньги, что у него были при себѣ, и, распорядившись по дорогѣ о свозкѣ камня для фундамента, къ вечеру вернулся домой. Въ тотъ же самый день пошла молва въ мѣстечкѣ, что Фроимъ Портеръ строитъ себѣ домъ.

И такъ было на самомъ дѣлѣ.

Вырвали высокую, сорную траву, которую еще не успѣли обглодать козы, смѣрили пустырь съ четырехъ сторонъ, отмѣтили углы зданія и принялись копать землю подъ фундаментъ. Изъ Троянова тѣмъ временемъ мужики возили камни, плотникъ ходилъ по пустырю съ трубкой въ рукахъ, поглядывалъ по сторонамъ, мѣтилъ привезенныя бревна мѣломъ, а работникъ, весело посвистывая, растворялъ въ ящикѣ дымящуюся известь. Про-

хожіе останавливались на улицѣ посмотрѣть на кипѣвшую работу. Одинъ качалъ головой, другой желалъ счастья, дѣти обступили землекоповъ, и все шло своимъ порядкомъ, какъ всегда, когда что-нибудь строится.

Въ первый же день, да даже въ первый же часъ начала работы, Хайя прибѣжала на пустырь, задыхаясь отъ усталости и бросивъ лотокъ на руки своей старшей дѣвочкѣ. Прибѣжала, вскинула глазами на все это богатство и даже руками всплеснула отъ изумленія. Однако, она не пошла къ брату. Боялась разсердить его, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени предстояло идти за рублемъ. И только, когда наступило первое число, покорно и молча вошла она въ квартиру портного и остановилась, какъ обыкновенно, у порога.

И Фроимъ, какъ обыкновенно, досталъ мѣшокъ и вынулъ изъ него рублевую бумажку. Но когда она стала цѣловать его въ локоть, онъ взялъ ее за руку, молча перешелъ черезъ улицу, молча обвелъ Хайю кругомъ всего мѣста, и только когда они остановились у четвертаго угла, сказалъ:

— Слушай, Хайя! Насъ только двое дѣтей отъ нашихъ родителей. Богъ далъ мнѣ заработокъ, а дѣтей не далъ, а тебѣ Богъ далъ дѣтей, а заработку не далъ. Это не хорошо...

Онъ умолкъ и наморщилъ лобъ, какъ бы дѣлая упреки суровой судьбѣ.

Хайя тихо всхлипывала.

— Шш... шш... ш...—зашипѣлъ Фроимъ.—Тебѣ нечего теперь плакать, тебѣ нужно теперь меня слушать.

Хайя тотчасъ же отерла рукавомъ глаза и сердце ея забилось.

— Это не хорошо,—продолжалъ Фроимъ, наморщивъ узкій лобъ.—Твои дѣти голодны, и твой мужъ голоденъ, и ты голодна

Хайя горько заплакала. И въ самомъ дѣлѣ она постоянно голодна и не помнитъ даже, когда была сыта...

— Шш, шш,—снова протяжно зашипѣлъ Фроимъ.—Тебѣ теперь нечего плакать, тебѣ теперь нужно меня слушать! Твои дѣти въ лохмотьяхъ, твой мужъ въ лохмотьяхъ и ты сама въ лохмотьяхъ.

Хайя громко зарыдала. О-о-охъ, какъ же давно она не имѣла цѣлыхъ сапогъ на своихъ бѣдныхъ, опухшихъ отъ усталости ногахъ... И какъ давно у Абрамки не было рубашки на плечахъ, а сколько горя Гадесъ въ прошлую зиму натерпѣлась безъ кофты...

— Шш, шш... шш! —зашипѣлъ Фроимъ въ третій разъ.— Твои дѣти не имѣютъ своего собственнаго угла, и твой мужъ не имѣетъ своего собственнаго угла, и ты не имѣешь своего собственнаго угла.

Хайя разразилась громкимъ плачемъ, сжимая въ рукахъ рублевую бумажку, которая служила самымъ убѣдительнымъ доводомъ словъ брата.

— Шш... шш... шш!..—успокаивалъ ее Фроимъ протяжнымъ шипѣнiемъ, а когда она успокоилась, продолжалъ:

— Ты видѣла, какъ я тебя водилъ по половинѣ пустыря и по половинѣ фундамента отъ тѣхъ двухъ межей до этихъ двухъ межей. Эта половина дома, которая станетъ на этой половинѣ фундамента и половинѣ пустыря, будетъ твоимъ домомъ и домомъ твоихъ дѣтей. Такова моя воля!..

Онъ поднялъ большую рыжую голову и слегка надулъ губы и щеки.

Хайя упала на землю, не помня себя отъ радости и цѣлуя брату колѣна. Слезы градомъ лились по ея исхудавшему и почернѣвшему лицу, стонъ и смѣхъ вырывались по очереди изъ ея груди, а ея руки конвульсивно сжимали грудного ребенка.

Она совсѣмъ обезумѣла: У нея будетъ домъ! У нея будетъ домъ, собственный домъ, домъ ея мужа и дѣтей...

Она вскочила на ноги и, какъ безумная, побѣжала домой, ничего не видя передъ собой по дорогѣ.

У нея будетъ домъ! у нея будетъ домъ, ея собственный, собственный домъ!

Фроимъ, пыхтя, ходилъ по пустырю до поздней ночи.

Съ тѣхъ поръ работа закипѣла еще быстрѣе. Рыжiй портной чуть не всякую минуту бросалъ свою работу и важно, молча, шелъ на пустырь, останавливался тамъ, гладилъ бороду и глядѣлъ на свой домъ, выступающiй смолянымъ желтымъ срубомъ изъ фундамента. Изъ ремесленника онъ превращался въ городского обывателя.

Но когда Шлейфманъ вернулся со степными волами и Портеръ потребовалъ отъ него своихъ денегъ, то Шлейфманъ торжественно, при раввинѣ, заявилъ, что никакихъ денегъ на храненiе отъ Фроима онъ не бралъ и что онъ ведетъ торговлю на свои собственныя средства.

Въ ту же ночь эта вѣсть разошлась по всему мѣстечку. Рыжiй портной повѣсился въ новомъ своемъ владѣнiи на трояновской балкѣ, которую только-что хотѣли класть на мѣсто.

. . . .

Наступило тихое, ясное, прозрачное утро. Высоко на небѣ погасалъ тонкiй, бѣлый серпъ мѣсяца, расплываясь въ сiянiи дня и солнца. Надъ домами кружились голуби, съ ближайшихъ луговъ доносился запахъ свѣжескошеннаго сѣна. Лейба Рабиновичъ возвращался домой съ молитвы. Плечи его были покрыты погребаль-

нымъ платомъ, въ рукахъ онъ несъ въ бархатномъ мѣшкѣ Тору. Идя по дорогѣ онъ продолжалъ молиться. Его тонкія губы, возносящія хвалу Господу Богу, дрожали отъ неровнаго, нервнаго шепота, переходящаго время отъ времени какъ бы въ пчелиное жужжаніе. Вдругъ онъ остановился. Съ рынка доносился крикъ и необычное волненіе. Какъ пламя при дуновеніи вѣтра то поднимается, то погасаетъ, такъ и крикъ этотъ то усиливался, то ослабѣвалъ, подъ дуновеніемъ невидимой грозы.

Лейба все стоялъ и слушалъ, когда вдругъ мимо него пролетѣлъ со свистомъ сначала одинъ мальчишка, потомъ другой, потомъ нѣсколько сразу и, наконецъ, въ тихую за минуту передъ этимъ уличку, ввалилась разъяренная толпа жидовъ, съ крикомъ, свистомъ, воемъ, съ выраженіемъ ненависти въ воспаленныхъ глазахъ, съ пѣною у рта, съ комками грязи и каменьями въ рукахъ.

Посреди улицы два оборванца несли на носилкахъ обнаженный трупъ Фроима Портера. Покойникъ имѣлъ страшный видъ. Его тяжелая рыжая голова подскакивала съ глухимъ стукомъ на сколоченныхъ на-скоро носилкахъ; его толстыя скорченныя предсмертной судорогой колѣна были высоко приподняты; на посинѣвшемъ лицѣ и въ широко открытыхъ, вылѣзшихъ изъ орбитъ глазахъ отражался ужасъ смерти. Лицо и тѣло самоубійцы были забросаны грязью, оплеваны, побиты каменьями и представляли отвратительное зрѣлище.

Въ первую минуту Лейба Рабиновичъ отступилъ назадъ. Но сейчасъ же опомнился, растолкалъ воющую толпу, сорвалъ съ себя похоронный платъ, набросилъ его на поруганный трупъ и, придавивъ мѣшкомъ съ Торой, положилъ на него руки.

Страшный крикъ пронесся по всей толпѣ. Затѣмъ, на одинъ мигъ наступила тишина, казалось всѣ остолбенѣли. Тишина эта прерывалась только жалобнымъ чириканіемъ спугнутыхъ и прячущихся подъ навѣсы крышъ воробьевъ.

Въ эту-то минуту кто-то произнесъ въ первый разъ это позорное прозвище: «Іактонъ!»

— Іактонъ!—воскликнула вся толпа и тысяча людей выступила противъ защитника несчастнаго трупа.

Была минута, когда, казалось, его растопчетъ толпа. Кто-то сорвалъ ему шапку съ головы, кто-то другой сбросилъ ермолку — съ него стащили халатъ и разорвали на немъ платье. Ругательства, проклятія и крики обратились теперь на него. Ближе стоящіе плевали ему въ лицо, толкали, тѣ же, которые были дальше, бросали въ него грязью. Мальчишки свистали, приложивъ пальцы ко рту и кричали: «Іактонъ! Іактонъ!»

Лейба Рабиновичъ не отступилъ ни на шагъ. Высокій и худой, выпрямившись во весь ростъ, онъ шелъ около носилокъ, ступая большими шагами, въ одномъ жилетѣ, изъ подъ котораго спереди и сзади видны были тесемочки; обнаженная голова его была высоко поднята и одна рука, обернутая священнымъ ремнемъ, была прижата къ груди. Другою онъ придерживалъ на покойникѣ бархатный мѣшокъ съ Торой. Эта святыня охраняла несчастный трупъ отъ поруганія.

Такъ дошли они до самаго вала, за которымъ Фроима Портера закопали во рву посреди проклятій и ругательствъ толпы.

Тогда Лейба отобралъ изъ рукъ носильщиковъ погребальный платъ и Тору и возвратился въ мѣстечко. Толпа теперь раздѣлилась. Одни остались за валомъ набрасывать на могилу самоубійцы сухой хворостъ и камни, другіе бѣжали за Лейбой, свистя и крича: «Іактонъ, Іактонъ!»

Сопровождаемый этими криками, Лейба Рабиновичъ шелъ смѣлымъ, увѣреннымъ шагомъ, держа саванъ и Тору подъ мышкой. Онъ держался прямо и казался выше, чѣмъ прежде, словно бы выросъ на цѣлую голову отъ этихъ надругательствъ.

Только черные, рѣдкіе его волосы прилипли отъ пота къ вискамъ, только блѣдное лицо казалось еще блѣднѣе, а отливающіе золотомъ, прищуренные глаза смотрѣли куда-то далеко, далеко...

Пер. съ польскаго **В. Томашевская.**

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

(*Продолженіе* *).

IV.

Войта Нàпрстекъ.

— Жаль, что вы уже не застали въ живыхъ нашего Войту Нàпрстка! — говорили мнѣ неоднократно знакомые чехи, когда я пріѣхалъ въ Прагу, чтобы познакомиться ближе съ политической, соціальной и литературной жизнью Чехіи.

О Войтѣ Нàпрсткѣ я уже слышалъ довольно много и поэтому и самъ сильно сожалѣлъ, что мнѣ не удалось познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, память котораго глубоко чтитъ весь чешскій народъ. Зная, что въ гостепріимномъ домѣ, гдѣ жилъ Войта Нàпрстекъ, со времени его смерти ничто не измѣнилось, я попросилъ одного изъ друзей покойнаго — извѣстнаго чешскаго этнографа, Франца Ржегоржа — свести меня туда, и въ одно воскресное утро мы отправились «къ Нàпрсткамъ», какъ говорятъ и до сихъ поръ въ Прагѣ, не смотря на то, что въ домѣ Нàпрстка живетъ только вдова покойнаго.

Недалеко отъ знаменитаго Карлова моста находится цѣлый лабиринтъ маленькихъ уличекъ, пересѣкающихся на Виѳлеемской площади, памятной тѣмъ, что на ней когда-то находилась часовня чешскаго реформатора, Яна Гусса. Домъ, въ которомъ жилъ Гуссъ, сохранился и по нынѣ. На той же Виѳлеемской площади стоитъ довольно невзрачное старое, сѣрое зданіе, гдѣ жилъ Нàпрстекъ.

Мы входимъ въ этотъ домъ и, нѣсколько минутъ спустя, переступаемъ порогъ залы, въ которой уже находится довольно многочисленное общество. Предупрежденный заранѣе своимъ спутникомъ насчетъ того, что въ домѣ Нáпрстковъ господствуетъ вполнѣ американская свобода и что здѣсь совершенно отсут-

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1896 г.

ствуютъ всякія китайскія церемоніи, я начинаю осматривать залу, въ которую мы попали.

Кромѣ громадныхъ шкаповъ и полокъ съ книгами, въ залѣ находится масса различныхъ географическихъ картъ, статистическихъ таблицъ, картограммъ, гравюръ, портретовъ и т. д. По стѣнамъ развѣшаны группы портретовъ знаменитыхъ дѣятелей всѣхъ народностей, начиная съ американцевъ и кончая русскими. Кое-гдѣ виднѣются различныя изреченія, преимущественно англійскія, на бѣлыхъ табличкахъ, оправленныхъ въ рамки. Осмотрѣвъ залу, я начинаю наблюдать за наполняющимъ ее обществомъ.

Въ одномъ углу собралась кучка профессоровъ чешскаго университета, горячо спорящихъ о какомъ-то вопросѣ научнаго характера; въ другомъ только-что вернувшійся изъ Южной Америки извѣстный чешскій путешественникъ Э. Вразъ разсказываетъ какой-то дамѣ о своихъ похожденіяхъ; нѣсколько человѣкъ читаютъ газеты и журналы, кое-кто просматриваетъ разложенныя на особомъ столикѣ послѣднія новости чешской литературы.

Мои наблюденія прерываетъ хорошенькая барышня, которая говоритъ мнѣ:

— Семнадцать!

Повидимому, моя физіономія выражаетъ большое недоумѣніе, такъ какъ барышня, оказавшаяся впослѣдствіи библіотекаршей, улыбается. На выручку подоспѣваетъ мой спутникъ, который подводитъ меня къ маленькому столику, на которомъ расположены тарелки со сладкими сухариками и чарки, наполненныя бѣлымъ виномъ. Чарки стоятъ на клеенчатыхъ кружкáхъ, снабженныхъ цифрой. Оказывается, что чарка, предназначенная для меня, стоитъ на кружкѣ съ цифрой 17.

Не успѣлъ я еще оцѣнить по достоинству эту остроумную выдумку и разсудить, принесетъ ли она какую-нибудь пользу тамъ, гдѣ бываетъ столько ученыхъ, которые, какъ извѣстно, славятся своей разсѣянностью, какъ въ залу вошла вдова покойнаго Нǻпрстка, пожилая женщина съ симпатичнымъ интеллигентнымъ лицомъ, въ простомъ, почти крестьянскомъ платьѣ, которая, узнавъ, что я первый разъ въ ея домѣ, тотчасъ же направила меня въ музей, куда мы и пошли вмѣстѣ съ г. Ржегоржемъ.

«Нǻпрстковъ музей», соединенный корридоромъ съ домомъ, въ которомъ жилъ Нǻпретекъ, представляетъ громадное четырехъэтажное зданіе, по богатству помѣщающихся въ немъ коллекцій могущее поспорить съ богатѣйшими музеями Западной Европы. Учрежденію и обогащенію этого музея покойный Нǻпрстекъ посвятилъ много труда и средствъ. Изъ всѣхъ отдѣловъ этого му-

зея, существующаго съ 1862 г., особеннаго вниманія заслуживаетъ этнографическій. Всѣ чешскіе путешественники (Голубь, Штекель, Чурда, Дурдикъ, Корженскій, Вразъ и т. д.) считали своимъ долгомъ обогащать коллекціи Нàпрстка. Предметы, вывезенные изъ Африки Голубомъ или изъ Америки Вразомъ, привлекаютъ вниманіе и тѣхъ, кто видѣлъ богатыя вѣнскія и берлинскія коллекціи этого рода. Очень хорошъ отдѣлъ китайскихъ и японскихъ издѣлій. Въ славянскомъ отдѣлѣ сразу въ глаза кидаются витрины, посвященныя Галицкой Руси. Тутъ мы видимъ и безчисленныя изображенія русинскихъ народныхъ типовъ, модели крестьянскихъ построекъ, орудій, снарядовъ, чудесныя издѣлія изъ желтой мѣди карпатскихъ гуцуловъ и т. д. Само собою разумѣется, что чешскій отдѣлъ превышаетъ всѣ остальные. Особенно богато собраніе чешскихъ и моравскихъ народныхъ вышивокъ и «писанокъ» *), поражающихъ разнообразіемъ, изяществомъ и замысловатостью орнаментаціи.

Въ другихъ странахъ учрежденія, подобныя этому музею, основываются или правительствами, или богатыми обществами, располагающими громадными капиталами; пражскій же музей, какъ это ни удивительно, обязанъ своимъ происхожденіемъ и всѣмъ своимъ богатствомъ исключительно энергіи и заботамъ одного человѣка. Однако, заслуги Нàпрстка вовсе не исчерпываются однимъ этимъ, и если мы станемъ изучать лѣтопись культурной жизни Чехіи за послѣднія сорокъ лѣтъ, мы постоянно будемъ встрѣчать имя Нàпрстка...

Войта Нàпрстекъ родился въ 1826 г., въ Прагѣ. Его отецъ умеръ, когда Войтѣ было едва девять лѣтъ. Воспитаніемъ Войты и его брата занялась мать. Это была очень умная и энергичная женщина. Дочь нѣкогда довольно богатыхъ родителей, которые потеряли все свое состояніе во время войнъ конца XVIII столѣтія, Анна рано лишилась отца и была принуждена снискивать пропитаніе для всей семьи. Не имѣя столько средствъ, чтобы пріобрѣсти хоть какое-нибудь образованіе, она рѣшилась прислуживать учителю и наблюдать за чистотой классной комнаты, лишь бы только ее выучили грамотѣ. Выучившись читать и писать, Анна поступила на службу на мельницу, а тѣ короткія минуты, которыя ей оставались послѣ тяжелаго труда, она посвящала самообразованію, читая съ большимъ трудомъ добываемыя книжки. Девятнадцатилѣтней дѣвушкой она выходитъ замужъ за кельнера извѣстнаго трактира «Подъ золотымъ ангеломъ». Черезъ три года

---

*) Раскрашенныхъ пасхальныхъ яицъ.

послѣ смерти мужа она выходитъ вторично замужъ за Антона Фингергуте, владѣльца портерной лавки. Семьѣ Фингергутовъ, перемѣнившей свою фамилію на чисто чешскую Нàпрстковъ, повезло. Состояніе Нàпрстковъ быстро возростало, и вскорѣ они пріобрѣли славу богачей-филантроповъ, такъ какъ еженедѣльно, по пятницамъ, передъ ихъ домомъ скоплялась тысячная толпа нищихъ со всей Праги, которыхъ Нàпрстки щедро надѣляли милостыней.

Овдовѣвъ вторично, Анна Нàпрстекъ продолжала вести доходное дѣло мужа, но главное вниманіе обратила на воспитаніе своихъ сыновей, Войты и Ферды. Помня, съ какими усиліями ей самой удалось получить начатки образованія, она заботилась не только объ образованіи своихъ дѣтей, но также помогала, чѣмъ могла, бѣдной школьной дѣтворѣ, которая всегда могла получить отъ нея завтракъ, обѣдъ, одежду и деньги на книжки и другія школьныя принадлежности. Когда она умерла (1873 г.), на ея гробъ было возложено болѣе двухсотъ вѣнковъ, преимущественно отъ людей, которые были ей чѣмъ-нибудь обязаны. И по сію пору многіе изъ выдающихся въ настоящее время чеховъ не могутъ безъ слезъ вспомнить о тѣхъ чашкахъ супа и тарелкахъ «кнедликовъ» старушки - Нàпрстекъ, которыми они утоляли голодъ въ школьные годы.

Анна Нàпрстекъ сдѣлала изъ своихъ сыновей благородныхъ, честныхъ, трудолюбивыхъ людей, съ сердцемъ, доступнымъ всѣмъ тѣмъ хорошимъ чувствамъ, которыя питала ихъ мать. Младшій— Ферда — полюбилъ искусство, преимущественно музыку и театръ, и много способствовалъ развитію въ Чехіи драматической литературы, установивъ постоянный конкурсъ, награждающій самыя выдающіяся произведенія чешской драмы. Ферда жилъ постоянно при матери и умеръ въ 1889 году.

Жизнь младшаго сына Анны Нàпрстекъ—Войты, потекла иначе. Принявъ участіе въ вѣнской революціи 1848 г., онъ принужденъ былъ бѣжать въ Америку, гдѣ прожилъ девять лѣтъ. Сначала онъ былъ простымъ рабочимъ на фабрикѣ, а впослѣдствіи открылъ книжный магазинъ и сталъ издавать чешскую газету «Volne Listy» въ Мильуоки. Американская жизнь, американскія отношенія произвели на молодого чеха сильное впечатлѣніе. Онъ съ большимъ вниманіемъ присматривался ко всѣмъ проявленіямъ свободной американской жизни, но постоянно мечталъ о томъ, чтобы вернуться на родину. Наконецъ, въ 1858 г. Нàпрстекъ пріѣзжаетъ въ Прагу и сразу же принимается за осуществленіе тѣхъ плановъ, которые назрѣли въ его умѣ за девять лѣтъ пребыванія въ Америкѣ.

Первое, что ему бросилось въ глаза по возвращеніи въ Чехію—было плачевное общественное и культурное положеніе чешскихъ женщинъ. Онъ съ грустью сравнивалъ ту роль, которую играютъ женщины въ свободной Америкѣ, съ положеніемъ своихъ землячекъ, подчиненныхъ массѣ общественныхъ предразсудковъ, лишенныхъ серьезнаго образованія, не принимающихъ почти никакого участія въ умственной жизни родины. Въ то время даже національное сознаніе большинства чешскихъ женщинъ находилось на очень низкой ступени развитія. Жены и дочери чешскихъ патріотовъ нерѣдко стыдились своего родного языка и говорили по нѣмецки. Нȁпрстекъ понималъ, что, пока въ Чехіи не будетъ образованныхъ и патріотичныхъ женщинъ, до тѣхъ поръ нельзя считать прочными всѣ тѣ результаты, которыхъ достигли чехи со времени возрожденія чешскаго народа въ концѣ XVIII ст.

Нȁпрстекъ рѣшилъ основать учрежденіе, которое бы стало центромъ, соединяющимъ всѣ прогрессивные элементы женскаго общества въ Прагѣ. Его замыслы, однако, были встрѣчены безъ особенной симпатіи. Старшее поколѣніе женщинъ отнеслось къ затеѣ Нȁпрстка съ большимъ недовѣріемъ, видя въ ней совершенно ненужную и, пожалуй, даже вредную «американскую» новость. Но встрѣченныя Нȁпрсткомъ препятствія только усилили его энергію, и вскорѣ онъ основываетъ въ Прагѣ «Американскій клубъ чешскихъ дамъ». Душой этого клуба былъ, разумѣется, самъ Нȁпрстекъ. Онъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы привлечь какъ можно больше женщинъ въ члены клуба, снабжалъ клубъ массой книгъ и журналовъ, организовалъ систематическія лекціи по всѣмъ отраслямъ знанія, такъ что клубъ мало-по-малу превратился въ нѣчто, похожее на женскій университетъ. Число членовъ «Американскаго клуба чешскихъ дамъ» быстро возрастало, а лекціи, читанныя въ клубѣ, пользовались большой популярностью. Нȁпрстекъ съумѣлъ привлечь къ этому дѣлу весь чешскій литературный и ученый міръ, и нѣтъ, пожалуй, ни одного выдающагося чешскаго писателя, который бы не читалъ лекцій въ «Американскомъ клубѣ». Не ограничиваясь лекціями, Нȁпрстекъ устраивалъ очень часто экскурсіи членовъ клуба въ различныя учрежденія. Подъ его руководствомъ чешскія женщины знакомились съ фабриками, мануфактурами, типографіями, больницами, школами, музеями, замѣчательными историческими памятниками и т. д. Нȁпрстекъ направлялъ дамъ, принадлежащихъ къ «Американскому клубу» и къ практической дѣятельности.

Необыкновенно любя дѣтей, Нȁпрстекъ заботился о томъ, чтобы «Американскій клубъ» занялся пражской дѣтворой, и съ этою цѣлью

организовалъ въ клубѣ помощь дѣтскимъ пріютамъ, и деньги, собираемыя такимъ путемъ, достигали иногда довольно крупной суммы. Кромѣ того, члены клуба посѣщали очень часто эти пріюты и надѣляли дѣтей бѣльемъ, одеждой и книжками. Наконецъ, «Амемериканскій клубъ» основалъ, по инипіативѣ Нáпрстка, сиротскій домъ для дѣвочекъ. Клубъ содержалъ это учрежденіе на собственный счетъ и заботился о воспитаніи и обученіи нѣсколькихъ сотенъ сиротокъ изъ пражскаго пролетаріата. Въ 1866 г. во время австро-прусской войны «Американскій клубъ» принялъ на себя обязанность ухода за привезенными въ Прагу ранеными. Два года спустя клубъ сооружаетъ памятникъ знаменитой чешской писательницѣ Боженѣ Нѣмцовой.

Черезъ клубъ Нáпрстекъ распространилъ по всей Чехіи нѣсколько неизвѣстныхъ до того времени изобрѣтеній, какъ, напр., маленькія петролейныя кухни и швейныя машины. Особенно усиленно рекламировалъ Нáпрстекъ швейныя машины, доказывая, что женщина, употребляющая швейную машину, можетъ посвятить гораздо больше времени самообразованію, нежели та, которая употребляетъ въ дѣло только иглу.

Когда Нáпрстекъ женился (1875), въ его домѣ стала бывать вся пражская интеллигенція. Домъ Нáпрстка былъ первымъ, гдѣ осуществлялась полная равноправность мужчинъ и женщинъ, дотолѣ неизвѣстная чешскому обществу. «Американскій клубъ чешскихъ дамъ» былъ разсадникомъ различныхъ полезныхъ учрежденій. Заботы клуба о дѣтскихъ пріютахъ породили спеціальное общество, которое занялось пріютами. Подъ вліяніямъ лекцій въ клубѣ возникло общество, устраивающее публичныя лекціи. Экскурсіи, которыя устраивалъ Нáпрстекъ съ членами «Американскаго клуба», привели къ учрежденію «Клуба туристовъ» и т. д.

Нáпрстекъ организовалъ при помощи «Американскаго клуба» дѣтскія игры на вольномъ воздухѣ, въ которыхъ принимало участіе нѣсколько тысячъ учениковъ и ученицъ пражскихъ школъ. Нáпрстекъ вмѣстѣ съ клубомъ снабжалъ дѣтей всѣми принадлежностями игръ (мячами, гимнастическими снарядами, барабанами и т. д.). Эти игры пріобрѣли такую популярность, что вскорѣ въ Прагѣ возникло спеціальное общество, которое стало организовать всякаго рода развлеченія для дѣтей: загородныя экскурсіи, гимнастическія упражненія и т. д.

По иниціативѣ Нáпрстка стали учреждаться въ различныхъ мѣстностяхъ Чехіи каникулярныя колоніи для дѣтей, принужденныхъ жить весь годъ въ городахъ. Нáпрстекъ же основалъ дѣтское общество ухода за цвѣтами, которое въ настоящее время

получило широкое распространеніе. Нàпрстекъ постоянно старался проявить на дѣлѣ свою любовь къ дѣтямъ. Онъ часто посѣщалъ городскія школы, надѣляя хорошихъ учениковъ подарками; принималъ у себя дѣтей, показывалъ имъ коллекціи своего музея, снабжалъ ихъ книжками съ картинками и лакомствами, а по большимъ праздникамъ его домъ превращался въ настоящій дѣтскій пріютъ.

Школа, какъ низшая, такъ средняя, имѣла въ лицѣ Нàпрстка вѣрнаго друга и энергичнаго защитника. Избранный въ члены пражскаго городского совѣта, Нàпрстекъ обратилъ главное вниманіе на развитіе школьнаго дѣла въ столицѣ Чехіи. Памятна его рѣчь, произнесенная въ защиту свѣтской школы по поводу пресловутаго проекта принца Лихтенштейна, желавшаго придать народной школѣ церковновѣроисповѣдный характеръ. Нàпрстекъ, человѣкъ въ высшей степени толерантный, рѣзко выступилъ противъ всякаго проявленія клерикализма и защищалъ свободу преподаванія въ духѣ современной науки. Какъ только въ городской совѣтъ поступала петиція какого-нибудь учебнаго заведенія о признаніи ему субсидіи, Нàпрстекъ тотчасъ же принималъ подъ свою защиту это дѣло и добивался требуемой субсидіи. Когда въ средѣ пражанокъ возникъ проектъ учрежденія гимназіи *) для дѣвушекъ, Нàпрстекъ первый пришелъ на помощь занявшемуся этимъ дѣломъ обществу «Minerva».

Нàпрстекъ настоялъ на томъ, чтобы въ Прагѣ былъ сооруженъ на общественный счетъ центральный кабинетъ учебныхъ пособій, т. е. нѣчто въ родѣ педагогическаго музея. Нàпрстекъ старался о томъ, чтобы въ школахъ больше вниманія обращалось на гигіену и практически, и теоретически. Благодаря его вліянію, въ дѣтскія хрестоматіи, предназначенныя для народныхъ школъ, было включено извѣстное число статеекъ по гигіенѣ.

Заботясь о школахъ, Нàпрстекъ помнилъ и объ учителяхъ. Всякій учитель могъ всегда разсчитывать на его помощь, а имя Нàпрстека занимаетъ первое мѣсто среди членовъ основателей «Общества для поддержки вдовъ и сиротъ учителей».

Вся дѣятельность Нàпрстка сводилась къ одному, именно—къ распространенію образованія среди чеховъ. Однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія этой цѣли была доступная для всякаго богатѣйшая библіотека Нàпрстка. Еще будучи гимназистомъ въ

---

*) Кстати сказать, въ Прагѣ возникла *первая* женская классическая гимназія въ Австріи. Только нѣсколько лѣтъ спустя основываются женскія гимназіи въ Вѣнѣ, Пештѣ и Загребѣ.

Прагѣ и студентомъ въ Вѣнѣ, Нàпрстекъ обращалъ всякій лишній гульденъ на покупку книжекъ. По возвращеніи изъ Америки онъ ежегодно покупалъ громадное количество книгъ.

Въ послѣднее время въ Прагѣ появились и другія публичныя книгохранилища—въ музеѣ, въ академіи, въ такъ называемомъ Рудольфинумѣ, но, лѣтъ двадцать тому назадъ, библіотека Нàпрстка была единственнымъ учрежденіемъ, которое было доступно для всѣхъ. Библіотека Нàпрстка содержитъ все, что только когда-нибудь появлялось на чешкомъ языкѣ. Кромѣ того, въ ней громадное количество сочиненій и журналовъ на иностранныхъ языкахъ: англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, русскихъ, польскихъ и т. д. Нѣкоторымъ отдѣламъ Нàпрстекъ посвящалъ особенное вниманіе. Такъ, онъ старательно комплектировалъ все, что касается женскаго вопроса, рабочаго движенія, исторіи религій, Китая и Японіи. Кромѣ книгъ и журналовъ, въ библіотекѣ находится громадное собраніе такъ называемыхъ «scrap books», т. е. вырѣзокъ изъ различныхъ газетъ и журналовъ, наклеенныхъ на бумагу и переплетенныхъ вмѣстѣ.

Колоссальныя коллекціи всякихъ фотографій, картъ, глобусовъ, статистическихъ таблицъ и т. д. дополнили библіотеку Нàпрстка.

Промышленный музей, объ этнографическомъ отдѣлѣ котораго мы уже говорили выше, является самымъ прочнымъ памятникомъ дѣятельности Нàпрстка. Въ 1862 г. Нàпрстекъ побывалъ на лондонской выставкѣ и привезъ изъ Англіи готовый планъ промышленнаго музея. Зная какую силу даетъ народу самостоятельно развивающаяся промышленность, Нàпрстекъ былъ убѣжденъ, что чехи только тогда будутъ успѣшно конкуррировать съ прочими, болѣе культурными народами, если постараются развить собственную промышленность и такимъ путемъ поднимутъ общее благосостояніе страны. Однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ для достиженія этой цѣли долженъ былъ служить и промышленный музей Нàпрстка. По словамъ программы, обнародованной въ 1878 г., «Чешскій промышленный музей долженъ стать для нашего народа источникомъ практическаго образованія, показывая наглядно и, по возможности, систематически, что сдѣлало человѣчество на поприщѣ промышленности». Благодаря промышленному музею Нàпрстка, чешскій ремесленникъ и промышленникъ можетъ въ настоящее время ознакомиться съ прогрессомъ человѣчества въ области техники, изобрѣтеній и т. д. Кромѣ чисто промышленнаго и этнографическаго отдѣла, промышленный музей заключаетъ громадное количество предметовъ, относящихся къ столь любимому Нàпрсткомъ школьному дѣлу.

Какъ человѣкъ, Нáпрстекъ пользовался всеобщей любовью. Въ его домѣ сходились представители чешской интеллигенціи, безъ различія политическихъ партій. Всякій иностранецъ пріѣзжавшій въ Прагу, старался познакомиться съ Нáпрсткомъ, и толстая книга, въ которую всякій посѣтитель дома Нáпрсткова заносилъ свою фамилію, содержитъ не одинъ десятокъ тысячъ подписей на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Когда Нáпрстекъ умеръ, въ сентябрѣ 1894 г., буквально вся Прага вышла провожать его тлѣнные останки.

Нáпрстекъ и послѣ смерти не разстается съ самымъ дорогимъ своимъ дѣломъ, промышленнымъ музеемъ, такъ какъ въ одной изъ нишъ его хранится пепелъ покойнаго, привезенный изъ готскаго крематоріума, гдѣ Нáпрстекъ велѣлъ сжечь свое тѣло.

Л. Василевскій.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

(Продолженіе) *).

IX.

— Но, мой милый Джоржъ, надѣюсь, я имѣю право требовать, чтобы ты, по крайней мѣрѣ, помнилъ, что я тебѣ мать.

Говоря эти слова, она подняла съ колѣнъ вѣеръ и начала энергично размахивать имъ.

— Какъ хочешь, но я не могу не замѣчать, что ты обращаешься со мной не такъ, какъ слѣдуетъ. Я не жалуюсь на Летти, она, вѣроятно, не ожидала меня, но надо признаться, что она вовсе не любезно встрѣтила мена вчера, вечеромъ, вовсе не любезно. Въ моей комнатѣ было холодно точно въ погребѣ;—Жюстина говоритъ, что тамъ нѣсколько мѣсяцевъ никто не жилъ, а каминъ затопили передъ самымъ моимъ пріѣздомъ; на туалетъ мнѣ не поставили ни цвѣточка, вообще—не оказали ни малѣйшаго вниманія. Я не привыкла къ этому. Это совершенно разстроило меня; спроси Жюстину, въ какомъ положеніи она меня застала; она сама плакала, глядя на меня.

Лэди Тресседи сидѣла выпрямившись на диванѣ съ прямой спинкой, въ курильной Джоржа. Джоржъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и взглядывая на нее по временамъ, замѣчалъ съ неудовольствіемъ, какъ она стара, какъ неряшливо одѣта. Она окутала голову кускомъ бѣлаго кружева, вмѣсто того, болѣе изящнаго убора, въ какомъ она обыкновенно являлась въ общество. Ея темно-красное платье, когда-то образцовое произведеніе мо-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1896 г.

дистки, было заношено и даже заштопано; вокругъ ея рукъ болтались смятыя манжеты, а ея, все еще красивые, глаза не были подведены. Съ самаго пріѣзда лэди Тресседи Джоржу приходилось страдать, съ одной стороны, отъ нѣмого негодованія жены, съ другой—отъ глупой болтовни матери, и въ настоящую минуту онъ дѣлалъ новую попытку узнать настоящее положеніе ея дѣлъ.

— Вы забываете, матушка,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на жалобы лэди Тресседи,—что домъ не устроенъ для пріема гостей и что вы дали намъ знать слишкомъ поздно.

Говоря эти слова, онъ въ душѣ негодовалъ, вспоминая, какъ вела себя Летти наканунѣ вечеромъ.

Лэди Тресседи перемѣнила тонъ.

— Не будемъ спорить объ этомъ,—сказала она, пытаясь сохранить собственное достоинства, — и ты, и Летти, вы, конечно, понимаете, что я не стала бы мѣшать вамъ въ вашъ медовый мѣсяцъ безъ особенно важной причины. Джоржъ! — голосъ ея задрожалъ, она приложила къ глазамъ свой кружевной платокъ— я несчастная, раззоренная женщина, и если ты мнѣ не поможешь, я не знаю, до чего могу дойти.

Джоржъ спокойно отнесся къ этимъ словамъ; вѣроятно, онъ слыхалъ ихъ не въ первый разъ. Онъ продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Я думаю, матушка, намъ нечего повторять общія фразы. Вы обѣщали мнѣ говорить сегодня, утромъ, о дѣлахъ. Я буду очень вамъ благодаренъ, если вы сразу скажете мнѣ, что съ вами случилось и какая сумма вамъ нужна.

Лэди Тресседи колебалась. Кружево на груди ея дрожало. Затѣмъ, она съ мужествомъ отчаянія начала свою исповѣдь, сначала какъ будто нерѣшительно, потомъ быстро, не останавливаясь.

Два года тому назадъ,—разсказывала она,—ей въ первый разъ пришло въ голову попытать счастья... пуститься въ спекуляціи!

— Въ спекуляціи!—вскричалъ Джоржъ съ удивленіемъ.—Въ какія спекуляціи? Вы играли на биржѣ?

Лэди Тресседи пыталась сохранить свое достоинство. Ну, да, она играла на биржѣ. Она дѣлала это не столько ради самой себя, сколько ради Джоржа, ей хотѣлось увеличить свое состояніе и быть ему меньше въ тягость. Всѣ играютъ на биржѣ. Многія изъ ея пріятельницъ понимаютъ биржевыя дѣла не хуже мужчинъ и часто удваиваютъ свой годовой доходъ. Она играла подъ руководствомъ свѣдущихъ совѣтниковъ. Джоржъ знаетъ, что у нея въ Сити есть друзья, которые готовы сдѣлать для нея все, рѣшительно все. Но не смотря на это... Ея голосъ упалъ. Ея ножка

во французскомъ башмачкѣ начала барабанить по стулу, стоявшему подлѣ нея.

Не смотря на это, она попала въ руки негодяя. Да, негодяя, никакимъ другимъ словомъ нельзя назвать этого человѣка, какого-то финансоваго агента, который обманулъ ее самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Она вполнѣ довѣряла ему и вслѣдствіе этого стала кредитоваться у него, а онъ, полагаясь на ея имя, на имя ея сына и на ея аристократическихъ знакомыхъ, давалъ ей деньги для ея спекуляцій, всего ..

— Ну, я, право, даже боюсь сказать, сколько всего,—проговорила лэди Тресседи на этотъ разъ вполнѣ естественнымъ голосомъ и поднимая къ глазамъ дрожащую руку.

— Ну, сколько же?—спросилъ Джоржъ, останавливаясь передъ ней съ папиросой въ рукѣ.

— Четыре тысячи фунтовъ!—произнесла лэди Тресседи, и глаза ея невольно прищурились, когда она взглянула на него.

— Четыре тысячи фунтовъ! вскричалъ Джоржъ. — Какое безуміе!

Онъ поднялъ руку, сильнымъ движеніемъ бросилъ папиросу въ каминъ и продолжалъ ходить по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы. Лэди Тресседи слѣдила глазами, полными слезъ, за его длинной, тонкой фигурой и, не смотря на все свое волненіе въ эти тяжелыя минуты, не могла удержаться отъ мысли, что онъ унаслѣдовалъ отчасти ея изящныя манеры.

— Джоржъ!

— Хорошо, подождите одну минуту. Матушка,—онъ съ рѣшительнымъ видомъ посмотрѣлъ на нее—я долженъ прямо сказать вамъ, что въ настоящую минуту мнѣ совершенно невозможно достать такую сумму.

Лэди Тресседи покраснѣла отъ гнѣва, точно разсерженный ребенокъ.

— Очень хорошо, — сказала она,—очень хорошо. Въ такомъ случаѣ мнѣ грозитъ банкротство, и вамъ съ Летти, вѣроятно, будетъ очень пріятно видѣть этотъ скандалъ.

— Такъ онъ грозитъ вамъ банкротствомъ?

— Неужели ты думаешь, я пріѣхала бы сюда, если бы не это?—вскричала она.—Посмотри его письма!

Она вынула изъ своего ридикюля толстую пачку писемъ и передала ему. Джоржъ бросился въ кресло и принялся просматривать бумаги, стараясь не слушать жалобную болтовню лэди Тресседи.

На сколько онъ могъ судить по бѣглому осмотру, въ письмахъ говорилось о цѣломъ рядѣ рискованныхъ сдѣлокъ—самой азарт-

ной финансовой игрѣ—при чемъ небольшіе барыши давно исчезли въ огромныхъ потеряхъ. Нѣкоторыя предпріятія были, очевидно, нелѣпы, а между тѣмъ въ нихъ были помѣщены большія суммы, онъ сразу замѣтилъ это и бранился въ душѣ. Подобнаго рода шалости мать его въ первый разъ позволяла себѣ, насколько онъ зналъ ея исторію и, принимая во вниманіе ея характеръ, онъ чувствовалъ, что это грозитъ весьма существенною опасностью ему и Летти.

Затѣмъ его поразила новая мысль.

— Скажите, рада Бога, какъ это вы узнали всѣ подробности биржевой игры?—съ удивленіемъ спросилъ онъ у нея, прерывая чтеніе. — Вы никогда не говорили объ этомъ со мной. Я никакъ не думалъ, что подобныя вещи интересуютъ васъ.

На самомъ дѣлѣ, онъ считалъ, что по своему умственному развитію она вовсе неспособна къ тѣмъ финансовымъ комбинаціямъ, о которыхъ говорилось въ этихъ бумагахъ. Она во всю свою жизнь ни разу не сосчитала правильно итога, не составила вѣрнаго счета, и онъ въ душѣ часто оправдывалъ ея долги именно этою неспособностью ко всякимъ разсчетамъ. Между тѣмъ, въ той перепискѣ, которую онъ просматривалъ, говорилось мѣстами о такихъ финансовыхъ фокусахъ, которыми могъ бы гордиться любой дѣлецъ Сити,—такъ ему, по крайней мѣрѣ, казалось при бѣгломъ осмотрѣ.

Въ отвѣтъ на его замѣчаніе, лэди Тресседи гордо выпрямилась, хотя онъ замѣтилъ, что вѣки ея дрожали:

— Конечно, мой милый Джорджъ, я всегда знала, что ты считаешь свою мать за дуру. А между тѣмъ, всѣ мои друзья говорятъ мнѣ, что у меня необыкновенно свѣтлая голова.

Джорджъ не могъ удержаться отъ громкаго смѣха.

— Въ виду этого?—спросилъ онъ, показывая свертокъ бумагъ, въ которомъ находились: окончательный счетъ г. Чапецкаго; грозныя посланія одного «опытнаго въ дѣлахъ» стряпчаго, имя котораго было извѣстно Тресседи съ весьма не лестной стороны; нѣсколько разъ повторенныя требованія агента и стряпчаго, чтобы лэди Тресседи уплатила хоть половину своего долга м. Чапецкому, и представила какое-либо обезпеченіе уплаты второй половины; въ противномъ случаѣ, ей грозили, что противъ нея будутъ немедленно приняты указанныя закономъ мѣры.

Лэди Тресседи отнеслась сначала къ насмѣшкѣ сына съ угрюмымъ молчаніемъ, затѣмъ разразилась цѣлымъ потокомъ обвиненій противъ «негодяя» Чапецкаго. Какъ могутъ порядочные люди, изъ общества гарантировать себя отъ подобныхъ созданій!

Джорджъ подошелъ къ окну и смотрѣлъ на садъ въ весеннемъ

уборѣ. Наконецъ, онъ повернулся къ матери и перебилъ ея словоизліяніе:

— Я вижу, матушка, что эти аферы продолжались цѣлыхъ два года. Вы помните, когда я вамъ далъ порядочную сумму на рождествѣ, вы говорили, что это поможетъ вамъ расплатиться почти со всѣми вашими долгами, а когда я вамъ далъ въ прошломъ мѣсяцѣ тоже не маленькую сумму, вы увѣряли, что расплатились со всѣми. А между тѣмъ, вы все время получали подобныя письма и были должны этому человѣку почти столько же, сколько теперь. Какъ вы находите, хорошо было съ вашей стороны обманывать меня такимъ образомъ?

Онъ стоялъ, прислонясь къ окну и барабаня пальцами по стеклу. Странное впечатлѣніе производила его молодая фигура при полномъ отсутствіи молодости въ его лицѣ и голосѣ. Быть можетъ, лэди Тресседи смутно почувствовала, что онъ—на видъ мальчикъ, а между тѣмъ говоритъ точно власть имѣющій: ея гордость возмутилась.

— Ты не имѣешь права говорить такъ со мною, Джоржъ! Я все старалась дѣлать къ лучшему. Я всегда все дѣлаю къ лучшему. Мое несчастіе, что я такая довѣрчивая, такая оптимистка. Мнѣ всегда нужно кому-нибудь вѣрить, отъ того-то друзья такъ и любятъ меня. Ты и твой отецъ совсѣмъ въ другомъ родѣ,—и она принялась слезливымъ голосомъ проводить параллель между своимъ характеромъ и характеромъ мужа и сына, при чемъ она, конечно, оказывалась гораздо лучше ихъ.

Джоржъ не мѣшалъ ей. Онъ опять смотрѣлъ въ окно и усиленно думалъ. На сколько выяснилось дѣло, долгъ или, по крайней мѣрѣ, большую часть долга, слѣдовало уплатить. Кредиторъ былъ, очевидно, мошенникъ, но изъ такихъ, которые держатся въ предѣлахъ закона; а вслѣдствіе своего удивительнаго легкомыслія, лэди Тресседи вполнѣ стала его жертвой.

Тресседи уже предвидѣлъ, что ему придется побѣдить свое негодованіе и заплатить. А заплатить—это значило во многихъ отношеніяхъ стѣснить свою жизнь и жизнь Летти года на два, на три. Когда онъ думалъ о тѣхъ жертвахъ, какія принесъ ради матери, о ея значительной пенсіи, о ея неисправимомъ тщеславіи и затѣмъ о вполнѣ естественныхъ желаніяхъ своей молодой жены, сердце его горѣло отъ негодованія.

Онъ зналъ, онъ предвидѣлъ, что ему придется сдаться, но не могъ заставить себя въ данную минуту пообѣщать что-либо матери.

— Одно, что я могу сказать вамъ, — произнесъ онъ, снова

обращаясь къ ней,—это, что я не знаю, какъ быть. Я не знаю, откуда мнѣ взять денегъ, чтобы расплатиться съ этимъ человѣкомъ. Да если бы я и могъ съ нимъ расплатиться—на что у меня положительно нѣтъ надежды—урѣзавъ на нѣкоторое время свои собственныя издержки, развѣ я имѣю на это право? Я прежде всего обязанъ заботиться о женѣ и объ ея потребностяхъ.

— Очень хорошо,—сказала лэди Тресседи съ притворною гордостью, прикрывая платкомъ свои дрожавшія губы. Нельзя сказать, чтобы она вполнѣ отчаявалась; въ душѣ она была твердо убѣждена по многимъ основательнымъ причинамъ, что Джоржъ принужденъ будетъ придти ей на помощь. Но вся эта сцена разстраивала ей нервы и ей физически трудно было скрывать свою нелюбовь къ невѣсткѣ,—нелюбовь, которая послѣ вчерашняго вечера грозила перейти въ ненависть.

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ,—продолжалъ онъ вѣжливо-холоднымъ тономъ,—что весь домъ въ очень плохомъ состояніи, за исключеніемъ немногихъ комнатъ, которыя мы только-что отдѣлали, и что на него придется истратить не мало денегъ. Позвольте мнѣ напомнить вамъ также, что въ его дурномъ состояніи въ значительной степени виноваты вы.

Лэди Тресседи безпокойно задвигалась. Джоржъ заговорилъ своимъ обычнымъ небрежнымъ тономъ и закурилъ новую папиросу.

— Вы, конечно, помните, что обѣщали мнѣ, пока я буду за границей, жить здѣсь и присматривать за домомъ. Полагаясь на это обѣщаніе, я устроилъ извѣстнымъ образомъ ваши денежныя дѣла. Но оказывается, что въ теченіе четырехъ лѣтъ, что я путешествовалъ, вы прожили здѣсь, въ общей сложности, не болѣе трехъ мѣсяцевъ. А между тѣмъ вы дѣлали видъ, будто живете здѣсь; если память не обманываетъ меня, вы свои письма ко мнѣ адресовали отсюда.

— Кто это такъ налгалъ на меня!—вскричала лэди Тресседи,—я жила здѣсь гораздо больше, чѣмъ три мѣсяца!

Но сильная краска выступила на ея все еще нѣжныхъ щекахъ и глаза ея то упрямые, то лукавые избѣгали встрѣчаться со взглядомъ Джоржа.

Что касается Джоржа, онъ стоялъ, спокойно покуривая свою папиросу, и вдругъ его поразило, или, лучше сказать, его критическій умъ замѣтилъ, какое выраженіе пошлости могутъ придать человѣческому лицу мелкія денежныя заботы, въ родѣ тѣхъ, что въ настоящую минуту удручали его мать. Въ немъ поднялось знакомое ему чувство отвращенія. Сколько сценъ, сколько гадкихъ ссоръ изъ-за денегъ между отцомъ и матерью видалъ онъ

въ дѣтствѣ! А позднѣе, въ Индіи, чего только ни дѣлали женщины изъ-за денегъ и изъ-за нарядовъ! Онъ съ презрѣніемъ вспоминалъ одну знакомую даму въ Мадрасѣ, хитрую интриганку, которая занимала у него деньги и которой онъ дарилъ бальные костюмы, и другую, эгоизмъ и расточительность которой погубили одного изъ лучшихъ людей. Неужели всѣ женщины въ такомъ же родѣ, не смотря на то, что по внѣшности кажутся поэтичными?

Громко онъ сказалъ въ отвѣтъ на возраженіе матери:

— Я думаю, вы согласитесь, что эти разсказы почти вполнѣ вѣрны. Мы слышали, что какая-то поденщица, не особенно примѣрнаго поведенія, и ея 15-лѣтняя племянница были здѣсь однѣ большую часть времени и могли дѣлать, что хотѣли. Въ четыре года старый домъ, котораго не поправляютъ, приходитъ въ упадокъ. Я говорю все это не для того, чтобы упрекать васъ, а чтобы объяснить, почему у меня самого нынче много расходовъ. И, наконецъ, неужели вамъ не кажется жестокимъ, что мнѣ придется всячески стѣснять и обрывать себя, не для того, чтобы доставить женѣ моей приличную и комфортабельную обстановку, чего мнѣ такъ хочется, а для того, чтобы платить подобные долги?

Онъ невольно хлопнулъ рукой по бумагамъ, лежавшимъ на креслѣ, съ котораго всталъ.

Лэди Тресседи тоже встала.

— Джоржъ, если ты намѣренъ быть грубымъ съ своею матерью, мнѣ лучше уйти. Скажи, пожалуйста, кто разсказалъ тебѣ всѣ эти сказки про меня?

— Помните Руфь Матью, которая работала у насъ на фермѣ? Она теперь у насъ экономкой. Она видѣла все, что здѣсь происходило!

— О, если Летти слушаетъ сплетни прислуги про меня, я знаю, чего мнѣ ожидать!—вскричала лэди Тресседи, дрожащею рукою поднимая съ софы свой вѣеръ и носовой платокъ. — Я съ самаго начала говорила, что она будетъ возстановлять тебя противъ меня. Я не помню, чтобы я когда-нибудь обѣщала тебѣ то, что ты говоришь. Кто могъ подумать, чтобы женщина, чтобы женщина съ моею наружностью могла похоронить себя здѣсь на цѣлый годъ? Я никогда не обѣщала ничего подобнаго. Во всякомъ случаѣ, мои друзья не допустили меня до этого, а я была слаба, я уступила имъ. Я женщина слабая, обо мнѣ надобно заботиться. Со мной надобно обращаться нѣжно, а ни ты, ни твой отецъ никогда этого не умѣли.

— Вы напрасно плачете, матушка, — сказалъ Джоржъ, нисколько не тронутый появленіемъ слезъ; онъ по опыту зналъ, что безъ нихъ дѣло не можетъ обойтись; — я увѣренъ, подумавъ

немного, вы согласитесь, что скорѣе приходится плакать Летти и мнѣ. Если вы позволите, я схожу и поговорю съ нею. Она, должно быть, сидитъ въ саду.

Мать сердито отвернулась отъ него, и онъ вышелъ изъ комнаты.

Проходя по длинной, обшитой дубомъ залѣ, изъ которой дверь вела въ садъ, онъ вдругъ почувствовалъ странную жалость къ самому себѣ. Онъ только-что пережилъ отвратительную сцену, теперь ему предстояли пререканья съ Летти, — неужели это радости медоваго мѣсяца?

Летти не было въ саду. Но, пройдя въ рощу, онъ увидѣлъ, что она сидитъ подъ деревомъ на противоположномъ скатѣ холма съ какимъ-то вышиваньемъ въ рукахъ. Апрѣльское солнце освѣщало рощу. Лиственница сзади зеленѣла, а сучья дуба, около котораго она сидѣла, отливали краснымъ въ яркомъ блескѣ солнечнаго дня. На землѣ вокругъ нея виднѣлись нѣжные цвѣтки анемоновъ и подснѣжниковъ, а кустики барвенокъ склонялись къ ней на платье. Она вышивала и ея маленькая ручка поднималась и опускалась быстрымъ, нетерпѣливымъ движеніемъ.

Противоположность ея свѣжей молодости среди этого весенняго ландшафта и той непріятной, некрасивой старухи, которую онъ оставилъ въ курильной комнатѣ, сильно поразила его.

Лицо его прояснилось.

Услыша шаги, она подняла голову.

— Ну, что? — спросила она съ нетерпѣніемъ, отбрасывая работу.

Онъ бросился на траву рядомъ съ ней.

— Дорогая моя, мы договорились до конца. Дѣло плохо, гораздо хуже, чѣмъ мы воображали.

И онъ разсказалъ ей всю исторію матери. Она съ трудомъ сдержала себя, когда онъ назвалъ ей сумму долга; она едва удерживалась, чтобы не прерывать его на каждомъ словѣ. Когда онъ кончилъ, она спросила:

— Ну, и что же ты сказалъ?

Джоржъ колебался.

— Я, конечно, сказалъ ей, что нелѣпо, ни съ чѣмъ не сообразно ожидать, будто мы можемъ заплатить такую сумму.

Летти задыхалась. Его голосъ и выраженіе лица не удовлетворяли ее.

— Несообразно! Я думаю! Ты знаешь, изъ-за чего она надѣлала эти долги?

Джоржъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ; а ты развѣ знаешь?

— Да, я все знаю. Я сказала вчера вечеромъ своей горничной—я надѣюсь, ты не разсердишься за это Джоржъ, ты знаешь Гріеръ ужъ нѣсколько лѣтъ живетъ у меня и знаетъ всѣ мои секреты,— я ей сказала, чтобы она подружилась съ горничной твоей матери и вывѣдала у нея, что можно. Я чуствовала, что для насъ это необходимо, ради самозащиты. И, дѣйствительно, Гріеръ вывѣдала все, что было нужно у Жюстины. Я знала, что она съумѣетъ. Жюстина вѣтренница; къ тому же, она хочетъ уходить отъ лэди Тресседи, такъ что ей не было и надобности молчать. Все было именно такъ, какъ я и думала. Лэди Тресседи принялась за спекуляціи вовсе не для себя, а для другого. Помнишь ты того нелѣпаго пѣвца, который исполнялъ «музыкальный очеркъ» на вечерѣ у твоей матери въ февралѣ, въ Экклестонъ-сквэрѣ?

Джоржъ быстро отодвинулся и сидѣлъ теперь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ жены, опустивъ глаза въ землю. При ея вопросѣ, онъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Помнишь? хорошо,—сказала Летти торжествующимъ голосомъ,—онъ—главная причина всего. Я такъ и знала, что тутъ кто-нибудь замѣшанъ, не безъ того. Онъ, кажется, нѣсколько лѣтъ выманивалъ у нея деньги, когда она жила въ маленькомъ домикѣ на Бюртонъ-стритѣ, во время твоего путешествія—ты навѣрно ничего и не слышалъ объ этомъ—онъ часто бывалъ у нея, просиживалъ цѣлые часы, любезничалъ съ нею, говорилъ ей комплименты на счетъ ея наружности и костюмовъ, всячески льстилъ ей и жилъ на ея счетъ. Когда она приглашала гостей, онъ всѣмъ въ домѣ распоряжался. Жюстина говоритъ, что онъ заставлялъ ее покупать свои любимыя вина, за то, какіе счета представляли виноторговцы! У него есть гдѣ-то жена и дѣти и въ сущности вся семья жила на счетъ твоей матери. Онъ и заставилъ ее пуститься въ спекуляціи. Жюстина говоритъ, что онъ на такихъ спекуляціяхъ потерялъ все, что у него было, а твоя мать не могла давать ему достаточно денегъ въ долгъ—Летти презрительно усмѣхнулась. Онъ и познакомилъ ее съ этимъ противнымъ Чапецкимъ, такъ, кажется, его зовутъ? Вотъ и вся исторія. Если были какіе-нибудь барыши, то онъ захватилъ ихъ себѣ и бросилъ ее, предоставляя ей расплачиваться какъ угодно. Жюстина говоритъ, что въ послѣдніе мѣсяцы въ домѣ ни о чемъ, кромѣ «дѣлъ», какъ она называетъ, не было разговора; она это знаетъ, потому что помогала служить за столомъ. И сколько всякаго народа шлялось къ ней!

Она посмотрѣла на него, удивляясь его продолжительному молчанію и его позѣ, ожидая, что онъ сдѣлаетъ какое-нибудь за-

мѣчаніе, что онъ похвалитъ ее за ту ловкость, съ какою она все разузнала.

Но онъ ничего не говорилъ, и это озадачило ее. Выраженіе злобнаго торжества въ глазахъ ея исчезло. Она протянула руку и дотронулась до его руки.

— Ну, что же ты, Джоржъ? Я думала для насъ обоихъ будетъ лучше узнать истину.

Онъ быстро взглянулъ на нее.

— И все это твоя горничная вывѣдала у Жюстины? Ты ее разспрашивала?

Она была изумлена и оскорблена его тономъ. Онъ говорилъ такъ холодно, такъ неласково, ей показалось даже—презрительно.

— Да, разспрашивала,—горячо отвѣтила она.—Я думала, что имѣю на это право. Мы должны себя защищать.

Онъ снова замолчалъ, но душа его невольно возмущалась противъ ея поступка, противъ ея тона, ея стремленія распоряжаться, не довѣряя ему, ея отсутствія женской деликатности и скромности.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ, наконецъ, сухо,—мнѣ кажется, намъ лучше, по возможности, держаться подальше отъ сплетень прислуги; по моему, это пошло и низко.

Она взяла работу и снова отбросила ее; ея губы дрожали.

— Значитъ, тебѣ лучше, чтобы тебя обманывали?

— Мнѣ лучше быть обманутымъ, чѣмъ подслушивать у дверей,—сказалъ онъ съ горечью.—Кромѣ того, во всемъ, что ты узнала, нѣтъ ничего новаго. Около людей въ родѣ моей матери всегда вертятся какіе-нибудь искатели или искательницы приключеній; такъ у насъ всегда было. Она никогда никому не дѣлала зла преднамѣренно; всегда обирали прежде ее, а ужъ потомъ насъ. Отецъ постоянно выталкивалъ за дверь то того, то другого обманщика. Теперь, должно быть, мнѣ придется тоже дѣлать.

На этотъ разъ молчала Летти. Ея иголка быстро летала вверхъ и внизъ. Джоржъ вопросительно посмотрѣлъ на нее, затѣмъ подошелъ къ ней и сталъ подлѣ нея, прислонясь къ дереву.

— Знаешь, Летти, намъ придется заплатить эти деньги,—сказалъ онъ вдругъ, дергая себя за усы.

Летти тихонько вскрикнула, но продолжала работать еще быстрѣе, чѣмъ прежде.

Онъ опустился на траву рядомъ съ ней и взялъ ее за руку.

— Ты сердишься на меня?

— Какъ же мнѣ не сердиться, когда ты меня обвиняешь, что я подслушиваю у дверей,—отвѣчала Летти, отдергивая руку; грудь ея сильно волновалась.

Онъ съ трудомъ удержался отъ горькаго смѣха, и попытался заключить миръ; Летти прервала его на первомъ словѣ:

— Я знаю, ты думаешь, что я все это дѣлаю изъ эгоизма,— вскричала она со слезами въ голосѣ,—что мнѣ нужна новая мебель и новые туалеты. Но это неправда. Я только хочу тебя спасти, хочу, чтобы тебя не грабили. Какъ ты можешь при такихъ условіяхъ жить, какъ слѣдуетъ члену парламента? Какъ мы можемъ не дѣлать долговъ, если, если... откуда ты возьмешь денегъ, чтобы заплатить?—спросила она вдругъ и глаза ея вспыхнули.

— Да видишь ли,—нерѣшительнымъ голосомъ сказалъ онъ,—я, помнишь, говорилъ вчера, что продамъ часть земли, чтобы поправить домъ. Боюсь, что намъ придется продать землю и заплатить этому негодяю хоть часть долга. Конечно, для меня было бы всего пріятнѣе немедленно предать самой мучительной смерти и его, и того другого. Но, вмѣсто этого, мнѣ придется просто взять отъ матери все это дѣло, пригласить какого-нибудь ловкаго адвоката и постараться раздѣлаться съ наименьшимъ убыткомъ для себя.

Летти энергичнымъ движеніемъ свернула свою работу, слезы досады катились по ея щекамъ.

— Она должна быть наказана!—воскликнула она дрожащимъ голосомъ,—она должна быть наказана!

— Т. е. ты хочешь сказать, что мы должны предоставить ей банкротиться?—холодно спросилъ онъ.—Да, конечно, это, можетъ быть, полезное наказаніе. Но я боюсь, что оно надѣлаетъ больше непріятностей намъ, чѣмъ ей. Разсмотримъ всѣ обстоятельства дѣла. Двое молодыхъ супруговъ, прелестный домъ, прелестная жена, мужъ только-что вступилъ въ парламентъ, съ ними пріятно сблизиться. Идемъ къ нимъ обѣдать на Броунъ-стритъ; прелестный французскій обѣдъ, молодая хозяйка очаровательна. На слѣдующее утро въ «Таймсъ» читаютъ объявленіе о банкротствѣ матери хозяина.

— Онъ, кажется, единственный сынъ? У него, повидимому, порядочныя средства. Говорятъ, она была страшная мотовка. Но все-таки, знаете, родная мать! вдова! Нѣтъ, мнѣ это не нравится. Въ другой разъ не пойду къ нимъ обѣдать.—Видишь ли, въ чемъ дѣло, моя дорогая. При такихъ разговорахъ тебѣ будетъ трудно завоевать мѣсто въ обществѣ.

Онъ еще не договорилъ своей рѣчи, какъ почувствовалъ всю ея гнусность.

«Неужели я дошелъ до того, что говорю ей подобныя вещи?» съ недоумѣніемъ спрашивалъ онъ самого себя.

Но Летти, повидимому, нисколько не удивилась.

— Всѣ поймутъ, что ты не можешь раззоряться, чтобы платить такіе страшные долги. Навѣрно, можно какъ - нибудь уладить безъ этого,—сказала она.

Джоржъ покачалъ головой.

— Всѣ вовсе и не захотятъ понимать. Нашъ милый свѣтъ любитъ скандалы и не любитъ снисходительно относиться къ новичкамъ. Твой дебютъ окажется неудачнымъ, моя дорогая, и всѣ будутъ жалѣть мать.

— Ахъ, если ты думаешь только о томъ, что скажутъ!—вскричала Летти.

— Нѣтъ,—сказалъ Джоржъ серьезно, но болѣе мягкимъ тономъ.—Къ чорту мнѣнія людей. Я самъ себя могу разобрать гораздо лучше, чѣмъ меня разберутъ другіе! Ты, моя дорогая, слишкомъ большая оптимистка. Если бы ты убѣдилась, какъ я, что наша земля препротивное мѣсто, ты не удивлялась бы, что на ней случаются такія непріятности. Ну, что, малютка, развѣ не правда, что въ послѣднія двѣ недѣли на землѣ было препротивно жить?

Онъ положилъ голову на ея плечо и тихонько гладилъ его своей щекой. Но, не смотря на эту ласку, въ душѣ его шевелилось какое - то злое и жосткое чувство, которое ему не хотѣлось анализировать.

— Значитъ, ты сказалъ матери, — произнесла Летти послѣ минутнаго молчанія, продолжая глядѣть прямо передъ собой,— что ты все за нее заплатишь?

— Напротивъ. Я сказалъ, что мы ничего не можемъ сдѣлать. Я указалъ ей, что намъ необходимо исправить домъ. И все время я въ душѣ отлично сознавалъ, что если требованія этого человѣка законны, мы обязаны удовлетворить ихъ. Я думаю, что мать тоже понимала это. Можно не платить чужихъ долговъ, но за исключеніемъ долговъ матери,—это, очевидно, общее правило. Непріятная вещь—цивилизація! Ну, теперь, — онъ вскочилъ на ноги, —пойдемъ и покончимъ съ этимъ дѣломъ.

Летти тоже встала.

— Я не могу видѣть ея,—сказала она быстро. — Я не приду къ завтраку. Она вѣдь уѣдетъ на 3-хъ-часовомъ поѣздѣ?

— Я это устрою,—сказалъ Джоржъ.

Они молча пошли по рощѣ. Когда они подошли къ дому, на лицѣ Летти снова появилось выраженіе не то сдержаннаго гнѣва, не то сдержанныхъ слезъ. Джоржъ, внѣшнее хладнокровіе котораго никогда не нарушалось, надолго уже успокоился и снова вернулъ себѣ то снисходительное отношеніе къ женскимъ слабо-

стямъ, которое являлось у него результатомъ многихъ, нелестныхъ для женщинъ наблюденій. Онъ старался утѣшить жену. Можетъ быть, если ему удастся выгодно продать принадлежащій ему участокъ земли около сосѣдняго большого города — къ нему раньше уже являлись покупатели—то онъ и уплатитъ долги матери и дастъ Летти, сколько нужно для передѣлокъ въ домѣ. Она не должна такъ мрачно смотрѣть на вещи. Онъ постарается устроить все какъ можно лучше.

Въ результатѣ его убѣжденій она, входя въ гостиную, на минуту, неохотно позволила ему подержать свою руку.

Но ничто не могло заставить ея выйти къ завтраку. Лэди Тресседи, передавъ Джоржу всѣ бумаги Чапецкаго и всѣ свои обязательства, милостиво замѣтила ему, что понимаетъ неудовольствіе Летти и не желаетъ безпокоить ея. Она позвала Жюстину, велѣла подвить себѣ волосы, надѣла шелковое двуличневое платье съ розовой вставкой, только-что полученное изъ Парижа, и явилась завтракать съ сыномъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Она не обращала вниманія на односложность его отвѣтовъ и въ передней, когда лакей скромно удалился, она со слезами обняла его, говоря, что всегда знала его великодушіе, всегда была увѣрена, что онъ не дастъ погибнуть своей бѣдной мамѣ.

— Надѣюсь, матушка, вы не станете слишкомъ скоро подвергать моего великодушія новому испытанію, — насмѣшливо замѣтилъ Джоржъ, помогая ей садиться въ карету.

Послѣ завтрака Летти была въ томномъ и грустномъ настроеніи духа. Она не хотѣла говорить о постороннихъ вещахъ, а Джоржъ чувствовалъ нервное отвращеніе отъ повторенія утренняго разговора. Въ концѣ концовъ она усѣлась на диванѣ съ романомъ въ рукахъ и предоставила Джоржу идти, куда онъ хочетъ.

Спускаясь съ холма подъ теплыми лучами апрѣльскаго солнца, онъ съ удивленіемъ сознавалъ, что ему очень пріятно быть одному. И онъ не старался отогнать отъ себя этого сознанія, какъ сдѣлало бы большинство влюбленныхъ. Всѣ происшествія, всѣ чувства этого дня казались ему противными и презрѣнными, ему прежде всего хотѣлось уйти отъ иихъ.

Но онъ не могъ уйти сразу отъ всѣхъ ихъ. Новый и неожиданный долгъ въ четыре тысячи фунтовъ не легко перенести сравнительно бѣдному человѣку. Не смотря на философскія разсужденія, которыми онъ утѣшалъ Летти, онъ чувствовалъ, что ему придется опять заботиться о денежныхъ дѣлахъ, составлять разныя смѣты и вычисленія. Сколько еще сюрпризовъ такого рода поднесетъ ему мать и какъ можетъ онъ контролировать ее? Онъ

понялъ теперь, какую тяжелую семейную жизнь велъ его старый, вѣчно мрачный отецъ; самъ онъ, благодаря пребыванію въ школѣ, въ коллегіи и потомъ за границей мало испыталъ ее. Чѣмъ можно повліять на мать? Повидимому, ничѣмъ. У нея нѣтъ ни силы воли, ни сознанія нравственнаго долга.

Ему вдругъ пришло въ голову, что онъ долженъ побить этого пѣвца, потомъ, наоборотъ, онъ почувствовалъ, что не можетъ пальцемъ тронуть никого изъ той сволочи, что окружала мать. Хотя онъ никогда не высказывалъ никакихъ идеальныхъ воззрѣній, но онъ всю жизнь былъ чѣмъ-то въ родѣ моральнаго эпикурейца, моральнаго относительно внѣшняго поведенія, а не болѣе глубокихъ чувствъ. Онъ тщательно избѣгалъ загрязниться соприкосновеніемъ съ личностями извѣстнаго типа, преимущественно мужскаго пола. Относительно женщинъ онъ былъ менѣе строгъ и менѣе наблюдателенъ.

Что касается несогласій между его матерью и женой, они перестали казаться ему забавными. Теперь, когда его бракъ былъ свершившимся фактомъ, стало очевиднымъ, какую непріятную ноту они внесутъ въ повседневную жизнь. А кто будетъ постоянною жертвою ихъ? Онъ мысленно видѣлъ себя въ роли посредника между двумя женщинами, вѣчно старающагося помирить ихъ, и лицо его вытянулось.

Если бы Летти хоть предоставила все ему одному, если бы ея маленькая бѣленькая особа не мѣшалась въ дѣло! Ему очень хотѣлось убѣдить ее отказать этой Гріеръ, непріятной женщинѣ, которая любила соваться туда, гдѣ ея не спрашивали.

Наконецъ, энергично тряхнувъ плечами, онъ рѣшилъ освободиться отъ всѣхъ этихъ мыслей. Онъ пойдетъ въ деревню, постарается, по возможности, склонить на свою сторону рабочихъ и сдѣлаетъ то, что должны дѣлать его приказчики. Его непріятности, какъ владѣльца копей, довольно значительны, но они не такъ мучительны, какъ домашнія дрязги. Онѣ относятся къ области дѣятельности мужчины; думать о нихъ было для него до нѣкоторой степени отдыхомъ.

А между тѣмъ, посѣщеніе деревни не дало ему отрадныхъ впечатлѣній.

Прежде всего онъ пошелъ къ старымъ забойщикамъ, которые уже много лѣтъ работали у Тресседи. Двое или трое изъ нихъ только-что вернулись съ утренней смѣны и, если не они сами, то ихъ жены были очень польщены визитомъ Джоржа. Онъ пытался разговориться съ ними, но мужчины сидѣли точно окаменѣлые. Съ трудомъ можно было добиться отъ нихъ слова и Джоржъ

чувствовалъ, что въ окружающей атмосферѣ виситъ буря, что ему со всѣхъ сторонъ грозитъ опасность, до сихъ поръ еще скрытая, подобно тому гремучему газу, который скопляется въ копяхъ подъ ихъ ногами.

Онъ держалъ себя съ достоинствомъ, но безъ всякой заносчивости, и говорилъ просто и ясно объ общемъ положеніи промышленности, объ условіяхъ угольнаго производства въ Западной Мерсіи, о положеніи хозяевъ, объ опубликованныхъ отчетахъ одной или двухъ значительныхъ компаній округа и тому подобное. Но, въ концѣ концовъ, онъ чувствовалъ, что его негодованіе растетъ вслѣдствіе мрачнаго молчанія рабочихъ. Ихъ грязныя лица и глаза, ослабѣвшіе отъ долгаго пребыванія въ копяхъ, были мало выразительны, но они, во всякомъ случаѣ, не выражали миролюбія.

Посѣщеніе рабочихъ, которыхъ можно было назвать его сторонниками, оказалось столь же мало утѣшительнымъ.

Одинъ изъ нихъ, мускулистый штейгеръ, котораго Джоржъ всегда считалъ опорой законности и порядка въ округѣ, искренно обрадовался своему патрону и встрѣтилъ его очень привѣтливо. Жена его поспѣшила подать чай, и Джоржъ пилъ и ѣлъ съ большимъ удовольствіемъ, сидя въ кругу чисто одѣтой, веселой семьи Макгрегора. Макгрегоръ въ общемъ разсуждалъ вполнѣ удовлетворительно о рабочемъ союзѣ и его агентахъ. Бёрроусъ, по его мнѣнію, былъ пьяница, распутный негодяй, который только тѣмъ и живетъ, что мутитъ народъ; союзъ дѣлаетъ большую ошибку, отказываясь отъ предложеній хозяевъ; и если бы не трактиры и не лѣность, всякій рабочій въ Фёртѣ могъ бы хорошо жить при десятипроцентной сбавкѣ съ заработной платы. Тѣмъ не менѣе, онъ не можетъ не высказать своей твердой увѣренности, что борьба начнется непремѣнно, если не теперь, то лѣтомъ или осенью. Времена приходятъ тяжкія для рабочихъ, которые не принадлежатъ къ союзу. Число членовъ союза быстро возрастаетъ; даже сегодня утромъ въ копяхъ былъ большой шумъ изъ за того, что «союзные» не хотѣли спускаться въ одной клѣткѣ съ «черноногими». Ему и его пріятелямъ, пришлось пустить въ ходъ кулаки. Такъ и всегда будетъ. Насиліемъ ихъ не заставятъ вступить въ союзъ.

Ничто не могло быть успокоительнѣе подобныхъ рѣчей для зауряднаго хозяина, который искалъ себѣ сторонниковъ. Но Джоржъ не былъ заурядпымъ хозяиномъ и подъ вліяніемъ присущаго ему критическаго духа чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко. Трезвость несомнѣнно превосходная вещь, но когда онъ замѣтилъ, что его хозяинъ фанатичный поклонникъ обществъ трезвости, онъ пере-

сталъ придавать значеніе его нападкамъ на пьянство и трактиры. Можетъ быть, для рабочаго очень полезно держаться нелестнаго мнѣнія о Бёрроусѣ, но надобно, чтобы это мнѣніе было на чемъ-нибудь основано. Джоржъ безпокойно двигался на стулѣ, когда Макгрегоръ разсказывалъ ему обычныя нелѣпыя исторіи о громадныхъ счетахъ гостинницъ, которыя, будто бы, торчали изъ кармана Бёрроуса и были прочитаны прохожими; и его внутреннее недовольство особенно усилилось, когда въ заключеніо Макгрегоръ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

— И вотъ, сэръ Джоржъ, куда идутъ всѣ деньги, вовсе не на умирающихъ съ голоду женщинъ и дѣтей, увѣряю васъ; мужья этихъ самыхъ женщинъ даютъ ему средства жить въ роскоши. Я это всегда говорилъ. Гдѣ его отчеты? Я никогда не видалъ ни одного, никогда! — повторилъ онъ торжественно. — Они увѣряютъ, будто отчеты можно найти въ газетахъ.

— Конечно, можно, Макгрегоръ, — сказалъ Джоржъ съ нервнымъ смѣхомъ, вставая, чтобы уйти;—всѣ большіе союзы печатаютъ свои отчеты.

Упрямый ротъ и торчащія волосы штейгера выражали полный скептицизмъ.

— Если они и напечатаны, я имъ не вѣрю,—сказалъ онъ.—Я никогда не видалъ приходо-расходной книги и, навѣрно, никогда не увижу. Ну, прощайте, сэръ Джоржъ, очень вамъ благодаренъ. Вѣрьте моему слову, сэръ, если бы рабочіе не ходили въ трактиры, они легко могли бы жить на меньшую плату и не мѣшали хозяевамъ получать свою выгоду.

И онъ съ самодовольствомъ оглянулся на свой чистенькій котеджъ и своихъ хорошо одѣтыхъ дѣтей.

Но Джоржъ ушелъ отъ него раздосадованный.

— Его жалованье, во всякомъ случаѣ, не уменьшится,—говорилъ онъ самому себѣ;—жалованье штейгеровъ, которые отчасти исполняютъ роль надзирателей, обыкновенно, не зависитъ отъ состоянія промышленности. А что за идіотская подозрительность относительно счетовъ!

Его послѣдній визитъ оказался наименѣе удачнымъ. Штейгеръ Маркъ Доусъ, главный соперникъ Макгрегора въ деревнѣ, былъ ярый радикалъ, и когда Джоржъ вошелъ, онъ читалъ свою газету и посмѣивался надъ пораженіемъ торійскаго кандидата на выборахъ въ совѣтъ графства. Онъ принялъ своего посѣтителя съ удивленіемъ, къ которому примѣшивалась, какъ показалось Джоржу, значительная доля дерзости. Между ними завязался разговоръ о политикѣ, причемъ іоркширское остроуміе Доуса не разъ

задѣло его хозяина. Доусъ, дѣйствительно, не стѣснялся. Онъ готовился держать экзаменъ на помощника управляющаго и уѣхать изъ этой мѣстности. Поэтому, ему не было надобности выказызывать особую почтительность, и онъ могъ говорить, какъ хотѣлъ, съ молодымъ щеголемъ, который продался реакціи. Джоржъ нѣсколько разъ терялъ терпѣніе, страшно стыдился самого себя и думалъ только о томъ, какъ уйти отъ этого человѣка, не уронивъ своего достоинства.

Выходя изъ его котеджа, онъ не былъ увѣренъ, что это вполнѣ удалось ему. Что за польза стараться о сближеніи съ этими людьми? У него не было ничего общаго ни съ тѣми изъ нихъ, кто его поддерживалъ, ни съ тѣми, кто на него нападалъ. Можетъ быть, другіе имѣютъ способность ладить съ ними, а для него лучше прямо сознаться, что онъ этою способность не обладаетъ. Фонтеной былъ правъ. Съ ними возможны только одного рода отношенія—вражда, иногда скрытая, иногда явная.

Но что это за шумъ на откосѣ, надъ его головой?

Онъ шелъ по дорогѣ, которая окаймляла принадлежавшія ему копи. Налѣво возвышалась длинная насыпь изъ отбросовъ, а на противоположномъ концѣ ея стоялъ машинный сарай и подъемная машина. На насыпь вела тропинка, по который, обыкновенно, ходили къ шахтамъ рабочіе, жившіе въ котеджахъ по ту сторону насыпи.

Онъ увидѣлъ двухъ человѣкъ, стоявшихъ на тропинкѣ у самаго верха насыпи и о чемъ-то горячо споришихъ. Одинъ изъ нихъ былъ Мэдэнъ, завѣдывающій его копями, практичный человѣкъ и тори по убѣжденіямъ, другой былъ Валентинъ Бёрроусъ.

Когда Тресседи дошелъ до того мѣста дороги, гдѣ начиналась тропинка, спорящіе разошлись. Мэдэнъ поднялся къ шахтамъ; Бёрроусъ пошелъ внизъ по тропинкѣ.

Дойдя до конца ея и увидѣвъ Тресседи, который шелъ по дорогѣ, онъ окликнулъ его:

— Сэръ Джоржъ Тресседи!

Джоржъ остановился.

Бёрроусъ быстро подошелъ къ нему; лицо его было красно.

— Скажите, пожалуйста, сэръ Джоржъ, по вашему приказамистеръ Мэдэнъ оскорбляетъ и прогоняетъ меня, когда я иду по совершенно невинному дѣлу къ одному изъ вашихъ рабочихъ въ машинномъ отдѣленіи?

— Можетъ быть, мистеръ Мэдэнъ, не раздѣлялъ вашей увѣренности въ томъ, что это дѣло невинное, мистеръ Бёрроусъ,—отвѣчалъ Джоржъ съ холодной улыбкой.

Бёрроусъ закусилъ губы; онъ понялъ, что сгоряча сдѣлалъ безтактность.

— Не воображайте,—горячо заговорилъ онъ, — что мнѣніе мистера Мэдэна о моихъ поступкахъ имѣетъ для меня какое-либо значеніе. Я только предостерегаю и васъ, и его, что если онъ еще разъ вздумаетъ оскорблять меня, какъ онъ это дѣлалъ много разъ въ послѣднее время, я съумѣю сократить его.

— Думаю, что онъ этого не испугается,—сказалъ Джоржъ.— Но какъ же вы можете это сдѣлать? У васъ, кажется, не совсѣмъ пріятныя отношенія съ судомъ?

Онъ стоялъ, выпрямившись во весь свой стройный ростъ, радуясь этой встрѣчѣ, которая давала ему возможность «выпустить паръ» негодованія, накопившагося въ душѣ его.

Бёрроусъ бросилъ на него гнѣвный взглядъ.

— Вы думаете, что сказали мнѣ нѣчто обидное, сэръ Джоржъ? Можетъ быть, настанетъ скоро время, когда судьи будутъ не вашими слугами, а нашими. Тогда мы увидимъ.

— Что же дѣлать? предсказаніе не трудно,—сказалъ Джоржъ.— Во всякомъ случаѣ, вы можете утѣшаться своими надеждами.

Они смѣрили другъ друга глазами.

Вдругъ, совершенно неожиданно, облегчивъ себя гнѣвной вспышкой, Тресседи почувствовалъ, что въ немъ проснулись инстинкты философа, которые такъ странно переплетались съ другими свойствами его натуры.

— Послушайте-ка,—сказалъ онъ совершенно другимъ тономъ, дѣлая шагъ къ своему противнику. — Мнѣ кажется, что все это величайшая нелѣпость. Если Мэдэнъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ требовали его обязанности, я поставлю ему это на видъ. А между тѣмъ, не находите ли вы, что будетъ гораздо болѣе достойно насъ, какъ двухъ разумныхъ существъ, если мы, встрѣтившись случайно здѣсь, поговоримъ серьезно о положеніи дѣлъ въ долинѣ? Мы съ вами вели честную борьбу въ Мальфордѣ, вы сами признали это. Отчего же мы не можемъ и здѣсь вести честную борьбу?

Бёрроусъ посмотрѣлъ на него подозрительно. Онъ стоялъ, опираясь на палку и стараясь успокоиться. Джоржъ замѣтилъ, что послѣ мальфордскихъ выборовъ даже онъ постарѣлъ и казался менѣе здоровымъ. По цвѣту его лица и по глазамъ его видно было, что онъ пьетъ. Но онъ все еще былъ красивый, хорошо сложенный атлетъ. Ему было теперь около 32 лѣтъ; но въ ранней юности онъ года 4, 5 работалъ въ копяхъ и въ то же время былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ игроковъ въ мячъ во всемъ графствѣ. Джоржъ зналъ, что онъ до сихъ поръ былъ

общимъ кумиромъ въ разныхъ мѣстныхъ клубахъ и что въ періоды трезвости онъ способенъ былъ на удивительныя проявленія силы и выносливости.

— Что же, я готовъ поговорить съ вами,—сказалъ, наконецъ, Бёрроусъ нерѣшительно.

— Такъ пойдемъ дальше,—предложилъ Джоржъ. И они пошли мимо воротъ Фёрта къ желѣзнодорожной станціи, до которой было двѣ мили.

Черезъ часъ они вернулись по той же самой дорогѣ. Оба были блѣдны, оба взволнованы.

— Значитъ, дѣло стоитъ такъ,—сказалъ Джоржъ, останавливаясь у своихъ воротъ,—вы вѣрите тому, что мы утверждаемъ: что торговля идетъ плохо, что барышей не предвидится, что мы обязаны исполнять заключенные контракты и проч.,—но вы отказываетесь взять на себя малѣйшую часть убытковъ. Вы требуете ровно столько, сколько получаете въ хорошее время; вы ничего не хотите уступить въ дурное.

— Именно такъ,—спокойно отвѣчалъ Бёрроусъ.—Именно такъ; мы не хотимъ участвовать въ рискѣ; рабочій отдаетъ свой трудъ и взамѣнъ этого долженъ имѣть средства къ жизни. Пусть платитъ потребитель или платите сами изъ тѣхъ барышей, какіе вы имѣли въ хорошіе годы.

Онъ легкимъ знакомъ указалъ на высокій домъ, возвышавшійся на холмѣ.

— Мы не спрашиваемъ, какъ онъ вамъ достался, но и вы не требуйте, чтобы за него платилъ рабочій, который съ опасностью жизни трудится, какъ каторжникъ, пять дней въ недѣлю за какіе-нибудь несчастные 25 шиллинговъ, не требуйте, это будетъ напрасно. Ему уже это надоѣло. Онъ не заплатитъ, если даже вы его уморите съ голоду.

Джоржъ разсмѣялся.

— Одинъ изъ лучшихъ рабочихъ въ здѣшней деревнѣ увѣрялъ меня сегодня, что въ нашей мѣстности нѣтъ ни одного человѣка, который, принявъ условія хозяина, не могъ бы жить и хорошо жить, только если не будетъ пьянствовать.

Онъ окинулъ Бёрроуса съ головы до ногъ проницательнымъ взглядомъ.

— Я знаю, кто это говорилъ,—съ усмѣшкой отвѣчалъ Бёрроусъ.—А я вамъ скажу, что думаютъ другіе здѣшніе рабочіе; вотъ что: человѣкъ, который не пьетъ у насъ въ деревнѣ, низкій предатель—онъ измѣняетъ своей плоти и крови и передается на сторону капиталистовъ. О, вы можете проповѣдывать намъ сколько

угодно, а мы все-таки будемъ пить, пока работаемъ не на себя, а на хозяевъ, потому что, понимаете? Только-что мы перестанемъ пить, сдѣлаемся, по вашему собственному выраженію, «добрыми ребятами»,—уровень нашихъ жизненныхъ потребностей понизится, заработная плата падетъ, и то, что мы теперь пропиваемъ на пивѣ, вы станете пропивать на шампанскомъ. Очень вамъ благодаренъ, сэръ Джоржъ, но мы не такіе дураки, какими кажемся, и это намъ вовсе не нравится!

Онъ гордо дотронулся до своей шляпы въ отвѣтъ на такое-же движеніе Джоржа и быстро удалился.

Джоржъ медленными шагами поднимался на свой холмъ. Апрѣльскій день близился къ концу и заходящее солнце заливало западную часть равнины мягкими лучами. Грачи летали вокругъ холма, наполняя воздухъ протяжнымъ крикомъ. Кукушка куковала на сосѣднемъ деревѣ, вечерній воздухъ былъ наполненъ весенними ароматами, ароматами листьевъ и травы, земли и дождя. Внизу среди молодыхъ дубковъ журчалъ ручей, а издали доносился обычный гулъ и шумъ копей.

Джоржъ остановился на минуту въ маленькой рощицѣ шотландскихъ сосенъ; это была одна изъ немногихъ вещей, которыя ему нравились въ Фёртѣ—и смотрѣлъ на далекую линію холмовъ Уэльса. Возбужденіе, вызванное въ немъ разговоромъ съ Бёрроусомъ, улеглось и оставило послѣ себѣ упорную рѣшимость. Онъ скажетъ дядямъ, что борьба необходима, что ничего другого нельзя сдѣлать; надобно пустить нѣсколько крови, надобно выяснить, кто хозяинъ.

Какіе, въ сущности, ограниченные люди, даже лучшіе изъ рабочихъ! Какъ они не способны разобраться ни въ одномъ серьезномъ вопросѣ, не способны видѣть дальше своего носа, дальше завтрашняго обѣда! Неужели онъ будетъ проводить всю свою жизнь въ борьбѣ съ ними, съ этими полуцивилизованными варварами, которые только по имени его соотечественники? И ради какой цѣли, подъ какимъ знаменемъ? Для того, чтобы защитить нѣкоторый изящный домикъ на Броунъ-стритѣ отъ посягательствъ тружениковъ этой обширной долины, для того, чтобы найти средства уплатить долги матери? тѣ долги, доказательство которыхъ лежало у него въ настоящее время въ карманѣ.

Вдругъ въ умѣ его съ необыкновенной ясностью пронесся образъ Мэри Батчелоръ, стоявшей у своихъ дверей съ глазами, полными слезъ и безъисходнаго горя, образъ ея бѣднаго сына, умершаго въ такихъ молодыхъ годахъ. Не являлись ли эти двѣ фигуры представителями общаго труда, любви, страданія, всѣхъ тѣхъ реальностей, какія лежали въ основѣ жизни?

При ближайшемъ разсмотрѣніи его собственная жизнь представлялась ему пошлою и жалкою. Соціалистъ Бѣрроусъ навѣрно скажетъ, что и онъ, и Летти, и его мать живутъ, наряжаются и наслаждаются, нанимаютъ лакеевъ и держатъ кареты только благодаря трудамъ и лишеніямъ другихъ; что Джеми Батчелоръ и ему подобные сокращаютъ и губятъ свою молодую жизнь для того, чтобы лэди Тресседи и ей подобныя могли съ полнымъ комфортомъ проживать свою.

Несомнѣнно, что это чисто невѣжественное сужденіе фанатика; но онъ не чувствовалъ охоты защищаться громкими фразами, обыкновенно употребляемыми при спорахъ на эту тему. Любимые аргументы Фонтеноя потеряли для него всякую убѣдительность въ эти минуты нравственный подавленности.

— Я начинаю думать, что какая-то проклятая судьба связала меня вообще съ этимъ дѣломъ, — сказалъ онъ самому себѣ, стоя подъ деревьями.

Главное мученіе его состояло въ томъ, что онъ очутился въ совершенно новыхъ условіяхъ и не могъ оріентироваться въ нихъ. До своего возвращенія на родину, почти до самаго послѣдняго времени, онъ былъ только номинальнымъ собственникомъ и владѣльцемъ копей. Другіе за него работали, за него рѣшали задачи. Затѣмъ, минутное увлеченіе заставило его вернуться домой, принять предложеніе Фонтеноя; это было несчастіе во всѣхъ отношеніяхъ, исключая его женитьбы на Летти. Бодрое чувство и самоувѣренность, съ какимъ онъ относился къ своей новой дѣятельности, и къ планамъ парламентскихъ работъ, во время жизни въ Лондонѣ, казались ему въ эти минуты унынія просто безуміемъ. Онъ сознавался самому себѣ, что чувствуетъ нѣчто въ родѣ трусливаго отвращенія къ жизни и ея испытаніямъ, что въ глубинѣ души онъ существо слабохарактерное, безъ вѣры, безъ настоящей самобытности.

Быстрый процессъ мысли привелъ его къ выводу, что только двѣ вещи спасаютъ людей его пошиба, не имѣющихъ никакихъ нравственныхъ устоевъ: постоянная перемѣна мѣстъ, при которой весь міръ превращается въ зрѣлище,—и любовь. Онъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о своихъ путешествіяхъ и старался въ данную минуту не думать о своемъ бракѣ.

Но только на минуту. Прошло всего нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ, какъ женщина отдала въ его руки всю свою жизнь. Онъ до сихъ поръ находился подъ впечатлѣніемъ того волненія и того радостнаго изумленія, какое это вызывало въ немъ. Въ сердцѣ его проснулись нѣжныя чувства. Его маленькая Летти! Развѣ онъ

когда-нибудь считалъ ее совершенствомъ, развѣ онъ думалъ, что она свободна отъ естественныхъ недостатковъ и слабостей? Какая глупость! *Ему ли* требовать необыкновенной высоты характера!

Онъ посмотрѣлъ на часы. Какъ онъ долго не видался съ нею. Надобно идти поскорѣй и помириться.

Но въ ту минуту, когда онъ собирался повернуть домой, вниманіе его было привлечено тѣмъ, что происходило на противоположной сторонѣ холма. Свѣтъ заходящаго солнца прямо падалъ на бѣлый котеджъ, окруженный маленькимъ садикомъ. Котеджъ принадлежалъ мѣстному Весленскому проповѣднику и былъ нанятъ Бёрроусомъ полгода тому назадъ. Взглянувъ въ ту сторону, Джоржъ увидѣлъ, что Бёрроусъ выходитъ изъ дверей, неся на рукахъ ребенка или женщину ростомъ немного больше ребенка. Онъ усадилъ ее въ кресло, стоявшее среди маленькой лужайки. Маленькая фигурка почти совершенно утонула въ креслѣ и сидѣла неподвижно, пока Бёрроусъ приносилъ подушки и стулъ. Потомъ на лужайку прибѣжалъ ребенокъ и началъ играть въ травѣ, а Бёрроусъ наклонился надъ кресломъ и что-то говорилъ сидѣвшей въ немъ.

— Она умираетъ,—сказалъ самъ себѣ Джоржъ.—Бѣдняга! не мудрено, что онъ старается что-нибудь ненавидѣть.

Онъ поспѣшилъ подняться на холмъ и нашелъ Летти все еще лежащею на софѣ и дочитывающею послѣднія страницы своего романа. Она, повидимому, не сердилась на его долгое отсутствіе, и онъ въ душѣ поблагодарилъ ее, что она не стѣсняетъ его свободу мелочною требовательностью. Но какъ только она подняла глаза при входѣ его, онъ понялъ, что если она не сердится за то, что онъ такъ надолго оставилъ ее одну, то въ душѣ ея по прежнему живо раздраженіе противъ него и противъ судьбы; вспыхнувшее въ немъ чувство нѣжности погасло. Онъ разсказывалъ ей всѣ подробности своей прогулки, но она не выказывала ни интереса, ни сочувствія; весь вечеръ въ ея обращеніи съ нимъ было что-то нервное и сухое, уничтожавшее всякую прелесть бесѣды. Всякій старый знакомый Летти непремѣнно спросилъ бы, куда дѣвалось милое оживленіе ея манеръ, та остроумная болтливость, которыя произвели такое чарующее впечатлѣніе на Джоржа при ихъ первыхъ встрѣчахъ. Какъ только она стала невѣстой, это оживленіе и остроуміе начали исчезать. Неужели это было повтореніе того явленія, какое мы замѣчаемъ у птицъ и цвѣтовъ, которые украшаютъ себя въ періодъ любви, а послѣ спариванья становятся сравнительно тусклыми?

Въ этотъ вечеръ она была почти все время погружена въ

мрачныя размышленія о поведеніи лэди Тресседи и о той бѣдности, которая ей предстояла. Послѣ обѣда она опять легла на софу, ея бѣлое личико и блестящіе волоса красиво рисовались на фонѣ подушекъ, она вертѣла въ рукахъ свой романъ, пока Джоржъ читалъ газету. По временамъ она бросала на него нерѣшительные взгляды и кусала себѣ губы, но не въ ея характерѣ было начинать сцены.

Поздно вечеромъ онъ пошелъ въ свою уборную. Входя въ нее, онъ услышалъ, что Летти разговариваетъ съ горничной. Онъ невольно остановился въ своей темной комнатѣ и прислушался. Какая разница между этою Летти и Летти гостиной! Онѣ болтали очень оживленно, разсуждали о лэди Тресседи, о платьяхъ лэди Тресседи, о дѣлахъ лэди Тресседи. Какое одушевленіе, какое злорадство, какая чисто женская наблюдательность и мелочность! Онъ слушалъ всего нѣсколько секундъ, но послѣ нихъ и его мать, и вся человѣческая природа явились ему въ какомъ-то новомъ, гадкомъ свѣтѣ. Онъ тихонько вернулся въ гостиную, не обнаруживъ своего присутствія.

Когда онъ вошелъ въ спальню, въ ней было почти темно, и Летти полулежала на постели, ожидая его. Отославъ горничную, она вдругъ почувствовала себя несчастной и расплакалась; по какой-то причинѣ, которую она не совсѣмъ ясно понимала, она съ нетерпѣніемъ ждала Джоржа. Когда онъ вошелъ, она посмотрѣла на него мокрыми отъ слезъ глазами и кротко упрекнула его, что онъ такъ долго не приходилъ.

Въ полусвѣтѣ, окруженная кружевами и бѣлыми подушками, она была прелестна, и Джоржъ подошелъ къ ней, нѣжно заговорилъ съ ней, ласкалъ ее.

Но въ глубинѣ черной бездны на днѣ души его, бездны, о которой онъ говорилъ ей, для уничтоженія которой женился, что-то волновалось и бушевало. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Летти согласилась быть его женой, онъ не подумалъ и не сказалъ себѣ, что онъ счастливый человѣкъ и что онъ очень хорошо устроилъ свою жизнь.

X.

Такимъ образомъ, къ концу медоваго мѣсяца, надежды и иллюзіи, которыя питалъ Тресседи передъ свадьбой, значительно потускнѣли, а его любовныя мечты были довольно обыденны и умѣренны; но онѣ не осуществились даже въ такомъ видѣ.

Впрочемъ, подобнаго рода ощущенія и разочарованія совреме-

немъ исчезаютъ. Желѣзный фактъ брака переживаетъ ихъ, стремится ихъ измѣнить и побѣдить.

По возвращеніи въ Лондонъ, Летти увлеклась хлопотами объ устройствѣ дома на Броунъ-Стритѣ и пыталась забыть пораженіе, понесенное ею во время медоваго мѣсяца. Конечно, нельзя было отрицать, что въ ихъ первомъ столкновеніи побѣду одержала лэди Тресседи. Летти въ то время не приняла въ разсчетъ суровыхъ требованій сыновняго долга и теперь думала о нихъ съ негодованіемъ и отчаяніемъ.

А между тѣмъ лэди Тресседи до нѣкоторой степени смирилась, и когда молодые пріѣхали въ городъ, она всячески старалась смягчить сердце Летти. Но въ глазахъ Летти ея проступокъ не могъ быть прощенъ; впрочемъ, на первое время отношенія между ними были, повидимому, вполнѣ дружественными; по мнѣнію Летти, это значило, что всѣ ея покупки и хозяйственныя распоряженія подвергаются постоянной критикѣ, и что когда она собираетъ къ себѣ на передъобѣденный чай своихъ друзей или тѣхъ, съ кѣмъ хочетъ сблизиться, всякую минуту въ комнату можетъ явиться нарумяненная, разряженная лэди, при видѣ которой гости разбѣгаются и которая страшно злится, зачѣмъ они разбѣжались.

Джоржъ находилъ, что вести дѣло съ Чапецкимъ крайне непріятно. Онъ пригласилъ свѣдущаго адвоката; но Чапецкій былъ увѣренъ, что перехитритъ всякого и не шелъ на уступки. Кромѣ того, его разсердило письмо, которое Джоржъ въ первомъ порывѣ негодованія написалъ ему изъ Фёрта, и онъ твердо настаивалъ на своихъ требованіяхъ. Въ то же время Джоржъ испытывалъ то, что испытываетъ всякій землевладѣлецъ: на словахъ легко продать землю, а на дѣлѣ очень трудно. Покупатель, который прежде хотѣлъ купить ее, теперь перемѣнилъ намѣреніе; немногія лица, приходившія торговаться, заботились о своей выгодѣ больше, чѣмъ о выгодѣ Тресседи; и Джоржъ краснѣлъ отъ негодованія, слушая предложенія, которыя передавалъ ему его повѣренный. Пришлось произвести первую крупную уплату Чапецкому изъ текущихъ доходовъ, и онъ почувствовалъ настоящую нужду въ деньгахъ именно въ то время, когда устройство дома на Броунъ-Стритѣ было въ полномъ ходу. Эти денежныя затрудненія оказали замѣтное вліяніе на его характеръ; въ немъ проявились нѣкоторыя черты, вѣроятно унаслѣдованныя отъ отца. Старый сэръ Вилльямъ всегда выказывалъ необыкновенную аккуратность, мелочную разсчетливость во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ. Онъ не могъ увеличить своего состоянія; на это у него не хватало ни ума, ни знаній, онъ не могъ равнымъ образомъ предохранить себя отъ

большихъ убытковъ въ дѣлахъ — Джоржъ послѣ его смерти нашелъ крупные долги, копи были заложены и тому подобное. Но въ домашнемъ хозяйствѣ сэръ Вилльямъ съ необыкновенной твердостью защищалъ свой скромный бюджетъ отъ всякихъ посягательствъ; легкомысленная расточительность женщины, которую онъ въ порывѣ увлеченія уговорилъ стать своей женой, еще усилила эту черту его харатера.

Джоржъ былъ отчасти похожъ на него, такъ что и въ школѣ, и въ коллегіи считался аккуратнымъ, скуповатымъ мальчикомъ. Вѣроятно, видя непріятности, какимъ подвергалась мать, онъ съ дѣтства убѣдился, что долги могутъ привести къ униженіямъ. Во всякомъ случаѣ во время своего четырехлѣтняго путешествія за границей, онъ ни разу не перерасходовалъ той скромной суммы, какую назначилъ себѣ при отъѣздѣ изъ Англіи; и его умѣренный образъ жизни увеличивалъ уваженіе къ нему почтенныхъ особъ, познакомившихся съ нимъ за границей.

Не смотря на то, при началѣ своей семейной жизни онъ былъ еще молодъ и неопытенъ въ денежныхъ дѣлахъ; ему не приходило въ голову, что того дохода въ 4.000, который онъ считалъ почти обезпеченнымъ, не хватитъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей его, Летти и дѣтей—если у нихъ будутъ дѣти, — на расходы по политической жизни и даже на нѣкоторыя случайныя выдачи матери въ дополненіе къ ея средствамъ. Теперь, когда съ одной стороны ему приходилось удовлетворять требованія Чапецкаго, съ другой—давать Летти на устройство дома, когда онъ боялся какихъ-нибудь новыхъ выходокъ со стороны матери и видѣлъ шаткое положеніе дѣлъ на своихъ копяхъ, его началъ мучить тайный страхъ несчастій и раззоренія, естественное слѣдствіе темперамента отъ природы не жизнерадостнаго.

Подъ вліяніемъ этого страха Джоржъ иногда вечеромъ въ среду или въ субботу уходилъ изъ парламента, направлялся въ Варвинъ-сквэръ и неожиданно появлялся въ гостиной своей матери съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какія гости собираются тамъ. Онъ раза два пытался выселить оттуда «негодяя-пѣвца», пожилого джентельмена съ одутловатымъ лицомъ и длинными волосами, представлявшагося Джоржу какимъ-то мягкотѣлымъ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Но выселить его не было возможности. Пѣвецъ относился къ Джоржу съ почтительностью, къ которой примѣшивалась артистическая снисходительность, — это было и смѣшно, и возмутительно въ одно и то же время. Джоржъ попытался было откровенно поговорить съ матерью, но съ лэди Тресседи сдѣлалась истерика, она поклялась, что не по-

зволитъ разлучать себя съ своими друзьями, что это жестоко со стороны молодыхъ людей, у которыхъ есть все, что они могутъ пожелать, тогда какъ она—бѣдная, одинокая вдова, которой не стоитъ жить на свѣтѣ. Въ денежномъ отношеніи это знакомство не представляетъ никакой опасности. М. Фуллертонъ, такъ звали джентельмена, любилъ комфортъ и любилъ дѣлать займы, лэди Тресседи нуждалась въ обществѣ, въ комплиментахъ, въ «музыкальныхъ набросказъ» для своихъ маленькихъ вечеровъ. Миссисъ Фуллертонъ не хуже мужа умѣла и развлекать миледи, и говорить ей комплименты, даже дѣти, длинноволосые, вялые, — по мнѣнію Тресседи, до отвратительности похожіе на своего мягкотѣлаго отца—принимали участіе въ эксплоатаціи лэди Тресседи. А между тѣмъ лэди Тресседи разыгрывала роль покровительницы непризнаннаго генія, и клялась, что «бѣдный, милый Фуллертонъ» нисколько не виноватъ въ ея денежныхъ несчастіяхъ. Все надѣлалъ это «гадъ»,—«гадъ» и больше никто.

Послѣ одной изъ такихъ стычекъ съ матерью, Джоржъ, сердитый, недовольный, пришелъ домой и засталъ Летти занятой выборомъ шелковой матеріи на портьеры въ гостиную.

— Ахъ, какое счастье!—вскричала она, увидя его. — Ты поможешь мнѣ рѣшить, что взять, это такая задача!

Она повела его въ гостиную, гдѣ по стѣнамъ были развѣшаны большія полосы розовой и зеленой матеріи. Джоржъ похвалилъ матеріи и высказался въ пользу зеленаго цвѣта. Затѣмъ онъ подошелъ, прочелъ билетикъ, приколотый къ углу образца и нахмурился.

— Сколько тебѣ понадобится этой матеріи, Летти? — спросилъ онъ.

— О, для двухъ комнатъ около пятидесяти ярдъ,—беззаботно отвѣчала Летти, развертывая другой свертокъ образчиковъ.

— По 26 шиллинговъ за ярдъ,—проговорилъ Джоржъ мрачно и съ усталымъ видомъ опустился въ кресло.

— Да, правда, это дорого. Но это такая славная матерія, она цѣлый вѣкъ продержится. Пожалуй, мнѣ придется купить ее и для софы,—сказала Летти задумчиво.

Джоржъ ничего не отвѣчалъ.

Летти взглянула на него.

— Ну, Джоржъ, Джоржъ, что съ тобой случилось? Развѣ тебѣ не хочется, чтобы эта комната вышла красивой? Ты никогда ничѣмъ не интересуешься!

— Я только думаю, дорогая, какъ должны богатѣть обойщики,—сказалъ Джоржъ, прикрывая глаза рукой.

Летти задумалась и покраснѣла. Черезъ минуту она подошла и сѣла на ручку его кресла. Она была одѣта нарядно, даже, можно сказать, слишкомъ нарядно, въ блѣдноголубомъ платьѣ, причудливо украшенномъ лентами и кружевами. Джоржъ, получившій нѣкоторыя практическія знанія изъ провѣрки счетовъ матери, почувствовалъ себя неловко, когда эта изящная особа сѣла подлѣ него,—онъ понялъ, что все это изящество дѣло гиней, многихъ и многихъ гиней. Потомъ онъ разсердился самъ на себя за то, что не могъ просто любоваться ею, любоваться своей маленькой женой въ новомъ костюмѣ. Что это съ нимъ случилось? Проклятыя деньги все перевертываютъ вверхъ дномъ.

Летти отчасти отгадывала въ чемъ дѣло. Она прикусила губку и, казалось, собиралась заплакать.

— Право, это очень жестоко,—проговорила она тихимъ взволнованнымъ голосомъ,—мы не можемъ доставить себѣ даже такого маленькаго удовольстія, и подумать только изъ-за чего!

Джоржъ взялъ ея руку и нѣжно поцѣловалъ.

— Дорогая моя, подожди немного, пока я вырвусь изъ когтей этой скотины. Теперь дѣлаютъ такія красивыя, дешевыя вещи, правда, вѣдь?

— Ахъ, ты, можетъ быть, хочешь имѣть гостиную въ родѣ тѣхъ, какія устраиваютъ въ Южномъ Кэнсингтонѣ,—съ негодованіемъ сказала Летти,—кисейныя занавѣски по четыре пенни; да, это можно купить дешево. Но, по моему, ужъ тогда лучше прямо поставить волосяную мебель и столъ краснаго дерева посрединѣ комнаты.

— Знаешь, тебѣ никогда не надо носить зеленовато-желтоватыхъ платьевъ, это единственный непростительный грѣхъ, какой ты можешь сдѣлать,—смѣясь, сказалъ Джоржъ.—Впрочемъ, если бы ты надѣла и такое платье, оно навѣрно пошло бы къ тебѣ.

И онъ, обнявъ ее рукой, слегка отстранилъ отъ себя, чтобы лучше любоваться ея новымъ костюмомъ.

Но никакою лестью нельзя было заставить Летти отказаться отъ новыхъ занавѣсокъ для того, чтобы долги леди Тресседи были скорѣе уплачены. Она начала съ Джоржемъ длинный споръ полусердито, полужалобно и въ концѣ концовъ выпросила у него не только шелковую матерію, послужившею яблокомъ раздора, но и гораздо больше. Послѣ этого Джоржъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, чувствуя нѣкоторыя угрызенія совѣсти и неудовольствіе противъ Летти. Почему? Женщины, по его мнѣнію, были созданы для шелковыхъ бездѣлушекъ и украшеній: этимъ мужчины платили имъ за ихъ общество. Онъ наблюдалъ много разъ, въ раз-

ныхъ знакомыхъ англо-индѣйскихъ семьяхъ, то самое явленіе, отъ котораго страдалъ теперь, и тогда онъ философски подсмѣивался надъ нимъ. Но маленькая комедія, перенесенная въ его собственныя комнаты, какъ-то странно теряла весь свой комфортъ, всѣ свои веселыя стороны.

Во всякомъ случаѣ для новобрачныхъ, которымъ еще не было тридцати лѣтъ, которые только-что вступили во второй актъ жизненной драмы, создающей или уничтожающей нашу личность, минуты неудовольствія и печали,—даже при существованіи Чапецкаго и леди Тресседи на заднемъ планѣ—были лишь рѣдкими пятнами на общемъ фонѣ счастья. Джорджъ снова увлекался парламентскою жизнью, какъ только сталъ посѣщать палату и видаться съ Фонтеноемъ. Связь между нимъ и его страннымъ руководителемъ становилась все сильнѣе и сильнѣе; сидя рядомъ въ палатѣ, они вмѣстѣ переживали ожесточенныя парламентскія схватки, направляли силы своей маленькой группы то на поддержку правительства, то на поддержку оппозиціи, постоянно внимательно слѣдили за ходомъ дѣлъ и часто одерживали побѣды. Джорджъ былъ во многихъ случаяхъ необходимъ для Фонтеноя, потому что молодой человѣкъ, благодаря своему правильному воспитанію и четырехлѣтнему путешествію, обладалъ многими знаніями, которыхъ совершенно недоставало Фонтеною по его собственному признанію. Джорджъ спасъ его отъ многихъ промаховъ, и всегда съ полною готовностью дѣлился съ нимъ своимъ умственнымъ достояніемъ. Съ другой стороны, Фонтеной, по мнѣнію Джорджа, не имѣлъ въ палатѣ соперниковъ по инстинктивной силѣ и вѣрности сужденія. Онъ почти никогда не ошибался ни въ опредѣленіи человѣка, ни въ опредѣленіи основныхъ чертъ даннаго положенія. Его сторонники никогда не думали сомнѣваться въ правильности его тактическихъ распоряженій. Они слѣпо повиновались ему; если боги посылали пораженіе, Фонтеноя никто не порицалъ. Но въ случаѣ успѣха, его скупо высказанное одобреніе или поздравленіе служило величайшей наградой для кудрявыхъ аристократиковъ, составлявшихъ ядро его партіи; никто изъ его сторонниковъ не могъ безнаказанно противорѣчить ему или пытаться стать выше его. Въ немъ было что-то естественно властное, и чѣмъ истощеннѣе и худощавѣе становилась его внѣшняя фигура, тѣмъ замѣтнѣе было его нравственное вліяніе.

Впрочемъ, одно разочарованіе пришлось испытать ему и его партіи въ промежутокъ времени между Пасхой и Троицей. Они жадно стремились къ борьбѣ, а ихъ на время лишили лучшей части борьбы; благодаря затянувшимся преніямъ и необходимости

разрѣшить немедленно два, три важные вопроса по текущимъ дѣламъ, второе чтеніе билля Максвеля было отложено до послѣ Троицы, когда оно было поставлено на первую очередь. Въ палатѣ поднялся сильный ропотъ, подстрекаемый Фонтеноемъ; но министерство могло только заявить, что не имѣетъ выбора, и что ихъ противники на столько же нетерпѣливо ждутъ нападенія, насколько они желаютъ произвести его.

Такимъ образомъ, общественная жизнь Джоржа была богата впечатлѣніями и волненіями.

Свѣтское общество встрѣтило молодыхъ очень любезно. Замужество Летти привлекло къ ней симпатіи всѣхъ ея прежнихъ знакомыхъ: всѣ находили, что она сдѣлала прекрасную партію, хотя и не особенно блестящую. Благодаря этому, благодаря свѣтскимъ и парламентскимъ друзьямъ Джоржа, благодаря визитамъ оффиціальныхъ лицъ, вниманію собственныхъ друзей и доброму расположенію миссисъ Уаттонъ, которая твердо рѣшила «лансировать» племянницу, Летти, возвращаясь съ утреннихъ визитовъ въ своей новой каретѣ, съ удовольствіемъ видѣла массу карточекъ на столѣ въ передней. Она оставляла ихъ тамъ до прихода Джоржа, чтобы онъ могъ полюбоваться на нихъ, и всегда радовалась, если леди Тресседи заѣзжала въ этотъ промежутокъ времени.

Ихъ часто приглашали на обѣды, гдѣ они встрѣчались съ разными знатными особами. Тщеславіе Летти было удовлетворено, когда она прочитывала списки приглашенныхъ, среди которыхъ стояло ея имя. Не смотря на это, она часто возвращалась съ обѣдовъ разочарованная и унылая. Она не чувствовала, что имѣетъ успѣхъ, и постоянно съ тревогой и неудовольствіемъ слѣдила за успѣхами другихъ женщинъ. Чего ей не хватало? Костюмы ея были безукоризненны, и подъ вліяніемъ возбужденія, вызываемаго въ ней свѣтскимъ обществомъ, она вспоминала всѣ хорошенькія гримаски и граціозныя ужимки, которыя уже не расточала передъ Джоржемъ. Но ей постоянно казалось, что на нее не обращаютъ вниманія; а между тѣмъ, какое - нибудь простое слово или взглядъ счастливицы, одѣтой совсѣмъ просто, привлекало иногда цѣлую толпу собесѣдниковъ и поклонниковъ, по которымъ такъ вздыхала Летти.

Максвели посѣтили новобрачныхъ вскорѣ по пріѣздѣ ихъ и оставили имъ свои карточки вмѣстѣ съ приглашеніемъ на обѣдъ. Къ огорченію Летти, они уже были отозваны на тотъ же самый день, а когда они въ одну изъ субботъ пріѣхали отдать визитъ на Ст. Джемсъ-скверъ, оказалось, что Максвели уѣхали въ деревню. Разъ или два случалось, что гдѣ - нибудь среди многолюднаго

собранія Летти и Джоржъ обмѣнивались нѣсколькими словами съ лэди Максвель, и Марчелла пыталась нѣсколько разъ устроить свиданіе съ ними. Но и у нихъ, и у нея было столько приглашеній, что всѣ ея планы оказывались неудобоисполнимыми.

— Ну, хорошо, послѣ Троицы,—говорила она, улыбаясь, Летти, когда онѣ обмѣнивались нѣсколькими любезными фразами, при выходѣ съ какого-то оффиціальнаго вечерняго собранія.—Я вамъ напишу въ деревню, если позволите, Фёртъ Плёсъ, такъ, кажется?

— Нѣтъ,—съ достоинствомъ отвѣчала Летти,—насъ не будетъ дома, по крайней мѣрѣ, въ началѣ лѣта. Мы проведемъ нѣсколько дней у миссисъ Аллисонъ въ Кэстль-Лютонѣ.

— Неужели? Вамъ будетъ тамъ очень пріятно. Это такой великолѣпный, старый домъ!

И лэди Максвель исчезла. Впрочемъ, на лѣстницѣ она все-таки успѣла перекинуться съ Тресседи нѣсколькими словами о парламентскихъ новостяхъ.

Летти произнесла свою маленькую рѣчь о Кэстль - Лютонѣ съ чувствомъ величайшаго наслажденія. Ничто во всей лондонской жизни не доставило ей такого удовольствія, какъ визитъ и приглашеніе миссисъ Аллисонъ. Правда, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ей приходилось встрѣчаться съ этой кроткой сѣдовласой лэди, Летти всегда чувствовала себя какъ-то неловко, но нельзя было сомнѣваться, что миссисъ Аллисонъ стоитъ очень высоко на общественной лѣстницѣ. У нея были поклонники во всѣхъ партіяхъ. Хотя она была другомъ и вдохновительницей Фонтеноя, строго религіозной женщиной и важной аристократкой, но она обладала тѣмъ нѣжнымъ очарованіемъ, которое можетъ смирить льва и которое даетъ нѣкоторымъ женщинамъ возможность царить во всякомъ обществѣ. Даже тѣ, кто былъ твердо убѣжденъ, что миссисъ Аллисонъ и ей подобныя являются главнымъ тормазомъ прогресса, колебались, получая приглашеніе изъ Кэстль-Лютона, и хотя протестовали, но ѣхали туда. Въ нѣкоторыхъ аристократическихъ, высоко образованныхъ и высоко добродѣтельныхъ кружкахъ она являлась какою-то легендарною личностью—такъ сильно было ея вліяніе, такъ много воспоминаній и разныхъ дѣлъ связывалось съ ея именемъ.

Вотъ почему, когда были получены ея карточки, карточки ея сына, лорда Анкота, и маленькое письмецо на французскомъ языкѣ, — миссисъ Аллисонъ воспитывалась въ Парижѣ, — Летти задрожала отъ радости.

«Провести нѣсколько дней съ моими друзьями» это значитъ, что у нея соберется цѣлое общество. Навѣрно это устроилъ Фон-

теной. Говорятъ, онъ можетъ приглашать кого хочетъ въ Кэстль-Лютонъ. Вслѣдствіе этого предположенія, она стала обращаться любезнѣе прежняго съ пріятелемъ мужа,—перемѣна, которая была вовсе не пріятна Фонтеною.

Послѣдняя недѣля передъ Троицей принесла особенно много непріятностей Тресседи. Извѣстія, получаемыя имъ изъ Фёрта были все болѣе и болѣе тревожны; попытки его продать землю не удавались, и онъ ясно видѣлъ, что если они будутъ продолжать жить въ Лондонѣ, какъ жили до сихъ поръ, ему, чтобы расплатиться съ Чапецкимъ и дать Летти требуемую сумму, придется продать большую часть процентныхъ бумагъ, полученныхъ отъ отца. Многіе молодые люди на его мѣстѣ отнеслись бы къ этому совершенно равнодушно; но онъ былъ огорченъ.

— Я начинаю проживать свой капиталъ, вмѣсто доходовъ,— говорилъ онъ самому себѣ.—Стачка начнется въ іюлѣ; слѣдующіе полгода я почти ничего не получу съ копей; доходы будутъ не велики; Летти нужно такъ много разныхъ разностей. Черезъ нѣсколько времени я такъ же запутаюсь въ долгахъ, какъ мать, и буду занимать направо и налѣво.

Послѣ этого онъ принималъ твердое намѣреніе соблюдать экономію, но Летти уничтожала всѣ его разсчеты своею рѣшимостью имѣть все, что было у другихъ, и въ особенности не допускать какихъ-нибудь стѣсненій въ своей жизни изъ-за того, что онъ по глупости взялъ на себя долги матери. Она говорила мало, говорила съ улыбкой, указывая на свои права новобрачной, такъ что съ ней нельзя было спорить. Но она упорно настаивала на своихъ, будто-бы законныхъ требованіяхъ, она отказывалась выслушать его откровенныя объясненія и раздѣлить его тревоги, и это усиливало горькое чувство, накоплявшееся въ душѣ его.

— Нѣтъ,—говорила она сама себѣ, все время съ негодованіемъ вспоминая, что случилось въ Фёртѣ;—если я позволю ему говорить со мной объ этомъ, я уступлю, и она будетъ торжествовать надо мною. Если Джоржъ былъ такъ слабъ, то пусть находитъ деньги, гдѣ хочетъ. Онъ, конечно, найдетъ. Въ сущности, я вовсе не мотовка. Я дѣлаю только то, что всякая сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ.

Такое положеніе вещей не способствовало тому, чтобы лэди Тресседи была пріятной гостьей на Броунъ-стритѣ; явились и другія причины неудовольствій и ссоръ. Лэди Тресседи узнала, что молодые уже давали раза два маленькіе обѣды и не пригласили ея. Разъ, когда Джоржъ пришелъ на Уарвинъ-скверъ поговорить о дѣлахъ, она накинулась на него съ упреками по этому поводу.

— Должно быть, Летти думаетъ, что я сконфужу ее при гостяхъ! Она, можетъ быть, стыдится меня,—лэди Трессэди злобно разсмѣялась.—О, очень хорошо! Но мнѣ хотѣлось бы, Джоржъ, чтобы ты и она, вы поняли, что въ мое время у меня было гораздо больше поклонниковъ, чѣмъ можетъ быть у Летти!

И мать Джоржа въ своемъ удивительномъ желтомъ платьѣ откинулась на спинку кресла, еле переводя духъ отъ гнѣва и волненія. Джоржъ добродушно замѣтилъ, что и онъ, и Летти не сомнѣваются въ побѣдахъ матушки; послѣ этого лэди Тресседи пришла въ слезливое настроеніе и сказала, что, конечно, этого не слѣдуетъ говорить, но когда родной сынъ и жена сына такъ дурно обращаются съ матерью, то она не можетъ не защищаться.

Джоржъ постарался, какъ могъ, успокоить ее, а придя домой, намекнулъ Летти, что матери было бы пріятно, если бы они позвали ее на маленькій обѣдъ, который предполагали устроить въ пятницу для своихъ парламентскихъ друзей.

— Джоржъ!—вскричала Летти и глаза ея зажглись гнѣвомъ,—мы не можемъ приглашать ея! Я не думаю оскорблять ея, но ты вѣдь видишь, что ее избѣгаютъ въ обществѣ, ея костюмы такіе необыкновенные, и ея манеры просто невозможны Это очень дурно, что...

Она отвернулась и вдругъ зарыдала. Джоржъ поцѣловалъ ее и согласился съ нею; онъ самъ былъ постоянно неспокоенъ, когда мать сидѣла въ одной съ нимъ комнатѣ. Но отказъ Летти послать приглашеніе усилилъ взаимное неудовольствіе и сдѣлалъ его положеніе между двумя женщинами особенно непріятнымъ для человѣка, который мечталъ о своемъ домѣ, какъ о мѣстѣ отдыха и веселыхъ впечатлѣній.

Въ самый день отъѣзда ихъ въ Кэстль-Лютонъ дѣло между ними дошло до настоящей бурной сцены. Летти, утомленная вечеромъ, съ котораго вернулась домой очень поздно, завтракала въ постели, а около полудня Джоржъ, взойдя наверхъ, чтобы поговорить съ ней на счетъ какихъ-то подробностей путешествія, засталъ ее въ гостиной; она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, свѣтло-розовое платье ея волочилось по полу, а руки были заложены за спину. Она была очень блѣдна и тонкія губы ея были крѣпко сжаты.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Что случилось, дорогая?

— О, ничего,—отвѣчала Летти, стараясь говорить саркастически,—рѣшительно ничего, Я только узнала сейчасъ, какъ твоя мать отзывается обо мнѣ при своихъ друзьяхъ. Мнѣ должно быть

очень лестно, что она вообще занимается мною. Но, я думаю, мнѣ придется просить тебя устроить такъ, чтобы она отложила свой пріѣздъ въ Фёртъ. Онъ наврядъ ли будетъ пріятенъ ей или мнѣ.

Джоржъ сначала нетерпѣливо дергалъ усы, потомъ, по своему обыкновенію, постарался успокоить ее поцѣлуями. Главное, ему вовсе не хотѣлось знать, что сказала лэди Тресседи. Но Летти рѣшила, что онъ долженъ узнать это.

— Она говорила,—съ раздраженіемъ произнесла молодая женщина, схвативъ его за руку.—Она говорила вчера при цѣльной комнатѣ гостей, что я, конечно, хорошенькая, хорошенькая, но далеко не красавица, и что я держу себя, какъ провинціалка. Она очень жалѣла, что дорогой Джоржъ поторопился и не пожилъ прежде нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ. Но, конечно, приходится мириться съ фактомъ.

Летти подражала пѣвучему голосу свекрови, красныя пятна выступили на щекахъ ея и маленькіе пальчики ея сжимали руку Джоржа.

— Я не вѣрю, чтобы она это говорила. Кто тебѣ сказалъ?— нахмурясь, спросилъ Джоржъ и опустилъ руку, которою обнималъ ее.

Летти вскинула головку.

— Не все ли равно? Я знаю, а какъ я узнала, до этого тебѣ нѣтъ дѣла. Она это говорила.

— Нѣтъ, это не все равно!—быстро возразилъ Джоржъ и отошелъ на другую сторону комнаты.—Летти, если бы ты отказала этой Гріеръ, мы оба были бы гораздо счастливѣе.

Онъ посмотрѣлъ на нее полустрого, полунѣжно; этотъ взглядъ удивилъ ее, но вызвалъ въ ней и другое чувство.

Она остановилась передъ нимъ и сдѣлала большіе глаза.

— Ты хочешь, чтобы я отослала Гріеръ,—сказала она,—мою любимую горничную? Изъ-за чего же это?

Джоржъ имѣлъ мужество настаивать и въ результатѣ послѣдовала непріятная сцена, ихъ первая настоящая ссора. Летти побѣжала наверхъ въ слезахъ и объявила, что никуда не поѣдетъ. *Онъ* можетъ ѣхать въ Кэстль-Лютонъ, если ему угодно; но она слишкомъ взволнована и разстроена, чтобы явиться въ домъ, гдѣ будетъ масса чужихъ.

Неизбѣжное примиреніе съ своими обычными спутниками, головной болью и одеколономъ, заняло порядочно времени, и они съ трудомъ успѣли собраться и поспѣть на поѣздъ.

Между тѣмъ, благодаря домашней бурѣ, вся прелесть предстоящаго удовольствія исчезла для Летти, а Джоржу ихъ поѣздка

представлялась чѣмъ-то крайне скучнымъ и утомительнымъ. Летти сидѣла въ своемъ углу блѣдная и молчаливая, сожалѣя, что не надѣла болѣе густой вуали, чтобы скрыть слѣды утреннихъ слезъ; Джоржъ перелистывалъ какую-то политическую брошюру и душу его все болѣе и болѣе охватывали мрачныя чувства.

— Вы самые ранніе мои гости,—говорила миссисъ Аллисонъ, подвигая Летти стулъ поближе къ себѣ на лугу въ Кестль-Лютонъ.—Впрочемъ, исключая лэди Максвель и ея мальчика; они гдѣ то гуляютъ. Но остальные знакомые всѣ пріѣдутъ позже. Я рада, что мы можемъ посидѣть спокойно, пока они не собрались.

— Лэди Максвель!—сказала Летти,—я и не воображала, что она пріѣдетъ. О какая чудная погода и какъ это все красиво!—вскричала она, садясь на стулъ и оглядываясь по сторонамъ. Румянецъ снова набѣжалъ на ея щеки. Она забыла свое рѣшеніе сидѣть съ опущенной вуалью и быстрымъ движеніемъ подняла ее.

Миссисъ Аллисонъ улыбнулась.

— У насъ всего красивѣе въ маѣ, воды въ рѣкѣ много, и лебеди особенно бѣлые. А, вонъ Эдгаръ уже нашелъ сэра Джоржа и знакомится съ нимъ.

Летти увидѣла на другой сторонѣ большого зеленаго луга блестящую полосу рѣки и стадо бѣлыхъ лебедей, около которыхъ стоялъ ея мужъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, бросавшимъ хлѣбъ лебедямъ; это, несомнѣнно, былъ лордъ Анкотъ, счастливый владѣлецъ всего этого великолѣпія. По лѣвую сторону отъ нихъ былъ перекинутъ черезъ рѣку каменный мостъ съ высокими, рѣзными перилами, а за рѣкою рисовались зеленые холмы и лѣса. Направо возвышалось величественное зданіе—старый домъ. Она начала восхищаться имъ очень шумно и восторженно, стараясь говорить умныя и ученыя вещи, а на самомъ дѣлѣ только повторяя чужія мнѣнія.

Хозяйка слушала ея похвалы съ кроткой улыбкой. Выраженіе кроткой грусти составляло особенность лица миссисъ Аллисонъ. Эта кроткая грусть окружала особенной атмосферой ея изящную голову съ серебристыми волосами, ея морщинистое лицо, ея маленькую фигурку, ея простое, черное платье, ея руки въ бѣлыхъ манжетахъ. Друзья называли это ореоломъ святости. Во всякомъ случаѣ, это было нѣчто оригинальное, что придавало ей оттѣнокъ чего-то неземного и внушало робкую почтительность даже самымъ смѣлымъ. Летти съ перваго знакомства почувствовала къ ней страхъ.

А между тѣмъ, она была необыкновенно проста и добродушна въ обращеніи. Въ отвѣтъ на восторги Летти, она заговорила о своей любви къ этому дому и стала указывать на разныя особенности его.

— Я постоянно разсказываю все это новымъ гостямъ,—сказала она, улыбаясь.—И я не настолько учена, чтобы давать какія-нибудь новыя объясненія. Но мнѣ не надоѣдаетъ повторять одно и то же множество разъ. Посмотрите, этотъ фронтонъ въ стилѣ Тюдоровъ, а южный на сто лѣтъ моложе.—говорятъ, что каждый изъ нихъ представляетъ образцовое произведеніе своего времени. Не удивительно ли, что два человѣка жили на разстояніи ста лѣтъ одинъ отъ другого и каждый оставилъ послѣ себя такую чудную вещь? Одинъ вдохновлялъ другого. А мы, мы бѣдные современные потомки ихъ, намъ остается только любить и охранять ихъ наслѣдіе. Жизнь въ такомъ красивомъ домѣ налагаетъ большую отвѣтственность. Не правда ли?

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать, я этого не испытала,— смѣясь, отвѣчала Летти.—Мы живемъ въ очень некрасивомъ домѣ.

Миссисъ Аллисонъ съ сочувствіемъ посмотрѣла на нее.

— Ну что же, и некрасивые дома имѣютъ свои характерныя особенности; иногда они бываютъ мило убраны внутри, или мы вспоминаемъ, что въ нихъ жили любимые нами люди. Это можетъ сдѣлать всякое мѣсто красивымъ домомъ. Вы, кажется, живете недалеко отъ Фёрта?

— Да, я боюсь, что вы найдете меня слишкомъ взыскательной, — проговорила Летти съ своей миленькой усмѣшкой, — но, право, въ томъ ужасномъ баракѣ, который называется нашимъ домомъ, не можетъ быть ничего красиваго. Это просто какая-то куча почернѣвшихъ кирпичей на верхушкѣ холма. А сосѣднія деревни отвратительны.

— Ахъ, да, я знаю эту углепромышленную мѣстность,—серьёзно отвѣчала миссисъ Аллисонъ,—и знаю тамошній народъ. Познакомились вы съ нимъ?

— Мы прожили тамъ только нашъ медовый мѣсяцъ. Джорджъ говоритъ, что съ будущаго мѣсяца во всей тамошней мѣстности начнется стачка. И теперь уже они ненавидятъ насъ, на улицѣ они смотрѣть на насъ не хотятъ. На Рождество мы не поѣдемъ къ нимъ.

Губы миссисъ Аллисонъ дрогнули и, не смотря на всю свою кротость, она окинула молодую критическимъ взглядомъ женщины, видавшей свѣтъ и хорошо знающей людей. Какое странно жосткое выраженіе лица у этой лэди Тресседи, не смотря на нѣжность

очертанія и цвѣта кожи, и что за удивительный костюмъ! Миссисъ Аллисонъ ничего не имѣла противъ красивыхъ платьевъ, но изысканность костюма Летти непріятно поражала ее. Сколько времени надобно было провести за придумываніемъ такого туалета!

Громко она сказала:

— Ахъ, стачка! Да, она, пожалуй, неизбѣжна. У Анкота есть земля гдѣ-то недалеко отъ вашей и намъ присылаютъ оттуда свѣдѣнія. Бѣдные люди! если бы гадкіе агитаторы не обманывали ихъ... но намъ нельзя говорить объ этомъ. Вонъ идетъ лэди Максвель.

И миссисъ Аллисонъ сдѣлала рукой знакъ высокой фигурѣ въ бѣломъ, которая только-что показалась на противоположномъ концѣ луга, рядомъ съ маленькимъ мальчикомъ.

— А лордъ Максвель тоже здѣсь?—спросила Летти.

— Онъ пріѣдетъ позже. Вамъ, можетъ быть, кажется страннымъ, что вы встрѣтили ихъ здѣсь въ нынѣшнее воскресенье, такъ какъ Фонтеной пріѣдетъ завтра, а генеральная битва начнется надняхъ. Но когда я узнала, что они свободны, и что Максвель не прочь пріѣхать, я очень обрадовалась. Въ сущности, въ Англіи враги въ политикѣ спокойно могутъ встрѣчаться другъ съ другомъ даже во время кризиса. Кромѣ того, Максвель нашъ родственникъ и былъ опекуномъ моего сына, очень, очень добрымъ опекуномъ. Оставляя въ сторонѣ политику, я питаю къ нему величайшее уваженіе. И къ ней также. Отчего это всегда такъ случается, что лучшіе люди на свѣтѣ дѣлаютъ всего больше вреда?

При упоминаніи имени лорда Фонтеноя Летти, въ свою очередь, бросила искоса проницательный взглядъ на миссисъ Аллисонъ. Но имя было сказано самымъ простымъ естественнымъ образомъ; а между тѣмъ, если бы разобрать тонъ голоса, можно бы услышать въ немъ нѣчто особенное, что, впрочемъ, зналъ или могъ знать весь свѣтъ.

— Лэди Максвель тоже ваша старая знакомая? — спросила Летти, которой очень хотѣлось продолжать разговоръ на эту тему и которой было непріятно, что мать и сынъ такъ быстро приближаются.

— Я съ ней познакомилась только послѣ ея свадьбы. Видѣть ее вмѣстѣ съ Максвелемъ настоящее наслажденіе. Жаль только, что она принимаетъ такое горячее участіе во всѣхъ его политическихъ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ! Ее ничѣмъ нельзя переубѣдить. Это второй Максвель въ юбкѣ. Мнѣ это не нравится. Максвель безъ красоты и безъ юбокъ одинъ можетъ вести борьбу·

Посмотрите на этого мальчугана съ его цвѣтами, какой оригинальный ребенокъ!

— Милая моя, какую вы сдѣлали большую прогулку!—заговорила она, возвышая голосъ.—Идите, садитесь сюда въ тѣнь и выпейте чашку чаю.

Вмѣсто отвѣта, Марчелла, смѣясь, подняла большущій пукъ аронника и ноготковъ, а маленькій Аллэнъ махалъ другимъ трофеемъ, почти такой же величины. Смуглое лицо матери раскраснѣлось отъ ходьбы и удовольствія. Когда она шла по травѣ, въ бѣломъ платьѣ, падавшемъ вокругъ нея длинными складками, съ цвѣтами въ рукахъ, съ ребенкомъ подлѣ нея, она казалась прекраснымъ видѣніемъ, прекраснымъ и сама по себѣ, и по тѣмъ чувствамъ, какія она возбуждала. Искренняя радость и сила, счастье, душевная чистота, казалось, приходили вмѣстѣ съ нею. Неясныя очертанія ихъ какъ будто носились въ воздухѣ, окружавшемъ ее.

Летти и миссисъ Аллисонъ не могли отвести отъ нея глазъ. Можетъ быть, она замѣтила это. Во всякомъ случаѣ, это нисколько не измѣнило ея вполнѣ свободной манеры держаться. Она ласково привѣтствовала Летти.

— Вы не ожидали встрѣтить меня здѣсь, лэди Тресседи, не правда ли? Но на свѣтѣ всегда все случается неожиданно.

Она положила руку па плечо миссисъ Аллисонъ и наклонилась своей стройной фигурой къ хозяйкѣ.

— Что за погода и что за мѣстность! Мы съ Аллэномъ бродили и по холмамъ, и по доламъ. Но онъ становится настоящимъ ботаникомъ, эта маленькая обезьяна! Онъ не можетъ простить мнѣ, что я забыла названіе одного цвѣтка, который мы видѣли вчера въ ботаническомъ атласѣ.

— Она говоритъ, что это горловикъ, а это неправда, это медунка, — сказалъ Аллэнъ строго, протягивая стебелекъ съ цвѣткомъ.

Миссисъ Аллисонъ покачала головой и постаралась придать лицу своему серьезное выраженіе.

— Мама должна прилежнѣе учиться, не правда ли? Иди, мальчикъ, поздоровайся съ лэди Тресседи.

Аллэнъ подошелъ и серьезно протянулъ руку Летти. Потомъ онъ сталъ на одной ногѣ и началъ внимательно разсматривать ее.

— Развѣ вы ѣдете въ гости?—спросилъ онъ вдругъ, указывая грязнымъ пальчикомъ на ея платье.

— Аллэнъ, иди сюда, пей чай! — поспѣшила вмѣшаться его мать. Затѣмъ она обратилась къ Летти съ той улыбкой, которою пріобрѣла не мало сторонниковъ Максвелю.

— Какъ это ни прискорбно, но я должна сказать, что у него отвращеніе ко всякой сколько-нибудь нарядной одеждѣ. Онъ не соглашался идти со мною за рѣку, пока я не сняла свою кружевную мантилью и не спрятала въ кустахъ. И онъ дружится со мной только, когда мы оба въ нашихъ затрапезныхъ, домашнихъ костюмахъ.

— О, дѣти обыкновенно чувствуютъ себя вполнѣ счастливыми, только когда они грязны,—любезно замѣтила Летти, которой было очень пріятно, что ея собесѣдницы такъ безцеремонно дружелюбно обращаются съ нею.—Какіе у него красивые цвѣты и какой онъ удивительный маленькій ботаникъ!

Она сѣла подлѣ Аллэна и пустила въ ходъ все свое искусство, чтобы подружиться съ нимъ, но это оказалось дѣломъ не легкимъ; когда она стала хвалить его цвѣты, Аллэнъ отвѣтилъ ей съ полнымъ ртомъ: «О, маминъ букетъ гораздо больше»; когда она предложила ему кусочекъ кэка, мальчикъ оттолкнулъ кэкъ и держалъ ея руку подальше отъ себя, пока на нѣмой вопросъ, обращенный черезъ столъ, мать не дала ему знакомъ позволеніе взять печеніе; наконецъ, когда она захотѣла, чтобы онъ блеснулъ своими познаніями, и стала спрашивать у него названія каждаго цвѣтка въ букетѣ, Аллэнъ вдругъ прервалъ ее страннымъ вопросомъ, произнесеннымъ настолько ясно, насколько позволялъ ему хлѣбъ во рту.

— Скажите, знаете вы, кто былъ Биль Стикерсъ?

— Кто былъ Биль Стикерсъ?—повторила Летти,—я не понимаю, о чемъ ты спрашиваешь, милый мальчикъ.

Даже мать его не могла объяснить, въ чемъ дѣло. Но Аллэнъ, продолжая глядѣть прямо въ глаза Летти и проглотивъ наскоро кусочекъ кэка, чтобы свободнѣе ворочать языкомъ, повторилъ свой вопросъ:

— Знаете вы, кто былъ Биль Стикерсъ? И отчего его всегда пре... преслѣдуютъ?

Онъ съ торжествующимъ видомъ проговорилъ длинное слово. Марчелла весело разсмѣялась и объяснила, что, когда они утромъ ѣхали по Лондону, Аллэнъ все время смотрѣлъ изъ окна кареты и читалъ афиши и разныя уличныя объявленія. Вѣроятно, имя Биля Стикерса, которому грозили всевозможныя бѣдствія, такъ сильно поразило его воображеніе, что онъ въ ту минуту не могъ говорить о немъ. Но онъ все время раздумывалъ о немъ, пока, наконецъ, не разразился, наскучивъ вопросами чужой лэди въ нарядномъ платьѣ.

Летти нашла, что это странный, дурно воспитанный ребенокъ, и перестала ухаживать за нимъ къ великому удовольствію Аллэна.

Онъ подвигался все ближе и ближе къ матери, сѣлъ, наконецъ, совсѣмъ подлѣ нея и сталъ спокойно поѣдать всѣ вкусныя вещи, которыя ему подставляла миссисъ Аллисонъ.

— Какъ они долго не ѣдутъ!—проговорила Марчелла, смотря на часы.—Скажите мнѣ, кто будетъ, моя дорогая,—попросила она ласково, положивъ руку на колѣни миссисъ Аллисонъ.—Вы всегда съ такимъ искусствомъ подбираете гостей.

Миссисъ Аллисонъ слегка покраснѣла, какъ будто польщенная комплиментомъ, и начала, смѣясь, перечислять гостей.

— Лордъ и лэди Максвель.

— Ахъ, вскричала Марчелла, объ этихъ чѣмъ меньше говорить, тѣмъ лучше. Дальше!

— Лордъ и лэди Казедайнъ.

Марчелла сдѣлала гримасу.

— Бѣдная женщина! Когда я на нее смотрю, мнѣ постоянно вспоминаются слова, которыя говорятъ о королевѣ въ пьесѣ «Алиса въ странѣ чудесъ»: «Приласкать ее немножко, да завить ей волосы, это будетъ очень полезно для нея». Она такъ хромаетъ, такая худенькая и грустная. А онъ? Нѣтъ ли здѣсь по близости конскихъ скачекъ или борьбы на призъ, куда мы могли бы послать его?—Миссисъ Аллисонъ ударила ее слегка по губамъ.

— Я не стану больше говорить, если вы будете дурно относиться къ моимъ гостямъ.

Марчелла поцѣловала нѣжную ручку.

— Я буду умница. Отчего это вы глядите такъ важно? Даже страшно становится!

Летти Тресседи была крайне удивлена. Эти веселыя, ребяческія манеры вовсе не согласовались съ ея представленіемъ о лэди Максвель. Она не знала, что миссисъ Аллисонъ была одна изъ немногихъ особъ, при которыхъ Марчелла держала себя такимъ образомъ.

— Сэръ Филиппъ Уентвортъ,—продолжала миссисъ Аллисонъ, улыбаясь.—Попробуйте-ка сказать что-нибудь дурное о немъ, если можете.

— Не заставляйте меня. Какъ хорошо, что я привезла томъ его «Очерковъ Индіи». Я встану завтра пораньше и прочту ихъ до обѣда.

— Потомъ будетъ Маделена Пенлей и Елизабета Кентъ.

Какое-то невольное движеніе пробѣжало по лицу Марчеллы. Затѣмъ она выпрямилась съ достоинствомъ и чинно сложила руки на колѣняхъ.

— Позвольте. Намѣрены ли вы на этотъ разъ защищать меня

отъ лэди Кентъ. Въ прошлый разъ вы самымъ вѣроломнымъ образомъ оставили меня на жертву волкамъ.

Миссисъ Аллисонъ засмѣялась.

— Напротивъ, мы всѣ съ большимъ удовольствіемъ присутствовали при вашей стычкѣ съ нею въ ноябрѣ, и мы всячески постараемся вызвать новую стычку въ маѣ.

Марчелла покачала головой.

— У меня нѣтъ охоты воевать съ мухами. Что касается Альдуса, пожалуйста, предупредите его даму за обѣдомъ, что онъ можетъ заснуть у нея на плечѣ.

— Эхъ вы несчастные!—миссисъ Аллисонъ съ состраданіемъ протянула ей руку.—Вы такъ устаете? И зачѣмъ вамъ понадобилось перевернуть весь свѣтъ вверхъ дномъ?

Марчелла взяла ея руку въ обѣ свои.

— А зачѣмъ вы боретесь противъ реформы?

Глаза обѣихъ женщинъ встрѣтились съ внезапной вспышкой серьезнаго чувства. Затѣмъ Марчелла опустила руку и сказала, улыбаясь:

— Вы не всѣхъ гостей назвали. Кто еще будетъ?

— О, молодежъ—Чарли Нэзби.

— Милый юноша, очень милый, совсѣмъ не такой фатъ, какимъ кажется. Потомъ будутъ Ливены, я знаю, что они будутъ. Бетти говорила мнѣ, что отказалась отъ двухъ другихъ приглашеній, какъ только получила ваше.

— Ну, потомъ еще мистеръ Уаттонъ, Гардингъ Уаттонъ,— сказала миссъ Аллисонъ, слегка обращаясь въ сторону лэди Тресседи.

Восклицаніе, готовое сорваться съ губъ лэди Максвель, замерло при видѣ нѣкотораго смущенія на лицѣ хозяйки, а Летти тотчасъ же вмѣшалась въ разговоръ.

— Гардингъ пріѣхалъ, мой двоюродный братъ? Какъ я рада! Можетъ быть, мнѣ не слѣдуетъ говорить этого, но онъ такой умный, такой пріятный человѣкъ. Вѣдь вы, кажется, знакомы съ Уаттонами, лэди Максвель?

Марчелла была занята наливаньемъ чая Аллэну.

— Я знаю Эдварда Уаттона,—сказала она, обращая на Летти свои прекрасные, ясные глаза.—Онъ мой искренній другъ.

— О, но Гардингъ гораздо умнѣе,—сказала Летти. И, радуясь, съ одной стороны, тому, что клубокъ разговора попалъ въ ея руки, съ другой — тому, что можетъ хвалить своего родственника передъ этими людьи, стоявшими выше ея на общественной лѣстницѣ, она начала восторженную рѣчь—всю изъ восклицаній и при-

лагательныхъ въ превосходной степени—для описанія и преимуществъ Гардинга Уаттона.

Лэди Максвель молча слушала ее.

— Какъ безтактна!—подумала миссисъ Аллисонъ съ неудовольствіемъ; но она не знала, какъ остановить этотъ потокъ словъ. Она давно дала позволеніе лорду Фонтеною пригласить Гардинга Уаттона и забыла объ этомъ, а теперь ей было непріятно думать, что онъ встрѣтится въ ея домѣ съ Максвелями: Уаттонъ, по порученію лорда Фонтеноя, только-что написалъ въ газетахъ статью противъ билля и лично противъ Масквеля,—статью, которую даже миссисъ Аллисонъ нашла слишкомъ рѣзкою и несправедливою. Лэди Тресседи должна бы это знать и не болтать такъ неумѣстно. Она хотѣла вмѣшаться, но Марчелла подняла руку.

— Экипажи подъѣзжаютъ!

Хозяйка поспѣшила къ дому, и Марчелла послѣдовала за ней вмѣстѣ съ Аллэномъ. Летти слѣдила глазами за лэди Максвель съ тѣмъ чувствомъ смѣшаннаго восхищенія и зависти, какое она испытывала много разъ и прежде.

— Я не думаю, чтобы мнѣ удалось сойтись съ ней,—сказала она себѣ съ неудовольствіемъ.—Да я и не нуждаюсь въ этомъ. Джоржъ сразу оцѣнитъ ее по достоинству.

Одна часть этой мысли была не правдива. Честолюбіе Летти было бы сильно польщено, если бы ей удалось «сойтись» съ Марчеллой Максвель.

Только-что Летти одѣлась къ обѣду и Гріеръ вышла отъ нея, какъ Джоржъ вошелъ въ комнату жены. Она стояла передъ большимъ зеркаломъ, давая окончательную отдѣлку своему туалету, расправляя въ одномъ мѣстѣ, подкалывая въ другомъ и вертясь во всѣ стороны. Она не замѣтила Джоржа, а онъ стоялъ и наблюдалъ за ней, за ея взглядами, выражавшими то тревогу, то удовольствіе, за ея граціозными движеніями, за блестящими складками подвѣнечнаго платья, въ которое она нарядилась.

Онъ не чувствовалъ себя ни веселымъ, ни счастливымъ. Но онъ пришелъ къ убѣжденію, что долженъ сдѣлать усиліе, нѣсколько усилій, чтобы вернуть свою супружескую жизнь къ тому уровню покоя и пріятности, который въ прежнее время казался ему легко достижимымъ и который теперь было такъ трудно поддерживать. Если этотъ покой, эта пріятность окончательно исчезнутъ, что онъ станетъ дѣлать? Онъ съ досадой отгонялъ отъ себя эту мысль. Онъ часто слыхалъ, что первый годъ супружеской жизни бываетъ самымъ труднымъ. Такъ оно и должно быть.

Двѣ личности не могутъ слиться въ одну безъ броженія, безъ развитія жара. Онъ непремѣнно долженъ сдѣлать усиліе.

Онъ подошелъ къ ней и обнялъ ее.

— Ой, Джоржъ, мои волосы! мои цвѣты!

— Не думай о нихъ, — сказалъ онъ почти грубо. — Положи сюда голову. Скажи, что тебѣ противно вспомнить о сегодняшнемъ днѣ, какъ и мнѣ противно! Скажи, что въ другой разъ ничего подобнаго не случится! Обѣщай мнѣ.

Она чувствовала, какъ билось его сердце подъ ея щекой: но она стояла молча. Его просьба, его необычное волненіе снова оживили досаду и раздраженіе, которыя свили гнѣздо въ ея душѣ.

Ему хорошо говорить, но почему же имъ приходится жить такъ скромно, такъ небогато. Почему всѣ, миссисъ Аллисонъ, лэди Максвель и сотни другихъ пользуются гораздо большими средствами, большой свободой, большимъ уваженіемъ, чѣмъ она? Въ этомъ отчасти онъ виноватъ.

Она понемногу освободилась отъ него и тихонько оттолкнула его своей маленькой ручкой въ перчаткѣ.

— Я, конечно, и сама ненавижу ссоры, — сказала она. — Но знаешь, Джоржъ, не будемъ больше говорить объ этомъ! И посмотри, что ты сдѣлалъ съ моими бѣдными волосами! Ахъ ты милый, гадкій мальчикъ!

Но хотя она назвала его милымъ, она нахмурилась, снимая перчатки, чтобы поправить свою прическу.

Джоржъ засунулъ руки въ карманы, подошелъ къ окну и ждалъ. Сходя по большой лѣстницѣ сзади нея, онъ мысленно посылалъ къ чорту Кэстль-Лютонъ и всѣхъ его гостей. Въ эти загородные дома люди собираются только, чтобы ломаться и гримасничать. Удивительно пріятно смотрѣть на нихъ! А еще Летти говорила, что Максвели здѣсь. Какое стѣсненіе для всѣхъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗВИТІЕ ПРОФЕССІЙ.

Перев. съ англійскаго Т. К—ль.

*(Продолженіе *).*

IV. Ораторы и поэты, актеры и драматурги.

Вещи, которыя разъединяются по мѣрѣ эволюціи, были, само собою разумѣется, вначалѣ слиты: это обусловливается самымъ процессомъ эволюціи. Мы уже видѣли, какъ торжественныя встрѣчи побѣдителей, вначалѣ не преднамѣренныя и грубыя, превратились съ теченіемъ времени въ установленныя церемоніи, вылившіяся въ опредѣленныя формы и носившія въ себѣ зародыши различныхъ искусствъ и профессій. Вмѣстѣ съ возникновеніемъ танцевъ и музыки, описаннымъ нами выше, возникли также поэзія и драма, ораторское и театральное искусство; здѣсь мы, ради удобства, будемъ разсматривать ихъ отдѣльно. Всѣ эти проявленія чувства, сначала неясныя и смутныя, послѣ многократнаго повторенія упорядочиваются и становятся спеціальностью тѣхъ или другихъ людей.

Вмѣстѣ съ криками восторга при встрѣчѣ Давида и Саула, изъ многихъ устъ вырывалось прославленье ихъ великихъ дѣяній. Маріамъ также прославляла побѣду Іеговы надъ египтянами. Такія прославленія, сперва простыя и краткія, превратились постепенно въ длинныя похвальныя рѣчи, а произнесеніе этихъ рѣчей положило начало ораторскому искусству. Нѣкоторые изъ ораторовъ говорили случайно болѣе плавно и прочувствованно, употребляли въ рѣчахъ художественные образы и обороты, прибѣгали даже къ ритмической рѣчи, изъ нихъ развились поэты. Хвалебныя рѣчи были, сравнительно, просты въ присутствіи живого предводителя; позднѣе, въ предполагаемомъ присутствіи обожествленнаго вождя, они становились болѣе выработанными и сопровождались иногда мимическимъ воспроизведеніемъ его подвиговъ.

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1896 г.

Дѣти, вообще склонныя воспроизводить поступки взрослыхъ, часто играютъ роль человѣка, о которомъ слышали или читали, и подражаютъ его дѣйствіямъ преимущественно разрушительнаго характера; очевидно, что въ тѣ времена, когда чувства были менѣе сдержаны, чѣмъ теперь, взрослые изображали точно также подвиги героевъ, которыхъ они прославляли. Ораторъ или поэтъ присоединялъ къ своей рѣчи или пѣснѣ соотвѣтствующія дѣйствія, или же они производились одновременно кѣмъ-нибудь другимъ. Затѣмъ, когда при дальнѣйшемъ развитіи появились изображенія болѣе сложныхъ событій, побѣдъ героя и его сотоварищей надъ врагами, тогда главный актеръ, который руководилъ дѣйствіями остальныхъ, сдѣлался драматургомъ. Отъ этого бѣглаго очерка зарожденія театра,—очерка отчасти гипотетичнаго, хотя основаннаго на установленныхъ фактахъ, перейдемъ къ примѣрамъ изъ жизни нецивилизованныхъ и полуцивилизованныхъ народовъ.

Если мы обратимъ вниманіе на обычаи тѣхъ народовъ, у которыхъ занятіе музыкой еще мало развито, мы найдемъ тамъ оффиціальныя восхваленія въ ихъ простѣйшей формѣ, въ формѣ ораторскихъ рѣчей. Эрскинъ говоритъ, что «племя фиджійцевъ имѣетъ своихъ ораторовъ, которые произносятъ рѣчи при торжественныхъ церемоніяхъ или помогаютъ жрецу и военачальнику возбуждать народное мужество передъ битвой». Для возбужденія мужества они обыкновенно восхваляютъ прошлые подвиги вождя и утверждаютъ, что храбрость его проявится и въ будущемъ. То же самое имѣетъ мѣсто и въ Новой Каледоніи. «На Таннѣ въ каждой деревнѣ есть свой ораторъ. Въ народныхъ собраніяхъ эти ораторы поютъ свои рѣчи, прохаживаясь по направленію отъ окружности мара (площади) къ центру и сопровождая иногда свои слова размахиваньемъ палки (драматическій аккомпаниментъ)».

У таитянъ, если вѣрить Элису, мы встрѣчаемся съ подобными же явленіями. Онъ говоритъ объ ихъ «ораторахъ войнъ». Главной обязанностью этихъ ораторовъ было воодушевлять войско разсказами о подвигахъ ихъ предковъ, о славѣ ихъ племени или ихъ острова, о военной доблести ихъ любимыхъ боговъ и т. п.

Негритянская раса обладаетъ въ общемъ большими музыкальными дарованіями. У нихъ, какъ мы видѣли, похвальныя рѣчи облекаются въ музыкальную форму и при этомъ неизбѣжно становятся ритмическими. Хотя произносимыя рѣчи обыкновенно лишены правильнаго размѣра, но рѣчи, соединенныя съ музыкой, предполагаютъ извѣстный темпъ и, благодаря этому, извѣстную правильность. У марутсовъ воспѣвали хвалу королю подъ глухой

аккомпанимент музыкальныхъ инструментовъ; изъ этого мы заключаемъ, что, такъ какъ ихъ музыка должна была обладать извѣстнымъ ритмомъ, то тому же ритму не могли не подчиняться и ихъ слова. Точно также у племени монбуттовъ пѣвцы балладъ, на обязанности которыхъ лежало прославленіе короля, должны были часто облекать свои похвальныя слова въ стихотворную форму. «Труппа бардовъ, или лауреатовъ», при дворѣ дагомейскаго короля должна была облекать въ ритмическую форму свои хвалебныя пѣсни, чтобы ихъ можно было пѣть хоромъ. Точно также у племени ашантіевъ и у мандингосовъ хвалебные крики, которыми привѣтствовали вождей, принявъ форму пѣсенъ, должны были приблизиться къ ритмической рѣчи. У другихъ нецивилизованныхъ народовъ мы находимъ оффиціальныхъ ораторовъ и поэтовъ, облекающихъ свои похвальныя слова въ музыкальную, а слѣдовательно, и ритмическую форму. Аткинсонъ говоритъ: «Султанъ приказалъ своему поэту спѣть намъ что-нибудь. Тотъ повиновался и сталъ пѣть пѣсни, въ которыхъ описывалась доблесть моего хозяина и его предковъ и ихъ многочисленные военные подвиги; эти пѣсни вызывали шумныя одобренія всего племени».

Среди этихъ африканскихъ народовъ, также какъ и у названныхъ выше кочевыхъ народовъ Азіи, на ряду съ восхваленіями живого предводителя, простыми или облеченными въ музыкальную, ритмическую форму, мы рѣдко, почти никогда не встрѣчаемъ воспѣваній обожествленнаго предводителя, воспѣваній, которыя могли бы составить спеціальность не придворныхъ, а жрецовъ. Почему это? Повидимому это обусловливается двумя причинами, одна изъ которыхъ, вѣроятно, первоначальная, другая—вторичная Мы видѣли, что у негритянской расы вообще идеи о загробной жизни или не существуютъ, или не развиты. По ихъ представленію, двойникъ (душа) умершаго не долго продолжаетъ существовать; когда его перестаютъ видѣть во снѣ, предполагается, что онъ исчезъ окончательно. Ясно, что умилостивительныя жертвы его душѣ не могли развиться въ культъ, какъ это было тамъ, гдѣ существовала идея о безсмертіи. Быть можетъ, по этой же причинѣ африканскія государства были не долговѣчны. Замѣчено, что отъ времени до времени у нихъ появляется могущественный предводитель, который покоряетъ и соединяетъ сосѣднія племена и создаетъ такимъ образомъ государство; но черезъ одно или два поколѣнія оно вновь распадается. Мы видѣли, какъ представленіе о сверхъестественномъ могуществѣ умершихъ предводителей сильно содѣйствовало упроченію власти; поэтому, намъ не должно казаться невѣроятнымъ, что отсутствіе

этой вѣры въ безсмертнаго бога, а слѣдовательно, и отсутствіе установленнаго культа, есть главная причина временнаго характера африканскихъ монархій.

Это предположеніе согласуется съ фактами, которые доставляютъ намъ древнія цивилизованныя государства, въ которыхъ рядомъ съ чествованіемъ живыхъ государей существовало болѣе выработанное чествованіе умершихъ, обожествленныхъ государей.

Египетъ даетъ намъ образцы поэтическаго воспѣванія и тѣхъ, и другихъ. Въ началѣ похвальнаго слова Сети I, написано: «Жрецы, нѣкоторые могущественные и знатные люди Южнаго и Сѣвернаго Египта прибыли, чтобы чествовать божественнаго благотворителя при его возвращеніи изъ страны рутеновъ». Потомъ слѣдуетъ пѣсня «въ честь короля и во славу его имени».

Рамзесъ II также прославляется въ «героической поэмѣ жреца Пентаура». При восемнадцатой династіи обѣ эти функціи соединяются. «Одинъ неизвѣстный поэтъ, изъ числа святыхъ братьевъ, почувствовалъ вдохновеніе воспѣвать въ размѣренныхъ словахъ славу короля (Тутмеса III) и силу и величіе бога Амона». А рядомъ мы видимъ вполнѣ жреческія дѣйствія, которыя совершаетъ свѣтскій человѣкъ, носящій званіе «пророка пирамиды Фараона». На обязанности этого должностного лица лежало воспѣваніе памяти умершаго государя и сохраненіе его богоподобнаго образа, на вѣчную память о немъ.

Еще лучшіе и болѣе многочисленные примѣры находимъ мы въ древнѣйшей исторіи Греціи. Появляющійся впервые поэтъ, воспѣвающій славу божества, носитъ духовный характеръ, вначалѣ онъ даже является оффиціальнымъ жрецомъ. Муиръ пишетъ о грекахъ первобытныхъ временъ: «Въ ихъ преданіяхъ мы видимъ обыкновенно нераздѣльно слитыми — поэта, музыканта, жреца, пророка и мудреца», и онъ прибавляетъ: «миѳическій поэтъ Оленъ упоминается, какъ самый ранній и самый знаменитый жрецъ и поэтъ дагосскаго Аполлона... Бео, извѣстная жрица этого храма (Дельфійскаго) называетъ его не только самымъ первымъ изъ пророковъ Аполлона, но и изъ всѣхъ вообще поэтовъ». Магафи сообщаетъ намъ, что «поэмы, приписываемыя этимъ людямъ (поэтамъ, жившимъ до Гомера), всѣ строго религіозны». «Гекзаметры приписывались обыкновенно дельфійскимъ жрецамъ, которые утверждали, что создали и употребляли этотъ размѣръ въ прорицаніяхъ. Другими словами, онъ употреблялся ранѣе въ религіозныхъ поэмахъ... Нѣтъ сомнѣнія, что жрецы сочиняли такія произведенія (длинныя поэмы), чтобы повѣствовать о качествахъ и о похожденіяхъ боговъ. Такія эпическія поэмы носили вна-

чалѣ чисто религіозный характеръ. Гомеръ и Гезіодъ представляютъ заключеніе продолжительной эпохи».

По мѣрѣ дифференціаціи свѣтская поэзія отдѣлилась отъ религіозныхъ поэмъ; на это указываетъ замѣчаніе Магафи, что во времена Гомера «войны, приключенія и страсти людей болѣе всего интересовали поэтовъ». Поэмы, носившія отчасти свѣтскій характеръ, сдѣлались окончательно свѣтскими въ то время, когда онѣ все болѣе отдѣлялись отъ музыки. Гимнъ первобытныхъ жрецовъ-поэтовъ произносился подъ аккомпаниментъ четырехструнной лиры болѣе нараспѣвъ, чѣмъ обыкновенная рѣчь; это было не пѣніе, какъ мы его понимаемъ, а скорѣе речитативъ, и, по мнѣнію д-ра Монро, неопредѣленный речитативъ, который то напоминалъ произнесеніе литургіи англійскими священниками, то, подъ вліяніемъ религіознаго экстаза *), переходилъ въ восторженную декламацію. Но съ теченіемъ времени это полумузыкальное исполненіе гекзаметровъ было усвоено классомъ свѣтскихъ пѣвцовъ - рапсодовъ. Тѣ, которые во дворцахъ и «на народныхъ празднествахъ въ греческихъ городахъ произносили пѣсни (Гомера)» и сами сочиняли прологи и эпилоги, посвященные тѣмъ божествамъ, въ честь которыхъ давался праздникъ, были такимъ образомъ сами поэтами и отличались отъ поэтовъ болѣе ранней эпохи тѣмъ, что не пѣли своихъ рѣчей.

«Тогда какъ послѣдніе подъ аккомпаниментъ своей лиры пѣлъ исключительно или главнымъ образомъ свои собственныя произведенія, рапсодъ съ лавровой вѣтвью или жезломъ—знакъ его званія—произноситъ безъ всякаго музыкальнаго аккомпанимента чужія поэмы» (иногда, какъ я говорилъ выше, и свои собственныя).

Такъ возникъ самъ собой классъ свѣтскихъ поэтовъ и поэзія отдѣлилась отъ пѣнія.

Подобное же начало находимъ мы и у римлянъ. Хотя слѣдствія были различны, но происхожденіе одинаково. Гриммъ говоритъ: «Поэмы близко граничатъ съ прорицаніями, римскіе жрецы были одновременно и пѣвцами, и прорицателями; пророчества входили въ кругъ постоянныхъ обязанностей жрецовъ». Этому не противорѣчитъ утвержденіе, что «римская религія состояла изъ обрядовъ, исполняемыхъ жрецами, а не народомъ, и ихъ поэмы были, по большей части, просто изрѣченія въ стихо-

---

*) Въ своемъ извѣстномъ произведеніи «Виды древней греческой музыки», онъ говоритъ: «многія свидѣтельства дѣлаютъ вѣроятнымъ тотъ фактъ, что пѣніе и произнесеніе рѣчей не такъ далеко отстояли другъ отъ друга въ Греціи, какъ въ новѣйшее время».

творной формѣ, не многимъ отличавшіяся отъ полудикихъ моленій салическихъ жрецовъ и Арвелійскаго братства».

Наиболѣе сложныя формы религіозныхъ церемоній проникли, повидимому, въ Римъ изъ покоренныхъ областей—священныя игры изъ Этруріи, остальные обряды изъ Греціи.

Такъ какъ римляне были завоевателями, то искусство и поэзія, приносимыя плѣнниками, въ теченіе долгаго времени не обращали на себя вниманія побѣдителей. Преподаватели этихъ искусствъ, получили свое званіе безъ благословенія боговъ, на нихъ смотрѣли съ презрѣніемъ и функціи ихъ пріобрѣли вполнѣ свѣтскій характеръ.

Такъ, Моммсенъ пишетъ: «Поэтъ, или какъ его называли въ то время,—«риторъ», актеръ и композиторъ, не только принадлежали, какъ и прежде, къ презираемому классу наемниковъ, но, какъ и прежде, занимали самое послѣднее мѣсто въ общественномъ мнѣніи и подвергались притѣсненіямъ администраціи». По тому же поводу въ послѣдней главѣ онъ говоритъ слѣдующее: «Никто изъ лицъ, являвшихся въ это время передъ народомъ въ качествѣ поэтовъ, не былъ, какъ мы уже говорили, благороднаго происхожденія, мало того—никто не былъ уроженцемъ Лаціума».

Трудно привести болѣе яркіе примѣры дифференціаціи поэта и жреца тамъ, гдѣ мы имѣемъ не одно постоянно развивающееся общество, а цѣлую совокупность обществъ, и общество побѣдителей, которые съ самаго начала воспринимаютъ чуждые нравы и идеи остальныхъ и сливаютъ ихъ съ своими собственными.

Обращаясь отъ древнѣйшей исторіи Южной Европы къ Сѣверной, мы встрѣчаемъ въ Скандинавіи примѣры такой же связи между первобытнымъ поэтомъ и лѣкаремъ. Разсказывая о «гадателяхъ — мужчинахъ или женщинахъ, — носившихъ почетное названіе пророковъ и имѣвшихъ, по ихъ мнѣнію, власть заставлять «души умершихъ открывать будущее», Маллетъ говоритъ, что «для такой же нелѣпой цѣли употреблялись часто и стихи: считалось, что скальды или барды могутъ достичь этого силою нѣкоторыхъ пѣсенъ, которыя они успѣли сочинить».

Эти поэты и музыканты древнихъ сѣверныхъ народовъ вызывали души умершихъ стихами, въ которыхъ, конечно, заключались восхваленія ихъ, и въ то же время «на нихъ смотрѣли, какъ на необходимую принадлежность королевскаго званія, даже и второстепенные начальники имѣли своихъ поэтовъ». У кельтовъ также были люди, исполнявшіе, повидимому, такія же обязанности, какъ греческіе жрецы-поэты. Пелутье, основывающій свои мнѣнія на показаніяхъ Страбона, Лукана и др., говоритъ: «Барды, рас-

пѣвавшіе гимны, были поэты и музыканты; они сочиняли слова и напѣвъ гимна».

Употребленіе слова «гимнъ» указываетъ, повидимому, что эти пѣсни имѣли отчасти священный характеръ. Связь между поэтомъ и жрецомъ продолжала существовать или была вновь возстановлена, когда язычество смѣнилось христіанствомъ, это обстоятельство доказывается убѣдительными примѣрами. Такъ, Миллсъ говоритъ: «Каждая страница древней исторіи Европы потверждаетъ духовное значеніе менестреля», его одежда «напоминала священническое одѣяніе». Форіэль утверждаетъ, что «почти всѣ знаменитые трубадуры кончали жизнь въ монастыряхъ, въ монашескомъ облаченіи». Впрочемъ, не лишено вѣроятія и то предположеніе, что, послѣ побѣды христіанства надъ язычествомъ, языческій жрецъ-поэтъ, который прежде восхвалялъ и живого, и умершаго вождя, мало-по-малу отказался отъ этой послѣдней задачи и превратился окончательно въ придворнаго поэта-лауреата. Мы читаемъ, что «поэтъ или бардъ состоялъ на службѣ при дворѣ Вильгельма Завоевателя». «Поэтъ долженъ былъ, повидимому, непремѣнно находиться въ свитѣ короля, когда тотъ отправлялся на войну».

И до нашихъ дней подобные оффиціальные лауреаты еще продолжаютъ существовать, или, лучше сказать, еще не умерли.

Въ то время, какъ поэтъ, восхвалявшій живого вождя превратился въ придворнаго поэта, поэтъ, воспѣвавшій умершаго вождя,— т. е. божество, какъ мѣстное, такъ равно и чужеземное—превратился въ жреца; и въ этой должности восхвалялъ его иногда, какъ поэтъ, иногда, какъ ораторъ. Съ самой ранней, извѣстной намъ эпохи, христіанство въ своихъ религіозныхъ церемоніяхъ воспѣвало преимущественно тѣ или другія свойства божества—его гнѣвъ и мстительность, или его милосердіе, любовь и всепрощеніе, и постоянно восторженно преклонялось передъ его всемогуществомъ; различныя выраженія славословія, призываніе и молитвы облекались частью въ прозаическую, частью въ стихотворную форму. Все происходящее во время богослуженія имѣетъ содержаніемъ ту или другую часть божественной исторіи, и всѣ идеи и чувства выражаются въ полуритмической формѣ литургіи, въ гимнахъ и рѣчахъ, которыя мы называемъ проповѣдями и которыя всѣ имѣютъ болѣе или менѣе характеръ похвальныхъ словъ. Христіанскій священникъ долженъ, собственно говоря, повторять уже сочиненныя и установленныя славословія, но онъ иногда являлся и сочинителемъ рѣчей и поэмъ. Ограничиваясь Англіей и не говоря о древнихъ бардахъ въ родѣ Талисина и Мерлина, вос-

пѣвавшихъ въ своихъ пѣсняхъ живыхъ и умершихъ языческихъ героевъ, мы укажемъ на перваго поэта христіанства — Цедмона, язычника крещенаго и проживавшаго въ монастырѣ, который, во славу Бога, изложилъ въ стихотворной формѣ исторію сотворенія міра и нѣкоторыя другія священныя исторіи. Слѣдующій по времени поэтъ Альгельмъ былъ монахомъ. Клирикъ Бидъ, извѣстный больше другими своими произведеніями былъ тоже поэтъ, епископъ Ценевульфъ равнымъ образомъ. Въ теченіе долгаго времени всѣ лица, извѣстныя какъ писатели стиховъ, были духовнаго званія. Генрихъ Гонтингдонъ былъ пріоромъ, Геральдъ Камбрензисъ—архидіакономъ. Лэймонъ и Николай Гулльдфордъ священниками. Не ранѣе правленія Эдуарда III находимъ мы упоминаніе о свѣтскомъ поэтѣ Минотѣ; позднѣе явился первый настоящій поэтъ Англіи—Чаусеръ. Онъ былъ придворнымъ поэтомъ и посвятилъ себя исключительно свѣтской поэзіи. Послѣ этого дифференціація между свѣтскими и духовными стихотворцами сдѣлалась болѣе замѣтной, но, хотя содержаніе поэмъ пріобрѣло болѣе свѣтскій характеръ, какъ у Лэнгланда и Барбаура, связь съ духовенствомъ все-таки сказывалась. Лидгадъ былъ священникъ, ораторъ и поэтъ; Окклевъ — поэтъ и чиновникъ; Вильямъ Массингтонъ—юристъ и поэтъ; Юліана Бернерсъ—настоятельница монастыря и свѣтская поэтесса. Генрисонъ школьный учитель и поэтъ; Скельтонъ—священникъ и поэтъ-лауреатъ; Докбаръ, пріоръ и свѣтскій поэтъ; Дугласъ—ректоръ и придворный поэтъ; Барклей—священникъ и поэтъ; Гаесъ—священникъ и поэтъ; и такъ далѣе. Слѣдуетъ прибавить, что на обязанности духовныхъ лицъ лежало сочиненіе хвалебныхъ гимновъ; гимны писались или посвященными духовными лицами, или еретическими священниками. Сопоставляя эти факты съ фактами нашего времени, мы ясно видимъ, что, какъ въ языческомъ, такъ и въ христіанскомъ обществѣ, жрецъ-поэтъ,—призванный славословить свое божество,—есть первый поэтъ, и что поэты, называемые нами свѣтскими, развились при помощи дифференціаціи изъ того же корня.

Послѣ разъединенія свѣтскаго и духовнаго поэта, произошло разъединеніе съ средѣ самихъ свѣтскихъ поэтовъ. Появились болѣе эпическіе поэты, какъ Мильтонъ, болѣе дидактическіе, какъ Попъ, сатирики, какъ Бутлеръ, комики, какъ Гудъ, и поэты, склонные болѣе всего къ описаніямъ, какъ Вордсвортъ.

Отъ поэтовъ, оффиціально прославлявшихъ героя или бога рѣчами, облеченными въ ритмическую форму, мы переходимъ къ тѣмъ, восхваленія которыхъ принимали форму мимическихъ дѣйствій, которыя изображали славу умершаго вождя, подражая его

подвигамъ. Первонально тѣ и другіе соединялись въ одномъ лицѣ, но впослѣдствіи они разъединились и развивались отдѣльно другъ отъ друга.

Существующіе въ настоящее время дикари даютъ много примѣровъ первоначальнаго соединенія словесныхъ и мимическихъ восхваленій. Мы читаемъ объ эскимосахъ мыса Барро: «Наиболѣе важныя празднества ихъ носятъ, повидимому, полурелигіозный характеръ и весьма похожи на драматическія представленія... Всѣ празднества сопровождаются пѣніемъ, барабаннымъ боемъ и танцами».

Болѣе подробныя указанія мы находимъ въ оффиціальномъ отчетѣ объ индѣйцахъ Навайо, изъ котораго мы приводимъ слѣдующіе отрывки: «Хасіелти Дайльисъ на навайскомъ языкѣ означаетъ танецъ Хасіелти. Хасіелти же — начальникъ всѣхъ боговъ или, лучше сказать, главный и самый значительный богъ. Слово танецъ не вполнѣ хорошо выражаетъ характеръ церемоніи, такъ какъ они больше похожи на представленіе, чѣмъ на пляску... Изображеніе различныхъ главныхъ и второстепенныхъ боговъ, разыгрыванье въ драматической формѣ ихъ миѳическихъ похожденій и проявленій ихъ могущества, представляютъ особенный интересъ... Изъ извѣстныхъ намъ отдѣльныхъ отрывковъ драматизированныхъ миѳовъ можно вывести заключеніе, что каждая строго опредѣленная сцена имѣетъ или имѣла спеціальное значеніе и, очевидно, всѣ онѣ сохранялись съ религіозной точностью». Далѣе говорится, что нѣкоторыя изъ этихъ сценъ изображали какъ бы подкупъ божества или заключеніе договора съ нимъ.

Отмѣчая факты изъ жизни древней Индіи, мы видимъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, торжественныя встрѣчи побѣдителя представляли тотъ образъ, изъ котораго развилось какъ драматическое искусство, такъ же и другія, разсмотрѣнныя нами, искусства. Веберъ говоритъ: «Вслѣдъ за эпосомъ, какъ вторая ступень развитія санскритской поэзіи, является драма. Она называется *Нáтака*, а актеръ *Нáта*—буквально «танцоръ». Этимологически это указываетъ на тотъ фактъ, что драма развилась изъ танцевъ, которые въ началѣ сопровождались, вѣроятно, только музыкой и пѣніемъ, а съ теченіемъ времени также мимическими представленіями, процессіями и діалогами».

Самъ Веберъ даетъ этому другое толкованіе, но онъ приводитъ слѣдующія слова Лассена: «Индѣйская драма достигла блестящихъ результатовъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ, особенно въ изображеніи гражданской жизни, но въ послѣдней своей фазѣ она перешла къ тому же роду сюжетовъ, съ которыхъ началось ея развитіе, а именно къ сценамъ изъ исторіи боговъ».

Греческая исторія представляетъ много фактовъ, имѣющихъ подобное же значеніе. Въ Спартѣ: «Поющій хоръ плясалъ вокругъ этого (жертвы.., горящей на жертвенникѣ), обыкновенно составляя кругъ, остальные изображали содержаніе пѣсни мимикой».

Тотъ фактъ, что драма имѣла религіозное происхожденіе, подтверждается тѣмъ, что она всегда сохраняла религіозный характеръ. Мульмонъ говоритъ: «На представленіе нѣкоторыхъ драмъ древніе смотрѣли, какъ на служеніе Діонису». То же мы находимъ и въ утвержденіи Магаффи, что «древніе греки ходили въ театръ на поклоненіе своимъ богамъ». Драматическій элементъ въ религіозныхъ церемоніяхъ первоначально сливался съ прочими элементами, какъ на это указываетъ Гротъ: «въ древнемъ мірѣ, и особенно на раннихъ ступеняхъ его развитія, барды и эпическіе рапсоды, лирическіе поэты, актеры и пѣвцы соединялись съ танцорами для хора и драмы. Лирическіе и драматическіе поэты сами декламировали свои произведенія».

Процессъ дифференціаціи, положившій начало выдѣленію драмы, выясненъ Мультономъ: «Только одному изъ этихъ танцевъ-балладъ суждено было развиться въ драму, именно диѳирамбу-танцу, имѣвшему мѣсто при торжественныхъ богослуженіяхъ въ честь бога Діониса»; «мистеріи древней религіи были мистическія драмы, въ которыя облекалась исторія боговъ».

Хоръ удалялся отъ жертвенника, находившагося въ срединѣ оркестра, и двигался направо. Это составляло Строфу, время, въ теченіе котораго (что значитъ самое слово Строфа) онъ обходитъ кругъ, а при Антистрофѣ онъ возвращался обратно къ жертвеннику. Въ лирической трагедіи «хоръ представляетъ сатировъ въ честь Діониса, во славу котораго и создана эта легенда; они все время комбинируютъ пѣніе, музыку и танцы». «Задачей Ѳесписа было ввести «актера», совершенно отдѣльнаго отъ хора». Мы легко можемъ себѣ представить, какъ, вслѣдъ за дифференціаціей драмы отъ другихъ произведеній искусства, происходила дифференціація драматурга и актера отъ другихъ лицъ и другъ отъ друга, хотя мы не въ состояніи прослѣдить этотъ процессъ. Уже изъ вышеприведенной цитаты Грота мы видѣли, что главный актеръ даетъ прочимъ актерамъ устныя указанія, какъ вести представленіе, этимъ самымъ онъ до нѣкоторой степени принимаетъ на себя роль драматурга. До развитія письменной литературы бо́льшаго различія и не могло быть; но когда возникла письменная литература, стало возможно существованіе настоящаго драматическаго писателя. Но надо принять во вниманіе, что въ произведеніяхъ великихъ греческихъ драматурговъ первоначальныя

формы еще продолжаютъ существовать. Мультонъ говоритъ: «Трагедія никогда не переставала быть торжественнымъ религіознымъ и національнымъ празднествомъ, оно совершалось въ зданіи, считавшемся храмомъ Діониса, жертвенникъ котораго возвышался среди оркестра. Содержаніе драмъ продолжало какъ въ началѣ, такъ и позднѣе, касаться, главнымъ образомъ, дѣяній боговъ. Примѣръ этого мы находимъ у Магаффи; онъ разсказываетъ: «На Дельфійскихъ играхъ, во времена Птоломеевъ, около 250 г. до Р. Х., давалась, говорятъ, правильная симфонія, въ которой состязаніе Аполлона съ Пиѳономъ изображалось съ помощью флейтъ (или, лучше сказать, кларнетовъ), арфъ и трубъ безъ пѣнія и словъ». Этотъ примѣръ, указывающій на развитіе инструментальной музыки, показываетъ въ то же время, какого рода сюжеты избирались для нея. Но, дойдя до комедій Аристофана, мы видимъ, что въ нихъ музыка приняла уже вполнѣ свѣтскій характеръ.

Развитіе драматическаго искусства въ Римѣ не вполнѣ выяснено отчасти потому, что, какъ мы показали при описаніи процесса возникновенія поэзіи, римская цивилизація въ значительной степени происхожденія не туземнаго, а иностраннаго, отчасти же вслѣдствіе того, что римская жизнь, носившая вполнѣ военный характеръ, не благопріятствовала развитію всѣхъ не военныхъ занятій (что происходило и въ другихъ странахъ). Тѣмъ не менѣе, мы находимъ указанія на факты, подобные предыдущимъ. Дюрюи, соглашаясь съ Гулемъ и Конеромъ, пишетъ: «въ 364 г., во время какой-то эпидеміи, римляне обратились за совѣтомъ къ этрускамъ и тѣ отвѣчали, что боги будутъ удовлетворены, если устроятъ въ честь ихъ сценическія представленія; чтобы римляніе были въ состояніи дать эти представленія, они въ то же время послали имъ актеровъ, которые исполняли религіозные танцы подъ звуки флейты... Тогда эпидемія прекратилась». Дальше онъ говоритъ: «Молодые римляне учились танцамъ, заимствованнымъ изъ Этруріи, а для соблюденія такта, аккомпанировали себѣ пѣніемъ, часто импровизированнымъ; впослѣдствіи они стали сопровождать эти танцы мимическими движеніеми. Появилась римская комедія».

Въ Римѣ, какъ и въ Греціи, идея святости долгое время считалась присущей драмѣ. «Варонъ—говоритъ бл. Августинъ,—ставилъ театральныя представленія на одну доску съ богослуженіемъ». Впрочемъ, языческое пониманіе святости, находившееся въ соотвѣтстіи съ ихъ представленіемъ о божествѣ, далеко отстоитъ отъ нашего пониманія святого.

Сюжеты пантомимъ брались изъ миѳовъ о богахъ и герояхъ,

актеръ долженъ былъ изображать попеременно женскія и мужскія роли, между тѣмъ какъ хоръ, подъ аккомпаниментъ музыкантовъ, игравшихъ на флейтахъ, пѣлъ соотвѣтствующія пѣсни». «Иногда миѳологическія сцены воспроизводились на аренѣ съ жестокой правдивостью. Осужденные преступники, должны были входить на костеръ, подобно Геркулесу, или отдавать пламени свою руку, подобно Муцію Сцеволѣ, или быть распятыми какъ разбойникъ Лауреолусъ; другихъ раздирали медвѣди въ подражаніе судьбѣ Орфея».

Актеръ—обыкновенно чужеземецъ по происхожденію, не сохранившій отъ своихъ древнихъ религіозныхъ обязанностей ни малѣйшаго оттѣнка святости, ставился на одну доску съ рабами и варварами... онъ былъ, по большей части, рабъ или вольноотпущенникъ, или происходилъ изъ какой-нибудь страны, гдѣ его профессія пользовалась большимъ уваженіемъ, какъ въ греческихъ колоніяхъ и вообще на Востокѣ.

Какъ это ни странно, но мы видимъ, что возникновеніе христіанской драмы въ средневѣковой Европѣ шло тѣмъ же путемъ, какъ и возникновеніе языческой драмы. Оно началось, какъ въ Индіи, Греціи и Римѣ, съ изображенія религіозныхъ сюжетовъ актерами-священнослужителями. Обстоятельства жизни Христа изображались въ драматической формѣ въ зданіяхъ, посвященныхъ богослуженію.

Такъ какъ богослуженіе совершалось на латинскомъ языкѣ, то являлось вполнѣ естественнымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ для невѣжественной толпы, въ дополненіе къ нему, изображались сцены изъ событій и поученій Священнаго Писанія.

«Слѣдовательно, цѣль мистерій и прочихъ церковныхъ представленій заключалась въ томъ, чтобы посредствомъ драматическаго воспроизведенія отрывковъ Св. Писанія, жизни святыхъ или основныхъ догматовъ христіанства, какъ, напр., догмата о воплощеніи, поучать народъ, не имѣющій возможности читать св. книги».

Но есть неясныя указанія и противорѣчивыя мнѣнія, свидѣтельствующія, что въ первыя времена христіанства свѣтскія и духовныя драматическія представленія были смѣшаны. Мы читаемъ, что «иногда когда нельзя было найти достаточнаго числа духовныхъ актеровъ, церковный староста заставлялъ играть свѣтскихъ актеровъ». Въ томъ же произведеніи мы читаемъ, что «на свѣтскихъ актеровъ была принесена жалоба (Ричарду II) за то, что они брались разыгрывать пьесы, взятыя изъ Св. Писанія, въ убытокъ духовенству». Но въ другомъ мѣстѣ тотъ же

авторъ—Стрŏтъ, говоритъ, что «эти мистеріи сильно отличались отъ свѣтскихъ пьесъ и интермедій, которыя давали странствующія труппы, состоявшія изъ менестрелей, паяцовъ, шутовъ, танцоровъ, фокусниковъ и фигляровъ. Эти послѣднія увеселенія были болѣе древняго происхожденія чѣмъ духовныя представленія».

Весьма вѣроятно, что такія странствующія товарищества существовали еще во времена язычества, когда ихъ представленія входили въ составъ богослуженія: постепенно они потеряли свой первоначальный смыслъ, какъ и пѣсни менестрелей. Это мнѣніе не противорѣчитъ, повидимому, тому взгляду, что свѣтская драма не возникала непосредственно изъ мистерій; что авторы ея, находясь одновременно подъ вліяніемъ и мистерій, и народныхъ представленій, заимствовали ея форму главнымъ образомъ изъ классической драмы: это предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что во многихъ пьесахъ елизаветинской эпохи появляется хоръ. Но какъ бы то ни было, общій выводъ остается тотъ же. Какъ въ Греціи, такъ и въ христіанскомъ мірѣ возникла духовная драма, которую разыгрывали священники и которая изображала событія изъ священной исторіи, и если наша свѣтская драма не происходитъ прямо отъ этой христіанской религіозной драмы, то она косвенно развилась изъ древней языческой религіозной драмы.

Вмѣстѣ съ возникновеніемъ свѣтской драмы, появились и второстепенныя дифференціаціи. Отдѣленіе актера отъ драматурга, хотя еще не полное, значительно усилилось; многіе драматическіе писатели уже не были актерами. Затѣмъ драматическіе авторы стали различаться, какъ сочинители по преимуществу трагедій, комедій, мелодрамъ, фарсовъ, комическихъ сценъ.

Мы не встрѣтимъ и здѣсь исключенія изъ того общаго закона, что разъединеніе и соединеніе—части одного и того же эволюціоннаго процесса. Начиная съ Греціи, мы замѣчаемъ стремленіе къ этому процессу среди поэтовъ. Курціусъ говоритъ, что «поэзія, какъ и остальныя искусства, разрабатывалась въ ограниченныхъ кругахъ лицъ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ цеха». Религіозный характеръ этихъ обществъ видѣнъ изъ слѣдующаго замѣчанія того же автора: «образовались школы поэтовъ, которыя были тѣсно связаны съ жречествомъ».

Естественно, что процессъ соединенія происходилъ всего легче среди лицъ, участвовавшихъ въ представленіяхъ, требовавшихъ разнаго рода искусства, они по необходимости должны были составлять товарищества. Среди нихъ рано возникли опредѣленные союзы. Магаффи говоритъ о грекахъ, что «надписи указываютъ на существованіе профессіональныхъ группъ, которыя приходили на

мѣстныя греческія празднества и играли за очень высокую плату». И далѣе онъ замѣчаетъ, что корпорація актеровъ состояла изъ жреца (Діониса), стоявшаго во главѣ ея и остававшагося актеромъ; казначея, драматическихъ авторовъ новыхъ трагедій, комедій и одъ; главныхъ актеровъ трагическихъ и комическихъ и разнаго рода музыкантовъ».

Въ Римѣ, по вышеобъясненнымъ, причинамъ мы находимъ не много примѣровъ такихъ союзовъ. Но все-таки нѣкоторые факты указываютъ на ихъ существованіе и тамъ: «Власти назначили гильдіи поэтовъ и актеровъ мѣсто для совмѣстнаго богослуженія въ храмѣ Минервы».

Новая исторія даетъ намъ также нѣсколько примѣровъ стремленія къ интеграціи. Нѣкоторую организацію представляютъ актеры братства Милосердія. Драматическіе писатели имѣютъ агентство для собиранія платы за представленіе ихъ пьесъ и соединяются для этой цѣли. Въ Англіи существуетъ спеціальная газета, въ которой помѣщаются всѣ сообщенія и объявленія, съ одной стороны, актеровъ, съ другой—лицъ, имѣющихъ въ нихъ надобность; эта газета является въ то же время органомъ интересовъ театра и концертныхъ собраній.

Когда послѣдняя глава была уже написана, мнѣ попалось на глаза слѣдующее мѣсто изъ послѣдняго произведенія пр. Генриха Морлея «*Первый очеркъ англійской литературы*» (стр. 209), оно передаетъ вкратцѣ всѣ главнѣйшіе выводы, заключающіеся въ этой и въ предыдущей главахъ:

«Наши англійскія баллады подобны тѣмъ балладамъ, которыя составляли обычное общественное народное увеселеніе скандинавцевъ. Они произносились кѣмъ-нибудь изъ собравшихся съ одушевленіемъ и съ разнообразнымъ выраженіемъ, остальные сопровождали повѣствованіе различными жестами и движеніями, то взявшись за руки составляли кругъ, то приближались, то удалялись, то покачивались, то стояли неподвижно. Не въ одной только Испаніи слушатели танцовали въ тактъ съ размѣромъ баллады; но мы до сихъ поръ можемъ видѣть, какъ на Фарейскихъ островахъ въ зимніе сѣверные вечера народъ развлекается декламаціей балладъ, причемъ, согласно старинному сѣверному обычаю, жесты и движенія слушающихъ указываютъ на впечатлѣніе, производимое разсказомъ, и люди танцуютъ подъ звуки своихъ старинныхъ балладъ и пѣсенъ».

Здѣсь, какъ при торжественныхъ встрѣчахъ живого героя у евреевъ и при богослуженіи обожествленному герою у грековъ, мы видимъ соединеніе музыки и танцевъ и рядомъ съ этимъ

соединеніе размѣренной рѣчи съ драматическимъ изображеніемъ происшествій и впечатлѣнія, производимаго этимъ описаніемъ. Мы видимъ, что вездѣ сложныя проявленія возбужденнаго чувства, развиваясь, положили начала различнымъ искусствамъ. Нельзя не отмѣтить еще одинъ фактъ. Мы видѣли, что во всѣхъ случаяхъ, когда изъ общей группы выдѣляется лицо, исполняющее обязанность пѣвца и разсказчика, остальные играютъ роль хора. Это раздѣленіе, характеризующее богослуженіе и драматическія представленія грековъ, существуетъ въ наше время въ формѣ церковнаго хора, участвующаго вмѣстѣ съ солистами въ богослуженіи, и опернаго хора, играющаго ту же роль въ театрѣ, въ формѣ вспомогательнаго хора, описаннаго въ предыдущемъ отрывкѣ, и даже въ формѣ того хора, который обыкновенно подхватываетъ припѣвъ веселыхъ пѣсенъ въ общественныхъ собраніяхъ.

Изъ «Popular Science Monthly». **Гербертъ Спенсеръ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

*(Продолженіе *).*

V.

Крайнее направленіе старообрядчества. — Эпидемія самосожженій. — Реакція противъ нихъ.—Условія церковной жизни въ Поморьѣ и Заонежьѣ.—Распространеніе здѣсь пустынножительства.—Развитіе Выговскаго общежитія.—Отношеніе его къ міру и властямъ.—Расколъ въ безпоповщинѣ: ѳедосѣевцы и ихъ распря съ поморцами. — Филипповцы. — Вопросъ о семьѣ и бракѣ. — Теорія Ивана Алексѣева. — Новые московскіе центры безпоповщины. — Борьба за бракъ между Покровской часовней и Преображенскимъ кладбищемъ. — Раздвоеніе религіозной мысли руководителей безпоповщины и одинаковость настроенія массы. — Протестъ филипповцевъ противъ обмірщенія ѳедосѣевцевъ.—Протестъ страннической секты противъ двоедушія тѣхъ и другихъ.—Ученіе Евфимія и новыя сдѣлки съ міромъ его послѣдователей.—Итоги развитія безпоповщинской теоріи.

Мы должны теперь опять вернуться къ тому первоначальному періоду въ исторіи раскола, когда событія поставили, но еще не разрѣшили роковой дилеммы: восторжествуетъ ли, въ концѣ концовъ, правая вѣра, или наступятъ послѣднія времена. Симпатіи къ тому или другому рѣшенію опредѣлились уже тогда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и намѣтилось раздѣленіе приверженцевъ старой вѣры на два враждебные лагеря. Большинство, испуганное возможностью остаться безъ церкви и безъ таинствъ, отшатнулось, какъ мы знаемъ, отъ крайняго рѣшенія: цѣною все новыхъ и новыхъ уступокъ, путемъ хитросплетенныхъ толкованій, умѣренные старались сохранить хоть какую-нибудь связь съ церковностью, спасти хоть частичку вѣры въ непрерывность существованія на землѣ истинной церкви Христовой. Порвать эту вѣковую цѣпь, связывавшую современную церковь съ временами апостольскими, было бы слишкомъ страшно для этихъ людей, привыкшихъ слѣпо ввѣряться тому, что «до насъ положено». Жить своимъ умомъ и чувствомъ, начинать съ самихъ себя, съизнова, свою религіозную

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1896 г.

жизнь, создавать новыя формы вѣры—все это значило бы, въ ихъ глазахъ, произвести такую революцію, передъ которой блѣднѣли всѣ новшества Никона.

О созданіи новыхъ религіозныхъ формъ не думали, конечно, тогда и сторонники крайняго мнѣнія. Если они освободили себя отъ подчиненія старымъ формамъ, то это лишь потому, что они были совершенно твердо увѣрены въ немедленномъ наступленіи кончины міра. Мы видѣли уже, что подъ вліяніемъ этой мысли люди думали не о томъ, какъ жить безъ церкви, а о томъ, какъ умереть подостойнѣе. Въ натурахъ экзальтированныхъ это напряженное ожиданіе второго пришествія вызвало особыя явленія, принявшія, какъ это всегда бываетъ въ явленіяхъ религіознаго экстаза, эпидемическій характеръ. Не довольствуясь пассивнымъ выжиданіемъ архангельской трубы, наиболѣе усердные теряли терпѣніе и старались приблизить конецъ. Если царствіе Божіе не приходило къ нимъ, они спѣшили сами идти навстрѣчу царствію Божію. Покончивши всякіе счеты съ міромъ, они рѣшались окончательно освободиться отъ него путемъ самоубійства,—если не удавалось добиться той же цѣли съ помощью мученичества. «Насильственная смерть за вѣру вожделѣнна», доказывалъ еще Аввакумъ: «что лучше сего? съ мученики въ чинъ, съ апостолы въ полкъ, съ святители въ ликъ... а въ *огнѣ*-то здѣсь небольшое время потерпѣть... Боишься пещи той? Дерзай, плюй на нее, не бойсь! До пещи страхъ - отъ: а егда въ нее вошелъ, тогда и забывъ вся»... Совѣтъ Аввакума нашелъ своихъ энтузіастовъ и пропагандистовъ, не довольствовавшихся личнымъ спасеніемъ, желавшихъ спасенія всего міра. «Хотѣлъ бы я», говорилъ одинъ изъ этихъ якобинцевъ XVII столѣтія, «дабы весь (родной его городъ) Романовъ притекъ на берегъ Волги съ женами бы да съ дѣтьми, побросалися въ воду и погрязли бы на дно, чтобы не увлекаться соблазнами міра; а то еще лучше: взялъ бы я самъ огонь и запалилъ бы городъ; какъ бы было весело, кабы сгорѣлъ онъ изъ конца въ конецъ со старцами и съ младенцами,—чтобы никто не принялъ изъ нихъ антихристовой печати». За Романовымъ или Бѣлевымъ послѣдовала бы и «вся Россія»; за Россіей сгорѣла бы, можетъ быть, и «вся вселенная»... Полные такихъ надеждъ, являлись пропагандисты самосожженія въ мірѣ и не жалѣли словъ, чтобы убѣдить простодушныхъ слушателей. «О братіе и сестры», возглашали они, «полно вамъ плутати и попамъ окупъ давати; елицы есте добріи, свое спасеніе возлюбите и скорымъ путемъ, съ женами и дѣтьми, въ царство (Божіе) теките. Радѣйте и не ослабѣйте; великій страдалецъ Аввакумъ благо-

словляетъ и вѣчную вамъ память воспѣваетъ: тецыте, тецыте, да вси огнемъ сгорите. Приближися - ко сѣмо, старче, съ сѣдыми своими власы; приникни о невѣсто, съ дѣвическою красотою; воззрите въ сію книгу, священную тетрадь: что, — мутимъ мы васъ или обманываемъ? Зрите слогъ словесъ и, чья рука, знайте: самъ сіе начерталъ великій Аввакумъ, славный страдалецъ, второй во всемъ Павелъ; се сіе слово чту, еже святая его рука писала». И «старецъ, взирая, слезы ронитъ», прибавляетъ описавшій намъ эти сцены противникъ самосожженія; «отроковица, смотря, сердце крушитъ; проповѣдникъ, распаляяся, словеса къ словесамъ нижетъ». Благодаря тому же автору, мы легко можемъ возстановить и самые аргументы деревенскаго пропагандиста. Кончина міра занимала среди нихъ, конечно, первое мѣсто. Она наступитъ скоро, очень скоро: не нужно ждать и Ильи съ Енохомъ; въ 1689 году будетъ «свѣту преставленье» *), а на Москвѣ уже «царствуетъ Титинъ». Ждать свѣтопреставленья въ мірѣ невозможно; время пришло лихое: если не сгорѣть, то какъ спастись отъ «змія»? Какъ соблюсти себѣ въ ядени и питьѣ, вращаясь среди никоніанъ?—«а какъ уже сгорѣлъ, ото всего уже ушелъ!» Иначе придется наложить на себя эпитимію лѣтъ на десять; надо будетъ и «поститься, и кланяться, и молиться; а если въ огонь— тутъ и все покаяніе: ни трудись, ни постись, разомъ въ рай вселись; всѣ-то грѣхи очиститъ огонь». Да, наконецъ, все равно отъ огня не уйдешь; при кончинѣ міра протечетъ рѣка огненная и поглотитъ все; сами апостолы должны будутъ пройти этотъ искусъ; только самосожженцы будутъ освобождены отъ вторичнаго огненнаго испытанія. Приводились, далѣе примѣры святыхъ, кончившихъ самоубійствомъ; не было недостатка и въ видѣніяхъ. Одинъ поморскій мужикъ въ бреду видѣлъ сгорѣвшихъ въ свѣтломъ мѣстѣ и въ вѣнцахъ, а «во ослабѣ живущихъ и антихристу работающихъ» терзало въ другомъ мѣстѣ страшное колесо; капля съ колеса упала мужику на губу, онъ очнулся, а губа сгнила.

Всѣхъ этихъ убѣжденій и доказательствъ было слишкомъ достаточно, чтобы воодушевить слушателей и убѣдить наиболѣе усердныхъ изъ нихъ. Около «учителя» собиралась кучка людей, готовыхъ «въ огонь и въ воду»; даже ребята тосковали: «пойдемъ въ огонь, на томъ намъ свѣтѣ рубахи будутъ золотныя, сапоги красные, меду, и орѣховъ, и яблокъ довольно; пожжемся сами, а антихристу не поклонимся». Отъ перваго порыва воодушевленія до самаго факта самосожженія было, однако же, еще

*) Это говорилось въ 1687 г. Другіе ожидали антихриста въ 1691 г.

далеко. Проповѣдникъ, которому самому предстоялъ рискъ—сгорѣть вмѣстѣ съ своими приверженцами, старался собрать ихъ какъ можно больше. Въ промежуткѣ рвеніе могло остынуть, являлись сомнѣнія, «не худо ли то будетъ — еже самимъ себя сожещи»,—по мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты одолѣвалъ и страхъ смерти, и не разъ предпріятіе откладывалось или разстраивалось вовсе: «изнемогши печалью», паства «разбродилась» или расходилась по домамъ. Но разъ задѣтая совѣсть не давала покоя; «отъ печали поотдохнувъ», сторонники самосожженія снова начинали «зазирать себя, яко ѣдятъ и пьютъ и на семъ свѣтѣ живутъ»; и послѣ двухъ - трехъ неудачныхъ попытокъ они-таки выполняли свое намѣреніе. Въ большинствѣ случаевъ, окончательное рѣшеніе принималось подъ вліяніемъ правительственнаго преслѣдованія. Лицомъ къ лицу съ «гонителями» самые нерѣшительные пріобрѣтали увѣренность въ томъ, что надо получить мученическій вѣнецъ; съ другой стороны, и выбирать было не изъ чего, послѣ того какъ указъ царевны Софьи (1684) сталъ грозить тѣмъ же «срубомъ» (т. е. костромъ) всѣмъ нераскаяннымъ и упорнымъ приверженцамъ старой вѣры. «Гоненія» доказывали справедливость словъ деревенскихъ пропагандистовъ, что отъ антихриста, кромѣ какъ въ огонь да въ воду, «некуда дѣться». Естественно, что одной изъ главныхъ задачъ пропагандиста и его приверженцевъ становится — добиться гоненія. «Батюшка государь», говорятъ слушатели наставнику, «ты насъ учишь добро погорѣть; какъ же намъ быть? видишь, гоненія нѣтъ». «Азъ вамъ чада сотворю быти гоненію», отвѣчаетъ наставникъ и научаетъ ихъ совершить какое - нибудь святотатство; тогда «отпишутъ на насъ къ начальству, и пришлютъ къ намъ посылку, — то намъ и гоненіе; а мы себя въ полымя и сгоримъ, сами себя сожжемъ, а имъ не дадимся». И эта программа во всей точности выполнялась. На предполагаемое мѣсто самосожженія являлась военная команда, и когда запершіеся въ избѣ или крѣпости видѣли, что имъ «не отсидѣться», они зажигались, принявъ предварительно мѣры, чтобы въ послѣднюю минуту никто не выскочилъ изъ огня: впечатлѣніе должно было получиться, что «всѣ тѣ страдальцы съ радостью горѣли и яко на пиръ, веселяся, пришли».

Подъ двойнымъ вліяніемъ правительственныхъ преслѣдованій и ожидаемой кончины міра самосожиганіе принимаетъ такіе грандіозные размѣры, при которыхъ понятны становятся сангвиническія надежды пропагандистовъ—«спалить» всю Русь всероссійскимъ пожаромъ — и этимъ путемъ разрѣшить религіозный во-

*

просъ. По предположенію новѣйшаго изслѣдователя, съ начала раскола и до начала 1690-хъ годовъ никакъ не меньше двадцати тысячъ человѣкъ покончили самоубійствомъ *). Количество жертвъ въ отдѣльныхъ «гаряхъ» доходило до $2^1/_2$ тысячъ.

Однако же, по самому существу дѣла, этотъ пароксизмъ самосожигательной горячки не могъ быть продолжителенъ. Начавшись со второй половины 80-хъ годовъ, къ началу 90-хъ онъ уже началъ проходить. Гоненія вызванныя указомъ Софьи, утихли при молодомъ государѣ, занявшемся совсѣмъ другими дѣлами. Ожиданія свѣтопреставленія еще разъ не осуществились. За страхами казни или второго пришествія послѣдовала рѣзкая реакція въ настроеніи раскольниковъ. Одинокіе голоса болѣе умѣренныхъ стали теперь слышнѣе, и ихъ протестъ противъ ужасовъ самосожженія привлекъ на ихъ сторону многочисленныхъ приверженцевъ по всей Россіи. Общимъ мнѣніемъ донскихъ и кумскихъ, поволжскихъ и поморскихъ иноковъ, числомъ до двухсотъ, и «множества бѣльцовъ вездѣ и повсюду» — добровольныя «самоубійственныя смерти», не вызванныя мучительствомъ, были осуждены, какъ противныя ученію Христа, апостоловъ и святыхъ отцовъ. Въ опроверженіе доводовъ, приводившихся пропагандистами самосожженія, составлено было въ 1691 г. старцемъ Евфросиномъ сильное «отразительное писаніе» (давшее намъ матеріалъ для сдѣланной выше характеристики самосожженій). Самые крайніе противники никоніанства перестали теперь думать, будто только и можетъ быть одинъ исходъ для нихъ — «въ огонь да въ воду», что въ мірѣ нѣтъ больше ни церкви, ни таинствъ, за исключеніемъ доступныхъ мірянамъ **),—эту точку зрѣнія окончательно усвоила себѣ та партія раскола, о которой теперь идетъ рѣчь. Но изъ этого вовсе не слѣдовало, что необходимо прекращать физическое существованіе въ мірѣ. Изъ міра надо бѣжать,—вотъ и все; надо послѣдовать совѣту Спасителя: если васъ гонятъ изъ одного града,—бѣгите въ другой; хватитъ городовъ во Израилѣ, что бы укрыть васъ, до пришествія Сына Человѣческаго. И основнымъ правиломъ жизни становится теперь для безпоповщины: «гонимымъ—бѣгать, взятымъ—терпѣть»; самимъ на мученичество не «наскакивать», но и не уклоняться отъ него, если судьба отдастъ

*) Изъ этого числа только 3.800 самосожженій можно насчитать до введенія въ дѣйствіе указа Софьи (т. е. до начала 1685 года).

**) Такими безпоповцы считали крещеніе (которое они повторяли надъ приходящими къ нимъ), и покаяніе, «соединяющія человѣка съ Богомъ и безъ рукоположенныхъ священнослужителей», по выраженію позднѣйшаго поморскаго учителя, Скачкова (1818).

въ руки гонителей. Такой былъ тотъ житейскій режимъ, съ которымъ пускались въ историческій путь отрицатели церкви и таинствъ, послѣ того, какъ прошелъ первый подъемъ религіознаго экстаза.

Существовалъ въ Россіи цѣлый обширный край, какъ бы нарочно приспособленный для осуществленія этого режима. Скрываться отъ властей здѣсь было легко, а обходиться безъ священства и таинствъ—привычно. Крутой разрывъ съ міромъ и церковью оказывался здѣсь, такимъ образомъ, далеко не такъ страшенъ и былъ далеко не такъ неподготовленъ, какъ въ другихъ частяхъ Россіи. Мы разумѣемъ сѣверную русскую глушь. По отношенію къ церковной жизни обширный русскій сѣверъ (владѣнія древняго Новгорода, Поморье и вся Сибирь), въ сущности, всегда стоялъ въ томъ самомъ ненормальномъ и затруднительномъ положеніи, въ которомъ очутились теперь ревнители старой вѣры, отказывавшіеся вѣрить въ дальнѣйшее существованіе церкви. У нихъ не было теперь поповъ и приходилось обходиться безъ таинствъ. Но жители русскаго сѣвера никогда не были избалованы правильнымъ выполненіемъ требъ и давно уже привыкли обходиться безъ помощи священника. Въ этихъ безлюдныхъ палестинахъ, гдѣ зачастую отъ одной деревни до другой было по нѣскольку десятковъ верстъ разстоянія, гдѣ дороги шли густымъ лѣсомъ или топкимъ болотомъ, и почти единственными удобными путями сообщенія были рѣки,—въ этихъ глухихъ захолустьяхъ присутствіе попа въ деревнѣ было довольно рѣдкимъ событіемъ. Случалось, что на одинъ или на два десятка деревень была всего одна церковь, приходъ которой обнималъ, такимъ образомъ, сотни квадратныхъ верстъ. Случалось иногда, что и эта единственная церковь давнымъ давно «стояла безъ пѣнія». При этихъ условіяхъ, для самыхъ необходимыхъ требъ священника часто не оказывалось на лицо; а если и былъ онъ, то не всегда мѣстное населеніе рѣшалось къ нему обратиться, такъ какъ услуга его обходилась довольно дорого. Такимъ образомъ, сѣверное крестіанство старалось, по возможности, удовлетворять свои духовныя нужды собственными силами, безъ помощи поповъ. Вмѣсто церквей въ краѣ размножались часовни. Вмѣсто литургіи населеніе удовлетворялось вечерней, утреней, часами, которые пѣлись въ этихъ часовняхъ кѣмъ-нибудь изъ грамотныхъ міряпъ.

Здѣсь, какъ видимъ, легче, чѣмъ гдѣ-нибудь было—примириться съ необходимостью остаться вовсе и навсегда безъ священства. Здѣсь поэтому и распространялось преимущественно ученіе безпоповщины, тогда какъ послѣдователей поповщины мы встрѣтили

въ предъидущемъ отдѣлѣ на юго-западныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ Россіи. Населеніе сѣвера легко примирялось съ тѣмъ, что крестить теперь приходилось мірянамъ, и исповѣдываться надо было другъ другу. Трудно было отказаться навсегда отъ причащенія; и поэтому всякій шарлатанъ, утверждавшій, что у него хранятся запасные дары, освященные еще до времени Никона, могъ безъ труда пріобрѣсти и эксплуатировать довѣріе массы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда даровъ рѣшительно не было, безпоповцы прибѣгали къ символическому обряду, долженствовавшему замѣнить причащеніе, и причащались—изюмомъ. Обходиться безъ таинства брака было совсѣмъ легко въ крестьянской избѣ, въ которой и до того времени браки, не освященные церковью, встрѣчались постоянно. Неудобство для мірянъ заключалось лишь въ томъ, что строгіе раскольническіе иноки вмѣстѣ съ таинствомъ брака отрицали иногда и возможность семейной жизни. «Женатые разженитесь, неженатые—не женитесь», таково было требованіе наиболѣе послѣдовательныхъ безпоповцевъ. Мы увидимъ сейчасъ, что въ этомъ пунктѣ требованія жизни оказали сильное сопротивленіе требованіямъ теоріи.

Ревнители стараго благочестія появились въ сѣверныхъ лѣсахъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ возникли въ мірѣ «никоновы новины». Съ того же времени началась здѣсь и пропаганда раскола. Но, пока была еще надежда одолѣть никоніанъ и возстановить старую вѣру, разрывъ съ міромъ не могъ считаться единственнымъ условіемъ спасенія. Положеніе измѣнилось, какъ мы видѣли, со времени неудачи стрѣлецкаго бунта и строгаго указа 1684 г. Для послѣдовательныхъ раскольниковъ выборъ оставался теперь между открытой борьбой и бѣгствомъ. Но на борьбу не всякій былъ способенъ. Ближайшимъ способомъ уклониться отъ борьбы и пытокъ было самосожженіе: такъ и смотрѣли на него самосожигатели. «Немощны мы и слабы,—того ради и не смѣемъ къ предлежащимъ мукамъ вдатися; вмѣни, Господи, огненное сіе страданіе въ мученическое, *ради немощи нашей*». Такія размышленія и молитвы влагаетъ въ уста самосожигателей историкъ поморской безпоповщины, Иванъ Филипповъ. Мы знаемъ, однако, что и склонность къ самоубійству скоро прошла вмѣстѣ съ первымъ горячимъ порывомъ религіознаго увлеченія. Оставалось третье средство разорвать съ міромъ, которое скоро и стало наиболѣе употребительнымъ. «Которые хранящіе древнее благочестіе мукъ не могли терпѣть и вышеписаннымъ смертямъ прэдаваться,—всѣ бѣгали въ непроходимыя пустыни», говоритъ намъ тотъ же поморскій историкъ. Особенно часты стали случаи такого бѣгства

съ начала 90-хъ годовъ, когда началась упомянутая выше реакція противъ самосожиганія.

Быстро населилась съ этого времени и сѣверная пустыня. Первыми піонерами пустынножительства были здѣсь соловецкіе иноки, не рѣшившіеся выдерживать осады ихъ монастыря московскими войсками. Всѣ такіе нерѣшительные передъ началомъ осады съѣхали съ острова и разбрелись по поморью, разнося повсюду ненависть къ никоновымъ новинамъ и приверженность къ древнему православію. Укрываясь отъ властей, они выбирали себѣ самые глухіе уголки: гдѣ-нибудь у лѣснаго озера, отрѣзаннаго непроходимыми болотами и лѣсами отъ всякаго сообщенія съ міромъ, селился отшельникъ и часто безъ всякой защиты отъ сѣверной зимней стужи, кромѣ лѣсного костра, начиналъ свое «жестокое житіе». Мало-по-малу онъ обживался, сколачивалъ себѣ келью, начиналъ ковырять землю «копорюгою» или мотыкою; «нужныхъ ради потребъ» или «для ученья благочестія и проповѣди» онъ выходилъ по временамъ изъ лѣса въ сосѣднія деревни: «лыжи были ему конями, а керéжа *) служила вмѣсто воза». Слава пустынника въ мірѣ быстро распространялась; повсюду въ погостахъ и «весяхъ» онъ пріобрѣталъ покровителей—«христолюбцевъ», готовыхъ помочь ему деньгами и съѣстнымъ, или даже укрыть его въ случаѣ надобности, являлись и поклонники, готовые послѣдовать его примѣру и уходившіе одинъ за другимъ въ пустыню. Около одинокой кельи составлялось цѣлое общежитіе; общими силами поселенцы сожигали лѣсные участки, и снимали съ «гари» нѣсколько хорошихъ урожаевъ. «Жестокое» и «нужное» пустынное житіе превращалось въ «пристойное и пространное». Но такое поселеніе все еще не было прочнымъ: первая «хлѣбная зябель» и неурожай могли разогнать братію; строгій пустынножитель начиналъ жалѣть о нарушенномъ безмолвіи и спѣшилъ уйти подальше въ лѣсную чащу, навстрѣчу новымъ лишеніямъ; наконецъ, вѣсти о завязавшемся общежитіи, о побѣгахъ туда христіанъ, и объ открытой проповѣди старцевъ, оставшихся въ міру — не ходить въ церковь, не причищаться новыхъ таинъ—эти вѣсти неизмѣнно доносились по начальству, и изъ мѣстныхъ административныхъ центровъ являлись въ пустыню команды для болѣе или менѣе успѣшныхъ розысковъ. Поселенцы разбѣгались, оставляя жилища и запасы на жертву непріятелю,—и искали себѣ новаго мѣста; иначе имъ оставалось лишь встрѣтить врага лицомъ къ лицу и сжечься: отдаться живыми они не рѣшались, какъ бы пытка не вынудила у нихъ отказа отъ старой вѣры.

*) Сани для ѣзды на оленяхъ или для ручной возки.

Въ послѣднемъ десятилѣтіи XVII вѣка, какъ мы видѣли, обстоятельства измѣнились, и это тотчасъ же сказалось на судьбѣ поморскаго пустынножительства. Одно изъ постоянно перемѣщавшихся до тѣхъ поръ отшельническихъ поселеній окрѣпло, выросло и скоро сдѣлалось центромъ всей русской безпоповщины. Удобство мѣстоположенія (по р. Выгу) позволило этому поселенію пережить «лихія времена» для раскола; отношеніе петровскаго правительства къ расколу дало ему возможность легализировать свое существованіе; а личныя свойства основателей этого общежитія обезпечили ему выдающуюся роль въ безпоповскомъ мірѣ. Въ лицѣ Данилы Викулина и Андрея Денисова соединились нравственный авторитетъ строгаго пустынножителя и аскета съ житейской ловкостью и организаторскимъ талантомъ энергическаго юноши энтузіаста *). На первыхъ же порахъ таланты Андрея Денисова сказались въ умѣломъ распорядкѣ внутренней жизни сошедшейся братіи и въ хорошо налаженномъ строѣ ея хозяйства. Но этого мало. Искусно пользуясь наличными условіями, при которыхъ приходилось дѣйствовать, Денисовъ съумѣлъ привлечь Выгорѣцкую братію къ участію въ жизни всего русскаго раскола и чрезвычайно расширилъ ея житейскій кругозоръ. Пользуясь постоянными хлѣбными недородами, Денисовъ завязалъ дѣловыя сношенія со всѣми концами раскольничьяго міра и далъ первый образецъ широкаго торгово-промышленнаго союза на началахъ безусловнаго взаимнаго довѣрія и строгой нравственной дисциплины,—образецъ, которому такъ успѣшно подражалъ расколъ конца прошлаго и первой половины нынѣшняго вѣка. Но и этимъ не ограничились заслуги Андрея Денисова передъ Выгорѣцкимъ общежитіемъ. Не только «срытыя горы» и «расчищенные лѣса», монастырскія зданія и «благочинная» братская жизнь, не только обширныя связи при дворѣ и въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Россіи свидѣтельствовали о трудахъ Денисова; онъ раздвинулъ также и умственный горизонтъ иноковъ, среди которыхъ грамотность была настолько не общераспространеннымъ явленіемъ, что историкъ Выговской пустыни постоянно отмѣчалъ ее, какъ особое достоинство того или другого новопришедшаго инока. Самъ блестящій діалектикъ и большой знатокъ древнерусской письмен-

*) Историкъ Выговской пустыни, Иванъ Филипповъ, такъ характеризуетъ главныя особенности четырехъ столповъ, создавшихъ славу обители: «Даніилъ—златое правило Христовы кротости; Петръ (уставщикъ и составитель раскольничьихъ миней) устава церковнаго бодрое око; Андрей—мудрости многоцѣнное сокровище; Симеонъ (братъ Андрея Денисова)—сладковѣщательная ластовица и немолчныя богословія уста».

ности, Денисовъ хорошо понималъ, насколько недостаточно быть простымъ начетчикомъ и до какой степени необходимо даже и для раскольника—пройти систематическое школьное образованіе. Устроивъ свой монастырь, онъ съѣздилъ подъ видомъ купца въ Кіевъ и болѣе года посвятилъ занятіямъ въ Кіевской академіи, очень можетъ быть, подъ руководствомъ самого Ѳеофана Прокоповича. Онъ учился здѣсь богословію, реторикѣ, логикѣ и проповѣдничеству. Одинъ этотъ шагъ Андрея можетъ показать намъ, насколько воззрѣнія автора «Поморскихъ отвѣтовъ» были шире взглядовъ большинства единомышленниковъ. Перейти въ самый разгаръ борьбы въ проклятый вражескій станъ, въ самое средоточіе ереси,—хотя бы для того, чтобы подготовить себя къ будущей борьбѣ съ противниками, — для раскольника стараго типа было бы совершенно невозможно. Съ удивленіемъ разсказываетъ біографъ Андрея, какъ во время самаго этого путешествія въ Кіевъ онъ далъ напиться изъ своей чашки томимому жаждой прохожему, и затѣмъ не только не «ввергнулъ чашку въ презрѣніе», но, вымывъ ее водой и перекрестившись, «повелѣлъ изъ нея ясти и пити».

То, что у самого Денисова было проявленіемъ недюжиннаго ума, то для его общины скоро стало дѣломъ практической необходимости. Благодаря дѣятельности Денисова, для Выговской обители давно уже прошло то время, когда братія сообщалась съ міромъ на лыжахъ съ кережами и когда одинъ слухъ о проведеніи, за 50 верстъ отъ обители, временной дороги для проѣзда Петра заставилъ пустынножителей готовиться къ бѣгству или къ самосожженію. Теперь мимо самаго монастыря пролегали цѣлыхъ двѣ дороги, и «гостинная» изба монастыря пріобрѣла значеніе станціи для проѣзжающихъ. На сосѣднемъ берегу Онежскаго озера стояла монастырская пристань; многочисленныя монастырскія суда развозили свои и чужіе товары и запасы. Въ сосѣднемъ Каргопольскомъ уѣздѣ куплены и заарендованы были обширныя пространства пашни; на внутреннихъ озерахъ и на морскомъ берегу братія промышляла въ широкихъ размѣрахъ рыболовствомъ; монастырскіе рыболовы и звѣроловы доходили до Новой Земли и Шпицбергена. Съ югомъ Россіи старцы вели значительныя коммерческія операціи хлѣбомъ. Сама обитель обстроилась заново, обзавелась замѣчательной библіотекой, цѣлымъ рядомъ школъ для писцовъ, для пѣвчихъ, для иконописцевъ и всевозможными ремесленными заведеніями. Кругомъ обители явилось не мало скитовъ, составлявшихъ промежуточное звено между иноками и міромъ. За населеніемъ скитовъ и образомъ жизни ихъ жителей Выговскіе пустынножители далеко

не всегда могли услѣдить; скиты управлялись собственными выборными властями. Все это кореннымъ образомъ измѣняло отношеніе обители къ міру. Вражду къ «внѣшнимъ» легко было проповѣдывать, скитаясь въ лѣсахъ по одиночкѣ; но такой обширной и богатой общинѣ, какою сдѣлалась теперь Выговская пустынь, приходилось стать къ міру въ опредѣленныя и притомъ дружественныя отношенія. Много помогала, конечно, сила денегъ и тайныя симпатіи окружающаго населенія къ расколу; но и за всѣмъ тѣмъ безъ компромиссовъ обойтись было нельзя. Въ Выговской обители примѣнялись на практикѣ тѣ умѣренные взгляды, которые еще въ 1691 году проповѣдывалъ Евфросинъ. «Называемы отъ невѣрныхъ на трапезу, во славу Божію идите и вся представляемая вамъ ими ядите; такоже и на торжища вся продаваемая купите, ничтоже не сумняшеся за совѣсть»,—такъ совѣтовалъ Евфросинъ, ссылаясь на апостола Павла; — и на Выгу открытъ былъ самый широкій просторъ общенія съ еретиками-никоніанами. Съѣстные припасы, купленные на рынкѣ, не считались нечистыми; послѣдователи Денисова перестали считать оскверненіемъ — ѣсть и пить изъ сосудовъ, къ которымъ прикасались никоніане. Еще больше соблазну вызывало отношеніе общины къ властямъ. Увѣренность въ томъ, что въ мірѣ царствуетъ антихристъ, не мѣшала старцамъ дѣлать гражданской власти всѣ тѣ уступки, которыя могли обезпечить имъ свободное отправленіе ихъ вѣры. Сперва они ограничивались подарками и приношеніями, потомъ согласились записаться въ двойной подушный окладъ. И этого, однако, оказалось мало, когда до правительства дошли свѣдѣнія, что на Выгу не просто возстаютъ противъ новопечатныхъ книгъ и защищаютъ двуперстіе, а бунтуютъ противъ духовной и свѣтской власти, царя считаютъ антихристомъ, а церковь еретической и приходящихъ отъ нея перекрещиваютъ. Въ 1739 году, уже по смерти Андрея Денисова († 1730), на Выгу явилась слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ Самарина; ея цѣлью было провѣрить на мѣстѣ доносъ одного изъ прежнихъ жителей пустыни объ укрывательствѣ въ ней бѣглыхъ, о перекрещиваніи и немоленіи за царя. Вопросъ о перекрещиваніи старцамъ удалось кое-какъ замазать; слѣдствіе о бѣглыхъ, послѣ долгихъ проволочекъ и дознаній, прекращено было указомъ 31 августа 1744 года; повинуясь ему, иноки рѣшили записать бѣглыхъ добровольно во вторую ревизію, въ подушный окладъ. Но вопросъ о молитвѣ за царя приходилось рѣшать немедленно, и тутъ-то обнаружились внутреннія разногласія въ самой Выговской общинѣ. Темная масса монастырскихъ рабочихъ и слугъ рѣшилась идти по торной дорогѣ и завершить

блестящую исторію Выговской пустыни самосожженіемъ. Старшая братія, съ братомъ Андрея Денисова, Симеономъ, рѣшилась уступить и вписала молитву за цари въ безпоповскіе служебники, доказывая, что древняя церковь молилась и за языческихъ царей. Эта мѣра была естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ тѣхъ уступокъ, которыя уже сдѣлала Выговская община міру и властямъ до коммиссіи Самарина. Тѣмъ не менѣе, для многихъ защита «богомолія» была послѣдней каплей, переполнившей чашу. Правда, отъ самосожженія удалось отговорить большинство Выговскихъ жителей; но это уже не могло предупредить раскола среди русской безпоповщины.

Собственно говоря, расколъ существовалъ уже въ безпоповщинѣ и раньше коммиссіи Самарина. Независимо отъ Денисовыхъ, въ юго-западныхъ частяхъ Новгородскаго края и за польской границей подвизался другой учитель безпоповщины, дьячекъ Крестецкаго яма Θеодосій. Формулируя собственными силами основныя положенія безпоповцевъ, онъ кое въ чемъ разошелся съ Денисовыми и, узнавши про существованіе Выговскаго скита, не разъ ѣздилъ туда для взаимнаго уясненія спорныхъ пунктовъ. Отчасти споръ вертѣлся на подробностяхъ обряда; но рядомъ съ этимъ Θеодосій поднималъ и принципіальный вопросъ объ отношеніи безпоповщины къ міру. Онъ упрекалъ поморцевъ въ общеніи съ никоніанами и въ отрицаніи надписи на крестѣ I. Н. Ц. I., которую поморцы считали новой; древней формой была, по ихъ мнѣнію, надпись: «царь славы, Іс. Хс., симъ побѣждай». Далѣе мы увидимъ значеніе споровъ между обѣими сторонами о бракѣ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ споровъ не только не состоялось никакого соглашенія, но, напротивъ, споры привели къ взаимному ожесточенію. На рѣшительномъ диспутѣ (1706), на которомъ случайно не было ловкаго и тактичнаго Андрея Денисова, его сторонникъ Леонтій стучалъ кулаками по столу и раздраженно кричалъ Θеодосію: «Намъ вашъ І-съ Назарянинъ не надобенъ!» Въ свою очередь, и Θеодосій не оставался въ долгу,—«показалъ характеръ не мирнаго духа», какъ выражается раскольничій историкъ этой распри. Выйдя изъ Выговской обители и дойдя до монастырскихъ пастуховъ, онъ выбросилъ данные ему на дорогу монастырскіе припасы, крича, что отъ несогласныхъ съ нимъ не хочетъ принимать пищи. Затѣмъ онъ снялъ съ себя сапоги и, ставъ лицомъ къ обители, началъ трясти ихъ, продолжая кричать при этомъ, «прахъ, прилипшій къ ногамъ нашимъ, отрясаемъ... не буди намъ съ вамъ имѣти общенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ!..» Тщетно Денисовъ, узнавши объ этомъ происшествіи, писалъ Θео-

досію примирительныя письма и предлагалъ компромиссъ; только одинъ разъ удалось (1727)—и то не рѣшить, а только отсрочить рѣшеніе вопроса о четверобуквенномъ титлѣ, но и это перемиріе состоялось не надолго. Рѣшеніе Выговской общины, принятое въ виду наѣзда Самарина,—молиться за царя,—окончательно выдвинуло на первый планъ принципіальную сторону спора и сдѣлало примиреніе совершенно невозможнымъ. Самый споръ о надписи І. Н. Ц. І. мало-по-малу стушевался передъ этимъ вопросомъ—о предѣлахъ уступчивости. Послѣдователи Ѳеодосія давно уже не употребляютъ распятій съ четверобуквеннымъ титломъ, а вопросъ о «богомоліи» остается живымъ и попрежнему спорнымъ. Моментъ окончательнаго разрыва ѳедосѣевцевъ съ поморцами былъ увѣковѣченъ въ насмѣшливомъ прозвищѣ, которое первые дали послѣднимъ. Отъ имени Самарина поморцевъ стали звать «самарянами».

Такъ произошло раздѣленіе безпоповщины на два враждебныхъ толка. Надо прибавить, что и начало третьяго толка, филипповщины, относится ко времени той же самой коммиссіи Самарина. Филиппъ, основатель этого толка, былъ келейникомъ Андрея Денисова и, по смерти его, думалъ занять его мѣсто. Обманувшись въ своемъ ожиданіи, Филиппъ отдѣлился отъ Выговской обители и увлекъ за собой нѣкоторое количество ея членовъ, подобно ему недовольныхъ поморскими «нововводствами». Когда явилась коммиссія Самарина, ему пришлось и на дѣлѣ доказать искренность своихъ убѣжденій и бóльшую строгость въ храненіи древняго благочестія. Онъ прямо пошелъ на ту рязвязку, отъ которой Семену Денисову удалось отговорить свою общину, и кончилъ самосожженіемъ, со всѣми своими послѣдователями.

Какъ видимъ,—если устранить личныя причины раздѣленія въ средѣ безпоповщины,—главною, принципіальною причиной остается въ обоихъ только-что упомянутыхъ случаяхъ одна и та же: реакція противъ того примиренія съ міромъ, къ которому житейскія обстоятельства принуждали Выговскую обитель. Мы увидимъ сейчасъ, что и во второй половинѣ XVIII вѣка эта причина продолжаетъ дѣйствовать и вызывать новыя раздѣленія. Но предварительно мы должны ввести въ разсказъ еще одно житейское обстоятельство, которое тоже вызывало на компромиссъ, и скоро сдѣлалось предметомъ наиболѣе горячихъ препирательствъ между ѳедосѣевцами и поморцами. Мы говорили уже, что, признавая сохранившимися только два таинства, крещеніе и покаяніе, безпоповцы отрицали таинство брака и отсюда выводили необходимость безбрачной жизни. Самые строгіе охранители благочестія понимали, конечно, невозможность устранить всякія соприкосновенія «сѣна»

съ «огнемъ»; но выйти изъ затруднительнаго положенія они не умѣли, и настаивая формально на соблюденіи аскетическихъ требованій, на практикѣ принуждены были смотрѣть на постоянное нарушеніе этихъ требованій сквозь пальцы. Ѳеодосій рѣшился, правда, формально признать законными браки, заключенные въ еретической никоніанской церкви; но это была явная непослѣдовательность, противорѣчившая, притомъ, общему его суровому отношенію къ никоніанамъ. Андрей Денисовъ, напротивъ, въ противорѣчіе съ своей обычной терпимостью, въ этомъ пунктѣ хотѣлъ быть послѣдовательнымъ и до конца жизни оставался непреклоннымъ, требуя безусловнаго воздержанія. Но и онъ не могъ уничтожить семейной жизни и долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что удалялъ семейныхъ изъ монастыря въ скиты. Послѣдователи того и другого учителя привели свое отношеніе къ браку въ большее соотвѣтствіе съ общимъ духомъ обоихъ направленій: ѳедосѣевцы стали относиться къ брачной жизни нетерпимо, а поморцы снисходительно; но этимъ они нисколько не разрѣшили вопроса. Противорѣчіе между теоріей, дѣлавшей законный бракъ невозможнымъ, и жизнью, дѣлавшей существованіе семьи необходимымъ,--это противорѣчіе оставалось во всей силѣ. Надо было серьезно подумать о томъ, какъ бы примирить то и другое. Можетъ быть, въ первый разъ старообрядцы столкнулись здѣсь съ вопросомъ, относительно котораго «пря не могла кончиться» простой справкой, что думали объ этомъ отцы и дѣды. Приходилось самостоятельно рѣшить вопросъ съ помощью собственныхъ, оригинальныхъ толкованій богословской литературы. Эту задачу блестящимъ образомъ выполнилъ ѳедосѣевецъ Иванъ Алексѣевъ, обнаружившій при этомъ такія знанія, талантъ и ширину мысли, которыя не уступали Денисовскимъ. Надо прибавить, что его обширное изслѣдованіе «о тайнѣ брака» появилось лишь въ 1762 году, 34 года спустя послѣ того, какъ Алексѣевъ впервые задавалъ этотъ вопросъ лично Андрею Денисову. За все это время Алексѣевъ не переставалъ собирать матеріалы и пропагандировать построенную на нихъ теорію. Прежде всего, онъ установилъ тотъ фактъ, что древнехристіанская церковь не повторяла таинства брака надъ семейными людьми, переходившими къ ней изъ другихъ вѣръ. Слѣдовательно, заключилъ отсюда Алексѣевъ, древняя церковь признавала законными браки, заключенные во всякой вѣрѣ. Да такъ и должно было быть, продолжалъ онъ, переходя отъ писанія къ собственнымъ разсужденіямъ. Вѣдь въ бракѣ, въ противоположность прочимъ таинствамъ, передача благодати вовсе не связана необходимо съ совершеніемъ извѣстнаго обряда. По словамъ

Большого Катихизиса, «бракъ есть тайна, которою женихъ и невѣста отъ чистой любви свой въ сердцѣ своемъ... согласіе между собой и обѣтъ творятъ». «Дѣйственникъ», производящій тайну, есть самъ Богъ, вложившій въ природу живыхъ существъ потребность плодиться и размножаться. Эта завѣщанная Богомъ потребность, въ связи съ «любовнымъ согласіемъ» брачащихся, и составляетъ сущность таинства. Все остальное въ немъ есть простая формальность. Іерей есть только свидѣтель союза отъ лица общины, а «церковное дѣйство»—простой «общенародный обычай», дающій браку «общенародное согласіе» и такимъ образомъ устанавливающій громадную крѣпость и дѣйствительность брака. Стало быть, чтобы не нарушить прочности, бракъ не долженъ обходиться безъ «чина»; но чинъ есть лишь форма, появившаяся позднѣе, въ «законѣ писанномъ», тогда какъ бракъ существовалъ «въ естественномъ законѣ» независимо и раньше всякаго чина. Вотъ почему безпоповщинская церковь должна слѣдовать примѣру древнехристіанской и признавать браки, вѣнчанные въ никоніанской церкви: это вѣнчаніе есть лишь публичное засвидѣтельствованіе брака, а самое таинство совершается Богомъ и «взаимнымъ благохотѣніемъ» жениха и невѣсты.

Подобнаго рода аргументація была совершенной новостью въ расколѣ, и Алексѣеву приходилось защищать самую возможность появленія новыхъ богословскихъ теорій. Онъ приводилъ въ свое оправданіе теорію «богомолія», созданную Семеномъ Денисовымъ, и указывалъ на аналогичность положенія. «У отцовъ нашихъ», говорилъ онъ, «пока нужды не явилось, о богомоліи не было проповѣди; когда же явилась нужда, явились и доводы. Такъ и въ нашемъ случаѣ: не было нужды въ народѣ о бракѣ, не было о томъ и рѣчей; нужда явилась,—произведено было и изслѣдованіе. Нечего этому и дивиться и отступать въ сомнѣніи передъ тѣмъ доводомъ, что у отцовъ нашихъ этого не было. Нужно знать, что отцы наши жили далеко отъ міра, проходя пустынное и скитское житіе, потому и въ бракѣ не нуждались—не гнушаясь имъ, а не желая смущать мѣсто и пустыню превращать въ міръ. Мы же посреди міра живемъ и во всѣхъ соблазнахъ мірскихъ пребываемъ... Стало быть, и жизнь ихъ намъ не въ примѣръ».

Нельзя было лучше формулировать положеніе вопроса о бракѣ, чѣмъ это сдѣлано въ приведенныхъ словахъ. Теоретическія затрудненія Алексѣева, дѣйствительно, вызывались прежде всего измѣнившейся житейской обстановкой раскола; они были новымъ и весьма существеннымъ шагомъ впередъ въ примиреніи безпоповщинскаго ученія съ требованіями жизни. Естественно, что шагъ

этотъ долженъ былъ встрѣтить протестъ со стороны тѣхъ, которые никакого примиренія не хотѣли. Вопросъ о бракѣ сдѣлался для безпоповцевъ тѣмъ же, чѣмъ былъ для поповщины вопросъ о чинопріятіи бѣгствующаго священства. Около того и другого вопроса, какъ центральнаго пункта, сосредоточилась борьба умѣренной партіи съ крайней въ обоихъ направленіяхъ раскола. Разница была только въ томъ, что побѣда умѣренныхъ въ вопросѣ о «перемазываніи» возвращала расколъ къ исходной точкѣ его сомнѣній: къ признанію святости никоніанской церкви; тогда какъ побѣда умѣренныхъ въ вопросѣ о бракѣ совершенно сводила раскольниковъ съ точки зрѣнія православной традиціи, приводя ихъ къ идеѣ «естественнаго закона» вѣры въ противоположность «писанному закону» христіанскаго откровенія. Въ обоихъ случаяхъ, борьба за центральныя позиціи была ожесточенною и упорною, велась на всемъ протяженіи исторіи и не привела къ единодушному рѣшенію вопроса, а только увеличила раздоръ. Старые центры безпоповщины принимали уже мало участія въ этой борьбѣ за бракъ. Полемика заонежской поморской общины съ новгородской общиной ѳедосѣевцевъ такъ и застыла въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ мы ее видѣли въ началѣ XVIII вѣка. Къ попыткамъ взаимнаго соглашенія и дальнѣйшаго развитія вѣроученія обѣ общины относились или недовѣрчиво, или даже прямо враждебно. Чтобъ прослѣдить дальнѣйшій ходъ борьбы между умѣреннымъ и крайнимъ направленіемъ безпоповщины, мы должны, поэтому, перенести наши наблюденія съ сѣверныхъ и западныхъ окраинъ въ новыя средоточія безпоповскаго міра въ Москву.

Ѳедосѣевцы и здѣсь остаются рѣшительными противниками общенія съ міромъ, тогда какъ поморцы продолжаютъ защищать свои старыя примирительныя тенденціи. Но центръ тяжести спора значительно перемѣщается подъ вліяніемъ рѣзко измѣнившихся условій жизни раскола. Спорятъ теперь уже не о томъ, что лучше,— открыто ли идти на мученіе, или предупреждать его добровольнымъ самоубійствомъ; разрывать ли съ міромъ путемъ смерти, или путемъ бѣгства въ пустыню. Всѣ эти позиціи давнымъ-давно сданы требованіямъ жизни. Но жизнь приступаетъ теперь къ безпоповцу съ новыми запросами. Соблазны міра тѣснятъ его въ собственной семьѣ: въ видѣ богатой никоніанской родни, въ видѣ нѣмецкаго платья и свѣтскихъ книжекъ раскольничьей молодежи, въ видѣ карточнаго стола или театральнаго спектакля. И даже въ томъ счастливомъ случаѣ, когда безпоповцу удается оградить себя отъ всѣхъ этихъ соблазновъ, передъ нимъ продолжаетъ стоять вопросъ о законности самаго существованія его семьи, о

допустимости правильныхъ отношеній къ гражданскому обществу, съ которымъ онъ связанъ имущественными интересами, и ко всему общественному строю, правиламъ котораго онъ принужденъ подчиняться. Когда общество само гнало его отъ себя, рѣшить эти вопросы было гораздо легче; но теперь, со времени Екатерины II, общество признало его своимъ равноправнымъ членомъ: правительство рѣшилось «не вмѣшиваться въ различіе, кого изъ жителей въ числѣ правовѣрныхъ или кого въ числѣ заблуждающихъ почитать; отъ всѣхъ вообще требовалось только одно, «чтобы каждый поступалъ по предписаннымъ государственнымъ узаконеніямъ».[1] И этой терпимостью правительства оба лагеря безпоповщины поспѣшили воспользоваться, чтобы создать себѣ прочное положеніе въ обществѣ. Ѳедосѣевцы, благодаря ловкому московскому купцу, Ильѣ Алексѣевичу Ковылину, создали себѣ обширное общежитіе у Преображенской заставы: разрѣшенное сперва въ видѣ карантина по случаю чумы 1771 года, Преображенское кладбище пріобрѣло (при Александрѣ I) права внутренняго самоуправленія и полную независимость отъ синода и приходскаго духовенства. Поморцы также создали себѣ центръ въ Москвѣ, хотя и уступавшій Преображенскому кладбищу по вліянію и богатству: на Покровкѣ, въ Лефортовѣ, они купили себѣ землю на имъ купца Монина и устроили на ней часовню и богадѣленный домъ. Между Преображенскимъ кладбищемъ и Покровской монинской часовней и возгорѣлась вскорѣ по ихъ основаніи ожесточенная борьба за отношеніе къ міру: такой именно смыслъ имѣла полемика обѣихъ сторонъ о возможности законнаго брака.

Со стороны поморцевъ монинской часовни выступилъ въ роли перваго застрѣльщика, настоятель ея, Василій Емельяновъ. Его ученіе о бракѣ представляло дальнѣйшее развитіе извѣстнаго намъ ученія Ивана Алексѣева. Какъ мы знаемъ, Алексѣевъ призналъ брачное священнодѣйствіе простымъ «народнымъ обычаемъ», а священника—простымъ свидѣтелемъ брака, необходимымъ для гражданской крѣпости, но вовсе не создающимъ религіозной святости вѣнчанія. Естественнымъ выводомъ отсюда было, что никакого церковнаго вѣнчанія и не нужно. Послѣдователи Алексѣева немедленно сдѣлали этотъ выводъ, и стали обходиться при заключеніи брака безъ всякаго «чина». Но самъ Алексѣевъ не рѣшался ни отвергнуть «чина» вовсе, чтобы не уничтожить «честности и крѣпости» брака, ни признать его безусловно необходимымъ, чтобы не породить среди послѣдователей мысли о законности священнодѣйствій, совершаемыхъ никоніанами. Василій Емельяновъ нашелъ выходъ изъ затрудненія, передъ которымъ

остановился Алексѣевъ. Онъ рѣшительно отвергнулъ церковное вѣнчаніе, но въ то же время призналъ необходимость извѣстнаго чина, и самъ сочинилъ этотъ чинъ, начавши по нему вѣнчать въ своей покровской часовнѣ. «Безсвященнословные» браки перестали, такимъ образомъ, носить языческій, «мордовскій» характеръ, такъ сильно смущавшій Алексѣева; а такъ какъ одно время сами власти и судъ признавали браки Покровской часовни дѣйствительными, то естественно, что охотниковъ вѣнчаться по емельяновскому «чину» находилось великое множество, — и не только среди поморцевъ, но и среди самихъ ѳедосѣевцевъ.

Владыка Преображенскаго кладбища, Илья Ковылинъ, рѣшился наложить на брачную теорію и практику Емельянова свою властную руку. Не разбирая средствъ, отвѣчая на теоретическіе аргументы противниковъ насиліемъ, когда нельзя было взять убѣжденіемъ, онъ началъ противъ Покровской часовни упорную борьбу не окончившуюся и съ его смертью († 1809). Конечно, эта борьба не была дѣломъ личнаго каприза Ковылина. Онъ только защищалъ, въ противоположность реставрированному ученію Алексѣева, старую принципіальную точку зрѣнія ѳедосѣевцевъ. Во всей своей нетерпимости эта точка зрѣнія была проведена въ послѣдній разъ на соборѣ ѳедосѣевцевъ въ Польшѣ 1751 года. Сохраняя свой «чинъ оглашенія» приходящихъ на кладбище, Ковылинъ вполнѣ принялъ и развилъ строгія правила этого собора. Проводя рѣзкую черту разграниченія между вѣрными и міромъ, и «польскій уставъ» и «чинъ оглашенія» помѣстили «новоженовъ» (т. е. женившихся послѣ перехода въ расколъ) по ту сторону этой черты, наряду съ невѣрными никоніанами. Естественно, что взгляды и дѣйствія Емельянова вызвали со стороны Ковылина рѣшительный отпоръ. Противъ ученія московскихъ поморцевъ о бракѣ онъ выдвинулъ самый сильный аргументъ безпоповщины—ученіе объ антихристѣ. «Нынѣ послѣднее время плачевное», напоминалъ Ковылинъ поморцамъ; «на что твердые домы? Ждемъ внезапно пришествія Христова». «Дьяволъ время знаетъ, а вы не знаете, вы позабыли, у васъ, видно, и на памяти Христова пришествія нѣтъ. Ежели бы вы чаяли быть скоро, то должно вамъ таковъ и видъ показывать,—скорбный, а не гордый»; «какъ если бы одинъ день оставался житія нашего, или одинъ часъ вы проводили въ гостинницѣ». «А вы одни блески являете, токмо тьму христіанамъ въ глаза пускаете, чтобы чаяли жизнь долгое время, а пришествіе Христово забыли». Всѣ эти страхи и угрозы звучали однако же анахронизмомъ въ устахъ Ильи Алексѣевича, пировавшаго съ московскими властями, хлопотавшаго о названіи Преображенскаго

кладбища «императорскимъ Александровскимъ» и укрѣплявшаго за нимъ недвижимыя имѣнія «на вѣчныя времена». Вопреки суровымъ теоріямъ своихъ наставниковъ, ѳедосѣевская община была теперь, въ сущности, въ томъ же самомъ положеніи, за которое ѳедосѣевцы когда-то упрекали поморцевъ; и самое отношеніе Ковылина къ правительству императора Александра I сильно напоминало отношеніе Денисова къ правительству императора Петра. «Просторные домы, прекрасные и свѣтлые покои, многоцѣнная трапеза и различные напитки, мягкія постели, красныя одежды, частые разговоры, сѣданія и ласкательныя другъ къ другу помаванія»,—вся эта житейская обстановка ѳедосѣевской общины плохо гармонировала съ напряженнымъ ожиданіемъ антихриста. Теперь прошли времена «великихъ мужей, удалявшихся отъ міра, жившихъ въ пустыняхъ, ѣвшихъ простую пищу и утолявшихъ жажду водою, спавшихъ на голой землѣ и носившихъ худую одежду»,—такъ возражали поморцы своимъ противникамъ. «Нынѣ есть время благопріятно, время свободы, а не принужденія и тѣсноты»; «нынѣ слово Божіе не вяжется» и истинные христіане не преслѣдуются. Поэтому, хотя поморцы и не отказывались отъ основного ученія безпоповщины о пришествіи антихриста, но они придавали этому ученію болѣе успокоительный смыслъ. Пусть антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ; но ничѣмъ нельзя доказать, чтобы онъ царствовалъ «чувственно», т. е. воплотился въ извѣстномъ лицѣ. Нѣтъ, сынъ погибели владычествуетъ въ мірѣ пока только «духовно». Поэтому, и семейная жизнь вполнѣ законна и даже необходимо для избѣжанія разврата. Неправда, отвѣчали на эти разсужденія ѳедосѣевцы, продолжая стоять на своей принципіальной точкѣ зрѣнія, — развратъ несомнѣнно лучше брака внѣ церкви. Предаваясь разврату, мы совершаемъ грѣхъ; но противъ грѣха есть средство—покаяніе: не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься. Напротивъ, признавая таинствомъ внѣцерковный бракъ, мы присваиваемъ себѣ права священства и растлѣваемъ ученіе церкви: отъ этого грѣха уже нѣтъ исцѣленія; совершая его, мы добровольно предаемся въ руки антихриста. Если бы кто-нибудь взялъ простой хлѣбъ и вино и, отслуживши надъ ними молебенъ, сталъ бы утверждать, что это есть истинное причастіе, то всѣ сочли бы такого человѣка безумнымъ, а его дѣяніе—кощунствомъ; точно такъ же и для брака недостаточно, чтобы былъ на лицо женихъ и невѣста и чтобы совершены были формы церковнаго вѣнчанія; благодать не придетъ, если чинъ вѣнчанія совершенъ лицомъ непосвященнымъ, и бракъ будетъ блудомъ. Итакъ, выборъ былъ ясенъ для ѳедосѣевца.

«Лучше намъ быть всѣмъ грѣшнымъ, нежели... имѣть мудрованіе, апостольской церкви противное»: «Хотя бы кто имѣлъ грѣхи больше песка всего міра или больше звѣздъ небесныхъ, но при православной вѣрѣ онъ можетъ чрезъ покаяніе спасеніе получить; но если кто догматы церковные... развращаетъ... или *свое мнѣніе узаконяетъ и вводитъ въ употребленіе въ качествѣ правила* то, чего святые не свидѣтельствовали, тотъ не избѣжитъ погибели». Смыслъ этой полемики, въ которой обѣ стороны были по своему правы, понять не трудно. Лицомъ къ лицу съ измѣнившимися требованіями времени, крайняя партія безпоповщины дѣлала отчаянныя попытки удержаться на той теоретической почвѣ, на которой стоялъ расколъ во время своего возникновенія. По существу своему, стало быть, ученіе ѳедосѣевщины было наиболѣе консервативное съ точки зрѣнія теоріи и наиболѣе близкое ко взгляду господствующей церкви. Напротивъ, ученіе умѣренной партіи незамѣтно для самихъ ея сторонниковъ сходило съ почвы «писаннаго» закона на почву «закона естественнаго», съ почвы преданія—на почву собственныхъ «мнѣній» и разсужденій. Теоретически, взгляды поморцевъ были, слѣдовательно, болѣе крайними и болѣе близкими къ полному разрыву съ православной традиціей. Недаромъ, ѳедосѣевцы упрекали ихъ въ томъ, что они «новую дверь просѣкаютъ», и называли «новопротестантской сектой».

Такимъ образомъ, споры о бракѣ съ очевидностью могли показать всѣмъ, кто способенъ былъ понять это, что дальнѣйшіе пути внутренняго развитія безпоповщины далеко расходятся въ противоположныя стороны. Людямъ, наиболѣе заинтересованнымъ въ развитіи вѣроученія и въ согласованіи своей жизни съ мыслью и мысли съ жизнью оставалось на выборъ одно изъ двухъ: или вполнѣ реставрироватъ старообрядческую старину, или окончательно разорвать всякую связь съ церковнымъ преданіемъ и положиться вполнѣ на голосъ собственнаго разума. Напрасно было бы однако, ожидать, что тотъ или другой исходъ будетъ принятъ всею безпоповщинской массой. Масса, какъ всегда, далеко отставала отъ наиболѣе горячихъ и наиболѣе умныхъ. Житейскія обстоятельства,—именно, правительственныя преслѣдованія и связи съ міромъ,—заставили массу мало-по-малу склониться къ умѣренному мнѣнію поповцевъ о бракѣ; но это вовсе не значило, что масса готова будетъ принять и радикальные принципы ихъ вѣроученія. Состояніе религіозной мысли въ массѣ оставалось такимъ, какимъ было въ моментъ возникновенія раскола; и писатели, не могущіе себѣ представить, какъ могъ произойти расколъ въ XVII вѣкѣ изъ-за обрядовыхъ пустяковъ, всего лучше могутъ помочь своему

воображенію, обратившись къ обрядовымъ спорамъ безпоповцевъ XIX столѣтія. Въ саратовской общинѣ ѳедосѣевцевъ возникъ, напр., въ 1817 г. вопросъ, взволновавшій всю русскую ѳедосѣевщину. Осѣняя себя крестомъ при молитвѣ «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ», старообрядецъ кладетъ руку на лѣвое плечо какъ разъ при словахъ «Сыне Божій»; а на лѣвомъ плечѣ у человѣка сидитъ дьяволъ и нашептываетъ разныя искушенія въ лѣвое ухо: не остается ли такимъ образомъ имя Божіе на поруганіе дьяволу? Въ Саратовѣ разрѣшить недоумѣнія не могли; не съумѣли и въ Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ. Наконецъ, уже ѳедосѣевскій наставникъ Гнусинъ, отыскивавшійся въ то время правительствомъ за изображеніе (на картинѣ) царя антихристомъ и за потворство разврату, рѣшилъ, что при словѣ «Христе» надо держать руку на чревѣ, а на лѣвое плечо переносить послѣ произнесенія всей молитвы. «А ради невѣдѣнія христіанства, крестившагося прежде не такъ», прибавлялъ онъ, «грѣхъ этотъ отпускается, и я беру на себя испросить у Бога прощеніе». Такое же состояніе религіозной мысли обнаруживается не разъ и среди рядовыхъ поморцевъ. Напр., въ концѣ двадцатыхъ годовъ два поссорившихся наставника Покровской часовни проклинали другъ друга изъ-за того, что одинъ ввелъ старое поморское пѣніе по крюковымъ нотамъ, а другой, въ пику ему, возстановилъ речитативное пѣніе («нарѣчное») аввакумовскаго устава. «Забыли малодушные христіане крюковой уставъ, который *поютъ сами ангелы*, предались *губящему душу* нарѣчному пѣнію», жаловались по этому поводу послѣдователи старой Покровской часовни; а ихъ противники создали себѣ особую (Грачевскую) молельню и съ большимъ успѣхомъ стали вербовать себѣ сторонниковъ среди провинціальныхъ поморцевъ.

При наличности такого балласта среди безпоповщинской массы, новыя религіозныя движенія, очевидно, не могли увлечь всю эту массу за собою; они должны были начаться среди наиболѣе усердныхъ и привлечь къ себѣ наиболѣе подготовленныхъ жизнью и мыслью. И результаты этихъ движеній не могли, поэтому, умѣститься въ рамкахъ существовавшихъ до тѣхъ поръ раскольничьихъ толковъ: новыя направленія религіозной мысли отлились и въ новыя формы.

Здѣсь намъ предстоитъ, впрочемъ, разсмотрѣть прежде всего такую форму, которая, при всей кажущейся новизнѣ, была попыткой—послѣдней въ этомъ родѣ—вернуть безпоповщину къ идеаламъ девяностыхъ годовъ XVII вѣка.

Мы видѣли выше, что терпимость екатерининскаго правительства создала весьма благопріятную почву для сближенія съ

міромъ самыхъ крайнихъ партій раскола. Но чѣмъ примиреніе было легче, чѣмъ компромиссъ становился соблазнительнѣе, тѣмъ онъ долженъ былъ казаться болѣе опаснымъ настоящимъ радикаламъ безпоповщины. Правительственное снисхожденіе къ расколу представлялось имъ новымъ искушеніемъ, предназначеннымъ для того, чтобы предать людей въ руки «сына погибели». Жертвы этого искушенія были на-лицо: ѳедосѣевцы запутались въ тѣ же мірскія сѣти, въ которыя раньше нихъ попали поморцы. Естественными обличителями ѳедосѣевцевъ являлись теперь самые строгіе изъ безпоповцевъ—филипповцы. Съ точки зрѣнія безпоповщинскаго идеала, филипповцы имѣли полное основаніе упрекать ѳедосѣевцевъ, что тѣ не спѣшатъ пострадать за вѣру, не стремятся къ мученической смерти, не разрываютъ съ мірянами, а напротивъ, ради корысти и наживы, заводятъ съ ними торговыя сношенія и семейныя связи, изъ страха муки платятъ имъ дани и налоги. И защищаясь противъ этихъ обвиненій, ѳедосѣевцы принуждены были прибѣгнуть къ тому же аргументу, который выставляли противъ ихъ собственной нетерпимости поморцы. И они принимались доказывать, что «чувственный» антихристъ еще не пришелъ, что его «ни на какое лицо нельзя указывать». Имъ, какъ поморцамъ, такое толкованіе давало возможность заключить если не окончательный миръ, то хотя бы перемиріе на неопредѣленный срокъ съ существующимъ общественнымъ строемъ.

Въ сущности, однако же, и сами филипповцы не менѣе ѳедосѣевцевъ нуждались въ этомъ перемиріи. Они могли, сколько угодно, напускать на себя внѣшнюю суровость, щепетильно воздерживаться отъ всякаго общенія съ православными, даже выражать готовность пострадать за вѣру при первомъ открытомъ столкновеніи съ властями; но отъ всего этого суть дѣла нисколько не измѣнялась. Разъ, если они продолжали, все-таки, жить въ обществѣ, они поневолѣ должны были подчиниться нѣкоторымъ условіямъ общежитія, представлявшимся съ строгой точки зрѣнія дѣломъ антихриста. Это противорѣчіе слова съ дѣломъ не могло не тревожить людей съ чуткою совѣстью; за грѣхъ общенія съ міромъ совѣсть требовала искупленія: и вотъ, отъ времени до времени, жертвы этихъ душевныхъ мукъ то искали въ глухомъ лѣсу голодной смерти, то удивляли міръ какимъ-нибудь громкимъ протестомъ, съ прямою цѣлью вызвать преслѣдованіе начальства. Вѣроятно, не мало совѣстливыхъ душъ нашли личное удовлетвореніе въ подобномъ исходѣ, прежде чѣмъ одному изъ нихъ, одаренному отъ природы не только чуткой совѣстью, но и сильнымъ умомъ, и энергической волей и, наконецъ, обширными познаніями, удалось сплотить небольшую кучку одинаково настроенныхъ въ

отдѣльное общество и найти выраженіе ихъ личному настроенію въ стройной системѣ.

Роль эту выполнилъ при имп. Екатеринѣ II крестьянинъ и бѣглый солдатъ Евфимій, основатель «страннческаго» толка, съ десятилѣтняго возраста увлекшійся расколомъ. Евфимій долго искалъ нравственнаго удовлетворенія въ существовавшихъ толкахъ безпоповщины, прежде чѣмъ рѣшился, наконецъ, порвать со всѣми ними и создать свое собственное ученіе. Въ своихъ продолжительныхъ скитаніихъ онъ сближался и съ ѳедосѣевцами, привлекшими его послѣдовательностью своего ученія, побывалъ и на Преображенскомъ кладбищѣ, былъ даже командированъ наставникомъ въ одну изъ ѳедосѣевскихъ общинъ Поморья; но вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ наталкивался на разладъ между теоріей и жизнью и убѣждался въ существованіи скрытаго компромисса. Его наивныя попытки обличенія вызывали лишь самолюбивый отпоръ. Не встрѣтивъ себѣ поддержки даже въ наставникахъ Преображенскаоо кладбища, Евфимій извѣрился въ патентованныхъ руководителей раскола и пошелъ бродить по міру, отыскивая истину. Встрѣча съ такимъ же, какъ онъ, усерднымъ «странникомъ» окончательно укрѣпила его взгляды на міръ; онъ началъ дѣятельную пропаганду и лѣтъ черезъ двадцать послѣ начала своихъ скитаній имѣлъ утѣшеніе—формально осудить двоедушіе безпоповцевъ на «соборѣ» своихъ послѣдователей, въ Ярославлѣ (1781). Ученіе свое Евфимій вовсе не считалъ какой-нибудь новостью. Онъ просто хотѣлъ возстановить то, что онъ слышалъ и, вѣроятно, читалъ о жизни «остальцевъ древняго благочестія». Эти «прежде-бывшіе христіане», которымъ хотѣлъ подражать Евфимій, вовсе не были христіанами первыхъ вѣковъ, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи; это были тѣ самые пустынножители конца XVII и начала XVIII вѣка, обликъ которыхъ такъ ясно обрисовалъ намъ историкъ Выговской обители (см. выше). Недаромъ послѣдователи Евфимія показывали на допросахъ, что секта странниковъ ведетъ свое начало отъ времени разоренія соловецкой обители. Въ своемъ образѣ жизни Евфимій и его ученики, дѣйствительно, вполнѣ точно копировали пустынножительство «страдальцевъ» за вѣру изъ перваго поколѣнія раскола. Однако же, въ теоріяхъ, которыми они доказывали необходимость вернуться къ такому образу жизни, было гораздо больше новаго, чѣмъ, вѣроятно, думалъ самъ Евфимій. Исходной точкой его разсужденій былъ протестъ противъ примиренія съ міромъ; поэтому, и все содержаніе его ученія сводилось къ систематическому отрицанію существующаго порядка. Начало этого порядка онъ возводилъ не дальше того, чѣмъ простирались исто-

рическія воспоминанія раскола. Все было хорошо на Руси до Никона и Петра; Никонъ развратилъ вѣру, Петръ «раздробилъ народъ на разныя сословія», ввелъ собственность и соціальное неравенство со всѣми его послѣдствіями: борьбой между богатыми и бѣдными, погоней за наживой, судебными тяжбами и т. д.; Петръ же прикрѣпилъ народъ къ занятіямъ и обложилъ его невыносимыми податями. Коренной причиной всѣхъ этихъ перемѣнъ были подушная перепись и размежеваніе земли: перепись послужила средствомъ исчислить антихристово воинство; паспорта дали возможность вручить всѣмъ противникамъ Христа—печать антихристову; земли надѣлено было, «кому много, кому мало, иному же ничего», и такимъ образомъ положено начало борьбѣ за собственность, а между тѣмъ, самое слово *мое*, по Златоусту, происходитъ отъ дьявола; «вся бо намъ общая сотворилъ есть Богъ, яже суть нужнѣйшая,—и нельзя сказать: мой свѣтъ, мое солнце, моя вода, мой лѣсъ и т. д. Съ тѣхъ поръ, съ самаго Петра, дьяволъ царствуетъ на русскомъ престолѣ по закону», и весь міръ зараженъ ихъ дыханіемъ. Чтобы избѣгнуть соприкосновенія съ слугами дьявола, остается одно: не признавать никакихъ общественныхъ обязанностей и отношеній, отречься отъ семьи и собственности, бѣжать изъ политическаго и гражданскаго общества. Самъ Богъ указалъ на это средство, заповѣдавъ пророкамъ бѣжать изъ среды Вавилона, сирѣчь міра сего, потому что, кто хочетъ быть другомъ міру, становится врагомъ Богу. И св. Кириллъ іерусалимскій, повторяли странники цитату прежнихъ пустынножителей,—совѣтуетъ или вступать въ открытую борьбу съ сатаной, или бѣжать отъ него. Итакъ, не нужно никакихъ компромиссовъ: «невозможно однимъ окомъ зрѣти на небо, а другимъ на землю» и служить сразу двумъ господамъ. «Не имѣти града, ни села, ни дому»,—таково единственное средство избѣжать сѣтей антихриста и достойно предстать на страшный судъ. Вѣчное скитальчество—вотъ образъ жизни, единственно возможный для истиннаго христіанина.

Тщетно оказалась, однако же, и эта попытка—удержать безпоповщину на высотѣ идеала 1669 или 1702 года (см. выше). Тотчасъ же послѣ смерти Евфимія († 1792) его послѣдователи смягчили аскетическій взглядъ его на странничество и допустили новый компромиссъ съ міромъ. Съ одной стороны, «странники» чувствовали потребность въ надежныхъ убѣжищахъ, съ другой, многіе безпоповцы, раздѣлявшіе ихъ мнѣнія теоретически, не чувствовали въ себѣ достаточно силы, чтобы осуществить ихъ на практикѣ. Такія лица, оставаясь въ міру и занимаясь обыкновенными занятіями—хлѣбопашествомъ или торговлей, составили

въ средѣ секты особый классъ «христолюбцевъ» или «странно-пріимцевъ» (см. выше). Чтобы укрывать настоящихъ странниковъ, «христовыхъ людей», отъ начальства, въ жилищахъ христолюбцевъ устраиваются особые тайники, подземелья, потайныя двери и выходы и т. д. Въ противорѣчіи со страннической теоріей, христолюбцамъ не запрещается подчиняться всѣмъ требованіямъ міра и даже имѣть общеніе съ господствующей церковью (за исключеніемъ елеосвященія). Но передъ кончиной они должны перейти въ разрядъ дѣйствительныхъ странниковъ. И это послѣднее требованіе свелось, однако, къ простой формальности. Умирающій христолюбецъ велитъ вынести себя въ ближайшій лѣсъ или даже въ садъ, на дворъ—только чтобы не умереть въ собственномъ домѣ; и такимъ образомъ требованіе секты считается исполненнымъ. Не удержались на высотѣ требованій Евфимія и настоящіе странники. Постепенно они стали склоняться къ признанію собственности, сперва отдавая ее на сохраненіе христолюбцамъ, а потомъ оставляя и въ собственномъ распоряженіи. Признали и бракъ, сперва въ формѣ фактическаго сожительства, а потомъ и въ формѣ благословеннаго сектой (или даже церковью) союза. Особенно значительны стали всѣ эти уступки, когда вслѣдъ за крутыми временами николаевскаго царствованія, во время котораго «странничество» получило небывалое распространеніе, вновь наступили соблазнительныя времена терпимости при имп. Александрѣ II. Новѣйшіе наблюдатели «странничества» замѣчаютъ, что нѣкоторые сторонники секты готовы даже сдать въ архивъ ученіе объ антихристѣ и замѣнить его чуждыми крайней безпоповщинѣ попытками раціоналистическихъ объясненій.

Такимъ образомъ, къ нашему времени циклъ развитія безпоповщинскаго ученія, какъ и поповщинскаго, повидимому завершился: ученіе исчерпало само себя и пришло къ результамъ, отрицающимъ его основные принципы. Какъ и въ поповщинѣ, мы видѣли въ исторіи безпоповщины борьбу двухъ главныхъ партій, крайней и умѣренной. Въ противоположность поповщинскимъ партіямъ—крайняя партія была наиболѣе близкой къ традиціонному церковному ученію, и ея исторія состоитъ изъ ряда попытокъ удержать ученіе безпоповщины на той почвѣ, на которой создалось это ученіе въ началѣ раскола. Задача эта оказалась неосуществимой, такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилось воспроизвести тѣ историческія обстоятельства и сохранить тотъ уровень религіозной мысли, благодаря которымъ создалось ученіе объ антихристѣ. Другимъ путемъ, болѣе соотвѣтствующимъ ходу историческаго развитія, пошло умѣренное на-

правленіе безпоповщины. Отчаявшись съ самаго начала втиснуть жизнь въ рамки отжившей теоріи, оно предпочло теорію подогнать къ требованіямъ жизни, и мало-по-малу принуждено было покинуть почву церковной традиціи и обрядоваго формализма. «Церковь не стѣны церковные, но законы церковные: егда бѣгавши въ церковь, не къ мѣсту бѣгай, но къ совѣту: *церковь не стѣны и кровля, но вѣра и житіе*». Эта цитата изъ св. Златоуста, пущенная въ оборотъ (по сборнику «Маргаритъ») еще «Поморскими отвѣтами» Андрея Денисова, не разъ повторялась во время споровъ о бракѣ богословами Покровской часовни. Въ сознаніи массы выраженная въ ней идея отчеканилась въ формѣ извѣстной пословицы: «церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ». Этому основному тезису суждено было сдѣлаться исходной точкой цѣлаго ряда новыхъ, болѣе или менѣе оригинальныхъ продуктовъ религіознаго народнаго творчества.

Пропагандисты самосожженія охарактеризованы во вновь изданномъ сочиненіи (старца Евфросина) 1691 года: «Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственной смерти», см. Памятники древней письменности CVIII, 1895 г. Цифровыя данныя о самосожженіяхъ собраны въ предисловіи издателя (*Хрисанѳа Лопарева*) къ только-что упомянутому изданію и въ статьѣ *Д. И. Сапожникова*: Самосожженіе въ русскомъ расколѣ (со второй половины XVII в. до конца XVIII) въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Др. р. и отдѣльно, М. 1891. О мѣстныхъ условіяхъ, благопріятствовавшихъ развитію безпоповщины на сѣверѣ, см. замѣчаніе *Н. Барсова*. Братья Андрей и Семенъ Денисовы въ «Православномъ Обозрѣніи» 1865 г. и отдѣльно. Спб. 1866. Свѣдѣнія о поморскихъ пустынножителяхъ и развитіи общежитія бр. Денисовыхъ см. въ Исторіи Выговской старообрядческой пустыни, изд. по рукописи Ивана Филиппова, Спб. 1862. Свѣдѣнія Филиппова о самосожигателяхъ не противорѣчатъ свѣдѣніямъ Евфросина, но отношеніе къ нимъ писателя, легализировавшаго (не вполнѣ увѣренно, впрочемъ) самоубійства много времени спустя (въ 40-хъ годахъ XVIII в.), иноечѣмъ у писателя, боровшагося съ современной ему эпидеміей самосожженія. Документы для дальнѣйшей исторіи безпоповщины собраны *Н. Поповымъ* въ Сборникѣ для исторіи старообрядчества, т. I, М. 1864 и т. II, вып. V, М. 1866. См. также продолженіе «Матеріаловъ» Попова въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи, 1869, II (матеріалы о ѳедосѣевцахъ) и III (Монинское согласіе въ Москвѣ). Изложеніе полемики о бракѣ см. въ сочиненіи проф. *И. Нильскаго*, Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Два выпуска (до конца царствованія имп. Николая). Спб. 1869. О ѳедосѣевской общинѣ въ Москвѣ см. еще статью *S.* «Изъ исторіи Преображенскаго кладбища» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862, № 2.(Объ источникѣ этой статьи см. Расколъ-сектантство Пругавина, стр. 377). О сектѣ «странниковъ» и ея основателѣ см. *А. И. Розова*. Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ, «Вѣстникъ Европы», 1872, №№ 11 и 12; 1873, № 1. *С. Максимова*. Бродячая Русь. Спб. 1877 («Скрытники-христолюбцы»). *И. Н. Харламова*. Странники. «Русская Мысль», 1884. кн. 5 и 6.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Выдающееся литературное событіе — переводъ «Иліады» г. Минскаго.— Неувядающая прелесть гомеровской поэзіи.—Ея основы—красота, человѣчность и жизнерадостность. — Достоинства и недостатки перевода г. Минскаго.— Романъ г. Сенкевича «Камо грядеши?» — Главнѣйшіе характеры романа.— Мѣщанская философія автора.—Однообразіе его персонажей. — Католическое правовѣріе г. Сенкевича.

О жизнь, о лѣсъ, о солнца свѣтъ,
О юность, о надежды!

Разъ только въ жизни приходится каждому переживать настроеніе, выраженное въ этихъ строкахъ чуднаго стихотворенія А. Толстого,—настроеніе жизнерадостное, проникнутое вѣрой въ жизнь, въ себя, въ правду, добро — и прежде всего въ красоту, какъ вѣнецъ творческой силы и въ то же время ея источникъ, въ чемъ бы ни выражалась она: въ совершенствѣ формы, возвышенности идеала, тѣмъ болѣе—въ гармоничномъ единеніи того и другого. Въ истинной безсмертной красотѣ форма не отдѣлима отъ содержанія, и это прекрасно понимали эллины, опредѣляя совершеннаго человѣка сложнымъ эпитетомъ — «калёсъ - к'агатосъ», прекрасный по внѣшности и совершенный по духу, по душевнымъ качествамъ, что представлялось имъ необходимымъ слѣдствіемъ гармоничнаго развитія всѣхъ сторонъ личности.

На зарѣ европейской культуры была цѣлая эпоха, проникнутая такимъ же юношески-чистымъ настроеніемъ, памятникомъ которой осталась «Иліада». Неувядаемая свѣжесть этого эпоса и заключается въ глубокой вѣрѣ въ правду жизни и въ полномъ отсутствіи скептицизма. Разсказывая о похожденіяхъ боговъ, о силѣ Ахилла и героизмѣ Гектора, Гомеръ вѣритъ въ нихъ незыблемо, для него они такая же реальность, какъ свѣтъ солнца и его теплота. Только неискушенный опытомъ жизни юноша можетъ такъ наивно вѣрить и въ себя, и въ другихъ, такъ увлекаться и преувеличивать, какъ Гомеръ, у котораго есть даже «свинопасъ бого-

равный», что не мѣшаетъ тому же Гомеру вѣрно понимать своихъ богоподобныхъ героевъ и героинь и безъ всякой церемоніи называть настоящимъ именемъ ихъ поступки. И въ этомъ сказывается та же присущая юности черта—инстинктивное стремленіе къ правдѣ, помогающее несравненно лучше раскрывать истину, чѣмъ мудрый опытъ старости, которая «ходитъ осторожно и недовѣрчиво глядитъ», вслѣдствіе чего и попадаетъ въ просакъ, принимая за истину иллюзіи своего страха и созданія своей недовѣрчивости. Что еще больше сближаетъ Гомера съ юношескимъ настроеніемъ, это его человѣчность, не покидающая его никогда. Во всей поэмѣ нѣтъ ни одного слова въ защиту насилія, грубости, жестокости. Гомеръ скорбитъ, когда Ахиллъ надругается надъ тѣломъ Гектора, и называетъ это «недостойнымъ дѣломъ», а когда тотъ же Ахиллъ убиваетъ въ честь Патрокла двѣнадцать троянскихъ юношей, онъ называетъ это «жестокимъ» и «грознымъ» дѣломъ. Убійства онъ описываетъ сжато и кратко, отнюдь не любуясь ими, а какъ нѣчто роковое, неизбѣжное, безъ чего немыслима война. Но никогда онъ не бываетъ такъ трогателенъ и возвышенъ, какъ въ описаніи лучшихъ сторонъ человѣческой души, напр., въ несравненныхъ по художественной красотѣ сценахъ прощанія Гектора съ Андромахой, встрѣчи Главка съ Діомедомъ, вспоминающихъ въ пылу битвы о дружбѣ отцовъ и обмѣнивающихся дарами, или посѣщенія Пріамомъ ставки Ахиллеса.

Въ этомъ настроеніи, жизнерадостномъ, свѣжемъ и человѣчномъ, и заключается непреходящее обаяніе «Иліады», пережившее тысячелѣтія и сближающее насъ съ греками временъ первыхъ олимпійскихъ игръ. «Иліада» не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ, ее можетъ читать съ равнымъ наслажденіемъ ученый, проникшій въ глубь эллинской культуры, и профанъ, которому незнакома вся обстановка дѣйствія. Достаточно быть человѣкомъ, и даже чѣмъ проще, непосредственнѣе натура читателя, тѣмъ скорѣе и лучше проникнетъ онъ въ духъ «Иліады», прочувствуетъ всю ея нравственную красоту. Потому что людямъ, съ простымъ и чистымъ сердцемъ, не искушеннымъ въ «эллинскомъ мудрованьи», художественная красота доступнѣе, дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе, чѣмъ на тонко изощренный вкусъ эстетиковъ, особенно новѣйшихъ, не удовлетворяющихся простотою формы и правдою мысли и образовъ.

Вотъ почему мы привѣтствуемъ переводъ г. Минскаго, какъ литературное событіе, самое выдающееся въ наши дни, предъ которымъ меркнутъ и уничижаются всѣ эти стихи, разсказы, очерки, повѣсти и романы послѣдняго времени, рождающіеся съ днемъ и съ

нимъ умирающіе, чтобы не воскреснуть никогда. Взятые въ общемъ, они имѣютъ свое значеніе, какъ одно изъ проявленій душевной смуты, столь характерной для конца нашего вѣка. Декадентство и символизмъ, знаменующіе исканіе новыхъ путей въ искусствѣ, затрогиваютъ глубокія стороны человѣческой души, мало еще извѣданныя и непонятныя самимъ творцамъ символистики. Но на ряду съ ними пробивается и стремленіе къ старымъ, вѣчнымъ источникамъ красоты, какіе скрываетъ въ себѣ классическій міръ. Лучшіе изъ представителей новыхъ теченій въ литературѣ сами ищутъ вдохновенія въ классицизмѣ, на что указываютъ такіе переводы, какъ «Дафнисъ и Хлоя» г. Мережковскаго, хотя онъ и признаетъ, что эта идиллія не можетъ быть отнесена къ лучшимъ, вѣчно свѣжимъ источникамъ древней красоты. Не смотря на рѣдкія поэтическія достоинства какъ общаго замысла, такъ и отдѣльныхъ частей этого пастушескаго романа, въ немъ чувствуется что-то утонченное, почти болѣзненное, напоминающее осенніе цвѣты, лишенные яркой свѣжести и запаха. «Невольно чувствуешь,—говоритъ г. Мережковскій,—что самъ авторъ не вѣритъ въ дѣйствительность и возможность того, что изображаетъ, а если и вѣритъ, то все-таки не такъ наивно, какъ Гомеръ—въ мужество Гектора, вѣрность Пенелопы». Тѣмъ не менѣе, говоритъ переводчикъ въ другомъ мѣстѣ, «такова сила эллинскаго духа: она побѣждаетъ все, даже старость, и среди глубокаго византійскаго упадка и одряхлѣнія («Дафнисъ и Хлоя» относятся къ V-му вѣку по Р. Хр.) неожиданно даетъ новые весенніе ростки, показываетъ міру неподражаемую красоту, которой суждено быть восторгомъ и отчаяніемъ послѣдующихъ вѣковъ». Но если таково впечатлѣніе отъ эллинскаго духа временъ его упадка, тѣмъ сильнѣе и плодотворнѣе должно быть оно отъ того же духа въ періодъ его юношескаго расцвѣта,—и г. Минскій поступилъ какъ истинный поэтъ и тонкій цѣнитель литературы, остановившись не на произведеніяхъ увяданія, а на томъ, которое справедливо называютъ «энциклопедіей эллинизма».

За послѣднее время наблюдается оживленіе интереса къ классической литературѣ, выразившееся въ переводахъ не только отдѣльныхъ произведеній, но авторовъ полностью, какъ, напримѣръ, переводы г. Алексѣева всего Плутарха, Аристофана, того же г. Мережковскаго Софокла, г. И. Анненскаго («Вакханки»), г. Мищенко и др. Едва ли это можно приписать классической системѣ воспитанія, которая именно обходила идеальное содержаніе классицизма, остановившись исключительно на формахъ мертвыхъ языковъ. Вѣрнѣе будетъ предположить, что для нашей литературы, получившей знакомство съ классиками изъ вторыхъ рукъ, насту-

пило время восполнить пробѣлъ въ своемъ развитіи, проникнувъ въ духъ древняго міра не путемъ сухихъ спеціальныхъ изслѣдованій, которыми такъ богата иностранная литература, а посредствомъ перевода *всѣхъ* первоклассныхъ и второклассныхъ авторовъ его. Этотъ путь уже пройденъ западными литераторами, въ которыхъ переводы того или иного автора насчитываются десятками. Только такимъ путемъ получается пониманіе духа древней литературы, такъ какъ каждый переводчикъ вноситъ нѣчто новое, открывая новую черту въ оригиналѣ и дѣлая ее доступнымъ большой публикѣ. Наша сравнительная бѣдность въ этомъ отношеніи является слѣдствіемъ слабаго развитія умственной жизни въ обществѣ. Прежде мы бы взглянули на это убожество, какъ на проявленіе нашей «самобытности», особой складки національнаго духа, не нуждающагося въ наслѣдіи другихъ народовъ и другихъ культуръ. Теперь, какъ намъ кажется, періодъ самомнительной гордости и самовосхваленія миновалъ, и мы принимаемся за скромную работу самообразованія, черную и подчасъ неблагодарную, но за то плодотворную въ одномъ отношеніи: она раскрываетъ ничтожество нашихъ самобытныхъ «устоевъ», показывая ихъ примитивность, и сближаетъ съ общечеловѣческими началами, которыя и намъ, къ счастью, не чужды. Мы перестаемъ себя чувствовать «всечеловѣками» Достоевскаго и начинаемъ понемногу учиться—быть просто людьми, что гораздо труднѣе, чѣмъ витать за облаками и оттуда предписывать законы человѣчеству («Смирись, гордый человѣкъ», и проч.).

Какъ мало чувствовалась прежде эта потребность общенія съ человѣческой культурой, показываетъ, между прочимъ, примѣръ и «Иліады», которая существовала до сихъ поръ въ одномъ переводѣ и за шестьдесятъ лѣтъ слишкомъ выдержала три изданія. Необходимость новаго перевода какъ бы не ощущалась, хотя устарѣвшій языкъ Гнѣдича, при всѣхъ первоклассныхъ достоинствахъ его труда, не могъ не отпугивать читателей. Правда, могла останавливать трудность такой огромной работы, какъ переводъ «Иліады», требующій отъ переводчика совмѣщенія многихъ качествъ—умѣнья безукоризненно владѣть стихомъ, знанія до тонкости языка Гомера и, главное, глубокаго проникновенія въ его духъ, столь отличный во многомъ для насъ, людей конца XIX вѣка. Тѣмъ больше, поэтому, въ нашихъ глазахъ заслуга г. Минскаго, не побоявшагося всѣхъ этихъ трудностей, посвятившаго своей работѣ нѣсколько лѣтъ и благополучно доведшаго ее до конца.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что г. Минскій съ пол-

нымъ признаніемъ относится къ труду Гнѣдича, хотя и отмѣчаетъ обветшаніе его языка, чувствовавшееся еще тогда, когда только появился самый его переводъ. «Переводъ Иліады, начатый Гнѣдичемъ въ 1809 году и оконченный имъ двадцать лѣтъ спустя, былъ многими найденъ устарѣвшимъ при самомъ своемъ появленіи... Такое быстрое обветшаніе перевода Гнѣдича объясняется тѣмъ, что въ двадцать лѣтъ, употребленныхъ имъ на окончаніе своего труда, русскій языкъ пережилъ благотворный кризисъ и переродился». Объясненіе нѣсколько натянутое, и гораздо проще другое, что самъ Гнѣдичъ былъ человѣкомъ другой эпохи, неспособнымъ проникнуться новымъ вѣяніемъ и переработать свой языкъ подъ вліяніемъ Пушкина. Во всякомъ случаѣ, уже тогда языкъ его казался устарѣвшимъ и не удовлетворялъ читателей. Тѣмъ болѣе должно это чувствоваться теперь, почему новый переводъ, по словамъ г. Минскаго, «слѣдуетъ признать не роскошью въ нашей литературѣ, а давно назрѣвшей потребностью... Въ заключеніе,—говоритъ онъ далѣе,—я долженъ сказать, что переводъ Гнѣдича, не смотря на нѣкоторые свои недостатки, никогда не будетъ ни забытъ, ни устраненъ изъ русской литературы, а вѣчно будетъ жить въ ней; потому что исполненъ съ любовью, какъ подвигъ жизни. Недаромъ имъ восторгались Пушкинъ и Бѣлинскій. Гнѣдичъ всего слабѣе тамъ, гдѣ самъ Гомеръ, по выраженію древнихъ, спитъ. Но въ мѣстахъ драматическихъ языкъ Гнѣдича пріобрѣтаетъ силу, достигая простоты и нѣжности въ сценахъ трогательныхъ».

Въ своемъ переводѣ г. Минскій въ значительной степени добился того, чего не достаетъ его предшественнику. Не говоря уже о большей близости его языка къ современному, самый тонъ перевода проще, не будучи лишенъ той возвышенности, которая неизбѣжна при переводѣ Гомера. Невозможно теперь сохранить всю его наивность, съ которой онъ обращается съ богами и героями, какъ и съ простыми смертными. Содержаніе поэмы требуетъ нѣсколько повышеннаго тона, безъ чего получилась бы смѣшная утрировка простоты, за которой исчезло бы міросозерцаніе Гомера, представляющее нераздѣлимое соединеніе человѣческаго и божественнаго. Тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ у Гнѣдича герои высокопарно ораторствуютъ и не менѣе высокомѣрно ругаются, у г. Минскаго они просто говорятъ и бранятся, что придаетъ языку живость и ясность. За то сильныя драматическія сцены нѣсколько теряютъ въ переводѣ г. Минскаго, которому не достаетъ непосредственности чувства, согрѣвающей Гнѣдича.

Чтобы дать нашимъ читателямъ нѣкоторое представленіе о переводѣ г. Минскаго и подтвердить наше заключеніе о слабыхъ сторонахъ его, приведемъ знаменитую сцену прощанія Гектора съ Андромахой.

Гекторъ выходитъ изъ дому и направляется къ Скейскимъ воротамъ. На встрѣчу ему идетъ Андромаха:

Вскорѣ она подошла, и прислужница шла вмѣстѣ съ нею,
Нѣжное къ сердцу прижавши дитя, еще вовсе малютку—
Гектора сына—любимца, что яркой звѣздѣ былъ подобенъ.
Имя Скамандрія далъ ему Гекторъ, но Астіанаксомъ
Звали другіе, за то, что лишь Гекторъ защитникъ былъ Трои.
Онъ улыбался теперь, на младенца безмолвно взирая.
Но Андромаха въ то время приблизилась, льющая слезы,
За руку мужа взяла и такое промолвила слово:
«О дорогой! Твоя храбрость погубитъ тебя. И не жалко
Милаго сына тебѣ, ни меня, горемычной, кто скоро
Станетъ вдовою твоей, ибо скоро Ахейскіе мужи
Всѣ на тебя нападутъ и убьютъ. А тебя потерявши,
Лучше мнѣ въ землю сойти. Не будетъ мнѣ радостей больше,
Если ты смерти на встрѣчу пойдешь. Впереди ожидаетъ
Только печаль. Нѣтъ отца у меня, нѣтъ и матери милой.
Первымъ отца моего умертвилъ Ахиллесъ богоравный,
Въ день, когда взялъ въ Киликіи высоковоротныя Ѳивы,
Городъ прекрасный разрушивъ. Но онъ, хоть убилъ Этіона,
Все же доспѣховъ не снялъ, оттого что въ душѣ убоялся.
Вмѣстѣ съ оружіемъ свѣтлымъ его онъ сожженію предалъ,
Сверху жъ могилу насыпалъ. И вязы кругомъ насадили
Горныя нимфы, Эгидодержавнаго дочери Зевса.
Семеро братьевъ родныхъ оставалось со мною въ чертогѣ.
Всѣ въ одинъ день отошли они вмѣстѣ въ обитель Аида,
Всѣхъ умертвилъ ихъ герой богоравный Ахиллъ сынъ Пелея,
Пасшихъ стада кривоногихъ быковъ и овецъ бѣлорунныхъ.
Мать же мою, что въ странѣ у лѣсистаго Плака царила,
Ту онъ сначала подъ Трою привелъ среди прочей добычи,
Вскорѣ жъ ее отпустилъ, получивши безчисленный выкупъ.
Въ отческомъ домѣ стрѣлой Артемида ее поразила.
Гекторъ, теперь для меня ты отецъ, ты и мать дорогая,
Ты мой единственный братъ, и ты же супругъ мой цвѣтущій.
Сжалься надъ нами сегодня, останься на башнѣ высокой,
Чтобъ его сиротой, а меня не покинуть вдовою.
Войско межъ тѣмъ размѣсти невдали отъ смоковницы дикой,
Тамъ гдѣ доступнѣе городъ, гдѣ легче на стѣну взобраться.
Трижды на приступъ уже покушались храбрѣйшіе мужи
Подъ предводительствомъ Идоменея, обоихъ Аяксовъ,
И богоравныхъ Атридовъ, и мощнаго сына Тидея.
Вѣщій какой прорицатель, быть можетъ, открылъ имъ то мѣсто,
Или же собственный духъ устремилъ ихъ туда и направилъ».
И отвѣчалъ ей на то шлемовѣющій Гекторъ великій:
«Самъ я, жена, этимъ всѣмъ озабоченъ. Но страшно бъ стыдился

Передъ троянцами я и троянками въ длинныхъ одеждахъ,
Если бы здѣсь вдалекѣ, точно трусъ, уклонялся отъ битвы.
Да и противится сердце мое, оттого что пріученъ
Доблестнымъ быть я всегда и сражаться средь первыхъ троянцевъ,
Громкую славу отца, также славу свою соблюдая.
Знаю въ душѣ хорошо и предчувствую самъ это сердцемъ:
Будетъ когда-либо день, и погибнетъ священная Троя,
Вмѣстѣ погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Но не страшатъ меня столько страданія прочихъ троянцевъ,
Даже Гекубы самой и отца скиптроносца Пріама,
Бѣдствія братьевъ родныхъ, что большою толпой и отважной
Все же полягутъ во прахъ подъ руками мужей супостатовъ,
Сколько твои, Андромаха. Въ тотъ день мѣднобронный ахеецъ,
Льющую слезы, тебя уведетъ и похититъ свободу.
Будешь ты въ Аргосѣ ткать, подъ надзоромъ жены чужеземной,
Будешь тамъ воду носить изъ Мессенса иль Гиперея,
Нехотя сильно, но все же нужда роковая заставитъ.
Скажетъ тогда кто-нибудь. увидѣвъ тебя, льющую слезу:
Гектора это жена, кто изъ храбрыхъ наѣздниковъ Трои
Первымъ въ сраженіяхъ бывалъ, когда бились вкругъ стѣнъ Иліона.
Скажетъ онъ такъ. Для тебя же то будетъ страданіемъ новымъ—
Вспомнить о мужѣ, кто могъ бы тебя отъ неволи избавить.
Пусть же я раньше умру и могильной покроюсь землею,
Чѣмъ я услышу твой плачъ и твое похищенье увижу».

Молвивъ, блистательный Гекторъ къ ребенку простеръ свои руки.
Съ крикомъ дитя отвернулось къ кормилицѣ, пышно одѣтой,
Къ сердцу прижалось, испугано видомъ отца дорогого.
Мѣди оно устрашилось и гребня изъ гривы косматой,
Что колебалася грозно повыше блестящаго шлема.
И улыбнулась почтенная мать и любезный родитель.
Шлемъ съ головы своей снялъ блистательный Гекторъ великій,
Ярко сверкнувшую мѣдь положилъ онъ на землю поспѣшно,
Милое обнялъ дитя, на рукахъ покачалъ и, поднявши,
Молвилъ, взывая съ молитвой къ Зевесу и прочимъ безсмертнымъ:

«Зевсъ и вы, прочіе боги! О, дайте, чтобъ сынъ мой любезный
Сдѣлался мужемъ, какъ я: наилучшемъ средь войска Троянцевъ;
Дайте, чтобъ силой былъ славенъ и силой царилъ въ Иліонѣ.
Пусть говорятъ про него, когда будетъ съ войны возвращаться:
«Многимъ онъ лучше отца». Пусть доспѣхи, залитые кровью,
Сниметъ съ врага и приноситъ и радуетъ матери сердце».

Молвивъ, дитя возвращаетъ онъ нà-руки милой супругѣ.
Сына взяла Андромаха, прижала къ груди благовонной
И улыбнулась сквозь слезы. И сжалился Гекторъ надъ нею,
Нѣжно погладилъ рукой и такое промолвилъ ей слово:

«Милая, въ сердцѣ своемъ обо мнѣ не печалься такъ много.
Противъ судьбы человѣкъ не пошлетъ меня въ область Аида,
А отъ судьбы, полагаю, никто изъ людей не спасется,
Ни боязливый, ни храбрый, коль скоро на свѣтъ онъ родился.
Лучше, вернувшись домой, ты займися тамъ собственнымъ дѣломъ,
Прялкой и ткацкимъ станкомъ—и блюди, чтобъ служанки свершали

Точно работы свои. О войнѣ жъ позаботятся мужи,
Всѣ, кто живетъ въ Иліонѣ, а я—наиболѣе прочихъ».
Такъ произнесши, блистательный Гекторъ свой шлемъ густогривый
Поднялъ съ земли, а жена дорогая направилась къ дому,
Все озираясь назадъ, проливая обильныя слезы.

Читатели, знакомые съ этой сценой въ переводѣ Гнѣдича, не могутъ не замѣтить, что, при всей легкости и изяществѣ стиха г. Минскаго, нѣкоторыя мѣста и выраженія Гнѣдича лучше, поэтичнѣе, образнѣе и даже легче. Напр., этотъ стихъ у Гнѣдича лучше:

Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ, и любезная матерь,
Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!

Или знаменитый стихъ, вошедшій въ число цитатъ, —«Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя»,—не смотря на неправильность въ словѣ «нѣкогда», все же останется въ литературѣ. Его узаконила привычка, которую не уничтожить «когда-либо» г. Минскому. Также эпитетъ Гектора «шлемовѣющій» хуже, чѣмъ у Гнѣдича «шлемоблещущій». У Гнѣдича, напр., больше движенія въ слѣдующихъ стихахъ:

«Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
На земь кладетъ его пышноблестящій и, на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его и, поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ...

Можно бы указать и еще мѣста, гдѣ Гнѣдичъ остается на высотѣ положенія и по близости къ подлиннику, и по картинности выраженій. Извѣстное опредѣленіе силы рукъ Зевса онъ передаетъ (Пѣсня I) эпитетомъ «необорныя руки», что г. Минскій перевелъ «непобѣдныя». Нужно нѣкоторое напряженіе, чтобы догадаться, что это значитъ «непобѣдимыя руки».

Спеціалисты найдутъ, быть можетъ, и болѣе существенныя неточности, что въ такомъ огромномъ трудѣ вполнѣ понятно и вовсе не служитъ особымъ упрекомъ переводу. Значеніе его не въ отдѣльныхъ, удачныхъ или неудачныхъ, выраженіяхъ, а въ общей, несравненно большей близости къ современной рѣчи, въ большей его доступности для широкой публики и вѣрной передачѣ общаго тона Гомера. Г. Минскій замѣчаетъ, между прочимъ, «что при переводѣ я совершенно не руководствовался Гнѣдичемъ и никогда во время работы съ нимъ не справлялся», — и совершенно напрасно, по нашему мнѣнію. Переводъ его только выигралъ бы отъ этого. Мы думаемъ, что г. Минскій имѣлъ законное право пользоваться Гнѣдичемъ, и никто не поставилъ бы ему этого въ вину. Онъ внесъ такъ много своего, что позаимствованіе отдѣльныхъ,

болѣе правильныхъ или удачныхъ выраженій, даже цѣлыхъ оборотовъ, было бы принято только за заботливость о Гомерѣ, съ одной стороны, съ другой—о читателѣ. Само собой разумѣется, что все это можно было оговорить въ примѣчаніяхъ. Тѣмъ болѣе, что какъ ни старается г. Минскій избѣжать совпаденій въ переводѣ, они неизбѣжны, на что онъ и самъ указываетъ. «Если,—говоритъ онъ,—нѣкоторыя выраженія оказались въ обоихъ переводахъ одинаковыми, то это объясняется тѣмъ, что иные греческіе обороты могутъ быть переданы по-русски только извѣстнымъ образомъ. Уже въ первомъ прозаическомъ переводѣ Петра Екимова въ 1776 г. многія мѣста переданы такъ, что почти безъ измѣненія вошли во всѣ послѣдовавшіе переводы». Слѣдовательно, незачѣмъ было такъ старательно избѣгать справокъ у Гнѣдича.

Намъ кажется также справедливымъ мнѣніе г. Модестова, высказанное имъ въ «Новостяхъ» (№ 77, 1896 г.):

«Достойно сожалѣнія, что г. Минскій свое небольшое предисловіе посвятилъ лишь критикѣ Гнѣдича да оправданію появленія новаго перевода Иліады. Новый переводъ Иліады не нуждается ни въ какомъ оправданіи, и если бы ихъ появилось, вмѣсто одного, пять или даже десять, то и тогда въ этомъ не было бы ничего незаконнаго, и мы могли бы въ такомъ фактѣ видѣть только доказательство высокаго развитія у насъ литературнаго образованія, какъ въ рѣдкомъ появленіи переводовъ первостепенныхъ произведеній, древнихъ и новыхъ, имѣемъ право видѣть слабую степень нашей литературной образованности. Отъ переводчика Гомера всегда требовалось предисловіе такого рода, которое могло бы ввести читателя въ чтеніе произведеній поэта, а въ настоящее время требуется еще ознакомленіе съ тѣмъ міромъ, отраженіемъ котораго служатъ гомеровскія поэмы и который раскопками послѣдняго двадцатилѣтія въ Троадѣ, на островахъ Эгейскаго моря, въ Пелопонесѣ вызванъ на свѣтъ Божій въ довольно-таки блестящемъ освѣщеніи. Что читатель перевода г. Минскаго узнаетъ о такъ называемой Микенской эпохѣ, къ которой относятся изображенія автора Иліады и Одиссеи? Гдѣ у него введеніе, которое непремѣнно должно было сопровождать переводъ? Гдѣ примѣчанія, вносящія результаты новыхъ изслѣдованій? Если такая работа была трудна для самого г. Минскаго, то ему слѣдовало обратиться къ какому-нибудь изъ нашихъ спеціалистовъ. Между тѣмъ, у него и самая идея этой работы отсутствуетъ. Во второмъ изданіи перевода Гнѣдича, кромѣ перепечатки изъ 1-го изданія очень содержательнаго предисловія, находится еще описаніе мѣстъ дѣйствія Иліады, сдѣланное однимъ изъ русскихъ путешественниковъ. У г. Минскаго нѣтъ не только ни слова о томъ, что обнаружили раскопки Шлимана и слѣдовавшихъ за нимъ ученыхъ, но и не приложено какой бы то ни было карты Троады, которую было такъ легко заимствовать хотя бы изъ какой-нибудь энциклопедіи, если не изъ спеціальныхъ сочиненій».

Повторяемъ, всѣ эти замѣчанія не умаляютъ достоинствъ огромнаго труда г. Минскаго. Въ слѣдующемъ его изданіи, которое, мы увѣрены, не замедлитъ, почтенный переводчикъ можетъ до-

полнить свою работу и исключить указанные недостатки, доведя свой переводъ до возможнаго совершенства. Для этого, какъ показываетъ его работа, г. Минскій обладаетъ всѣми данными, и можно только пожелать, чтобы онъ не останавливался на этомъ и далъ еще переводы другихъ первоклассныхъ авторовъ, въ чемъ чувствуется теперь настоятельная потребность.

Мы не выйдемъ изъ міра классической древности, остановившись на романѣ г. Сенкевича «Камо грядеши?» *), только что вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ. Но какая глубокая разница между эпохою, отразившеюся въ «Иліадѣ», и міромъ, развертывающимся передъ читателемъ подъ талантливымъ перомъ выдающагося польскаго беллетриста! Поэзія и красота человѣческой жизни, не смущаемой скептицизмомъ, которыя такъ плѣняютъ насъ въ «Иліадѣ», выродились въ самодовлѣющее эпикурейство, которое въ лицѣ Петронія, самой удачной въ художественномъ отношеніи фигурѣ романа, признаетъ свое безсиліе дать міру цѣль и смыслъ жизни. «Я не хочу знать ни о чемъ, что могло бы испортить мою жизнь и уничтожить ея красоту,—говоритъ Петроній, arbiter elegantiarum (судья и цѣнитель изящнаго). — Дѣло не въ томъ истинны ли наши боги,—они прекрасны, намъ при нихъ весело и мы можемъ жить безъ заботъ». Но и онъ чувствуетъ, что этого недостаточно, что жизнь требуетъ чего-то больше, чѣмъ одной поэзіи и красоты.

Въ лицѣ Петронія старый міръ выставляетъ лучшую силу свою, надъ которой, по замыслу автора, должна восторжествовать новая правда. Петроній не только изященъ свыше мѣры, уменъ, тонко образованъ, умѣренъ и проницателенъ, какъ человѣкъ, которому ничто человѣческое не чуждо, но и благороденъ въ высшемъ значеніи слова. Онъ по натурѣ не способенъ на низость, онъ добръ и снисходителенъ, даже къ своимъ рабамъ, которые въ его глазахъ—вещи, а не люди. Но всѣ эти хорошія стороны его души не согрѣты любовью къ людямъ, являясь простымъ стремленіемъ къ красотѣ, какъ физической, такъ и духовной. Онъ противникъ насилія, жестокости и грубости, потому что это некрасиво, не изящно. А вообще, «пусть міръ погибнетъ, лишь бы остались его геммы и его Эвника (любимая красавица-невольница)».

---

*) Изд. редакціи журн. «Русская Мысль», переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к. Переводъ хорошъ, снабженъ многочисленными необходимыми примѣчаніями, изданіе изящное и очень дешевое, принимая во вниманіе значительный (больше 32 листовъ) размѣръ романа.

*

Во всемъ остальномъ онъ скептикъ и насмѣшникъ. Онъ ничего не отрицаетъ, но и ничему не вѣритъ. Жизнью и смертью онъ играетъ, потому что опасность раздражаетъ его притупившіеся нервы. Онъ не знаетъ страха, дорожитъ свободой, презираетъ тираннію, боится только скуки, и умираетъ красиво, весело, «убаюканъ легкимъ звономъ легкой радости земной», подъ пѣніе радостнаго гимна «Гармодія», прославляющаго смерть за свободу въ борьбѣ противъ тирановъ:

Я подъ вѣткой мирты скрою,
Какъ Гармодій, предъ толпою,
Свой свободный мечъ —
Какъ въ тѣ дни, когда народу
Отдалъ онъ его свободу
И былую рѣчь.
Но поправъ его невзгоды,
Ты не умеръ, мужъ свободы,
Покидая свѣтъ:
Ты предсталъ передъ Зевесомъ,
Какъ съ героемъ Ахиллесомъ,
Старецъ Діомедъ.
Я подъ вѣткой мирты скрою
Острый мечъ, какъ предъ толпою,
Мужъ Аристогонъ.
Вспомнимъ: въ день Панаѳинеи
Палъ Гиппархъ и всѣ злодѣи,
А воскресъ законъ!..
Вашей славѣ жить въ потомкахъ
И гремя блистать въ обломкахъ
Міровыхъ руинъ:
Вы пронзили грудь тирану
И свободу влили въ рану
Страждущихъ Аѳинъ!..

Таковъ Петроній. Онъ является символомъ «индивидуалистической античной этики», согласно которой сущность нравственнаго заключается въ гармоничномъ развитіи всѣхъ сторонъ отдѣльной личности, такъ что она стоитъ по отношенію къ внѣшнему міру какъ нѣчто готовое, въ себѣ совершенное.

Таковъ лучшій представитель умирающаго міра. Рядомъ съ нимъ, какъ необходимое его дополненіе, стоитъ Неронъ, въ которомъ сосредоточено, какъ въ фокусѣ, все худшее, низменное, жестокое, доведенное до чудовищности, до размѣровъ по истинѣ гигантскихъ, потрясающихъ, что заставляетъ христіанъ видѣть въ немъ олицетвореніе апокалипсическаго «звѣря». И,—это должно въ особенности служить къ осужденію древняго міра съ его обожаніемъ красоты и поэзіи,—Неронъ, какъ и Петроній, тоже поклон-

никъ красоты. Онъ—артистъ въ душѣ, жаждущій только новыхъ, не извѣданныхъ ощущеній, въ чемъ бы они ни открылись ему, въ какомъ бы ужасномъ видѣ ни предстали. Даже чѣмъ ужаснѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе всеобъемлющимъ будетъ впечатлѣніе. Онъ особенно любитъ музыку именно потому, что она приближаетъ его къ этимъ неяснымъ, но ощущаемымъ душою наслажденіямъ. «Видишь ли,—говоритъ онъ Петронію въ одну изъ минутъ артистическаго упоенія, — я во всемъ артистъ, и такъ какъ музыка открываетъ передо мною пространства, о существованіи которыхъ я не догадывался, страны, которыми я не владѣю, наслажденіе и счастье, какихъ я не испытывалъ, то я и не могу жить обыкновенною жизнью. Музыка говоритъ мнѣ, что сверхъестественное существуетъ, и вотъ я ищу его со всею силой могущества, которое боги отдали въ мои руки. Иногда мнѣ кажется, что для того, чтобы достигнуть этихъ олимпійскихъ міровъ, нужно сдѣлать что-нибудь такое, чего до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ не дѣлалъ, нужно превысить человѣческій уровень въ добрѣ или въ злѣ. Я знаю, люди обвиняютъ меня въ томъ, что я безумствую. Но я не безумствую, я только ищу, а если и безумствую, то со скуки и отъ злости, что не могу найти. Я ищу,—понимаешь меня?—и потому хочу быть больше, чѣмъ человѣкъ, ибо только такимъ способомъ могу быть великимъ артистомъ... Знаешь ли, что поэтому собственно я осудилъ на смерть мать и жену? У вратъ незнаемаго міра я хотѣлъ принести величайшую жертву, какую только можетъ принести человѣкъ. Я думалъ, потомъ что-нибудь свершится, развернутся какія-нибудь двери, за которыми я увижу что-нибудь неизвѣстное. Пусть бы это удивляло или устрашало человѣческое пониманіе, только было бы необычайно и велико...» И Петроній замѣчаетъ потомъ другу своему Виницію: «Въ мѣднобородомъ (прозвище Нерона) что-то есть».

Вокругъ этихъ центральныхъ фигуръ, символиста эпикуреизма и декадента его, группируется остальной римскій міръ, грубый, жадный къ чувственнымъ наслажденіямъ, чуждый всего возвышеннаго,— словомъ, обреченный гибели не въ силу внѣшнихъ условій, а разлагающійся извнутри, per se. И въ такомъ изображеніи этого міра—коренная ошибка г. Сенкевича и какъ художника, и какъ философа-историка. Здѣсь не мѣсто доказывать эту ошибку, замѣтимъ только, что въ античной этикѣ не все свелось къ индивидуалистическому совершенству, что,—какъ доказываетъ Іодль *),—

*) «Исторія этики въ новой философіи». Фридриха Іодля. Т. I. 1896 г. Изд. Солдатенкова. Ц. 2 р.

у Платона и Аристотеля, затѣмъ у Сенеки, «эта черта превращается какъ разъ въ нравственное устроеніе общежитія въ государствѣ», и этическій идеалъ чистой любви, съ которымъ, по представленію г. Сенкевича, выступило только христіанство, уже былъ въ античной культурѣ. Иначе христіанство не совершило бы такъ быстро своего завоеванія, если бы не нашло почвы уже подготовленной...

Въ противоположность этому разлагающемуся міру, г. Сенкевичъ выставляетъ другой, въ которомъ любовь царитъ нераздѣльно, любовь въ самомъ возвышенномъ смыслѣ, самопожертвованіе во имя идеи, не знающее предѣловъ. Въ картинахъ, изображающихъ христіанство, есть много трогательнаго, возвышеннаго и художественнаго. Вездѣ, гдѣ г. Сенкевичъ выступаетъ здѣсь, какъ художникъ, онъ даетъ рядъ образовъ, прекрасно задуманныхъ и выполненныхъ, особенно въ изображеніи чувства христіанской массы. Такова, напр., первая картина проповѣди Петра въ Римѣ, въ которой чувствуется вѣяніе Евангелія. Не менѣе хороша картина энтузіазма, охватывающаго христіанъ въ минуту гоненія. Художникъ раскрываетъ предъ читателемъ психологію увлеченія смертью за идею, увлеченія, непреодолимаго и передающагося, какъ зараза, охватывающаго одного за другимъ, пока, наконецъ, весь міръ не подчиняется ему, такъ что вожди христіанства вынуждены выступить съ сдерживающею проповѣдью, убѣждать болѣе страстныя и прямолинейныя натуры.

Къ сожалѣнію, у г. Сенкевича есть крупный недостатокъ,— онъ въ душѣ, если можно такъ выразиться, мѣщанинъ, и это его «мѣщанство» накладываетъ отпечатокъ какой-то пошлости на самыя возвышенныя его стремленія. Такъ и въ этомъ романѣ двѣ главныя фигуры, долженствующія изображать побѣду новой правды надъ древнимъ міромъ,— Виницій и Лигія,—портятъ впечатлѣніе и принижаютъ именно то, что авторъ хотѣлъ бы превознести и прославить.

Не смотря на разнообразіе темъ, служащихъ содержаніемъ романовъ г. Сенкевича, персонажи его очень однообразны и совпаденіе между ними доходитъ иногда до смѣшного. Въ данномъ случаѣ его Виницій, квиритъ изъ рода въ родъ и военный трибунъ, это старый знакомый—Кмицицъ изъ романа «Потопъ», буйный шляхтичъ и вояка XVII-го вѣка, рыцарь безъ страха, но съ большимъ упрекомъ. Кмицица смиряетъ и совершенствуетъ любовь къ нѣкоей прекрасной дѣвицѣ, съ одной стороны, съ другой— идея патріотизма, которой онъ посвящаетъ свою жизнь, идея, объявившаяся въ немъ подъ вліяніемъ любви къ упомянутой дѣвицѣ.

Исторія Виниція — это буквальное повтореніе исторіи Кмицица, только въ новой обстановкѣ. Гордый и свирѣпый квиритъ, презирающій все, что не принадлежитъ къ римской аристократіи (какъ Кмицицъ—къ шляхтѣ), онъ перерождается подъ вліяніемъ любви къ Лигіи—и христіанства, проникающаго въ его душу, благодаря этой любви. Что же касается Лигіи, то и она—тоже старая знакомая — Мариня изъ «Семьи Поланецкихъ». Какъ и послѣдняя, Лигія прежде всего, конечно, идеалъ красоты, но какъ и Мариня,— она обладаетъ птичьимъ умомъ, птичьимъ сердцемъ и можетъ только ворковать и пассивно подчиняться.

Любовь—безконечная тема, и было бы странно, если бы такой мастеръ, какъ г. Сенкевичъ, не вывелъ занимательныхъ узоровъ. И надо отдать ему справедливость, мѣстами онъ стоитъ на высотѣ положенія, благо обстановка дѣйствія даетъ богатыя краски,— напр., воркованіе влюбленныхъ, прерываемое рычаніемъ львовъ въ виваріяхъ, очень пикантно. Но христіанская идея терпитъ отъ этого большой ущербъ, и этотъ Виниціи, сходящій съ ума отъ любви въ то время, когда вся христіанская община горитъ желаніемъ—смертью свидѣтельствовать правду своего ученія,—вноситъ оттѣнокъ пошлости всюду, куда ни повернется. Петру онъ просто не даетъ прохода, съ Христомъ положительно торгуется, а Лигіи отравляетъ и безъ того тяжелое положеніе въ тюрьмѣ. Самое христіанство онъ примѣшиваетъ къ любви, какъ нѣчто, усиливающее ея прелесть, и жизнь съ Лигіей рисуетъ, какъ идиллію на лонѣ Христа. Это бы ничего, если бы авторъ, видимо, не поощрялъ его, находя все это въ порядкѣ вещей, ободряя и одобряя своего героя настолько, что среди общей гибели спасаетъ влюбленную парочку и переноситъ ее въ Сицилію, гдѣ она и успокаивается.

Г. Сенкевичъ, вообще побаивается смерти. Напр., въ «Семьѣ Поланецкихъ» Мариня вотъ-вотъ должна умереть, и эта смерть должна раскрыть, наконецъ, герою всю пошлость жизни, которую онъ себѣ создалъ. Но нѣтъ, въ самый тригическій моментъ авторъ выхватываетъ жертву изъ объятій смерти и вручаетъ ее счастливому герою съ благословеніемъ—«плодитесь и множитесь».

То же повторяется и въ новомъ романѣ. Кажется, нѣтъ выхода для героевъ. Авторъ довелъ ихъ до состоянія полной безтѣлесности, когда все земное теряетъ смыслъ и значеніе. «Оба они невольно, въ мысляхъ и бесѣдахъ, даже въ желаніяхъ и надеждахъ все больше отдалялись отъ жизни и теряли сознаніе ея. Оба они были словно люди, которые отплыли на кораблѣ отъ материка, потеряли изъ виду берегъ и мало-по-малу погружаются въ без-

конечность. Оба они постепенно преобразовывались въ какихъ-то грустныхъ духовъ, любящихъ другъ друга, любящихъ Христа и готовыхъ улетѣть куда-то. Только по временамъ по его сердцу, словно вихрь, пролетало ощущеніе боли, или, какъ молнія, сверкала надежда, порожденная любовью и вѣрою въ Распятаго Бога, но съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе отрывался отъ земли и отдавался смерти. Утромъ, когда онъ уходилъ изъ темницы, онъ смотрѣлъ на свѣтъ, на городъ, на знакомыхъ, на жизнь, словно сквозь сонъ. Все казалось ему чуждымъ, отдаленнымъ, ничтожнымъ и скоропреходящимъ. Его перестала поражать даже свирѣпость мученій, которыя онъ видѣлъ,—сквозь нихъ можно пройти въ забытьи, съ глазами, устремленными на что-то другое. А ему и Лигіи начинало казаться, что ихъ уже охватываетъ вѣчность. Они бесѣдовали о любви, о томъ, какъ будутъ любить другъ друга и жить вмѣстѣ, но уже по ту сторону могилы, и если когда-нибудь ихъ мысль обращалась къ вещамъ земнымъ, то только какъ мысль людей, которые готовятся въ дальнюю дорогу и разговариваютъ о дорожныхъ приготовленіяхъ. Наконецъ, ихъ окружала такая тишина, которая окружаетъ двѣ колонны, стоящія среди развалинъ и забвенія. Имъ нужно было только то, чтобы Христосъ не разъединилъ ихъ, а когда каждая минута все болѣе и болѣе утверждала въ нихъ эту увѣренность, они возлюбили Его какъ цѣпь, которая должна соединить ихъ, какъ безконечное счастье и безконечный покой. Еще на землѣ они чувствовали, какъ съ нихъ спадаетъ прахъ земли. Ихъ души стали чисты, какъ слеза. Подъ угрозой смерти, среди невзгодъ и страданій, въ смрадной темницы, имъ стало показываться небо,—Лигія брала его за руку, какъ будто она была уже спасенною и святою, и вела къ вѣчному источнику счастья—къ жизни».

Какая прекрасная страница! Трудно передать лучше экстазъ смерти за идею, и, какъ художникъ, вѣрный истинной красотѣ, г. Сенкевичъ долженъ былъ довершить нарисованную имъ картину—смертью героевъ. Ибо какая жизнь мыслима для того, кто пережилъ подобныя минуты? Но въ душѣ г. Сенкевича постоянно борются два человѣка.

«Zwei Seelen wohnen, ach! in seiner Brust,
Die eine will sich von der andern trennen;
Die eine hält in derber Liebeslust
Sich an die Welt mit klammernden Organen,
Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefilden hoher Ahnen» *).

---

*) Двѣ души, ахъ! живутъ въ его груди, и одна стремится отдѣлиться отъ другой; одна, въ жалкой жаждѣ жизни, судорожно цѣпляется за этотъ

Художникъ въ немъ постоянно борется съ буржуа, «то сей, то оный на бокъ гнется», и, въ большинствѣ случаевъ, буржуа одолѣваетъ. Огромный талантъ данъ судьбою г. Сенкевичу, но онъ— лучшій примѣръ безсилія и безплодія таланта, если въ наши дни послѣдній не овѣянъ живительнымъ духомъ демократизма. Жалкая идиллія, заканчивающая романъ Виниція и Лигіи, разрушаетъ тотъ апоѳеозъ христіанства, который замыслилъ художникъ.

Есть и еще одно качество г. Сенкевича,—качество, сильно портящее этотъ романъ. Г. Сенкевичъ выступаетъ въ немъ не столько христіаниномъ, сколько правовѣрнымъ католикомъ. Его апостолъ Петръ—не только апостолъ, рыбакъ, «уловляющій души»,—онъ для г. Сенкевича предтеча папства. Романъ заканчивается легендой о томъ, какъ Петръ, объятый ужасомъ при видѣ гоненій, боясь, чтобы не погибла съ нимъ завѣщанная ему Христомъ проповѣдь новаго ученія, бѣжитъ изъ Рима. По дорогѣ его встрѣчаетъ Христосъ и на вопросъ Петра: «Камо грядеши, Господи?»—отвѣчаетъ: «Если ты оставилъ Мой народъ, то Я иду въ Римъ, чтобы паки Меня распяли». Апостолъ возвращается тогда назадъ, устыдившись своего маловѣрія, и съ новымъ рвеніемъ продолжаетъ уловленіе душъ. Усердье его даетъ результаты, превосходящіе всѣ ожиданія. «И Петръ понялъ, что ни цезарь, ни всѣ его легіоны не осилятъ живой правды, что ее не зальютъ ни слезы, ни кровь, и что только теперь начинается ея торжество. Онъ понялъ, почему Господь возвратилъ его съ дороги: городъ преступленій, гордости, разврата и безпримѣрнаго могущества начиналъ быть Его городомъ, двойною столицей, *которая должна управлять всѣмъ міромъ, какъ тѣлами, такъ и душами*».

Въ минуту смерти апостолъ выступаетъ у г. Сенкевича совсѣмъ, какъ папа, и даже размышляетъ не какъ смореннѣйшій изъ учениковъ Христа, а скорѣе какъ какой-нибудь Гильдебрандъ или Инокентій III. «Петръ, окруженный солдатами, смотрѣлъ на городъ такъ, какъ владыка и царь смотритъ на свое наслѣдіе. И онъ говорилъ ему: «Ты искупленъ и ты мой». И никто, не только среди солдатъ, роющихъ яму, но даже среди христіанъ, не съумѣлъ отгадать, что среди нихъ дѣйствительно стоитъ истинный владыка этого теченія, что не станетъ цезарей, протекутъ волны варваровъ, минуютъ вѣка, а этотъ старецъ будетъ безпрерывно царствовать здѣсь. Солнце все больше склонялось къ Остіи огромнымъ, краснымъ шаромъ. Вся западная часть неба загорѣлась яркимъ

свѣтъ, другая, могучимъ взмахомъ, возносится отъ праха къ пажитямъ высокихъ предковъ. «Фаустъ», ч. I.

пламенемъ. Солдаты приблизились къ Петру, чтобы обнажить его. Но онъ вдругъ выпрямился и высоко воздѣлъ правую руку. Палачи остановились, какъ будто испуганные, вѣрные затаили дыханіе въ груди, думая, что Петръ хочетъ сказать что-то. Наступила ничѣмъ ненарушимая тишина. А Петръ, стоя на возвышенности, сдѣлалъ крестное знаменіе, давая благословеніе въ минуту смерти: Urbi et orbi!» Влагая въ уста Петра эту обычную формулу, въ которой папы посылаютъ міру свои велѣнія, г. Сенкевичъ попираетъ ногами историческую перспективу. Его ортодоксальное сердце вѣрнаго сына «единой и нераздѣльной католической церкви» трепещетъ отъ восторга, но идея христіанства теряетъ то, что дѣйствительно она внесла новаго — свободу, равенство и братство. Именно въ описываемую имъ эпоху эта идея преобладала надъ всѣмъ и этимъ покорила міръ, а никакъ не посягательствомъ на его «тѣло и душу».

Но возвеличеніе идеи папства г. Сенкевичу дороже правды, и онъ постоянно приходитъ къ этому. Напр., Неронъ при выѣздѣ изъ Рима встрѣчается съ Петромъ, и опять грудь правовѣрнаго католика вздымается отъ гордости въ предвидѣніи грядущей славы папства: «Въ эту-то минуту взглядъ его остановился на стоящемъ на камнѣ апостолѣ. Одно мгновеніе эти люди смотрѣли другъ на друга,—и никому ни изъ этой блестящей свиты, ни изъ неисчислимой толпы не пришло въ голову, что теперь смотрятъ другъ на друга два властелина земли, изъ которыхъ одинъ вскорѣ пройдетъ, какъ кровавый сонъ, а другой — старецъ, облеченный бѣдной лацерной, завладѣетъ всѣмъ этимъ городомъ и міромъ». Г. Сенкевича какъ будто огорчаетъ такая недогадливость толпы, но въ интересахъ будущаго «владыки міра» это было положительно необходимостью. Догадайся кто тогда объ этомъ грядущемъ на смѣну цезаризма новомъ владычествѣ, и врядь ли міръ узрѣлъ бы «намѣстника Петра» въ тройной тіарѣ, посылающаго толпѣ свое «Urbi et orbi».

Въ античномъ мірѣ была тоска не по новомъ рабствѣ, о которомъ мечтаетъ г. Сенкевичъ, — и этого-то настроенія онъ не съумѣлъ выразить въ романѣ, потому что оно чуждо его душѣ...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Введеніе всеобщаго образованія въ Московской губерніи. Только-что истекшая чрезвычайная сессія московскаго губернскаго земскаго собранія ознаменовалась важнымъ постановленіемъ по народному образованію: въ засѣданіи 9-го апрѣля земское собраніе постановило, по словамъ «Рус Вѣд.», «приступить къ немедленному осуществленію такой школьной сѣти, которая обезпечила бы всему населенію губерніи возможность получить школьное образованіе», другими словами, земство рѣшило немедленно приступить ко введенію всеобщаго обученія въ Московской губ.

Вопросы народнаго образованія постоянно привлекали къ себѣ вниманіе московскаго земства. Уже въ прошломъ, 1895 г. въ губернскомъ земскомъ собраніи «разсматривался докладъ особаго совѣщанія по вопросамъ народнаго образованія, выработавшаго проектъ новой сѣти училищъ въ Московской губерніи съ цѣлію сдѣлать начальное обученіе доступнымъ для всего населенія. Совѣщаніе намѣтило къ открытію рядъ новыхъ нормальныхъ школъ для районовъ съ трехверстнымъ радіусомъ, причемъ на школу должно приходиться не менѣе 150 дворовъ, и рядъ филіальныхъ отдѣленій нормальныхъ школъ. Филіальныя отдѣленія, или земскія школы второго разряда, проектировались какъ параллельные классы нормальнаго земскаго училища, съ меньшимъ содержаніемъ и съ преподавателями, состоящими, кромѣ лицъ, имѣющихъ право преподаванія, также изъ окончившихъ успѣшно курсъ земской школы и получившихъ спеціальную подготовку подъ руководствомъ учителя земской школы».

Губернское собраніе постановило передать проектъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній. Въ громадномъ большинствѣ уѣздовъ основныя положенія проекта губернской управы не встрѣтили возраженій; не соглашались только съ нѣкоторыми частностями его и въ особенности съ финансовыми предположеніями управы. Губернская управа нѣсколько видоизмѣнила первоначальный проектъ и представила на утвержденіе земскаго собранія слѣдующія положенія: «Широкое распространеніе грамотности въ населеніи и удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыя ярко намѣчаются въ настоящее время, достигается, во-первыхъ, открытіемъ новыхъ школъ въ дополненіе къ существующимъ уже училищамъ, и, во-вторыхъ, такимъ размѣщеніемъ всѣхъ училищъ въ каждомъ уѣздѣ, которое дѣлало бы школы въ уѣздѣ доступными, по возможности, всей массѣ населенія. Такъ какъ всѣ произведенныя въ губерніи изслѣдованія подтверждаютъ, что дѣйствіе каждой школы простираются на тѣ селенія, которыя находятся отъ нея

не болѣе трехъ верстъ, на болѣе же далекомъ разстояніи населеніе уже съ трудомъ можетъ пользоваться училищемъ, то, въ цѣляхъ сдѣлать обученіе дѣтей доступнымъ для всего населенія, слѣдуетъ установить, что новые школьные районы не должны, по возможности, превышать радіуса въ три версты и что до этого же размѣра должны быть доводимы постепенно районы нынѣ существующихъ училищъ, имѣющихъ большій районъ».

Нормальнымъ райономъ для школы съ полнымъ содержаніемъ должно быть признано, впредь до указанія опыта, число дворовъ не ниже 120, для школы съ уменьшеннымъ содержаніемъ—отъ 60 до 120 дворовъ, и, наконецъ, районы съ числомъ дворовъ менѣе 60 должны быть исключены изъ числа самостоятельныхъ школьныхъ районовъ. Чтобы сдѣлать начальное обученіе доступнымъ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, по вычисленіямъ управы, требуется устройство новыхъ 277 училищъ, содержаніе которыхъ обойдется ежегодно въ 127.740 р. Откуда же взять эти деньги? Въ прошлогоднемъ проектѣ управы предполагалось распредѣлить равномѣрно по всей губерніи доходы, которые получаются съ обложенія фабрикъ и другихъ промышленныхъ заведеній. Эти доходы являются крупной величиной въ бюджетѣ московскаго земства, которое, благодаря имъ, является однимъ изъ самыхъ богатыхъ русскихъ земствъ. Но этотъ проектъ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны уѣздныхъ земствъ, и поэтому губернская управа отказалась отъ него и предложила пополнить недостающую сумму на устройство проектируемой сѣти училищъ изъ средствъ губернскаго земства. Въ настоящее время расходы на содержаніе школъ въ Московской губ. слагаются изъ трехъ категорій: 1) хозяйственные расходы на наемъ сторожа, отопленіе, освѣщеніе, страховку и ремонтъ зданій, отправляемые въ большинствѣ уѣздовъ подушнымъ сборомъ съ крестьянъ; 2) расходы уѣздныхъ земствъ на жалованье учителю и законоучителю и на учебныя принадлежности и 3) губернскія приплаты къ жалованью педагогическаго персонала.

Эти три категоріи расходовъ должны сохраниться и во вновь открываемой сѣти школъ, причемъ губернская управа опредѣляетъ норму расходовъ, обязательную для всякой благоустроенной школы. Такая норма должна быть, по мнѣнію управы, установлена въ размѣрѣ 360 р. на школу по слѣдующему разсчету: 240 р. — жалованье учителю, 60 р.—законоучителю, 50 руб. на учебныя принадлежности и 10 руб. на мелкіе расходы. Расходы на школы съ числомъ учениковъ менѣе 40 намѣчены въ размѣрѣ 300 р., по разсчету: 200 руб. жалованье учителю, 50 р. законоучителю и 50 р. на учебныя принадлежности и др. мелкіе расходы. Губернская приплата учителямъ и законоучителямъ на школы этого разряда не распространяется. Если принять эти основанія, то весь расходъ на содержаніе проектируемой сѣти училищъ со стороны губернскаго и уѣздныхъ земствъ выразится на 277 училищъ въ 127.740 р., изъ нихъ 94.260 руб. уѣздныхъ земствъ и 33.480 р. губернскаго земства. Губернская управа полагаетъ, что тѣмъ мѣстностямъ, которыя, вслѣдствіе высокаго напряженія платежной способности населенія, не могутъ своими средствами осуществить общедоступность начальнаго обученія, губернское земство обязано придти въ этомъ дѣлѣ на помощь.

Предложенія управы были приняты земскимъ собраніемъ и, такимъ образомъ, введеніе всеобщаго обученія въ Московской губ. можетъ считаться дѣломъ ближайшаго будущаго.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ

особенностяхъ московскаго проекта, на которыя указывается въ «Руск. Вѣд.». Прежде всего, вопреки примѣру нѣкоторыхъ другихъ земствъ и вопреки отдѣльнымъ заявленіямъ, дѣлавшимся даже спеціалистами, московская школьная сѣть составляется не только для мальчиковъ, но и для всѣхъ дѣвочекъ. Стремленіе дѣвочекъ въ школу замѣтно усиливается даже при теперешнихъ условіяхъ, а съ правильнымъ размѣщеніемъ училищъ по опредѣленнымъ районамъ оно должно будетъ еще возрости, такъ какъ разстояніе отъ школы особенно вліяетъ именно на посѣщеніе ея дѣвочками. Вторая особенность московскаго плана заключается въ томъ, что въ немъ отвергнута мысль, на которой сначала останавливалась и московская управа и которая нерѣдко повторяется теперь во многихъ земскихъ докладахъ,—мысль о земскихъ подшколкахъ съ неполнымъ курсомъ, съ учителями безъ педагогической подготовки, получившими лишь начальное образованіе. Согласно указанію, сдѣланному тремя уѣздными земствами, московскій проектъ въ своей окончательной редакціи отказался отъ такихъ школокъ съ пониженными требованіями, что̀ и принято постановленіемъ собранія. Вмѣсто этихъ подшколокъ предположенъ болѣе дешевый типъ обычной земской школы для менѣе населенныхъ районовъ. Наконецъ, нельзя не признать правильнымъ и отношеніе московскаго губернскаго земскаго собранія къ вопросу объ обязательности обученія.

Управа высказалась слѣдующимъ образомъ по этому вопросу:

«*Установленіе обязательности обученія для дѣтей опредѣленнаго школьнаго возраста въ Московской губерніи представляется невозможнымъ по незначительному количеству существующихъ школъ и, какъ всякая принудительная мѣра, нежелательнымъ, тѣмъ болѣе, что необходимость его не вызывается условіями губерніи*».

Но земское собраніе не утвердило этой редакціи и признало только обсужденіе вопроса объ обязательности обученія «несвоевременнымъ».

Постановленіе губернскаго земства было встрѣчено общимъ сочувствіемъ. Какъ сообщаютъ «Руск. Вѣд.», въ слѣдующемъ засѣданіи земскаго собранія, состоявшемся на другой день, клинскій уѣздный предводитель дворянства кн. Г. Г. Гагаринъ довелъ до свѣдѣнія гласныхъ, что В. А. Морозова, учредившая уже въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ въ Клинскомъ уѣздѣ три народныхъ школы, теперь, узнавъ о рѣшеніи губернскаго земства сдѣлать начальное образованіе общедоступнымъ, выражаетъ желаніе вести начатое ею дѣло дальше и содѣйствовать земству въ устройствѣ училищъ въ такихъ мѣстахъ Клинскаго уѣзда, гдѣ земство встрѣтитъ затрудненія къ открытію школъ. Послѣ этого заявленія кн. А. А. Ливенъ обратился къ собранію съ краткой рѣчью, въ которой высказалъ, что обѣщаніе такой помощи въ дѣлѣ распространеніи народнаго образованія въ Клинскомъ уѣздѣ должно обратить на себя особенное вниманіе губернскаго земскаго собранія, такъ какъ оно является почином въ средѣ частныхъ лицъ приходить на помощь губернскому земству въ осуществленіи его плана всеобщаго обученія. Можно надѣяться, что примѣръ г-жи Морозовой не останется безъ подражанія. Предсѣдатель губернской земской управы Д. Н. Шиповъ, въ свою очередь, высказалъ, что обѣщанная помощь въ дѣлѣ устройства народныхъ школъ, хотя и въ одномъ уѣздѣ, имѣетъ значеніе для всего земства. Вчера только состоялось постановленіе земскаго собранія, рѣшившаго сдѣлать начальное образованіе общедоступнымъ, а сегодня уже дѣлается заявленіе со стороны частнаго лица объ его же-

лавіи оказать свое содѣйствіе въ этомъ стремленіи земства. Не разъ говорилось, что необходимость всеобщаго обученія вошла въ общественное сознаніе. Удовлетвореніе всѣми сознаваемой потребности широкаго распространенія народнаго образованія, для всѣхъ доступнаго, возможно только при общественной самодѣятельности, если всѣ общественныя силы соединятся въ одномъ направленіи—сдѣлать начальное обученіе всеобщимъ. Затѣмъ Д. Н. Шиповъ, высказалъ надежду, что въ Московской губерніи найдется много лицъ, которыя послѣдуютъ примѣру г-жи Морозовой, предложилъ выразить ей глубокую признательность. Собраніе приняло это предложеніе.

Объякучиваніе русскихъ поселенцевъ. Въ «Якутинскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» помѣщено интересное описаніе двухъ русскихъ поселеній, жители которыхъ, по словамъ газеты, совершенно утратили свою національность: «Оба селенія составляютъ одно крестьянское общество съ населеніемъ 545 душъ обоего пола. Крестьяне перваго изъ нихъ объякутились, языкъ, одежда, привычки амгинца, при бѣг ломъ, по крайней мѣрѣ, наблюденіи, ничѣмъ не отличаютъ его отъ якута. Да и самъ амгинецъ на вопросъ: ты русскій?—отвѣчаетъ:«сохъ, багыный» (т. е. пашенный) Только черты лица, несмотря на брачное во многихъ поколѣніяхъ смѣшеніе амгинцевъ съ якутами, сохраняютъ преобладающій характеръ европейскаго типа. Встрѣчаются чисто русскія лица—голубоглазыя, съ свѣтлою довольно густою растительностью бороды и усовъ. Убѣдившись, что этотъ русскій мужикъ почти ни слова не говоритъ по-русски, испытываешь невольное чувство изумленія».

По словамъ газеты, Амгинская сл.—одно изъ самыхъ древнихъ русскихъ поселеній въ Якутской обл. По преданію, оно основано вольными выходцами, прибывшими по рѣкѣ Амгѣ на плотахъ лѣтъ 200 тому назадъ. Пришельцы сдѣлали пробный посѣвъ хлѣба, давшій баснословный урожай, что и побудило ихъ здѣсь основаться. Весьма вѣроятно, что колонисты давали не мало поводовъ къ непріязненному къ себѣ отношенію инородцевъ, такъ какъ, по тому же преданію, послѣдніе многократно жаловались воеводамъ на утѣсненія и обиды со стороны русскихъ пришельцевъ и въ концѣ концовъ посредствомъ богатыхъ подарковъ добились распоряженія о выселеніи ихъ съ самовольно занятыхъ ими инородческихъ земель. Благодаря, будто бы, этому распоряженію, а вѣрнѣе—вслѣдствіе враждебныхъ дѣйстій якутовъ, русскіе люди ушли отсюда, остались только поладившіе съ якутами три-четыре семьи, которымъ удалось потомъ заполучить легализацію своего окончательнаго здѣсь водворенія, отъ какого-то проѣзжавшаго сановнаго лица. Оставшіеся поселенцы занялись хлѣбопашествомъ и выращивали огородныя овощи съ такимъ успѣхомъ, что сановный господинъ пришелъ въ восхищеніе отъ размѣровъ поднесенныхъ ему вилковъ капусты и рѣшилъ заселить Амгу россійскими людьми. Въ концѣ прешлаго столѣтія, съ цѣлью водворить здѣсь земледѣліе, дѣйствительно были переселены на Амгу нѣсколько крестьянскихъ семействъ. Но дальнѣйшій ростъ слободы происходилъ преимущественно, если не исключительно, на счетъ ссыльныхъ людей, обыкновенно холостыхъ, а потому брачныя связи съ инородцами являлись неизбѣжною необходимостью. Это обстоятельство, съ одной стороны, и полное разобщеніе съ роднымъ племенемъ—съ другой и послужили причиною объякученія ближайшихъ же поколѣній амгинскихъ поселенцевъ.

По словамъ газеты, въ настоящее время приходится думать уже не объ

обрусеніи якутовъ, а объ разъякучиваніи русскихъ. Къ этому факту въ Якутскѣ принято относиться, какъ къ какому-то преступленію, совершенному амгинцами противъ своей національности. Если ужъ тутъ искать виновныхъ, то таковыми скорѣе окажутся сами же обвинители, а никакъ не обвиняемые. До 1871 года въ Амгинской слободѣ не было школы, но и съ тѣхъ поръ школьная дѣятельность не разъ прерывалась на продолжительное время. Только за послѣдніе годы, школа поставлена болѣе или менѣе сносно: дѣти выучиваются, по крайней мѣрѣ, чтенію и письму; составлена маленькая библіотечка изъ книжекъ для народнаго чтенія, и учительница прилагаетъ стараніе, чтобы книжки не лежали втунѣ въ шкафу. Это и есть правильное начало къ разъякучиванію русскихъ людей. Объякученіе амгинцевъ, какъ уже замѣчено выше, не ограничивается утратою родного языка, оно означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и усвоеніе всего внутренняго содержанія и всѣхъ внѣшнихъ проявленій якутской жизни.

Крестьянскій журналъ. Въ апрѣльскомъ засѣданіи Кіевскаго Общества грамотности обсуждался вопросъ о необходимости изданія газеты для народа. Секретарь общества Я. П. Мишинъ прочелъ обстоятельный докладъ, посвященный историческому очерку періодическихъ изданій для народа. Въ доказательство того, что подобныя изданія пользуются народнымъ сочувствіемъ, секретарь сослался на опытъ А. И. Косича, преобразовавшаго неоффиціальный отдѣлъ «Саратовскихъ Губ. Вѣд.» въ народную газету. Симпатіи, которыми пользовалась послѣдняя, проявились въ массѣ корреспонденцій, получаемыхъ редакціей газеты. Наконецъ, о томъ же говоритъ широкое распространеніе «Сельскаго Вѣстника» въ крестьянской средѣ. Съ другой стороны, издавать народную газету довольно рискованно въ смыслѣ матеріальныхъ затратъ, пути ея распространенія недостаточно изслѣдованы, а контингентъ будущихъ читателей не привыкъ къ систематическому чтенію.

Докладчикъ сообщилъ крайне любопытныя данныя о распространенности періодическихъ изданій въ деревнѣ. Такъ, напримѣръ, по свѣдѣніямъ московскаго статистическаго отдѣла, крестьяне Московской губерніи выписывали въ теченіе года до 300 различныхъ изданій, крестьяне Новгородской губерніи до 120, а служащіе на одномъ заводѣ—100 экземпляровъ «Нивы». Что же касается спеціально-народныхъ періодическихъ изданій, то они стали выходить въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ 1863 г. появились: «Воскресный Досугъ», «Мірское Слово» и «Народная Газета». Всѣ три газеты, имѣя широкую и пеструю программу, заключали въ себѣ популярно-научныя бесѣды, поученія на евангельскія темы, наставленія по различнымъ отраслямъ знанія и поэтическія упражненія весьма невысокаго достоинства. Среди послѣдующихъ народныхъ изданій обращаетъ на себя вниманіе «Другъ Народа», издававшійся А. Ѳ. Андріяшевымъ. Газета была предназначена для Юго-Западнаго края, носила мѣстный колоритъ и, по словамъ докладчика, часто мѣняла свою физіономію; къ числу другихъ народныхъ изданій принадлежала «Ремесл. Газ.» Савича въ Москвѣ. Наконецъ, во время русско-турецкой войны существовало одно народное изданіе, которое въ низшихъ классахъ населенія пользовалось огромною популярностью, хотя, по мнѣнію «Отечественныхъ Записокъ», носило грязный, циническій характеръ. Въ настоящее время въ распоряженіи народа имѣется одинъ лишь «Сельскій Вѣстникъ». При докладѣ Я. П. Мишина была приложена приблизитель-

ная смѣта расходовъ по изданію народныхъ газетъ. Райономъ распространенія газеты будутъ, вѣроятно, служить не только губерніи Юго-Западнаго края, но и Черниговская, Полтавская, Харьковская и друг.

Докладъ г-на Мишина вызвалъ оживленныя пренія. Нѣкоторые члены находили, что, вмѣсто газеты, слѣдуетъ издавать ежемѣсячный журналъ, другіе указывали на трудности изданія періодическаго органа для народа при современныхъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе, когда предсѣдатель А. И. Косичъ постановилъ на баллотировку вопросъ: слѣдуетъ-ли Кіевскому Обществу грамотности издавать народный органъ, то вопросъ былъ почти единогласно рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Пока интеллигенція смотритъ и разсуждаетъ о желательности народнаго органа, народъ своими средствами уже работаетъ надъ созданіемъ такихъ органовъ. Вотъ, напр., что сообщается въ кіевской газетѣ «Жизнь и Иск.», въ корреспонденціи изъ села Соловьевки, Радомысльскаго уѣзда: «Грамотность въ нашемъ селѣ съ давняго времени свила себѣ прочное гнѣздо. Начало грамотности относится у насъ къ пятидесятымъ годамъ, когда одинъ изъ грамотныхъ крестьянъ, по имени Иванъ Устимчукъ, занялся обученіемъ мѣстныхъ крестьянскихъ дѣтей Школа Устимчука помѣщалась въ домишкѣ, принадлежавшемъ мѣстному помѣщику. Подъ руководствомъ Устимчука, благодаря его усердію къ дѣлу просвѣщенія, грамотѣ научилось не мало мальчиковъ, которые впослѣдстіи заняли мѣста учителей теперешнихъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Питомцы Соловьевской школы есть и въ значительныхъ должностяхъ: такъ, Павелъ Савченко состоитъ въ должности смотрителя Звенигородскаго уѣзднаго училища. Наконецъ, изъ соловьевскихъ грамотеевъ есть и литераторъ—крестьянинъ Иванъ Савченко, сотрудничающій въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Однимъ словомъ, въ Соловьевкѣ мало найдется такихъ хатъ, въ которыхъ бы не было грамотныхъ. Въ Соловьевкѣ, наконецъ, появилась и *рукописная юмористическо-сатирическая литература на всякія мѣстныя злобы дня*. Литература эта появляется въ видѣ «летучихъ листковъ» съ каррикатурами, раскрашенными въ нѣсколько красокъ. Такъ, недавно появился листокъ, озаглавленный «Соловьевская Стрекоза». На первой страницѣ помѣщена каррикатура «на кабатчиковъ», съ надписью «съ новымъ годомъ!» Каррикатура эта представляетъ брюхатаго стриженнаго хохла въ сюртукѣ. Въ правой рукѣ онъ держитъ «капшукъ», наполненный деньгами, лѣвою же отворяетъ двери корчмы, на коихъ написано: «придите ко мнѣ всѣ оглашенные воры, обирающіе кладовыя и коморы; придите конокрады, кишащіе здѣсь, какъ гады, придите пьяницы—лѣнивцы и всѣ мірскіе кровопивцы. Всѣмъ поднесу здѣсь сивуху вонючую, а вы насыплете мнѣ денегъ кучу! На эти денежки куплю имѣніе, рысаки,—эй! Спѣшите сюда всѣ дураки!».. Одинъ изъ этихъ дураковъ представленъ лежащимъ безъ чувствъ возлѣ кабацкой стойки. За стойкой виднѣется бочка, на которой выставлена цифра крѣпости продаваемой сивухи 39. За бочкою стоитъ самъ «хозяинъ кабацкаго зла», мордастый чортъ съ рогами и тоненькими усиками; въ правой лапѣ чортъ держитъ полуведерную мѣру корчемную, а въ лѣвой крюкъ желѣзный, на подобіе пожарнаго; крюкомъ этимъ здѣсь на землѣ чортъ притягиваетъ пьяницъ въ корчму, а когда душа пьяницы окажется настолько насыщенною спиртомъ, что вѣчно можетъ горѣть въ адской гееннѣ, то этимъ самымъ крюкомъ чортъ извлекаетъ душу изъ тѣла пьяницы и относитъ по принадлежности къ первому винокуру. Слѣдую-

щія двѣ страницы «Соловьевской Стрекозы» украшены каррикатурами «на бывшаго сельскаго старосту, удаленнаго съ должности за растрату 238 рублей 40 к.». На первой изъ нихъ староста представленъ въ видѣ вареника, сплюснутаго въ макитрѣ. «Вареникъ» стоитъ возлѣ сельской управы и, вмѣсто рыбки въ мутной водѣ, ловитъ дубовые столбы... Далѣе слѣдуетъ каррикатура на конокрадовъ»,

---

Семеновскіе кустари. Въ «Нижегор. Листкѣ» помѣщенъ любопытный очеркъ земскаго статистика, г-на Ахиллова, о кустарныхъ промыслахъ Семеновскаго уѣзда. Г-нъ Ахилловъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ современное положеніе кустаря: въ далекомъ прошломъ, въ непосредственной связи съ землей, возникаетъ первая кустарная единица. Пока кустарь является единственнымъ представителемъ въ своей деревнѣ того или другого, такъ или иначе усвоеннаго имъ промысла, онъ работаетъ по *заказу* мѣстнаго же потребителя. Но тѣ же факторы, которые создали первую кустарную единицу, быстро выдвигаютъ ей и кункуррентовъ. Промыселъ охватываетъ сначала всю данную деревню, а затѣмъ всю данную «округу». Прежняя опредѣленность сбыта по заказу исчезаетъ и на сцену являются «крѣпостные хозяева», карающіе и милующіе подневольнаго кустаря и регулирующіе такъ или иначе все данное производство.

Кустарь и «хозяинъ»—это двѣ непрестанно, но далеко, конечно, не съ одинаковымъ успѣхомъ воюющія стороны.

Условія жизни и труда, создаваемыя такимъ положеніемъ вещей, чрезвычайно неблагопріятны для кустаря. Вотъ какъ описываетъ г-нъ Ахилловъ «работню» кустарей — валяльщиковъ, выдѣлывающихъ обувь.

«Низкая полутемная изба. Вдоль стѣнъ ея высокіе, до пояса, широкіе прилавки. Слѣва отъ двери и прямо противъ нея три голыхъ взрослыхъ работника; все, чѣмъ «грѣхъ на нихъ прикрытъ»—это короткія, болтающіяся на бедрахъ не то фартуки, не то юбки изъ грубаго грязнаго холста. Передъ каждымъ изъ рабочихъ: плетеный коробъ (на полу) съ шерстью, очищенной уже одной изъ механическихъ шерстобитенъ на р. Линдѣ; подвѣшенная къ стѣнѣ «рѣшетка», на которой взбивается очищенная уже шарсть, и висящій надъ рѣшеткой «лучекъ», нѣчто въ родѣ громаднаго, до $1^1/_2$ —2-хъ арш. длиной, смычка. Поднося натянутую на лучкѣ грубую толстую струну къ накиданной на рѣшеткѣ шерсти, кустарь ударяетъ деревянной «катеринкой» по струнѣ и, силою ея колебанія, взбиваетъ шерсть, какъ нѣжный пухъ. Взбитая такимъ образомъ шерсть раскладывается равнымъ слоемъ на широкомъ холстѣ, взбрызгивается водою изъ стоящей тутъ же грязной бутылки и *катается* въ этомъ холстѣ до плотности мягкаго пока войлока. Носящаяся въ душной работѣ пыль покрываетъ слоемъ голое тѣло катальщика, забивается въ его волосы, дѣлаетъ ихъ какъ бы напудренными, въ носъ, въ ротъ, въ горло и вызываетъ одышку. Особенно дѣйствуетъ на здоровье катальщика работа (подъ Боромъ) изъ «коровины», нерѣдко поступающей кустарю съ известью, остающейся на шерсти при соскабливаніи ея въ кожевенномъ еще производствѣ. Хотя купоросъ «всякъ дрянь сволакиваетъ»,а ярмарка«всякъ товаръ выдуватъ», но моментъ скатыванія въ *стелечномъ*, по преимуществу потребляющемъ, кажется, эту шерсть производствѣ, не легко отзывается на легкихъ катальщика».

Сами кустари относятся къ своей работѣ съ полною безнадежностью. Если спросить кустаря, какъ отзывается работа на его здоровьѣ, онъ отвѣтитъ въ первый моментъ: что

работа «ничего — не ломова», что отъ этой работы, «какъ хошь, не помрешь». Немного спустя онъ уже прибавляетъ къ сказанному, какъ бы нехотя, что «перемотался народъ, тощой, а бродитъ до 60-ти лѣтъ, не помиратъ». Заинтересовавшись, наконецъ, и самъ этимъ празднымъ для него вопросомъ, кустарь уже прямо заявляетъ, что «все жми, да дави сапогъ,—ночи не спишь отъ усилія, да отъ *ломоты*»; что послѣ каждаго перерыва въ промыслѣ во время полевыхъ работъ, обвариваемыя кипяткомъ и стираемыя до живого мяса ладони «пенками стоятъ», что сначала съ нихъ «чешуя слѣзатъ» и что лишь «по привычкѣ руки прытко терпятъ», а кто не стирывалъ, у кого ладонь «тоненькая», тому «не стерпѣть бы»; что «наводятся руки въ теплѣ, такъ для стужи въ варегахъ на волѣ не терпятъ» и т. п.

Если вы поинтересуетесь узнать отъ самого же кустаря, что нужно для того, чтобы выйти ему изъ этой «каторги», онъ скажетъ вамъ только, что «мы и сами не знаемъ», что они «съ измальства заучены, какъ собаки», и фаталистически прибавитъ къ сказанному, что «Господь далъ работу— самъ шайтанъ не отыметъ».

И за такую работу онъ получаетъ отъ «хозяина» 2—2 руб. 50 коп. въ недѣлю. Принимая рабочій *день* съ 12 час. *ночи* до 7 часовъ вечера (за вычетомъ отдыха) въ 14—16 часовъ, мы найдемъ, что въ валеномъ производствѣ кустарь получаетъ отъ $2^1/_2$ до 3 коп. за часъ.

Не лучше обстоятъ дѣла и у другой группы кустарей Семеновскаго уѣзда— у гвоздарей, населяющихъ тотъ уголокъ уѣзда, который, называется, Красною Раменью; г-нъ Ахилловъ слѣдующимъ образомъ описываетъ кустарныя кузни, гдѣ производится работа.

«Это довольно просторный рубленый изъ 3-вершковой «лѣсины» и сильно закоптѣлый сарай. Направо и налѣво отъ ведущихъ въ него двухстворчатыхъ дверей съ битыми стеклами, залатанными кусками грязноватаго крашеннаго желѣза, два горна изъ кирпичной кладки съ вытяжными желѣзными раструбами. Передъ каждымъ горномъ очень несложная наковальня; передъ каждой наковальней по взрослому работнику и по парѣ дѣтей 10—12 ти-лѣтняго возраста. Это «полъ-третья» — полная рабочая сила—«мастеръ» и два молотобойца. Потныя, грязныя лица всѣхъ ихъ носятъ отпечатокъ безусловной изможденности. Оголенныя висящей клочьями рубахи «безрукавки» руки, несмотря на постоянную мускульную работу, тонки и дряблы, какъ у женщины. «Какъ не болѣть, весь болишь, руки просто не подымаются», говорятъ гвоздари, нисколько не удивляясь своей физической слабости».

Опасность гвоздарной работы заключается въ томъ что раскаленному до красна желѣзу стоитъ только «плеснуть» длинной искрой своей въ сторону и «глазъ готовъ». Поврежденный глазъ у однихъ «вытекатъ на вовсе», у другихъ «пострадатъ, пострадатъ мѣсяца два-три и пройдетъ». А «мало-ли такихъ по «Красной Рамени» у кого отъ этой работы и ни одного ужъ глаза нѣтъ». «Мало-ли и такихъ, что, не доживъ «вѣку, помираютъ» отъ ранняго и быстраго истощенія силъ».

И при всей этой работѣ размѣръ заработка кустарей держится около 1 р. 65 к.—1 р. 70 к., а исключивъ расходъ на уголь,— 1 р. 15 к.—1 р. 20 к. въ недѣлю, другими словами $1^2/_3$—2 к. въ часъ.

Ревнители просвѣщенія. Примѣромъ черезчуръ ревностнаго просвѣтителя народа можетъ служить камышинскій земскій начальникъ, г-нъ Жеденевъ, о дѣятельности котораго мы уже говорили въ прошлой книгѣ «Міра Божьяго», и который заставилъ

много говорить о себѣ послѣднее время, потому что явился съ револьверомъ въ редакцію «Недѣли» и выстрѣлилъ въ г-на Меньшикова, въ отмщеніе за напечатаніе о немъ неблагопріятной корреспонденціи.

Этотъ выстрѣлъ достойно завершилъ собою всю дѣятельность г-на Жеденева, представляющаго любопытный типъ «общественнаго дѣятеля». По словамъ саратовскаго корреспондента «Сам. Газеты», г-нъ Жеденевъ въ бесѣдахъ съ нимъ не разъ высказывалъ взглядъ, что народъ надо благодѣтельствовать сверху, не спрашивая его, желаетъ онъ этого, или нѣтъ. Самъ народъ не знаетъ, что для него лучше; это знаетъ только интеллигенція, къ каковой г. Жеденевъ причислилъ и себя. И «интеллигенція» обязана всѣми имѣющимися въ ея рукахъ мѣрами благодѣтельствовать народъ. Если же онъ сопротивляется, надо его заставить—потомъ онъ пойметъ, что это было.

И вотъ г-нъ Жеденевъ, пользуясь своею властью, началъ насаждать культуру въ своемъ участкѣ за счетъ, конечно, «благодѣтельствуемаго» народа.

Одинъ сиротскій пріютъ въ Красномъ-Яру стоилъ десятки тысячъ рублей, а кромѣ него г. Жеденевъ завелъ пожарную команду, которая обходится обществу около трехъ тысячъ рублей въ годъ, завелъ общественную винoторговлю, доходы съ которой употребляются начальствомъ не на то, на что хочетъ общество, и пр., и пр.

Слѣдующая корреспонденція «Самарской Газеты» изъ села Лопуховки, Камышинскаго уѣзда, можетъ служить иллюстраціей того, какъ относятся крестьяне къ просвѣтительнымъ мѣропріятіямъ бывшаго господина земскато начальника:

«10-го марта въ селѣ Лопуховкѣ состоялся давно ожидаемый крестьянами сельскій сходъ. По мотивамъ, извѣстнымъ только сельской администраціи, созывъ схода со времени отъѣзда земскаго начальника г. Жеденева (въ концѣ ноября 1895 г.) упорно откладывался. Не смотря на полнѣйшее разстройство общественнаго хозяйства, крестьяне, при всей своей нуждѣ и вопіющей потребности, не имѣли никакой возможности обсуждать свои дѣла и устанавливать тѣ или другія мѣропріятія. Въ 1896 году сходъ, о которомъ мы сообщаемъ, былъ первымъ. Можно себѣ представить, съ какой радостью крестьяне привѣтствовали настоящій созывъ. Накопившіеся вопросы хлынули разомъ и сопровождались шумными преніями. Интересно особенно отмѣтить то отношеніе, какое высказало на этомъ сходѣ Лопуховское сельское общество по отношенію къ здѣшнему сиротскому пріюту. Не далѣе, какъ 8-го числа сего мѣсяца, разнеслась по селу вѣсть что староста подписалъ какую-то бумагу, которая заключала въ себѣ похвальный отзывъ о Лопуховскомъ сиротскомъ пріютѣ. На сходѣ потребовали отъ старосты объясненія. Нужно было удивляться той горечи и чувству негодованія, съ какимъ крестьяне касались этого, повидимому, самаго больного ихъ мѣста. Староста подтвердилъ, что бумагу такую онъ дѣйствительно подписалъ, но былъ вынужденъ къ этому боязнью ослушаться г. Жеденева. Передадимъ почти дословно объясненіе старосты, произнесшаго свою рѣчь въ присутствіи полнаго схода: «Земскій начальникъ,—говорилъ онъ,— прислалъ батюшкѣ письмо, въ которомъ проситъ созвать для экстреннаго собранія всѣхъ старостъ Лопуховской волости съ тѣмъ, чтобы получить отъ насъ похвальный отзывъ о Лопуховскомъ сиротскомъ пріютѣ. По моему мнѣнію, писано было въ этой бумагѣ все неправда. Всѣ другіе старосты приложили свои печати. Меня тоже уговорили, но я подписывать не хотѣлъ; такъ я и ушелъ въ тотъ ве-

черъ. На другое утро призываютъ меня въ правленіе, какъ будто по дѣлу. Волостной писарь предлагаетъ мнѣ снова бумагу и начинаетъ убѣждать. Я по оплошности подписался, но, прочитавъ, усомнился и говорю писарю, что фамилію свою вычеркну. Писарь мнѣ запрещаетъ. Тогда я хочу бумагу разорвать, а онъ подскочилъ и, ударивъ меня въ грудь, вырвалъ изъ моихъ рукъ бумагу». Сцена эта, по словамъ старосты, происходила при свидѣтеляхъ. На вопросъ старосты, будетъ ли общество опровергать похвальный отзывъ о Лопуховскомъ пріютѣ, сходъ, словно въ одинъ голосъ, воскликнулъ: «Всѣ подписываемся въ томъ», и выбрали даже по этому поводу уполномоченнаго. Энергичныя распоряженія г-на Жеденева довели, наконецъ, опекаемыхъ имъ крестьянъ до «бунта», который и былъ описанъ въ «Недѣлѣ». Причина «бунта», въ нѣсколькихъ словахъ, заключается въ слѣдующемъ: г-нъ Жеденевъ, вопреки желанію крестьянъ, устроилъ въ селѣ Красный Яръ общественную виноторговлю Крестьяне же находили для себя болѣе выгоднымъ сдать право виноторговли купцу, который обязывался заплатить обществу за это 4.000 р. Эти деньги нужны были крестьянамъ для уплаты податей, за невзносъ которыхъ имъ пришлось бы поплатиться всѣмъ своимъ имуществомъ. Г-нъ Жеденевъ, желая во что бы ни стало охранять народную нравственность и оберегать крестьянъ отъ эксплуатаціи кабатчика, упустилъ изъ виду это важное обстоятельство, дѣлавшее договоръ съ купцомъ необходимымъ. Поэтому, крестьяне энергично воспротивились общественной виноторговлѣ. По словамъ корреспондента «Недѣли», «Въ наступившемъ 1896 году крестьяне, прослышавъ, что волостной старшина хочетъ посылать снова безъ ихъ вѣдома въ акцизное управленіе за патентомъ, написали сами приговоръ о своемъ нежеланіи продолжать общественную торговлю виномъ, собрали въ одинъ день подъ этотъ приговоръ подписи болѣе двухъ-третей членовъ общества и послали въ акцизное управленіе телеграмму о томъ, что общество не желаетъ продолжать общественной торговли. Вслѣдствіе этой телеграммы, акцизное управленіе патента не выдало, и торговля должна была прекратиться. Наканунѣ новаго года, 31 декабря, краснопрскіе крестьяне, собравшись всѣмъ обществомъ, приняли отъ завѣдующаго общественной торговлей бочки съ виномъ, оставшіяся въ винномъ складѣ (въ Красномъ-Яру нѣсколько общественныхъ лавокъ: одна ведерная или винный складъ, а другія для розничной продажи вина на выносъ) и перетащили ихъ въ помѣщеніе розничной виноторговли на выносъ. Затѣмъ лавку для розничной виноторговли они заперли на замокъ, отдали ключи одному изъ своихъ односельцевъ, приложили къ двери лавки общественную печать и разошлись. Сельское и волостное начальство не сопротивлялось. Объясняютъ крестьяне свой поступокъ тѣмъ, что помѣщеніе для розничной виноторговли у нихъ свое, общественное, а помѣщеніе для виннаго склада общество нанимаетъ. Поэтому они и перетащили бочки съ виномъ въ лавку изъ виннаго склада, чтобы не платить за его помѣщеніе напрасно, когда торговля уже прекратилась. На томъ дѣло, можетъ быть, и кончилось бы, еслибъ старшина не донесъ мѣстной полиціи о «бунтѣ» красноярскаго общества. Пріѣхалъ исправникъ, приставъ, нѣсколько урядниковъ, судебный слѣдователь; однако, хотя по словамъ старшины былъ «бунтъ», никто изъ крестьянъ арестованъ не былъ. Исправникъ, узнавъ въ чемъ дѣло, скоро уѣхалъ, обѣщавъ вернуться, какъ только пріѣдетъ земскій начальникъ».

Корреспондентъ «Недѣли» объ-

ясняетъ далѣе, что «въ принципѣ крестьяне, конечно, совсѣмъ не противъ общественной виноторговли. Это можно видѣть изъ того, что бурлукское общество согласилось нынѣшній годъ продолжать общественную торговлю, но только *съ тѣмъ условіемъ, чтобы вся прибыль съ нея шла на уплату податей*. Вообще крестьяне отлично сознаютъ выгодныя стороны общественной виноторговли. Красноярское же общество желаетъ теперь сдать снова право виноторговли купцу по той простой причинѣ, что крестьяне совершенно не знаютъ, сколько приноситъ доходовъ ихъ общественная виноторговля и куда эти доходы тратятся. Затѣмъ доходы съ общественной виноторговли шли не на то, на что хотѣли крестьяне. Общество желало уплачивать подати изъ этихъ доходовъ, но желаніе его не исполнялось. Теперь на Красномъ-Яру около 80.000 рублей недоимокъ, и это крестьяне прямо приписываютъ тому, что всѣ общественные доходы тратятся начальствомъ очень неразсчетливо. За все время существованія общественной виноторговли въ уплату податей изъ доходовъ съ нея положено только по 1 рублю на душу. Очевидно, что при такихъ условіяхъ сдать право торговли виномъ купцу для крестьянъ несравненно выгоднѣе. Совершенное отстраненіе крестьянъ отъ распоряженія своимъ имуществомъ привело къ тому, что въ Красномъ-Яру теперь идутъ толки о переселеніи въ Сибирь, хотя земли у крестьянъ, по ихъ словамъ, вполнѣ достаточно».

Въ виду защиты, которую дѣятельность г. Жеденева встрѣтили въ нѣкоторыхъ газетахъ, «Недѣля» помѣстила оффиціальные документы, подтверждающіе справедливость заявленій ея корреспондентовъ (см. № 15). Казалось бы, дикая выходка г. Жеденева, это разбойничье нападеніе на безоружнаго, ни въ чемъ неповиннаго предъ нимъ человѣка,—достаточно окрашиваетъ, довершаетъ портретъ этого «дѣятеля». Но въ наши дни, когда такъ странно и причудливо смѣшались самыя обыденныя понятія о порядочности,—и такіе герои насилія, ничѣмъ не прикрашенные, словно гордящіеся своей духовной наготой, встрѣчаютъ сочувствіе и защиту. И въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ печальнѣйшихъ знаменій времени, глубокаго упадка общественнаго чувства. Будемъ ли мы относиться къ самому преступнику, какъ къ душевно-больному или какъ къ глубоко-безнравственному, для котораго не существуетъ различія въ средствахъ, въ пустой груди котораго понятіе чести не находитъ мѣста.—двухъ мнѣній о его дѣятельности,—какъ и о его преступленіи,—быть не должно. Сплошь основанная на насиліи, на произволѣ и полномъ презрѣніи къ законности,—«благотворительная» дѣятельность г. Жеденева есть глубокое общественное зло.

Пользуемся случаемъ, чтобы выразить наше искреннее сочувствіе М. О. Меньшикову, какъ представителю печати, выступившей на защиту обездоленныхъ крестьянъ, пострадавшему за дѣло правое и благородное.

Преобразованіе комитетовъ грамотности. Новый уставъ Петебургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности, переименованныхъ въ «Общества грамотности», заключаетъ въ себѣ весьма существенныя измѣненія по сравненію съ прежнимъ уставомъ, дѣйствовавшемъ въ теченіе 38 лѣтъ. Задачи общества формулируются въ новамъ уставѣ такъ: обществамъ предоставляется право (пар. 3) собирать статистическія данныя о положеніи школьнаго дѣла, о народныхъ библіотекахъ и другихъ средствахъ внѣшкольнаго образованія, ходайствовать объ улучшеніи существующихъ или устройствѣ новыхъ школъ, учре-

ждать на свои средства школы и читальни, оказывать пособія учащимъ и учащимся въ народныхъ школахъ, снабжать школы книгами, обсуждать педагогическіе вопросы и проч. Все это съ особаго всякій разъ разрѣшенія начальства. По отношенію къ самой организаціи общества въ новомъ уставѣ встрѣчаются не менѣе существенныя нововведенія, которыя не могутъ не отразиться на всей его будущности. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайное ограниченіе самодѣятельности общества: предсѣдатель его назначается министерствомъ, члены правленія, хотя и избираются общимъ собраніемъ, но затѣмъ утверждаются министерствомъ. Когда министръ народнаго просвѣщенія не найдетъ возможнымъ утвердить въ должности тѣхъ или другихъ лицъ, изъ числа избираемыхъ по § 19 сего устава, то предлагаетъ общему собранію общества произвести новый выборъ; при безуспѣшности же сего выбора назначаетъ взамѣнъ того лица другое, по своему усмотрѣнію; изъ должностныхъ лицъ допущены безъ утвержденія только казначей и члены ревизіонной коммиссіи. Засѣданія общества могутъ быть только закрытыя; обсуждаются на нихъ лишь тѣ вопросы, которые внесены заранѣе въ программу, а программа должна сообщаться министерству. Правленію и даже предсѣдателю предоставлена значительная власть относительно постановленій общества; если постановленіе кажется правленію неудобнымъ, оно вновь передается на обсужденіе общества; въ случаѣ же, когда послѣднее останется при прежнемъ рѣшеніи, дѣло передается на разсмотрѣніе министра. У предсѣдателя такая же власть относительно правленія: при несогласіи съ рѣшеніемъ правленія онъ переноситъ дѣло въ министерство.

Фактически вся дѣятельность новыхъ обществъ грамотности будетъ сосредоточиваться въ рукахъ правленія. Общія собранія созываются только разъ въ годъ и роль ихъ сводится къ выборамъ правленія и ревизіонной коммиссіи и утвержденію отчетовъ и смѣты. Общія собранія не могутъ быть публичными; журналы общихъ собраній и даже извлеченія изъ нихъ могутъ быть печатаемы только съ разрѣшенія министра. Кромѣ этого, правда, могутъ быть созываемы экстренныя собранія въ случаѣ особой надобности для обсужденія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, но для созыва ихъ требуется заявленіе не менѣе $^1/_5$ членовъ общества. Примѣчаніе къ параграфу 36 гласитъ, что въ общихъ собраніяхъ могутъ быть обсуждены лишь такіе вопросы, предложенія и предметы, которые относятся непосредственно къ опредѣленной симъ уставомъ дѣятельности обществъ и были на предварительномъ разсмотрѣніи правленія. Далѣе, программы для статистическихъ свѣдѣній и всѣ книги, издаваемыя обществомъ, должны утверждаться министерствомъ народнаго просвѣщенія, сношеніе съ учителями дозволено только черезъ посредство учебнаго начальства.

Нельзя не отмѣтить также слѣдующей особенности новаго устава: членами обществъ грамотности могутъ быть только лица «христіанскаго вѣроисповѣданія». Сколько намъ извѣстно, такого рода ограниченій нѣтъ ни въ одномъ изъ уставовъ существующихъ обществъ. На ряду съ лицами «нехристіанскаго вѣроисповѣданія» попали въ немилость и женщины, которыя почему-то «не могутъ быть избираемы въ члены правленія». Это постановленіе тѣмъ болѣе странно, что женщины всегда проявляли очень энергичную дѣятельность на поприщѣ народнаго образованія и являются чрезвычано полезными членами во всѣхъ обществахъ, содѣйствующихъ распространенію образованія въ народѣ.

14 апрѣля, послѣ шестимѣсячнаго перерыва, состоялось первое засѣда-

ніе бывшаго Петербургскаго комитета въ его преобразованномъ видѣ. Какъ сообщаетъ «Новое Время», какая судьба постигнетъ новое общество покажетъ будущее.

«Не отличаясь многолюдствомъ, собраніе имѣло бурный характеръ. Засѣданіе открылось чтеніемъ новаго устава общества, составленнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія и утвержденнаго графомъ И. Д. Деляновымъ. Затѣмъ были прочитаны письма многихъ лицъ, сложившихъ съ себя званіе членовъ бывшаго комитета грамотности. Мотивомъ къ отказу послужилъ новый уставъ общества, который лишаетъ членовъ самостоятельной дѣятельности. Согласно новому уставу, общество грамотности подчиняется непосредственно центральному управленію министерства народнаго просвѣщенія, которое руководитъ дѣятельностью общества, поощряя достойнѣйшихъ членовъ почетными наградами (§ 41). Правленіе общества обязывается входить въ министерство съ представленіями и получать отъ него предписанія (§ 42). По § 19 предсѣдатель общества грамотности назначается министромъ. Засѣданія общихъ собраній, правленій и коммиссій общества не могутъ быть, согласно уставу, публичными. Члены общества не избираются, какъ было прежде, каждый внесшій въ кассу общества пятирублевый взносъ считается членовъ общества. Всѣ приведенные параграфы устава и многіе другіе вызвали у присутствовавшихъ въ засѣданіи желаніе скорѣйшаго измѣненія новаго устава. Когда была поставлена на очередь баллотировка новаго правленія, собраніе единогласно постановило не выбирать правленія и поручить бывшему совѣту комитета грамотности просить министерство допустить въ будущемъ засѣданіи обсужденіе измѣненій устава.. Бывшій совѣтъ комитета грамотности въ полномъ составѣ заявилъ о своемъ желаніи выдти изъ состава общества. Собраніе просило совѣтъ остаться пока во главѣ общества».

Какъ обнаружилось на собраніи, число вышедшихъ членовъ изъ состава Комитета достигаетъ 300. Подъ заявленіемъ собранія о необходимости измѣнить новый уставъ подписались всѣ присутствовавшіе члены, въ томъ числѣ помощникъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа г. Лаврентьевъ.

За границей.

Венгрія и ея прежніе дѣятели. Въ этомъ году Венгрія собирается праздновать тысячелѣтіе своего существованія. Въ Буда-Пештѣ, столицѣ Венгріи, устраивается грандіозная выставка, конгрессы и всякаго рода торжества. Мадьяры хотятъ показать, какихъ успѣховъ и развитія достигла Венгрія въ этотъ промежутокъ времени.

Венгрія давно уже перестала быть тѣмъ, чѣмъ она была до второй половины XVI вѣка, т. е. самостоятельнымъ и независимымъ государствомъ. Ея тысячелѣтняя исторія, уже въ силу ея географическаго положенія на пути народныхъ переселеній и нашествій съ азіатскаго востока въ Западную Европу и въ мѣстѣ соприкосновенія двухъ великихъ расъ, славянской и германской, изобилуетъ всевозможными превратностями и отличается своеобразностью. Въ настоящее время Венгрія сдѣлалась окончательно достояніемъ чуждой династіи и соединена въ одну монархію вмѣстѣ съ прочими наслѣдственными землями этой монархіи. Это совершилось не безъ борьбы, и мадьяры, горячо отстаивая свою независимость,

свои національныя права, мужественно шли на смерть, стремясь свергнуть ненавистное иго нѣмцевъ, защитить отъ германизаціи свою расу, языкъ, историческія традиціи и свою автономію.

Теперь мадьяры если и не примирились со своимъ положеніемъ, то удовлетворились тѣми привиллегіями, которыя предоставляетъ имъ соглашеніе (Ausgleich), заключенное въ 1867 году между австрійскимъ императоромъ и венгерскими представителями. Идея полной независимости уже отступила на второй планъ и развѣ только однѣ горячія головы членовъ ультрарадикальной оппозиціи продолжаютъ упиваться мечтами о свободной Венгріи; всѣ же остальные группируются теперь подъ знаменемъ національной идеи, требуя только владычества мадьяръ надъ всѣми прочими народностями Венгріи и вполнѣ удовлетворяясь системою австрійскаго дуализма. Для этихъ послѣднихъ нѣмцы перестали быть врагами; они даже стали почти союзниками, такъ какъ, именно опираясь на нихъ и политику австрійскаго правительства, мадьяры могутъ надѣяться на полное развитіе своей національности.

Въ виду такой перемѣны настроенія умовъ Венгріи, предстоящее торжество получаетъ вполнѣ мирный характеръ. По описаніямъ австрійскихъ газетъ, готовится нѣчто грандіозное, и мадьяры надѣются, если не затмить, то, во всякомъ случаѣ, не уступить французамъ съ ихъ послѣднею выставкой. Во всякомъ случаѣ слишкомъ не велика горсть людей, которые, при видѣ роскошнаго убранства Буда-Пешта, вспомнятъ, что произносить «Буда-Пештъ» какъ одно слово было бы нелѣпостью, не далѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тогда это были два враждующихъ города; Буда, возвышающійся на правомъ берегу Дуная, на австрійскомъ холмѣ, угрожалъ Пешту, венгерской столицѣ, раскинутой на другомъ берегу въ равнинѣ, и господствовалъ надъ нимъ. Въ Будѣ сосредоточивались всѣ аттрибуты власти и угнетенія, дворцы, административныя учрежденія, казармы, тюрьма и крѣпость, съ направленными въ сторону венгерскаго города пушками. Въ Пештѣ же, наоборотъ, на первый планъ выступала общественная жизнь, школы, мастерскія, фабрики, кафе и театры; процвѣтала литература, собранія и чувствовалось, что тутъ кипитъ жизнь мысли и дѣла, это былъ центръ, въ которомъ народилось и подготовилось движеніе 1848 года, гдѣ кипѣли и бродили идеи и чувства, вызванныя мечтами о мадьярской независимости. Для Венгріи это была великая, но въ то же время полная слезъ эпоха. Политическій центръ тогда находился въ Позони (Pozony), переменованномъ нѣмцами въ Пресбургъ. Тамъ засѣдалъ венгерскій сеймъ и въ нижней палатѣ раздавались краснорѣчивые голоса депутатовъ венгерской оппозиціи: Чехеньи, прозваннаго «великимъ мадьяромъ», Деака - «мудреца» и Кошута, самаго ревностнаго апостола доктринъ равенства. Тамъ именно была составлена программа 1847 года, основными принципами которой были: автономія и конституція. Но хотя Позони и былъ политическимъ центромъ, сердцемъ Венгріи все-таки оставался Пештъ. Тамъ сосредоточены были писатели, артисты и ученые молодой Венгріи, воодушевленные великою идеей и готовые жертвовать за нее жизнью. Въ этомъ движеніи участвовало много выдающихся людей Венгріи и много талантливыхъ писателей: Іокай, тогда еще молодой начинающій писатель, дебютировавшій въ журналистикѣ; Іосифъ Ириньи и Эмеди, редакторы газеты Кошута «Pesti Hirlap» Коральи, редакторъ другой распространенной газеты, Пакъ, Дежэ и мн. другіе, еще молодые, но уже стяжавшіе себѣ извѣстность на литературномъ поприщѣ.

Вся эта молодежь сосредоточивалась вокругъ Александра Петефи, знаменитаго венгерскаго поэта, павшаго въ сраженіи за свободу Венгріи. Шальная пуля положила конецъ романическому существованію талантливаго молодого поэта, сдѣлавшагося солдатомъ ради идеи. Его имя уже пользовалось большою извѣстностью на его родинѣ; когда онъ, охваченный энтузіазмомъ, примкнулъ къ революціонной партіи и записался въ ряды ея войска, онъ былъ молодъ, талантливъ и, казалось, счастье улыбалось ему: онъ женился на молодой дѣвушкѣ изъ очень богатой аристократической семьи, убѣжавшей изъ родительскаго дома и отказавшейся отъ роскошной жизни, чтобы раздѣлить съ поэтомъ его бурное существованіе. Они оба были молоды и бѣдность и лишенія имъ были ни почемъ. Имъ часто даже не на что было пообѣдать, хотя имя Петефи гремѣло по всей Венгріи и стихи его оспаривались всѣми редакціями. Всѣ его произведенія были проникнуты пылкою любовью къ отечеству и свободѣ и дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на молодежь. Петефи сталъ во главѣ молодой партіи, какъ только она возникла.

Мѣстомъ собраній было кафе Пильваксъ, въ Пештѣ. Тутъ, вокругъ стола, прозваннаго «столомъ общественнаго мнѣнія», обсуждались всевозможные литературные и политическіе вопросы, тѣсно связанные между собой. Неудивительно, что въ то время взоры увлекающейся молодежи были обращены на Францію, вдохновлявшую ихъ своимъ примѣромъ, каждый изъ нихъ имѣлъ своего любимца среди современныхъ французскихъ писателей; Петефи былъ горячимъ поклонникомъ Беранже, а Іокай—Виктора Гюго. Собранія въ кафе Пильвакса пользовались громкою извѣстностью въ Пештѣ. Весь городъ обращалъ вниманіе на восторженную молодежь, которая даже своимъ костюмомъ отличалась отъ прочихъ гражданъ, облачаясь преимущественно въ яркія ткани, эксцентричные наряды и т. п. Тамъ, за «столомъ общественнаго мнѣнія» обсуждались статьи, которыя должны были появиться въ журналахъ и газетахъ оппозиціонной партіи. Кафе Пилльваксъ находился въ ожесточенной борьбѣ съ кафе Рессурсъ, мѣстомъ сборища консервативныхъ и феодальныхъ писателей. Ожесточенная полемика, которую вели два враждебныхъ лагеря, очень часто кончалась дуэлями, и въ концѣ концовъ вражда достигла такой степени, что Петефи и его друзья рѣшили не писать ни въ одномъ изъ журналовъ, издававшихся въ Пештѣ, такъ какъ на страницахъ каждаго изъ этихъ журналовъ можно было встрѣтить произведенія писателей противоположнаго лагеря. Десять литераторовъ, принадлежащихъ къ партіи Молодой Венгріи, подписали торжественное обязательство не участвовать въ существующихъ журналахъ. Рѣшено было издаватъ собственную газету. Но, увы! цензура не дале имъ разрѣшенія. «Откуда же мы возьмемъ цензоровъ для такого множества газетъ?» отвѣчали просителямъ, которые, убѣдившись, что объ основаніи новой газеты нечего и думать, вывернулись такимъ образомъ, что купили одну изъ существующихъ газетъ «Eletkepet», сдѣлавъ ее органомъ самаго крайняго литературнаго и политическаго радикализма. Редакторомъ этой газеты былъ сдѣланъ Іокай, которому тогда едва исполнилось 21 годъ.

Мало-по малу это броженіе, пока выражавшееся только въ литературѣ и въ рѣчахъ, привело къ политическому кризису. Первый толчекъ былъ данъ сеймомъ въ Позони. По предложенію Кошута нижняя палата потребовала учрежденія отвѣтственнаго министерства и затѣмъ вотировала рядъ радикальныхъ

реформъ: уничтоженіе феодальныхъ правъ и привиллегій, отмѣну феодальныхъ налоговъ, равномѣрное распредѣленіе на всѣ классы общества общественныхъ повинностей, отмѣну привиллегій дворянства, свободу печати, судъ присяжныхъ, преобразованіе системы народнаго просвѣщенія. Кошутъ и прочіе національные ораторы отличались пылкостью рѣчей. Но пока не вмѣшался Пештъ, все ограничивалось только одними ораторскими состязаніями.

Извѣстіе о томъ, что происходило въ Позони, доставилъ въ Пештъ писатель Луи Добса, сражавшійся на французскихъ баррикадахъ и привезшій въ подарокъ Петефи кусочекъ трона Луи-Филиппа. Агитація въ Пештѣ усилилась и сосредоточилась въ пештскомъ клубѣ, гдѣ собиралась либеральная молодежь. Тамъ то Іосафъ Ириньи составилъ знаменитые двѣнадцать параграфовъ, требовавшихъ тѣхъ же реформъ, какія были вотированы сеймомъ. Эти параграфы предполагалось отправить въ сеймъ въ формѣ грандіозной петиціи, покрытой тысячами подписей. Но судьба судила иначе. Въ Вѣнѣ произошло возстаніе, которое тотчасъ же сдѣлалось извѣстно въ Пештѣ. «Какъ!—воскликнулъ Петефи.—Нѣмцы, надъ которыми мы смѣемся, проливаютъ кровь за свободу, а мы, венгерцы, только похваляемся и спокойно сидимъ у печки!» Онъ тутъ же написалъ свою знаменитую пѣснь «Встань, мадьяръ» и порѣшилъ организовать народное движеніе.

15-го марта, когда весь городъ еще спалъ, Петефи и еще два его пріятеля собрались у Іокая для составленія воззванія къ народу. Это дѣло было поручено Іокаю. Пока онъ писалъ, одинъ изъ присутствующихъ, молодой и пылкій Вашвари, горячо жестикулируя съ кинжаломъ въ рукахъ, говорилъ о предстоящихъ событіяхъ. Его рѣзкія движенія заставили оружіе выскочить изъ ноженъ; кинжалъ пролетѣлъ надъ самою головою писавшаго Іокая и вонзился въ стѣну, что заставило Петефи воскликнуть: «Счастливое предзнаменованіе»! Покончивъ съ воззваніемъ, они тотчасъ же принялись вербовать сторонниковъ среди учащейся молодежи и въ народѣ, скоро къ нимъ присоединилась вся либеральная буржуазія города и все, что было въ городѣ мыслящаго и способнаго волноваться, было охвачено движеніемъ.

Благодаря искуснымъ дѣйствіямъ пештскаго комитета, начинавшееся-было возстаніе обратилось въ мирную манифестацію, муниципалитетъ также не оказалъ никакого сопротивленія движенію и мэръ города Роттенбиллеръ вышелъ на балконъ и объявилъ толпѣ, собравшейся у ратуши, что городъ принимаетъ двѣнадцать параграфовъ программы молодой Венгріи.

Народъ не могъ оставаться безучастнымъ къ движенію. Въ тотъ же день было устроено нѣсколько процессій со знаменами и т. п. Весь городъ пришелъ въ возбужденіе; но замѣчательно, что, не смотря на это возбужденіе, не произошло никакихъ особенныхъ безпорядковъ и не было пролито ни одной капли крови. Послѣднее обстоятельство надо приписать тактичности коменданта австрійской крѣпости Буды, куда явилась толпа съ требованіемъ освободить изъ тюрьмы Михаила Танчича, бѣднаго полуслѣпого писателя, заплатившаго своею свободою за книгу о свободѣ. Комендантъ сначала-было пригрозилъ бунтовщикамъ, что онъ будетъ стрѣлять въ нихъ, но благоразуміе взяло верхъ. И онъ, и губернаторъ выказали въ данномъ случаѣ много такта и вмѣсто того, чтобы раздражать и безъ того возбужденную толпу своимъ отказомъ и вызвать кровопролитіе, они выразили согласіе не только выпустить Танчича на свободу, но даже познакомиться съ содержаніемъ воззванія и его двѣнадцатью статьями.

Толпа, совершенно довольная, оставила Буду, уведя съ собою Танчича, ошеломленнаго и оглушеннаго неожиданнымъ оборотомъ вещей и совершенно не понимающаго, что такое творится вокругъ него.

Вечеромъ была устроена иллюминація; весь городъ засвѣтился огнями, въ театрѣ же состоялось даровое представленіе національной исторической драмы. Объ этомъ представленіи Морицъ Іокай разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

«Публика, находящаяся въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія, не могла спокойно дослушать до конца драму и потребовала декламированія со сцены извѣстныхъ стиховъ Петефи «Встань, мадьяръ!» Нечего дѣлать, пришлось уступить и знаменитый актеръ Габріель Пресси, исполнявшій въ драмѣ роль Аттилы, съ мечомъ на боку, вышелъ на авансцену и продекламировалъ стихи. Это было хорошо, но этого было мало для публики, охваченной энтузіазмомъ. Тогда вся труппа исполнила хоромъ «Szozot» (Воззваніе), знаменитую пѣсню, и публика подхватила ее. Затѣмъ оркестръ исполнилъ маршъ Ракочи. Все это, однако, не удовлетворило публики, опьяненной побѣдой. Тогда кто-то крикнулъ въ толпѣ: «Да здравствуетъ Танчичъ!»—«Танчичъ! Танчичъ! Мы хотимъ видѣть Танчича!» раздались тысячи голосовъ. Шумъ поднялся страшный. Но Танчича не было подъ рукой; онъ жилъ гдѣ-то, въ предмѣстьи и, во всякомъ случаѣ, было бы жестоко тащить на сцену больного, увѣчнаго человѣка, чтобы онъ раскланивался съ публикой, точно знаменитый виртуозъ. Но подите-ка, поговорите съ раздраженной толпой! Петефи, Ираньи и др. пробовали убѣждать ее, но напрасно; голоса ихъ терялись въ оглушительномъ гулѣ и ревѣ толпы. Опустили занавѣсъ, но шумъ еще усилился. Въ партерѣ, на галереяхъ стучали ногами, кричали; это было ужасно. Тогда мнѣ пришла въ голову идея. Я бросился на сцену и увидѣвъ Пресси, попросилъ его велѣть поднять занавѣсъ, объявивъ, что хочу говорить съ толпою со сцены. Видъ у меня былъ далеко не презентабельный. Такъ какъ я цѣлый день бѣгалъ по городу, то весь былъ забрызганъ грязью и мокрый отъ дождя. Но когда публика увидѣла меня, то пришла въ восторгъ отъ моей наружности и привѣтствовала меня громкими криками. Когда шумъ чуть-чуть поутихъ, то я обратился къ толпѣ, приблизительно, со слѣдующею рѣчью: «Граждане! Нашего друга Танчича нѣтъ здѣсь! Онъ у себя, въ лонѣ семьи. Не мѣшайте бѣдному слѣпцу отдаться вполнѣ радости, что онъ видитъ, наконецъ, своихъ близкихъ!»

Тутъ только я замѣтилъ, что говорю безмыслицу. Слѣпецъ, который видитъ своихъ близкихъ! Если-бы публика замѣтила это и засмѣялась, то я былъ бы погибшій человѣкъ. Но трехцвѣтная кокарда спасла меня.

«Видите эту кокарду на моей груди,—обратился я къ публикѣ,—пусть она будетъ эмблемою этого славнаго дня! Пусть тотъ, кто сражался за свободу, украситъ ею свою грудь! Пусть она будетъ знакомъ, отличающимъ насъ всѣхъ, въ жилахъ которыхъ течетъ венгерская кровь, отъ продажной арміи рабовъ».

Средство было найдено и трехцвѣтная кокарда возстановила порядокъ. На другой день на груди у всѣхъ обитателей Пешта красовалась трехцвѣтная кокарда, начиная съ шелковой одежды венгерскаго магната, до грубой холщевой блузы рабочаго. Тѣ же, кто носилъ плащъ, накалывали кокарду на свою шляпу»...

Такъ кончился памятный для Пешта день 15-го марта 1848 года.囗ештъ могъ на одинъ моментъ считать себя побѣдителемъ и радоваться, что онъ выигралъ дѣло Венгріи, не проливъ капли крови. Австрійскій императоръ

согласился уступить желаніямъ венгерцевъ и эрцгерцогъ Палатинъ поручилъ графу Баттіани образовать первое венгерское министерство, въ составъ котораго вошли Кошутъ, Деакъ и Чехеньи. Австрійское правительство уступило противъ воли, подъ давленіемъ обстоятельствъ. Кризисъ угрожалъ вездѣ, какъ въ Пештѣ, такъ и въ Вѣнѣ, въ Прагѣ и въ Миланѣ. Какъ только наступило нѣкоторое успокоеніе, правительство немедленно захотѣло взять обратно то, что дало, и вызвало открытое возстаніе мадьяръ, кончившееся ихъ пораженіемъ, благодаря вмѣшательству Россіи. Тогда въ Венгріи наступилъ крутой режимъ и въ Арадѣ и Пештѣ произведены были многочисленныя казни. Кто же остался въ живыхъ изъ восторженныхъ организаторовъ движенія 15-го марта? Петефи и Ватари пали въ сраженіи; другіе томились въ заключеніи. Наиболѣе счастливымъ удалось бѣжать въ Турцію и оттуда во Францію или Англію. Нѣкоторые, однако, спрятались въ самой Венгріи. Такъ поступилъ Іокай, многіе мѣсяцы прожившій въ заброшенной хижинѣ въ лѣсу. Ракочи, подъ вымышленнымъ именемъ, нанялся въ кучера къ одному богатому землевладѣльцу въ Карпатахъ. Сначала все шло хорошо; онъ былъ прекраснымъ кучеромъ, трезваго поведенія и имъ были очень довольны. Но однажды, во время катанія, его господинъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей заговорили по какому-то поводу объ эпохѣ Людовика XIV, причемъ никакъ не могла вспомнить имя знаменитаго министра финансовъ короля. Ракочи слушалъ ихъ разговоръ, держа возжи въ рукахъ, и вдругъ не выдержалъ и, повернувшись къ нимъ со своего сидѣнія, произнесъ: «Кольберъ!» Тотчасъ же ему было отказано отъ мѣста.

Десять лѣтъ продолжалось это тяжкое для Венгріи время и только несчастная итальянская война 1859 года снова вынудила австрійское правительство пойти на уступки, которыя привели въ 1867 году, послѣ второго пораженія, испытаннаго Австріей въ войнѣ съ Пруссіей, къ знаменитому соглашенію и созданію дуализма, т. е. возвращенію Венгріи до нѣкоторой степени полной государственной самостоятельности. Теперь Венгрія составляетъ особую восточную половину австрійской имперіи, въ которой преобладаніе принадлежитъ мадьярамъ, какъ самому многочисленному и культурному народу среди невѣжественныхъ словаковъ, хорватовъ и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ полу-славянскихъ, полу-нѣмецкихъ народностей. Но не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти народности обладаютъ такими же правами, какъ и мадьяры, и борьба между ними идетъ на началахъ культурныхъ, т. е. правовыхъ, а не путемъ грубаго насилія, какъ было до 48-го года. Такимъ образомъ, мадьяры съ гордостью могутъ сказать, глядя на памятникъ Петефи, стоящій противъ бывшей австрійской тюрьмы, что кровь его и другихъ героевъ была пролита не даромъ.

Жизнь боеровъ въ Африкѣ. Смирные и трудолюбивые колонисты Южной Африки, боеры, силою обстоятельствъ выдвинуты въ настоящее время на авансцену политической жизни. Раньше ими никто не интересовался въ Европѣ, никто не любопытствовалъ узнать, что они за люди и какой ведутъ образъ жизни.

Всѣмъ извѣстно, однако, что въ жилахъ боеровъ течетъ чистѣйшая европейская кровь. Первые колонисты, утвердившіеся въ Южной Африкѣ, были въ огромномъ большинствѣ эмигранты-гугеноты, искавшіе въ Голландіи убѣжища. Послѣ отмѣны нантскаго эдикта, король Вильгельмъ, не желавшій навлекать на себя неудовольствіе Людовика XIV, препроводилъ эмигран-

товъ на мысъ Доброй Надежды, гдѣ уже была основана голландцами цвѣтущая колонія. Изъ этого смѣшенія голланцевъ съ пришлымъ элементомъ образовался народъ, который теперь называется боерами.

Самая выдающаяся черта характера боеровъ—это любовь къ уединенію. Боеру непріятно, если изъ окна или дверей своей фермы онъ можетъ видѣть вдали какое-нибудь другое жилое зданіе. Онъ желаетъ быть одинъ въ своихъ владѣніяхъ, и это понятно. У него такъ много стадъ, что во время засухи, случающейся часто въ этой мѣстности, воды едва хватаетъ для нихъ и поэтому, еслибъ ему пришлось дѣлиться съ другимъ владѣльцемъ, то это неминуемо привело бы его къ раззоренію. Ферма боера всегда очень простого устройства. Домъ выстроенъ изъ битой глины и состоитъ изъ четырехъ - шести комнатъ, въ числѣ которыхъ надо считать кухню, служащую въ то же время столовой и кладовую. Возлѣ дома расположены сараи для лошадей и фургоновъ, а на нѣкоторомъ разстояніи находится отгороженное мѣсто—«Kraal», куда загоняютъ на ночь скотъ. Крааль окруженъ стѣной. сложенной изъ камней, просто наваленныхъ другъ на друга и не скрѣпленныхъ никакимъ цементомъ, но, въ случаѣ опасности, онъ тотчасъ превращается въ крѣпость, и притомъ почти неприступную.

Образъ жизни боеровъ самый простой. Вся семья встаетъ съ восходомъ солнца и собирается въ кухнѣ, представляющей самую большую комнату въ домѣ и столовую. Глава семьи беретъ Библію и читаетъ изъ нея одну или двѣ главы, которыя слушаются съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Затѣмъ входитъ служанка съ ведромъ воды въ рукахъ и тряпкой. Если есть въ семьѣ гость, то ему предлагаютъ первому вымыть себѣ руки и лицо; за нимъ слѣдуетъ глава семьи и всѣ остальные. Эти семейныя умыванія считаются достаточными на цѣлый день. Всѣ садятся за столъ и глава семьи произноситъ довольно длинныя молитвы, по окончаніи которыхъ подается кушанье и всѣ мужчины (женщины ѣдятъ отдѣльно) выбираютъ кусокъ по своему вкусу и вонзаютъ въ него вилку. При этомъ происходитъ состязаніе въ быстротѣ и ловкости и побѣдитель овладѣваетъ лучшимъ кускомъ. Хлѣбъ, поджаренный въ маслѣ, и черный кофе, дополняютъ меню.

Костюмъ боеровъ очень простъ. Они не носятъ ни жилетовъ, ни крахмальныхъ воротничковъ и всегда одѣты въ широкія куртки, не стѣсняющія свободу движеній. Женщины носятъ также широкую одежду и не имѣютъ понятія о корсетѣ. Боеры отличаются здоровымъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и высокимъ ростомъ.

Лучшій товарищъ боера—его ружье. Не проходитъ дня, чтобы молодые и старые боеры не упражнялись въ стрѣльбѣ, то стрѣляя по антилопамъ, которыхъ водится множество въ этихъ краяхъ, то стрѣляя въ цѣль. Женщины стрѣляютъ не хуже мужчинъ и, въ случаѣ нужды, также хорошо могутъ защищать свое жилище. Боеры храбры, но у нихъ существуютъ совершенно особыя воззрѣнія на личное мужество, и они считаютъ глупостью и безуміемъ подвергать себя опасности безъ пользы. Обыкновенно, въ каждомъ округѣ есть лицо, которое обязано увѣдомлять всѣхъ обитателей объ угрожающей опасности. Извѣстіе объ опасности доставляется обыкновенно какимъ-нибудь пастухомъ или охотникомъ, открывшимъ случайно присутствіе врага. Тотчасъ же разсылаются по всѣмъ фермамъ посланные съ увѣдомленіемъ и вскорѣ всѣ собираются въ городкѣ округа, гдѣ находится фортъ, и тамъ, въ безопасномъ убѣжищѣ, оставляютъ свои семьи и свое имущество. Часть всад-

никовъ отправляется на встрѣчу врагу, а другая часть спѣшитъ увѣдомить правительство и черезъ нѣсколько часовъ все готово къ защитѣ.

Боеры очень рѣдко сами нападаютъ на непріятеля. Довѣряя быстротѣ своихъ коней и вѣрности своего взгляда, боеры всегда держатся на нѣкоторомъ разстояніи и осыпаютъ градомъ пуль своихъ враговъ. Если имъ надо остановиться, то они сдвигаютъ свои огромные фургоны и устраиваютъ нѣчто вродѣ крѣпостей, откуда и обстрѣливаютъ врага. Этой тактикѣ слѣдовали и англичане въ войнѣ съ зулусами.

До послѣднихъ лѣтъ боеры были очень невѣжественны и только умѣли читать библію: теперь это измѣнилось, и они уже стремятся давать образованіе своимъ дѣтямъ. Прежде учились только женщины, такъ что онѣ гораздо образованнѣе мужчинъ, и дѣйствительно руководятъ послѣдними во всемъ, что касается религіи и политики, онѣ-то и были главными вдохновительницами и организаторшами войны за независимость трансваальской республики.

Боеры сохранили до сихъ поръ почти въ полной неприкосновенности патріархальные нравы и обычаи своихъ предковъ, голландскихъ колонистовъ. Особенно это выражается въ семейныхъ отношеніяхъ. Если молодому боеру приглянется какая-нибудь дѣвушка по сосѣдству, т. е. проживающая не ближе, какъ на разстояніи 50 миль, то онъ покупаетъ себѣ самое роскошное и самое дорогое сѣдло, садится на лошадь и ѣдетъ къ родителямъ дѣвушки. Уже по одному этому сѣдлу люди, знакомые съ трансваальскими обычаями, угадываютъ претендента на руку какой-нибудь дѣвицы. Передавъ родителямъ свою просьбу, молодой боеръ не получаеть на нее отвѣта тотчасъ же; онъ присоединяется къ молодымъ людямъ фермы, какъ будто ни въ чемъ не бывало, родители же дѣвушки, какъ будто не обращаютъ на него никакого вниманія въ теченіе цѣлаго дня, хотя все время къ нему присматриваются. Вечеромъ, если они согласны принять предложеніе, то разыгрывается слѣдующая курьезная сцена: приходитъ мать дѣвушки, неся въ рукахъ свѣчу, ставитъ ее на столъ передъ женихомъ и невѣстой и, зажигая ее, желаетъ спокойной ночи. Это означаетъ, что предложеніе принято и молодому претенденту разрѣшается ухаживать за своею невѣстой до тѣхъ поръ, пока не догоритъ свѣча. Какъ только это произойдетъ, то молодой человѣкъ тотчасъ же удаляетя, но съ этой минуты онъ уже считается женихомъ молодой дѣвушки. Бракосочетаніе обставляется нѣкоторою торжественностью. Невѣста надѣваетъ роскошный подвѣнечный нарядъ, но замѣчательно, что нарядъ этотъ никогда не шьется для нея, а берется на прокатъ въ спеціальномъ магазинѣ ближайшаго городка. Въ каждомъ городкѣ есть магазинъ, имѣющій про запасъ одно или два подвѣнечныхъ платья, которое и отдаетъ на прокатъ нуждающимся въ нихъ, такъ что опытные люди по одному взгляду на наряженную невѣсту узнаютъ, въ какомъ городкѣ и у какого негоціанта взятъ на прокатъ ея костюмъ. Женихъ не отстаетъ отъ невѣсты въ роскоши своего костюма и красуется передъ нею въ черномъ бархатномъ долманѣ и войлочной шляпѣ, украшенной непремѣнно чуднымъ страусовымъ перомъ.

При всѣхъ своихъ несомнѣнно прекрасныхъ качествахъ, боеры все же являются на югѣ Африки главнымъ препятствіемъ для развитія культуры и прежде всего гражданской жизни, не терпящей «уединенія» и стремящейся къ общественности. Рано или поздно, но имъ придется подчиниться англійскимъ порядкамъ и англійской культурѣ, несущей съ собой всюду,

куда она проникаетъ, свѣтъ знанія, промышленный прогрессъ и свободу, какъ необходимый результатъ правоваго порядка. И, право, будущность, которая ожидаетъ ихъ, далеко не такъ печальна, чтобы стоило оплакивать судьбу боеровъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые наши «сантиментальные» политики.

Строительный союзъ рабочихъ въ Даніи. Бѣдные классы населенія много страдаютъ отъ невозможности имѣть здоровое жилище, особенно въ городахъ, гдѣ болѣе или менѣе порядочныя квартиры всегда дороги и неимущіе классы должны ютиться въ крайне нездоровыхъ сырыхъ подвалахъ или на чердакахъ. Поэтому, однимъ изъ важныхъ условій улучшенія и облегченія жизни бѣднѣйшихъ классовъ и рабочаго населенія является устройство удобныхъ, здоровыхъ и притомъ дешевыхъ помѣщеній. Въ Даніи съ этою цѣлью организовано нѣсколько обществъ въ разныхъ городахъ, и одно изъ нихъ существуетъ въ Копенгагенѣ, основанное представителями той же самой среды, которой оно должно оказывать помощь. Это—«строительный союзъ рабочихъ», зарекомендовавшій уже себя плодотворною и полезною дѣятельностью, основанной на идеѣ самопомощи. Союзъ этотъ возникъ по иниціативѣ одного копенгагенскаго врача, Ульриха, который сказалъ въ собраніи рабочихъ, въ октябрѣ 1865 г., рѣчь о пользѣ дешевыхъ помѣщеній и о постройкѣ для этой цѣли небольшихъ двухъэтажныхъ домиковъ, разсчитанныхъ всего на два семейства каждый. Рѣчь эта произвела такое впечатлѣніе на слушателей, что рабочіе тотчасъ же организовали новое большое собраніе, на которое пригласили Ульриха, для обсужденія его проекта, и тутъ же рѣшили основать «Строительный союзъ», избравъ Ульриха вице-президентомъ.

Вначалѣ, разумѣется, постройка домовъ по образцу различныхъ англійскихъ ассоціацій подвигалась очень медленно, что совершенно понятно въ виду незначительности членскихъ взносовъ, составлявшихъ тогда единственный источникъ дохода. Размѣры взносовъ были слѣдующіе: при вступленіи въ союзъ, единовременно, двѣ кроны (около 1 руб.) и затѣмъ, еженедѣльно, каждый членъ вносилъ въ теченіе десяти лѣтъ около 18 коп. Желающіе могли, разумѣется, вносить больше. Полученныя суммы путемъ взносовъ предполагалось увеличивать суммами, взятыми подъ залогъ уже выстроенныхъ домовъ, и затѣмъ суммами, получаемыми отъ продажи домовъ членамъ, которымъ рѣшено продавать эти дома по жребію, по истеченіи десяти лѣтъ со дня основанія союза. Союзъ уже существуетъ тридцать лѣтъ и, судя по отчетамъ, въ первое десятилѣтіе онъ строилъ, среднимъ, числомъ по 16 домовъ въ годъ, въ теченіе второго — уже по 40 домовъ, а въ послѣднее десятилѣтіе онъ строилъ ежегодно по 43 дома; въ настоящее время выстроено уже 1.016 домовъ, изъ которыхъ болѣе половины перешли въ полное владѣніе членовъ союза Въ большинствѣ домовъ по двѣ квартиры изъ двухъ комнатъ и кухни и одной или двухъ комнатъ на чердакѣ. При каждомъ домѣ устроены чуланы и подвалы. Есть, однако, дома и большого размѣра, гдѣ квартиры въ 3 и 4 комнаты, со всѣми прочими удобствами.

Дома продаются по жребію, но лишь членамъ, которые состоятъ въ союзѣ не менѣе полугода и внесли уже не менѣе 20 кронъ. Условія уплаты облегчены до послѣдней возможности; членъ союза вноситъ ежегодно только небольшую часть общей стоимости дома, остальная часть пополняется доходомъ съ дома, такъ что домъ, напримѣръ, постройка котораго обошлась союзу въ 7.394 кроны, становится полною собственностью члена

союза черезъ 27 лѣтъ за годовой взносъ около 50 кронъ (около 25 р.).

Всѣ выстроенные союзомъ дома отличаются хорошимъ санитарнымъ устройствомъ, что тотчасъ же отразилось на пониженіи смертности обитателей этихъ домовъ, принадлежащихъ къ самымъ неимущимъ классамъ столичнаго населенія.

Въ настоящее время въ союзѣ числится 15.000 членовъ; конечно, вначалѣ члены прибывали очень медленно, и въ первый годъ существованія союза въ немъ числилось всего лишь 222 члена. Но какъ только были построены первые дома союза, число его членовъ стало быстро возростать. Строительный союзъ, обезпечивая своихъ членовъ здоровыми и дешевыми жилищами, является для нихъ еще своего рода сберегательной кассой, такъ какъ по истеченіи десяти лѣтъ каждый изъ членовъ имѣетъ право выйти изъ союза, получивъ обратно всю внесенную имъ за это время сумму съ наросшими на нее процентами. Въ случаѣ же смерти кого-нибудь изъ членовъ, наслѣдники его имѣютъ право потребовать обратно всю внесенную умершимъ членомъ сумму, сколько бы лѣтъ онъ ни существовалъ членомъ. Такимъ образомъ, членскіе взносы для многихъ явились источникомъ извѣстнаго благосостоянія. Нѣкоторые изъ членовъ нарочно дѣлали большіе взносы и составляли себѣ такимъ образомъ сбереженія, обезпечивающія имъ безбѣдное существованіе въ будущемъ.

Кромѣ матеріальной, союзъ приноситъ своимъ членамъ огромную нравственную пользу. Возможность жить въ удобныхъ, здоровыхъ, уютныхъ, чистыхъ и привлекательныхъ на видъ жилищахъ, также какъ возможность стать собственниками этихъ жилищъ, способствуютъ поднятію общаго уровня и развиваютъ опрятность, домовитость и порядочность въ средѣ рабочаго населенія столицы. Но дешевыя помѣщенія строительнаго союза теперь уже пользуются такою хорошею репутаціей, что спросъ на нихъ всегда превышаетъ предложеніе и жильцами въ нихъ бываютъ не одни только простые рабочіе, а также конторщики, мелкіе чиновники, небогатые литераторы и т. д. Члены союза замѣчательно аккуратно выполняютъ свои обязательства и никакихъ недоимокъ за ними никогда не числится.

Кромѣ строительнаго союза, въ Копенгагенѣ существуетъ еще нѣсколько другихъ обществъ, основанныхъ лицами, принадлежащими къ высшимъ классамъ, и также имѣющихъ цѣлью устройство дешевыхъ и здоровыхъ помѣщеній. Такъ, между прочимъ, общество врачей устроило дешевыя квартиры для неимущаго люда. Кромѣ всѣхъ этихъ обществъ, заслуживаетъ полнаго упоминанія еще одно, такъ называемое «Общество мелкихъ садовъ», имѣющее цѣлью доставить людямъ, не имѣющимъ средствъ выѣзжать лѣтомъ на дачу, возможность проводить время на чистомъ воздухѣ за пріятнымъ и здоровымъ занятіемъ. Общество пріобрѣло нѣсколько участковъ на окраинѣ столицы и, разбивъ ихъ на небольшіе садики, сдаетъ ихъ въ аренду за ничтожную плату (отъ 5 кронъ въ годъ) городскимъ жителямъ, преимущественно изъ рабочаго класса. Какъ угадало общество потребности этого класса, доказываетъ то, что въ первый же годъ всѣ участки были разобраны, и арендаторы ихъ съ любовью занимаются ихъ воздѣлываніемъ, смотря на нихъ, какъ на собственный клочекъ земли.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Cosmopolis». — «Revue Bleue».—«Local Anzeiger».

Періодическая печать имѣетъ огромное значеніе въ настоящее время; поэтому, вопросъ Жюля Симона: какое мѣсто будетъ отведено газетѣ на всемірной парижской выставкѣ 1900 г.,—является вполнѣ естественнымъ. Жюль Симонъ, въ своей статьѣ въ «Cosmopolis», дѣлаетъ маленькій историческій обзоръ печати во Франціи и старается прослѣдить ея превращенія, какъ съ матеріальной, такъ и съ интеллектуальной точки зрѣнія. Первая газета во Франціи, какъ извѣстно, была основана Ренодо, въ 1631 году. Повидимому, можно считать вполнѣ достовѣрнымъ, что Людовикъ XIII и Ришелье печатали въ ней свои статьи. Въ газетѣ Ренодо помѣщались всѣ текущія новости, поэзія и литература. Въ 1672 году къ этой газетѣ уже присоединилась другая «Mercure galant», не имѣющая никакого отношенія къ политикѣ и наполненная лишь скандальными происшествіями той эпохи. Успѣхъ этой газеты продолжался даже при Вольтерѣ. Франція смѣялась, чтобы скрыть свои слезы, и кажется, никогда она не казалась столь безпечно веселой, какъ наканунѣ переворота. Слѣдующая газета «Journal de Paris» увидѣла свѣтъ почти наканунѣ революціи. Тогда уже замѣтно было сильное возбужденіе умовъ; всѣ увлекаются Руссо, Тюрго начинаетъ проповѣдывать, Кондорсе учреждаетъ свой культъ, и т. д. Въ Марсели, наконецъ, появилась новая газета, презирающая всякія легкомысленныя выходки и прикасающаяся безъ всякихъ колебаній ко всѣмъ великимъ соціальнымъ, политическимъ и религіознымъ проблемамъ. Эта газета называлась «Courrier de Provence» и ею руководилъ Мирабо. Въ 1793 году газеты растутъ, какъ грибы, во Франціи. Публика, которая еще такъ недавно ничего не читала, ничѣмъ не интересовалась и ничего не знала, узнавая въ Брестѣ лишь черезъ три мѣсяца о томъ, что творится въ Парижѣ, теперь вдругъ сдѣлалась необыкновенно любознательной, алчной до новостей и хотѣла знать все, что творится, тотчасъ же. Журналистика сдѣлалась силой, такъ какъ она внушала публикѣ различныя идеи по своему усмотрѣнію, и публика воспринимала все, что ей подносили газеты. Послѣ 18-го брюмера, однако, первый консулъ, сознавая свою силу, безъ церемоніи растопталъ журналистику и объявилъ французамъ, что они будутъ знать о своихъ дѣлахъ лишь то, что онъ найдетъ нужнымъ сообщить имъ. Исходя изъ этого рѣшенія, онъ сразу уменьшилъ число политическихъ газетъ во Франціи до тринадцати.

Во времена имперіи число газетъ еще уменьшилось и остались только «Moniteur» и «Journal des Débats», называвшійся одно время «Journal de l'Empire» и печатавшій статьи Наполеона.

При Реставраціи существовали шесть правительственныхъ газетъ и шесть оппозиціонныхъ. Первыя имѣли 14.844 абонентовъ, вторыя—41.330. Печать не находилась подъ запрещеніемъ, какъ во времена Имперіи, но, тѣмъ не менѣе, ей не легко жилось. Парламентская исторія этой эпохи наполнена преніями, предметомъ которыхъ была печать. Всѣ эти пренія, обыкновенно, имѣли своимъ результатомъ новыя мѣры строгости противъ журналистики. Шедевромъ въ этомъ отношеніи могутъ быть названы законы «справедливости и любви» г. де-Пейронэ, такъ какъ предписываемыя имъ условія представляли нѣчто вродѣ смертнаго приговора всей печати. Негодованіе, вызванное этимъ закономъ въ

общественномъ мнѣніи, явно враждебное къ нему отношеніе палаты пэровъ вынудили-таки правительство взять назадъ этотъ знаменитый проектъ и дать печати нѣсколько болѣе свободы. Министерство Мартиньяка освободило печать отъ многихъ кандаловъ, уничтоживъ предварительныя разрѣшенія и цензуру, но вслѣдъ затѣмъ опять наступила реакція, унесшая, впрочемъ, вмѣстѣ съ собою и короля. Іюльская монархія даровала свободу печати, но вскорѣ испугалась послѣдствій и тотчасъ же начались преслѣдованія печати. Не было ни одной оппозиціонной газеты, которая не была бы притянута къ суду и въ теченіе четырехъ лѣтъ, напримѣръ, газета «Tribune» выдержала 111 процессовъ; также и другія газеты. Знаменитые сентябрьскіе законы наложили еще болѣе крѣпкую узду на печать. Несмотря, однако, на всѣ эти притѣсненія и ограниченія, печать все-таки представляла силу и газеты являлись руководительницами общественнаго мнѣнія. Но главамъ партій пришлось приносить большія жертвы, чтобы только поддерживать свою газету, нужную имъ для пропаганды своихъ идей. Самая организація печати была такова, что она затрудняла ея правильное развитіе и распространеніе. Газеты стоили дорого, продавались также дорого. и розничной продажи не существовало. Годовая цѣна была минимумъ 80 фр. въ годъ, такъ что лишь богачи да нѣкоторые изъ большихъ клубовъ могли позволить себѣ такой расходъ. Вотъ тогда-то явился Эмиль де-Жирарденъ со своею геніальной идеей, которая принесла такіе огромные плоды. Онъ задумалъ основать дешевую газету, исключительно съ коммерческою цѣлью, и понизить цѣну ради того лишь, чтобы увеличить продажу газеты. Но коммерческая реформа, предпринятая имъ, въ сущности, заключала въ себѣ настоящій переворотъ не только въ политическомъ, но и въ соціальномъ отношеніи. Чтобы предпріятіе это имѣло успѣхъ, нужны были коренныя перемѣны; прежде всего перемѣны эти должны были произойти въ средѣ читателей, затѣмъ въ промышленныхъ кругахъ, такъ какъ промышленныя объявленія должны были поддержать газеты. Однимъ словомъ, предпріятіе имѣло исключительно коммерческій характеръ и разсчитано было на толпу.

Вызывая переворотъ въ періодической печати, Эмиль де-Жирарденъ не понималъ всего его значенія. Первый шагъ его въ этомъ направленіи былъ окропленъ кровью. По странному капризу судьбы, противникомъ Эмиля де-Жирардена явился Каррель, глава республиканской партіи, тогда какъ Жирарденъ, защищавшій въ данномъ случаѣ принципъ, дорогой сердцу демократіи, на самомъ дѣлѣ былъ ярымъ сторонникомъ буржуазной политики Гизо. Результатомъ столкновенія была дуэль съ несчастнымъ исходомъ для Карреля. На этой почвѣ, окропленной кровью идеалиста Карреля, горячо возстававшаго противъ введенія рекламы, какъ доходной статьи, въ печать, возросла и окрѣпла современная французская журналистика. Нынѣшнія газеты несутъ громадные расходы. Кромѣ изданія, они еще обязаны удовлетворять желаніямъ читателя имѣть всѣ, самыя свѣжія новости со всѣхъ концовъ свѣта. Читатели требуютъ также, чтобы имъ давали статьи самыхъ знаменитыхъ ученыхъ, литераторовъ и т. д., все это стоитъ баснословныхъ денегъ. Чѣмъ же покрываются эти чудовищные расходы? Конечно, не подпиской, такъ какъ, при дешевой цѣнѣ, подписка много не дастъ, а объявленіями. Но чтобы привлечь объявленія въ газету, надо, чтобы она была очень распространена, такъ какъ промышленники принимаютъ во вниманіе только степень распространенія газеты, а вовсе не то, какія идеи въ ней

проповѣдуются и кто въ ней пишетъ. Такимъ образомъ, редакторъ такой дешевой газеты, подъ страхомъ полнаго раззоренья, долженъ заботиться о томъ, чтобы она расходилась, какъ можно больше; онъ долженъ, слѣдовательно, угождать вкусамъ толпы, такъ какъ только такимъ путемъ онъ можетъ обезпечить распространеніе своей газеты. Вотъ по этой причинѣ журналистика сдѣлалась совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ она была вначалѣ и чѣмъ она должна была бы быть. Она должна была руководить мнѣніемъ — теперь же, наоборотъ, она не руководитъ имъ, а сама прилаживается къ нему. Она должна была карать, когда нужно; теперь она льститъ, «Врачъ превратился въ отравителя!» восклицаетъ Жюль Симонъ, горюющій по поводу превращенія французской печати изъ орудія пропаганды въ орудіе рекламы.

Со всѣхъ сторонъ теперь раздаются рѣчи объ обновленіи и регенераціи печати, т. е. о ея наказаніи, прибавляетъ Жюль Симонъ. «Политики вѣдь только на это и способны! Я не ожидаю многаго отъ законовъ, но жду всего отъ энергіи и твердой воли серьезныхъ и убѣжденныхъ писателей. Только печать и можетъ возродить печать!»

Въ высокопарномъ возгласѣ Жюля Симона слышится отголосокъ мѣщанской души, которая скорбитъ, что печать такова, какова и мѣщанская жизнь. Печать не можетъ быть иною тамъ, гдѣ основа общества покоится на мѣщанскихъ (буржуазныхъ) началахъ, гдѣ все есть товаръ, а слѣдовательно и печать такое же коммерческое предпріятіе, какъ любое другое. Только съ измѣненіемъ этихъ общественныхъ основъ произойдетъ измѣненіе и въ печати, которая въ своемъ современномъ видѣ все же лучше и полнѣе осуществляетъ демократическій принципъ, чѣмъ во времена идеалиста Армана Карреля.

Въ числѣ множества всевозможныхъ мемуаровъ, появившихся въ послѣднѣе время, мемуары Барра, бывшаго дѣятеля французской революціи, конечно, не могутъ не обратить на себя вниманіе; ученый историкъ и извѣстный романистъ Жоржъ Дюрюи предпринялъ изданіе этихъ мемуаровъ, заинтересованный личностью ихъ героя. Онъ, однако, нисколько не заблуждается насчетъ характера его, что можно видѣть изъ предисловія, къ мемуарамъ въ «Revue Bleue».

Барра, конечно, не могъ забыть Наполеону его измѣны. Послѣ переворота 18-го брюмера онъ жилъ въ Брюсселѣ, въ Провансѣ, въ Римѣ, но всюду, гдѣ только могъ, старался вредить Наполеону. Въ 1804 году онъ чуть-чуть не вызвалъ гряжданской войны во Франціи; онъ радовался измѣнѣ Бернадотта, восхвалялъ «благородный подвигъ» Моро, принявшаго командованіе коалиціонною арміей въ 1813 году, и давалъ совѣты Мюрату послѣдовать этому «славному» примѣру и содѣйствовать всѣми средствами гибели Наполеона. Барра торжествовалъ какъ разъ тогда, когда арміи Наполеона терпѣли страшное бѣдствіе въ Россіи и Германіи и когда республиканецъ Карно предложилъ къ услугамъ Наполеона свою шпагу, чтобы спасти Францію отъ нашествія враговъ. «Этого простого сближенія достаточно, — восклицаетъ авторъ предисловія, — чтобы освѣтить личность Барра должнымъ образомъ и наложить пятно на его чувства и поступки».

Возвратившись во Францію послѣ 9-го термидора, послѣ вступленія союзниковъ въ Парижъ, которое онъ привѣтствовалъ какъ общественное избавленіе, Барра поселился въ своемъ роскошномъ помѣстьѣ Шалльо, которое онъ именовалъ хижиной. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ вдали отъ всякой дѣятельности, наслаждаясь полнымъ комфортомъ и

спокойствіемъ, которое лишь изрѣдка нарушалось появлявшимися въ газетахъ враждебными ему статьями и оскорбительными для него намеками на нѣкоторые факты его бывшей политической жизни. Правительство Реставраціи покровительствовало ему, не открывая никому причинъ своей странной симпатіи къ человѣку, подавшему свой голосъ за немедленную и неотложную казнь Людовика XVI. И Карлъ X, и Людовикъ XVIII постарались забыть это обстоятельство, вѣроятно, нуждаясь въ услугахъ Барра, и онъ, воспользовавшись тѣмъ, что правительство хранило тайну своихъ отношеній съ нимъ, постарался выставить себя непримиримымъ республиканцемъ въ глазахъ своихъ современниковъ и таковымъ же старается представить себя въ своихъ мемуарахъ. Всѣ его приближенные и его слуги въ роскошной «хижинѣ» Шалльо получили отъ него разъ навсегда приказаніе иначе не титуловать его какъ «гражданинъ - генералъ». Принцесса Шимай не смѣетъ называться такъ въ салонѣ бывшаго диктатора и оставляетъ свой титулъ у порога непреклоннаго демократа, дѣлаясь снова гражданкой Талльенъ. Въ хижинѣ пустынника Шалльо царитъ такой духъ равенства, что слуги Барра однажды приколотили егеря гражданки Талльенъ, за то, что онъ титуловалъ свою госпожу «Madame la princesse». Барра, не терпѣвшій никакого шума и безпорядковъ среди своихъ служащихъ, отнесся совершенно равнодушно къ крикамъ бѣдняги, котораго колотили его слуги, и даже улыбнулся, узнавъ о томъ, что дало поводъ къ такой расправѣ, находя наказаніе вполнѣ заслуженнымъ.

Такимъ образомъ Барра остался до конца вѣренъ своей роли, надувая другихъ и, быть можетъ, надувая самого себя. Вмѣстѣ со старостью явились разныя болѣзни, приковавшіе блистательнаго диктатора къ его креслу. Но это не мѣшало ему чувствовать себя счастливымъ, онъ былъ чрезвычайно богатъ, и это огромное состояніе, собранное имъ во время революціи и о происхожденіи котораго онъ, вѣроятно, и самъ забылъ, давало ему возможность удовлетворять своимъ вкусамъ, окружать себя роскошью и выказывать широкое гостепріимство. Его великодушіе и готовность услужить пріобрѣли ему много друзей, которые, дѣйствительно, любили его и вѣрили въ его республиканскія убѣжденія и добродѣтели, которыхъ у него не было. Барра, несмотря на всѣ свои немощи, сохранилъ до конца живость, колкій и ироническій умъ. Онъ смѣется надъ министрами, надъ правительствомъ, надъ дворомъ, надъ всѣми рѣшительно и даже надъ самимъ собой. Онъ даже умираетъ со смѣхомъ. Чтобы сыграть штуку правительству, какъ онъ самъ выражается, онъ отдалъ на храненіе въ безопасное мѣсто всѣ свои бумаги, которыя такъ стережетъ правительство, чтобы завладѣть ими тотчасъ же послѣ его смерти, и вмѣсто этихъ бумагъ торжественно запечаталъ своею печатью нѣсколько большихъ зеленыхъ картонокъ съ бумагами, имѣющихъ очень внушительный видъ. «Эти картоны, — сказалъ онъ одному изъ пріятелей,—немедленно конфискуютъ послѣ моей смерти и переправятъ въ совѣтъ министровъ и тамъ, въ торжественномъ засѣданіи снимутъ печати. И знаете ли, что найдутъ? Счета моихъ прачекъ за тридцать пять лѣтъ!.. И не мало имъ будетъ труда разобрать эти счета. Вѣдь сколько я износилъ бѣлья, начиная съ 9-го термидора по нынѣшній день»!..

И Барра разразился смѣхомъ, прибавляетъ Александръ Дюма, разсказывающій этотъ эпизодъ. Онъ смѣялся такъ долго и такъ сильно, что съ нимъ сдѣлался приступъ слабости и къ вечеру его не стало.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ странный

капризъ судьбы ввергнулъ этого веселаго, насмѣшливаго человѣка въ трагическую эпоху, въ которой ему нечего было дѣлать, и заставилъ этого безпечнаго скептика, современника Дантона, Робеспьера, Сен-Жюста, Гоша и Бонапарте, играть роль на ряду съ этими убѣжденными фанатиками, съ великими честолюбцами той эпохи? Онъ былъ слишкомъ испорченнымъ, слишкомъ изнѣженнымъ человѣкомъ, чтобы искренно увлечься идеями и страстями ея. И, конечно, онъ не могъ по своей натурѣ поступать иначе и ему ничего не оставалось другого, какъ эксплуатировать революцію и пользоватьея ею для удовлетворенія своихъ страстей. Быть можетъ, потомство слишкомъ строго судитъ Барра. Но это неудивительно. Онъ является пятномъ среди людей, отличавшихся энергическою душой и твердыми убѣжденіями. Барра былъ не на своемъ мѣстѣ среди суровыхъ республиканцевъ; ему приличнѣе было бы находиться среди щеголей и повѣсъ временъ регентства или на интимныхъ ужинахъ усроиваемыхъ Людовикомъ XV въ честь m-me Дюбарри. Въ этой рамкѣ его цинизмъ, испорченность, насмѣшливый скептицизмъ и другія аналогичныя качества были бы какъ разъ кстати и не рѣзали бы такъ глаза своимъ контрастомъ съ горячею искренностью героевъ великаго движенія.

«Lokal-Anzeiger» печатаетъ статью, весьма лестную для женщинъ англосаксонской расы. Авторъ говоритъ между прочитъ: «Англійская нація всегда отличалась уваженіемъ къ женщинѣ и такое отношеніе, замѣчаемое рѣшительно во всѣхъ классахъ населенія, не мало способствуетъ тому, что умственный и физическій упадокъ составляютъ среди англійскихъ женщинъ крайне рѣдкое явленіе. Даже въ бѣднѣйшихъ классахъ англійскаго населенія наблюдается такое отношеніе къ женщинамъ, которое могло бы служить примѣромъ для многихъ цивилизованныхъ націй. Англичанинъ рабочій не смотритъ на свою жену, какъ на рабу, обязанную служить ему. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ жена—равноправная подруга и, быть можетъ, отъ того случаи развода такъ рѣдки въ среднихъ и низшихъ классахъ населенія. Англійскія дѣвушки, кромѣ того, выходятъ замужъ, большею частью уже въ такомъ возрастѣ, когда онѣ въ состояніи серьезно обсудить свое рѣшеніе. Онѣ всегда болѣе или менѣе независимы и не могутъ привести въ свое оправданіе впослѣдствіи свое незнаніе жизни. По мнѣнію автора, бракъ въ Англіи заключается на гораздо болѣе разумныхъ основаніяхъ, нежели въ Германіи, но за то въ немъ нѣтъ той поэтичной струи, которою отличаются отношенія жениха и невѣсты въ Германіи. Англичанки выходятъ замужъ по любви, но онѣ чужды всякой сантиментальности. Бракъ въ Англіи—это настоящая ассоціація двухъ людей, прилагающихъ свои силы, чтобы создать себѣ тотъ «Home», который составляетъ идеалъ каждаго англичанина. Несмотря на это, браки въ Англіи все же, въ общемъ, бываютъ счастливѣе, нежели во многихъ другихъ странахъ. Благодаря своему трезвому взгляду на вещи, своей подготовленности къ жизненной борьбѣ, англичанки менѣе подвержены разочарованіямъ. Англичанинъ вовсе не стремится разыгрывать роль обожаемаго деспота въ семьѣ и поэтому не требуетъ отъ своей жены полнаго подчиненія и не смотритъ на нее, какъ на безправное существо. И воспитаніе англійскихъ дѣвушекъ отличается отъ воспитанія, получаемаго дѣвушками другихъ націй. Англичанка съ юныхъ лѣтъ пріучается къ самостоятельности и въ ней очень рано развивается чувство независимости. Къ дѣвочкамъ относятся какъ къ суще-

ствамъ, которыя могутъ думать о себѣ и сами за себя отвѣчаютъ, и онѣ пріучаются обдумывать каждый свой шагъ. Полная свобода товарищескихъ отношеній съ мужчинами съ юныхъ лѣтъ пріучаетъ ихъ различать хорошее отъ дурного и содѣйствуетъ расширенію ихъ умственнаго кругозора. Ихъ нравственность не только не страдаетъ отъ такого общенія, но получаетъ болѣе прочныя основы. Лицемѣріе почти неизвѣстно молодымъ англичанкамъ, да имъ и нѣтъ надобности прибѣгать къ нему; онѣ привыкли поступать самостоятельно, не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ.

Въ Германіи, прибавляетъ авторъ, принято думать, что въ Англіи нѣтъ настоящихъ хозяекъ дома — «Hausfrau», между тѣмъ какъ въ Англіи находятъ, что нѣмка всегда играетъ роль экономки въ домѣ своего супруга. Оба взгляда, какъ крайніе, не вполнѣ справедливы. Авторъ полагаетъ, что разница между положеніемъ въ семьѣ англичанки и нѣмки зависитъ отчасти отъ экономическихъ причинъ, такъ какъ въ среднемъ англійскія семьи богаче нѣмецкихъ, и англичанка можетъ не отдавать всего своего времени домашнему хозяйству ради вящей экономіи.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г. Не откажите дать мѣсто въ вашемъ журналѣ слѣдующему разъясненію.

Въ статьѣ «Экономическій факторъ и идеи» («Міръ Божій», апрѣль) я привелъ нѣсколько выдержекъ изъ «Богатства народовъ» Смита, изъ которыхъ, по моему мнѣнію, вполнѣ ясно, какому общественному классу Смитъ «менѣе всего сочувствовалъ», а именно, купцамъ и фабрикантамъ. Въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Михайловскій противъ этого возражаетъ и приводитъ нижеслѣдующую цитату изъ моей книги «О кризисахъ»:

«Мальтусъ, сочиненія котораго были въ высшей степени тенденціозны и всегда преслѣдовали опредѣленную политическую цѣль, выступилъ въ защиту землевладѣльческаго класса отъ тѣхъ нареканій съ безполезности, которымъ землевладѣльцы подвергались со стороны Адама Смита и его учениковъ. Такое отношеніе къ общественной роли земельной аристократіи со стороны Адама Смита вполнѣ гармонировало съ революціоннымъ характеромъ той эпохи, когда писалъ Ад. Смитъ. Хотя Смитъ во многихъ мѣстахъ своей знаменитой книги говоритъ, что интересы торгово-промышленнаго *сословія* противоположны интересамъ всей націи, тѣмъ не менѣе вся книга его проникнута воззрѣніемъ, что торгово-промышленные *классы* представляютъ собою главную, если не единственную силу націи».

Эта цитата даетъ поводъ г. Михайловскому сказать:

«Вѣроятно, въ качествѣ человѣка науки, г. Туганъ-Барановскій имѣетъ два прямо противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ. Я — профанъ и такой роскоши позволить себѣ не могу».

Внимательный читатель легко замѣтитъ, что «сословіе» и «классы» не одно и то же. Интересы торгово-промышленнаго *сословія* (т. е. купцовъ и фабрикантовъ) Смитъ признавалъ противоположными общественнымъ; но торгово-промышленные *классы* (т. е. купцы, фабриканты *и рабочіе*) признавались Смитомъ важнѣйшей силой націи. Но дѣло не въ этомъ. Развѣ признавать силой ту или иную общественную группу, это значитъ сочувствовать ей? Врядъ ли кто-либо будетъ отрицать, что буржуазія является крупной силой въ Западной Европѣ, а въ извѣстныя эпохи являлась и господствующей силой. Слѣдуетъ ли изъ этого, что буржуазія пользуется всеобщимъ сочувствіемъ?

Если я скажу, что въ настоящее время самая могущественная военная держава Германія—равносильно ли это выраженію моего сочувствія Германіи? Почему же г. Михайловскій изъ моего указанія, что Смитъ признавалъ силу купцовъ и фабрикантовъ за-

ключаетъ объ его сочувствіи имъ? Наоборотъ, именно потому, что Смитъ зналъ силу этого общественнаго класса, онъ относился къ нему съ такой враждебностью, какъ можно убѣдиться хотя бы изъ нижеслѣдующихъ словъ А. Смита.

«Правда, надѣяться на полную свободу торговли въ Великобританіи было бы такимъ же безуміемъ, какъ ожидать осуществленія въ ней республикъ Утопіи или Океаніи. Не только общественные предразсудки, но что побѣдить всего труднѣе, частныя выгоды многихъ отдѣльныхъ лицъ представляютъ въ этомъ отношеніи неодолимую преграду.

...Въ настоящее время опасна самая ничтожная попытка противъ монополіи фабрикантовъ надъ всѣмъ обществомъ. Монополія та до того усилила число людей въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ производствахъ, что они представляютъ какъ бы многочисленную армію, всегда готовую къ отпору, страшную для правительства и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ наводившую страхъ на само законодательство.

...Если членъ парламента выскажется противъ монополіи, то ничто не предохранитъ его отъ клеветы, личныхъ оскорбленій, но даже отъ дѣйствительной опасности со стороны негодующей и обманутой алчности наглыхъ монополистовъ». («Богатство народовъ», кн. IV, глава II).

Что же касается до землевладѣльцевъ, то Смиту принадлежитъ извѣстная фраза, что они «собираютъ плоды тамъ, гдѣ не сѣяли», но, тѣмъ не менѣе, въ землевладѣльцахъ Смитъ видѣлъ своихъ союзниковъ въ борьбѣ за свободную торговлю («къ чести поземельныхъ собственниковъ можно сказать, что они менѣе всякаго другого класса заражены гнуснымъ духомъ монополіи», «Богатство народовъ», кн. IV, гл. II) и это побуждало его вообще относиться къ нимъ съ симпатіей, хотя онъ и признавалъ экономическую безполезность класса людей, живущихъ на счетъ земельной ренты.

Предоставляю судить самому читателю, имѣю ли я «въ качествѣ человѣка науки» два прямо противоположныхъ мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ.

М. Туганъ-Барановскій.

Издательница **А. Давыдова**. Редакторъ **Викторъ Острогорскій**.

движенiй, постепенно совершенствовало ихъ. Тогда же въ этихъ организмахъ явились новые возбудители, ихъ «*потребности*», число которыхъ у каждаго живого существа возростало по мѣрѣ того, какъ организмъ его усложнялся и отношенiя къ внѣшнему мiру становились разнообразнѣе. Въ этихъ предположенiяхъ Ламаркъ сходится съ Эразмомъ Дарвиномъ. Но англiйскiй ученый принимаетъ, что для образованiя новыхъ органовъ и для измѣненiя существующихъ достаточно раздраженiя, вызваннаго въ органахъ потребностями. Ламаркъ вводитъ промежуточный моментъ между дѣйствiемъ потребностей и измѣненiями организма. По его мнѣнiю, эти постоянныя потребности повели къ *повторенiю* извѣстныхъ дѣйствiй, къ образованiю опредѣленныхъ *привычекъ*, а эти привычки, въ свою очередь, сдѣлались новыми причинами измѣненiя. Дѣйствительно, всякiй органъ, изъ котораго животное дѣлаетъ частое, ежедневное употребленiе, развивается и совершенствуется; напротивъ, всякiй органъ, которымъ животное перестаетъ пользоваться, атрофируется и исчезаетъ. Слѣдовательно, благодаря привычкамъ, одни органы могутъ совершенствоваться, другiе—уничтожаться. Неоспоримо, напримѣръ, что глаза животныхъ, постоянно пребывающихъ во мракѣ, могутъ совершенно уничтожиться, а ежедневное наблюденiе не позволяетъ сомнѣваться, что большая часть органовъ, вслѣдствiе упражненiя, дѣлаются совершеннѣе. Въ этихъ случаяхъ органы, о которыхъ идетъ рѣчь, уже существуютъ; спрашивается, могутъ ли произойти органы совершенно новые? Ламаркъ отвѣчаетъ предположенiемъ: разъ животное чувствуетъ потребность въ извѣстномъ органѣ, одного этого достаточно, чтобы вызвать появленiе органа. Это—гипотеза слишкомъ смѣлая. Вотъ, напримѣръ, вопросъ, какъ жвачныя прiобрѣли свои рога. Трудно согласиться съ объясненiемъ, что «во время приступовъ гнѣва, которые особенно часто повторяются у самцовъ, ихъ внутреннее чувство, путемъ усилiй, направляетъ жидкости по преимуществу къ той части головы, гдѣ происходитъ отдѣленiе роговой или костной матерiи, и тамъ образуются твердые выступы». Не въ одномъ только частномъ случаѣ жвачныхъ Ламаркъ прилагаетъ свою доктрину «*внутренняго усилiя*», направляющаго къ той или другой части тѣла жидкости, которыя должны усилить дѣятельность. «Когда воля побуждаетъ животное къ какому-нибудь дѣйствiю, органы, способные его выполнить, немедленно приводятся въ возбужденiе приливомъ тонкихъ жидкостей, которыя становятся побудительною причиною движенiй, необходимыхъ для даннаго дѣйствiя... Отсюда слѣдуетъ, что многократныя повторенiя этихъ организацiонныхъ актовъ усили-

ваютъ, расширяютъ, развиваютъ и даже *творятъ* органы, которые нужны для нихъ». Это значитъ, животное неизбѣжно приходитъ къ обладанію органомъ, который необходимъ или просто полезенъ для него при данныхъ біологическихъ условіяхъ. На Ламарка сильно нападали за это утвержденіе, дѣйствительно, слишкомъ смѣлое; его слова не безъ коварства замѣнялись другими: «Животное, въ концѣ концовъ всегда пріобрѣтаетъ органъ, котораго хочетъ». Не такова мысль Ламарка: онъ просто приписываетъ превращенія видовъ возбуждающему дѣйствію внѣшнихъ условій, которое проявляется въ формѣ потребностей; такъ объясняетъ онъ всѣ тѣ явленія, которыя нынѣ мы означаемъ словомъ: «*приспособленія*». Длинная шея жирафа происходитъ отъ того, что это животное обитаетъ въ странѣ, гдѣ листья помѣщены на вершинѣ высокихъ стволовъ; длинныя ноги голенастыхъ объясняются тѣмъ, что у этихъ птицъ есть потребность отыскивать свою пищу въ водѣ, не смачивая перьевъ, и пр. Эти толкованія нисколько не ослабляютъ двухъ законовъ, высказанныхъ Ламаркомъ:

1. «*При развитіи всякаго животнаго болѣе частое и продолжительное упражненіе какого-нибудь органа постепенно укрѣпляетъ, увеличиваетъ и развиваетъ этотъ органъ и сообщаетъ ему силу, пропорціональную продолжительности упражненія. Напротивъ, постоянная бездѣятельность незамѣтно ослабляетъ органъ, постепенно уменьшаетъ и понижаетъ его способности и, наконецъ, доводитъ органъ до полнаго разрушенія*».

2. *Всѣ особенности, которыя особи пришлось пріобрѣсти или потерять подъ вліяніемъ условій, среди которыхъ долгое время развивалась ея раса, и, слѣдовательно, подъ вліяніемъ преобладающаго упражненія или постоянной бездѣятельности извѣстнаго органа,— всѣ такія особенности передаются ею новому поколѣнію, если только пріобрѣтенныя измѣненія принадлежатъ обоимъ поламъ или, вообще, тѣмъ особямъ, отъ которыхъ произошло новое поколѣніе*».

Чтобы подтвердить первый изъ этихъ законовъ, Ламаркъ приводитъ различные примѣры; въ настоящее время мы могли бы значительно увеличить ихъ число. Одинъ только вопросъ можетъ вызвать споры: какъ далеко заходятъ измѣненія, которымъ подвергается извѣстный органъ подъ вліяніемъ упражненія или бездѣятельности. Все дѣло—въ количествѣ, въ размѣрахъ. Возможно ли творчество новыхъ органовъ подъ вліяніемъ внѣшняго возбужденія? Вотъ вопросъ, который самъ по себѣ заслуживалъ бы изученія; нельзя отрицать эту возможность безъ изслѣдованія, безъ наблюденій, безъ опытовъ; нельзя относиться къ ней, какъ къ забавной выдумкѣ. Ламарку было бы легче доказать ее, если бы онъ не счелъ полезнымъ сослаться на вліяніе «потребностей».

Неоспоримо, что при недостаткѣ возбужденія органы атрофируются и исчезаютъ: мы уже говорили, что животныя темныхъ пещеръ и глубокаго моря часто оказываются слѣпыми; протей подземныхъ озеръ Каролины имѣетъ бѣлую кожу, но, подъ вліяніемъ свѣта, его покровы пигментируются, и она становится темною; положительно извѣстно, что свѣтъ необходимъ для появленія хлорофилла въ растеніяхъ. Пусть мы не знаемъ внутренняго механизма, которымъ производятся этотъ пигментъ и этотъ хлорофиллъ; всётаки ясно, что они являются подъ вліяніемъ внѣшняго возбужденія.

Гипотеза Ламарка относительно образованія и развитія органовъ очень тѣсно связана съ его понятіемъ о жизни. Если смотрѣть на гипотезу съ этой точки зрѣнія, въ ней нѣтъ ничего страннаго, непонятнаго. Она внушаетъ невольное уваженіе: предъ нами—великій умъ, который, опираясь на всѣ знанія своей эпохи, пытается достигнуть рѣшенія задачи; попытка осталась безплодною, но нужно помнить, что даже теперь, не смотря на всѣ успѣхи науки, мы не обладаемъ еще этимъ рѣшеніемъ.

Двѣ жидкости проникаютъ, по Ламарку, молекулы, способныя къ жизни: *теплота* и *электричество*. Теплота раздвигаетъ живыя молекулы, удаляетъ ихъ одну отъ другой, не нарушая ихъ сцѣпленія, и держитъ, такимъ образомъ, живыя ткани въ состояніи спеціальнаго напряженія, которому Ламаркъ даетъ названіе *оргазма*. Оргазмъ—это состояніе борьбы между сцѣпленіемъ живыхъ молекулъ и теплотою; отсюда происходитъ *раздражимость* тканей. Представимъ, что воля или внѣшнія силы направили къ извѣстной точкѣ тѣла электричество; какъ только проявилось его вліяніе, равновѣсіе между сцѣпленіемъ и теплотою оказывается нарушеннымъ, оргазмъ прекращается; ткань, въ которой исчезло состояніе напряженія, стягивается къ той точкѣ, гдѣ вліяніе теплоты сдѣлалось слабѣе: пройдетъ мгновеніе, и она вернется къ прежнему объему. Такъ реагируетъ ткань на воздѣйствіе внѣшнихъ силъ. Не сократившійся мускулъ находится въ состояніи «оргазма» и обнаруживаетъ его, такъ называемымъ, мускульнымъ «*тономъ*». Нервы, орудія воли, приносятъ въ мускулы электричество: отъ этого исчезаетъ оргазмъ, происходитъ сокращеніе мускула, но скоро мускулъ принимаетъ прежній объемъ. Безъ сомнѣнія, теперь мы иначе объяснили бы всѣ явленія, которыя Ламаркъ приписываетъ оргазму; но много ли подвинулись мы впередъ въ вопросѣ о самыхъ причинахъ жизни? Мы говоримъ, что нужно разсматривать ее, какъ особый родъ движенія протоплазматическихъ частицъ. Но есть ли существенное разли-

чіе между этою идеею и взглядами Ламарка? Вѣдь теплота, о которой говоритъ онъ, не что иное, какъ особый родъ движенія.

Были-ль мы счастливѣе въ опредѣленіи причинъ, которыми производятся измѣненія организмовъ? Теперь никто не принимаетъ, чтобы потребности и желанія могли сами по себѣ вызывать появленіе новыхъ органовъ и измѣненіе существующихъ. Но значеніе упражненія и бездѣятельности признается почти безъ спора. Допускается прямое воздѣйствіе среды. Отмѣчено соотношеніе между измѣненіями органовъ: измѣненіе одного органа отражается на многихъ другихъ; одни развиваются вмѣстѣ съ нимъ, другіе, наоборотъ, ослабѣваютъ вслѣдствіе его развитія. Многіе факты приводятъ къ мысли, что самая быстрота развитія, возростающая по мѣрѣ усложненія организмовъ, можетъ иногда измѣнять отношенія между частями тѣла. Допускаютъ также извѣстную самопроизвольность въ измѣненіи организмовъ. Указываютъ, наконецъ, на вліяніе скрещиваній: благодаря имъ, въ потомствѣ появляются извѣстныя особенности; но это—результатъ наслѣдственной передачи тѣхъ особенностей, которыя были произведены въ предкахъ причинами, только-что перечисленными. До сихъ поръ не удалось систематически изслѣдовать вліяніе, которое оказываетъ каждая изъ этихъ причинъ въ отдѣльности. Самъ Дарвинъ ограничивается указаніемъ, что виды измѣняются, не задаваясь вопросомъ о причинахъ. Для теоріи естественнаго подбора достаточно, если отмѣченъ самый фактъ, какъ исходный пунктъ; изслѣдовать его подробнѣе—задача будущаго.

Второй законъ Ламарка, законъ *наслѣдственности*, имѣлъ громадное значеніе для Дарвина. Но только Дарвинъ доказалъ, что борьба за существованіе неизбѣжно уничтожаетъ формы, которыя остаются неподвижными или представляютъ одни безполезныя измѣненія, что она сохраняетъ въ организмахъ исключительно полезныя особенности. Благодаря этому, Дарвинъ могъ выяснить, почему не замѣчается абсолютной непрерывности среди одновременно существующихъ формъ, почему громадное число ихъ уничтожилось, почему сохранившіеся организмы такъ удивительно приспособлены къ условіямъ существованія. Гармонія между живыми формами и окружающею средою настолько велика, что явилась вѣра, будто онѣ созданы спеціально для данной среды; на эту гармонію ссылалась также теорія *«конечныхъ причинъ»*.

Подобно Бюффону, Ламаркъ является рѣшительнымъ противникомъ Аристотелевской доктрины конечныхъ причинъ. Онъ не признаетъ, чтобы живущіе нынѣ виды были созданы *для* извѣстнаго образа жизни: напротивъ, они произошли *вслѣдствіе* образа жизни, вызваннаго обстоятельствами, среди которыхъ они нахо-

дились. Приспособленія для него—доказательство прямого воздѣйствія среды; его теорія трансформизма не объясняетъ ихъ, какъ дѣлается это въ ученіи Дарвина, а просто принимаетъ ихъ, какъ исходный пунктъ; въ этомъ—противоположность между методами двухъ великихъ натуралистовъ, противоположность, которую слѣдуетъ отмѣтить.

Виды должны оставаться неизмѣнными, пока неизмѣнны условія, въ которыхъ они существуютъ. Этимъ указаніемъ Ламаркъ побѣдоносно отвѣчаетъ на возраженіе, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должно было ниспровергнуть всю его систему и которое много разъ выставлялось впослѣдствіи противъ Дарвина. Во время египетской экспедиціи Жоффруа С.-Илеръ собралъ въ некрополяхъ большое число мумій различныхъ животныхъ; по возвращеніи онъ изучилъ ихъ вмѣстѣ съ Кювье. Эти животныя, умершія много тысячъ лѣтъ назадъ, оказались тожественными съ современными животными Египта. Кювье видѣлъ въ этомъ доказательство неизмѣнности видовъ. Въ ту эпоху не знали, какова могла быть продолжительность геологическихъ періодовъ. Современная геологія приписываетъ нашему міру миллионы лѣтъ существованія; для ученаго, который, вмѣсто этого, вѣрилъ, что время творенія отдѣлено отъ насъ промежуткомъ въ какія-нибудь шесть тысячъ лѣтъ, для такого ученаго муміи египетскихъ гробницъ являлись представителями первыхъ эпохъ міра. Теперь мы знаемъ, что древность ихъ—иллюзія; что ничто, даже человѣкъ, не измѣнилось около нихъ, и что промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ эпохи, когда они жили,—одно мгновеніе сравнительно съ періодами, какихъ требуетъ природа, чтобы установить новую эру. Кромѣ того, справедливо было замѣчено, что эти муміи доказываютъ больше, чѣмъ слѣдуетъ: вѣдь сохранились не только виды, современные древнимъ, но также породы домашнихъ животныхъ; между тѣмъ измѣняемость этихъ породъ стоитъ внѣ сомнѣнія.

Ламаркъ много занимался изученіемъ ископаемыхъ моллюсковъ. Ихъ виды крайне многочисленны; прослѣдить послѣдовательность измѣненій здѣсь гораздо легче, чѣмъ у млекопитающихъ. Замѣтивши многочисленные ряды переходныхъ формъ между видами, которые считаются исчезнувшими, и видами современными, Ламаркъ не признаетъ, однако, что виды вымираютъ: онъ предполагаетъ, что они перерождаются.

«Если виды вымираютъ», говоритъ онъ *): «это возможно только среди крупныхъ животныхъ, обитающихъ въ сухихъ странахъ земного шара; при полномъ господствѣ человѣка, онъ могъ

*) «Philosophie Zoologique», éd. 1809, t. I, p. 76.

уничтожить тамъ всѣхъ особей нѣкоторыхъ видовъ, которыхъ не хотѣлъ ни сохранять, ни приручать. Вотъ почему возможно, что *палеотерій*, *аноплотерій*, *мегалониксъ*, *мастодонтъ* и нѣкоторые другіе виды не существуютъ болѣе въ природѣ; *но только возможно*...

«Животныя же, обитающія въ лонѣ водъ, особенно въ глубинѣ морей, и, кромѣ того, всѣ породы незначительной величины, живущія на поверхности земли и дышущія воздухомъ, не могутъ быть совершенно уничтожены человѣкомъ. Ихъ размноженіе такъ обильно, а средства укрываться отъ его преслѣдованій и ловушекъ такъ разнообразны, что, по всей вѣроятности, онъ не могъ бы совершенно уничтожить какой-нибудь видъ этихъ животныхъ».

Подобно Бюффону, Ламаркъ преувеличиваетъ значеніе человѣка въ природѣ. Единственной причиной вымиранія видовъ ему представляется вліяніе человѣка. Онъ не замѣчаетъ, что война,

Аноплотерій.

объявленная нашимъ видомъ царству животныхъ, только частный случай великой борьбы, какую ведутъ они между собою. Первыя слѣдствія этой борьбы не укрылись, однако, отъ Ламарка, потому что онъ пишетъ *):

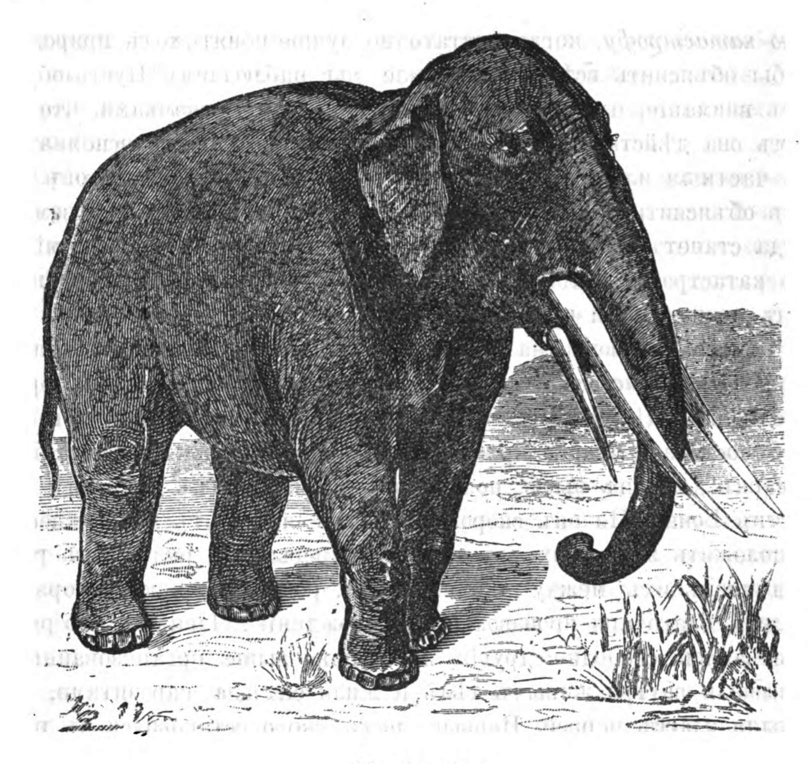
«Вслѣдствіе размноженія самыхъ мелкихъ видовъ и, вообще, животныхъ, наименѣе совершенныхъ, многочисленность особей могла бы вредить сохраненію породъ, сохраненію успѣховъ, достигнутыхъ въ улучшеніи организаціи, однимъ словомъ, общему порядку, если бы природа не приняла предосторожностей, чтобы ограничить это размноженіе прочными предѣлами.

«Животныя поѣдаютъ одни другихъ, за исключеніемъ тѣхъ, какія питаются растеніями; но эти послѣднія обречены служить пищею для плотоядныхъ.

«Извѣстно, что самыя сильныя и лучше вооруженныя животныя питаются болѣе слабыми и самые крупные виды пожираютъ мелкихъ».

*) «Philosophie Zoologique», t. I, p. 98, éd. 1809.

Повидимому, отсюда легко перейти не только къ понятію о борьбѣ за существованіе, но даже къ закону естественнаго подбора. Къ несчастію, вмѣсто того, чтобы послѣдовательно развить эту идею, Ламаркъ направился другимъ путемъ; онъ не угадалъ послѣдствій ожесточеннаго соперничества, которое возникаетъ между животными одного вида, какъ только запасы пищи стано-

Мастодонтъ.

вятся недостаточными. Напротивъ, онъ вѣритъ, «что особи одной породы рѣдко поѣдаютъ другъ друга, что онѣ ведутъ войну противъ другихъ породъ». Затѣмъ, помимо воли, онъ возвращается къ «конечнымъ причинамъ», когда говоритъ о предосторожностяхъ, принимаемыхъ природою, чтобы воспрепятствовать размноженію самыхъ крупныхъ видовъ, потому что это было бы опасно для существованія мелкихъ. Дарвинъ въ этомъ случаѣ поступилъ совсѣмъ иначе. Нельзя, однако, ставить въ вину Ламарку, что онъ не пытался рѣшить задачу, которая въ его время не была даже поставлена: это—вопросъ о постепенномъ вымираніи и обновленіи большинства растительныхъ и животныхъ видовъ, помимо вліянія человѣка.

Защитникъ «постоянства видовъ», Кювье не колебался утверждать, что многія животныя вымерли; мы скоро увидимъ, что онъ

приписывалъ ихъ исчезновеніе громаднымъ катастрофамъ, всеобщимъ переворотамъ, потрясавшимъ всю поверхность земного шара. Ламаркъ, пораженный постепенностью измѣненій, которымъ, повидимому, подвергались моллюски, отрицаетъ эту теорію «катастрофъ», ошибочность которой докажутъ впослѣдствіи Чарльзъ Ляйелль и его ученики.

«Къ чему,—говоритъ онъ *),—произвольно предполагать *всеобщую катастрофу*, когда достаточно лучше понять ходъ природы, чтобы объяснить всѣ факты, какіе мы наблюдаемъ? Пусть обратятъ вниманіе, что природа ничего не дѣлаетъ скачками, что во всемъ она дѣйствуетъ медленно и постепенно. Пусть вспомнятъ, что частныя или мѣстныя причины измѣненій и переворотовъ могутъ объяснить всѣ явленія, наблюдаемыя на поверхности земли. Тогда станетъ ясно, что нѣтъ необходимости предполагать міровую катастрофу, которая ниспровергла и уничтожила значительную часть произведеній природы».

Такимъ образомъ, на самой зарѣ геологіи Ламаркъ развивалъ теорію *нынѣ дѣйствующихъ причинъ* и намѣтилъ программу, которая впослѣдствіи цѣликомъ была выполнена великою школою геологовъ.

Сопоставляя теорію происхожденія видовъ съ классификаціей, Ламаркъ долженъ былъ, повидимому, вернуться къ лѣстницѣ существъ Бонне. Но онъ скоро замѣчаетъ, что нѣтъ возможности расположить животныхъ въ одинъ непрерывный рядъ. Онъ распредѣляетъ ихъ между двумя рядами, родоначальники которыхъ явились, благодаря произвольному зарожденію. Члены одного ряда развивались свободно; другія животныя, выше организованныя, произошли внутри живыхъ тѣлъ и жили сначала паразитами, составляя классъ червей. Первый рядъ скоро остановился въ развитіи; второй привелъ къ позвоночнымъ. Вмѣсто того, чтобы помѣстить позвоночныхъ во главѣ животнаго царства, Ламаркъ первый переходитъ отъ простого къ сложному и постепенно поднимается отъ самыхъ простыхъ инфузорій и червей до самыхъ совершенныхъ формъ, въ какихъ проявляется жизнь.

«Порядокъ природы,—говоритъ онъ,—это—порядокъ, въ которомъ происходили тѣла». Такъ какъ эти тѣла являлись постепенно одни за другими, очевидно, они должны образовать непрерывные ряды, въ которыхъ невозможно провести никакой пограничной черты, отдѣляющей однѣ группы отъ другихъ. «Природа не производила ни классовъ, ни порядковъ, ни семействъ, ни родовъ, ни постоянныхъ видовъ; она вызываетъ къ жизни только особей, которыя слѣдуютъ однѣ за другими и которыя похожи на пред-

---

*) «Philosophie Zoologique», t. I, p. 80, 1809.

ковъ». Если извѣстныя особи представляютъ полное сходство между собою, и все время, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались извѣстными, поколѣніе за поколѣніемъ, сохраняютъ однѣ и тѣ же характерныя черты, изъ нихъ составляются *виды*. Но члены одного вида представляютъ постоянныя особенности лишь въ томъ случаѣ, если условія, среди которыхъ они существуютъ, остаются неизмѣнными. Какъ только эти условія сдѣлались другими, особи измѣняются. Отсюда — среднія формы; число ихъ, можно сказать, безконечно, и онѣ связываютъ между собою такихъ животныхъ, которыя съ перваго взгляда представляются совершенно различными. Видовъ неизмѣнныхъ не существуетъ.

Въ сущности, Ламаркъ преувеличиваетъ число переходныхъ формъ, которыя существуютъ между видами въ современной природѣ *). Онъ преувеличиваетъ также легкость, съ какою совершаются скрещиванія между видами. Онъ приписываетъ виду слишкомъ большую измѣнчивость. Причина та, что онъ не владѣетъ еще великимъ фактомъ исчезновенія видовъ; поэтому, онъ не допускаетъ, чтобы въ природѣ могли быть пробѣлы. Во всякомъ случаѣ, Ламаркъ не принимаетъ абсолютной постепенности, какъ предполагали нѣкоторые: онъ видитъ глубокій *пробѣлъ* между тѣлами мертвыми и тѣлами организованными **); онъ предполагаетъ существованіе такого же пробѣла между животными и растеніями, такъ какъ животныя владѣютъ одной способностью, *раздражимостью*, которой совершенно нѣтъ у растеній. Если изслѣдовать усложненіе организаціи и принимать во вниманіе только классы, царство животныхъ и царство растеній представятъ, каждое въ отдѣльности, одинъ непрерывный рядъ, настоящую *лѣстницу*; ея ступени характеризуются развитіемъ и сложностью различныхъ системъ органовъ. Эта лѣстница представляетъ «порядокъ, который принадлежитъ природѣ; вмѣстѣ съ созданными имъ предметами онъ вытекаетъ изъ тѣхъ средствъ, какія природа получила отъ Верховнаго Творца всѣхъ вещей. Сама природа, это—общій и неизмѣнный порядокъ, установленный Верховнымъ Творцомъ, это — совокупность законовъ, общихъ и частныхъ, которымъ подчиненъ порядокъ. Благодаря этимъ средствамъ, которыми природа неизмѣнно продолжаетъ пользоваться, она давала и постоянно даетъ существованіе своимъ созданіямъ; она безъ устали измѣняетъ и обновляетъ ихъ и, такимъ образомъ, сохраняетъ вездѣ порядокъ, который является ея произведеніемъ ***).

*) «Philosophie Zoologique», t. I, p. 58.
**) «Philosophie Zoologique», t. I, p. 92.
***) «Philosophie Zoologique», t. I, p. 113.

Въ концѣ концовъ, различныя формы растеній и животныхъ объясняются, по Ламарку, дѣйствіемъ двухъ причинъ:

1) Опредѣленный естественный порядокъ, устиновленный самимъ Создателемъ; его выраженіемъ является тотъ непрерывный, постепенно усложняющійся рядъ, та лѣстница, какую образуютъ животныя и растенія.

2) Вліяніе внѣшнихъ условій; не нарушая существенно указаннаго порядка, оно безконечно разнообразитъ естественныя произведенія и около непрерывной лѣстницы, представляемой царствомъ животныхъ или растеній, создаетъ безконечное множество малыхъ, развѣтвляющихся рядовъ, причемъ нѣкоторыя вѣтви ихъ могутъ казаться совершенно изолированными.

Это мѣсто слѣдуетъ отмѣтить: часто представляютъ, будто Ламаркъ приписывалъ развитіе міра исключительно силамъ природы; Геккель воспроизвелъ это мнѣніе въ своей «*Естественной Исторіи творенія*». Не такова была мысль Ламарка. Конечно, по его мнѣнію, вещества и «тонкихъ жидкостей», которыя мы называемъ нынѣ физико-химическими силами, достаточно, чтобы произвести простѣйшихъ изъ живыхъ существъ; конечно, вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ играло преобладающую роль въ образованіи органическихъ формъ; но эти формы усложнялись по плану, который былъ заранѣе намѣченъ «Верховнымъ Творцомъ всѣхъ вещей» и который отразился въ послѣдовательности организмовъ. Повидимому, свою теорію о вліяніи среды Ламаркъ соединилъ съ идеею Бонне о лѣстницѣ существъ; ему не удалось вполнѣ освободиться отъ этой идеи, безъ сомнѣнія, потому, что она кажется ему согласною съ его понятіемъ о величіи Создателя. Собственно говоря, конечныя причины овладѣваютъ снова умомъ Ламарка, овладѣваютъ помимо его воли и заставляютъ въ другомъ мѣстѣ *) сказать: «Такимъ образомъ, *благодаря этимъ мудрымъ предосторожностямъ*, все сохраняется *въ установленномъ порядкѣ*; измѣненія и постоянныя обновленія, которыя наблюдаются въ этомъ порядкѣ, ограничены опредѣленными предѣлами; всѣ породы живыхъ тѣлъ продолжаютъ существовать, несмотря на ихъ измѣненія; успѣхи, достигнутые въ улучшеніи организаціи, не теряются; все, что кажется безпорядкомъ, аномаліей, постоянно возвращается къ порядку и сливается съ нимъ; *и вездѣ, и всегда воля Верховнаго Творца природы и всего существующаго исполняется неизмѣнно*».

Трудно было бы изложить опредѣленнѣе теорію «конечныхъ причинъ»: вѣдь, если Богъ все сотворилъ, все устроилъ, все при-

*) «Philosophie Zoologique», t. I, p. 101.

велъ въ движеніе, такимъ образомъ, что Его воля всюду присутствуетъ и всегда исполняется,—это значитъ что Онъ все предусмотрѣлъ, что природа получила отъ Него извѣстныя средства и безсознательно стремится къ опредѣленной цѣли: къ исполненію творческой воли.

Но — поразительное противорѣчіе: признавая «конечныя причины» въ общемъ, Ламаркъ оказывается рѣшительнымъ противникомъ ихъ въ частныхъ вопросахъ. Натуралисты и философы всегда обращали вниманіе на удивительныя орудія, которыми снабжены животныя, на необыкновенное соотвѣтствіе этихъ орудій съ ихъ отправленіями. Для большинства ученыхъ этотъ фактъ—неоспоримое доказательство того разума и той мудрости, какія проявились при твореніи.

«Извѣстно», говоритъ Ламаркъ *): «что каждое животное имѣетъ свои привычки, и что всегда организація животнаго находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ этими привычками».

«Размышляя надъ этимъ обстоятельствомъ, можно придти къ одному изъ приведенныхъ ниже заключеній; ни то, ни другое не могутъ быть доказаны.

Заключеніе, принимавшееся до настоящаго времени:

При сотвореніи животныхъ Творецъ предвидѣлъ всѣ возможныя обстоятельства, при которыхъ имъ придется жить; каждому виду Онъ далъ стойкую организацію, такъ сказать, форму, опредѣленную и неизмѣнную во всѣхъ частяхъ; она то и заставляетъ каждый видъ жить въ мѣстности и климатѣ, гдѣ онъ встрѣчается, и сохранять присущія ему привычки.

Мое заключеніе:

Производя послѣдовательно всѣ виды животныхъ—отъ самыхъ несовершенныхъ и простыхъ до самыхъ совершенныхъ—природа постепенно осложняла ихъ организацію, и когда эти животныя разсѣялись по всѣмъ обитаемымъ странамъ земного шара, каждый видъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ оказался, получилъ присущія ему привычки и наблюдаемыя у него видоизмѣненія отдѣльныхъ частей».

Ламаркъ не колеблется между этими заключеніями. Первое основано на предположеніи, что виды неизмѣнны и что во всѣ времена они были такъ же тѣсно приспособлены къ условіямъ существованія, какъ наблюдается это теперь. Но разъ неизмѣнны виды, это значитъ, оставались неизмѣнными условія ихъ существованія. Противъ послѣдняго предположенія говорятъ всѣ данныя, къ какимъ приводитъ наблюденіе. Мало того: мы произ-

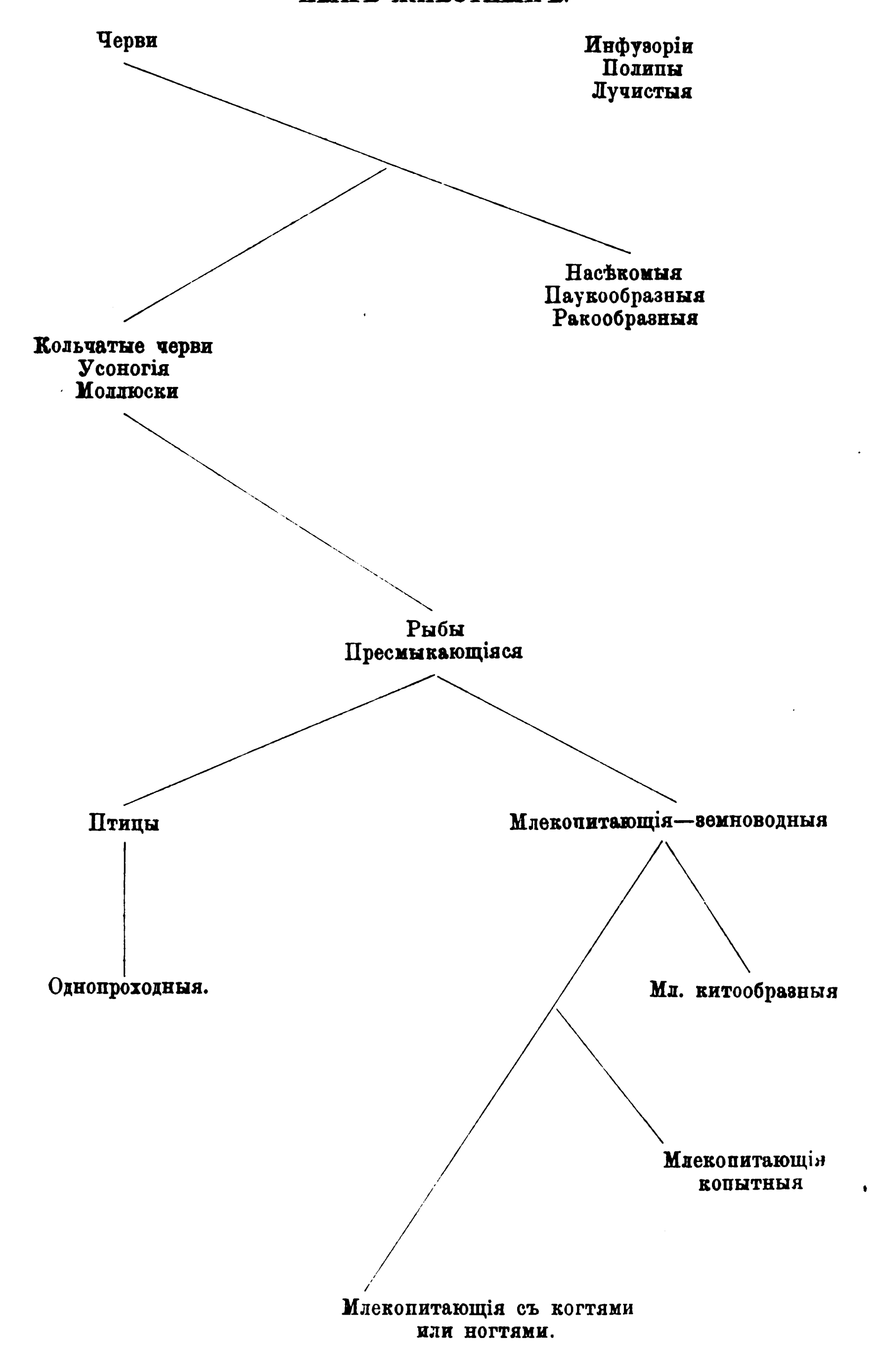
*) «Philosophie Zoologique», t. I, p. 265.

вольно измѣнили условія существованія у извѣстнаго числа животныхъ; это—животныя домашнія. Въ другихъ условіяхъ эти животныя сами становились другими. Ни одно изъ нихъ не походитъ на своихъ дикихъ предковъ, и мы можемъ еще болѣе измѣнить ихъ, по желанію. Этотъ доводъ неотразимъ; какъ бы ни старались уменьшить его значеніе, онъ подрываетъ всѣ попытки доказать постоянство видовъ.

Возраженія противъ него сводятся къ слѣдующему: измѣненія, вызванныя у домашнихъ животныхъ, не переходятъ за извѣстные предѣлы. На это можно отвѣтить, что до сихъ поръ никто и не пытался измѣнить вполнѣ первоначальныя условія. Въ своихъ отношеніяхъ къ животнымъ человѣкъ всегда ограничивался извѣстными рамками: онъ бралъ произведенія природы, пользовался результатами, какихъ она достигла, подвигался дальше по тому пути, какой она намѣтила, но лишь настолько, насколько нужно было для удовлетворенія его потребностей. Онъ не задавался цѣлью преобразовать животныхъ, произвести въ нихъ глубокія измѣненія; онъ хотѣлъ сохранять и совершенствовать ихъ для своей пользы, а не творить. Да если-бы онъ и сталъ преслѣдовать такую цѣль, остается еще дѣятель. котораго также слѣдуетъ принимать во вниманіе: это—время. Шести тысячамъ лѣтъ, которыми могло располагать человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ достигло нѣкотораго развитія, природа противопоставляетъ работу сотенъ милліоновъ лѣтъ; можно ли удивляться, что человѣкъ не успѣлъ еще кореннымъ образомъ измѣнить эту работу!

Итакъ, Ламаркъ безусловно принимаетъ мнѣніе, что древніе виды постепенно измѣнялись, чтобы произвести виды современные. Инфузоріи получили начало путемъ произвольнаго зарожденія и, совершенствуясь, произвели лучистыхъ. Черви, которые образовались въ тѣлахъ, уже организованныхъ, развивались быстрѣе и поднялись выше. Они раздѣлились на двѣ вѣтви: одна доставила насѣкомыхъ, затѣмъ паукообразныхъ, наконецъ, ракообразныхъ; другая послѣдовательно дала кольчатыхъ червей, усоногихъ, моллюсковъ, рыбъ и пресмыкающихся. Здѣсь новое подраздѣленіе: одни пресмыкающіяся производятъ птицъ, отъ которыхъ развиваются потомъ млекопитающія — однопроходныя; другія пресмыкающіяся даютъ начало млекопитающимъ — земноводнымъ, отъ которыхъ происходятъ сначала китообразныя, потомъ обыкновенныя млекопитающія. Эти послѣднія дѣлятся, наконецъ, на млекопитающихъ копытныхъ и млекопитающихъ съ когтями или ногтями. Вотъ генеалогическая таблица животнаго царства,—первая изъ всѣхъ, какія составлялись на основаніи научныхъ данныхъ.

Таблица, поясняющая порядокъ происхожденія различныхъ животныхъ.

Ламарку не доставало многихъ фактовъ, которыми располагаютъ современные ученые. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ извратилъ порядокъ, въ которомъ, по всей вѣроятности, шло развитіе суставчатыхъ: что усоногихъ, которыя принадлежатъ къ классу ракообразныхъ, онъ неправильно помѣщалъ между кольчатыми червями и моллюсками; что однопроходныхъ онъ производилъ отъ птицъ, вмѣсто того, чтобы соединить ихъ съ другими млекопитающими; что, наконецъ, млекопитающія земноводныя представлялись ему предками обыкновенныхъ млекопитающихъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, порядокъ развитія былъ обратный. Все это—ошибки, неизбѣжныя при неполнотѣ знаній; ихъ повторяли много разъ и въ позднѣйшія времена; но прогрессъ науки дѣлаетъ ихъ все болѣе и болѣе рѣдкими. Важно то, что было признано родство между различными органическими типами; съ этихъ поръ его почти не отвергаютъ.

Бросается въ глаза, что на этой таблицѣ не отведено мѣста человѣку. Какъ произошелъ человѣкъ? На этотъ вопросъ Ламаркъ не даетъ прямого, опредѣленнаго отвѣта; любопытно привести его собственныя слова:

«Если человѣкъ отличается отъ животныхъ только по своей организаціи, легко показать, что тѣ особенности организаціи, которыя заставляютъ выдѣлить его въ отдѣльное семейство, произошли вслѣдствіе древнихъ измѣненій въ его дѣйствіяхъ и вслѣдствіе привычекъ, которыя были имъ усвоены и сдѣлались характерными для особей его вида» *).

Дѣйствительно, Ламаркъ показываетъ, какъ усовершенствованная раса четырерукихъ, переставши лазать, могла сдѣлаться двурукою; какъ она пріобрѣла вертикальное положеніе тѣла, потому что необходимо было озирать окрестность, чтобы обезпечить свою безопасность; какъ отдѣльныя особи соединились въ общества, чтобы господствовать надъ другими животными и побѣдить своихъ соперниковъ; какъ новыя потребности, вызванныя этимъ союзомъ, создали языкъ.

«Для этого», прибавляетъ, Ламаркъ «достаточно однѣхъ потребностей; благодаря имъ, явятся усилія; и органы, способные къ членораздѣльнымъ звукамъ, разовьются вслѣдствіе постояннаго ихъ упражненія.

«Таковы размышленія, которыя можно было бы высказать, если бы человѣкъ отличался отъ животныхъ только особенностями

---

*) «Philosophie Zoologique», t. I, p. 343.

организаціи и *еслибъ его происхожденіе не разнилось отъ ихъ происхожденія»* *).

Это мнѣніе можно резюмировать такъ: въ качествѣ натуралиста, Ламаркъ не колеблется разсматривать человѣка, какъ измѣненную обезьяну; въ качествѣ философа и психолога, онъ видитъ бездну между человѣкомъ и животными, и человѣкъ представляется ему непосредственнымъ созданіемъ Творца. Даже въ наши дни этой уступки было бы достаточно, чтобы привлечь къ трансформизму много умовъ, которые проникнуты извѣстными вѣрованіями. Но какой интересъ представляло бы ученіе о происхожденіи видовъ, еслибъ оно останавливалось предъ самымъ важнымъ изъ всѣхъ вопросовъ, еслибъ, разъяснивши происхожденіе всѣхъ животныхъ, оно оставляло насъ въ полномъ невѣдѣніи относительно исторіи нашего вида?

И однако, даже съ психологической точки зрѣнія, преграда, которую Ламаркъ ставитъ между человѣкомъ и животными, очень слаба. По его ученію, внѣшняя среда не дѣйствуетъ на организмы непосредственно: она измѣняетъ ихъ, вызывая въ нихъ потребности, затѣмъ привычки; эти привычки ведутъ къ упражненію или бездѣятельности органовъ и, такимъ образомъ, опредѣляютъ ихъ усиленное развитіе или атрофію. Потребности тѣсно связаны съ чувствованіями; эти послѣднія—съ умственными способностями. Ламаркъ придаетъ громадную важность бóльшему или меньшему развитію этихъ способностей у животныхъ, которыхъ въ окончательной классификаціи **) онъ дѣлитъ на *животныхъ неспособныхъ чувствовать*, *животныхъ чувствующихъ* и *животныхъ мыслящихъ*. Простой ссылки на эту классификацію достаточно, чтобы показать, что Ламаркъ принимаетъ постепенное развитіе умственныхъ способностей. Онъ усиливается даже доказать, что «всѣ акты мышленія требуютъ для своего существованія системы спеціальныхъ органовъ»; но эти органы у человѣка и высшихъ животныхъ одинаковы, разница—въ степени; отсюда—неизбѣжный выводъ, что если высшія животныя произошли отъ низшихъ, человѣкъ, въ свою очередь, долженъ былъ произойти отъ высшихъ формъ животнаго царства. Изложивши свои идеи относительно природы мышленія, въ которомъ онъ видитъ просто совокупность механическихъ явленій, Ламаркъ не возвращается, однако, къ вопросу о мѣстѣ человѣка въ природѣ.

Является мысль, не боится ли онъ послѣднею и крайнею смѣ-

*) «Philosophie Zoologique», t. I, p. 357.

**) «Histoire naturelle des animaux sans vertèbres».

лостью скомпрометировать успѣхъ своего произведенія, на которое было потрачено столько усилій генія и которое далеко опередило его эпоху. Онъ знаетъ это; онъ кончаетъ свою книгу слѣдующимъ меланхолическимъ размышленіемъ, которое, къ несчастью, до сихъ поръ остается вѣрнымъ:

«Люди, которые пытаются расширить своими трудами границы человѣческихъ знаній, хорошо знаютъ, что недостаточно открыть и доказать полезную истину, что нужно еще распространить ее и добиться ея признанія. Но *сознаніе индивидуальное* и *сознаніе общественное*, въ которыхъ должна произойти перемѣна, оказываютъ, вообще, такое сопротивленіе, что достигнуть признанія истины часто бываетъ труднѣе, чѣмъ открыть ее. Не буду распространяться объ этомъ предметѣ: я знаю, что читатели дополнятъ остальное, если хоть немного занимались наблюденіемъ причинъ, которыми опредѣляются человѣческія дѣйствія».

Простая, чуждая горечи, проникнутая примирительной философіей, эта фраза не отражаетъ чувства, которое испытывалъ Ламаркъ вслѣдствіе несправедливости современниковъ. Одинъ изъ нихъ оставилъ слѣдующую анонимную оцѣнку на экземплярѣ «Philosophie zoologique», принадлежащемъ библіотекѣ музея: «*человѣкъ довольно поверхностный*». Вотъ впечатлѣніе, которое великій натуралистъ, осмѣливавшійся взглянуть на органическое царство съ совершенно новой точки зрѣнія, производилъ на людей, не понимавшихъ его; оно довольно точно отразилось въ приговорѣ экспансивнаго читателя. Среди зоологовъ Ламаркъ заслужилъ уваженіе своею «*Естественною исторіею животныхъ безпозвоночныхъ*»; она доставила ему имя французскаго Линнея. По словамъ Изидора Ж. С. Илера, ему прощали его философію изъ вниманія къ его великому описательному труду. Что же касается до новыхъ и плодотворныхъ идей, которыя такъ щедро разсѣяны въ его сочиненіи, онѣ скоро были погребены подъ сарказмами, къ которымъ, къ сожалѣнію, присоединился самъ Кювье. Онѣ должны были уснуть на полстолѣтія, прежде чѣмъ снова возстали предъ мыслью ученыхъ.

Человѣкъ, который первый попытался выяснить научно, какія родственныя связи соединяли животныхъ простѣйшихъ съ самыми совершенными, который первый призналъ значеніе наслѣдственности и осмѣлился утверждать, что объясненія природы современной мы должны искать въ природѣ прошлыхъ эпохъ; который общимъ правиломъ развитія и для земли, и для организмовъ считалъ измѣненіе медленное и постепенное, безъ потрясеній и переворотовъ; который, наконецъ, первый сдѣлалъ попытку

проникнуть въ тайны жизни при свѣтѣ физическихъ наукъ,—такой человѣкъ пріобрѣлъ право на вѣчное удивленіе потомства. Безъ сомнѣнія, дѣйствительный механизмъ совершенствованія организмовъ ускользнулъ отъ него; но и Дарвинъ не объяснилъ его болѣе. Законъ естественнаго подбора не раскрываетъ самого процесса преобразованія животныхъ; онъ просто выражаетъ совокупность результатовъ. Онъ констатируетъ эти результаты, не показывая, какъ они произошли. Мы хорошо видимъ, что онъ приводитъ къ сохраненію самыхъ совершенныхъ организмовъ; но Дарвинъ не выясняетъ намъ, какъ эти организмы образовались. Только въ послѣднее время были сдѣланы попытки заполнить этотъ пробѣлъ.

Быть можетъ, идеи Ламарка скорѣе завоевали бы мѣсто, котораго заслуживаютъ. Но въ ту эпоху, когда онъ развивалъ ихъ, научная арена была почти совершенно занята двумя ужасными противниками, болѣе молодыми и пылкими, чѣмъ онъ: одинъ изъ нихъ—Жоффруа С. Илеръ, кругой—Кювье. Мы не должны раздѣлять этихъ двухъ именъ, которыя такъ часто звучали вмѣстѣ въ академическихъ спорахъ первой половины нашего вѣка, которыя были написаны на знаменàхъ двухъ боровшихся школъ и которыя можно разсматривать, какъ самое разительное выраженіе двухъ противоположныхъ складовъ человѣческаго ума.

Глава IX.

Этьенъ-Жоффруа Сентъ-Илеръ.

Два противоположныя ученія: постоянство видовъ; измѣняемость видовъ. — Единство плана строенія. — Важное значеніе рудиментарныхъ органовъ. — Равновѣсіе органовъ. — Теорія аналоговъ; принципъ сродства. — Аналогія низшихъ животныхъ съ зародышами высшихъ. — Остановки въ развитіи. — Чудовища и тератологія.—Идеи Жоффруа Сентъ-Илера относительно измѣняемости видовъ; быстрыя превращенія, вліяніе среды.—Распространеніе теоріи единства плана строенія на суставчатыхъ животныхъ. — Позвоночныя, какъ перевернутыя животныя; идеи Ампера.—Генеалогическая связь между ископаемыми и живущими формами.

Отнынѣ въ наукѣ господствуютъ два противоположныхъ мнѣнія относительно происхожденія видовъ и каждое изъ нихъ имѣетъ своихъ сторонниковъ. Линней безусловно признавалъ постоянство видовыхъ формъ, Бюффонъ же, а въ особенности Ламаркъ, настаивали на ихъ измѣняемости. По воззрѣніямъ названныхъ французскихъ ученыхъ, видъ способенъ претерпѣвать безчисленныя измѣненія. Бюффонъ не распространялъ ихъ особенно далеко, но

Ламаркъ предполагаетъ, что они безконечны, потому что, по его мнѣнію, высшіе виды происходятъ отъ простѣйшихъ, съ которыми и связаны непрерывной цѣпью поколѣній. Подобная же противоположность взглядовъ встрѣчается у Кювье и Жоффруа Сентъ-Илера, но въ этомъ случаѣ представители двухъ школъ встрѣчаются лицомъ къ лицу въ исключительныхъ условіяхъ: ареной ихъ соперничества являются Ботаническій садъ и Парижская Академія наукъ. Здѣсь начался извѣстный въ исторіи науки споръ между двумя учеными, обладавшими обширнымъ умомъ. Ботаническій садъ, слава котораго при Бюффонѣ достигла такой высокой степени, былъ нѣкоторымъ образомъ научнымъ отечествомъ Жоффруа Сентъ-Илера. Здѣсь онъ посвятилъ себя научнымъ занятіямъ и здѣсь у Добантона, въ той средѣ, гдѣ все было проникнуто идеями великаго автора «Естественной исторіи» и воспоминаніями о немъ, началъ Сентъ-Илеръ свое анатомическое образованіе. Благодаря почтенному сотруднику Бюффона, онъ получилъ мѣсто помощника хранителя при естественно-историческомъ кабинетѣ взамѣнъ Ласепеда, который вышелъ въ отставку. Вскорѣ декретомъ Конвента, касающемся организаціи естественно-историческаго музея, Сентъ-Илеру, минералогу, едва достигшему двадцати одного года, дано было званіе профессора зоологіи въ новой «метрополіи естественныхъ наукъ». Онъ долженъ былъ читать тамъ исторію позвоночныхъ животныхъ, въ то время какъ Ламарку поручено было преподавать исторію безпозвоночныхъ. Съ этой поры кругъ научныхъ занятій молодого ученаго ясно опредѣлился. Въ его время на позвоночныхъ смотрѣли, какъ на самыхъ типичныхъ представителей. Жоффруа съ увлеченіемъ предается изслѣдованіямъ относительно ихъ организаціи; его поражаетъ уже отмѣченное Бюффономъ постоянство свойственныхъ имъ сходныхъ чертъ. Природа придерживается одного и того же плана, переходя, по выраженію Бюффона, «отъ человѣка къ четвероногимъ, отъ четвероногихъ къ китообразнымъ, отъ китообразныхъ къ птицамъ, отъ птицъ къ рептиліямъ и отъ рептилій къ рыбамъ». Жоффруа пытался доказать существованіе этого плана и точно опредѣлить его значеніе.

Въ то время долженъ былъ казаться особенно интереснымъ вопросъ о томъ, въ какой послѣдовательности расположены организмы въ той длинной серіи, которая ведетъ отъ человѣка къ рыбамъ Жоффруа скоро пришелъ къ предположенію, что вся природа построена по тому общему плану, существованіе котораго открыло ему изученіе его любимыхъ позвоночныхъ. Уже въ 1795 году, едва достигнувъ 23 лѣтъ, въ ту эпоху, когда Жоффруа былъ въ самой тѣсной дружбѣ съ Кювье, котораго онъ только-что ввелъ въ естественно

историческій музей, онъ писалъ уже въ своемъ произведеніи «*Memoire sur les rapports naturels des Makis*» (мемуаръ о естественной исторіи лемуровъ). «Природа создала всѣхъ живыхъ существъ по одному плану, всюду одинаковому въ принципѣ, но безконечно варіирующему въ деталяхъ. Если мы въ частности разсмотримъ одинъ какой-нибудь классъ животныхъ, то здѣсь въ особенности планъ этотъ будетъ для насъ очевиднымъ; мы увидимъ, что различныя формы, въ которыхъ природа облекла виды, происходятъ всѣ одна изъ другой: достаточно было измѣнить нѣкоторыя соотношенія органовъ, чтобы сдѣлать ихъ способными къ новымъ функціямъ, чтобы расширить или ограничить сферу ихъ дѣятельности; самыя крупныя различія, существующія между семействами одного и того же класса, происходятъ только вслѣдствіе различнаго расположенія, вслѣдствіе осложненія или, наконецъ, отъ видоизмѣненія однихъ и тѣхъ же органовъ».

Бюффонъ сказалъ: *очень большое число* животныхъ построено по одному плану; Жоффруа утверждаетъ здѣсь, что *всѣ животныя* имѣютъ одинаковое основное строеніе. Эта идея *единства плана строенія*, такая простая, и вмѣстѣ съ тѣмъ, такая великая отнынѣ является господствующей во всѣхъ трудахъ Жоффруа; найти доказательства ея становится постоянной заботой его жизни. При изученіи животныхъ онъ не ищетъ, какъ Линней и его ученики, различій, существующихъ между разными представителями царства, ними, онъ придаетъ больше значенія чертамъ сходства, и такая постановка вопроса уже въ 1796 г. приводитъ его къ интересному результату. Въ заключеніи своихъ «*Recherches sur les rapports naturels des animaux à bourse*» (Изслѣдованія о естественной исторіи сумчатыхъ животныхъ) онъ отмѣчаетъ сходство сумчатыхъ куницъ (Dasyurus) съ цибетами, бѣлокъ съ фалангистами, кенгуру съ тушканчиками, и такимъ образомъ проводитъ параллель между млекопитающими сумчатыми и обыкновенными. Такова въ первоначальномъ видѣ идея *параллельной классификаціи*, которую позже разработалъ Исидоръ Жоффруа, его сынъ. Впослѣдствіи мы оцѣнимъ всю важность этой идеи.

Но, по мнѣнію Жоффруа, «въ естественной исторіи есть нѣчто болѣе важное, чѣмъ классификація»—это изученіе отношеній, изученіе, которое наполняетъ его энтузіазмомъ и въ которомъ онъ думаетъ найти путь, ведущій къ объясненію явленій природы. На минуту въ своемъ увлеченіи идеей общей связи между существами онъ приходитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и Бонне, но Жоффруа слишкомъ зоологъ, чтобы надолго остановиться на упомянутой идеѣ. «Эта общая связь—химера», говоритъ онъ въ 1794 году.

Но онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что живыя существа не разъединены другъ отъ друга; ему извѣстно, что между ними существуетъ тѣсная связь, несмотря на ихъ разнообразіе, и поэтому онъ старается замѣнить гипотезу женевскаго натуралиста какой-нибудь другой. Онъ полагаетъ, въ свою очередь, что въ единствѣ плана строенія онъ нашелъ законъ природы. Замѣчательно, что эта идея, такъ прославившая Жоффруа, положившая начало всѣмъ его работамъ, приведшая его къ открытію принциповъ, которыми руководились въ своихъ трудахъ натуралисты самыхъ противоположныхъ школъ, эта плодотворная идея въ той мѣрѣ, насколько она способствовала выясненію истины, зародилась въ его умѣ не въ концѣ его карьеры зоолога - практика, не послѣ длиннаго ряда безцѣльныхъ изслѣдованій. Нѣтъ, это было въ самомъ началѣ его научной дѣятельности, во времена его ранней молодости. И это не единичный примѣръ: такъ случается всегда. Общія идеи не возникаютъ въ угасающемъ умѣ, утомленномъ долгимъ странствіемъ въ лабиринтѣ фактовъ и мелочей; эти благодѣтельныя волшебницы не озаряютъ своимъ посѣщеніемъ послѣднія работы тѣхъ ученыхъ, кто всю жизнь относился къ нимъ съ презрѣніемъ и недовѣріемъ. Кромѣ того, эти волшебницы-идеи капризны: кокетливо появляются онѣ и, едва показавшись, улетаютъ снова. Затѣмъ онѣ возвращаются, какъ дивный блуждающій огонекъ проблестятъ въ спокойно дремлющемъ умѣ, принимающемъ ихъ за грезу и не старающемся, пока еще возможно, удержать этихъ легкихъ сильфовъ, нѣжныхъ, какъ эфиръ. Скоро сильфъ начинаетъ утомляться, посѣщенія его становятся рѣже, образъ уже не такъ плѣнителенъ; наконецъ, дивное видѣніе исчезаетъ безвозвратно, оставивъ тѣмъ, кто не умѣлъ удержать его, горькое воспоминаніе навсегда утраченнаго очарованія. А между тѣмъ въ этихъ неясныхъ видѣніяхъ, этихъ призракахъ и проявляется есть сила человѣческаго ума; они дѣлаютъ его геніальнымъ, заставляютъ открывать новые пути, побѣдоносно прокладывать ихъ и вести по нимъ за собой ветхій міръ къ сіяющимъ высотамъ, откуда открываются новые горизонты. Но эти волшебницы ревнивы; за свои благодѣянія они требуютъ отъ тѣхъ, кому расточаютъ свои дары, постоянства и вѣрности. Часто онѣ не позволяютъ всецѣло овладѣть собой, но и въ этомъ случаѣ все же обладавшій ими счастливецъ получаетъ возможность собрать богатую жатву въ пользу человѣчества.

Такъ случилось и съ Жоффруа Сентъ-Илеромъ. Онъ мечталъ найти рѣшеніе вопроса, возникающаго при изученіи близкаго сходства животныхъ между собою: онъ полагалъ, что идея единства плана строенія разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Волшебница от-

далась только наполовину, но она щедро отплатила за оказанное ей гостепріимство. Она уже мелькнула легкой тѣнью предъ Аристотелемъ, Галеномъ, Амбруазомъ Паре, Белономъ, Ньютономъ *), Викъ-д'Азиромъ, Бюффономъ, Гете, Гердеромъ и Пинелемъ; одинъ Жоффруа былъ настолько настойчивъ, что удержалъ ее на мгновеніе и узналъ отъ нея ея тайну.

Во время египецкой экспедиціи изслѣдованія строенія крыла страуса выяснили Жоффруа всю важность рудиментарныхъ органовъ; у этой птицы кость, извѣстная подъ названіемъ дужки, очень мало развита. «Эти зачатки дужки не исчезли,—говоритъ Жоффруа,—потому что природа никогда не идетъ быстрыми скачками, она оставляетъ всегда слѣды органа даже въ томъ случаѣ, когда онъ является совершенно излишнимъ, если только этотъ органъ игралъ важную роль у другихъ видовъ одного и того же семейства. Такимъ образомъ, у казуара сбоку тѣла подъ кожей имѣются остатки крыла; точно также и у человѣка во внутреннемъ углу глаза находится складка кожи, признаваемая за рудиментъ мигательной перепонки, которой снабжены глаза многихъ четвероногихъ и птицъ» **).

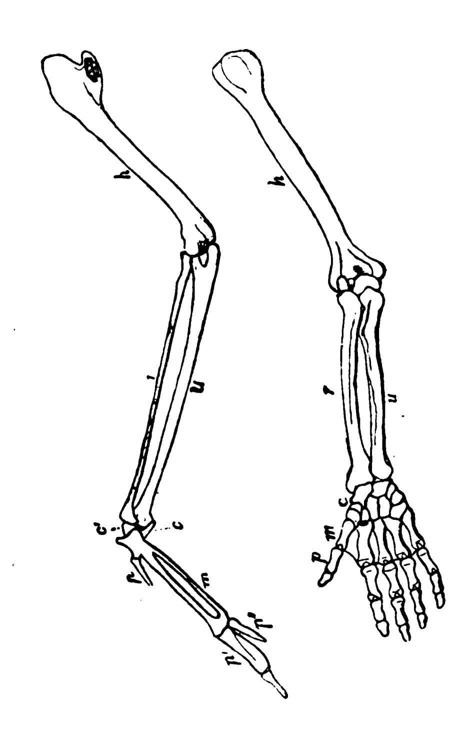
Въ ту же эпоху, въ 1800 году, онъ пишетъ также: «Зачатки всѣхъ органовъ, которые наблюдаются, напримѣръ, у различныхъ семействъ животныхъ съ легочнымъ дыханіемъ, существуютъ у всѣхъ видовъ; причину безконечнаго разнообразія формъ, свойственныхъ каждому изъ видовъ, точно также и причину существованія такого большого числа недоразвитыхъ или почти исчезнувшихъ органовъ надо видѣть въ относительно болѣе сильномъ развитіи нѣкоторыхъ изъ нихъ,—развитіи, *совершающемся всегда на счетъ сосѣднихъ органовъ*». Высказанное воззрѣніе представляетъ изъ себя въ первоначальномъ видѣ то, что позже Жоффруа Сентъ-Илеръ называетъ *принципомъ равновѣсія* органовъ. Этотъ принципъ даетъ ему объясненіе существованія рудиментарныхъ органовъ, являющихся результатомъ неполнаго разви-

*) Въ самомъ дѣлѣ, въ «Optique» Ньютона, вопросъ 31, мы читаемъ «Можно то же сказать объ однообразіи, которое представляетъ строеніе животныхъ. Всѣ животныя имѣютъ въ самомъ дѣлѣ двѣ сходныхъ стороны—правую и лѣвую; сзади этимъ двумъ сторонамъ соотвѣтствуютъ двѣ заднихъ, а спереди двѣ переднихъ конечности, или двѣ ноги и два крыла, прикрѣпленныхъ къ плечамъ, между плечами шея, представляющая продолженіе позвоночнаго столба, на ней укрѣплена голова; на этой головѣ два уха, два глаза, носъ, ротъ и языкъ, почти одинаково размѣщенные у всѣхъ животныхъ.

**) См. «Vie, travail et doctrine d'Eienne Geoffroy Saint-Hilaire» Исидора Жоффруа Сентъ-Илера, стр. 143.

тія зародышей тѣхъ же органовъ, пищей которыхъ овладѣли сосѣдніе. Впрочемъ, полное исчезновеніе органовъ случается рѣдко; рудименты ихъ, хотя и несовершенные, существуютъ все-таки въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ должны были находиться органы, ими замѣняемые. Это чрезвычайно важный фактъ, такъ какъ онъ указываетъ на единство плана строенія.

Подобное единство заставляетъ предположить, какъ мы видѣли, что *всѣ животныя одной группы* обладаютъ одними и тѣми же органами. Жоффруа, какъ кажется, нѣсколько ограничилъ здѣсь слишкомъ общее возрѣніе, высказанное имъ въ его «Mémoires sur les Makis». Но какъ узнать въ безконечной серіи формъ органы, соотвѣтствующіе другъ другу? Здѣсь Жоффруа изобрѣтаетъ методъ изслѣдованія, независимый отъ гипотезы единства плана, — методъ, который можетъ быть приложенъ всякій разъ, когда мы разсматриваемъ животныхъ, построенныхъ по одному плану, какого бы количества плановъ вообще ни придерживалась природа. Это знаменитая теорія аналоговъ, сдѣлавшаяся въ рукахъ анатомовъ всѣхъ школъ однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ орудій при научныхъ открытіяхъ.

Органы можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія, именно, съ точки зрѣнія ихъ формы, ихъ функцій и ихъ относительнаго положенія. Когда у двухъ различныхъ животныхъ два органа имѣютъ близко напоминающую другъ друга форму, одно и то же отправленіе, одинаковое положеніе, всѣ называютъ ихъ одинаковымъ именемъ, ни у кого не является сомнѣнія въ томъ, что въ основѣ они тожественны. Это два *аналогичныхъ* органа. Но наблюденіе тотчасъ же указываетъ на то, что форма и отправленія органовъ, очевидно аналогичныхъ, могутъ значительно варіировать. У позвоночныхъ, напримѣръ, передняя конечность можетъ

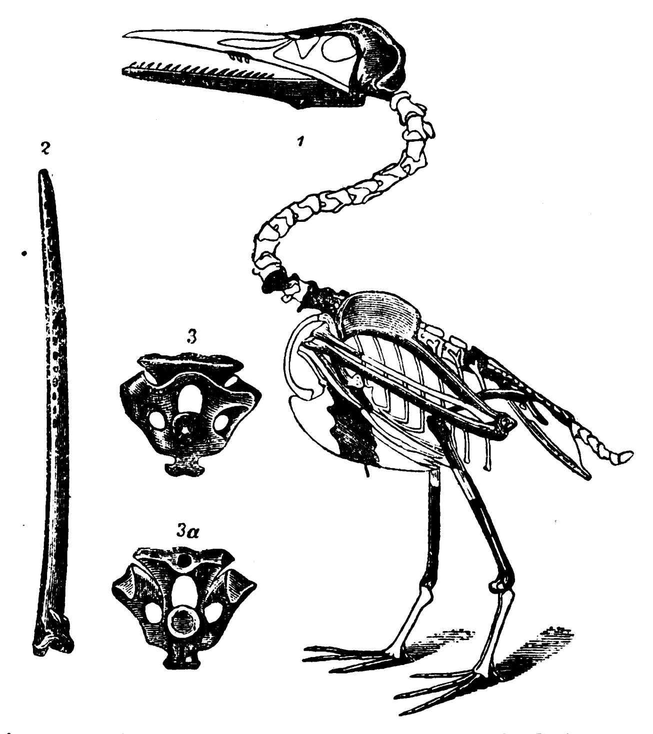
быть или способствующей передвиженію лапой, или крыломъ, или плавникомъ; мѣняется ея форма, измѣняется и функція, но во всѣхъ случаяхъ передняя конечность состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же частей, хотя эти части претерпѣли нѣкоторыя измѣненія; положеніе органа, его отношенія къ другимъ, въ сущности, остались безъ перемѣны. Все сказанное относительно переднихъ конечностей Жоффруа Сентъ-Иларомъ вполнѣ основательно распространяется на всѣ остальные органы. Его гипотеза приводитъ его въ 1806 году къ отожествленію передняго плавника рыбъ съ лапами другихъ позвоночныхъ; онъ находитъ также, что черепъ всѣхъ этихъ животныхъ построенъ по одному общему типу. Благодаря цѣлой серіи сдѣланныхъ имъ открытій, увѣренный въ серьезномъ значеніи того пути, которому онъ слѣдовалъ, Жоффруа высказываетъ, наконецъ, *принципъ сродства*. «Органъ можетъ измѣниться, атрофироваться, уничтожиться, но не перемѣститься» *). Его *Anatomie philosophique* представляетъ, въ сущности, развитіе этого принципа, заключающаго въ себѣ совершенно новое воззрѣніе на органъ.

До Жоффруа обыкновенно говорили: такой-то органъ предназначенъ выполнять такую-то функцію, Жоффруа учитъ наоборотъ: органъ не зависитъ отъ функціи. Для него познаніе плана строенія, *морфологія* органовъ, какъ сказали бы въ настоящее время, стоитъ выше изученія ихъ *физіологическихъ* отправленій. Животное имѣетъ одно и то же анатомическое строеніе, какова бы ни была роль, которую ему придется играть въ мірѣ. Столкновеніемъ его способностей съ окружающими условіями, среди которыхъ оно должно упражнять эти способности, опредѣляются отправленія и даже форма его органовъ. Въ этомъ взглядѣ на живыя существа надо видѣть важный и рѣшительный шагъ впередъ.

Теперь открылся широкій путь анатоміи, къ которой Жоффруа Сентъ-Иларъ не замедлилъ присоединить въ качествѣ вспомогательной науки эмбріологію. Сравнивая голову костистыхъ рыбъ съ головой взрослыхъ млекопитающихъ, можно видѣть, что у первыхъ существуетъ много костей, для которыхъ не имѣется ясно выраженныхъ аналогій въ черепѣ вторыхъ. Это, повидимому, являлось неизбѣжнымъ камнемъ преткновенія въ теоріи единства плана строенія. Но Жоффруа пришла блестящая мысль сравнить голову рыбъ съ головой не взрослыхъ млекопитающихъ, а ихъ зародышей, опредѣлить у этихъ послѣднихъ животныхъ не кости, а центры окостенѣнія и ихъ отношенія между собою. Тогда срав-

*) Philosophie anatomique. Введеніе, p. XXX, 181 .

неніе становится возможнымъ и установливается неоспоримое сходство въ строеніи головы костистыхъ рыбъ, рептилій, птицъ и млекопитающихъ. Попутно, Жоффруа открываетъ зачатки зубовъ въ челюсти очень молодыхъ китовъ и зародышей птицъ, зубовъ, отсутствующихъ у взрослыхъ особей. Какъ радъ былъ бы великій анатомъ, если бы онъ могъ знать, что палеонтологи найдутъ настоящихъ птицъ, у которыхъ въ взросломъ состояніи зубы не только были такъ же развиты, какъ зубы млекопитающихъ, но даже смѣнялись, какъ у этихъ послѣднихъ животныхъ.

1) *Ихтіорнисъ*, зубастая птица изъ мѣловыхъ отложеній С. Америки; 2) нижняя челюсть безъ зубовъ; 3) спинной позвонокъ сверху и снизу.

Рыба съ ея многочисленными черепными костями, птица съ зубами, которые, едва появившись, исчезаютъ въ окружающей ихъ ткани, словно остановились въ своемъ развитіи на извѣстной ступени, которую млекопитающіе проходятъ въ состояніи зародыша для того, чтобы достигнуть окончательнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія Жоффруа разсматривалъ рыбъ и птицъ, какъ постоянныхъ зародышей высшихъ животныхъ. Бонне, Эразмъ Дарвинъ, Дидро предвидѣли нѣкоторую *параллельность между зародышевымъ развитіемъ животныхъ и послѣдовательнымъ измѣне-*

ніемъ видовъ; сравненіе низшихъ животныхъ съ зародышами высшихъ, сдѣланное Жоффруа, даетъ точное истолкованіе этой параллельности, которую вскорѣ признали Серръ и Андри Мильнъ-Эдвардсъ. Въ окончательномъ видѣ эта идея была изложена Фрицъ Мюллеромъ и эмбріологами, сторонниками эволюціоннаго ученія, которые говорятъ: «Послѣдовательныя формы, которыя представляетъ животное въ своемъ эмбріональномъ развитіи, есть только сокращенное повтореніе формъ, пройденныхъ видомъ, къ которому оно принадлежитъ, при постепенномъ измѣненіи вида до настоящаго своего состоянія». Это, конечно, слишкомъ общая формула: многія зародышевыя стадіи животнаго не могли бы жить внѣ яйца; онѣ обыкновенно бываютъ различны въ зависимости отъ присутствія питательнаго желтка, имѣющаго большій или меньшій объемъ, отъ различныхъ приспособленій и въ особенности отъ побочныхъ обстоятельствъ, опредѣляющихъ скорость, съ которой совершается развитіе, отъ того, что мы называемъ *эмбріональнымъ ускореніемъ* (accélération embryogéniqne). Тѣмъ не менѣе, законъ Фрица Мюллера остается основнымъ закономъ сравнительной эмбріологіи, а онъ, если вникнуть въ сущность дѣла, представляетъ только обобщеніе фактовъ, отмѣченныхъ Жоффруа Сентъ-Илеромъ.

Но если низшія животныя напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ зародышей высшихъ животныхъ той же группы, то въ томъ случаѣ, когда по какимъ-либо причинамъ нѣкоторыя части зародышей остановятся въ развитіи, въ отношеніи устройства этихъ частей высшія животныя должны представлять сходство съ низшими формами того же семейства. Въ 1820 году эта идея становится для Жоффруа основой для новой науки—*тератологіи*. Благодаря этой наукѣ, въ первый разъ были классифицированы, объяснены и подведены подъ общіе законы эмбріологіи случайныя формы животныхъ, то страшныя, то просто странныя, во всѣ времена такъ сильно поражавшія народное воображеніе, формы, которыя уже давно получили названіе уродовъ. Навсегда явленіе уродства изъято изъ области легендъ. Жоффруа совсѣмъ не смотритъ на него, какъ на нарушеніе законовъ природы, Жоффруа пользуется этимъ явленіемъ для открытія, расширенія и для провѣрки этихъ самыхъ законовъ. Онъ доказываетъ, что уродства всегда зависятъ отъ физической причины, которую можно опредѣлить, и даже указываетъ, какъ можно было бы на опытѣ создать ту или другую категорію уродовъ. Это опытное изученіе уродливостей не безуспѣшно продолжалось въ наши дни Камилломъ Дарестъ.

Большая часть ненормальностей, выражающихся въ какихъ-либо физическихъ *недостаткахъ*, на самомъ дѣлѣ зависитъ просто отъ остановки въ развитіи нѣкоторыхъ частей тѣла уродливыхъ животныхъ, но извѣстны и такія ненормальности, которыя являются результатомъ сростанія органовъ, обыкновенно отдѣльныхъ другъ отъ друга у нормальныхъ индивидуумовъ, Изученіе этихъ уродствъ приводитъ Жоффруа къ выводу новаго закона, одинаково вѣрнаго и давшаго одинаково богатые результаты въ примѣненіи какъ къ сравнительной анатоміи, такъ и къ тератологіи. Законъ этотъ можно выразить такъ: «Сращенія происходятъ только между частями, имѣющими одинаковую природу». Жоффруа кажется, что эти части обнаруживаютъ нѣкоторое взоимное притяженіе, которое знаменитый анатомъ называетъ «*attraction du soi pour soi*». Это явленіе настолько поразило его, что въ концѣ жизни онъ хотѣлъ поставить его въ ряду основныхъ принциповъ, которые управляютъ распредѣленіемъ частицъ матеріи, онъ думалъ найти въ притяженіи подобныхъ частей причину, вызывающую всѣ явленія, совершающіяся внутри тѣлъ, подобно тому, какъ всеобщее притяженіе составляетъ причину крупныхъ астрономическихъ явленій.

Къ несчастью, если факты, служившіе для Жоффруа исходной точкой для его вывода, были точны, причина, которой онъ стремился объяснить ихъ, была только иллюзіей. Органы, имѣющіе одинаковую природу, не оказываютъ другъна друга никакого особеннаго притяженія; если они часто сростаются, это зависитъ отъ того, что они или появляются симметрично по сторонамъ тѣла, или отъ того, что они расположены вдоль его на большемъ или меньшемъ разстояніи. Часто случается, что органы приходятъ въ соприкосновеніе, если по какимъ-либо причинамъ ростъ ихъ идетъ быстрѣе, чѣмъ ростъ частей, ихъ раздѣляющихъ. Тогда ткани органовъ сливаются въ силу ихъ однородности совершенно такъ же, какъ въ царствѣ растительномъ ткань привитой вѣтви сростается съ тканью ствола, въ который она врѣзана.

Если уродства можно приписать естественнымъ причинамъ, если они представляютъ результатъ болѣе или менѣе важныхъ измѣненій въ нормальномъ ходѣ развитія, то не могутъ-ли эти измѣненія повторяться правильно, проявляться не только на всѣхъ индивидуумахъ, рожденныхъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей, но даже на ихъ потомствѣ. Если законы нормальнаго и тератологическаго развитія представляютъ только частные случаи болѣе общихъ законовъ, то не можетъ ли случиться, что уродливые индивидуумы послѣ перваго своего появленія займутъ прочное

положеніе, размножатся, станутъ въ ряду формъ, безпрестанно обновляющихся воспроизведеніемъ, однимъ словомъ сдѣлаются нормальными видами, новыми зоологическими типами? Эта идея внезапнаго измѣненія типовъ тератологическимъ путемъ должна была появиться въ умѣ Жоффруа Сентъ-Илера. Дѣйствительно, путемъ цѣлой серіи выводовъ, онъ приходитъ къ воззрѣнію, что типъ птицъ могъ произойти изъ типа рептилій *). Пусть рептилія въ первыхъ стадіяхъ своего развитія подвергнется такому сжатію средней части тѣла, при которомъ всѣ кровеносные сосуды останутся въ грудной полости, а дно легочнаго мѣшка будетъ отодвинуто въ брюшную. Подобное обстоятельство можетъ благопріятствовать развитію у этой особи организаціи птицы. Теперь мы не допускаемъ, чтобы эти быстрыя измѣненія, одно время признаваемыя знаменитѣйшими натуралистами, были бы обыкновеннымъ процессомъ, вызывающимъ разнообразіе живущихъ формъ. Но, тѣмъ не менѣе, что касается птицъ—палеонтологія вполнѣ подтвердила, какъ мы уже сказали, ихъ генетическое родство съ рептиліями,—родство, указанное почти одновременно Ламаркомъ и Жоффруа.

До сихъ поръ всѣ силы Жоффруа Сентъ-Илера были направлены на изученіе позвоночныхъ животныхъ. Рыбы, рептиліи, птицы и млекопитающія были предметомъ его постоянныхъ изысканій. Для этого отдѣла животнаго царства, разсматриваемаго, какъ важнѣйшій изъ всѣхъ, законъ единства плана строенія былъ окончательно установленъ; стремясь съ удивительной настойчивостью къ намѣченной цѣли, Жоффруа попутно высказалъ много новыхъ воззрѣній и сдѣлалъ не мало неожиданныхъ открытій. Анатомія обогатилась новымъ методомъ изслѣдованія, дававшимъ возможность идти на встрѣчу открытіямъ, не ожидая, пока они совершатся по волѣ случая. Выработаны точныя правила для сравненія органовъ и опредѣленія ихъ природы, морфологія освободилась отъ рабскаго подчиненія физіологіи; эмбріологія, какъ богатый источникъ фактовъ, способствующихъ разъясненію морфологическихъ данныхъ, поставлена наравнѣ съ другими науками, на которыя опирается философія анатоміи; строеніе высшихъ животныхъ сведено къ точнымъ законамъ даже въ тѣхъ уклоненіяхъ, которыя казались Жоффруа продуктами «производительной силы въ дни сатурналій», когда утомленная долгимъ твореніемъ правильно организованныхъ существъ, земля жаждала отдыха и отдавалась своимъ капризамъ; это отражалось не на одномъ какомъ-либо отдѣлѣ, а распространилось на все животное царство.

*) Mémoires de l'Académie des sciences, t. XII.

Въ 1820 году Жоффруа Сентъ-Илеръ начинаетъ заниматься изученіемъ суставчатыхъ животныхъ. Уже подъ вліяніемъ идей, насажденныхъ имъ въ наукѣ, быть можетъ, и подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, были предприняты замѣчательныя работы въ этой области зоологіи. Савиньи, другъ Жоффруа и его спутникъ въ египетской экспедиціи, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, сдѣлавшемся впослѣдствіи классическимъ, показалъ, что, повидимому, рѣзко отличающійся другъ отъ друга ротъ жесткокрылыхъ, клоповъ, пчелъ, мухъ и бабочекъ состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же частей, представляющихъ у самыхъ разнообразныхъ группъ только различіе въ формѣ; у жесткокрылыхъ ротъ приспособленъ для жеванія, у пчелъ для жеванія и сосанія, у клоповъ и мухъ для жаленія, у бабочекъ для высасыванія соковъ. Въ цѣлой серіи важныхъ изслѣдованій, результатъ которыхъ былъ опубликованъ въ 1820 году, Одуэнъ, примѣняя въ изученіи частей тѣла суставчатыхъ животныхъ методъ сравненія аналогогичныхъ органовъ, предполагалъ, что у всѣхъ этихъ животныхъ всѣ соотвѣтственныя части тѣла состоятъ изъ одного и того же количества кусковъ. «Различіе, которое замѣчается между разными представителями суставчатыхъ,—говоритъ онъ,—зависитъ только отъ того, одинако или неодинаково растутъ сегменты, соединены ли они или раздѣлены, отъ того, какіе сегменты достигаютъ максимальнаго развитія, а какіе остаются въ рудиментарномъ состояніи» [1]). Латрейль незадолго передъ этимъ указалъ, съ своей стороны, что всѣ наружные придатки суставчатыхъ представляютъ только видоизмѣненныя ножки, включая сюда даже и крылья насѣкомыхъ, которыя онъ, такимъ образомъ, сравниваетъ съ дыхательными ножками ракообразныхъ, или водяныхъ суставчатыхъ. Наряду съ установленіемъ единства плана строенія для позвоночныхъ животныхъ оно было отмѣчено въ наукѣ и для суставчатыхъ, или, вѣрнѣе, суставчатоногихъ. Наступило время, когда можно было попытаться доказать, что существуетъ, въ сущности, одинъ планъ и для тѣхъ и для другихъ.

Съ точки зрѣнія относительнаго положенія нервной системы позвоночныя и суставчатыя представляютъ громадное различіе. У первыхъ нервная система расположена на спинной сторонѣ тѣла, у вторыхъ, наоборотъ, она лежитъ на брюшной части, за исключеніемъ передняго конца, гдѣ она образуетъ около пищепроводной трубки родъ кольца, *кольцо пищевода*. Если не принимать во вниманіе этого кольца, то на первый взглядъ можетъ показаться, что

---

[1]) Annales des sciences naturelles. T. I, p. 116.

существуетъ полная противоположность въ относительномъ положеніи нервной системы позвоночныхъ и суставчатыхъ, и, слѣдовательно, совершенно невозможно свести строеніе этихъ животныхъ къ одному плану. Но, спрашиваетъ Жоффруа, не лежитъ ли рѣшеніе вопроса въ самой противоположности въ положеніи нервной системы? Какъ опредѣляется понятіе о спинѣ и животѣ животнаго? Животъ, это область тѣла, обращенная къ землѣ; спина, область тѣла, обращенная къ небу. Для того, чтобы опредѣлить эти двѣ области, точкой отправленія мы избираемъ не само животное, какъ требуетъ этого принципъ соотношеній, а внѣшній міръ. Такимъ образомъ можетъ случиться, что противоположность будетъ заключаться не во взаимныхъ отношеніяхъ органовъ позвочныхъ и суставчатыхъ, а въ положеніи тѣла этихъ животныхъ.

Дѣйствительно, если перевернуть позвоночное спиной внизъ, а животомъ вверхъ, и если въ этомъ новомъ положеніи, обратномъ нормальному, сравнить его съ суставчатымъ, противоположность тотчасъ же исчезаетъ. Различные органы занимаютъ одинаковое относительное положеніе; становится возможнымъ сравнивать позвоночное животное съ суставчатымъ, находить много общаго въ расположеніи ихъ органовъ. Три большихъ аппарата—нервная система, пищеварительный каналъ и центръ системы кровообращенія расположены въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаково относительно другъ друга. Кромѣ того, положеніе тѣла не остается постояннымъ у животныхъ одной группы; Жоффруа указываетъ много примѣровъ рыбъ, насѣкомыхъ, ракообразныхъ, которыя, по своему обычному положенію тѣла, представляютъ полную противоположность своимъ сородичамъ; позже мы будемъ имѣть случай значительно расширить этотъ списокъ. И такъ, нѣтъ ничего противорѣчащаго прочно установленнымъ фактамъ въ предположеніи, что позвоночныя животныя, путемъ переворачиванія, приняли положеніе, обратное тому, которое мы наблюдаемъ обыкновенно у суставчатыхъ. Въ этомъ отношеніи эмбріологія еще разъ дала Жоффруа полное подтвержденіе его предположеній.

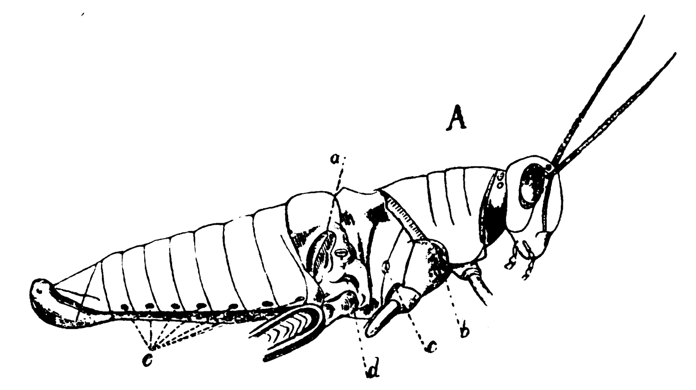
Менѣе счастливъ былъ знаменитый анатомъ, когда онъ пожелалъ продолжать сравненія въ деталяхъ, узнать значеніе частей скелета суставчатыхъ и найти у позвоночныхъ члены тѣла, имѣющіе равное значеніе съ членами тѣла суставчатыхъ. У суставчатоногихъ, какъ думалъ Виллисъ въ 1692 году, кости покрываютъ мускулы. Увлеченный также идеей, что у насѣкомыхъ можно найти твердыя части, аналогичныя тѣмъ, которыя характеризуютъ позвоночныхъ, пораженный, кромѣ того, правильнымъ повтореніемъ

твердыхъ колецъ наружныхъ покрововъ тѣла суставчатыхъ, подобнымъ повторенію позвонковъ у высшихъ животныхъ, Жоффруа не колеблясь считаетъ позвонки и членики суставчатыхъ въ дѣйствительности аналогичными. Отсюда вытекаютъ нѣсколько странныя слѣдствія; въ то время, какъ у позвоночныхъ спинной хребетъ находится внутри тѣла, у суставчатыхъ тѣло заключено внутри хребта. Какъ объяснить эту странность?

Жоффруа отмѣчаетъ, что, по подробномъ разсмотрѣніи, послѣднее положеніе тѣла свойственно не однимъ только суставчатымъ, какъ это можно было бы думать. У черепахъ нѣкоторыя части, очевидно, аналогичныя внутреннимъ частямъ скелета другихъ позвоночныхъ, тѣсно срослись со щитомъ, такъ что эти животныя до нѣкоторой степени заключены внутри своего скелета и съ этой точки зрѣнія могутъ быть разсматриваемы, какъ переходныя формы къ суставчатымъ. Но Жоффруа сознаетъ, что это только сравненіе, которое далеко не убѣдительно, поэтому онъ продолжаетъ искать объясненій. Всѣ системы органовъ развиваются, думаетъ онъ, подъ вліяніемъ двухъ системъ — аппарата кровообращенія и нервной системы. У позвоночныхъ эти двѣ системы вліяютъ одновременно и въ равной мѣрѣ на развитіе всего организма, который такимъ образомъ достигаетъ высшей степени совершенства; у моллюсковъ вліяніе кровеносной системы преобладаетъ: животное остается мягкимъ и какъ бы пропитаннымъ жидкостью; у насѣкомыхъ кровообращеніе находится въ рудиментарномъ состояніи; слѣдовательно, развитіе направляется нервной системой. Части, находящіяся въ самой непосредственной связи съ этой послѣдней, а скелетъ принадлежитъ къ ихъ числу, развиваются прежде другихъ и достигаютъ полнаго развитія, тогда какъ другія только-что начали залагаться. Эти другія части, формируясь точно также въ сосѣдствѣ съ нервной системой, растутъ, однако, не такъ быстро, какъ скелетъ, и поэтому необходимо должны быть заключены внутри его; такимъ образомъ, является членистое животное. Очевидно, нѣтъ надобности подробно разбирать это апріорное объясненіе, похожее на тѣ объясненія, которыя были сведены въ систему Океномъ и *натурфилософами*; оно основано только на гипотезѣ: прямомъ участіи нервной системы и аппарата кровообращенія въ явленіяхъ развитія организмовъ.

Какъ бы то ни было, Жоффруа, разсматривая твердые сегменты кожи суставчатыхъ, какъ тѣла позвонковъ, по необходимости долженъ былъ признавать конечности этихъ животныхъ за ребра. Суставчатыя, слѣдовательно, ходятъ на ребрахъ, которыя,

вмѣсто того, чтобы составлять цѣльный кругъ, какъ у большинства животныхъ, остаются свободными и раздвинутыми въ стороны. Эти ребра, по мнѣнію Жоффруа, аналогичны только ребрамъ камбалъ. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе положеніе скелета у насѣкомыхъ и ракообразныхъ, надо предположить, что они ходятъ на брюхѣ, а съ точки зрѣнія положенія нервной системы—они, наоборотъ, ходятъ на спинѣ. Повидимому, очень трудно согласить эти два вывода, однако, Жоффруа допускаетъ ихъ оба: до такой степени онъ увѣровалъ въ непреложное значеніе своего метода. Онъ отмѣчаетъ еще и другого рода гомологію между суставчатыми и низшими позвоночными: голова насѣкомыхъ состоитъ изъ трехъ сегментовъ, такъ же, какъ и черепъ позвоночныхъ; крылья суставчатыхъ, видоизмѣненные органы дыханія, по Латрейлю, соотвѣтствуютъ плавательному пузырю рыбъ;

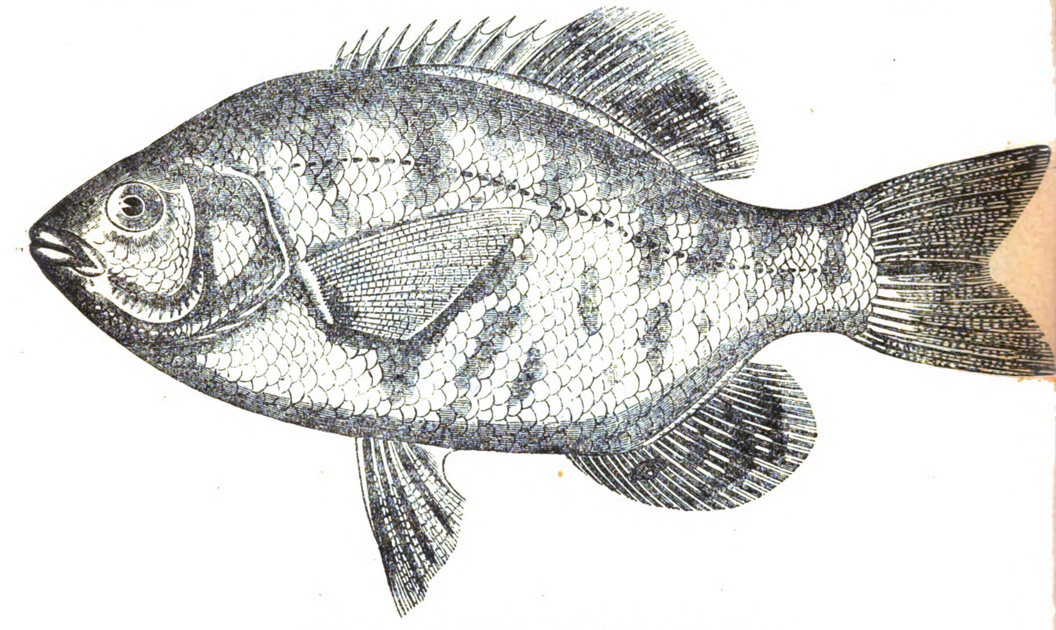
На сегментахъ брюшка видны дыхательныя отверстія суставчатыхъ.

дыхательныя отверстія суставчатыхъ существуютъ также у рыбъ— это тѣ самыя небольшія, правильно расположенныя отверстія, которыя составляютъ боковую линію. Опираясь на это внѣшнее сходство, Жоффруа восклицаетъ:

«Да, безъ сомнѣнія, я могу теперь утверждать, что животныя, которыхъ прежде считали и называли безпозвоночными, будутъ со временимъ фигурировать въ нашихъ спискахъ среди позвоночныхъ».

Этимъ выводомъ увлекаются многіе замѣчательные умы. Окэнъ, Гете, въ Германіи, готовы признать его; во Франціи Латрейль также стремится сравнивать ракообразныхъ съ рыбами; 10-го января 1820 года онъ прочелъ въ Академіи Наукъ ученую замѣтку, гдѣ пытается доказать, что крабъ, разсматриваемый просто съ внѣшней стороны, представляетъ рыбу, у которой жаберныя крышки или затылочная область разрослись въ сторону груди, а осталь-

ная часть тѣла раздѣлена на сегменты. Даже Амперъ, знаменитый физикъ, которому мы обязаны открытіемъ магнетизма, заинтересовался этимъ вопросомъ и обнародовалъ въ 1824 году въ «*Annales des sciences naturelles*», анонимное письмо, въ которомъ онъ возвращается къ идеѣ Жоффруа, высказывая ее въ нѣсколько измѣненномъ и усовершенствованномъ видѣ. Онъ видитъ въ каждомъ скелетѣ членистыхъ нѣчто равнозначущее съ ребрами позвоночныхъ; каналъ позвоночнаго столба членистыхъ животныхъ сверху открытъ, спинной мозгъ исчезъ, а брюшная цѣпь, исполняющая его функціи, соотвѣтствуетъ системѣ узловъ симпатическаго нерва позвоночныхъ. Всякія противорѣчія, всякія недоумѣ-

На рисункѣ отмѣчена боковая линія рыбы.

нія, возникающія при сравненіи позвоночнаго животнаго съ суставчатымъ, исчезаютъ и сходство этихъ двухъ типовъ становится настолько правдоподобнымъ, что легко можетъ быть признано за реальное явленіе.

Дѣйствительно можно назвать многихъ знаменитыхъ ученыхъ, которыя, съ тѣми или другими оговорками, признавали несомнѣнное значеніе этой идеи.

Когда идея въ такой мѣрѣ возбуждаетъ интересъ, когда она оставляетъ въ умахъ ученыхъ такой глубокій слѣдъ, несмотря на частныя погрѣшности въ выводахъ, обнаруживаемыя противорѣчащими имъ фактами, это значитъ вообще, что идея есть выра-

лымъ среднегорскимъ виномъ; каждый день закалывали по одному цыпленку, чтобы украсить столъ Огнянова, который обѣдалъ отдѣльно, такъ какъ это было время предрождественскихъ постовъ.

Окруженный такимъ теплымъ вниманіемъ и услужливостью этой болгарской семьи, Огняновъ пролежалъ три недѣли, чувствуя себя со дня на день лучше. Его мучило только страшное нетерпѣніе узнать поскорѣе, что дѣлается въ Бѣлой Церкви, что сталось съ Радой, съ друзьями и дѣломъ. Онъ умолялъ дѣда Марина послать кого-нибудь разузнать, но дѣдъ Маринъ не соглашался.

— Нѣтъ, я самъ пойду на слѣдующей недѣлѣ купить что-нибудь къ празднику, а послать никого не могу. Петерпи до того времени, сынку... Только будь спокоенъ и поправишься быстро. Господь милостивъ.

— Но на слѣдующей недѣлѣ я самъ смогу поѣхать.

— Пущули я тебя? Это мое дѣло. Я докторъ и у меня должно спроситься...—замѣтилъ съ чадолюбивой строгостью старикъ.

— Хоть бы сообщить Радѣ, что я живъ.

— Учительница знаетъ, что ты живъ, что не въ турецкихъ рукахъ.

Огняновъ вынужденъ былъ покориться.

Нѣсколько вѣрныхъ сосѣдей его навѣщало; послѣ многихъ просьбъ они получили отъ старика разрѣшеніе посѣщать больного. Ихъ души жаждали слушать горячее слово «учителя» и каждый разъ они выходили отъ него съ бодрыми лицами и просвѣтлѣвшими взглядами.

Наиболѣе свободный доступъ имѣлъ попъ Іосифъ, предсѣдатель мѣстнаго революціоннаго комитета. Онъ теперь уже былъ выбранъ военачальникомъ, и революціонное знамя хранилось между священническими одеждами въ церкви. Приходилъ также дѣдъ Минà, старый учитель. Огняновъ былъ увѣренъ, что кромѣ нихъ и семьи дѣда Марина, никто въ деревнѣ не знаетъ о его пребываніи. Между тѣмъ, онъ замѣчалъ, что столъ его со дня на день становился роскошнѣе: жареные цыплята, яйца съ масломъ, рисъ съ молокомъ, часто даже дикія куропатки и зайцы; разныя вина подавались ему къ обѣду. Эта роскошь его безпокоила; ему совѣстно было вводить своихъ хозяевъ въ большіе расходы. Однажды, вышедши на дворъ, онъ увидѣлъ, что курятникъ совершенно опустѣлъ. Онъ сказалъ дѣду Марину:

— Дѣдо Марине, да ты раззоришься. Если ты не опомнишься, я откажусь отъ твоего хлѣба-соли и буду покупать себѣ у крестьянъ хлѣбъ съ творогомъ... съ меня этого достаточно.

— Ты не спрашивай, раззорюсь я или нѣтъ. Я твой докторъ, и какъ знаю, такъ и лѣчу. Въ чужомъ дому хозяина слушайся... Не мѣшайся не въ свое дѣло.

Огняновъ, тронутый, замолчалъ.

Онъ не зналъ, что все село принимало участіе въ угощеніи любимаго учителя.

Эта тайна была общественная.

Но предательство было немыслимо.

Онъ пользовался теперь огромнымъ сочувствіемъ всѣхъ селянъ. Извѣстіе, что онъ убилъ двухъ турокъ, высоко подняло его въ глазахъ самыхъ равнодушныхъ.

Но рана приковывала Огнянова къ одному мѣсту. Его мученія изъ посѣтителей наиболѣе облегчалъ добрый дѣдъ Минà. Огняновъ проводилъ съ нимъ каждый день по нѣсколько часовъ: онъ такъ привыкъ къ нему, что не могъ безъ него дня провести. Дѣдъ Минà былъ своего рода антикъ, живой остатокъ того вымершаго поколѣнія учителей часовника и псалтыря, которые первые открыли знаменитыя монастырскія училища въ Болгаріи. Ему было уже за семьде-

сятъ; и сѣдой, онъ сохранилъ широкія плечи и ходилъ бодро, хотя и съ палкой. Послѣ долголѣтней подвижнической жизни, онъ бросилъ свой якорь въ этомъ глухомъ селѣ и мирно доживалъ старые годы. Онъ не могъ болѣе учительствовать и услуживалъ своимъ односельчанамъ тѣмъ, что пѣлъ безвозмездно въ церкви: тамъ новшества не имѣютъ мѣста. Крестьяне въ праздничные дни зазывали его къ себѣ и съ разинутыми ртами слушали увлекательные старческіе разсказы, которые болѣе походили на проповѣди, такъ часто въ нихъ встрѣчались изреченія изъ Святого Писанія. Огняновъ любовался этой древностью и съ удовольствіемъ слушалъ умныя разсужденія посѣдѣвшаго труженика, какъ живой отголосокъ забытой эпохи.

Когда дѣдъ Мина въ первый разъ посѣтилъ больного въ постели, онъ строго произнесъ:

— Еще одна христіанская жертва! Еще кровь, невинно пролитая! *Доколѣ Боже поноситъ врагъ?... Вскую отвращаеши десницу твою?... Возстани, Боже, суди!.. Воздвигни руцѣ твои на гордыни ихъ въ конецъ!..*

И онъ поздоровался и сталъ съ участіемъ разспрашивать. Огняновъ, желая обернуться, заохалъ отъ сильной боли, какую причинило ему движеніе.

—Крѣпись, сынку. *Блаженни плачущи яко тіи утѣшатся*,—проговорилъ онъ скорбно.

— Эхъ, дѣдо Мина, для насъ-то страданія и писаны... не даромъ же апостолами зовемся,—сказалъ, усмѣхаясь, Огняновъ.

— Тяжела, трудна, учитель, ваша работа; но то славно и похвально, что самъ Богъ вразумилъ васъ служить народу: *Вы есте свѣтъ міра: не можетъ градъ укрытися, на горѣ стоя...* Сказалъ же Христосъ святымъ апостоламъ: *Жатва убо многа, дѣлателей же мало... Идите: се азъ посылаю вы, яко агнцы посредѣ волковъ!*

Эти простыя слова вносили утѣшеніе и бодрость въ душу Огнянова.

Наконецъ, дѣдъ Маринъ отправился въ Бѣлую Церковь. Огняновъ нетерпѣливо ожидалъ его возвращенія. Мысли, одна другой хуже приходили ему въ голову. Уже болѣе мѣсяца онъ не зналъ, что сталось съ самыми близкими людьми.

Съ истинной радостью встрѣчалъ онъ дѣда Мина, съ которымъ могъ подѣлиться тяжелыми размышленіями. Дѣдъ Мина слушалъ его озабоченно:

— Надѣйся, учитель, надѣйся на Бога; не унывай; Всевышній не оставитъ страждущихъ.

Вернулся дѣдъ Маринъ.

Огняновъ съ трепетомъ старался прочесть что-либо на его лицѣ.

— Добрый вечеръ! Стой, стой, учитель! Дай разсказать. И не двигайся ты много...—сказалъ онъ, сваливая съ себя тяжелую ношу.

— Ваши горожане, — продолжалъ дѣдъ Маринъ,— чудной народъ: какъ тѣнь, ты ихъ не уловишь побалакать...

— Почему жъ ты не пошелъ прямо къ доктору?

— Онъ запертъ.

— А къ дьякону, въ монастырь?

— Скрылся дьяконъ.

— А дѣда Стояна нашелъ ты?

— Прости его Господь, приказалъ долго жить: умеръ въ ту же ночь, какъ его заперли, отъ удара: говорятъ, что онъ, горькій, разсказалъ подъ пыткой про дѣло.

— Несчастный дѣдъ Стоянъ! А Радка, Радка?

— Ея я не могъ повидать.

— Какъ, что же сталось съ Радкой? Огняновъ поблѣднѣлъ.

— Она тамъ, не тужи; но ее выгнали изъ школы.

— Такъ ты бы заглянулъ къ монашкѣ хаджи Ровоамѣ!—воскликнулъ безпокойно Огняновъ.

— Прогнала ее монашка немилостивая.

— Боже мой, такъ она осталась безъ крова! Она убита!

— Прибралъ ее чорбаджій Марко къ своему родственнику, да не могъ я улучить минутку заглянуть къ ней, а товарищи спѣшили... Но я разспрашивалъ, дѣвушка здорова...

— Этому бай Марко я никогда не смогу отслужить. А что говорятъ обо мнѣ?

— О тебѣ? Да тебя всѣ разно называютъ... пока догадался, посѣдѣлъ весь.

— «Графомъ»?

— Ха, графомъ, о графѣ всѣ говорятъ, что онъ былъ застрѣленъ въ Айевскомъ бору, охотниками.

— Это правда.

— Не вся правда: ты—живъ, а тебя всѣ считаютъ за покойника, оно и лучше,—сказалъ себѣ я.

Огняновъ вдругъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Какъ? Но она? И она меня считаетъ убитымъ? Только этого не доставало несчастной!

Онъ сталъ ходить по комнатѣ, какъ бы пробуя ноги.

— Не ходи. разбередишь рану.

— Я уже могу отправиться,—сказалъ съ рѣшительнымъ видомъ Огняновъ.

— Куда отправиться?—съ испуганнымъ видомъ спросилъ дѣдъ Маринъ.

— Въ Бѣлую Церковь.

— Съ ума ты спятилъ?

— Нѣтъ, но спячу, если пробуду здѣсь хоть еще одинъ день. Добудь мнѣ одежду, а коня ты мнѣ дашь?

Дѣдъ Маринъ зналъ упрямство Бойча и потому даже не попытался его задерживать.

— И одежду, и коня возьми. Только жалко мнѣ твои молодые годы,—сказалъ онъ съ огорченіемъ;—по дорогамъ бродятъ турки: грабежамъ и убійствамъ счету нѣтъ... не жалѣешь ты себя.

— Не кручинься, я еще вернусь къ тебѣ, какъ соколъ, живъ и здравъ. Только не выгонишь ты меня?—прибавилъ Огняновъ полушутливо.

Старикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ! Ты не тронешься отсюда!—сказалъ онъ рѣшительно. Я соберу все село, и оно силой задержитъ тебя здѣсь. Ты намъ потребенъ, какъ святое причастіе, а уйдешь, такъ тебя убьютъ! Не хочу я, чтобы люди послѣ говорили: дѣдъ Маринъ пустилъ учителя Бойча, нашего апостола, чтобъ онъ сталъ жертвой!—кричалъ сердито дѣдъ Маринъ.

— Потише, дѣдо Марине, слышно вѣдь на улицѣ,—замѣтилъ ему Огняновъ.

Лицо старика освѣтилось улыбкой.

Огняновъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Чему ты смѣешься?

— Эхъ, да хранитъ тебя Господь, учитель! Да отъ кого ты прячешься? Все село, старъ и младъ, знаетъ, что ты у меня... О твоемъ столѣ все село заботилось... Мы простые люди, но христіанъ не выдаемъ, а что до тебя—и душу отдадимъ...

Теперь и Огняновъ улыбался, узнавъ что тайна его была общественнымъ достояніемъ.

Послѣ долгихъ препирательствъ, Огняновъ восторжествовалъ надъ опасеніями своего хозяина, и отъѣздъ его былъ рѣшенъ.

XXVIII.

Безпокойный отдыхъ.

Вскорѣ изъ Веригова, верхомъ на конѣ, выѣхалъ турокъ; вѣрнѣе сказать, читакъ *).

Разорванная зеленая чалма, совершенно полинявшая, была надвинута до бровей; затылокъ — начисто выбритъ; ситцевая жилетка съ оборванными пуговицами, не застегнутная наверху, подранный плащъ съ отрепанными рукавами, грязный чехолъ на поясѣ съ кремневымъ старымъ ружьемъ, короткимъ шомполомъ, сопотскимъ кинжаломъ и трубкой, вытертые шаровары и туфли,—все было старо, изношено.

Въ этомъ видѣ Огняновъ былъ неузнаваемъ.

Зима уже вступила въ свои права и покрывала бѣлымъ пологомъ горы и долины; только скалистые бока Старой Горы чернѣли на горизонтѣ. Природа была молчалива и печальна. Время отъ времени густыя стаи воронъ пролетали по полямъ и будили дремлющія окрестности.

Прямая дорога на Бѣлую Церковь шла на востокъ, но Огняновъ не поѣхалъ по ней; нужно было бы проѣхать черезъ село Емексизъ-Пехливана, а оно ему внушало невольный страхъ. Ему вспоминалась собака ненавистнаго турка, въ которую какъ бы воплотился духъ убитаго, чтобы гнать его и преслѣдовать послѣ смерти. И Огняновъ рѣшилъ поѣхать прямо на сѣверъ къ Карнарскому хану (корчмѣ), а оттуда двинуться по подножью Старой Горы на востокъ къ Бѣлой Церкви. Эта окольная дорога была гораздо длиннѣе, но представляла менѣе опасностей, хотя и она пролегала по турецкимъ селамъ. Когда Огняновъ достигъ перваго села, снѣгъ падалъ большими хлопьями и застилалъ все передъ глазами. Стужа усиливалась и члены его коченѣли отъ холода; онъ едва чувствовалъ уздечку въ своей рукѣ и только инстинктъ руководилъ конемъ по дорогамъ, гдѣ все было покрыто однообразной снѣжной пеленой. Безшумно въѣхалъ онъ въ улицы села,—нигдѣ не было живой души,—и остановился передъ ханомъ, противъ мечети. Онъ хотѣлъ дать отдыхъ коню, сильно утомленному тяжелой дорогой, да и самому хотѣлось погрѣться. Мальчикъ взялъ коня, и онъ постучалъ въ дверь хана, который, повидимому, былъ совершенно пустъ. Войдя, онъ невольно отшатнулся: ханъ былъ биткомъ набитъ турками! Отступать было уже поздно. Онъ поклонился по турецкому обычаю; турки вѣжливо отвѣтили ему. Проживъ много лѣтъ среди турокъ, Огняновъ успѣлъ хорошо ознакомиться съ ихъ нравами и языкомъ.

Турки сидѣли на коврикахъ, разутые, съ чубуками въ рукахъ. Густой табачный дымъ наполнялъ ханъ.

— Кофе,—сказалъ онъ строго кафеджію.

И онъ скрутилъ себѣ папиросу, сильно наклоняя къ ней лицо, чтобы хоть сколько-нибудь скрыть черты его. Въ такомъ же положеніи онъ принялся и за кофе, шумно его потягивая и прислушиваясь къ разговорамъ. Сначала бесѣда оставляла его равнодушнымъ, но скоро онъ напрягъ слухъ: бесѣда коснулась убійства двухъ турокъ. Такой случай давно уже не встрѣчался въ этой мѣстности и потому занималъ и раздражалъ турокъ еще и теперь. Возбужденіе сразу охватило все общество кофейни, до сихъ поръ вялое и флегматичное. Послышались ругательства и проклятія, кровавыя угрозы по адресу болгаръ. Огняновъ продолжалъ шумно потяги-

*) Читакъ—низшій слой, подонки турецкаго населенія. *Прим. перев.*

вать кофе и страшно хмурилъ лицо въ знакъ того, что и его волнуетъ всеобщее негодованіе. Рѣчь коснулась и убійцы, и онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, насколько имя и личность его были популярны даже здѣсь. Создались цѣлыя легенды про него.

— Этого невѣрнаго — консула нельзя ни поймать, ни узнать...—сказалъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Ему, должно быть, помогаетъ дьяволъ: тутъ его видишь учителемъ, попомъ, тамъ — селяниномъ, а то туркомъ; сразу мѣняетъ онъ свой видъ: изъ мальчика становится старикомъ; теперь онъ безусый и черноокій, спустя немного — русый и съ огромными усами. Иди-ка, лови его! Ахмедъ-ага мнѣ разсказывалъ, что они разъ напали на его слѣды и погнались за нимъ въ текійской рощѣ; вдругъ, погоня смотритъ передъ ними—воронъ: нѣтъ тамъ ни селянина, ни чорта... Всѣ выстрѣлили, но птица исчезла, только карканье слышно было...

— Ну?! — отозвались нѣкоторые недовѣрчиво.

— Невѣрный какъ ни какъ, а попадетъ къ намъ въ руки, только бы узнать гнѣздо, гдѣ онъ скрывается,— воскликнулъ другой.

— Да я говорю тебѣ, что не дается онъ въ руки, невѣрный,—подхватилъ первый ораторъ. —Онъ и не скрывается, да какъ его узнаешь!.. Можетъ, онъ и теперь среди насъ въ кофейнѣ, а только мы не знаемъ, что это онъ.

При этихъ словахъ присутствующіе машинально подняли глаза и посмотрѣли другъ на друга; нѣсколько взоровъ съ любопытствомъ было устремлено на Огнянова.

Тотъ теперь страшно тянулъ третью чашку кофе и ежеминутно пускалъ облака дыма, который закутывалъ его своими волнами, но онъ чувствовалъ устремленные на него взгляды, и капли пота потекли по его вискамъ. Онъ не могъ долѣе выдержать напряженнаго состоянія и выжидалъ удобный моментъ, чтобы оставить кофейню и дохнуть чистымъ воздухомъ.

— Съ Божьей милостью, куда ѣдете?—спросилъ его одинъ.

— Въ Кинсуру, съ Божьей волей,— отвѣтилъ Огняновъ, спокойно развертывая длинный свалянный кисетъ, чтобы уплатить за кофе.

— Въ такой снѣгъ и непогоду?.. Ты бы лучше переночевалъ здѣсь: еще поспѣешь утромъ на базаръ.

— Путнику—путь, лягушкѣ—болото *), — отвѣтилъ съ усмѣшкой Огняновъ.

— Ты бабьи сказки разсказываешь, Рахманъ-ага, твой гявуръ не дьяволъ и не воронъ, а просто бунтовщикъ, какъ всѣ бунтовщики.

— Схвати-ка его!

— И схватимъ... Гнѣздо его мы пронюхали.

— Только бы попалъ онъ намъ въ руки, — воскликнуло нѣсколько турокъ съ кровожадными взглядами.

— Даю голову на отсѣченіе, что не сегодня—завтра бунтовщикъ Бойчо попадетъ въ ловушку.

— А гдѣ его ищутъ, собаку?

— Спрятался въ одно среднегорское село, гавурское, нашелъ теплое мѣстечко. Вчера пошло туда нѣсколько полицейскихъ черезъ Баню, а другіе—черезъ абрашларскіе луга; затравимъ его. .

— Такъ и ты за тѣмъ же идешь?

— За тѣмъ же. Въ Вериговомъ соберемся и оттуда двинемся.

Только теперь Огняновъ разсмотрѣлъ, что говорящій былъ полицейскій, котораго онъ раньше не замѣтилъ въ углу. Его еще болѣе стала душить эта кофейня, и, не смотря на подозрительные взгляды присутствующихъ, онъ поклонился и вышелъ.

Очутившись снова на чистомъ воз-

*) Турецкая пословица.

духѣ, подъ открытымъ небомъ, онъ вздохнулъ полной грудью и бросился на коня.

Черезъ три часа пути, покрытый снѣгомъ и полузамерзшій, онъ остановился у Карнарской корчмы.

XXIX.

Любезный знакомый.

Карнарская корчма — это станція высокаго троянскаго прохода. Здѣсь путники переночевываютъ, подкрѣпляются пищей и отдыхомъ, и съ новымъ запасомъ силъ продолжаютъ подъемъпо склону Старой Горы. Но каждую зиму въ продолженіе двухъ недѣль въ корчму никто не заглядовалъ, потому что вѣтры загромождаютъ снѣжными завалами старую римскую дорогу къ вершинѣ Балкана и она становится непроходимой. Тогда всякое сообщеніе между Ѳракліей и Дунайской Болгаріей прекращается, пока троянскіе кираджіи (чумаки) не проложатъ съ громадными усиліими узкую тропинку. Какъ разъ теперь путь былъ закрытъ и корчма пустовала. Корчмарь-болгаринъ, маленькій, вѣчно улыбающійся человѣчекъ, съ тупоумнымъ лицомъ, встрѣтилъ крайне вѣжливо своего гостя и ввелъ въ большую комнату, которая была предназначена для посѣтителей и для всего, что угодно. Огонь горѣлъ и Огняновъ закурилъ трубку.

— Есть кто-нибудь?— спросилъ онъ корчмаря.

— Никого нѣтъ. Какъ запертъ Балканъ, такъ запирается и моя корчма... А вы куда, ага? — спросилъ корчмарь, поглядывая съ любопытствомъ на гостя.

— Можешь сварить мнѣ кофе?— спросилъ Огняновъ, вмѣсто отвѣта.

— Можемъ, можемъ, какъ не можемъ?... а куда вы ага?—настаивалъ корчмарь.

— Въ Троянъ.

— А откуда?

— Изъ Бѣлой Церкви иду... Ну и дорожка. .

— И я изъ Бѣлой Церкви, но въ Троянъ ты не проберешься... Я тебѣ говорю, ты мнѣ вѣрь... — болталъ корчмарь, подавая кофе и упорно всматриваясь въ Огнянова, какъ бы стараясь его узнать.

Огняновъ нахмурился, чтобы избѣжать этихъ досадныхъ взглядовъ. Корчмарь бросилъ еще одинъ косвенный взглядъ и усмѣхнулся въ бороду.

— Корчмарь ты далъ мнѣ сладкое кофе *)! — сказалъ Огняновъ строго и оставилъ чашку.

— Прости, я думалъ, что ты пьешь съ сахаромъ. Я приготовлю тебѣ другое...

— Не нужно!

— Нѣтъ, пей, пей, кофе, говорю тебѣ, доброе...

— Что новаго слышно?

— Ужасы, убійства, грабежи каждый день... Проѣзжихъ нѣтъ, Балканъ запертъ, я раззоряюсь... Съ тѣхъ поръ, какъ вырыли Емексизъ-Пехливана—ты его вѣдь знаешь — турки сильно зашалили... Ищутъ будто бунтовщиковъ, а рѣжутъ только невинныхъ людей. Я тебѣ правду говорю, ты мнѣ вѣрь...

Огняновъ удивился смѣлости корчмаря: такъ говорить можно было только передъ болгариномъ. Поэтому, въ своей роли турка, онъ сдѣлалъ кислую физіономію.

— Чорбаджи, ты болтаешь слишкомъ много, смотри, какъ бы и тебѣ не попало.

— Я знаю, передъ кѣмъ я говорю,

---

*) Турки не пьютъ сладкаго кофе.
Прим. перев.

ага, — сказалъ корчмарь фамильярнымъ тономъ.

Огняновъ посмотрѣлъ на него съ еще большимъ удивленіемъ. Онъ перебилъ его сурово:

— Гявуръ, ты, кажется, пьянъ!

— Графъ, не сердись, что и я на «Геновевѣ» плакалъ!—отвѣтилъ корчмарь уже по болгарски и, схвативъ руку Огнянова, поздоровался.

Огняновъ видѣлъ, что его узнали. Ему было это крайне досадно. Къ тому же, и лицо, и нахальныя манеры корчмаря ему были противны. Онъ измѣрилъ его взглядомъ и холодно спросилъ:

— Откуда ты, ваша милость?

— Изъ Бѣлой Церкви, Рачко Пердле! — отрекомендовался корчмарь и снова протянулъ руку, которая повисла въ воздухѣ.

Но Рачко не оскорбился.

— Почему ты боишься меня, графъ? или ты стыдишься моего имени? Оно мнѣ досталось отъотца и я имъ горжусь... Что за дѣло до имени? имя— ничто, но человѣкъ, если онъ честенъ, то и имя его красиво... Спроси въ Бѣлой Церкви, кого хочешь, про Пердле и всякій тебѣ скажетъ... Ты меня слушай... Я держу домъ и имѣю трехъ дѣтей—дай Богъ и тебѣ ихъ — такъ всякій меня и почитаетъ... а человѣкъ чѣмъ живетъ?—честью да именемъ...

— Твоя правда, бай Рачко, умно ты говоришь...

— Правду я говорю, а ты не смотри, что я таковъ: я умница... Сколько народу я здѣсь видѣлъ... Я тебя какъ только увидѣлъ, сказалъ себѣ, посмотримъ, узнаетъ меня графъ..

Огняновъ не могъ припомнить, чтобы онъ когда-либо видѣлъ этого знаменитаго человѣка...

— Ты давно ли держишь эту корчму?

— Годъ съ половиною, только на «Геновевѣ» я случился въ Бѣлой-Церкви, ты былъ графомъ.

— А ты не имѣешь ли чего дать мнѣ поѣсть?

— Что Господь далъ, то и имѣю.— И Рачко положилъ въ грязную деревянную миску немного бобовъ съ краснымъ перцемъ, кислой капусты и хлѣба.

— И я тебѣ составлю компанію,— прибавилъ любезно Рачко, присаживаясь къ столу пообѣдать съ Огняновымъ.

Огняновъ ѣлъ молчаливо. Этотъ Рачко производилъ на него скверное впечатлѣніе своимъ нахальнымъ обращеніемъ и непрошеннымъ панибратствомъ.

«Что за грубый корчмарь и какъ глупъ!»—думалъ онъ. Какъ бы въ подтвержденіе его мыслей, Рачко налилъ двѣ чаши и сказалъ:

— Давай-ка, чокнемся! аршъ-маршъ, на здоровье!—и онъ проглотилъ свою чашу кислаго вина.—Я вѣдь узналъ тебя сразу! Сколько разъ я здѣсь принималъ Левскаго и чокался съ нимъ!.. Мы съ нимъ были пріятели... И я самъ народный человѣкъ, не смотри на меня такъ...

Огняновъ замѣтилъ противорѣчіе, или, вѣрнѣе, ложь, потому что дьяконъ Левскій умеръ три года тому назадъ. Это усилило его недовѣріе.

— Выпей же вино! Какъ? Ты не пьешь? Дай, я его выпью.—Рачко проглотилъ и чашу Огнянова, сдѣлавъ ужасную гримасу отъ выпитаго уксуса.

Обѣдъ былъ съѣденъ наскоро, вопреки желанію развеселившагося Рачка.

— Стой, чего ты спѣшишь? Развѣ ты не остаешься ночевать у меня? Я тебя оставлю на короткое время... хочу пойти въ Карнари... ты меня подожди. Останься тутъ этотъ вечеръ... мы потолкуемъ... Я самъ народный человѣкъ.

— Благодарю, бай Рачко, приготовь мнѣ коня, я поѣду дальше.

— Но дорога плоха... Я правду

говорю тебѣ; ты меня слушай... Голову себѣ отрѣжу...

— Не нужно мнѣ этого,—отвѣтилъ сухо Огняновъ, затѣмъ прибавилъ нетерпѣливо:—Коня мнѣ!

Корчмарь вышелъ.

Огняновъ внимательно осмотрѣлъ комнату и прилегающія помѣщенія. Ему невольно вспомнился какріинскій корчмарь, который предалъ Левскаго.

Корчмари по турецкимъ селамъ—болгаре по большей части; но нужда и привычка брататься съ турками сдѣлала изъ нихъ людей далеко небезопасныхъ. А такая балда какъ Рачко, могъ и наиневиннѣйшимъ образомъ напакостить.

— Конь твой ждетъ тебя, только дорога къ Трояну плоха...—сказалъ Рачко, входя въ комнату.

— Сколько тебѣ слѣдуетъ за меня и за коня.

— Ха, графъ, ты прости, ты мой гость.

— Нѣтъ, ты скажи, сколько слѣдуетъ, а за гостепріимство твое и въ особенности за вино я очень тебѣ благодаренъ, — сказалъ иронически Огняновъ.

— Да, винцо того... только я не возьму съ тебя ничего ни за винцо, ни за ѣду, ни за сѣно... Я съ такихъ пріятелей...

— Если такъ, благодарю тебя, бай Рачко,—сказалъ Огняновъ, озираясь.—Нѣтъ ли здѣсь кого-либо еще?

— Только я и мальчикъ, графъ; но мальчика я послалъ въ Бѣлую-Церковь, онъ вернется сегодня вечеромъ. А теперь мнѣ нужно побѣжать въ деревню, да некого оставить. Останься-ка!

Огняновъ посмотрѣлъ на одинъ изъ столбовъ, подпирающихъ потолокъ. Потомъ взялъ корчмаря за руку и сказалъ ему по пріятельски:

— Потерпи немного, бай Рачко, я тебя свяжу. И Огняновъ снялъ одной рукой со стѣны возжи, а другой притиснулъ корчмаря къ столбу.

Корчмарь принялъ это за шутку.

— Хочешь привязать меня? Вяжи!—сказалъ онъ весело.

Огняновъ спокойно обвилъ веревку вокругъ столба и корчмаря. Рачко, видя серьезность дѣйствій Огнянова, сначала удивился, потомъ разсердился:

— Не шути! развѣ я гайдукъ, что ты меня вяжешь?—И Рачко зашатался.

Огняновъ грозно ему сказалъ:

— Если крикнешь, я распорю тебѣ брюхо ножомъ.

Корчмарь, перепуганный, посмотрѣлъ на его оружіе... Онъ понялъ, что графъ не шутитъ, и сдѣлался кротокъ, какъ дитя.

— Я бы лучше хотѣлъ завязать твой языкъ, но такъ какъ это невозможно, то я и вяжу тебя,—сказалъ ему съ усмѣшкой Огняновъ, хорошенько притягивая его возжами къ столбу. Потомъ спросилъ:

— Когда вернется твой мальчикъ?

— Къ вечеру...—Рачко трепеталъ.

— Ну, вотъ онъ тебя и развяжетъ. Съ Богомъ, бай Рачко, я ѣду въ Троянъ. Помни графа—но только въ умѣ...

И, положивъ около корчмаря нѣсколько денегъ, Огняновъ вскочилъ на коня и двинулся дальше.

XXX.

Посидѣлки въ Алтыновомъ.

Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Бѣлую-Церковь, Огняновъ повернулъ въ Алтыново, лежащее въ западномъ углу долины. Хотя туда было всего

два часа ѣзды, но дорога была тяжела и конь утомленъ, такъ что лишь къ вечеру, провожаемый воемъ волковъ, онъ достигъ селенія.

Онъ въѣхалъ въ болгарскій кварталъ (населеніе было тамъ смѣшанное изъ турокъ и болгаръ) и скоро остановился у воротъ бай Цанко.

Бай Цанко, родомъ изъ Клисуръ, но издавна поселившій въ Алтыновомъ, былъ простодушный, веселаго нрава селянинъ, страстно любившій Болгарію. У него часто гостили «апостолы». Онъ радостно встрѣтилъ Огнянова.

— Хорошо сдѣлалъ, что заѣхалъ ко мнѣ... Сегодня какъ разъ у меня посидѣлки, такъ на дѣвушекъ посмотришь. Полегчаетъ у тебя на душѣ,—сказалъ, усмѣхаясь, Цанко, вводя его въ комнату.

Огняновъ поспѣшилъ ему сообщить, что его ищутъ и почему.

— Слыхали, слыхали и мы,—сказалъ бай Цанко;—если мы тутъ запрятаны въ яму, такъ думаешь, что мы уже и не знаемъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.

— Не буду ли я опасенъ?

— Не безпокойся, говорю тебѣ; смотри, сегодня вечеромъ можешь себѣ выбрать дѣвушку, чтобъ знамя носила,—шутилъ Цанко,—вотъ, изъ этого окошка ты будешь всѣхъ видѣть прекрасно...

Огняновъ очутился въ маленькой темной комнаткѣ; черезъ маленькое окошечко можно было видѣть все, что дѣлается въ сосѣдней большой комнатѣ, гдѣ собрались теперь лучшіе, наиболѣе видные парни и невѣсты села попрясть и пошить приданое дочери Цанко, Донкѣ. Огонь весело горѣлъ и освѣщалъ стѣны, украшенныя только иконами Св. Ивана Рыльскаго и глиняной разрисованной посудой на полочкахъ. Мебель была такая же, какъ и во всѣхъ болѣе состоятельныхъ домахъ: лавки, умывальникъ, шкафъ огромныхъ размѣровъ съ приданымъ Донки и столъ. На постланныхъ на полу коврикахъ изъ козьяго мѣха и рогожкахъ сидѣли гости. Кромѣ огня печки, комнату еще освѣщали двѣ керосиновыя лампочки—роскошь этого вечера.

Огняновъ давно уже не присутствовалъ на такомъ любопытномъ собраніи. Спрятанный въ темной комнатѣ, онъ внимательно слѣдилъ за наивными сценами деревенской жизни.

Дверь отворилась и въ комнату вошла жена Цанко, разговорчивая баба и сплетница. Она присѣла къ Огнянову и принялась ему указывать наиболѣе красивыхъ дѣвушекъ, давая при этомъ необходимыя разъясненія.

— Видишь тамъ краснощекую, толстую? Это Стайка Чонина... Посмотри, какъ жалко, жалко смотритъ на нее Иванъ Боримечка. Онъ лаетъ, какъ настоящая овчарка, когда хочетъ смѣшить ее... Она очень работящая, проворная и чистая. Только, сильно она толстѣетъ, бѣдная, но когда замужъ выйдетъ, такъ похудѣетъ... Ваши-то, наоборотъ, толстѣютъ, какъ поженятся... А влѣво отъ нея—Цвѣта Проданова; она любится вотъ съ тѣмъ, что усы оттопырены... Вишь, какая вертлявая, такъ и стрѣляетъ глазами на всѣ четыре стороны! Но вообще добрая дѣвка. Около Цвѣты стоитъ Драганова Цвѣта, а возлѣ нея—Райка-поповна... Я бы ихъ не отдала за двадцать филиппопольскихъ турчанокъ; смотри, какія бѣлыя шеи, какъ у куропатокъ. Цанко нашъ сказалъ разъ, что если бы ему дали одну изъ нихъ укусить въ подбородокъ, онъ бы отдалъ памидевскій виноградникъ на Малъ-Тепе, а я его за это, распутнаго, тогда кочергой хватила. А видишь ты вонъ ту, вправо отъ толстой Стайки? Это—дочка Каревелювы, нашего богача. Сваталось за нее пять лучшихъ молодцовъ, да не даетъ ея отецъ...

Огняновъ кое-что слушалъ, кое-что пропускалъ мимо ушей; онъ былъ всецѣло поглощенъ картиной, а не ея толкованіемъ. Болѣе смѣлыя дѣвушки перешучивались съ парнями, лукаво издѣвались надъ ними и заливались веселымъ смѣхомъ. Мужская половина, съ своей стороны, громогласно хохотала, отпуская шутки и бросая стрѣлы въ женскую болтливую половину.

— Ну, довольно нахохотались, теперь спойте что-нибудь,— крикнула весело хозяйка, которая оставила Бойчо, чтобы пойти снять съ огня горшки, гдѣ готовилось угощенье.— Радо, Станке, запойте-ка, посрамите нашихъ парней, они беззубаго гребня не стоятъ...

Рада и Станка не ждали новаго приглашенія и запѣли, а за ними и всѣ остальныя; поющія раздѣлились на двѣ половины; одинъ хоръ пѣлъ одинъ стихъ и, окончивъ его, умолкалъ; тогда второй хоръ повторялъ этотъ же стихъ. Первый хоръ, въ которомъ были первоклассныя пѣвицы, пѣлъ тенора, второй—болѣе низкой нотой.

«Добра ле *), двое молодыхъ, Добра ле, полюбилися
«Добра ле, полюбилися, Добра ле, ужъ съизмала,
«Добра ле, вотъ встрѣтились, Добра ле, вчера вечеромъ,
«Добра ле, они встрѣтились, Добра ле, на улицѣ,
«Добра ле, на улицѣ, Добра ле, въ темнотѣ,
«Добра ле, усѣлись они, Добра ле, и разговаривали...
«Добра ле, ужъ мѣсяцъ, Добра ле, рогъ показалъ,
«Добра ле, звѣзды небо, Добра ле, усыпали,
«Добра ле, а молодые, Добра ле, все еще сидятъ,
«Добра ле, все еще сидятъ, Добра ле, и разговариваютъ,
«Добра ле, вода въ ея ведрахъ, Добра ле, льдомъ покрылася,
«Добра ле, коромысло, Добра ле, въ яворъ выросло,
«Добра ле, а молодые, Добра ле, все еще сидятъ...

Когда дѣвушки кончили пѣсню, раздались похвалы со стороны парней, каждый хотѣлъ думать, что про него пѣлась пѣсня. Иванъ Боримечка кидалъ взоры на Стайку Чойнину, точно съѣсть ее хотѣлъ, а она, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за шутки.

— Эта пѣсня поется къ помолвкѣ!—загремѣлъ онъ своимъ зычнымъ гласомъ.

Всѣ парни засмѣялись, подражая дѣвушкамъ, которыя дьявольски-лукаво смотрѣли на Боримечку.

Онъ былъ ростомъ съ цѣлую гору; но при этомъ ростѣ и геркулесовскихъ силахъ онъ обладалъ худымъ, костлявымъ лицомъ, изрытымъ оспой и довольно глупымъ. Онъ былъ большой любитель пѣнія и имѣлъ голосъ, соотвѣтствующій своему росту.

Боримечка разсердился. Онъ незамѣтно отошелъ въ сторону и черезъ нѣкоторое время залаялъ надъ головами присутствующихъ, какъ старая овчарка; дѣвушки, перепуганныя, отчаянно запищали, расхохотались. Въ отместку, онѣ принялись его дразнить. Одна запѣла:

«Иване, голубокъ красивый,
«Иване, тонкая тополь.

Смѣхъ.

Другая подхватила:

«Иване, тощенькій медвѣдь,
«Иване, долга кочерга!

Снова хихиканье, смѣхъ. Боримечка вскипѣлъ. Онъ посмотрѣлъ съ тупымъ удивленіемъ на щекастую Стайку, которая пропѣла послѣдніе комплименты своему обожателю, раскрылъ ротъ, подобный пасти, и заревѣлъ:

«Тетка Пейкѣ говорила:
«Пейка, дѣвка моя, Пейка!
«Такъ ужъ говорятъ всѣ люди,
«Люди близкіе сосѣди,
«Что ты, Пейка, растолстѣла...
«—Тетка, родненькая тетка,

*) *Добра*—имя; *ле*—ничего не значущая прибавка, въ родѣ нашего «слышь». *Прим. перевод.*

«Пусть себѣ болтаютъ люди,
«Люди, близкіе сосѣди.
«Я вѣдь толстая и красная,
«Я вѣдь круглая,
«Отъ отцовскаго все хлѣба,
«Хлѣба бѣлаго пшеничнаго,
«Что пока я испеку его,
«Я корзину винограду
«Полную съѣдаю,
«Ведро вина выпиваю».

Отъ этой жестокой шутки Стайка вся перемѣнилась; щеки ея стали еще краснѣе, но глаза опустились долу и грудь подымалась высоко. Злобное хиханье подругъ жгло ея сердце. Нѣкоторыя насмѣшницы съ притворнымъ простодушіемъ спросили:

— Какъ же это, развѣ можно вмѣстѣ и виноградъ ѣсть и вино пить? Эта пѣсня лжетъ.

— Да это и видно: или пѣсня лжетъ, или дѣвка лжетъ.

Эта лукавая критика еще болѣе разъярила Стайку. Она бросила мстительный взглядъ на побѣдоноснаго Боримечку и запѣла дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

«Пейке, садовый цвѣточекъ!
«Пусть твои длинныя косы
«И мое давне сватанье
«Дай Богъ, пусть не пропадутъ!
«Дай-ка, Пейке, поженимся!
—«Іонко, ты черный работникъ,
«Коли бы Пейка любила
«Такихъ свинопасовъ, какъ Іонко,
«Такихъ свинарей господарскихъ
«И черныхъ боярскихъ ратаевъ,
«Она бы парнями дворъ городила,
«Тебя бы Іонко въ плетень втурила,
«Вмѣсто порога тебя бъ положила,
«Да какъ бы въ поле телятъ выгоняла,
«Да башмачки бы свои замарала,
«О тебѣ бы Іонко ихъ вытирала».

Страшная месть за кровавую обиду. Стайка гордо смотрѣла кругомъ себя. Ножъ ея ударилъ въ живое мясо. Иванъ Боримечка, какъ пораженный, неподвижно стоялъ съ широко выпученными глазами. Вдругъ грянулъ страшный, неудержимый хохотъ. Вся компанія хохотала, вперивъ любопытные взоры въ бѣднаго Ивана. Отъ стыда и нестерпимой боли уязвленнаго самолюбія слезы выступили на его глазахъ. Это еще болѣе усилило смѣхъ молодежи. Хозяйка воскликнула:

— Къ чему такія насмѣшки? Развѣ хорошо дѣвкамъ такъ держаться съ парнями, вмѣсто того, чтобы болтать и миловаться, какъ голубкамъ?

— Такъ, такъ, голубочки,—замѣтила одна насмѣшница, — только съ обѣихъ сторонъ у нихъ горбочки.

Опять расхохотались веселыя дѣвушки.

— Милые бранятся, только тѣшатся, — сказалъ примирительнымъ тономъ Цанко.

Иванъ Боримечка сердито вышелъ, какъ будто затѣмъ, чтобы показать несправедливость замѣчанія Цанка.

— А которые милы другъ другу, тѣ и ровня,—сказала Неда Ляговичина.

— Недо, знаешь ли? И обиженнымъ Господь помогаетъ,—отозвался Коно Горанъ, братъ Боримечки.

— Парни, а вы бы спѣли старую гайдукскую пѣсню, какую-нибудь, пусть сердце вернется на свое мѣсто,—пригласилъ Цанко.

Парни тотчасъ дружно запѣли:

«Бѣдняга, Стоянъ, эхъ, бѣдняга,
«На двухъ дорогахъ его поджидали,
«На третьей дорогѣ поймали,
«Обвили его веревками крѣпкими,
«Связали богатырскія руки.
«И привели Стояна
«Во дворъ попа Ерина.
«А попъ имѣлъ двухъ дочекъ,
«И третью—Ружу сноху:
«Ружа била масло
«У садовой калитки,
«А дочки дворъ подметали.
«И такъ Стояну говорили:
«Эхъ, господине Стояне,
«Заутра тебя вѣдь повѣсятъ
«На царскомъ широкомъ дворѣ,
«И будетъ позоръ твой смотрѣть
«Царица, а съ ней ея дѣти».
«Стоянъ и говоритъ Ружѣ:
«Ружо, попова сноха,
«Не жалко мнѣ живота,
«Не милъ мнѣ бѣлый свѣтъ:
«Удалый не жалѣетъ, не плачетъ.
«Но молю тебя, Ружке,
«Вымой мою ты рубаху,
«И расчеши мои волосы,—

«То дорого мнѣ, Ружке,
«Какъ человѣка повѣсятъ,
«Пусть его рубаха бѣлѣется,
«Пусть его волосы развѣваются...»

Огняновъ слушалъ съ тайнымъ трепетомъ конецъ этой пѣсни.

— Этотъ Стоянъ,—подумалъ онъ, типичный легендарный болгарскій гайдукъ, съ мрачно-спокойнымъ взглядомъ на смерть. Ни слова сожалѣнія, раскаянія, надежды... Онъ только хочетъ умереть красивымъ... Если бы этотъ геройскій духъ вселился въ нынѣшнихъ болгаръ!.. О, тогда я былъ бы спокоенъ за исходъ борьбы... О такой борьбѣ я мечтаю и такія силы ищу... Умѣть умереть—это залогъ побѣды...

Въ это время заиграла свирѣль. Игра, сначала нѣжная и меланхолическая, становилась все сильнѣе, подымалась выше; глаза игрока блистали, лицо горѣло воодушевленіемъ, ясные звуки звенѣли и наполняли ночь дивной горной мелодіей. Эти звуки переносили душу слушателей на балканскія вершины и утесы; они напоминали то горныя долины, то трепетаніе тѣней, гдѣ отдыхаютъ пастухи со своими стадами, то горные пахучіе васильки, эхо скалъ и замираніе любовнаго вздоха въ долинѣ... Свирѣль—это арфа болгарскихъ горъ и долинъ!

Всѣ сидѣли и слушали, какъ очарованные, наслаждаясь родными и понятными звуками этой музыкальной поэзіи. Слушала и сама хозяйка, выпрямившись передъ горящей печкой и опершись руками въ бока. Но въ истинномъ восторгѣ находился Огняновъ, который едва удержался, чтобы не захлопать въ ладоши.

Шумные разговоры и смѣхъ возобновились. Огняновъ услышалъ свое имя и сталъ прислушиваться. Петръ Овчаровъ, Райчинъ, Спиридонче, Иванъ Остенъ и нѣкоторые другіе говорили о будущемъ возстаніи

— Я уже совершенно готовъ къ свадьбѣ, ожидаю только револьвера изъ Филиппополя. Послалъ сто семьдесять грошей за него: трехъ барановъ продалъ,—сказалъ Петръ Овчаровъ, предсѣдатель мѣстнаго революціоннаго комитета.

— Только мы не знаемъ, когда поднимется знамя. Одни говорятъ—къ Благовѣщенью окровавимъ ножи, другіе—къ св. Георгію, а дядя Божичъ, тотъ откладываетъ на начало мая... —сказалъ Спиридонче, красивый, стройный парень.

— Ты смотри, какъ кукушка закукуетъ и гора зашумитъ, тогда... но я и теперь готовъ: кто знаетъ, когда часъ ударитъ.

— Эхъ, наша Стара-Гора, много она удалыхъ видѣла и еще увидитъ,—сказалъ Иванъ Остенъ.

— Петре, ты говоришь объ учителѣ: онъ двѣ души пристукалъ, а? Молодчина!

— Когда ужъ пріидетъ-то онъ къ намъ въ гости, я бъ ему поцѣловалъ руку, что такъ хорошо погладила,—замѣтилъ Райчинъ.

— Онъ насъ предупредилъ, но и мы постараемся сдѣлать, какъ онъ. И наша милость кое-что понимаетъ въ ремеслѣ,—сказалъ Иванъ Остенъ.

Иванъ Остенъ былъ удалецъ и рѣдкій стрѣлокъ. Ему приписывали и убійство въ прошломъ году Дели-Ахмеда. Поэтому и мѣстные турки подстерегали его, но безуспѣшно до нынѣ.

На посидѣлкахъ пили и за здоровье Огнянова.

— Дай Богъ, чтобы мы его скоро увидѣли живымъ и здоровымъ... Берите примѣръ, парни, съ него,—сказалъ Цанко, опрокидывая чашу вина

— Бьюсь объ закладъ объ что угодно,—отозвалась нетерпѣливая жена Цанко,—не сегодня—завтра онъ, какъ соколъ, прилетитъ къ намъ.

— Что ты говоришь, хозяйка? а я какъ разъ уѣзжаю въ Карлово!—воскликнулъ съ огорченіемъ Райчинъ—

Если пріѣдетъ, задержите его до Рождества. Мы повеселимся тогда.

— Что тамъ за шумъ на улицѣ?— воскликнулъ Цанко и, не допивъ вина, всталъ

Дѣйствительно, снаружи раздались крики мужчинъ и женщинъ. Гости тоже поднялись. Въ это время вошла хозяйка, чрезвычайно взволнованная, и объявила:

— Дѣло кончено, благослови Боже!

— Какое? Что?

— Боримечка похитилъ Стайку.

Всѣ крикнули, пораженные этой новостью.

— Схватилъ ее, разбойникъ, и понесъ на плечахъ, какъ весенняго ягненка, къ своимъ.

Раздались веселыя восклицанія.

— Да какъ это онъ? А! такъ вотъ почему онъ ушелъ раньше, а за нимъ его братъ Горанъ.

— Подстерегъ ее за плетнемъ, у воротъ,—продолжала Цанковица,—и схватилъ Стайку! Проклятый Боримечка, кто бы могъ подумать?

— Правду же мы говорили, что подходятъ они другъ къ другу...—замѣтилъ одинъ.

— Она жирная сербская свинья, а онъ — венгерская лошадь,—смѣялся другой.

— Пусть будутъ живы и здоровы, завтра будемъ пить руйное вино,— сказалъ Цанко.

— Такъ и на мою долю дадутъ, я имѣю право,—орала его жена;—это я ихъ сосватала.

Черезъ короткое время развеселившіеся гости разошлись.

XXXI.

Турецкая полиція.

Цанко зашелъ къ Огнянову въ темную комнату.

— Что, Бойчо, понравилась тебѣ наша вечерка?

— Чудно, превосходно, бай Цанко!

— А пѣсни?

— Я слушалъ съ наслажденіемъ...

Вошла и Цанковица со свѣчей въ рукѣ.

— Стучатъ въ ворота,—сказала она.

— Вѣрно опять отъ Стайкиныхъ, можетъ, отъ насъ и дѣвку потребуютъ... Да какое намъ дѣло!

Но вошла Донка и сказала, что стучатъ полицейскіе; ведетъ ихъ дѣдъ Дѣйко, староста.

— Чертъ ихъ побери вмѣстѣ съ дѣдомъ Дѣйкой! Куда я ихъ дѣну, этихъ свиней? Это не за тобой, успокоилъ онъ Огнянова,—однако спрячься .. Жена, покажи учителю куда...

И Цанко вышелъ. Черезъ короткое время онъ вернулся съ двумя турками, закутанными въ бурки и засыпанными снѣгомъ. Они сердились.

— Почему ты держалъ насъ цѣлый часъ на улицѣ, невѣрный?—проворчалъ одноокій полицейскій, отряхая снѣгъ съ своей бурки.

— Заморозилъ насъ, пока открылъ дверь!—кричалъ другой, маленькій и безусый.

Цанко пробормоталъ какое-то извиненіе.

— Что бормочешь? Пойди, заколи цыпленка и положи яйца въ масло.

Цанко хотѣлъ что то сказать. Одноокій полицейскій закричалъ:

— Не медли, гявуръ, бѣги скорѣе, скажи хозяйкѣ приготовить ужинъ?.. Или ты думаешь угощать насъ твоими сливами да орѣховыми скорлупками?—сказалъ онъ, бросая презрительный взглядъ на неубранные еще остатки угощенья.

Цанко направился къ двери испол-

нить приказаніе. Безусый ему крикнулъ:

— Стой, куда ты отправилъ дочекъ?

— Они пошли по домамъ, поздно было,—отвѣтилъ Цанко, съ котораго хмѣль окончательно сошелъ.

— Иди, позови ихъ снова, пусть поужинаютъ съ нами, да поднесутъ намъ по чашѣ вина... Зачѣмъ ты отослалъ?

Цанко смотрѣлъ испуганно.

— Гдѣ твоя дѣвушка?

— Легла уже спать, ага!

— Разбуди ее, пусть намъ прислужитъ,—сказалъ одноокій, просушивая у огня свои мокрыя онучи.

— Не пугайте моего ребенка. ага,—сказалъ умоляюще Цанко.

Вошелъ староста и смиренно вытянулся у дверей.

— Скотъ! и ты водилъ насъ по двадцати домамъ, чтобы мы стучались какъ нищіе! насилу привелъ насъ сюда! Куда дѣвались ваши...?

Онъ назвалъ дѣвушекъ ругательнымъ словомъ.

Болгаре проглотили оскорбленіе. Они привыкли къ этому. Долгіе вѣка рабства создали поговорку: преклоненную голову мечь не сѣчетъ. Цанко молилъ Бога, чтобы они не позвали его дочери.

— Чорбаджій,—спросилъ одноокій полицейскій,—вы готовите бунтъ?

Цанко смѣло отрекся.

— Что же дѣлаетъ здѣсь этотъ ножъ?—сказалъ безусый, подымая ножъ Петра Овчара, который его забылъ на коврѣ.

— А, чорбаджій, такъ вы готовите бунтъ, а?—спросилъ съ ехидной усмѣшкой одноокій.

— Нѣтъ, ага, мы мирные подданные царя,—отвѣтилъ Цанко, стараясь казаться спокойнымъ; а этотъ ножъ забытъ вѣрно кѣмъ-либо изъ гостей.

— Чей онъ?

— Не знаю, ага.

Полицейскіе всматривались въ какіе-то желтые кружки на ножѣ. Видно было, что это слова.

— Что это за слова?—спросили они у Цанка.

Цанко присмотрѣлся: на тупой сторонѣ было выдѣлано желтой проволокой: «свобода или смерть», а въ другомъ мѣстѣ было обозначено имя хозяина.

— Это виноградные гроздья,—солгалъ Цанко.

Одноокій двинулъ его грязнымъ сапогомъ въ лицо.

— Невѣрный, если ты видишь у меня одинъ только глазъ, такъ думаешь, что я слѣпой?

Отвѣтъ Цанко зародилъ въ нихъ сомнѣніе.

— Писарь, иди сюда!

Писарь вошелъ съ пирогомъ въ рукѣ, который онъ пекъ у Цанковицы. Увидя ножъ въ рукахъ полицейскихъ, онъ задрожалъ отъ страха.

— Прочитай тутъ!

Писарь прочиталъ и смутился.

— Не могу хорошенько разобрать, ага!

Безусый схватилъ нагайку и ударилъ. Бичъ свистнулъ и обвился два раза вокругъ шеи писаря. По щекѣ его потекла струйка крови.

— Проклятый народъ!

Писарь безмолвно вытиралъ кровь.

— Читай, или я всажу тебѣ ножъ въ горло!—крикнулъ полицейскій. Потерявшійся писарь видѣлъ, что нѣтъ спасенія. Приходилось покориться.

— Петръ Овчаровъ,—прочиталъ онъ, нарочно запинаясь.

— Ты знаешь его?

— Онъ нашеге села.

— Не зовутъ-ли Чобанъ*) Петре?—спросилъ одноокій; видно было, что немного смыслитъ по болгарски.

— Такъ, ага,—и писарь подалъ ему ножъ, мысленно благодаря святую Троицу, что онъ перескочилъ че

*) Чобанъ и овчаръ—одно и тоже.

резъ страшныя слова. Но было еще рано радоваться.

— Посмотри и съ той стороны,— сказалъ полицейскій.

Писарь испуганно наклонился снова надъ ножемъ; онъ колебался. Въ это время онъ замѣтилъ своимъ правымъ глазомъ, что безусый готовится нанести ему новый ударъ нагайкой.

— Свобода или смерть, написано, ага.

Одноокій привскочилъ.

— И свобода, а?—улыбнулся онъ зловѣще;—кто сдѣлалъ этотъ ножъ? Чобанъ Петре гдѣ, а?

— Гдѣ же ему быть, ага? У себя онъ.

— Иди, покличь его...

Писарь тронулся.

— Стой, и я пойду съ тобой, дубина!

И безусый накинулъ бурку и вышелъ съ нимъ.

— Вотъ какъ, и чобанъ изъ породы гайдуковъ!

Въ это время Цанко побѣжалъ къ своей женѣ, которая готовила съ проклятіями ужинъ.

— Донке, пойди, дѣточка, ночевать къ дядѣ, перелѣзь черезъ плетень,—сказалъ Цанко своей дочери, которая показалась, вся блѣдная, въ дверяхъ.

— И откуда ихъ снова притащилъ Дѣйко? И на той недѣлѣ привелъ къ намъ двухъ,—ворчала Цанковица.

— Да что было дѣлать человѣку?—сказалъ Цанко,—водилъ онъ ихъ повсюду, такъ нѣтъ, хотятъ, вишь, сюда, здѣсь пѣсни услыхали, разъ пять наклали ему въ спину.

Цанко снова вернулся къ одноокому.

— Чорбаджій, куда ты дѣвался?— давай сюда водки и закуску.

— Нѣтъ его, чобана,—объявилъ сердито безусый, входя съ писаремъ.

— Все село надо будетъ вверхъ дномъ перевернуть, а разыскать этого бунтовщика,—сказалъ одноокій, глотая водку.

— Не попытать ли сперва его отца?—спросилъ тихо безусый и потомъ шепнулъ что-то. Одноокій одобрительно кивнулъ головой.

— Староста, пойди-ка, приведи стараго, мы его разспросимъ; возьми и это,—сказалъ безусый и подалъ ему бутылку изъ подъ водки.

— Кабакъ запертъ теперь, ага.

Вмѣсто отвѣта, одноокій далъ ему сапогомъ по лицу. Будучи по природѣ немного благодушнѣе своего товарища, онъ дѣлался звѣремъ, лишь только выпивалъ водки.

Черезъ четверть часа пришелъ дѣдъ Стойчо. Это былъ человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, съ живымъ, энергичнымъ лицомъ, на которомъ можно было прочитать сильную волю и упорство.

— Стойчо, скажи, гдѣ твой сынъ, вѣдь ты знаешь, куда онъ спрятался, смотри, а то попадетъ въ твою голову.

Говоря это, одноокій жадно приложился къ горлышку бутылки съ водкой. Глазъ его заискрился. Онъ подалъ бутылку товарищу.

— Не знаю, гдѣ онъ, ага,—отвѣтилъ старикъ

— Ты знаешь, гявуръ, знаешь!— злобно проворчалъ полицейскій.

Старикъ снова сказалъ, что не знаетъ.

— Ты намъ скажешь!

— Зубы всѣ тебѣ выбьемъ; исполосуемъ,—заоралъ безусый.

— Что хотите, то и дѣлайте со мною, больше одной души не отымете,—отвѣтилъ твердо старикъ.

— Ступай, да подумай немного... послѣ раскаешься...—приказалъ ему съ притворной кротостью одноокій. Онъ хотѣлъ получить отъ дѣда Стойки выкупъ, о которомъ намекнулъ ему писарь.

Но дѣдъ Стоянъ не двигался.

Полицейскіе переглянулись, удивленные такой дерзостью и одновре-

менно бросили звѣрскій взглядъ на старика.

— Ты слыхалъ, старикъ?—крикнулъ одноокій.

— Мнѣ не о чемъ подумать, пустите меня домой, — отвѣтилъ онъ мрачно.

Полицейскіе взбѣсились.

— Писарь, повали этого старика!— И одноокій схватилъ нагайку.

Писарь и Цанко принялись молить о помилованіи старика.

Вмѣсто отвѣта, онъ толкнулъ его ногой. Старикъ грохнулся о землю.

Посыпались жестокіе удары. Дѣдъ Стойчо нѣкоторое время кричалъ, пыхтѣлъ, стоналъ, наконецъ умолкъ. Обильный потъ покрылъ лицо мучителя: онъ усталъ отъ работы.

Избитаго старика выволокли изъ комнаты, чтобы привести его въ чувство.

— Когда придетъ въ себя, приведете его снова, я его заставлю говорить.

— Молимъ тебя, Хаджи-ага, пощадите этого стараго человѣка, онъ не вынесетъ новыхъ мукъ и умретъ,— умоляюще сказалъ Цанко.

— Лишь бы царь жилъ, а бунтовщиковъ къ чорту! — разсердился вдругъ безусый... Да и ты какъ разъ годишься на висѣлицу! Ты собираешь у себя бунтовщиковъ, ты, должно, и чобана скрываешь. Надо поискать у тебя.

Цанко невольно измѣнился въ лицѣ. Одноокій, какъ ни былъ пьянъ, замѣтилъ его смущеніе.

Онъ вдругъ обернулся къ безусому:

— Юсуфъ-ага, давай-ка, поищемъ, у этого гяурина что-то есть. И онъ поднялся.

— Пожалуйте, — глухо сказалъ Цанко и повелъ ихъ съ фонаремъ въ рукахъ.

Онъ водилъ ихъ повсюду, исключая темной комнатки. Наконецъ, онъ посвѣтилъ и тамъ. На почернѣвшемъ потолкѣ имѣлась дыра. Когда она была закрыта, ничего не было замѣтно. Цанко былъ увѣренъ, что черезъ эту дыру Огняновъ пролѣзъ на чердакъ и закрылъ за собой заслонку. Поэтому онъ спокойно ввелъ турокъ въ комнату и освѣтилъ ее.

Первый его взглядъ былъ брошенъ на потолокъ.

Дыра была совершенно открыта.

Цанко оцѣпенѣлъ. Турки осмотрѣли комнату.

— Что это за отверстіе?

— На чердакъ,—прошепталъ Цанко. Ноги его дрожали и онъ прислонился спиной къ стѣнѣ.

Безусый замѣтилъ его испугъ.

— Посвѣти-ка получше, я взберусь,—сказалъ онъ. Но внезапно какая-то непріятная мысль мелькнула въ его головѣ и онъ позвалъ своего товарища.

— Хасанъ-ага, ты выше меня; писарь, подставь-ка спину.

Хасанъ-ага, сильно опьянѣвшій, взлѣзъ на спину писаря.

— Чорбаджій, дай-ка фонарь, не видно.

Цанко, бѣлый, какъ полотно, машинально протянулъ фонарь.

Одноокій просунулъ сначала фонарь, потомъ и голову свою въ отверстіе. По движеніямъ его тѣла видно было, что онъ повертывалъ голову во всѣ стороны чердака.

Потомъ онъ опустился, соскочилъ на землю и спросилъ:

— Чорбаджій, кого ты спряталъ здѣсь?

Цанко изумленно смотрѣлъ. Онъ не зналъ, что отвѣтить. Онъ испыталъ въ этотъ вечеръ столько мученій и страховъ, что ему казалось, что онъ грезитъ. Мысли его перепутались. На вторичный вопросъ онъ что-то испуганно пробормоталъ.

— Этотъ бунтовщикъ дастъ болѣе ясный отвѣтъ въ Клисурахъ. Тамъ есть добрая темница... А эту ночь онъ проведетъ тутъ...

И полицейскіе заперли его въ темной комнаткѣ. Цанко былъ такъ потрясенъ, что лишь черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ себя. Онъ схватилъ себя за голову, какъ бы опасаясь, что вотъ-вотъ разсудокъ ее оставитъ. Лишенный твердости духа, онъ чувствовалъ себя надломленнымъ отъ страданій. Онъ отчаянно заохалъ и застоналъ.

Въ дверь постучались и послышался голосъ Дѣйки.

— Что ты думаешь дѣлать теперь, Цанко?

— Не знаю, бай Дѣйко, научи меня!

— Ты знаешь, гдѣ у турокъ слабое мѣсто. Закрой глаза, и дай, только этимъ и вырвешься... Иначе, будутъ тебя таскать по полиціямъ и судамъ, пока не пропадешь. Бѣдный дѣдъ Стойчо, и онъ, еслибъ далъ немного, не сталъ бы жертвой. Давайко, Цанко, откупись деньгами отъ мукъ.

Пришла и хозяйка, вся въ слезахъ.

— Цанко, дадимъ, не жалко ничего. Цанко! Изъ рукъ этихъ злодѣевъ человѣкъ живымъ не выйдетъ... Дѣдо Стойку уже умеръ... Охъ, мать моя, до чего мы дожили!..

— Что же мы дадимъ, жено? Ты, вѣдь, знаешь, у насъ нѣтъ денегъ.

— Дадимъ вревъ *)

— Донкинъ вревъ изъ денегъ?

— Да, дадимъ его, только этимъ и откупимся... Видишь, они и о Донкѣ теперь спрашиваютъ, звѣри проклятые!

— Дѣлай, жена, какъ знаешь, а я ужъ потерялъ разсудокъ...—застоналъ Цанко.

Цанковица и Дѣйко ушли.

Черезъ короткое время блеснулъ свѣтъ и двери отворились.

— Цанко, выходи, простили тебя,—сказалъ Дѣйко; аги стали снова добрыми людьми. И ножъ тебѣ отдаютъ, чтобы ты не боялся болѣе. Дешево мы откупились.

Потомъ, наклонившись къ уху Цанко, прошепталъ ему:

— Не долго ужъ ждать, а тамъ или мы ихъ, или они насъ... Такъ жить нельзя...

*) Украшеніе, сдѣланное изъ монетъ, для невѣстъ. *Прим. перев.*

XXXII.

Око за око, зубъ за зубъ.

Въ это самое время Огняновъ стучалъ въ ворота Петра Овчара. Не будучи въ силахъ вынести зрѣлища всѣхъ этихъ злодѣйствъ, на которыя онъ смотрѣлъ черезъ щель въ потолкѣ; не будучи въ состояніи удержать руки отъ кроваваго отомщенія за всѣ эти звѣрства, какъ бы это отомщеніе ни было безразсудно и къ какимъ послѣдствіямъ оно ни привело бы, Огняновъ, какъ безумный, бѣжалъ по улицѣ прямо къ дому дѣда Стойки.

— Гдѣ Петра?—спросилъ онъ, забывъ, что онъ скрывается.

— Это ты, учитель? — спросила заплаканная мать.

— Гдѣ вашъ Петра, Стойковица?

— Сынко, только потише, чтобы не услыхали... Петръ у Боримечки.

— А гдѣ живетъ Боримечка, бабо?

— Около хаты дѣда попа, тамъ, знаешь, новыя ворота. Только берегись, сынко.

Бѣдная женщина не подозрѣвала, что дѣдъ Стойко уже отдалъ Богу душу. Огняновъ помчался. Онъ не чувствовалъ подъ собой ногъ. Когда онъ уже приближался къ дому попа, показалась какая-то шумная компа-

нія. Огняновъ узналъ голосъ Петра. Онъ остановилъ парней.

— Учитель!—узнали его всѣ.

— Это я, братья, куда идете?

— Мы были у Боримечки,—отвѣтилъ Петръ,—въ эту ночь онъ похитилъ себѣ невѣсту, такъ мы ходили къ нему вина выпить... Теперь, посмотрѣлъ-бы ты, какъ они сговорились! Точно родились другъ для друга... А ты когда пріѣхалъ?

— Петре, пойдемъ-ка, я скажу тебѣ пару словъ.

И они оба отошли въ сторону.

— Прощайте, доброй ночи,—сказалъ Петръ своимъ товарищамъ и быстро пошелъ съ Огняновымъ. Пришли домой.

— Вернулся отецъ?—спросилъ онъ свою мать.

— Еще его нѣтъ, сынко.

Огняновъ увелъ его въ сарай.

— Слушай, Петре, — сказалъ онъ,—твоего отца били сильно за тебя... Эти скоты могутъ еще большую бѣду натворить у Цанка. Мы не можемъ удержать ихъ отъ злодѣйствъ иначе, какъ оружіемъ. Я бы могъ самъ размозжить ихъ головы тамъ, но побоялся послѣдствій. Не должно намъ идти къ Цанко.

— Я хочу отомстить, братъ!

— И я жажду мести, Петре, и страшной, но безопасной для насъ.

— Какъ же это сдѣлать?—спросилъ Петро, снимая ружье со стѣны.

— Потерпи, обдумаемъ.

— Я не могу думать, я долженъ пойти посмотрѣть, что дѣлаютъ съ отцомъ!

Огняновъ, самъ сильно возбужденный, старался, однако, всѣми силами удержать этого буйнаго юношу отъ естественнаго, но гибельнаго поступка. Если-бы Петръ пошелъ къ Цанкову, началось-бы кровопролитіе. Огняновъ думалъ, что часъ рѣшительной борьбы еще не наступилъ. И жалко ему было этого горячаго парня, который могъ погибнуть и преждевременно, и безполезно.

Но напрасны были всѣ его усилія. Петръ ревѣлъ:

— Долженъ отомстить за моего отца, а тамъ пусть весь свѣтъ погибнетъ!

Онъ съ силой оттолкнулъ Огнянова, который его удерживалъ, и побѣжалъ къ воротамъ.

Огняновъ былъ въ отчаяніи, но видѣлъ свое безсиліе повліять на эту неукротимую кровь.

Но прежде чѣмъ Петръ добѣжалъ до воротъ, въ нихъ постучались. Онъ приготовилъ ружье и отворилъ. Трое болгаръ, сосѣдей Цанка, несли на коврѣ дѣда Стойка, вѣрнѣе—трупъ его.

— Приказалъ тебѣ долго жить, Петеръ,—сказалъ ему одинъ селянинъ.

Дворъ наполнился женскимъ визгомъ и плачемъ. Стойковица рвала на себѣ одежды и кидалась на закоченѣвшее тѣло своего хозяина. Огняновъ взялъ за руку убитаго горемъ Петра и снова увелъ его въ сарай. Со слезами на глазахъ старался онъ его успокоить, такъ какъ Петръ, послѣ минутнаго потрясенія при видѣ отца, теперь еще безумнѣе жаждалъ немедленной мести.

— Да мы отомстимъ, братко, отомстимъ,—говорилъ Огняновъ, обнимая его; нѣтъ болѣе святого долга, и для меня и для тебя, чѣмъ эта месть.

— Крови! Крови!—ревѣлъ обезумѣвшій отъ ярости Петръ. — Охъ, тате, сломили вороги твои старыя кости... Охъ, матушка! что ты станешь теперь дѣлать?

— Стой, брате, сдержи себя, сожми свое сердце, мы страшно накажемъ враговъ!..

Черезъ нѣкоторое время сила кризиса ослабѣла. Петръ согласился остаться дома послѣ того, какъ Огняновъ, Остенъ и Спиридонче дали клятву передъ образомъ, что они не оставятъ въ живыхъ обоихъ полицейскихъ.

— И нашелъ же время Боримечка

жениться... — сказалъ съ досадой Остенъ;—такъ-бы мы и его взяли. такая сила намъ бы пригодилась.

Планъ мести былъ таковъ: они устроятъ засаду на дорогѣ, которая идетъ въ Клисуры; мѣстомъ засады они избрали густо поросшій долъ, откуда вытекаетъ рѣчка Бѣлещица, впадающая по близости въ Стрѣшу. Тамъ должны были они поджидать обоихъ турокъ и броситься на нихъ съ ножами; послѣ чего трупы можно было спрятать въ густой кустарникъ... На всякій случай рѣшено было взять съ собой и ружья... Этотъ планъ былъ основанъ на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ дѣдомъ Дѣйко: турки должны были встать рано утромъ и отправиться въ Клисуры, куда они спѣшили; они отдали приказаніе разбудить себя послѣ вторыхъ пѣтуховъ.

Первые пѣтухи пропѣли и маленькій отрядъ оставилъ спящее еще село и очутился въ полѣ. Снѣгъ обильно валилъ большими хлопьями. Бѣлая пелена покрывала землю и дѣлала ночь свѣтлой. Путники, съ ружьями, спрятанными подъ бурками, молчаливо шагали по глубокому снѣгу. Снѣгъ валилъ непрестанно и заваливалъ дорогу сугробами; это замедляло путешествіе отряда, чего они не замѣчали. Всѣ были поглощены одной мыслью—о мщеніи. Отчаяніе и изступленіе Петра, ихъ товарища, обмороки его матери и домашнихъ, не выходили изъ ихъ головы, давили имъ сердце. Въ эту минуту они только одного боялись,—чтобы не вырвались какъ-нибудь турки изъ ихъ рукъ; всѣ остальные страхи и интересы остались въ сторонѣ... Долгое время они пробирались по снѣгу, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ. Вдругъ собачій лай раздался позади нихъ и нарушилъ тишину. Они изумленно обернулись.

— Откуда собака въ такое время?—спросилъ Бойчо.

— Чудно́, — сказалъ безпокойно Спиридонче.

Лай повторился еще громче и, на сколько можно было разобрать, видно было, что какая-то громадная черная фигура, совсѣмъ не похожая на собаку,—скакала и мчалась прямо на нихъ: казалось, будто мчится чудовище, громадный медвѣдь, ставшій на заднія лапы.

Бойчо и Спиридонче инстинктивно отступили въ сторону и, прислонившись къ стволу дерева, приготовились защищаться. Чудовище приблизилось.

— Боримечка!—воскликнули всѣ.

— Кто-жъ, какъ не Боримечка! Забыли вы его! Мать ему старая...

Дѣйствительно, это былъ Боримечка въ своей буркѣ. Услышавъ шумъ на улицѣ, онъ побѣжалъ въ хату Петра и тамъ узналъ про все. Не медля ни минуты, онъ вернулся домой, поручилъ жену своей матери, засунулъ топоръ за поясъ, взялъ ружье и побѣжалъ догонять товарищей, чтобы принять участіе въ мщеніи.

Присутствіе такого сильнаго помощника еще болѣе ободрило путниковъ.

— Теперь, впередъ!—сказалъ Огняновъ.

— Подождите и другого,—остановилъ ихъ Бориненко.

— Кого-жъ еще?—спросили они удивленно.

— Брата Петрова, Данаила, и онъ со мной пошелъ...

— Зачѣмъ ты его взялъ?

— Петръ послалъ его, чтобы онъ видѣлъ своими глазами, что будетъ.

— Какъ, онъ не вѣритъ? Вѣдь мы ему клялись...

— Сто клятвъ за одинъ грошъ... и я вамъ не вѣрю...

— Почему?

— Безъ Боримечки пошли? Мать ему старая!..

Эту фразу Боримечка повторялъ почти послѣ каждаго слова. Ею онъ старался сдѣлать свою рѣчь болѣе

*

ясной, и чувства—болѣе выразительными.

— Не сердись, Иване,—сказалъ Остенъ;—мы думали о тебѣ, но ты новобрачный...

— А! Вотъ и Данаилъ!..

Запыхавшійся парень, вооруженный лишь длиннымъ ножомъ за поясомъ, остановился передъ ними.

Отрядъ насчитывалъ пять сочленовъ.

Путешествіе возобновилось, опять безмолвное. Они подвигались по опушкѣ среднегорскаго лѣса, окаймляющаго подошву Богдана, съ котораго спадаетъ и Бѣлишица. Подошли, наконецъ, и къ этой рѣчкѣ. Мѣсто было, дѣйствительно, удобнымъ для нападенія. Съ правой стороны—Стрѣла, которую должны были перерѣзать турки; съ лѣвой—глубокій долъ, съ неровнымъ поросшимъ дномъ и горами по бокамъ. Въ этомъ долу отрядъ и остановился. Отсюда до Алтынова было болѣе часу пути, слѣдовательно, выстрѣлы, если къ нимъ пришлось бы прибѣгнуть, не были бы слышны въ селѣ. Когда они засѣли въ кусты, уже свѣтало. Снѣгъ падалъ еще гуще. Хорошенько спрятавшись, они терпѣливо ждали, вперивъ глаза на востокъ, откуда должны были показаться полицейскіе. Но первый звукъ, который до нихъ долетѣлъ, былъ волчій вой. Онъ раздался надъ ихъ головами, не особенно далеко. Вѣроятно, волки спускались съ горы въ долъ, чтобы поискать закуски.

— Идутъ къ намъ,—сказалъ Иванъ Остенъ.

— Не надо стрѣлять изъ ружей.

— Будемъ работать ножами и ружейными прикладами,—слышите?—сказалъ Огняновъ.

Товарищи прислушались. Частый шумъ въ горныхъ кустарникахъ показывалъ, что бѣжитъ цѣлая стая. Вой повторился. Дѣлалось все свѣтлѣй

— Проклятые волки, какъ бы они намъ не помѣшали,—простоналъ Огняновъ.

Въ этотъ мигъ нѣсколько волковъ выскочило на полянку передъ ними; волки остановились. Острыя ихъ морды поднялись въ воздухъ и завыли. Явились и другіе.

— Восемь! — прошепталъ Боримечка; — вамъ оставляю четырехъ; остальные мои.

Замѣтивъ добычу, голодные звѣри бросились на кустарникъ. Онъ теперь превратился въ крѣпость, на которую нападали волки, а защищали люди. Ножи работали усердно; ружья подымались и опускались. Вой прекратился: только зубы и ногти работали теперь. Нѣсколько звѣрей скоро упало; остальные бросились на своихъ упавшихъ товарищей и принялись пожирать ихъ еще живыми. Наконецъ, звѣри, противъ которыхъ Иванъ Боримечка дѣлалъ частыя вылазки, лаялъ, какъ собака и дѣйствовалъ топоромъ, принуждены были отступить.

Скоро волки были прогнаны за рѣчку; они усѣлись на противоположной сторонѣ и принялись зализывать раны.

Къ счастью, пока длился бой, никто не показывался на дорогѣ.

— Волки теперь не двинутся оттуда,—сказалъ Огняновъ.

— Пускай подождутъ, мы еще имъ зададимъ, чтобы помнили свадьбу Боримечки,—сказалъ Спиридонче.

— Мать ему старая!—проворчалъ самодовольно Боримечка.

Прошло еще нѣкоторое время.

Турки не показывались, а вторые пѣтухи пропѣли. Стало совсѣмъ свѣтло; деревья яснѣе обозначались въ полѣ и можно было уже различать предметы. Тоска начинали разбирать парней; морозъ давалъ себя чувствовать, а турокъ все нѣтъ. Имъ стало казаться, что они, быть можетъ, и не дождутся полицейскихъ, что тѣ отложили отъѣздъ свой на другое вре-

мя, въ виду обильнаго снѣга, засыпавшаго всѣ дороги, а, можетъ быть, и изъ опасенія какого-либо нападенія. Еще немного, и будетъ день, по дорогѣ начнется движеніе, и тогда ужъ ничего не будетъ возможно!... Эти мысли были въ головѣ у всѣхъ; страшное нетерпѣніе росло и дѣлалось невыносимымъ, мучительнымъ. Остенъ отчаянно застоналъ.

— Мы будемъ ждать, мы не тронемся отсюда, пока они не пройдутъ,— глухо сказалъ Огняновъ.

— А если покажутся другіе прохожіе?

— Они пойдутъ себѣ своей дорогой, намъ нужны только двое.

— Но тогда мы нападемъ открыто!

— Если не сможетъ тайно, тогда— явно.

— Мы выстрѣлимъ отсюда изъ ружей, а потомъ айда въ горы... Въ горахъ насъ никто не увидитъ,— сказалъ Остенъ.

— Только одного боюсь я, ребята,—сказалъ Бойчо.

— Что такое?

— Какъ бы они не пошли другой дорогой...

— Не безпокойся, — сказалъ Остенъ,—другой дороги нѣтъ.

Боримечка насторожился, онъ что-то замѣтилъ.

— Идутъ какіе-то,—сказалъ онъ и показалъ на востокъ.

Всѣ вперили глаза на востокъ. Сквозь деревья, между которыми извивалась дорога, можно было различить двухъ человѣкъ.

— Конные!—воскликнулъ скорбно Огняновъ.

— Не наши—сказалъ Спиридонъ.

— Наши пѣшіе, — замѣтилъ Остенъ.

Огняновъ былъ взволнованъ и сердитъ; онъ продолжалъ упорно смотрѣть на двухъ всадниковъ, которые ѣхали рядомъ по дорогѣ. Они приблизились шаговъ на сто.

— Это наши! — сказалъ онъ радостно.—Наши!

— Они, я узналъ ихъ по буркамъ и лицамъ... Одноокій ѣдетъ справа...

Всѣ, съ ружьми наготовѣ, смотрѣли на двухъ полицейскихъ, которые продолжали спокойно приближаться.

— Я узналъ коня Цанка,—сказалъ Спиридонче.

— А другой мой,—прибавилъ Огняновъ.

— Они взяли ихъ силой.

Но радость Огнянова вдругъ исчезла: онъ понялъ, что турки легко могутъ ускакать... Дѣйствовать открыто, съ одними ножами, было немыслимо: нужно было изъ засады, ружьями, а выстрѣлъ легко можетъ оказаться предательскимъ; да и кони могутъ ускакать и выдать...

— Что будетъ, то будетъ,—прошепталъ Огняновъ.

— Съ ружьями!

— Братцы, смотрите, чтобы начало было успѣшно...

— Когда доѣдутъ до дерева—грянемъ,—сказалъ Остенъ.

— Я беру одноокаго,—сказалъ Боримечка.

— Боримечка и Спиридонче—одноокаго; я и учитель—второго,—скомандовалъ Остенъ.

Всадники доѣхали до деревьевъ. Дула просунулись изъ кустарника и дружный залпъ разбудилъ окрестное эхо. Парни посмотрѣли черезъ дымъ. Одинъ полицейскій упалъ, другой свѣсился на сторону.

Лошади побѣжали, потомъ стали

— Кто убилъ моего отца, учитель?—спросилъ Данаилъ, первый выскакивая изъ засады.

— Одноокій, онъ упалъ.

Данаилъ бросился къ дорогѣ. Въ мигъ онъ очутился тамъ и принялся рубить и колоть ятаганомъ несчастнаго убійцу своего отца.

Неожиданно Огняновъ замѣтилъ среди безобразной груды золотыя мо-

неты. Онъ показалъ на нихъ Спиридонче.

— Возьми ихъ для какого-нибудь бѣдняка на Рождество.

— Проклятый, обобралъ какого-нибудь болгарина! Стой, да это Донкина кревь! Она самая!..—воскликнулъ Спиридонче, смущенный и испуганный... Онъ былъ женихъ Донки.

— Видно, она дала выкупъ за отца,—сказалъ Огняновъ.

— Но тутъ только одна половина, другая должна быть также у этой падали.

И Спиридонче съ отвращеніемъ сталъ рыться шомполомъ, но не находилъ другой половины; она оказалась у безусаго, съ которымъ одноокій братски раздѣлилъ добычу, какъ и наказаніе.

Въ то же время Боримечка доканчивалъ топоромъ второго турка. Оба трупа оттащили наскоро въ кустарникъ.

Конь Цанка за это время успѣлъ домчаться обратно до села. Второй конь, почуявъ близость волковъ, переплылъ черезъ Стрему и, поднявъ хвостъ, полетѣлъ по полю...

— Око за око, зубъ за зубъ!—повторялъ безсознательно Огняновъ.

Когда парни удалились, волки приблизились. Природа и звѣри соединились, чтобы уничтожить слѣды праведной мести.

А снѣгъ все валилъ.

Было уже совсѣмъ свѣтло. Въ окрестностяхъ никого не было видно. Никто не показывался ни на дорогѣ, ни въ полѣ, застланномъ бѣлымъ покрываломъ. Ранній часъ и обильный снѣгъ удерживали еще всѣхъ путниковъ на мѣстахъ ихъ ночлега. И такимъ образомъ не было свидѣтелей расправы съ турками. Но отрядъ не хотѣлъ быть замѣченнымъ и при возвращеніи въ село. По дорогѣ имѣлись мельницы. Устроили совѣщаніе. Рѣшили взобраться по сѣверному склону Балкана, густо поросшему лѣсомъ и кустарникомъ и спуститься по другой сторонѣ въ село. Этотъ путь былъ очень неудобенъ, но за то безлюденъ. Данаила отправили прямо въ село.

XXXIII.

Вьюга въ горахъ.

Глубокій снѣгъ покрывалъ горные склоны, по которымъ взбирались парни. Боримечка, хорошо знакомый съ мѣстностью, шелъ впереди съ ружьемъ на плечѣ. Подъемъ по тропинкамъ, заваленнымъ сугробами снѣга, былъ крайне труденъ; черезъ полчаса пути потъ градомъ катился по ихъ лицамъ, какъ будто эти испытанные молодцы уже долгіе часы взбирались на утесы. Достигли до одной вершины. Снѣгъ прекратился; солнце блеснуло сквозь тучи и облило своими бѣлыми лучами горы и долины. Снѣжная пелена стала еще болѣе ослѣпительно-бѣлой. Она сверкала на солнцѣ миріадами трепещущихъ искорокъ, какъ будто она была посыпана алмазнымъ пескомъ. Въ долинѣ, уже очнувшейся ото сна, дымились села, копошились, подобно муравьямъ, селяне, которые первые прорѣзывали пути по засыпаннымъ лѣсамъ и полямъ. Село Алтыново ясно очерчивалось у самой опушки лѣса; тамъ замѣтно было движеніе: парни замѣтили какую-то черную кучу—вѣроятно, людей, которая шевелилась и подвигалась къ краю села, туда, гдѣ находилось кладбище—повидимому, хоронили дѣда Стойку; слышны были даже удары о желѣзную доску *)... Но лѣсъ и горныя

*) Въ небольшихъ деревняхъ Болгаріи, вмѣсто церковныхъ колоколовъ, употребляются металлическія доски.
Прим. перев.

вершины были пустынны и царственно спали подъ дѣвственной своей плащаницей.

Путники то взбирались выше, то останавливались и безмолвно любовались очаровательной зимней картиной. Горе Петра и недавній актъ мести еще тяготѣли надъ ними. Рѣдкіе отрывочные разговоры касались только дороги, которая пролегала по скаламъ и обрывамъ. По временамъ тотъ или другой изъ нихъ проваливался въ снѣгъ и его вытягивали съ великими усиліями. Геркулесовская сила Боримечки оказывала въ этихъ случаяхъ не мало услугъ. Однако, хотя они дѣлали частые привалы, силы уменьшались; сначала голодъ началъ ихъ мучить, потомъ къ нему присоединился холодный сѣверный вѣтеръ; онъ жегъ ихъ лица и леденилъ носы, уши, руки. А кустарникъ становился все упорнѣе и негостепріимнѣе. Добрались они до одного мѣста и остановились: ни малѣйшаго слѣда пути не было видно. Передъ ними стоялъ лишь густой непроходимый лѣсъ, усѣянный снѣжными завалами,—а вѣтеръ все усиливался.

Путники переглянулись въ смущеніи.

— Не повернуть ли обратно, въ долину, и оттуда пойти домой по сельской дорогѣ?—сказалъ Спиридонче.

— Нѣтъ!—возразилъ Остенъ;— другую дорогу разыщемъ, а той не пойдемъ. — Остальные были того же мнѣнія.

Послѣ короткаго совѣщанія рѣшили повернуть немного назадъ, а потомъ ударить вправо и пробиться черезъ лѣсъ, гдѣ это будетъ удобно, выбраться на поляну, находящуюся на вершинѣ, и спуститься съ другой стороны.

— Тамъ есть избушка Дикова, мы въ ней согрѣемся и перекусимъ, сказалъ Остенъ.

— И я согласенъ съ Остеномъ,— проговорилъ Огняновъ, — повернувшись спиной къ вѣтру; — доберемся до землянки и подкрѣпимся, а, сверхъ того, узнаемъ, что дѣлается въ Алтыновомъ. Спуститься слѣпыми не слѣдуетъ.

Огняновъ могъ прибавить еще и третью причину: боль въ ногѣ, появившуюся вслѣдствіе ходьбы и холода.

— Правда, сказалъ Спиридонче, конь Цанко вернулся въ село и могла подняться тревога.

— Что до того, не безпокойтесь, сказалъ Остенъ; — до этого волки успѣли съѣсть полицейскихъ до послѣдней косточки... Если турки наткнутся на нихъ, они найдутъ одну лишь одежду. А снѣгъ засыпалъ всѣ кровавыя пятна на дорогѣ.

Вышли на какую-то лужайку. Они снова стали совѣщаться о направленіи.

Иванъ Боримечка внимательно посмотрѣлъ на небо. Товарищи ожидали его мнѣнія.

— Айда скорѣе къ землянкѣ, Риборица меня не грѣетъ. Мать ея старая...—сказалъ онъ серьезно.

Тогда путники повернули на сѣверо-востокъ и начали взбираться на гору. Вѣтеръ рвалъ отчаянно, подымая на нихъ одежду, забираясь за воротникъ, подъ панталоны, охватывая ихъ голое тѣло подъ одеждой. Съ каждымъ шагомъ вѣтеръ крѣпчалъ и дѣлался свирѣпѣе... Огняновъ мало-по-малу отставалъ. Онъ чувствовалъ, что силы его оставляютъ; въ ушахъ его звенѣло, голова его кружилась; наступало полное изнуреніе: но онъ не хотѣлъ крикнуть, чтобы его подождали, да и его бы не услыхали изъ за вѣтра...

Горныя ущелья гудѣли; ледяное дыханье вьюги замораживало кровь въ жилахъ; члены коченѣли. Воздухъ охватывалъ путниковъ, какъ разыгравшееся ледяное море; солнечные лучи не грѣли, а скорѣе кололи какъ бы иголками тѣло. Скоро они совсѣмъ

исчезли, и буря заиграла снѣжными лохматыми тучами. Черезъ мигъ ураганъ забушевалъ какъ адъ, вѣтеръ примчалъ горы снѣга и, закруживъ ихъ вихремъ, поднялъ столбами къ небу. Исчезли солнце и свѣтъ, небо и земля перемѣшались и соединились въ одинъ снѣжный хаосъ, вертящійся съ головокружительной быстротой. И ураганъ бушевалъ, стоналъ, пищалъ, точно весь міръ проваливался.

Ураганъ длился минуты двѣ. Балканская буря помчалась на другія вершины и скрыла ихъ во мракѣ. Солнце снова свѣтило своимъ блѣднымъ ледянымъ свѣтомъ на безцвѣтномъ небѣ.

Путники, спрятавшіеся подъ скалу, которая хоть сколько-нибудь укрывала ихъ отъ перваго порыва урагана, остались, по какому-то чуду, незасыпанными снѣговой тучей. Когда ураганъ умчался, они стали медленно подыматься со снѣга, одинъ за другимъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна, похожаго на смерть. Они окоченѣли, ихъ руки и ноги съ трудомъ сгибались. Холодъ ихъ сдѣлалъ сонными, вялыми. Именно теперь опасность была велика. Первымъ очнулся Иванъ Боримечка. Онъ закричалъ:

— Вставайте, хлопцы, бѣгите впередъ, а то замерзнемъ!

Они встряхнулись, взяли ружья подъ мышки и зашагали. Но вдругъ Боримечка ихъ остановилъ:

— А гдѣ учитель?

Они испуганно оглянулись. Огнянова не было.

— Буря его отнесла!

— Снѣгомъ его засыпало!

Принялись искать. Пропасть, которая была у ногъ ихъ, приводила ихъ въ ужасъ. Они не дерзали заглянуть въ нее...

— Вотъ онъ!—крикнулъ Остенъ.

На самомъ краю провала изъ подъ снѣга торчали двѣ ноги, обутыя въ башмаки. Разрыли снѣгъ, вытащили Огнянова Онъ былъ безжизненъ, лицо его посинѣло, тѣло одеревенѣло.

— Мать ему старая!—проворчалъ сострадательно Боримечка.

— Трите его, братцы,—крикнулъ Остенъ, и принялся самъ растирать ему снѣгомъ лицо, руки, грудь...— Онъ еще теплый, дастъ Богъ, спасемъ!

Всѣ позабыли о себѣ и принялись спасать погибающаго товарища. Сильное растираніе скоро привело его въ себя; оно подѣйствовало и на остальныхъ благодѣтельно: кровь ихъ разогрѣлась.

— Скорѣй въ землянку!—воскликнулъ Остенъ. Они взяли его за руки и за ноги и понесли его по снѣжнымъ заваламъ. Въ этой работѣ болѣе всего дѣйствовали сильныя мышцы Боримечки. Послѣ невообразимыхъ усилій имъ удалось добраться до землянки.

XXXIV.

Въ хижинѣ.

Хижина Дика стояла на ровной полянѣ, въ углубленіи; высокія деревья лѣса защищали ее отъ вѣтровъ. Въ широкой оградѣ были нагромождены копны сѣна и листьевъ— зимняя пища для овецъ и козъ, которыя помѣщались подъ широкой низкой крышей въ сѣверной части двора.

Хижина весело дымилась. Овчарка бросилась съ лаемъ на путниковъ, но тотчасъ же успокоилась, узнавъ Ивана Остена. Огнянова внесли въ теплую избу и снова принялись энергически растирать.

Пастушокъ, который тамъ жилъ, также помогалъ растирать Огнянова;

онъ снялъ его башмаки и растиралъ ноги снѣгомъ. Когда, наконецъ, Огняновъ и его товарищи увидѣли себя внѣ опасности, они всѣ воздали глубокую благодарность Провидѣнію. Пастушокъ подложилъ еще дровъ въ огонь.

Парни усѣлись вокругъ огня, опасаясь, однако, согрѣвать свои руки и ноги. Собака, вѣрная своему инстинкту, присѣла у входа въ хижину.

— Обрѣйчо, гдѣ твой дядя Калча?—спросилъ Остенъ.

Калчо былъ братъ Дика и также жилъ въ хижинѣ.

— Спустился вчера вечеромъ въ село, теперь его жду.

— Дай-ка, голубчикъ, что есть въ мѣшкѣ, перекусить.

Пастушокъ вытащилъ всѣ запасы: нѣсколько черствыхъ караваевъ ржаного хлѣба, зеленаго перцу и соли.

— Нѣтъ ли водочки, Обрѣйка?

— Чортъ побери, а водочка нужна бы для учителя,—сказалъ Остенъ, глядя на Огнянова, который разминалъ руки и корчился отъ боли.

— Ничего, учитель, отойдетъ... Видѣлъ, какая шалунья наша Средняя-Гора?

— Слава Богу еще, что вамъ ничего не сдѣлалось.

— Ха, она не трогаетъ своихъ старыхъ пріятелей.

— Но, видите,—замѣтилъ Остенъ,—намъ ее послала Старая-Гора, эту бурю... Боримечка не солгалъ...

— Боримечка не ѣстъ соломы!..—подтвердилъ громогласно самъ Боримечка. Собака залаяла. Его громоподобный голосъ раздражалъ ее.

Огняновъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Ивана. Онъ невольно проводилъ параллель между нимъ и его прозвищемъ *): оно подходило къ нему. Нельзя было придумать лучшаго прозвища для этого большеголоваго, грубаго, полудикаго великана, которому болѣе соотвѣтствовало быть вскормленнымъ молокомъ медвѣдицы, чѣмъ женщины. Онъ смотрѣлъ на этотъ необыкновенно высокій ростъ, на это костлявое, худое; на сильное тѣло, на эту угловатую, длинную косматую голову съ узкимъ лбомъ и маленькими дикими глазами, съ громаднымъ носомъ и широкими, какъ у дикарей, ноздрями и съ огромнымъ ртомъ—который могъ свободно проглотить живого зайца (Боримечка ѣлъ и сырое мясо); и на эти длинныя, волосатыя, жилистыя руки, которыя, казалось, могли бы растерзать льва. Онъ былъ сложенъ болѣе для борьбы съ дикими звѣрями, къ которымъ его приближала природа, а не для того, чтобы пасти козъ—слишкомъ идиллическое для него занятіе. Какъ бы въ контрастъ всему его тѣлу, лицо его выражало незлобивость, какое-то тупое, овечье простодушіе, дѣлавшее его смѣшнымъ. Никто не могъ бы предположить, что эта дикая, грубая, неразвитая, повидимому, натура способна къ привязанности и къ человѣческимъ нѣжнымъ чувствамъ. А это было такъ. Самое его присоединеніе къ отряду, въ такой торжественный для него день, свидѣтельствуетъ о его добромъ и доблестномъ сердцѣ. Этотъ парень способенъ на самопожертвованіе, думалъ Огняновъ, глядя на него, и сталъ находить его лицо болѣе симпатичнымъ и даже умнымъ.

— Бай Иване, кто окрестилъ тебя такимъ страшнымъ именемъ?

— Какъ, ты не знаешь, учитель?—отозвался Остенъ;—онъ боролся съ медвѣдицей...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Онъ страшный охотникъ... и убилъ ее!

— Боримечка, разскажи самъ, какъ вы скатились съ медвѣдицей со скалы,—сказалъ Остенъ.

— Какъ, ты боролся съ медвѣдицей?—спросилъ удивленно Огняновъ.

*) Боримечка—т. е. боровшійся съ медвѣдемъ.

Боримечка, вмѣсто отвѣта, обнажилъ свою шею. Тогда Бойчо увидѣлъ тамъ слѣды глубокой, уже зажившей раны; потомъ онъ закачалъ свою косматую руку и у локтя показалъ другую, тоже зажившую рану, какъ бы причиненную желѣзнымъ крюкомъ. Огняновъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эти знаки.

— Разскажи, Боримечка, про свою встрѣчу съ медвѣдицей... Вѣдь ты знаменитый охотникъ!—сказалъ онъ.

Боримечка посмотрѣлъ торжественно; его тупой взглядъ горѣлъ гордымъ воспоминаніемъ и онъ приступилъ къ разсказу.

— Мать ей старая!—началъ онъ своей любимой фразой. Но собака залаяла внезапно и выскочила изъ хижины.

— Почему лаетъ Мурджо? Боримечка только начинаетъ,—пошутилъ Остенъ.

— Дядя Калчо!—воскликнулъ пастушокъ.

Калчо показался съ палкой и мѣшкомъ черезъ плечо.

— Э, да у меня гости! Добро пожаловать!—сказалъ онъ дружелюбно и сбросилъ съ себя ношу.

— Очистите мѣсто, пусть отогрѣется бай Калчо.

— Эхъ, и холодъ же, всѣ волки околѣютъ! Гдѣ васъ захватила буря?

— Тутъ, недалеко,—отвѣтилъ Спиридонче.

— А къ чему ходили вы на охоту въ такое время? Первый разъ вы въ балканахъ, что не знаете, когда начинаются мятели?

— Завлекла насъ, бай Калчо, хорошая добыча... Принесъ ли водочку?—спросилъ Остенъ.

— Водочки? Принесъ. Да я вамъ еще лучшее принесъ.

Бутылка съ водкой обошла компанію.

— Что же у тебя теперь есть лучшее, чѣмъ водочка?

— Новость. — Всѣ насторожили уши.

— Двое клисурскихъ полицейскихъ съѣдены волками сегодня утромъ.

— Ну, что ты говоришь?—воскликнулъ лукаво Боримечка. Собака снова залаяла.

— Съѣли такъ, что волосъ не осталось. Турки проходили мимо, такъ нашли,—не ихъ, а только кости и одежду, у Сардановаго холма. Хаджи-Юмеръ-ага говоритъ, что полицейскіе водили коней за узду, когда на нихъ напали волки; они бросились бѣжать въ одну сторону, кони—въ другую. Одинъ конь пропалъ. Волки почуяли, что мясо полицейскихъ слаще и сожрали ихъ. И на здоровье имъ, ребята, пусть такъ покончатъ всѣ эти прокаженные. Собакамъ—собачья и смерть.

И Калчо поднялъ бутылку. Только тогда онъ замѣтилъ Огнянова, котораго не зналъ.

— А этотъ товарищъ откуда будетъ?—спросилъ онъ, протягивая ему бутылку.

— Отъ Кара-Сарылія, мы встрѣтились въ горахъ... И онъ гнался за той же добычей,—отвѣтилъ Спиридонче.

— Удалый парень онъ, за здоровье учителя!—загремѣлъ Боримечка. Собака снова зарычала.

Калчо обернулся со смѣхомъ къ Боримечкѣ:

— Стой, медвѣдь, что это ты надѣлалъ?

— Ничего никому, Калчо!

— Вотъ такъ, похитилъ парень дѣвку, да и сгинули оба... Будьте вы счастливы! Гдѣ же твоя добыча для свадьбы?

— Оставилъ ее въ долинѣ, бай Калчо,—заоралъ Боримечка.

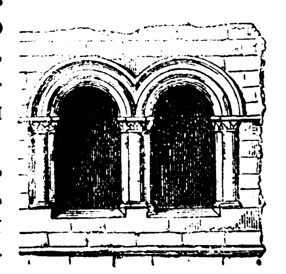
На этотъ разъ Мурджо серьезно разсердилась.

— Бай Иване, разскажи же какъ ты боролся съ медвѣдицей.

ныя бойницами, грозно и гордо возвышались, отдѣленныя другъ отъ друга *куртинами*. Надъ стѣнными зубцами поднимался второй рядъ *бойницъ*, каменныхъ выступовъ, служившихъ воинамъ для бросанія внизъ горящей смолы на непріятелей, если бы они появились во рву. Подъемные мосты, опускныя рѣшетки и всевозможныя преграды дѣлали эти замки до извѣстной степени неприступными убѣжищами. Это были неуклюжія, массивныя зданія, такъ какъ они строились изъ громадныхъ глыбъ; но общій видъ ихъ былъ величественъ.

Простая архитектура крѣпостей X вѣка развилась въ особенности въ XI столѣтіи. Въ XII вѣкѣ придумали зубчатыя стѣны и стали окружать города укрѣпленіями, походившими на замки. Помѣщенія, предназначавшіяся для сеньёра, стали дѣлать болѣе просторными. Въ XIII вѣкѣ стрѣльчатый стиль измѣнилъ крѣпостную архитектуру, такъ же, какъ онъ преобразилъ архитектуру церковную, и съ этого времени уже появились зубчатыя стѣны, своды, окна и двери въ готическомъ стилѣ. Наконецъ, въ XIV вѣкѣ планъ замковъ становится болѣе правильнымъ, жилища сеньёровъ увеличиваются, а въ XV вѣкѣ искусство обороны, вынужденное сообразоваться съ дѣйствіемъ огнестрѣльныхъ орудій, создало великолѣпный образецъ, представляемый замкомъ Пьерфонъ.

Меровингскія и Каролингскія церкви мало отличаются отъ древнихъ базиликъ: это были подражанія римской архитектурѣ. Вліяніе восточнаго зодчества въ XI вѣкѣ замѣтно измѣнило латинскій стиль и создало стиль *романо-византійскій*, названный такъ потому, что онъ соединялъ нѣкоторыя начала византійской школы съ началами школы латинской. Но, помимо этого отличія, вообще, именемъ *романскаго стиля* обозначаютъ стиль, получившій преобладаніе, начиная съ XI в., когда Франція, по выраженію Рауля Глабера, «покрывалась бѣлою одеждою церквей» и когда начинало возрождаться искусство. Именно въ то время стали образовываться первыя ассоціаціи строителей, которые позднѣе обозначались именемъ корпораціи *вольныхъ каменьщиковъ* (francs-maçons).

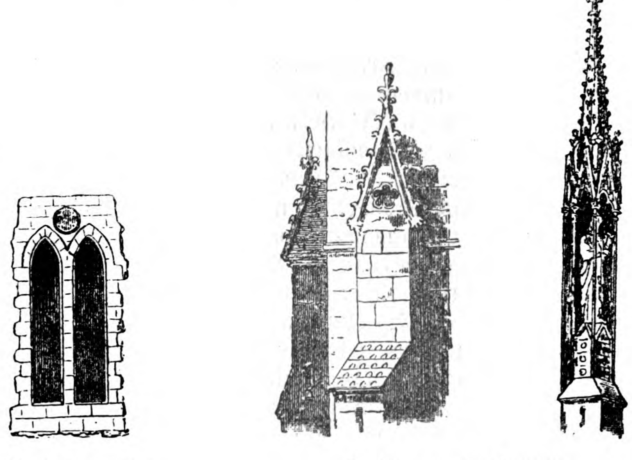

Романскія окна.

Характерной чертой церквей XI и XII вѣковъ служилъ *полукругъ* или римскій сводъ. Всѣ окна, всѣ углубленія получаютъ закругленную, нѣсколько тяжеловатую, но правильную форму. Своды порталовъ начинаютъ украшать множествомъ статуй. Верхушки стѣнъ, заканчивающія собою романскіе фасады, служатъ продолженіемъ крыши, наклонъ которой не образуетъ очень остраго угла: онѣ украшены мало выступающимъ орнаментомъ, расположеннымъ въ формѣ ромбовъ и круговъ, какъ это видно на церкви *Богоматери въ Пуатье*. Колокольни, сперва едва замѣтныя, возвышаются побѣдоносно, какъ въ церкви *св. Стефана въ Канѣ*, или увеличиваются числомъ; ихъ можно видѣть надъ входомъ и надъ самымъ зданіемъ. Эти колокольни, чаще всего, представляли

четвероугольныя башни, прорѣзанныя полукруглыми арками въ одинъ, два или три яруса, которые сверху оканчивались пирамидальной крышей. Среди романскихъ церквей, еще существующихъ въ Европѣ, слѣдуетъ указать на церкви Богоматери въ Пуатье, св. Павла Исаврійскаго въ Овернѣ, церковь аббатства Везелэ, св. Бенедикта на Луарѣ, соборъ въ Шалонѣ на Марнѣ и св. Сернина въ Тулузѣ.

Вскорѣ, особенно въ Иль-де-Франсѣ, эти романскія постройки стали болѣе легкими. Полукругъ разбился: онъ раздѣлился на двѣ части, образуя уголъ, и далъ начало *стрѣльчатому своду*. Въ началѣ оба эти стиля соединялись вмѣстѣ, какъ, напр., въ соборахъ въ Нойонѣ и Санлисѣ, въ церкви св. Ремигія въ Реймсѣ, св. Діонисія (С. Дени); св. Стефана въ Бове, св. Мартина въ Лаонѣ,

Стрѣльчатое окно. Стрѣльчатыя башни.

св. Петра въ Суасонѣ и въ разрушенной церкви аббатства Уркампъ (въ департ. Уазы).

Примѣнявшійся почти исключительно въ средней и сѣверной Франціи, стрѣльчатый стиль естественно сталъ французскимъ. Острая арка, такимъ образомъ, замѣнила правильную аркаду, удержавшуюся лишь въ небольшихъ аркахъ. Сводъ поднялся, и эта смѣлость подъема повлекла за собою большее количество контрфорсовъ, поддерживавшихъ зданіе снаружи. Церковь тогда представляла громадный корабль, поддерживаемый снаружи какъ бы лѣсами изъ камня, но внутри была просторной и воздушной. Религіозная мысль находила въ этомъ свое выраженіе: она устремляла въ высь каменныя колонны и своды такъ же, какъ возносила къ небу молитвы. Впрочемъ, повидимому, архитекторамъ того времени служили моделью германскіе лѣса. Прямыя колонны достигаютъ высоты самыхъ большихъ деревьевъ, а ребра сводовъ сплетаются, какъ вѣтви.

Шатобріанъ говоритъ: «Лѣса дали людямъ первую идею строительнаго искусства, которое, вслѣдствіе того, измѣнялось сообразно

климатамъ. Греки создали изящную коринѳскую колонну по образцу пальмы; громадные столбы стараго египетскаго стиля представляютъ сикомору, банановое дерево и многія другія исполинскія деревья Африки и Азіи. Лѣса Галліи также вошли въ храмы нашихъ предковъ. Эти своды, вырѣзанные въ видѣ листвы, эти наклонныя

Внутренняя часть собора въ Амьенѣ.

подпорки, круто обрывающіяся, какъ сломанные стволы, прохлада сводовъ, темные придѣлы, потайные проходы, низкія двери,—все воспроизводитъ въ готической церкви лѣсную чащу. Двѣ горделивыя башни, стоящія у входа въ зданіе, поднимаясь выше вязовъ и тисовъ кладбища, живописно вырѣзываются на небесной ла-

зури. То головы этихъ близнецовъ озаряетъ рождающійся день, то онѣ точно увѣнчаны капителью изъ облаковъ или увеличены въ туманномъ воздухѣ. Даже птицы какъ будто ошибаются и принимаютъ ихъ за деревья своихъ лѣсовъ. Но вдругъ смутный гулъ вырывается изъ вершины этихъ башенъ и прогоняетъ испуганныхъ птицъ. Зодчій, не довольствуясь возсозданіемъ лѣса, захотѣлъ подражать его звукамъ, и посредствомъ органа и висящей мѣди связалъ съ готическимъ храмомъ даже шумъ вѣтра и грома, разносящійся въ глубинѣ лѣсовъ».

Массивный снаружи, господствуя надъ тѣснымъ городомъ, который имъ гордился, соборъ могъ вмѣщать все мѣстное населеніе, умиленное таинственнымъ полумракомъ, распространяемымъ узорчатыми стеклами, очарованное безчисленными изваяніями, нарушающими однообразіе и изображающими наглядно всю священную исторію. Соборъ обширенъ и мраченъ; его величавость какъ будто напоминаетъ о ничтожествѣ человѣка, который, впрочемъ, былъ его творцомъ. Снаружи, его величественныя башни или изящныя колокольни, его откосныя подпорки кажутся скелетомъ гиганскаго животнаго; тысячи статуй, украшающія входъ и увѣнчивающія выступы, отверстія водосточныхъ трубъ съ причудливыми головами, представляютъ внушительное цѣлое, поражающее воображеніе и господствующее надъ всею окрестностью. Соборъ служитъ общимъ убѣжищемъ гораздо болѣе, чѣмъ древній храмъ. Толпа притекаетъ туда и чувствуетъ себя тамъ совершенно свободно. Пріютъ во времена бѣдствій, зрѣлище въ дни праздниковъ, храмъ, гдѣ общественныя неравенства сглаживаются одинаковой молитвой и покаяніемъ,—соборъ для народа, живущаго у его подножія, кажется настоящимъ роднымъ домомъ, гдѣ онъ можетъ забыть о страданіяхъ грубой жизни среднихъ вѣковъ.

Соборъ Парижской Богоматери, великолѣпный соборъ въ Амьенѣ, внутренность котораго—настоящій шедевръ, соборъ въ Шартрѣ, въ Бовэ, гдѣ закончены одни хоры, соборъ въ Реймсѣ, величественный порталъ котораго, соединенный съ хорами собора въ Бовэ, внутренней частью Амьенскаго и колокольней Шартрскаго соборовъ, составилъ бы идеальный памятникъ, соборъ въ Сансѣ—одна изъ самыхъ чистыхъ моделей искусства XIII вѣка, церкви въ Буржѣ, въ Турѣ и т. д., Св. Капелла въ Парижѣ, великолѣпная каменная рака, воздвигнутая Людовикомъ Святымъ для охраны ковчежца, въ которомъ заключенъ терновый вѣнецъ, не говоря о множествѣ другихъ церквей, еще и теперь составляющихъ гордость французскихъ городовъ, а иногда и деревень, указываютъ, до какой степени совершенства достигало христіанское искусство. Хотя мы не можемъ составить понятія о числѣ храмовъ въ Греціи и Римѣ, оно едва ли можетъ сравниться со всѣми каменными драгоцѣнностями, которыя воздвигались повсюду во Франціи, въ Англіи и въ Германіи [1]). Это былъ какъ бы удивительный раз-

---

[1]) Послѣ XIII вѣка стрѣльчатый стиль проникъ въ Страсбургъ и въ *Кёльнъ*. Въ этихъ городахъ образовались школы стиля, созданнаго французами. Франція, въ свою очередь, видитъ у себя иностранныхъ художниковъ. Французскій стиль выдается за германскій въ Италіи гдѣ его называютъ

цвѣтъ соборовъ и церквей, изъ которыхъ многіе были впослѣдствіи разрушены, но, тѣмъ не менѣе, для насъ сохранилось не мало прекрасныхъ образцовъ, чтобы имѣть понятіе о высокой религіозной идеѣ, заставлявшей выростать изъ земли столько чудесъ, а также о геніи зодчихъ, этихъ каменьщиковъ, имена которыхъ часто намъ неизвѣстны, такъ какъ, работая, они заботились не о собственной славѣ, а о славѣ Божіей.

Такое безкорыстіе, впрочемъ, продолжалось не долго. Города вскорѣ начинаютъ соперничать въ постройкѣ церквей не красотою архитектуры, но обиліемъ украшеній. Арка раздѣляется еще болѣе. Стрѣла превратилась въ цвѣтокъ. Грація и напыщенность получаютъ преобладаніе надъ величавостью. Въ порталахъ распускаются розетки съ нѣжными и изящными развѣтвленіями, умноженными, какъ лепестки розы. Капители колоннъ украшаются разнообразной листвой; камень обрабатывается, какъ кружево, и художники стараются ослѣпить *пламенѣющимъ стилемъ*, который отмѣтилъ собою въ XIV и XV вѣкахъ упадокъ стиля стрѣльчатаго. Какъ всегда, желая сдѣлать лучше, человѣкъ испортилъ и исказилъ вкусъ, который управлялъ созданіемъ великолѣпныхъ церквей XIII вѣка, простыхъ и величавыхъ, подавляющихъ своею строгою величественностью и поэтическихъ уже своею массою и высотою.

Прибавимъ, впрочемъ, что стрѣльчатый или готическій стиль не переступалъ границъ Луары; югъ Франціи остался вѣренъ романской архитектурѣ.

Эти стрѣльчатыя церкви были въ то же время какъ бы поэмами изъ камня. Для просвѣщенія народа, увеличивали число статуй и барельефовъ, изображавшихъ историческія или библейскія сцены. Сколько барельефовъ и изображеній на стеклѣ, столько же было поученій и проповѣдей. Соборъ въ Шартрѣ остался главнымъ образцомъ искусства говорить и поучать при помощи скульптуры. Три или четыре тысячи фигуръ воспроизводятъ на различныхъ порталахъ, въ постепенномъ и хронологическомъ порядкѣ, историческіе факты, которые заключались во *Всемірномъ Зеркалѣ* Винсента де-Бовэ: сотвореніе міра, законъ труда, работы въ деревнѣ и въ городѣ, свободныя искусства, добродѣтели, которыми долженъ обладать человѣкъ, затѣмъ всеобщая исторія. «Эти изваянія—въ полномъ смыслѣ слова, изображеніе и отраженіе міра» [1]). Прибавимъ, что, на ряду съ серьезными темами, ху-

---

сперва *древне-германскимъ*, а затѣмъ, въ силу крайняго противорѣчія, для обозначенія его беретъ верхъ нелѣпое названіе *готическаго*. Слѣдуетъ припомнить, что варвары были особенно извѣстны въ Италіи въ лицѣ готовъ. Слово *готическій* становится синонимомъ *варварскаго*. Въ своемъ презрѣніи къ этому роду архитектуры, совершенно не соотвѣтствовавшему греческимъ стилямъ, и бывшему имъ въ высшей степени не симпатичнымъ, итальянцы XV вѣка назвали его *готическимъ*, и это названіе настолько вошло въ употребленіе во Франціи, что слово *готическій*, вслѣдствіе итальянскаго вліянія, пріобрѣло тождественный оттѣнокъ (готическое письмо, готическая эпоха и т. д.). Отсюда одинъ шагъ, чтобы признать готовъ творцами этого стиля. Вазари сдѣлалъ его, и эта историческая нелѣпость удержалась въ языкѣ.

[1]) Didron, *Iconographie chrétienne*.

дожники, находясь въ веселомъ настроеніи, присоединяли къ строгому шутливое. Рядомъ съ покойными и безмятежными лицами святыхъ мы видимъ смѣшныя фигуры животныхъ и обезьянъ. Эта рѣзкая противоположность нравилась въ средніе вѣка.

Музыка, такъ же, какъ архитектура и скульптура, имѣла, главнымъ образомъ, духовный характеръ. *Нотація* изображалась знаками, помѣщавшимися надъ словами и называвшимися *невмами* [1]). Повышеніе или пониженіе тона обозначалось возвышеніемъ или пониженіемъ знака. Не смотря на все свое несовершенство, эта система предпочиталась изображенію *буквами*, но ошибки переписчиковъ были безконечны.

Гвидо д'Ареццо, монахъ изъ Помпозы, труды котораго появились около половины XI вѣка, придумалъ помѣстить невмы въ системѣ *линій* и, пользуясь промежутками или *интервалами* между ними, опредѣлить мѣсто, какое должна занимать каждая невма. Кромѣ того, Гвидо провелъ *двѣ линіи* различныхъ цвѣтовъ, *красную* и *желтую* или *зеленую*, поперемѣнно съ другими. Первая изъ этихъ цвѣтныхъ линій обыкновенно обозначала, что нота, поставленная на ней, была нотою *la*, а желтая или зеленая линія была предоставлена *ut*. Первоначально, *буква* каждой линіи указывала названіе каждой ноты [2]).

Старинная привычка, впрочемъ, держалась еще долгое время, и, только начиная съ XIII в., музыкальныя сочиненія и церковная литургія изображаются *четвероугольными нотами* на *четырехъ* или *пяти линейкахъ*. Нужны были вѣка, чтобы музыка заняла видное мѣсто въ ряду искусствъ. Тогда она считалась еще искусствомъ второстепеннымъ.

Всѣ эти, весьма бѣглыя указанія, позволяютъ намъ составить понятіе о цивилизаціи XIII вѣка. Феодализмъ, подъ блестящей внѣшностью, скрываетъ свои слабости, пороки и причины будущаго упадка. Королевская власть поднимается, и принципъ этой власти возвышается надъ привилегіями, не уничтожая ихъ. Воинственный духъ дворянства становится умѣреннѣе. Въ нѣдрахъ церкви, пользующейся выгодами феодализма, возникаютъ нищенствующіе ордена, бѣдность которыхъ уравновѣшиваетъ ея богатство. Промышленность и торговля, охраняемыя лучше прежняго и оживляемыя движеніемъ крестовыхъ походовъ, развиваютъ благосостояніе общинъ, пользующихся своей свободой до злоупотребленія. Земледѣліе улучшаетъ положеніе деревень; онѣ менѣе опустошаются, и частыя освобожденія уменьшаютъ число крѣпостныхъ. Каждый, какъ будто, начинаетъ дышать свободнѣе, не смотря на узкость своего горизонта: рабъ менѣе несчастливъ въ своей хижинѣ, гдѣ ему свѣтитъ надежда близкой свободы; горожанинъ чувствуетъ себя лучше въ своемъ расписанномъ и разу-

---

1) Вѣроятно. отъ греческаго слова pneuma, дыханіе, звукъ.

2) Названія нотъ Гвидо д'Ареццо заимствовалъ отъ первыхъ слоговъ латинскаго гимна.

Ut queant laxis — *Re*sonare fibris
*Mi*ra gestorum — *Fa*muli tuorum
*Sol*ve polluti, — *La*bii reatorum, etc.

крашенномъ рѣзьбою домѣ; ремесленникъ счастливѣе въ своей корпораціи, которая хотя и распоряжается его работой, но и обезпечиваетъ ее, и въ своемъ братствѣ, увеселяющемъ его церковными и свѣтскими праздниками. Купецъ терпитъ менѣе, раскрывая свой кошелекъ при каждой дорожной заставѣ; сеньоръ менѣе грубъ въ своемъ нарядномъ замкѣ, гдѣ изящная хозяйка ободряетъ его ласковыми рѣчами; монахъ отдается наукамъ въ своемъ монастырѣ, украшенномъ колонками и изящнымъ готическимъ орнаментомъ; епископъ - графъ или герцогъ менѣе безпокоенъ и болѣе уважаемъ паствой своего собора, высоту и великолѣпіе котораго онъ старается увеличить.

XIII вѣкъ разсуждаетъ, споритъ и поетъ въ одно и тоже время. Наука еще туманна, но дѣлаетъ чудеса; исторія намѣчаетъ свой путь. Поэзія развертывается въ эпическихъ и аллегорическихъ пѣсняхъ или изощряется въ язвительныхъ фабліо. Поэмы и пѣсни, почти всѣ отличающіяся распущенностью, изображаютъ вѣрную картину общества съ низменными инстинктами, несмотря на проявленіе благородныхъ побужденій, грубаго, хотя и порождавшаго нѣжныя чувства, наивнаго, несмотря на свой умъ, безпорядочнаго, подъ властью суровыхъ законовъ и строгой религіи. При всей анархіи въ идеяхъ, такъ же, какъ и въ политическомъ строѣ, XIII вѣкъ, повидимому, ищетъ мира, безопасности, труда, старается проявить свою умственную силу и нравственное чувство. Это общество преслѣдовало единство среди раздробленности, усматривало надъ частными интересами общія обязанности, мечтало объ идеалѣ среди удручающей дѣйствительности, достигало прекраснаго, несмотря на грубость выраженій, и стремилось къ добру, вопреки дурнымъ инстинктамъ. Читая труверовъ и ученыхъ, созерцая величественныя зданія, смотря на освобождающихся простолюдиновъ и гуманизирующуюся знать, при видѣ Людовика Святого, служившаго примѣромъ для всѣхъ, нельзя не признать, что человѣческое общество уже возрождалось къ жизни, возрождая порядокъ, науку и нравственность.

Но хотя человѣчество, до извѣстной степени, возвратило себѣ утраченную почву, ему было еще далеко до блеска древняго міра. Начатый трудъ продолжался въ XIV вѣкѣ, въ плодотворную эпоху, когда феодализмъ, столь блестящій по внѣшности и уродливый по сущности, сталъ видоизмѣняться; это былъ переходный періодъ.

Въ XIV в. отъ исчезавшихъ рыцарскихъ качествъ оставалась только храбрость; энтузіазмъ ослабѣлъ, но разумъ не вступилъ еще въ свои права. Властители, такъ же, какъ и воины, руководствуются разсчетомъ, не заботясь о добросовѣстности. Это—неблагодарный вѣкъ, когда задоръ не оправдывается уже наивностью и непониманіемъ производимаго зла: умъ развивается, но не имѣетъ еще достаточной силы, чтобы руководить поступками. Подобно ребенку, достигающему возмужалости, общество не обладало уже искренностью въ хорошихъ или дурныхъ порывахъ и, въ то же время, не имѣло еще яснаго сознанія своихъ обязанностей и порядка, къ которому стремилось.

Съ политической точки зрѣнія, государства укрѣплялись; ко-

ролевская власть все болѣе и болѣе усиливалась на Западѣ, главнымъ образомъ, во Франціи, одерживая верхъ надъ феодальными баронами. Но ничтожный характеръ бо́льшого числа правителей, Филиппа Красиваго, Іоанна Добраго, Ричарда II Англійскаго, Карла IV и Венцеслава въ Германіи, хитрости, предательства и преступленія лишали власть уваженія, не потрясая, впрочемъ, ея, и правители все болѣе и болѣе ограничивали политическую свободу. Римское начало получило преобладаніе надъ началами германскими.

Великій западный расколъ (1378—1449), соблазнительная борьба соперничества папъ, испорченность духовенства наносили вредъ религіи и подготовляли распаденіе религіознаго единства, поддерживавшагося до тѣхъ поръ въ Европѣ, несмотря на ереси. *Гусситскія* войны въ Германіи (1419—1434) предвѣщали уже религіозныя войны.

Великія столкновенія между народами начались *столѣтней войной* между Франціей и Англіей (1328—1453). Важная роль генеральныхъ штатовъ (1356), подъ управленіемъ Этьена Марселя, возмущенія Жакеріи во Франціи, смуты въ царствованіе Карла VI, возстаніе Уота Тэйлера въ Англіи (1381), непрерывныя волненія въ городахъ Фландріи, отмѣчаютъ въ низшихъ классахъ опредѣленное намѣреніе пріобрѣсти окончательную свободу.

Стѣсняемый сверху и снизу, разсоряемый правителями, угрожаемый народомъ, феодализмъ, въ извѣстной степени, покачнулся на своей основѣ. Духъ замкнутости и односторонности ослабѣлъ; общественныя силы стремятся объединиться въ каждой странѣ, такъ какъ европейское единство сдѣлалось невозможнымъ. *Національности* обозначаются рѣзче, и Франція предпочла выдержать всевозможныя бѣдствія скорѣе, чѣмъ признать чужеземнаго короля.

Однако, несмотря на безконечныя войны и жестокія убійства, общество отдается удовольствіямъ съ бо́льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ XIII вѣкѣ; роскошь становится безумной; малые дворы, вродѣ двора герцоговъ Бургундскихъ, стараются затмить собою большіе. «Оливье де-ла-Маршъ и счета герцогскаго дома представляютъ намъ своеобразныя подробности о роскоши и развлеченіяхъ, введенныхъ въ празднества при дворѣ могущественныхъ и богатыхъ герцоговъ Бургундскихъ. Между буфетами, наполненными золотой и серебряной посудой, виднѣлся искусно сдѣланный верблюдъ, нагруженный корзинкой съ раскрашенными птицами, которыхъ вожакъ бросалъ среди собранія; то появлялся левъ, величиною болѣе лошади, и, раскланиваясь, пріятнымъ тономъ, пѣлъ какую-нибудь балладу; въ другой разъ волкъ игралъ на флейтѣ, вепрь трубилъ въ рогъ или ослиный квартетъ исполнялъ духовную пѣсню. Къ этому слѣдуетъ прибавить ледяныя горы, украшенныя медвѣдями, укрѣпленные замки, вѣтряныя мельницы, озера, китовъ въ 60 футовъ длиною, изъ пасти которыхъ выходило множество сиренъ и рыцарей, которые, исполнивъ свои роли, удалялись обратно во внутренность чудовища; пироги, пустые внутри, заключавшіе въ себѣ церковь съ монахами и органами, и множество другихъ столь же замысловатыхъ выдумокъ, которыя, подъ именемъ пирожнаго, спускались съ потолка на колесницахъ, расписанныхъ золотомъ и

лазурью съ герцогскими гербами, и являлись передъ удивленнымъ собраніемъ.

«Впрочемъ, эти великолѣпныя автоматическія фигуры были не единственными удовольствіями, какія герцоги предоставляли для забавы своихъ гостей. Дичь ихъ лѣсовъ, прекрасныя вина ихъ виноградниковъ Помара и Монтраше служили тамъ главною роскошью. Что касается кушаній, подававшихся за столомъ и предназначенныхъ, главнымъ образомъ, для угощенія дамъ, то въ счетахъ этихъ пировъ можно найти любопытныя названія: фазаны подъ золотымъ порошкомъ; жареныя индѣйскія куры, поданныя въ первый разъ герцогинѣ Маргаритѣ 12 ноября 1385 г., пулярдки въ шафранѣ, пирожки со смородиной, маленькіе торты и варенья съ перцемъ, обсахаренный анисъ и чеснокъ, подававшіеся въ дорогихъ бонбоньеркахъ, толченый ячмень, шпинатъ въ сахарѣ, зеленая рожь, горшечки съ зеленымъ имбиремъ, съ сокомъ незрѣлой гвоздики, мускатный орѣхъ. Вино вареное съ пряностями и шипучее бургондское вино подавалось пажами въ золотыхъ кубкахъ; герцогъ пилъ его большими глотками изъ большого кубка Юлія Цезаря, отдѣланнаго заново къ прибытію армянскаго царя въ Дижонъ. Послѣ всего гостямъ подавались серебряныя зубочистки, метелки изъ вереска и лисій хвостъ, чтобы отряхнуть платье.

«Затѣмъ наступалъ часъ, когда какой-нибудь менестрель или поэтъ-паразитъ, вродѣ Томаса Геденкуръ въ 1368 г. или Жегана Фоссе въ 1376 г., допущенный въ верхнюю каменную галлерею, господствовавшую надъ залой, пѣлъ, для развлеченія дамъ, какую-нибудь жалобную пѣсню, или общество доставало изъ пылавшаго камина камышевые прутья, которые надо было, «подъ опасеніемъ проиграть фантъ, потушить сразу, не кашлянувъ». «Альманахи и предсказатели», переписанные позднѣе *Нострадамусомъ* и уже знаменитые и достовѣрные, какъ и позднѣе, служили развлеченіемъ дамамъ и молодымъ людямъ, между тѣмъ какъ герцоги и бароны бесѣдовали о войнахъ во Фландріи, объ убійствѣ Арманьяковъ или о своихъ подвигахъ на охотѣ, любимомъ времяпрепровожденіи государей, имѣвшихъ въ своей свитѣ не менѣе 430 егерей разнаго достоинства» [1]).

Простодушный энтузіазмъ исчезаетъ, заглушаемый спорами. По нѣкоторымъ указаніямъ, можно бы думать, что общество начинаетъ разлагаться, такъ какъ оно отвергаетъ феодальныя формы и забываетъ рыцарскую доблесть. Съ другой стороны, безпокойная пылкость умовъ, все болѣе и болѣе любопытныя открытія ученыхъ и свободный голосъ сатириковъ даютъ понять, что общество вовсе не гибнетъ.

Въ Италіи это былъ вѣкъ, когда Петрарка пѣлъ свои нѣжныя канцоны, и Боккачіо [2]) изображалъ, въ остроумныхъ, но слишкомъ вѣрныхъ картинахъ, испорченное общество своего времени.

---

[1]) Maillard de Chambure, *Dijon ancien et moderne.*
[2]) Боккачіо, авторъ *Декамерона* (1313—1375).

Во Франціи *Эсташъ Дешанъ* [1]), въ своихъ балладахъ, касается самыхъ высшихъ задачъ нравственности и политики; краснорѣчіе *Жерсона* [2]) прославляло парижскій университетъ; *Базохіяне*, *Беззаботныя дѣти*, начинали смѣло изображать пороки и доблести въ своихъ нравоученіяхъ, фарсахъ и *шуточныхъ пьесахъ*. *Фруассаръ* [3]), въ своей оживленной, живописной хроникѣ, громко бряцавшій разбитыми доспѣхами, которые звучатъ еще до сихъ поръ, черезъ столько вѣковъ, громомъ сраженій и криками умирающихъ, былъ вполнѣ феодальнымъ историкомъ; но уже на ряду съ нимъ, *Христина де-Пизанъ* [4]) предпочитаетъ разсуждать о мудрыхъ реформахъ короля Карла V, умнаго человѣка, руководившаго Дюгескленомъ и возвратившаго себѣ, благодаря своему благоразумію, королевство, утраченное безразсудностью его отца.

Въ Креси раздались звуки бомбардъ. Онѣ болѣе причинили страха, чѣмъ вреда, но каждое новое событіе въ столѣтней войнѣ обнаруживаетъ усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія. Жители Діеппа устремляются къ открытію дальнихъ странъ, и *Жанъ де-Бетанкуръ* [5]) указываетъ путь къ морямъ Африки португальцамъ, которые съ начала XV вѣка съ увлеченіемъ вступаютъ на него.

Промышленность фламандскихъ городовъ дѣлаетъ ихъ надменными въ такой мѣрѣ, что они пытаются противиться французскому и бургундскому рыцарству. Они искупаютъ при Роозбекѣ свою побѣду при Куртрэ, но, хотя и побѣжденные, не покоряются непріятелю. Торговля развивается, несмотря на общественныя смуты. Среди ночи, наступившей послѣ яркаго блеска XIII вѣка, замѣтенъ проблескъ зари новыхъ временъ.

---

[1]) Эсташъ Дешанъ (1320—1421).

[2]) Жанъ Шартье, называемый *Жерсонъ*, по имени деревни, гдѣ онъ родился (1363—1429). Авторъ богословскихъ сочиненій и проповѣдей.

[3]) Фруассаръ (1333—1410).

[4]) Христина де-Пизанъ (1363—1430).

[5]) Жанъ де-Бетанкуръ, нормандскій дворянинъ, держался на завоеванныхъ имъ Канарскихъ островахъ отъ 1402 до 1404 г.

НОВЫЯ ВРЕМЕНА.

ГЛАВА VII.

НОВЫЯ ГОСУДАРСТВА ВЪ XV И XVI ВѢКАХЪ. ВЕЛИКІЯ МОРСКІЯ ОТКРЫТІЯ.

Великія изобрѣтенія и открытія.—Новыя времена.—Развитіе политическаго строя.—Усиленіе королевской власти во Франціи.—Ослабленіе феодализма въ Англіи; война Алой и Бѣлой розъ; Тюдоры. — Испанская монархія. — Раздѣленіе Германіи; раздробленіе Италіи. — Возникновеніе и величіе Австріи.—Могущество королей; европейскія войны.—Великія морскія открытія; португальцы.—Открытія испанцевъ; Христофоръ Колумбъ; Новый Свѣтъ (1492).—Открытіе Тихаго океана; первое кругосвѣтное путешествіе (1521); Мексика и Перу.—Колоніальная политика Испаніи и Португаліи.—Торговая монополія.—Послѣдствія морскихъ открытій; развитіе торговли.—Распространеніе золотой и серебряной монеты. — Измѣненіе торговыхъ путей.— Движимыя богатства.

Нашъ умъ испытываетъ невольное смущеніе, видя, какія незначительныя причины приводятъ къ самымъ важнымъ переворотамъ. Смѣси сѣры, угля и селитры, дающей порохъ, нѣсколькихъ тряпокъ, превращенныхъ въ бумагу, нѣсколькихъ буквъ, вылитыхъ изъ металла, иглы, вертящейся на остріѣ, достаточно было, чтобы измѣнить міръ. Изобрѣтеніе пушечнаго пороха, совершенно бездоказательно, приписывалось англійскому монаху *Роджеру Бэкону* [1]) или нѣмецкому монаху *Шварцу* [2]). На самомъ дѣлѣ, восточные народы давно уже знали *пресованный, взрывчатый порошокъ*; ихъ способъ приготовленія его былъ усовершенствованъ на Западѣ; въ XIV столѣтіи пушки уже разбивали стѣны городовъ и замковъ. *Военное искусство должно было измѣниться*, а вмѣстѣ съ нимъ и *политика*.

На Востокѣ пользовались уже намагниченной иглой, показывающей на сѣверъ, простѣйшимъ компасомъ, въ которомъ стрѣлка, укрѣпленная на пробкѣ, плавала въ сосудѣ съ водой. Въ XIV столѣтіи итальянецъ Джіойа изъ Амальфи придумалъ подвѣсить ее на остріѣ, вслѣдствіе чего она могла вертѣться во всѣ стороны. Указанія ея, сдѣлавшись болѣе точными, облегчили дальнія путешествія, и—какъ будто разомъ раздвинулась завѣса—половина земного шара открылась передъ человѣчествомъ.

Въ древности писали на листьяхъ папируса и на дощечкахъ, покрытыхъ воскомъ. Затѣмъ въ Пергамѣ, въ Малой Азіи, при-

1) Роджеръ Бэконъ, францисканскій монахъ (1214—1292).
2) Умеръ около 1384 г.

готовляли изъ кожи *пергаментъ*. Наконецъ, въ эпоху Крестовыхъ походовъ, стала извѣстна бумага изъ хлопчатника. Это былъ великій шагъ впередъ, и число рукописей могло увеличиваться.

Тѣмъ не менѣе, рукописи стоили очень дорого. Вскорѣ придумали печатаніе съ рѣзныхъ досокъ, по способу китайцевъ, а въ 1436 году Гутенбергу [1]) удалось отлить буквы изъ металла. Вмѣстѣ со своими товарищами Петромъ Шефферомъ и Іоганомъ Фаустомъ, онъ усовершенствовалъ *отливку шрифта*, *чернила* и *прессъ*, и въ 1455 г. выпустилъ въ свѣтъ свою первую работу *Библію*. Когда онъ принесъ модель своего пресса одному токарю въ Страсбургѣ, тотъ, не подозрѣвая его назначенія, сказалъ Гутенбергу: «Да вѣдь вы мнѣ заказываете давило для винограда, дядя Іоганъ!»—«Да,—отвѣчалъ Гутенбергъ,—но изъ подъ этого давила скоро потечетъ такой обильный и чудесный напитокъ, какого еще никогда не было для утоленія жажды людей». *И въ самомъ дѣлѣ, книгопечатаніе должно было сдѣлать науку доступной всему міру.*

Хотя бо́льшая часть этихъ изобрѣтеній и открытій относится еще къ предшествовавшимъ вѣкамъ, но результаты ихъ начали выясняться лишь въ пятнадцатомъ столѣтіи, въ то время, когда турки утвердились въ Европѣ. Вотъ почему съ этого времени ведется начало новой исторіи.

Эта эпоха открывается съ 1453 года, года *взятія Константинополя*. Турки прочно основываются на материкѣ Европы, и Европа не поднимается противъ нихъ; время восторженныхъ походовъ миновало; средніе вѣка отошли въ вѣчность. Основаніе государствъ, развитіе торговли и первыя морскія путешествія португальцевъ, изобрѣтеніе книгопечатанія и умственное движеніе указываютъ, что человѣчество ищетъ опоры въ другихъ жизненныхъ условіяхъ. Оно хочетъ дѣйствительнаго порядка и укрывается подъ сѣнь королевской власти; оно ищетъ бо́льшаго благосостоянія и стремится къ богатству: умъ его жаждетъ истиннаго богатства—знанія, его духъ требуетъ независимости. Всѣ эти измѣненія историкъ можетъ соединить подъ общимъ именемъ *развитія политическаго порядка*, *общественныхъ интересовъ*, *идей и вѣрованій*. Все это—работа новыхъ вѣковъ, обогащающая ихъ своими послѣдствіями; въ своемъ прогрессивномъ развитіи, эти измѣненія создали нашу цивилизацію; отъ нихъ исходитъ и ими объясняется наше современное общество.

Королевская власть, затмившаяся съ десятаго вѣка, была главнымъ орудіемъ политическаго преобразованія, начавшагося въ XV и продолжавшагося въ XVI и XVII вѣкахъ. Созданіе *постоянной арміи* и *постоянныхъ налоговъ* обезпечивало королямъ Франціи силу, которою они всегда могли располагать противъ феодаловъ, а организація *артиллеріи* облегчала осаду замковъ. Феодализмъ, ослабленный еще при Карлѣ VII, противъ котораго напрасно боролось дворянство, еще болѣе потерялъ силы при Людовикѣ XI, «казавшемся

---

[1]) Іоганнъ Гутенбергъ родился въ Майнцѣ около 1400 г., умеръ въ 1468 году.

болѣе способнымъ повелѣвать міромъ, чѣмъ королевствомъ», какъ энергично выразился о немъ его историкъ Комминъ. Съ Людовикомъ XI начинается царство *дипломатіи*, хотя и проникнутой тогда принципами Макіавелли, но, во всякомъ случаѣ, являвшейся новою силой. Какъ это ни странно, названный государь терпѣлъ неудачи почти во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, а, между тѣмъ, ни одинъ король не пріобрѣлъ столько провинцій. На половину побѣжденный при Монлери въ 1465 г., взятый въ плѣнъ въ Переннѣ въ 1468 г., вынужденный къ тяжелымъ уступкамъ и постоянно терпѣвшій отъ измѣны, онъ имѣлъ успѣхъ только въ дѣлахъ мести; тѣмъ не менѣе, онъ присоединилъ къ своей коронѣ *Бургундію*, *Пикардію*, *Артуа*, *герцогство Алансонское и Першъ*, *Руссильонъ*, *Мэнъ*, *Анжу* и *Провансъ*. И все это благодаря тому, что онъ умѣлъ выжидать, ловко вести переговоры и предоставлять дѣло времени и безразсудству своихъ противниковъ.

Людовикъ XI [1]) имѣлъ всюду глазъ и руку: для передачи своихъ повелѣній по всѣмъ направленіямъ, онъ создалъ *почту*; чтобы обезпечить исполненіе своихъ распоряженій, онъ содержалъ хорошую армію. «Его подданные,—говоритъ Комминъ,—трепетали передъ нимъ. Всѣ его приказанія исполнялись немедленно безъ всякихъ затрудненій и отговорокъ». *Анна - Божё*, достойная дочь Людовика XI, обладавшая его хорошими качествами и не имѣвшая его недостатковъ, въ продолженіе своего регентства, еще болѣе укрѣпила могущество королевской власти, которая, послѣ царствованія Карла VIII и Людовика XII, является уже *неограниченной* при *Францискѣ I*.

Въ Англіи дѣлами государства управляла аристократія. Раздѣлившись на два лагеря, подъ знаменемъ *Алой Ланкастерской* и *Бѣлой Іоркской розы*, эти партіи избивали другъ друга впродолженіи 30 лѣтъ (1453—1485) на поляхъ сраженій Сенъ-Альбанса, Нортгемптона, Уэкфильда, Таутона, Гексгэма, Тьюксбёри и Босворта. Послѣ каждаго сраженія, опалы еще болѣе увеличивали число падавшихъ благородныхъ головъ. Чтобы рѣшить, какая изъ царственныхъ фамилій должна занимать престолъ, англійская аристократія не жалѣла ни крови, ни богатства. Въ одно только царствованіе Эдуарда IV [2]), пятая часть всѣхъ земель, путемъ конфискацій, попала во владѣніе короны. *Генрихъ VII Тюдоръ* [3]), право котораго на престолъ было узаконено на поляхъ Босворта въ 1485 г., не встрѣтилъ сопротивленія своимъ честолюбивымъ замысламъ въ дворянствѣ, вынудившемъ у Іоанна Безземельнаго великую хартію. Генрихъ VII, по хитрости и жестокости, былъ настоящій Людовикъ XI; къ этимъ качествамъ онъ присоединялъ еще скупость. Во Франціи и въ Англіи королевская власть стала неограниченною, но государственный строй обѣихъ странъ былъ совершенно инымъ. Обѣ монархіи опирались на различныя на-

[1]) Людовикъ XI, 1461—1483; Карлъ VIII, 1483—1498; Людовикъ XII, 1498—1515; Францискъ I, 1515—1547.

[2]) Эдуардъ IV Іоркскій (1460—1483).

[3]) Династія Тюдоровъ: Генрихъ VIII, 1509—1547; Эдуардъ VI, 1547—1553; Марія Тюдоръ, 1553—1559; Елизавета. 1559—1603.

чала и развивались не по одному и тому же закону. Уже около двухъ столѣтій англійскій парламентъ, состоявшій изъ двухъ палатъ—*палаты лордовъ* и *палаты общинъ*, обладалъ правомъ установленія налоговъ, опредѣленія ихъ характера и количества и наблюденія за ихъ расходованіемъ. Во Франціи не было ничего подобнаго. Тамъ королевская власть пользовалась общинами для ослабленія аристократіи; какъ скоро этотъ результатъ былъ достигнутъ, она оказывала одинаковое давленіе и на враговъ, и на союзниковъ.

Въ половинѣ XV вѣка Испанія раздѣлялась еще на королевства: *Кастильское*, *Арагонское*, *Наварское* и *Гренадское*. Бракъ между *Изабеллой*, наслѣдницей *Кастиліи*, и *Фердинандомъ Католикомъ*, наслѣдникомъ *Арагона*, соединилъ эти два королевства въ 1479 году. Фердинандъ изгналъ мавровъ изъ послѣдняго остававшагося у нихъ государства *Гренады* (1492) и отнялъ *Наварру* у Іоанны д'Альбрэ (1512). *Такъ совершилось объединеніе Испаніи.*

Король получилъ возможность обуздать испанское дворянство, если не самое могущественое, то самое гордое на материкѣ Европы. Преобразованіемъ *святой Германдады* или гражданской гвардіи, онъ создалъ полицію въ своей странѣ. Принявъ титулъ гросмейстера трехъ орденовъ — *Калатравы*, *Алькантары* и *св. Іакова* (1494), онъ обезпечилъ за собою грозную милицію и значительные доходы. Участіе въ прибыляхъ отъ продажи индульгенцій (булла Крузады) увеличило его средства, а полученное имъ отъ папы право «жаловать всѣмъ бенефиціи» дало ему большую власть надъ духовенствомъ. Посредствомъ *инквизиціи*, учрежденной сначала для возстановленія единства религіи, и обратившейся потомъ въ оружіе правительства, онъ властвовалъ надъ совѣстью своихъ подданныхъ.

Но все же королевская власть въ Испаніи не была неограниченной. Провинціи и города оберегали свои вольности (fueros), которыми они гордились. Въ Арагоніи, священное, неприкосновенное лицо, судья (*justiza*) наблюдалъ за королемъ и охранялъ народъ. Арагонскіе *кортесы* каждые два года засѣдали впродолженіи сорока дней, чему короли не могли воспрепятствовать.

Политическое единство и монархическая система, восторжествовавшія на Иберійскомъ полуостровѣ, въ Англіи и во Франціи, не привились ни въ Германіи, ни въ Италіи.

Франкфуртская прагматическаа санкція, которою, въ 1338 г., въ царствованіе Людовика Баварскаго, была объявлена независимость императорской короны отъ св. престола, и знаменитая *Золотая булла* Карла IV Люксембургскаго (1356), установившая порядокъ выборовъ въ имперіи, утвердили общественное право въ Германіи, не укрѣпивъ власти императора. *Максимиліанъ Австрійскій* (1495 — 1519), впрочемъ, болѣе своихъ предшественниковъ старался обезпечить безопасность страны. Онъ раздѣлилъ ее на *десять округовъ*, учредилъ *почту*, обнародовалъ на Вормскомъ сеймѣ знаменитыя постановленія 1495 г,, по которымъ подлежалъ наказанію всякій, объявившій войну въ предѣлахъ Имперіи, и, наконецъ, установилъ безсмѣнное судилище для наблюденія за этими

постановленіями, названное *Имперской палатой*. Но *семь курфюршествъ* сдѣлались настоящими королевствами, и курфюрсты, въ 1502 г., обязались другъ другу собираться ежегодно для совѣщаній о средствахъ сохраненія своей независимости.

Въ Италіи также не было центральной власти, и правящія династіи не отличались прочностью. Мелкія монархіи замѣнили прежнія республики, а въ старинныхъ королевствахъ власть правителя усиливалась все болѣе и болѣе. Въ Миланѣ мы видимъ на престолѣ сперва фамилію *Висконти*, потомъ *Сфорца* (1450); во Флоренціи—*Медичи* (1434); *Генуя* подчинена герцогу Миланскому, *Пиза*—герцогу Тосканскому. *Папство*, не обращая вниманія на средства, заботится о распространеніи своей свѣтской власти и старается подчинить себѣ мелкихъ деспотовъ въ окрестностяхъ Рима. Фердинандъ *Неаполитанскій* приглашаетъ всѣхъ своихъ бароновъ на пиръ, устроенный имъ для примиренія, гдѣ, по его приказанію, имъ всѣмъ перерѣзываютъ горло. Одна *Венеція* сохранила свое аристократическое правленіе, которое почти можетъ быть названо монархическимъ, такъ какъ вся власть сосредоточивалась въ страшныхъ рукахъ трехъ *государственныхъ инквизиторовъ*. Благодаря этому недостатку единства, Италія часто становилась добычей, которую оспаривали другъ у друга болѣе сплоченныя націи.

Въ нѣдрахъ самой Германіи, въ долинѣ Дуная, образовалась обширная монархія, подчинившая себѣ и отдѣльныя нѣмецкія государства, и итальянскія княжества: это—*Австрійскій домъ*. Нѣмецкіе бароны осыпали насмѣшками преемниковъ Рудольфа Габсбургскаго, напримѣръ, Фридриха III, на зло которому курфюрстъ Пфальцскій выстроилъ башню, нагло названную *Trutz-Kaiser* (ничтожный императоръ), или Максимиліана Охотника, вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ и на удачу переѣзжавшаго изъ одной страны въ другую. Но хотя австрійскіе государи мало заботились о своемъ избирательномъ первенствѣ, создававшемъ имъ только враговъ, они приготовили своимъ преемникамъ твердую опору, безпрерывно увеличивая свои наслѣдственныя владѣнія.

Бракъ Максимиліана съ наслѣдницей Карла Смѣлаго доставляетъ Австріи семнадцать провинцій Нидерландовъ. Тотъ же государь, продолжая свою политику, основанную на бракахъ, женилъ своего сына Филиппа Красиваго на Іоаннѣ, дочери испанскихъ государей, Фердинанда Католика и Изабеллы, и подготовилъ, такимъ образомъ, соединеніе двухъ домовъ, Испанскаго и Австрійскаго, угрожавшее Европѣ величайшей опасностью въ послѣдующіе вѣка. Посредствомъ переговоровъ, онъ устроилъ бракъ внука своего Фердинанда съ сестрой Людовика II Венгерскаго и доставилъ своей фамиліи право наслѣдованія коронъ *Богеміи* и *Венгріи*.

Если усиленіе австрійскаго дома представляло опасность для Европы, за то оно явилось оплотомъ противъ вторженія мусульманъ. Магометъ II [1]), Баязетъ II, Селимъ Свирѣпый, Солиманъ

---

[1]) Магометъ II, 1451—1481; Баязетъ II, 1481—1512; Селимъ, 1512—1520; Солиманъ, 1520—1566.

Великолѣпный совершали походы для завоеванія Греціи, Албаніи, Босніи, Кроаціи и Молдавіи. Венгрія, несмотря на геройское мужество *Іоанна Гуніада* и *Матвѣя Корвина* [1]), въ концѣ концовъ должна была бы пасть, если бы Соиманъ могъ овладѣть Вѣной. Столица Австріи, при Карлѣ V (1529), заслужила почетный титулъ *Оплота христіанства*.

Во второй половинѣ XV вѣка во Франціи, Испаніи, Англіи и Австріи династіи были, такимъ образомъ, прочно установлены. Короли, почти неограниченные въ своихъ государствахъ, располагали дворянствомъ, съ которымъ имъ такъ часто приходилось бороться. Достигнувъ полнаго повиненія себѣ внутри страны, они увлеклись страстью къ завоеваніямъ и перенесли за предѣлы отечества свою энергію и энергію своихъ народовъ.

Карлъ VIII подалъ примѣръ, обративъ свое оружіе противъ Италіи (1494—1495). Его честолюбіе испугало сосѣдей, и они соединились противъ него. Итальянскія войны были первыми *европейскими войнами*. Съ тѣхъ поръ стали составляться союзы, организоваться большія арміи, и искусство осадъ и битвъ стало превращаться въ науку, а дипломатія усиливалась остановить эти столкновенія, все болѣе и болѣе кровопролитныя. Это—уже политическій и военный характеръ новыхъ временъ: чѣмъ болѣе эти времена подвигались, тѣмъ войны и союзы становились обширнѣе, арміи многочисленнѣе и подвижнѣе, огнестрѣльное оружіе точнѣе и разрушительнѣе, тактика научнѣе, дипломатія искуснѣе и формальнѣе.

Въ XV вѣкѣ расширяется горизонтъ исторіи, а съ нимъ вмѣстѣ, и цѣлаго міра. Земля оказывается болѣе обширной, прекрасной и богатой, чѣмъ это думали прежде. Изъ волнъ океана выступаетъ страна въ четыре раза больше нашего материка, освѣщенная солнцемъ болѣе яркимъ, орошенная рѣками болѣе широкими, съ почвой болѣе плодородной, лѣсами болѣе величественными и рудниками болѣе изобильными, чѣмъ тѣ же источники богатства въ нашей Европѣ. Сама Азія, въ которой крестоносцы изслѣдовали только уже ранѣе извѣстную часть, открывается вся передъ изумленнымъ и жаднымъ взоромъ европейцевъ. Вся эта чудесная новизна измѣнила идеи и интересы міра и раздвинула его предѣлы.

Если большая часть открытій принадлежитъ испанскимъ мореплавателямъ, то слава почина ихъ есть достояніе португальцевъ. Живя на западномъ берегу Иберійскаго полуострова, замкнутые въ узкой полосѣ побережья Атлантическаго океана, португальцы, подобно древнимъ финикіянамъ, не могли не испытывать притягательнаго дѣйствія моря. Въ началѣ, ихъ экспедиціи были только продолженіемъ крестовыхъ походовъ противъ мусульманъ; *религіозныя* цѣли привлекли ихъ на берегъ Африки. Любопытство ихъ возрасло послѣ того, какъ они утвердились на берегу Сеуты. Страсть къ географическимъ изслѣдованіямъ овладѣла душою юнаго сына

---

[1]) Іоаннъ Гуніадъ, воевода Трансильванскій (1400 — 1456). Сынъ его Матвѣй Корвинъ, былъ избранъ королемъ Венгріи въ 1458 г. и царствовалъ до 1490 г.

короля Іоанна I (изъ Ависскаго дома), инфанта дона Генриха, избравшаго своимъ мѣстопребываніемъ Сагресъ, на оконечности Португаліи, близъ мыса св. Винцента, чтобы постоянно видѣть передъ собою волны, за горизонтомъ которыхъ взоръ его пытался различить нѣчто еще невѣдомое. Онъ учредилъ здѣсь школу мореплаванія и оттуда снаряжалъ смѣлыхъ моряковъ въ дальнія экспедиціи.

Испанцы открыли островъ *Мадеру* (1417) и мысъ *Боядоръ* (1433), изслѣдовали берега *Гвинейскаго* залива и пересѣкли экваторъ (который называли *линіей*) въ 1471 году. Они достигли въ 1484 г., подъ предводительствомъ *Бартоломея Діаза*, южной оконечности Африки, гдѣ остановились, напуганные бурями, у мыса Бурь, который король Іоаннъ II назвалъ, наоборотъ, мысомъ *Доброй Надежды*. Открытія Христофора Колумба еще болѣе возбудили рвеніе португальцевъ; въ 1498 г., подъ начальствомъ *Васко де Гамы*, они высадились въ городѣ *Каликутъ* на Малабарскомъ берегу, въ Индостанѣ. Альварецъ Кабраль, направляясь въ Индію, былъ отнесенъ бурею къ берегамъ Бразиліи (1500).

Д'Альмейда и, въ особенности, великій *Альбукеркъ*, вице-короли Индіи съ 1509 по 1515 гг., мореплаватели, воины и администраторы, учредили португальскія торговыя конторы и основали громадное колоніальное государство, охватившее всѣ берега Африки и побережья Азіи: отъ Зеленаго мыса до мыса Доброй Надежды, отъ мыса Доброй Надежды до Индостана, отъ Индостана до Малакки, отъ Индо-Китая до Японіи и Молукскихъ острововъ.

Между тѣмъ, какъ португальцы искали и нашли Индію на востокѣ, генуэзецъ *Христофоръ Колумбъ*, занятый мыслью о шарообразности земли и о возможности объѣхать ее кругомъ, искалъ Индію на западѣ, и открылъ Америку.

Многихъ трудовъ, просьбъ и споровъ съ испанскими учеными стоило Христофору Колумбу, чтобы получить отъ королевы Изабеллы (1493) три маленькихъ судна, которыя должны были везти европейцевъ на эти новые материки. Настоятель одного монастыря, Хуанъ Перепъ, покровительствовалъ Колумбу, и Изабелла рѣшилась на этотъ шагъ, только благодаря *религіозной идеѣ*, такъ какъ ей указывали на многочисленныхъ народовъ, которыхъ можно будетъ присоединить къ католицизму. Самъ Колумбъ, любя науку, имѣлъ твердую вѣру въ Провидѣніе; она и дала ему силу пуститься въ океанъ, оканчивавшійся, по тогдашнимъ понятіямъ, бездной. И этотъ человѣкъ, одинъ изъ величайшихъ людей, которые когда-либо появлялись на землѣ, умеръ непризнанный, какъ Испаніей, которой онъ подарилъ Новый Свѣтъ, такъ и человѣчествомъ, владѣнія котораго онъ удвоилъ. Открытіе Америки, по словамъ Вольтера, дѣйствительно, было равносильно созданію новаго міра. А это созданіе даже не получило имени Колумба. Флорентинецъ *Америго Веспучи* посѣтилъ нѣкоторыя страны новооткрытаго материка и опубликовалъ свои отчеты; его имя стало извѣстнымъ, и съ тѣхъ поръ стали говорить о странѣ Америго, за которой и осталось названіе *Америки*.

Въ 1513 г. *Бальбоа* пересѣкъ *Панамскій* перешеекъ. Увидя

новое море, онъ вошелъ въ самую воду со шпагою въ рукѣ, и объявилъ это море владѣніемъ испанской короны.

Въ 1518 г. *Грихальва* открылъ *Мексику*, и *Фернандъ Кортецъ*, съ семью стами солдатъ, восемнадцатью всадниками и десятью пушками, завоевалъ эту громадную имперію: подобный неслыханный успѣхъ объясняется ужасомъ, какой внушалъ туземцамъ видъ бѣлыхъ людей съ громомъ въ рукахъ. Португалецъ *Магелланъ*, бывшій на испанской службѣ, совершалъ въ то время первое кругосвѣтное путешествіе (1519 — 1521), окончить которое ему не удалось, и оно довершено было его спутниками. Вскорѣ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія и школьный учитель предприняли, вмѣстѣ съ искателемъ приключеній *Францискомъ Пизарро*, походъ для завоеванія *Перу*, гдѣ золота было такъ много, что имъ пользовались, какъ матеріаломъ, для выдѣлки самыхъ обиходныхъ предметовъ (1529—1533).

Англія и Франція только издали наблюдали за этимъ всеобщимъ переселеніемъ. Впрочемъ, венеціанецъ *Іоаннъ Каботто* (Каботъ), состоявшій на службѣ Генриха VII, открылъ въ 1495 г. *Ньюфаундлендъ*. Сынъ его, *Себастьянъ Каботъ* изслѣдовалъ *Гудзоновъ* заливъ, а французъ *Жакъ Картье* открылъ, въ 1534 г., *Канаду*.

Судьба колоній Испаніи и Португаліи была различна, какъ и свойства ихъ. Португальцы владѣли только торговыми конторами, которыя легко переходили изъ рукъ въ руки; испанцы же обладали огромными странами, на которыя никто не могъ напасть, и еще менѣе завладѣть ими. Владѣнія португальцевъ, разбросанныя по морскимъ берегамъ на пространствѣ четырехъ тысячъ миль, представляли, во всѣхъ своихъ частяхъ, легкую добычу для завоеваній, и были отняты по частямъ, подобно тому, какъ разрывается хрупкая цѣпь. Земли же испанцевъ были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ и ограждены отъ всякихъ нападеній, почему и остались цѣлы, какъ твердая глыба.

Португальцы не переселялись въ Индію и ограничивались торговлей. Можно сказать, что португальцы были всегда на пути къ своимъ колоніямъ, но не въ самыхъ колоніяхъ. Тѣмъ не менѣе, значеніе, предоставленное вице-королямъ, внушало опасенія самимъ королямъ, которые смѣняли ихъ каждые три года. Эта постоянная смѣна должностныхъ лицъ ставила колоніи въ положеніе Данаидъ, наполняющихъ бездонныя бочки. Сундуки, конечно, не выпускали изъ себя золота, но за то постоянно замѣнялись пустыми.

Страны, покоренныя испанцами, получали различныхъ губернаторовъ и были подчинены особому *совѣту Индій*, засѣдавшему вблизи короля. *Мексика*, *Перу*, а впослѣдствіи *Санта-Фе де-Богота* и *Буэносъ-Айресъ*, составляли особыя управленія, устранявшія опасность имѣть намѣстника, столь же могущественнаго, какъ и самъ король. Независимость судовъ отъ вице-королей, такъ называемыхъ, *аудіенцій*, не устраняла произвола, но ограничивала его. Испанское правительство запрещало *занимать общественныя должности не только туземцамъ, но и испанцамъ, рожденнымъ въ Америкѣ*, и, такимъ образомъ, поддерживало постоянное переселеніе испанцевъ изъ метрополіи въ колоніи, и обратно.

Въ Испаніи и Португаліи одинаковые предразсудки портили отношенія между отечествомъ и колоніями. *Монополія* была единственной системой. Португальцы одни имѣли право доставлять своимъ колонистамъ всѣ необходимые имъ товары и покупать, по цѣнѣ ими же назначенной, всѣ произведенія Индіи. Испанцы запрещали туземцамъ Америки разводить европейскія растенія, въ особенности *виноградную лозу*. Все, что̀ Мексика должна была покупать у Испаніи, она гораздо дешевле могла бы производить сама, но обязана была только съ нею одной вести торговлю.

Испанія смотрѣла на свои колоніи, какъ на предметъ эксплуатаціи, и извлекала изъ нихъ столько золота, сколько могла, обременяя работами несчастныхъ индѣйцевъ. Къ стыду спутниковъ Колумба и ихъ преемниковъ, цивилизація казалась туземцамъ лишь жестокой насмѣшкой. Поэтому занятіе Америки европейцами повлекло за собой ужасающее вымираніе индѣйцевъ. Карлъ V, тронутый краснорѣчивыми жалобами епископа *Ласъ-Казаса*, исправилъ одно зло другимъ, можетъ быть, еще худшимъ — *вывозомъ негровъ изъ Америки* (1517).

Всѣ эти морскія открытія дали необычайный толчокъ торговлѣ.

Въ Лиссабонъ, сдѣлавшійся великимъ міровымъ рынкомъ, стекались металлы изъ Японіи, пряности съ Молукскихъ острововъ, шелкъ и произведенія промышленности и земледѣлія изъ Китая, рисъ и цѣнное дерево изъ Индо-Китая, благовонныя вещества и матеріи Индіи, съѣстные припасы изъ Средней Азіи, жемчугъ, собираемый вдоль береговъ Персидскаго залива, слоновая кость, золотой песокъ и камедь изъ Африки. Испанія прежде всего искала въ Америкѣ золота и серебра, которыя придали богатству иной характеръ.

Въ средніе вѣка обладаніе землею доставляло богатство и силу. Теперь же испанцы каждый годъ стали пускать въ обращеніе большое количество драгоцѣнныхъ металловъ въ то время, когда прибывали товары изъ Азіи. Если бы товаровъ этихъ было много, они пали бы въ цѣнѣ, а цѣнность небольшого количества звонкой монеты, находившейся въ Европѣ, должна была бы удвоиться. Если бы, наоборотъ, только золото наводнило Европу, то, по мѣрѣ увеличенія его количества, оно бы обезцѣнивалось. Равновѣсіе было бы нарушено съ той или другой стороны. Это равновѣсіе поддерживалось одновременностью открытій. Стало больше золота, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилось и количество товаровъ. Вслѣдствіе распространенія звонкой монеты, товары находили покупателей; по мѣрѣ распространенія товаровъ, золото находило себѣ употребленіе.

Торговые пути измѣнились. Средиземное море перестало быть единственной дорогой для азіатскихъ товаровъ. *Венеція*, *Генуя*, *Александрія* утратили свое прежнее значеніе. Произведенія Индіи обвозились кругомъ Африки и выгружались въ *Лиссабонѣ*, куда за ними пріѣзжали голландцы, распространявшіе ихъ по Европѣ, въ ожиданіи того времени, когда сами будутъ въ состояніи ѣздить за ними въ Индію. Но все же объѣздъ Африки причинялъ

потерю времени и денегъ. Первоначальный путь былъ лучше: онъ удержался бы, если бы торговлѣ не вредило слишкомъ большое число посредниковъ—Мавританія, Египетъ и Италія. Въ настоящее время, Суэцкій перешеекъ прорѣзанъ каналомъ. Александрія, Венеція и Генуя вновь разцвѣли вмѣстѣ съ Марселемъ.

Экономическое развитіе довершило развитіе политическое. *Движимыя богатства* поднялись на одинъ уровень съ *недвижимыми* и скоро даже превзошли ихъ. Трудъ и искусное веденіе торговыхъ дѣлъ создали новый богатый классъ—буржуазію, презираемый аристократіей, но любимый королевской властью, такъ какъ буржуа открыли свои сундуки и предлагали ей золото для борьбы съ аристократіей. Съ этихъ поръ государи все болѣе и болѣе будутъ заниматься экономическими вопросами.

Кромѣ того, увеличились сношенія между народами. Они начинаютъ лучше узнавать другъ друга; мысль пробуждается по мѣрѣ того, какъ передъ ней раскрываются новые горизонты. Успѣхи наукъ соотвѣтствовали успѣхамъ открытій, и умы выигрывали отъ толчка, даннаго Старому Свѣту открытіемъ Новаго.

ГЛАВА VIII.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ ВЪ XV И XVI ВѢКАХЪ.

Возрожденіе; обстоятельства, благопріятствовавшія ему. — Возрожденіе въ Италіи; гуманисты.—Итальянская литература.—Поэты; Аріосто.—Тассъ. — Исторія; политика; Макіавелли; Гвичардини.—Гуманизмъ во Франціи; Французская коллегія (Collège de France).—Эразмъ.—Дворъ Франциска I.—Французская литература въ XV вѣкѣ.—Поэзія въ XVI столѣтіи; Маро, Ронсаръ, Жодель.—Право; исторія.—Философія; Рамюсъ, Монтень.—Раблэ.—Характеръ французской литературы въ XVI вѣкѣ.—Испанская литература. — Сервантесъ.—Лопе-де-Вега.—Португалія; Камоэнсъ.—Начало и разцвѣтъ англійской литературы. — Шекспиръ (1564—1616).—Нравы XVI вѣка въ Англіи.—Зарожденіе науки.—Коперникъ (1493—1543).—Тихо-де-Браге.—Исправленіе календаря.—Математика.—Медицина; Парацельсъ, Везалій. Амбруазъ Паре.— Астрологія и колдовство.—Возрожденіе искусствъ въ Италіи.—Архитектура; Брунеллески и Браманте; Микель Анджело.—Соборъ св. Петра въ Римѣ. — Французская архитектура.—Филиберъ Делормъ; Пьеръ Леско.—Итальянская скульптура.—Французская скульптура.—Живопись, первые итальянскіе мастера въ XIV и XV вѣкахъ: Джіотто, Фра Анжелико, Мазаччіо. — Первые фламандскіе мастера; изобрѣтеніе масляныхъ красокъ (1410); братья Фанъ-Эйкъ. — Характеръ итальянской живописи, христіанскіе и языческіе сюжеты.—Итальянскія школы; флорентинская школа; Перуджино; Леонардо да-Винчи (1452—1519). — Римская школа; Микель Анджело (1474—1564).— Фрески Сикстинской Капеллы работы Микель Анджело. — Рафаэль (1483 — 1520).—Ломбардская школа; Корреджіо (1494—1534); Пармеджіано. —Венеціанская школа: Джорджіо Барбарелли (1477—1511); Тиціанъ (1477—1576). — Тинторетто; Паоло Веронезе.—Болонская школа; два Карраччіо.—Живопись въ Испаніи.—Живопись во Франціи.—Фламандская живопись.—Нѣмецкая живопись; Гольбейнъ; Альбертъ Дюреръ.—Керамика; Бернардъ Паллиси.—Музыка.

Хотя умственная жизнь человѣчества не угасала въ средніе вѣка, тѣмъ не менѣе, за XV и XVI вѣками сохранилось изящное названіе эпохи «Возрожденія». Міръ, дѣйствительно, какъ бы возрождался. Короли и папы, сеньёры и монахи, дворяне и горо-

жане, всѣ, казалось, охвачены были жаждой знанія и художественнаго наслажденія. Ученые обсуждали различные вопросы, поэты писали стихи, и даже въ угрюмой Германіи Ульрихъ фонъ-Гуттенъ [1]), говоря объ этомъ упоеніи любознательностью, воскликнулъ: «Какъ, однако, хорошо жить!»

Откуда пришло это пробужденіе? Оно явилось слѣдствіемъ потрясенія, повидимому, совершенно чуждаго движенію умовъ. Константинополь, въ которомъ хранились еще драгоцѣннѣйшія сокровища древности, въ 1453 г. подпалъ подъ власть жестокихъ и невѣжественныхъ завоевателей. Греки, бѣжавшіе изъ своего порабощеннаго отечества, разсѣялись по разнымъ странамъ, унося съ собою книги, уже позабытыя ими, но съ восторгомъ принятыя во Франціи и въ Италіи. Это былъ цѣлый міръ, вновь обрѣтенный человѣчествомъ. Богатство воображенія и совершенство формы, доставившія греческимъ писателямъ славу великихъ учителей во всѣхъ родахъ литературы, внезапно ослѣпили своимъ блескомъ ученыхъ, тщетно, до того времени, истощавшихъ свои силы [2]). Древняя Греція еще разъ завоевала Западъ.

Именно въ это время *Гуттенбергъ* только-что закончилъ осуществленіе своего великаго изобрѣтенія—*книгопечатанія*. Распространившись повсюду [3]) впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, книгопечатаніе значительно увеличило количество сочиненій, какъ древнихъ, такъ и новыхъ писателей. Альды Мануціи [4]) въ Венеціи и Естьены въ Парижѣ являются типами ученыхъ издателей, умѣвшихъ пояснять тексты издаваемыхъ ими книгъ.

Въ Неаполѣ *Альфонсъ Великодушный* (1416—1458) основалъ *академію*; въ Римѣ *Николай V* [5]) положилъ начало *Ватиканской*

---

[1]) Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, поэтъ. ученый (1488—1523), предвѣстникъ Реформаціи.

[2]) Главнѣйшими изъ греческихъ ученыхъ, содѣйствовавшими возрожденію греческой науки, были: Димитрій *Халкондилъ* (1424—1511), учившій сначала во Флоренціи, около 1479 г., потомъ въ Миланѣ; *Іоаннъ Аргиропилъ*, который былъ принятъ во Флоренціи Козьмою Медичи; *Андроникъ Каллистъ* (умершій въ 1478 г.); *Константинъ Ласкарисъ*, преподававшій въ Миланѣ и Неаполѣ; *Іоаннъ Ласкарисъ*, преподававшій во Флоренціи во времена Лаврентія Медичи, затѣмъ въ Парижѣ, потомъ въ Римѣ, и возвратившійся опять въ Парижъ при Францискѣ I.

[3]) Книгопечатаніе, почти тотчасъ послѣ своего изобрѣтенія, было перенесено двумя работниками Фуста въ Италію, сначала, въ монастырь нѣмецкихъ бенедиктинцевъ въ Субіако (Церковная область) въ 1465 г., потомъ—въ Римъ. Іоаннъ Спиръ познакомилъ съ книгопечатаніемъ Венецію (1469). Въ Парижской коллегіи, въ Сорбоннѣ, былъ также поставленъ печатный станокъ (1470), и книгопечатаніе быстро распространилось по остальной Европѣ, въ Бельгіи, Англіи и Испаніи (1474).

[4]) Альдъ Мануцій (Альде Мануче, 1449—1515) основалъ знаменитую типографію въ Венеціи въ 1492 г., откуда вышли первыя изданія Аристотеля Аристофана, Өукидида, Геродота. Лукіана, Ксенофонта, Демосөена, Платона и, кромѣ того, очень цѣнныя изданія латинскихъ авторовъ. Альдъ Мануцій сдѣлался родоначальникомъ семьи, которая долгое время поддерживала славу этой типографіи, управляемой людьми, искренно преданными наукѣ. *Генрихъ Естьенъ* (1470 — 1521) сдѣлался главою не менѣе славной фамиліи, знаменитымъ и ученымъ представителемъ которой былъ *Робертъ Естьенъ* (1503 — 1559). Династія Естьеновъ, которую можно сравнить съ династіями владѣтельныхъ особъ, продолжалась до конца XVII вѣка.

[5]) Николай V, папа, съ 1447 по 1455.

библіотекѣ, собравъ пять тысячъ томовъ. Во Флоренціи *Козьма Медичи* [1]), этотъ купеческій Периклъ, властвовавшій надъ республикой не менѣе перемѣнчивой, чѣмъ республика Аѳинская, превзошелъ всѣхъ государей своимъ просвѣщеннымъ вкусомъ, съ какимъ онъ покровительствовалъ литературѣ и искусствамъ. Внукъ его, *Лаврентій Медичи*, превратившій въ монархическую власть вліяніе Козьмы, основанное исключительно на нравственныхъ началахъ, измѣнивъ политическимъ преданіямъ послѣдняго, продолжалъ поощрять ученыхъ. Онъ основалъ *академію* и до такой степени восхищался Платономъ, что возобновилъ праздникъ, совершавшійся нѣкогда учениками въ его память. Онъ же образовалъ Медицео-Лаврентинскую библіотеку, которая до сихъ поръ сохраняетъ его имя. Самые мелкіе владѣтельные князья Италіи имѣли при своихъ дворахъ поэтовъ, философовъ и художниковъ: фамилія *д'Эсте*—въ Феррарѣ, *Монтефельтро*—въ Урбино, *Гонзаго*—въ Мантуѣ, *Сфорца* — въ Миланѣ, *Бентиволіо* — въ Болоньѣ. Наконецъ, *Іоаннъ Медичи*, сдѣлавшись папой подъ именемъ Льва X [2]), соединилъ въ своемъ лицѣ славу всѣхъ этихъ великодушныхъ покровителей наукъ и искусствъ; за несравненное величіе, съ какимъ онъ руководилъ умственнымъ движеніемъ, его именемъ названъ этотъ удивительный вѣкъ, столь изобиловавшій писателями и художниками.

Греческій и латинскій языки, казалось, были вызваны къ новой жизни. Какъ во времена процвѣтанія Аѳинъ и Рима, на нихъ учили, говорили и писали, и въ Италіи они оспаривали первенство у національнаго языка. Классическія произведенія всего болѣе могли способствовать полному развитію человѣка. Съ этого времени слово *гуманизмъ* прилагается къ изученію классиковъ и составляетъ то, что называется *гуманитарными науками. Гуманисты*, весьма многочисленные въ Италіи, сдѣлались истинными руководителями умственнаго движенія. Таковы были *Лоренцо Валла*, *Марсиліо Фичини*, *Анджело Полиціано*, знаменитый графъ *Пико де-Мирандола*, разсуждавшій на всѣхъ языкахъ обо всѣхъ предметахъ; затѣмъ секретари Льва X, *Садолетъ*, одинъ изъ самыхъ изящныхъ поэтовъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, кардиналъ *Бембо*, проза котораго, по великолѣпію періодовъ, соперничала съ цицероновской; *Саннацаро*, поэтъ-подражатель Виргилія; *Помпоній Летъ*, основатель римской академіи, ставившій на сцену комедіи Плавта и Теренція, и др. [3]).

---

[1]) Козьма (Козимо) Медичи, глава Флоренціи съ 1434 по 1464 г., Лаврентій (Лоренцо) Медичи, съ 1469 по 1492 г.

[2]) Левъ X, папа, съ 1513 по 1521.

[3]) Время жизни этихъ гуманистовъ: Лоренцо Валла (1406—1457), жившій въ Римѣ и Неаполѣ; Марсиліо Фичини (1433—1499), род. во Флоренціи; Анджело Полиціано (1454—1494) жилъ во Флоренціи и былъ наставникомъ Іоанна Медичи, впослѣдствіи папы Льва X; Пико де-Мирандола (1463—1494), третій сынъ Іоанна-Франциска, сеньора Мирандолы; Садолетъ (1463—1494), секретарь Льва X, епископъ Карпентраскій; Бембо (1470—1547), род. въ Венеціи, секретарь Льва X; Саннацаро (1458—1530), испанецъ по происхожденію, жилъ преимущественно въ Неаполѣ и заслужилъ имя итальянскаго и латинскаго поэта; Помпоній Летъ (1425—1497).

Гуманизмъ отразился, впрочемъ, и на писателяхъ, оставшихся вѣрными своему природному языку. Прежде всего, подражаніе древнимъ авторамъ вовсе не имѣло успѣха на сценѣ. Трагедіи *Триссино* [1], комедіи *Биббіены* [2], даже произведенія *Аріоста* не могли побѣдить пристрастія итальянцевъ къ простымъ фарсамъ. Эти фарсы, возобновленные изъ *ателлановъ* и *мимовъ*, съ лицами, сдѣлавшимися традиціонными, какъ, напр., Pulcinella (Полишинель), Arlecchino (Арлекинъ), Pantalone (Панталонъ), обошли всю Европу и, впродолженіи столѣтій, служили забавой въ народныхъ театрахъ.

Къ той же эпохѣ относится возникновеніе *пастушеской драмы*, которая, въ сопровожденіи хоровъ и музыки, должна была позднѣе положить начало совершенно новому роду—*оперѣ*. Пастушескій романъ, напр., «*Аркадія*» *Саннацаро*, подражаніе поэмамъ Виргилія, имѣлъ болѣе успѣха. *Берни* [3]) пытался возобновить сатиру, сдѣлавшуюся причудливой и непристойной у Аретино [4]).

Хотя подражаніе древнимъ дало поэзіи образцы и поставило ее въ извѣстныя рамки, но вдохновеніе почерпалось, главнымъ образомъ, изъ французской рыцарской поэзіи, такъ какъ въ ней вполнѣ выразилась феодальная и христіанская фантазія среднихъ вѣковъ. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ эпической поэзіи, принадлежавшихъ *Луиджи Пульчи* [5]), который прочелъ на пиру Лаврентія Медичи *Morgante maggioro*, и Боярдо [6]), написавшему Orlando innamorato (*Влюбленный Орландъ*), появился истинный поэтъ этой эпохи, *Аріостъ* [7]). Взявъ за ново и въ другой формѣ легенду о Роландѣ, испорченную Боярдомъ, Аріостъ написалъ и издалъ свое прекрасное произведеніе *Неистовый Орландъ* (Orlando Furioso), гдѣ его воображеніе прихотливо соединило фантастическіе дворцы, чудесныя приключенія, талисманы, золотыя копья и крылатыхъ коней, но гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съумѣлъ очертить глубоко человѣческіе характеры. Проникнутый Гомеромъ, Виргиліемъ и Овидіемъ, онъ заимствовалъ у этихъ мастеровъ искусство описывать и живописать, сохраняя въ то же время пылкость воинственныхъ пѣсенъ и одухотворяя своихъ героевъ христіанскими чувствами. Его поэма съ особенной силой выражаетъ состояніе общества того времени, восторгавшагося рыцарствомъ и исполненнаго религіознаго чувства, несмотря на странное возвращеніе къ языческому культу.

Эти черты еще болѣе запечатлѣлись въ поэмѣ *Тасса* [8]) *Осво-*

---

[1]) Родился въ Виченцѣ (1478—1550). Онъ посвятилъ свою трагедію *Софонизба* Льву X.

[2]) Бибіена (1470—1520) подражалъ пьесамъ Плавта.

[3]) Берни (1490 — 1536) писалъ въ шутливомъ родѣ, получившемъ въ Италіи его имя—«бернеско».

[4]) Піетро Аретино или изъ Ареццо въ Тосканѣ (1492—1557).

[5]) Род. во Флоренціи (1431—1487).

[6]) Маттео-Марія Боярдо, графъ Скандіано (1430—1494).

[7]) Лодовико Аріосто, род. въ Реджіо (1474—1533).

[8]) Торквато Тассо родился въ Сорренто (1544 — 1595) и жилъ большею частью при дворѣ въ Феррарѣ. Въ концѣ жизни, его разсудокъ былъ потрясенъ несправедливыми нападками; онъ пробылъ нѣсколько времени въ зато-

божденный Іерусалимъ. По плану Иліады, въ немъ воспѣтъ крестовый походъ въ такую эпоху, когда онъ не могъ уже быть возобновленъ, и христіанскія чудеса тамъ перемѣшаны съ легендами и рыцарскими любовными похожденіями. Въ видѣ признака новаго времени, женщины обоготворяются въ этой поэмѣ въ лицѣ Армиды, Клоринды и Эрминіи, и обаяніе *Освобожденнаго Іерусалима* происходитъ, главнымъ образомъ, благодаря нѣжности чувствъ, что̀, впрочемъ, нарушается излишкомъ разсужденій. Произведеніе Тасса—послѣдняя эпическая поэма, такъ какъ этотъ родъ литературы, рождающійся непроизвольно въ обществахъ юныхъ и наивныхъ, не могъ уже удовлетворить мыслящаго и ученаго общества XV вѣка.

Исторія и политика болѣе подходили къ людямъ эпохи Возрожденія. *Макіавелли* [1]), послѣдователь Тита Ливія, образовавшійся въ суровой школѣ войнъ и дипломатіи своего времени, соединяетъ искусство древняго съ проницательностью новѣйшаго времени. Въ его разсужденіи о первой *Декадѣ Тита Ливія*, разсматриваются причины величія Рима. Его *Политическая переписка* свидѣтельствуетъ, какъ о тонкомъ наблюденіи человѣческихъ чувствъ, такъ и о серьезномъ знакомствѣ съ государственными интересами. Его *Исторія Флоренціи* можетъ служить однимъ изъ самыхъ литературныхъ, если не самыхъ добросовѣстныхъ, образцовъ повѣствовательнаго искусства. По крайней мѣрѣ, она дѣлаетъ ему болѣе чести, чѣмъ его знаменитая книга *Государь*, которой онъ обязанъ своей славой; въ этой книгѣ онъ, со смѣлымъ цинизмомъ, возвелъ въ догматъ хитрые и жестокіе пріемы правителей своего времени. *Макіавеллизмъ* существовалъ во всѣ времена, но своимъ выраженіемъ и своимъ именемъ онъ обязанъ автору книги *Государь*.

Гвичардини [2]) былъ добросовѣстнѣе, и его *Исторія Италіи* (съ 1494 по 1532 г.), по богатству матеріала, заслуживаетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сравненія съ исторіей Тита Ливія, взятою имъ за образецъ. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ присоединить имя венеціанца *Пануты* [3]), а къ этимъ произведеніямъ—*Донесенія венеціанскихъ посланниковъ*, драгоцѣнный источникъ справокъ для политической исторіи того времени.

Было бы несправедливымъ не упомянуть о доминиканцѣ *Саванароллѣ* [4]), проповѣдникѣ-трибунѣ, который своимъ краснорѣчіемъ взволновалъ Флоренцію и властвовалъ надъ нею. Саванаролла былъ какъ бы послѣднимъ протестомъ средневѣковаго христіанства противъ языческаго христіанства Возрожденія, и онъ имѣлъ достаточно власти надъ флорентинцами, чтобы заставить ихъ сжечь свои свѣтскія сочиненія и музыкальные инструменты. Это былъ еврейскій пророкъ среди современныхъ ему вавилонянъ.

ченіи, какъ безумный, но Италія взволновалась: Тассъ былъ освобожденъ и умеръ въ Римѣ въ ту минуту, когда его должны были увѣнчать въ Капитоліи.

[1]) Макіавелли род. во Флоренціи (1469—1527).

[2]) Гвичардини род. во Флоренціи (1482—1540).

[3]) Панута (1540—1598) написалъ *Исторію Венеціи* съ 1513 по 1551 гг.

[4]) Саванаролла (1452—1498).

Ведя войну въ Италіи впродолженіе болѣе полувѣка, французы были ослѣплены образованностью, спокойное теченіе которой они пришли нарушить; они восхищались городами, съ которыхъ брали выкупы, дворцами, въ которыхъ жили, какъ хозяева, и великолѣпными церквами, которыя однѣ только пользовались ихъ уваженіемъ. Рукописи, картины, изваянія возбуждали ихъ любопытство и жадность столько же, какъ и богатыя матеріи и элегантная мебель. Карлъ VIII и Людовикъ XII приглашали итальянскихъ ремесленниковъ. Францискъ I призвалъ къ своему двору ученыхъ и художниковъ.

Гуманизмъ, такимъ образомъ, оживилъ и во Франціи науку, увядавшую подъ ледянымъ дыханіемъ схоластики. Францискъ I окружилъ себя учеными, каковы были: *Данесъ*, *Постель*, *Ватабль*, *Тюрнебъ* и *Бюде* [1]).

Бюде убѣдилъ Франциска I создать *Французскую Коллегію*, гдѣ, впрочемъ, самъ онъ не преподавалъ. Несмотря на покровительство, оказывавшееся папами изученію древнихъ языковъ, духовная Сорбонна пренебрегала ими. Францискъ I пожелалъ, чтобы еврейскій, греческій и латинскій языки имѣли свои особыя каѳедры, къ которымъ онъ присоединилъ потомъ и каѳедры наукъ. Такимъ образомъ, на ряду съ чисто схоластическимъ преподаваніемъ, королевская власть поощряла новую систему преподаванія, свободную въ своихъ методахъ: это было плодотворнымъ нововведеніемъ, превратившимъ духовное образованіе въ свѣтское, въ память о которомъ Франція пожелала сохранить воспоминаніе, поддерживая вмѣстѣ съ классическимъ обученіемъ, основаннымъ на строгомъ уставѣ въ Сорбоннѣ, разнообразное и вполнѣ свободное преподаваніе во Французской Коллегіи [2]).

Францискъ I желалъ привлечь въ свою новую коллегію самаго знаменитаго ученаго того времени, *Эразма* [3]), уроженца Роттердама, который путешествовалъ по всѣмъ странамъ и, въ дѣйствительности, не имѣлъ другихъ соотечественниковъ, кромѣ представителей ученаго міра. Эразмъ писалъ на латинскомъ языкѣ, но, тѣмъ не менѣе, былъ выразителемъ идей своего времени: его

---

[1]) Пьеръ Данесъ родился въ Парижѣ (1497—1577). Гильомъ Постель родился въ Нормандіи (1505 или 1510—1581). Ватабль род. въ Пикардіи, умеръ въ 1547 г. Тюрнебъ род. въ Андели (1512—1565) и былъ профессоромъ греческаго языка. Гильомъ Бюде, первый эллинистъ, род. въ Парижѣ (1467—1540).

[2]) Въ Римѣ Левъ X основалъ Коллегію Молодыхъ Грековъ. Въ Лувенѣ, въ 1517 г. Георгъ Буфленденъ, брюссельскій каноникъ, основалъ коллегію, гдѣ преподавались еврейскій, греческій и латинскій языки. Францискъ I, по совѣту Гильома Бюде, учредилъ въ 1530 или 1531 г. двѣ каѳедры, одну греческаго, другую еврейскаго языковъ: это была коллегія *Двухъ языковъ*, которая впослѣдствіи превратилась въ коллегію *Трехъ языковъ* или *Трехъязычную*, такъ какъ была прибавлена еще каѳедра латинскаго языка (1534). Таково было происхожденіе Французской Коллегіи, которая впослѣдствіи обогатилась каѳедрами математики, философіи, медицины и хирургіи.

Первыми профессорами были: *Поль Парадисъ* и Агатіасъ *Гвидачеріо*, затѣмъ *Ватабль* по еврейскому языку; *Пьеръ Данесъ* и *Франсуа Туссенъ* по греческому; *Бартельми Латронюсъ* по латинскому; *Побласіонъ*, испанецъ; *Оронсъ Фине* изъ Дофине, по математикѣ и т. д.

[3]) Эразмъ (1467—1536).

сатиры на монаховъ и на злоупотребленія церкви доставили ему имя одного изъ предшественниковъ реформаціи, къ которой, несмотря на то, онъ отказался примкнуть. Его *Похвала Глупости* ставитъ его въ число наиболѣе тонкихъ наблюдателей человѣчества и самыхъ ѣдкихъ моралистовъ.

Духъ древности во Франціи столкнулся съ національнымъ геніемъ, который въ XV вѣкѣ уже возвысился до изящества *Карла Орлеанскаго* и чувствительности *Виллона* [1]), перваго по времени, истиннаго поэта Франціи. *Нравственныя* пьесы *Базошъ*, братства клириковъ и многочисленныхъ служащихъ при парламентѣ, ставились ими, взамѣнъ мистерій, представлявшихся братствомъ Страстей Христовыхъ; но ихъ аллегоріи цѣнились ниже лукавыхъ фарсовъ, возвысившихся почти до уровня настоящей комедіи въ безъимянномъ фарсѣ *Адвокатъ Пателенъ*, въ которомъ какой-то неизвѣстный предшественникъ Мольера далъ изображеніе настоящихъ характеровъ. *Беззаботныя дѣти* своими остроумными выходками тревожили даже правительственную власть, которая сперва поощряла ихъ; среди нихъ находился замѣчательный писатель Пьеръ *Гренгуаръ* [2]).

Проза устанавливалась. *Аленъ Шартье* [3]) считался современниками отцомъ краснорѣчія. Въ его *Бранномъ квадрилогѣ* высокія мысли тѣснятся одна за другою, и въ нихъ слышится чувство человѣка, любящаго свою страну. Въ концѣ столѣтней войны, уже развившійся патріотизмъ находилъ форму для своего проявленія. *Комминъ* [4]) въ своихъ *Мемуарахъ* превосходилъ древнихъ хроникеровъ: онъ разсуждалъ и обрисовывалъ личности. Это—первый, по времени, историкъ Франціи.

Элегантный дворъ Франциска I, уже съ первыхъ годовъ XVI столѣтія, восхищался шутками, остроумными посланіями и элегіями *Клемана Маро* [5]). Этотъ писатель выравнялъ и сгладилъ старинный языкъ стихотворныхъ сказокъ. Пьеръ *Ронсаръ* [6]) задумалъ возвысить его подражаніемъ древнимъ; такъ какъ французскій языкъ отчасти происходитъ отъ латинскаго, Ронсаръ возвратился къ его источнику. Въ своемъ увлеченіи греческими и латинскими формами, онъ составилъ новый языкъ, переполненный странными терминами, который не могъ удержаться. Холодный тонъ его сочиненій и неблагозвучность варварскихъ словъ въ его поэмѣ *Франсіада* были причиною неудачи его реформы, къ счастью для французскаго языка, такъ какъ иначе онъ утратилъ бы свое изящество и свѣжесть.

Брантомъ оставилъ намъ живое и остроумное описаніе блестящаго двора Франциска I. «Не было,—говоритъ онъ,—при дворѣ

---

[1]) Виллонъ (1421—1480 или 1489). Его главныя поэмы—*Великое Завѣщаніе* и *Малое*, а затѣмъ *Баллады*.

[2]) Пьеръ Гренгуаръ (1475 или 1480 — 1544). Его главное сочиненіе *Jeu du Prince des sots et de Mère Sotte*.

[3]) Аленъ Шартье (1386—1458).

[4]) Филиппъ Комминъ (1445—1509).

[5]) Клеманъ Маро (1495—1544).

[6]) Ронсаръ (1524—1585).

ни одной знатной свадьбы, турнировъ, маскарадовъ или пышныхъ выходовъ, въ которыхъ, какъ мужчины, такъ и дамы, не имѣли бы отъ короля парадныхъ одеждъ. Я видалъ сундуки и гардеробы нѣкоторыхъ дамъ этого времени, столь наполненныхъ платьями, подаренными имъ королемъ, при разныхъ торжествахъ и праздникахъ, что они представляли собою большое богатство.

«Онъ любилъ также пышность въ обстановкѣ. Два ковра, которые еще можно видѣть и теперь, доказываютъ это. Одинъ изъ нихъ, съ изображеніемъ тріумфа Сципіона, выставлявшійся часто въ большихъ залахъ, въ дни большихъ праздниковъ и собраній, стоилъ двадцать двѣ тысячи экю, что было много для того времени. Теперь, какъ я слышалъ, его нельзя было бы купить и за пятьдесятъ тысячъ экю, такъ какъ онъ весь затканъ золотомъ и шелками, и, по исторической вѣрности лицъ, нельзя было видѣть ничего лучше... Много было говорено о большихъ тратахъ, великолѣпіи, пышности и залахъ Лукулла; но онъ никогда даже не приближался во всемъ этомъ къ нашему королю, и среди всей его мебели не было такихъ вещей, о которыхъ я только что говорилъ, стоющихъ больше всѣхъ его драгоцѣнностей. Что же касается дома, то ни жилые покои его, ни залы не могли равняться съ королевскими, такъ какъ король имѣлъ свой особый столъ, столъ домоправителя, великаго камергера, придворныхъ дворянъ, служителей, многихъ другихъ и пр. Всюду подавались прекрасныя кушанья, и ни въ чемъ не было недостатка; и даже, что встрѣчалось очень рѣдко, въ деревнѣ, среди лѣсовъ, во время собраній, всѣ пользовались тѣми же удобствами, какъ будто были въ Парижѣ.

«Что касается дамъ, то, конечно, надо сознаться, раньше онѣ не имѣли доступа ко двору и посѣщали его рѣдко и въ небольшомъ числѣ. Правда, королева Анна начала окружать себя придворными дамами въ бо́льшемъ множествѣ, чѣмъ прежнія королевы, и безъ нея король, ея супругъ, не позаботился бы объ этомъ. Но король Францискъ, вступая на престолъ, понялъ, что женщины составляютъ лучшее украшеніе двора, и пожелалъ привлечь къ нему больше дамъ, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно до него. Въ самомъ дѣлѣ, дворъ безъ дамъ есть садъ, вовсе лишенный прекрасныхъ цвѣтовъ, и походитъ болѣе на дворъ сатрапа или турка, чѣмъ на дворъ великаго христіанскаго короля... Мнѣ часто приходилось видѣть, какъ наши короли отправлялись на охоту въ другіе города или еще куда-нибудь, оставались тамъ и веселились по нѣсколько дней, но не брали съ собою дамъ; мы были такъ поражены, растеряны и огорчены, что недѣля, проведенная вдали отъ нихъ и ихъ прекрасныхъ глазъ, казалась намъ годомъ, и мы все время мечтали: «Когда, наконецъ, мы будемъ снова при дворѣ?», называя часто дворомъ не то мѣсто, гдѣ былъ король, но гдѣ находилась королева и ея дамы» [1])

Въ это же время появилась и трагедія. *Жодель* [2]) написалъ и

[1]) Brantôme, *Les Grands capitaines français: François I.*
[2]) Жодель (1532—1575).

поставилъ при дворѣ Генриха II трагедію *Клеопатра*, составленную имъ по плану античныхъ пьесъ. Несмотря на свою сухость, она нанесла послѣдній ударъ *мистеріямъ братства Страстей Христовыхъ*, слишкомъ наивныхъ для столь утонченной эпохи. Жодель входилъ въ составъ *Плеяды*, т. е. былъ въ числѣ шести звѣздъ, блиставшихъ вокругъ Ронсара и, такимъ образомъ, воспроизводившихъ созвѣздіе этого имени [1]). Подобно своимъ друзьямъ, *дю-Беллэ* [2]), *Баифу* [3]) и *Белло* [4]), онъ преувеличенно подражалъ древнимъ, а другой поэтъ, *Дюбартасъ* [5]), довелъ это подражаніе до смѣшного. Одинъ только *Агриппа д'Обинье* [6]), не смотря на утомительныя злоупотребленія греческой миѳологіей и нравственными аллегоріями, возвратился въ своихъ *Трагикахъ* къ религіозной и политической сатирѣ, къ мужественнымъ чувствамъ, исходившимъ изъ сердца, глубоко возмущеннаго преслѣдованіями, какимъ подвергались протестанты.

Отяжелѣвшая отъ примѣси педантизма, поэзія не могла подняться высоко; но проза, которой не свойственна такая гибкость и легкость движеній, укрѣплялась подъ защитой, какую доставляли ей законовѣды, философы, историки и ораторы древности.

Римское право разъяснялось съ помощью исторіи знаменитымъ *Кюжасомъ* [7]). Ученый *Дюмуленъ* совершилъ подобный же трудъ относительно *обычнаго права*. Оба они создали французскую школу, которая не замедлила украситься именами *Оливье*, *Лопиталя*, *Пакье*, *Гарлэя*, *Де-Ту* и т. д. и придала французскому судебному сословію высокую репутацію учености, стоявшую наравнѣ съ его репутаціей честности.

Древній міръ высказалъ почти все, что̀ можно было сказать объ организаціи государства, и любознательность направилась къ этому вопросу, затронутому *Ла-Боэти* [8]), въ его трактатѣ о *Добровольномъ рабствѣ*, и *Боденомъ* [9]), въ сочиненіи о *Республикѣ*. Горячіе порывы Ла-Боэти противъ тираніи отзывались риторикой и подражаніемъ; тѣмъ не менѣе, онъ вмѣстѣ съ Боденомъ, слишкомъ точно придерживавшимся Аристотеля, были одними изъ первыхъ политическихъ писателей. *Де-Ту* [10]) пытался подражать историкамъ древности, но онъ запутался въ сложныхъ лѣтописяхъ XVI вѣка. Поэтому писателемъ, на дѣлѣ оказавшимъ наибольшую услугу исторіи, явился простой переводчикъ, епископъ *Аміо* [11]).

---

[1]) Еще александрійскіе поэты соединялись въ плеяды: Ѳеокритъ, Аполлоній Родосскій, Каллимахъ, Ликофронъ и др. Воспоминаніе о нихъ побудило Ронсара образовать свою *плеяду*. Она состояла изъ *Жоакима дю-Беллэ*, *Антуана де-Баифъ*, *Амадиса Жамэнъ*, *Белло*, *Понтюса де-Тіаръ*, *Жоделя* и *Ронсара*.

[2]) Жоакимъ дю-Беллэ (1524—1560).

[3]) Антуанъ де-Баифъ (1532—1589).

[4]) Реми Белло (1528—1577).

[5]) Дюбартасъ (1544—1590).

[6]) Агриппа д'Обинье (1550—1630).

[7]) Кюжасъ (1522—1590).

[8]) Ла-Боэти (1530—1562).

[9]) Боденъ (1530—1596).

[10]) Жакъ Августъ Де Ту (1553—1617).

[11]) Жакъ Аміо (1513—1593).

Аміо изложилъ своимъ простодушнымъ и изящнымъ языкомъ жизнеописанія Плутарха. Безъ сомнѣнія, онъ придалъ автору, писавшему выработаннымъ и ученымъ языкомъ, невѣрную окраску, переводя его своею живописною рѣчью, но самый тонъ переводчика прибавилъ еще бо̀льшую прелесть разсказамъ Плутарха; усилія, сдѣланныя Аміо, чтобы передать по французски греческую фразу, смягчали языкъ и обогатили его новыми оборотами и выраженіями. *Брантомъ*[1]) пробовалъ не переводить, а подражать Плутарху, написавъ нѣчто вродѣ галлереи *Великихъ французскихъ полководцевъ*: его языкъ смѣлъ и, по временамъ, энергиченъ, но онъ не углубляется въ свой предметъ, и книга его, не лишенная интереса, не можетъ считаться вполнѣ исторической.

Изученіемъ древнихъ всего болѣе воспользовалась философія. Платонъ, замѣстившій Аристотеля, освободилъ философію отъ слишкомъ узкихъ правилъ схоластическаго метода и обновилъ ее на десять вѣковъ. *Рамусъ*[2]), увлеченный Платономъ и діалогами, въ которыхъ Сократъ излагаетъ, съ такою же простотою, какъ и распространенностью, свои понятія о душѣ, захотѣлъ философствовать въ духѣ Сократа. Смѣлость его идей доставляла ему множество враговъ. Нравственная философія уже имѣла своего учителя въ лицѣ *Мишеля де-Монтеня*[3]), проникнутаго ученіями древности, сущность которыхъ онъ проводилъ въ своихъ бесѣдахъ, озаглавленныхъ *Опыты*. Монтень освободился отъ какихъ бы то ни было методовъ. Онъ говоритъ, разсказываетъ и разсуждаетъ совершенно просто, предоставляя своему перу касаться всевозможныхъ предметовъ и давая прекрасные совѣты: этотъ свободный разсказчикъ былъ, не имѣя того въ виду, однимъ изъ предшественниковъ новѣйшей педагогіи. Но, не довѣряя самому себѣ и пугаясь науки, онъ спрашивалъ себя: «*Что я знаю?*» Не желая того и самъ того не замѣчая, онъ открывалъ дорогу *сомнѣнію* (скептицизму), который его ученикъ *Шарронъ*[4]) выразилъ весьма ясно.

Монтень писалъ для образованныхъ людей. Раньше его Раблэ[5]) философствовалъ для толпы, съ добродушнымъ и грубымъ смѣхомъ и языкомъ слишкомъ непристойнымъ даже и для того нетребовательнаго въ этомъ отношеніи времени. Необыкновенныя приключенія *Гаргантюа* и *Пантагрюэля* ярко обнаруживаютъ удивительное воображеніе и умъ Раблэ; онъ присоединяетъ къ нимъ живую сатиру на образованіе и всевозможныя злоупотребленія своего времени, но многія излишества и нелѣпости, осмѣянныя лукавымъ священникомъ изъ Мёдона, пережили его насмѣшки.

Франція не достигла еще совершенства формы, но мысль ея распространялась со смѣлостью и силою выраженія, до тѣхъ поръ неизвѣстными, сдѣлавшими языкъ XVI вѣка богатымъ и энергичнымъ. Стиль французскихъ писателей XVI вѣка, несмотря еще

[1]) Пьеръ де-Бурдейль, сеньёръ Брантомскій (1540—1614).
[2]) Пьеръ Рамейскій, назыв. Рамусъ (1515—1572).
[3]) Монтень (1532—1592).
[4]) Пьеръ Шарронъ (1541—1603).
[5]) Раблэ (1495—1553).

на многія искаженія, обладалъ свѣжестью, какой уже были лишены болѣе отшлифованныя произведенія послѣдующихъ вѣковъ.

Кромѣ того, XVI вѣкъ былъ эпохой борьбы, литературныхъ споровъ, преслѣдованій и религіозныхъ войнъ. Тогда затрогивались всевозможные предметы. Къ писателямъ того времени можно причислить *Лютера* и *Кальвина*; въ *проповѣдникахъ Лиги* религіозныя страсти находятъ толкователей, пылъ которыхъ, по временамъ, достигаетъ настоящаго краснорѣчія. Писатели оказываютъ серьезное вліяніе и кладутъ начало великому умственному движенію, сдѣлавшему изъ французской литературы истинную выразительницу современныхъ идей, а изъ французскихъ писателей — ихъ толкователей, которыхъ съ восторгомъ читала вся Европа.

Впрочемъ, въ то время, повидимому, Испанія проявляла умственное преобладаніе, такъ же какъ и политическое. Ея языкъ, латынь, испорченная варварами, установился въ теченіе среднихъ вѣковъ: болѣе звучный и твердый, чѣмъ языкъ итальянскій, онъ сохранилъ нѣкоторую суровость воинственнаго народа и нѣкоторую пышность народа горделиваго. Начиная съ XI и XII вѣковъ, у испанцевъ явились свои поэтическія народныя сказанія; такова была *поэма о Сидѣ*, замѣнявшая для нихъ Пѣсню о Роландѣ. Многочисленные поэты, имена которыхъ остались неизвѣстными, расходились по всей христіанской Испаніи, распѣвая свои *романсы* (произведенія, написанныя на *романскомъ* языкѣ) и славили въ короткихъ и легкихъ стихахъ подвиги и любовныя чувства рыцарей. Эта литература съ теченіемъ времени обезцвѣтилась, какъ и вся литература среднихъ вѣковъ. Возрожденіе въ Испаніи, какъ и въ другихъ странахъ, сообщило такой толчокъ развитію вкуса, что испанцы вступили сразу въ великій вѣкъ своей литературы.

Они подражали итальянскимъ поэтамъ и заимствовали у нихъ даже размѣръ. Такъ, *Босканъ* [1]) подражалъ Петраркѣ. Но Гарсиласо де-ла-Вега [2]), придерживаясь Петрарки, Бембо и Саннацара, какъ образцовъ, умѣлъ почерпать въ своихъ чувствахъ собственное вдохновеніе и говорилъ языкомъ уже усовершенствованнымъ. *Кастильехо* [3]) возставалъ противъ подражанія итальянцамъ и пасторальнаго рода, казавшагося ему недостойнымъ воинственной націи. *Уртадо де-Мендоса* [4]), просвѣщенный посланникъ, поэтъ, романистъ и историкъ, бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ народныхъ преданій.

Послѣдующіе поэты возвышались до истиннаго лиризма: *Фернандо де-Эррера* [5]) открылъ Испаніи красоту классической оды и воспѣвалъ подвиги христіанскаго героя, донъ-Хуана Австрійскаго. *Луисъ Понсе де-Леонъ* [6]) былъ поэтомъ вполнѣ христіанскимъ, вдохновляясь вѣрою, доходившею до мистицизма. Дѣйствительно, въ то время, разъединеніе религіознаго единства пробуждало болѣе

---

[1]) Босканъ (1500—1544).

[2]) Гарсиласо де-ла-Вега, род. въ Толедо въ 1503 г., ум. въ Ниццѣ въ 1536 г.

[3]) Кастильехо (1494—1596).

[4]) Уртадо де-Мендоса (1503—1575).

[5]) Фернандо Эррера, севильскій священникъ (1515—1595).

[6]) Понсе де-Леонъ (1527—1591).

горячую вѣру у католиковъ. Въ Испаніи появились *Игнатій Лойола*, основатель ордена іезуитовъ, и *святая Тереза*, экстазы которой разсказывались ею самой и выражались въ поэмахъ и рѣчахъ, исполненныхъ страстнаго лиризма.

Впрочемъ, рыцарская поэзія еще не сказала своего послѣдняго слова. *Амадисъ Гальскій*, составленный изъ древнихъ кельтскихъ легендъ *Монтальвой*, пріобрѣлъ значительный успѣхъ въ Испаніи, и пасторальный романъ получилъ славу вмѣстѣ съ *Георгомъ де-Монтемайоръ*. Эти роды поэзіи и въ особенности рыцарскіе романы вскорѣ встрѣтили страшнаго противника въ лицѣ знаменитаго *Сервантеса* [1]). Этотъ храбрый воинъ, потерявшій лѣвую руку въ сраженіи при Лепантѣ и всю жизнь переносившій суровыя испытанія, возмутился пристрастіемъ своихъ современниковъ къ рыцарскимъ романамъ, нелѣпость которыхъ все возрастала. Онъ взялъ изъ нихъ сюжетъ для удивительной пародіи и, въ своей *Необыкновенной исторіи донъ-Кихота Ламанчскаго*, вывелъ на сцену бѣднаго испанскаго дворянина, которому вскружили голову романы. Впрочемъ, если бы произведеніе Сервантеса было только литературной сатирой, оно, быть можетъ, несмотря на достоинства своего языка, не пережило бы своего времени; но Сервантесъ, вмѣстѣ съ остроуміемъ, живымъ воображеніемъ и рѣдкимъ талантомъ описанія картинъ природы и характеровъ, обладалъ глубокою наблюдательностью, благодаря которой романъ его является сатирой на все человѣчество. Среди необычайныхъ происшествій, грубоватыхъ и уморительныхъ приключеній донъ-Кихота и его спутника Санчо Пансы, Сервантесъ разсѣяваетъ самыя мудрыя правила, самыя тонкія замѣчанія о страстяхъ и порокахъ современнаго ему общества и людей всѣхъ временъ. Вальтеръ Скоттъ говорилъ, что его книга—одно изъ образцовыхъ произведеній человѣческаго ума.

Сервантесъ пытался придать испанскому театру формы, какія, благодаря его образованію и уму, казались ему идеальными. Но это ему не удалось, и онъ пересталъ работать для театра, когда увидалъ поразительный успѣхъ *Лопе де-Веги* [2]). Обладая удивительнымъ воображеніемъ и неисчерпаемой плодовитостью (такъ какъ, говорятъ, онъ написалъ около полутора тысячъ пьесъ), Лопе де-Вега, бывшій воиномъ, священникомъ и монахомъ, связалъ историческую и религіозную драму съ комедіей интриги, называемой комедіей «плаща и шпаги». Хотя эти пьесы состояли изъ ряда невѣроятныхъ приключеній, онѣ привлекали толпу яркостью изображенія, живостью и естественностью діалога. Въ историческихъ трагедіяхъ Лопе де-Вега вовсе не думалъ ограничиться подражаніемъ древнимъ. Онъ выводилъ на сцену исторію, не заботясь объ единствѣ времени и мѣста. Его школа отражалась въ Испаніи достаточно яркимъ свѣтомъ еще въ XVII в., обезпечивая за испан-

[1]) Мигэль де-Сервантесъ Сааведра, родившійся въ Алькалѣ Генаресской (1547—1616). Главное произведеніе его «Донъ-Кихотъ» (такъ какъ Сервантесъ оставилъ множество новеллъ и комедій) было напечатано въ 1605 и 1615 гг. Испанія, впрочемъ, долго не признавала славы Сервантеса, который жилъ въ бѣдности.

[2]) Лопе де-Вега (1526—1635).

ской литературой замѣтное вліяніе на литературы другихъ странъ, и въ особенности на литературу французскую.

Португалія имѣетъ одно только великое имя, но это имя— *Камоэнсъ* [1]), воспѣвавшій въ *Лузіадахъ* открытія и подвиги португальцевъ. Его произведеніе — великолѣпная эпопея своего времени и, въ то же время, исторія.

Подъ живительными лучами, исходившими изъ Испаніи, Франціи и Италіи, умъ пробуждался даже въ туманной Англіи. Съ самаго начала новыхъ временъ, Англія сдѣлалась великой державой. Народность ея сложилась своеобразно, смѣшанная изъ племенъ кельтскихъ, римскихъ, саксонскихъ, датскихъ и норманскихъ. Языкъ съ сильнымъ отпечаткомъ стариннаго французскаго нарѣчія, а вслѣдствіе того и латыни, въ концѣ-концовъ, принялъ германскій характеръ и усвоилъ, по крайней мѣрѣ, для глаголовъ и для обозначенія всѣхъ обыденныхъ предметовъ, саксонскіе обороты. Твердость словъ со множествомъ согласныхъ звуковъ смягчалась, впрочемъ, произношеніемъ, совершенно отличающимся отъ правописанія, и англійскій языкъ получилъ болѣе гибкости и благозвучія, чѣмъ этого можно было бы ожидать отъ народа, оставшагося суровымъ и грубоватымъ, несмотря на свой умственный прогрессъ и богатство.

Начиная съ XIV вѣка, англійскій языкъ вылился въ поэтическую форму, благодаря *Чаусеру*, который кажется труверомъ, уцѣлѣвшимъ отъ конца среднихъ вѣковъ. Классическое и языческое возрожденіе XVI вѣка совпадаетъ съ реформаціей, закончившей установленіе индивидуальности англійскаго характера. Затѣмъ, царствованіе знаменитой Елизаветы, завершившее укрѣпленіе государственнаго могущества, явилось своевременно, чтобы дополнить условія, благопріятныя для разцвѣта литературы. Уже съ XVI вѣка, англійская литература сіяетъ полнымъ блескомъ. *Спенсеръ* тратилъ свой умъ на миѳологическія аллегоріи, которымъ онъ старался придать жизнь: это былъ настоящій поэтъ. Театръ послѣ нѣсколькихъ предшественниковъ, вродѣ *Джона Лили* или *Марло* [2]), пріобрѣтаетъ величайшаго драматическаго генія Англія и даже всей Европы, *Шекспира* [3]).

Поистинѣ величественна фигура этого поэта, сына торговца шерстью, актера и автора пьесъ, комедіанта и содержателя театра, нашедшаго въ XVI вѣкѣ духъ и вдохновеніе величайшихъ поэтовъ

---

[1]) Камоэнсъ родился и умеръ въ Лиссабонѣ (1525—1579).

[2]) Марло (1563—1593) написалъ три лучшія трагедіи, какія англійскій театръ создалъ до Шекспира, *Эдуардъ II*, *Мальтійскій Еврей* и *Докторъ Фаустъ*.

[3]) Вильямъ Шекспиръ родился въ Стратфордѣ на Авонѣ (1564—1616) и писалъ сперва легкія пьесы, а затѣмъ — историческія драмы, (*Генрихъ VI* и знаменитая трагедія *Ромео и Джульета*). Успѣхъ историческихъ драмъ поощрилъ его продолжать въ этомъ направленіи: онъ написалъ *Ричарда III* (1593), *Генриха IV* (1598—1599), *Генриха V* (1599), *Короля Джона* (1598), наконецъ, *Генриха VIII* (1603). Во второмъ періодѣ своей жизни, въ XVII столѣтіи, онъ создалъ лучшія изъ своихъ драмъ—*Отелло* (1602), *Гамлета*, *Короля Лира*, *Макбета* и *Бурю*; этому второму періоду принадлежатъ также пьесы изъ римской жизни: *Коріоланъ*, *Юлій Цезарь* и *Антоній и Клеопатра*.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Май 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Публицистика.—Исторія русская и всеобщая. — Соціологія и исторія культуры. — Психологія. — Политическая экономія.—Народныя изданія. — Новости иностранной литературы.— Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). «Стихотворенія».—*Л. Г.**** «Отклики жизни».— *С. П. Потресовъ.* «Стихотворенія». — *Н. А. Пановъ.* «Гусли звончаты».— *А. Тэннисонъ.* «Магдалина» (поэма).

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. Москва. 1896 г. Муза декадентовъ словно пріумолкла за послѣднее время, и ей на смѣну выступилъ рядъ поэтовъ, вдохновляемыхъ традиціями добраго стараго времени, когда еще въ почетѣ были «розы» и неизбѣжная къ нимъ риѳма «грёзы», когда поэты воспѣвали «младость» и съ нею вмѣстѣ «радость», и ихъ «неясныя мечты вокругъ витали красоты», «et caetera, et caetera, чему давно прошла пора». Не потому, чтобы мы перезрѣли и потеряли вкусъ къ такимъ пріятнымъ вещамъ, а потому, что каждое время и думаетъ, и чувствуетъ по своему, и «перепѣвы старины намъ просто кажутся смѣшны». Такіе перепѣвы составляютъ содержаніе стихотвореній г-жи Лохвицкой (Жиберъ), которая поднимаетъ на ноги весь немудрый антуражъ старой поэзіи. Тутъ есть весна, nocturno, феи, лѣсъ, рыцари и маски, и любовь — любовь безъ конца. Предъ нами любовный дневникъ, куда поэтесса съ заботливостью влюбленной, для которой нѣтъ пустяковъ, заносила каждое «содроганіе сердца». Нѣсколько комично положеніе читателя, которому приходится на протяженіи десяти слишкомъ печатныхъ листовъ выслушивать признанія въ любви, присутствовать при ея терзаніяхъ и и, восторгахъ наконецъ, въ качествѣ благороднаго свидѣтеля, благословлять счастье «вѣчнаго союза двухъ пламенныхъ сердецъ». Прескучный народъ эти господа влюбленные. Занятые другъ другомъ, они рѣшительно не обращаютъ вниманія на окружающихъ. Въ жизни это бываетъ подчасъ мило и даже трогательно, только не въ печати, которой очень мало дѣла до того, когда и при какихъ условіяхъ встрѣтились герои, какъ претерпѣвали «сладкія муки» и что отсюда воспослѣдовало. Тѣмъ болѣе, если это изложено въ формѣ шаблонной, мѣстами почти дѣтской, напоминающей вдохновенныя строфы, которыя «онъ» въ 17 лѣтъ подноситъ «ей». Въ данномъ

случаѣ разница лишь та, что ухаживаетъ за «нимъ»—«она» и силится плѣнить «его» такими, напримѣръ, стихами:

Вихорь въ небѣ поднялся,
Закружился, завился,
Взвилъ столбомъ песокъ и пыль.
Со степной травой—ковыль.
Легкой птицей на конѣ,
Станомъ гибкимъ наклонясь,
Мчится съ вѣтромъ наравнѣ
Молодой татарскій князь... и т. д., и т. д.

Первые два стиха напоминаютъ нѣсколько начало дѣтской пѣсенки про мопсика: «Онъ наѣлся, напился, хвостъ колечкомъ завился». Конечно, это простое совпаденіе, о чемъ свидѣтельствуютъ несомнѣнно оригинальныя строфы, въ родѣ слѣдующей:

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

Давно кого-то ждетъ Царица Мая,
Кого-то ищетъ взоръ ея влюбленный,
Идетъ она по рощѣ отдаленной,
Съ головки свѣтлой ландыши роняя.
Тамъ съ нею долго ждалъ желанной встрѣчи
Іюнь, красавецъ съ темными очами,
Но, встрѣтившись, они смутились сами,
Отъ страстныхъ думъ не находили рѣчи...
Завороживъ сердца истомой сладкой,
Ихъ здѣсь свела невѣдомая сила;—
Она рѣсницы скромно опустила,
А онъ шепнулъ: «люблю тебя!» украдкой.

Затѣмъ, проходитъ мѣсяцъ, и—

«Вы знаете-ль,—поютъ цвѣтамъ стрекозы,—
Гдѣ были мы, откуда прилетѣли?
Мы ткали пологъ дѣтской колыбели
Изъ лепестковъ осыпавшейся розы.
Его раздвинетъ мальчикъ темноокій
Дитя іюль, съ кудрями золотыми...»

Не правда-ли, что за святая простота?

С. Потресовъ. Стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. Г. Потресовъ посвящаетъ свои стихотворенія матери, и эпиграфомъ къ нимъ онъ могъ бы взять стихотвореніе Некрасова:

Любезна маменька, примите
Сей слабый трудъ,
И разсудите,
Годится-ли куда-нибудь.

Маменька была бы еще больше тронута, хотя и теперь она можетъ быть вполнѣ довольна сыномъ. Онъ—весь благонравіе, смиренномудріе и уваженіе къ старшимъ; послѣднее въ особенности. Чувства его отличаются гражданскимъ мужествомъ, какъ показываетъ вдохновенное стихотвореніе, озаглавленное «13-е января 1895 г.», въ коемъ воспѣвается дарованіе 50.000 р. въ помощь нуждающимся литераторамъ. Излюбленныя его темы—некрологи, посвященія и новогоднія встрѣчи. Есть нѣчто и отъ ума своего. «Крейцерову сонату» Л. Толстого онъ перекрестилъ

въ «Сонату Крейцера», что можетъ смутить иного читателя, не сочинилъ-ли эту сонату нѣкій Крейцеръ. Дѣло же объясняется гораздо проще: «Крейцерова соната» не укладывалась въ стихъ, а въ такихъ случаяхъ «поэтическая вольность» (licentia poetica) даетъ полное право не церемониться съ заглавіями.

Л. Г. Стихотворенія. Отклики души (1879—95). Больная душа (повѣсть въ стихахъ). Ипатія (драматическая поэма). Мирра (драматическія картины изъ древней Индіи). Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к. Скромность—вотъ отличительная черта г. Л. Г., подъ иниціалами скрывающаго имя, быть можетъ, достойное великой славы. Положимъ, «что слава?—яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца»,— а все же, какъ хотите, лестно прославиться поэтомъ. И тѣмъ похвальнѣе такая скромность, что если не именемъ, то своей особой г. Л. Г. наполняетъ безъ малаго всю Россію. Подъ каждымъ стихотвореніемъ онъ тщательно отмѣчаетъ мѣсто, гдѣ оно родилось, и на страницахъ такъ и мелькаютъ: «Казань, Харьковъ, Одесса, Сарапулъ, Николаевъ, Москва, Вятка, Севастополь». «Экъ его мотаетъ», скажетъ иной домосѣдъ. Съ неменьшей тщательностью отмѣчено время—день и годъ, когда появлялись на свѣтъ плоды его «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ», чѣмъ г. Л. Г. напоминаетъ незабвенной памяти «Ивана сына Перерепенко» съ его классическими записями: «сія дыня съѣдена такого-то числа», а если присутствовалъ кто, то—«и присутствовалъ такой-то».

Познакомивъ читателей съ авторомъ, намъ немногое нужно, чтобы ознакомить ихъ и съ его дынями,—«стихами» слѣдовало бы сказать, но, будучи искренно и дружески расположены къ автору, мы отъ души совѣтуемъ ему — послѣдовать примѣру императора Діоклеціана, который имперію промѣнялъ на дыни, за что и увѣковѣченъ въ исторіи. Ибо мы глубоко убѣждены, что г. Л. Г., занявшись какимъ-либо болѣе прозаическимъ дѣломъ, скорѣе нашелъ бы себѣ покойное мѣсто и пересталъ бы мыкаться по бѣлу свѣту. Въ настоящее отчаяніе можно придти и убѣжать на край свѣта отъ такихъ, напр., стиховъ:

СТАНСЫ.

Боролся я, пока хватало силы,
но больше нѣтъ, бороться не могу!
Не пожелаю злѣйшему врагу
то вынести, что, вѣрно, до могилы
ускорить путь мнѣ. Я, вѣдь, не далекъ
отъ ледяныхъ, губительныхъ объятій
всесильной смерти. Всѣхъ моихъ собратій
искавшихъ истины,—сгубилъ ужасный рокъ.

За что же ты, съ душой такой высокой,—
молчаніемъ мнѣ истомила грудь?
желанная, хоть слово! Что-нибудь
подай въ отраду. Подвязать осокой (?!..
цвѣтокъ болящій—свято,—все равно,
какъ и съ мольбою неподдѣльно-жаркой
храмъ, бурями расшатанный давно,—
скрѣпитъ воздушной, смѣлой аркой!

*

Все. Неужели же это стихи? Можно подумать, что это—проза, случайно возведенная въ стихотворный чинъ по недосмотру метранпажа, не распорядившагося разставить строчки, какъ слѣдуетъ. А можетъ быть, это—проявленіе все той же скромности г. Л. Г., который не хочетъ начинать каждую строчку съ большой буквы, какъ прочіе самомнительные и преисполненные гордыни служители музъ,—и забываетъ орѳографію, незнающую никакой скромности. «Подвязать осокой цвѣтокъ болящій», — спору нѣтъ,—«свято»; «храмъ скрѣпить воздушной смѣлой аркой»—дѣло тоже хорошее и даже прямо-таки богоугодное,—но причемъ здѣсь поэзія, а также—здравый смыслъ?

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы избавить насъ отъ разбора «Больной души», «Ипатіи», «Мирры». Pour la bonne bouche, приведемъ только конецъ послѣдней. Героиня, спасаясь бѣгствомъ, вбѣгаетъ на башню,—и затѣмъ:

Цинирасъ *(Сломавъ окончательно дверь, убѣгаетъ наверхъ).*

Мирра *(въ то же мгновеніе падаетъ мимо окна внизъ съ вершины башни).*

Кенхреисъ *(увидавъ это, страшно вскрикнула)*: А!!!

Подпись внизу: «На Черномъ морѣ» — объясняетъ, въ чемъ дѣло. Бѣднаго автора, должно быть, укачало, результатомъ чего и явилась эта удивительная «драматическая картина».

Гусли звончаты. Пѣсни, были и разныя стихотворенія Н. А. Панова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к. Изданіе произведеній г. Панова украшено его портретомъ и сопровождено біографіей. Это ввело насъ въ заблужденіе, что г. Пановъ умеръ, но, оказывается, онъ живъ, и мы отъ души желаемъ ему многихъ лѣтъ. Приложеніе портрета и біографіи весьма не лишне, потому для многихъ,—мы въ томъ числѣ,—личность автора представляетъ полный иксъ, а свои стихотворенія, очевидно, онъ и самъ не считаетъ достаточными для своей характеристики, съ чѣмъ и мы вполнѣ согласны. Онъ выступаетъ яко бы народнымъ поэтомъ, на томъ основаніи, что онъ—сынъ крестьянина, хотя съ младыхъ ногтей не имѣетъ ничего общаго съ крестьянствомъ, и, какъ узнаемъ изъ біографіи, велъ обычную жизнь интеллигентнаго пролетарія. Что же касается «народности» его «поэзіи», то вотъ небольшой, но характерный образчикъ:

На базарѣ Матрена стояла,
Цѣлый свертокъ холста продавала;
Она думала: «если продамъ я,
Ни копѣечки мужу не дамъ я».

Далѣе, Матрена перечисляетъ, что она купитъ, но тутъ она зазѣвалась и—

Холстъ у ней изъ-подъ мышки украли!
Мужики головами качали,
А она: «Богъ съ тобой, холстинка!»
И... пошла невеселая съ рынка.

Только и всего. Есть затѣмъ «Пѣсни любви», въ которыхъ все какъ водится: «Щечки пурпурныя, глазки лазурныя, локоны черные, ножки проворныя», и прочія прелести, щедрой рукой рас-

точаемыя по адресу «предмета». Есть еще «Разныя стихотворенья», о содержательности и поэтичности коихъ даетъ представленіе слѣдующая, напримѣръ, «эпиграмма»:

НАДГРОБНАЯ КАБАТЧИКУ.

Водой онъ водку разбавлялъ
И, наливая водку въ стклянки,
Ее народу продавалъ,
Но Богъ за это покаралъ:
Кабатчикъ умеръ... отъ водянки.

Но верхъ «народности» нашего «поэта» представляетъ «Утро въ редакціи», гдѣ засѣдающіе съ 10 часовъ утра «сотрудники» ежемѣсячнаго журнала (удивительно трудолюбивый составъ его!) ведутъ такіе разговоры.

ПУБЛИЦИСТЪ.

«Что-жъ проповѣдуютъ они,
Громя народниковъ сурово?
Какое слышимъ въ наши дни
Мы символическое слово?
Какой въ почетѣ нынѣ «измъ»?
Скажите...

КРИТИКЪ.

Космополитизмъ,
Или къ отчизнѣ равнодушье,
Словечко модное теперь...

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ.

Намъ славный Питеръ задаетъ
Тонъ въ этомъ миломъ направленьи...
Здѣсь каждый пошлый идіотъ
Кричитъ въ какомъ-то озлобленіи:
«Долой народность!»

Пародируя возгласъ г-жи Роланъ, не въ правѣ ли читатели г. Панова воскликнуть: «О поэзія, поэзія! сколько пошлости печатается во имя твое!» Но къ чему припутывать сюда народъ и взваливать на его отвѣтственность всякую глупость, сорвавшуюся съ пера того или иного Панова? Мало происходить изъ народа,— надо понимать его, знать его интересы и, главное, умѣть ихъ выражать. Некрасовъ былъ помѣщикъ, что не помѣшало ему быть истиннымъ народнымъ поэтомъ, а произведенія г. Панова, не смотря на приложенный портретъ и біографію, не смотря на псевдонародное заглавіе—просто, вѣжливо выражаясь, макулатура.

Альфредъ Теннисонъ. Магдалина (Maud), поэма. Пер. А. М. Ѳедорова съ вступ. статьей Ив. Ив. Иванова «Теннисонъ и его поэзія». Изъ всѣхъ поэтовъ современной Англіи Теннисонъ пользуется самой широкой популярностью въ массѣ читателей и на своей родинѣ, и за ея предѣлами. Въ Россіи далеко не вся его поэзія извѣстна въ переводахъ, и многія изъ его лучшихъ вещей, какъ стансы «In Memoriam», рыцарскія баллады «Idylls of the King», поэма «Princess» и др. не переведены до сихъ поръ; но и не-

полное знакомство съ Теннисономъ, а тѣмъ болѣе знаніе всѣхъ его произведеній, возбуждаетъ симпатіи къ пѣвцу простыхъ чувствъ и свѣтлыхъ идеаловъ. Прозрачность и ясность поэзіи Теннисона, жизненность и простота затрагиваемыхъ имъ поэмъ, доступность его человѣчныхъ и непосредственныхъ настроеній, а, главное, любовь къ людямъ, проникающая каждый его стихъ—все это объясняетъ его популярность въ массѣ читающей публики. Но и среди цѣнителей чистаго искусства есть много поклонниковъ у поэта-лауреата, который воплотилъ свои идеи и чувства въ истинно прекрасные, поэтическіе óбразы.

Къ имѣющимся до сихъ поръ русскимъ переводамъ Теннисона г. Ѳедоровъ прибавилъ поэму «Maud», изданную въ Москвѣ съ вступительной статьей Ив. Ив. Иванова. Въ сущности, эта статья представляетъ для русской публики бóльшій интересъ, чѣмъ переводъ г. Ѳедорова: г. Ивановъ въ самомъ дѣлѣ знакомитъ съ жизнью и творчествомъ Теннисона, излагаетъ подробно и интересно лучшія его вещи, а переводъ «Maud» г. Ѳедоровымъ даже отдаленно не знакомитъ читателя съ поэмой,—такъ сильно искажены и внутренній смыслъ, и внѣшняя красота формы.

Въ прекрасномъ очеркѣ г. Иванова мы знакомимся съ своеобразно спокойной и полной достоинства жизнью Теннисона. Поэтомъ сдѣлала его первая глубокая скорбь, омрачившая юность: его близкій другъ, Артуръ Галламъ, сынъ извѣстнаго историка, умеръ трагической смертью въ 22 года и Теннисонъ, неразлучный съ нимъ съ дѣтства, начинавшій совмѣстно съ нимъ пробовать силы въ поэзіи, почувствовалъ себя осиротѣлымъ. Скорбь углубила его душевную жизнь, заставила его глубоко задуматься надъ вопросами бытія и въ результатѣ получились безсмертные стансы «In Memoriam», гдѣ искренняя, глубокая печаль отражается въ проникновенныхъ поэтическихъ мелодіяхъ и постепенно наростаетъ въ высокія философскія настроенія, примиренныя съ трагизмомъ жизни, и вслѣдъ за безутѣшными элегіями слѣдуютъ свѣтлые гимны любви къ природѣ и людямъ и мирныя пѣсни души, прозрѣвшей, понявшей смерть и вѣчность.

Говоря объ «In Memoriam» и отмѣчая своеобразную красоту этого гимна скорби, г. Ивановъ не упоминаетъ о другомъ, столь же характерномъ для оптимистическаго міросозерцанія поэта стихотвореніи «Two Voices» (Два голоса), представляющемъ борьбу двухъ голосовъ въ душѣ поэта, голоса мрачнаго отрицанія и свѣтлой вѣры. Идеализмъ одерживаетъ верхъ въ этой внутренней борьбѣ и философская идея поэмы проведена съ большой красотой.

«In Memoriam» было первымъ истинно поэтическимъ произведеніемъ Теннисона, хотя и раньше, еще будучи студентомъ, онъ издавалъ сборники своихъ стиховъ, совершенно, впрочемъ, подражательнаго характера. Но красота его философскихъ стансовъ, посвященныхъ памяти друга, далеко не сразу нашла оцѣнку въ обществѣ и у критиковъ. Это была пора матеріализма въ Англіи, и религіозно настроенная поэма молодого Теннисона встрѣчена была насмѣшками и осужденіями. Поэтъ замолкъ, почувствовавъ

себя чужимъ въ окружающей его средѣ; въ теченіе десяти лѣтъ онъ ничего не писалъ для печати, употребивъ эти долгіе годы для работы надъ своимъ талантомъ и выработки своего міросозерцанія.

Когда онъ послѣ того выступилъ съ новымъ сборникомъ стиховъ, отношеніе критики стало инымъ и о немъ стали писать, какъ о новомъ могущественномъ геніи. Изъ поэтовъ того времени болѣе всего превозносилъ талантъ Теннисона Вордсфортъ, такъ что, когда послѣ смерти послѣдняго, постъ поэта-лауреата сдѣлался вакантнымъ, Теннисонъ избранъ былъ его замѣстителемъ. И съ этихъ поръ, вплоть до смерти поэта въ 1893 г., онъ жилъ тихо и безмятежно, почти безъ всякихъ событій и перемѣнъ во внѣшней жизни, напоминая античныхъ пѣвцовъ своей отчужденностью отъ суеты и волненій жизни. Въ своемъ небольшемъ помѣстьи на о-вѣ Уайтѣ, Теннисонъ прожилъ всю жизнь, углубленный въ работу, писалъ больше, чѣмъ лучшіе поэты вѣка (сумма написанныхъ имъ стиховъ равняется 100.000, т.-е., приблизительно, тому, что написали Вордсфортъ и Шелли вмѣстѣ взятые), уединялся отъ общества и привлекалъ всеобщія симпатіи рѣдкой гармоніей между своимъ свѣтлымъ творчествомъ и благородствомъ личной жизни. Послѣднимъ аккордомъ этого цѣльнаго по своей красотѣ существованія была смерть поэта, о которой г. Ивановъ, къ сожалѣнію, не говоритъ въ своемъ очеркѣ. Теннисонъ дожилъ до 84 лѣтъ (онъ род. въ 1809 г.) и умеръ съ свѣтлой вѣрой въ будущее человѣчество, съ какимъ-то особымъ торжественно спокойнымъ отношеніемъ къ смерти. Послѣднимъ его стихотвореніемъ было «Crossing the bar» (Перевалъ), написанное за нѣсколько дней до смерти. Въ немъ онъ проситъ, чтобы «не было слезъ разлуки, когда онъ отправится въ путь», потому что «хотя далеко за наши границы времени и пространства—теченіе волнъ унесетъ меня, но я надѣюсь увидѣть Кормчаго лицомъ къ лицу, когда пересѣку валы». Эти слова, переложенные на музыку, исполнялись на похоронахъ поэта. Согласно его желанію, погребеніе его лишено было обычныхъ знаковъ траура: бѣлый цвѣтъ гроба и колесницы, бѣлые цвѣты и свѣтлыя одежды сопровождающихъ гробъ, радостное пѣніе въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ похороненъ поэтъ-лауреатъ, славословіе надъ его гробомъ, отсутствіе слезъ и сожалѣній — все это составляло неизгладимую картину для всякаго присутствующаго. Казалось, что присутствуешь не при печальномъ концѣ, а скорѣе при радостномъ зрѣлищѣ перехода къ чему-то прекрасному и высокому. Если не всѣ люди дошли до такого отношенія къ смерти, то отрадно видѣть побѣду надъ страхомъ смерти у свѣточей человѣчества; въ этомъ отношеніи Теннисонъ, жившій какъ художникъ-мыслитель и оставшійся вѣрнымъ себѣ и въ смерти, составляетъ истинно прекрасное и поучительное въ лучшемъ смыслѣ слова явленіе.

Жизни поэта соотвѣтствуетъ міросозерцаніе, отразившееся въ его творчествѣ. Мы видѣли, что въ «In Memoriam» сказался уже его оптимизмъ и вѣра въ высшій смыслъ жизни. Всѣ дальнѣйшія произведенія проникнуты тѣмъ же духомъ, воспѣваетъ-ли

поэтъ утонченныя чувства средневѣковыхъ рыцарей и ихъ дамъ или наивную душу любящей крестьянки, задѣваетъ-ли онъ волнующіе вопросы дня или скрываетъ сатирическій умыселъ за граціознымъ сюжетомъ во вкусѣ итальянскихъ средневѣковыхъ новеллъ. Всегда Теннисонъ гуманенъ и воодушевленъ вѣрой въ лучшія чувства людей, всегда въ немъ чувствуется теплота и отзывчивость на страданіе, а, главное, всегда въ немъ чувствуется истинный поэтъ съ неизсякаемой молодіей въ душѣ.

Наиболѣе знаменитъ, хотя едва-ли выше всего другого въ художественномъ отношеніи, циклъ рыцарскихъ балладъ Теннисона «Idylls of the King». Они воспроизводятъ сказанія цикла «Круглаго стола» и создаютъ поэтическіе образы идеальныхъ женщинъ, соединяющихъ глубину страстей съ безпредѣльной чистотой души, и героевъ, преданныхъ до самозабвенія своимъ рыцарскимъ идеаламъ. Самъ король Артуръ, не знающій личныхъ привязанностей и всецѣло поглощенный своимъ идейнымъ міромъ, является грандіозной эпической личностью, вполнѣ цѣльной по своей отчужденности отъ земныхъ цѣлей. Но рядомъ съ нимъ его жена, королева Жиневра, столь же поэтична и привлекательна своими земными чувствами, своей жаждой привязанности и своей нѣжностью,—ея любовь къ безупречному Ланселоту обвѣяна поэзіей и измѣна королю кажется не преступленіемъ, а дѣйствіемъ безпощаднаго рока, также какъ нѣжное глубокое чувство прекрасной Элленъ, подруги Ланселота.

Тѣ же человѣчныя и общепонятныя чувства Теннисонъ воспѣваетъ въ своихъ герояхъ и героиняхъ иного типа, скромныхъ обитателяхъ полей, морякахъ и т. п. Большой и вполнѣ заслуженной популярностью пользуется его поэма «Энохъ Арденъ», показывающая, какъ самыя сложныя драмы жизни разрѣшаются мирно, если побужденія дѣйствующихъ лицъ остаются чистыми и добрыми. Энохъ Арденъ и другъ его Филиппъ любятъ одну и ту же дѣвушку, и когда она избираетъ перваго, Филиппъ не таитъ злобы къ другу. Но когда Энохъ, отправившись въ море, пропадаетъ безъ вѣсти, и послѣ долгихъ лѣтъ ожиданія жена его выходитъ замужъ за Филиппа, готовится новый актъ душевной драмы: Энохъ возвращается уже почти старикомъ—и узнаетъ, что семья его счастлива безъ него: онъ проходитъ у оконъ дома Филиппа и наблюдаетъ картину счастья своей жены въ ея новой семьѣ. Онъ удерживается отъ крика, который «разрушилъ бы миръ этого очага»—и уходитъ умирать въ одиночествѣ. Во всей поэмѣ съ ея поэтичными описаніями моря, картинами тихой семейной идилліи, грустными, но гармоничными настроеніями, свѣтится необычайно ясная душа поэта, большая любовь и жалость къ людямъ и стремленіе научить ихъ незлобивому красивому отношенію къ жизни.

Къ лучшимъ поэмамъ Теннисона относится также «Princess», такъ живо напоминающая остроумнѣйшія комедіи Шекспира своимъ граціознымъ содержаніемъ. Группа дѣвушекъ, основавшая самостоятельную колонію, гдѣ онѣ серьезно предаются наукамъ и искусствамъ и строго ограждаютъ себя отъ всякаго мужского вторженія, хитрость, при помощи которой влюбленный принцъ про-

бирается въ этотъ своеобразный монастырь, открытая война, когда присутствіе принца открыто, и наконецъ, жалость принцессы, переходящая въ любовь—все это разсказано Теннисономъ съ тонкимъ юморомъ и массой поэтическихъ деталей. Ученая принцесса и ея подруга—граціознѣйшіе изъ «синихъ чулковъ»—отстаиваютъ женскую эмансипацію обаяніемъ своихъ чистыхъ сердецъ и своей красоты, и, какъ всегда у Таннисона, ихъ любящая натура одерживаетъ верхъ надъ холоднымъ принципомъ и любовь дополняетъ ихъ душевный міръ.

Г. Ивановъ разсматриваетъ также поэмы Теннисона на гражданскія темы, какъ «Locksley Hall», гдѣ авторъ возмущается противъ тиранніи богатства въ жизни и воспѣваетъ благороднаго и самоотверженнаго труженика науки, забывающаго личное горе въ борьбѣ за идею.

Мы не согласны однако съ тѣмъ, что въ число гуманитарныхъ поэмъ г. Ивановъ включаетъ «Maud», къ переводу которой приложена его статья. Сюжетъ «Maud» заключается въ томъ, что разочарованный въ личной жизни герой находитъ исходъ своему горю въ войнѣ, вспыхнувшей какъ разъ во время, чтобы заставить его забыть себя въ бѣдствіи цѣлой націи. При этомъ Теннисонъ поетъ гимнъ войнѣ, говоря, что она возбуждаетъ силы націи, возвышаетъ ея духъ и имѣетъ самыя благотворныя послѣдствія. Эта проповѣдь войны, порожденная моментомъ шовинистскаго увлеченія со стороны поэта-лауреата, въ настоящее время кажется по меньшей мѣрѣ устарѣлой, и самая поэма, красивая въ описаніяхъ любви, звучитъ чуждо и холодно своимъ дѣланнымъ паѳосомъ.

У русскаго читателя поэмы такое неблагопріятное впечатлѣніе непремѣнно получится и помимо фальшивости темы: все то, что есть поэтичнаго у Теннисона, весь художественный обликъ поэмы безвозвратно погибъ въ переводѣ г. Ѳедорова. Въ послѣднее время у насъ появляется такъ много плохихъ стихотворныхъ переводовъ, что любителей иностранной поэзіи начинаетъ охватывать ужасъ. Лучше совсѣмъ не переводить Теннисона, Шелли, Мюссэ, чѣмъ переводить, какъ это дѣлается у насъ. Въ «Maud» строфы въ четыре стиха г. Ѳедоровъ переводитъ восемью и вставляетъ совершенно ненужныя фразы, разбавляя каждую строфу водой собственнаго вдохновенья. «Ледяная печаль», «холодный трупъ», «кровь застывающая въ жилахъ», «низкій обманъ», «чудные звуки»,—всѣ эти клише пестрятъ переводъ, изгоняя духъ Теннисоновской поэзіи и дѣлая стихъ пошлымъ до крайности. А выраженія вродѣ «вереска, который вьется точно кровь», или «въ воду спрятаны пружины мрачной цѣли», или «мысль предчувствія» и т. д. и т. д. превращаютъ эту пошлость въ откровенное уродство. Что касается самой передачи смысла, то переводчикъ, очевидно и не стремился быть вѣрнымъ оригиналу. Получается впечатлѣніе, будто онъ прочитывалъ строфу, не совсѣмъ понимая ее и передавалъ ее своими словами, уснащая переводъ дикими восклицаніями и жалкими словами, которыхъ бы никогда не употребилъ уравновѣшенный, выдержанный поэтъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

А. А. Исаевъ. «Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства».— *К. Головинъ.* «Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика».

А. А. Исаевъ. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 10 к. Названная книжка составилась изъ публичныхъ лекцій и происхожденіе это сказывается какъ въ замѣчательно простомъ и ясномъ ея языкѣ, такъ, къ сожалѣнію, и въ недостаточной глубинѣ теоретическихъ главъ. Главы эти (I, II и III) посвящены вопросамъ о роли экономическаго фактора и сознательной дѣятельности въ общественныхъ отношеніяхъ. Признавая «первостепенную важность явленій хозяйства въ жизни частной и общественной» (стр. 21), г. Исаевъ не принимаетъ, однако, всецѣло теоріи «экономическаго матеріализма», считая необходимыми нѣкоторыя ея «ограниченія». Для подтвержденія своего мнѣнія онъ во II главѣ приводитъ значительное число фактовъ, но какого-либо *принципіальнаго* опредѣленія *размѣровъ* этихъ «ограниченій» онъ не даетъ вовсе, только указывая на ихъ происхожденіе.

«Все сказанное побуждаетъ насъ,—говоритъ онъ на стр. 35,— сдѣлать выводъ, что нельзя *объяснять экономическими фактами* всю совокупность явленій общественной жизни и что, изслѣдуя міръ хозяйства, нужно вспомнить о *дружелюбіи*, какъ силѣ, дѣйствующей на ряду съ *себялюбіемъ*».

Итакъ, по мнѣнію г. Исаева, объясненіе общественной жизни экономическими фактами покоится на признаніи «себялюбія» основной соціальной силой, а съ точки зрѣнія такого пониманія признаніе общественнаго значенія за «дружелюбіемъ» естественно должно представляться лишь *внѣшнимъ ограниченіемъ* ученія. Приведя слова Энгельса о дѣятельности Роберта Оуена, г. Исаевъ продолжаетъ: «обратимъ вниманіе на увлеченіе, съ которымъ написаны эти страницы, и мы скажемъ, что нельзя говорить болѣе краснорѣчиво о вліяніи *дружелюбія* въ общественной жизни... чѣмъ говоритъ этотъ мыслитель, по мнѣнію многихъ, вездѣ проводящій *начало экономическаго матеріализма.* Каутскій, вѣрный завѣтамъ своихъ учителей... *также* нерѣдко *ограничиваетъ положенія экономическаго матеріализма*» (стр. 38—39). Съ такимъ пониманіемъ «экономическаго матеріализма» трудно согласиться Прежде всего «экономическій матеріализмъ»—ученіе *эволюціонное* и, какъ таковое, разсматриваетъ человѣческую натуру. какъ постоянно *измѣняющійся* результатъ исторіи, а потому ученіе это и не можетъ связывать своего объясненія всей общественной эволюціи съ какимъ-либо «качествомъ» человѣка, принимаемымъ за «основное» (будь то «себялюбіе», «дружелюбіе» или что другое). Основаніе *современной* общественной жизни «экономическій матеріализмъ» усматриваетъ во взаимодѣйствіи «классовыхъ чувствъ», но классовое чувство—понятіе не тождественное съ себялюбіемъ и не противоположное дружелюбію. Кромѣ того, «экономическій матеріализмъ» знаетъ въ прошломъ (мы не говоримъ здѣсь о буду-

щемъ) человѣчества такой періодъ, когда чувство, аналогичное съ тѣмъ, которое нынѣ связываетъ членовъ одного класса, охватывало всю общественную организацію. Краснорѣчивыя свидѣтельства объ этомъ, сопровождаемыя рѣзкими репликами по адресу буржуазныхъ мыслителей, пытающихся навязать свойства своего класса всему человѣчеству, и черты общественнаго строя въ періодъ его господства—всей человѣческой исторіи, читатель можетъ найти у того же К. Каутскаго («Очерки и этюды» см. I и II очерки—«Общественные инстинкты въ мірѣ животныхъ и—у людей»).

Отмѣченный эволюціонный харарактеръ ученія «экономическаго матеріализма», повидимому, мало остановилъ на себѣ вниманіе нашего автора. Этимъ слѣдуетъ объяснить то, что въ своемъ изложеніи онъ совсѣмъ не коснулся той роли въ общественной динамикѣ, какая придается «экономическими матеріалистами» борьбѣ противоположныхъ общественныхъ элементовъ. Это игнорированіе, помимо неполной обрисовки разбираемаго ученія, сказалось также въ публицистическихъ выводахъ автора.

Отмѣчая выгодныя послѣдствія для хозяйства страны отъ пріобрѣтенія ею болѣе совершенныхъ общественныхъ формъ, онъ останавливается, главнымъ образомъ, на томъ, что «всѣ положижительныя силы не только въ смыслѣ знаній и талантовъ, но и смыслѣ благородства души, истиннаго патріотизма... получатъ широкій просторъ для своей дѣятельности» (стр. 198), что голоса «лучшихъ людей русскаго общества», сознающихъ темныя стороны въ нашей экономической жизни, получатъ бóльшее вліяніе (стр. 200),—и совершенно оставляетъ въ тѣни преобразующее вліяніе на всю общественную жизнь, какое произведетъ признаніе правъ на «самодѣятельность» за слоями населенія, испытывающими на себѣ эти темныя стороны.

Переходя теперь къ анализу у г. Исаева русской общественной жизни, мы прежде всего должны отмѣтить очень важное и недостаточно еще вошедшее въ самосознаніе нашего общества, положеніе автора о томъ, что руководящими въ государственной жизни элементами у насъ являются «представители крупнаго и средняго землевладѣнія, и классы, принадлежащіе къ крупнымъ и частью среднимъ промышленности и торговлѣ» (стр. 16) *).

Иллюстраціей этого взгляда являются весьма интересныя экскурсіи въ область государственныхъ мѣропріятій, изъ которыхъ

---

*) Положеніе это устанавливается г. Исаевымъ въ непосредственной связи съ его теоретическими взглядами. Указанныя общественныя группы имѣютъ, по его мнѣнію, такое вліяніе вслѣдствіе того, что «располагаютъ наибольшею *экономическою силою*» Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ точнаго опредѣленія послѣднему понятію, а въ послѣдующемъ изложеніи отождествляетъ его съ «*имущественными средствами*», между тѣмъ какъ «экономическая сила» обусловливается не только «имуществомъ», но также—и главнымъ образомъ—*ролью въ производствѣ*. Смѣшеніе это ведетъ, напр., къ неправильному представленію о характерѣ появленія въ Англіи фабричнаго законодательства, направленнаго къ защитѣ интересовъ рабочихъ, которые располагаютъ даже и въ массѣ «очень *малыми имущественными* средствами», а потому и являются *слабою* частью населенія (см. стр. 31).

обращаетъ на себя особенное вниманіе: оцѣнка значенія реформы 19 февраля (стр. 94, 165, 173, 174, 175), очеркъ развитія у насъ фабричнаго законодательства (стр. 138—141) и характеристика главныхъ мѣръ по оказанію кредита сельскому населенію (стр. 136, 137, 141—145).

Поучительны также главы V и VI, содержащія довольно объективное разсмотрѣніе тѣхъ «особенностей» русской жизни, съ которыми «народническое» ученіе связываетъ надежды на переходъ въ новую стадію экономической организаціи. Здѣсь мы отмѣтимъ опроверженіе довольно распространеннаго у насъ ошибочнаго мнѣнія, будто бы въ Россіи люди образованнаго класса выдѣляютъ изъ своей среды гораздо больше, чѣмъ на Западѣ, дѣятелей, «въ высокой степени проникнутыхъ чувствомъ дружелюбія, готовыхъ настойчиво и самоотверженно служить народу» (стр. 122—127).

Но, безспорно, самою важною во всей книгѣ является глава VIII, въ которой авторъ съ замѣчательною отчетливостью опредѣлилъ необходимыя для Россіи культурныя условія, внѣ которыхъ «могутъ быть даны народной жизни многочисленныя мѣропріятія съ самыми заманчивыми названіями, но они будутъ только неудачной копіей съ своихъ образцовъ» (стр. 189).

Мы не обинуясь скажемъ, что это опредѣленіе является крупною общественною заслугою г. Исаева и, указавъ выше на недостатки его книги, мы съ тѣмъ большимъ правомъ рекомендуемъ ее особенному вниманію всѣхъ нашихъ читателей.

К. Головинъ. Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика (Къ вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ). Спб. 1896 г. Ц. 1 р. Интересная *тема* и не лишенное остроумія заглавіе книжки, быть можетъ, привлекутъ къ ней вниманіе и такихъ читателей, которые, не ожидая ничего добраго «изъ Галилеи», въ произведенія сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника» и другихъ аналогичныхъ изданій вообще не заглядываютъ. Справедливость подобнаго отношенія къ названнымъ произведеніямъ, однако, нисколько не колеблется *содержаніемъ* книжки. Поверхностное трактованіе основного вопроса и черезчуръ вульгарное пониманіе всѣхъ, затрогиваемыхъ при этомъ, теоретическихъ и принципіальныхъ положеній—вотъ главныя черты настоящаго труда г. Головина, которыя далеко не искупаются отдѣльными вѣрными его замѣчаніями, отнюдь, къ тому же, не новыми.

Сверхъ этого слѣдуетъ указать, что при изложеніи взглядовъ, какъ «народниковъ» (по мнѣнію автора, защитниковъ «мужика безъ прогресса»), такъ и «экономическихъ матеріалистовъ» (сторонниковъ, по той же терминологіи, «прогресса безъ мужика»), г. Головинъ мѣстами тенденціозно ихъ извращаетъ, не останавливаясь даже передъ буквальнымъ противорѣчіемъ своего изложенія съ приводимыми имъ цитатами изъ разбираемыхъ писателей. Такимъ извращеніемъ представляется намъ, напр., изложеніе мнѣній г. В. В. о роли въ народномъ хозяйствѣ техническихъ усовершенствованій, пользу которыхъ онъ якобы *безусловно* отрицаетъ, причемъ попутно г. Головинъ извращаетъ и вообще «тру-

довую теорію цѣнности» (стр. 37—41, 44, 46, 49). Являясь защитникомъ группы «достаточныхъ классовъ» (см. стр. 64), авторъ, какъ этого и слѣдуетъ ожидать, склоненъ закрывать глаза на многія темныя стороны русскихъ капиталистическихъ отношеній и на стр. 150—153 прямо заявляетъ, что у насъ нѣтъ еще и «признаковъ» «вредныхъ», «болѣзненныхъ» явленій капитализма, утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, что «живительность его плодотворныхъ силъ» давно уже проявилась у насъ. И вотъ при такомъ-то «благодушномъ» отношеніи къ общественной жизни, онъ рѣшается все-таки обвинять «экон. матеріалистовъ» въ томъ, что они «съ черезчуръ легкимъ сердцемъ готовы примириться съ болѣзненными явленіями капиталистической эры» (стр. 157). Полная неосновательность этого утвержденія тѣмъ очевиднѣе, что г. Головинъ имѣетъ въ виду не вообще «экон. матеріалистовъ», а опредѣленныхъ писателей и между ними г. Бельтова, который, помимо общаго тона своей книги («Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію»), съумѣлъ высказать и свое отношеніе къ «болѣзненнымъ явленіямъ» въ выраженіяхъ категорическихъ и исключающихъ всякія недоразумѣнія.

Извращая въ своемъ изложеніи мысли другихъ писателей, г. Головинъ не свободенъ и отъ противорѣчія самому себѣ. На стр. 2-й онъ иронизируетъ надъ «народниками» по поводу ихъ надеждъ на то, что низкія цѣны на хлѣбъ укрѣпятъ «мужицкое хозяйство» въ его борьбѣ съ «частнымъ землевладѣніемъ», а на стр. 159-й о томъ же мужицкомъ хозяйствѣ пишетъ слѣдующее: «если теперешнее положеніе его жалко, будущее, все-таки, за нимъ. И, во всякомъ случаѣ, какъ разъ теперь, въ эпоху хлѣбнаго кризиса, у него большое преимущество передъ крупнымъ землевладѣніемъ. Обходясь безъ наемныхъ батраковъ и свою работу не цѣня ни во что, крестьянинъ можетъ производить дешевле любого крупнаго собственника и, стало быть, съ нимъ конкуррировать».

Несмотря на всѣ эти недостатки, мы не можемъ, однако, отказать разбираемому произведенію въ извѣстнаго рода поучительности. Г. Головинъ занимаетъ, какъ мы уже видѣли, совершенно иную общественную позицію, чѣмъ представители обоихъ названныхъ направленій. Относясь, поэтому, отрицательно къ общественнымъ программамъ, вытекающимъ изъ того и другого ученія, онъ тѣмъ самымъ подчеркиваетъ, что оба они имѣютъ между собою много общаго; встрѣчаются у него и прямыя заявленія въ этомъ смыслѣ (см., напр., стр. 9 о воззрѣніяхъ «народниковъ» на то, каково должно быть отношеніе между «рабочимъ» и «продуктомъ его труда»). Напоминаніе объ указанной связи является не лишнимъ въ виду того, что въ литературной полемикѣ, создавшейся вокругъ «экономическаго матеріализма», ее иногда игнорировали настолько, что писатель, высказывающійся противъ одного изъ названныхъ ученій, по этому самому признавался сторонникомъ другого. Для объясненія этого, кромѣ полемическихъ отношеній, слѣдуетъ присоединить еще и то, что нѣкоторые «экономическіе матеріалисты» въ своей классификаціи направленій руководились

слишкомъ *«литературной» точкою зрѣнія.* Они забывали при этомъ ими же выставляемое въ другихъ случаяхъ положеніе, что «единственно прочный критерій для классификаціи направленій даетъ отвѣтъ на вопросъ, интересы какого общественнаго класса выражаетъ собою данное міровоззрѣніе», а также—какія общественныя силы призываетъ оно для проведенія своихъ идеаловъ въ жизнь («quibus auxiliis?»—по выраженію Щедрина, см. «За рубежемъ»). Мы не хотимъ сказать, что съ указанной точки зрѣнія нѣтъ существенныхъ различій между «народниками» и «матеріалистами», но послѣдовательное примѣненіе ея гарантировало бы отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, послѣдствія которыхъ можно видѣть и въ книжкѣ г. Головина. На стр. 88 онъ говоритъ, что «если, въ самомъ дѣлѣ, выкинуть изъ книжки г-на Струве довольно смутныя надежды на имѣющее когда-нибудь совершиться «обобществленіе» и освободить ее отъ ненужнаго философскаго балласта, его программа очень близко подойдетъ къ тому, что я позволилъ себѣ высказать на предъидущихъ страницахъ». Конечно, это—неправда, и г. Головинъ подобнымъ муссированіемъ лишь желаетъ зачислить въ пользу своего направленія лишній голосъ. Но, намъ кажется, что г. Струве самъ нѣсколько облегчилъ г. Головину это муссированье тѣмъ, что въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» (гдѣ изложеніе ведется «съ точки зрѣнія публицистической», см. стр. 1) не держался строго приведеннаго выше критерія классификаціи, имъ же самимъ формулированнаго въ послѣдующихъ статьяхъ. Укажемъ здѣсь на то, что онъ признаетъ (стр. 211) «замѣчательную работу» г. А. Скворцова написанною «съ точки зрѣнія теоріи», сторонникомъ которой является и самъ г. Струве. Между тѣмъ г. А. Скворцовъ, *не смотря на принятіе имъ нѣкоторыхъ теоретическихъ положеній* основателя школы, съ точки зрѣнія нашего критерія, безусловно долженъ быть отнесенъ къ типичнѣйшимъ «бюрократамъ» *), и г. Струве, давая свое опредѣленіе его работѣ, выразился недостаточно осторожно. Во всякомъ случаѣ, это опредѣленіе могло послужить для г. Головина своего рода мостомъ отъ г. Скворцова, *съ которымъ у него дѣйствительно много общаго,* къ г. Струве, съ которымъ общаго у него нѣтъ ничего.

Итакъ, во избѣжаніе существенныхъ недоразумѣній, г. Скворцовъ, имѣющій литературное обличье, схожее съ «матеріалистами», долженъ быть рѣзко отъ нихъ отличаемъ.

Точно такое же разчлененіе, съ точки зрѣнія нашего критерія, необходимо внести и въ группу «народниковъ», и поводъ для этого даетъ опять-таки книга г. Головина.

Въ предисловіи онъ заявляетъ, что за послѣднее время «народническая» доктрина «проникаетъ въ тайники канцелярій». Г. Головинъ—сотрудникъ органовъ, весьма близкихъ къ названнымъ сферамъ, а потому его заявленіе слѣдуетъ принять, какъ

---

*) Отмѣтимъ, что подобное отношеніе къ г. Скворцову было уже высказано и со стороны «экономическихъ матеріалистовъ».

авторитетное. Къ тому же, оно вполнѣ гармонируетъ съ нѣкоторыми литературными явленіями. Напр., съ брошюрой г. Гофштеттера «Доктринеры капитализма» (Спб. 1895 г.), выдвинувшаго идею «государственной интеллигенціи» (понятіе, очевидно, конкурирующее съ «государственными младенцами» Щедрина).

Приложивъ теперь нашъ критерій къ наиболѣе типичнымъ проявленіямъ «народническаго» теченія 70-хъ и начала 80 гг., остановившись, главнымъ образомъ, на вопросѣ «quibus auxiliis», мы должны будемъ признать, что между этимъ «народничествомъ» и сохранившими лучшія его стороны современными общественными теченіями съ одной стороны и «народничествомъ», имѣющимъ вліяніе въ «канцеляріяхъ» —съ другой, лежитъ цѣлая пропасть.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Е. А. Бѣловъ. «Русская исторія». — *Минье.* «Исторія французской революціи».—*Токвиль.* «Старый порядокъ».

Е. А. Бѣловъ. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Спб. 1895. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Ц. 3 руб. По поводу книги Е. Бѣлова надо писать не рецензію, а цѣлую статью; мало того, разбирать ее надо не одиноко, а въ связи со всѣми новѣйшими попытками изложенія общаго хода русской исторіи, русской исторической и философской мысли, т.-е. въ связи съ трудами проф. П. Н. Милюкова, академика А. Н. Пыпина, проф. А. С. Трачевскаго, М. М. Филиппова, Н. М. Павлова, Д. И. Иловайскаго и сжатой характеристикой результатовъ старыхъ работъ Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, М. О. Кояловича, К. Н. Бестужева-Рюмина. Это заявленіе уже опредѣляетъ взглядъ рецензента на книгу, предназначенную самимъ авторомъ *«для образованныхъ читателей»*. Если для сужденія о ней рецензенту-спеціалисту приходится предпринять указанную сейчасъ громоздкую справку, то понятно, что для обычнаго «образованнаго читателя», которому требуется знакомство съ общимъ ходомъ русской исторіи въ ясномъ, живомъ, научно-популярномъ изложеніи, книга Ев. Бѣлова совершенно недоступна. Читая «Русскую исторію» Е. Бѣлова, не спеціалистъ не въ силахъ, съ одной стороны, оцѣнить устарѣлость однихъ и всю оригинальность другихъ взглядовъ нашего автора, а съ другой стороны страшная сухость, непослѣдовательность, односторонность изложенія могутъ съ успѣхомъ отпугнуть такого читателя отъ необходимой настойчивости для ознакомленія съ до-петровской эпохой русской исторіи. Относясь съ безусловнымъ отрицаніемъ къ книгѣ Е. Бѣлова въ смыслѣ пригодности ея для большой публики, мы тѣмъ самымъ вовсе не отказываемъ ей въ извѣстномъ положеніи (и, прибавимъ, очень любопытномъ) среди серіи перечисленныхъ выше работъ. Это вѣдь не компиляція только въ родѣ пресловутой «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго, тенденціозность котораго поразительна по своей грубости и неприли-

чію, а серьезный, многолѣтній трудъ, покоившійся на ученыхъ вкусахъ и педагогической опытности автора. Чѣмъ тѣснѣе придвинемъ названный трудъ къ личности самого автора, тѣмъ спеціальный интересъ къ книгѣ будетъ болѣе и болѣе расти. Вотъ почему въ настоящей замѣткѣ, какъ имѣющей въ виду большую публику, важно подчеркнуть нѣкоторые взгляды Ев. Бѣлова; что касается, собственно содержанія книги, то достаточно сказать, что двадцать четыре главы ея обнимаютъ русскую исторію отъ разселенія славянъ до единодержавія Петра не включительно, составъ отдѣльныхъ главъ совершенно случаенъ, анализа внутренняго смысла и взаимной связи историческихъ явленій нѣтъ, а главное вниманіе обращено на разсказы о войнахъ и походахъ, пораженіяхъ и побѣдахъ, о главаряхъ тѣхъ и другихъ; культурѣ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, отведено мало мѣста, да и вопросы, входящіе въ составъ этого понятія, тронуты безъ системы и безъ достаточной подготовки со стороны ознакомленія съ первоисточниками.

Хотя авторъ нигдѣ не даетъ яснаго указанія на необходимость дробленія русской исторіи на отдѣльные періоды, однако, изъ нѣкоторыхъ его замѣчаній, оговорокъ и пріемовъ изложенія можно заключить, что съ половины IX вѣка до конца XVII вѣка можно намѣтить два, слѣдовавшихъ другъ за другомъ, сочетанія историческихъ явленій древней Руси: первое—до Ивана III, когда князь выросталъ въ самодержца, а дружинники превращались въ служилый классъ; второе—до реформы Петра I, когда два удивительныхъ Ивана создавали организмъ московскаго государства, разлагавшагося въ лицѣ его учрежденій въ слѣдующемъ за ними XVII вѣкѣ. «*Центральной фигурой*» этого второго сочетанія историческихъ явленій древней Руси является Иванъ IV, дѣятельность котораго, съ одной стороны, тѣсно связана съ дѣятельностью Петра I, а съ другой — имѣетъ много общаго съ важной работой Ивана III. Оба Ивана, говоритъ Евг. Бѣловъ, «объединивъ Русь, старались показать жителямъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ выгоды объединенія; для этой цѣли оба покровительствовали мелкимъ городскимъ и особенно сельскимъ общинамъ; поэтому не даромъ половина XV в. и весь XVI-й вѣкъ многими называются золотымъ вѣкомъ сельскихъ общинъ. Иванъ III старался ограничить власть духовенства и владѣніе монастырей имѣньями. Рѣшительнѣе въ этомъ дѣлѣ поступилъ Иванъ IV, дѣятельность котораго, въ силу обстоятельствъ, приняла болѣе широкіе размѣры. Указывая на вредный примѣръ владычества духовенства въ Византіи, онъ сильно ограничилъ власть духовенства и число монастырскихъ имѣній. Церковные вопросы и внѣшней политики играли въ его царствованіе важную роль, ибо не слѣдуетъ упускать изъ виду усилія іезуитовъ обратить въ католицизмъ сначала—литовскую, а потомъ и восточную—московскую Русь». Евг. Бѣловъ обрисовываетъ затѣмъ паря Ивана IV, какъ личность, стремившуюся къ сближенію съ Западомъ. Петръ Великій въ этомъ отношеніи и во многихъ вопросахъ внутренней политики является лишь достойнымъ преемникомъ царя Ивана IV. Весь хронологическій промежутокъ между ними—простой историческій lapsus; тутъ любопытно лишь наблю-

дать процессъ разложенія учрежденій, умственный и нравственный упадокъ верховъ населенія. Реформа Петра являлась коренной необходимостью, иначе московскому государству грозила гибель отъ своей собственной дикости. Реформа Петра не могла колебать національный элементъ, если не принять дикость и невѣжество за основное его выраженіе. Итакъ, реформа Петра была «необходима, неизбѣжна и благодѣтельна», ибо московская Русь разлагалась; это разложеніе «покажетъ несправедливость обвиненія Петра въ какомъ-то насильственномъ разрывѣ древней и новой Россіи». «Этотъ мнимый разрывъ состоялъ въ замѣнѣ невѣжества просвѣщеніемъ и приведеніемъ хоть въ нѣкоторый порядокъ крайне разстроенной государственной машины. Разложеніе продолжалось цѣлый, печальной памяти XVII вѣкъ, который начался кровавой смутой, продолжался среди бунтовъ и мятежей и кончился новой смутой. Кровавый большой стрѣлецкій розыскъ былъ достойнымъ завершеніемъ исторіи этого печальнаго вѣка».

Изложенный сейчасъ общій взглядъ далеко не новъ, онъ многимъ читателямъ можетъ показаться чѣмъ-то очень знакомымъ, но давно забытымъ. Зерно этого взгляда взято у К. Д. Кавелина, чего не скрываетъ и самъ авторъ. Основная тенденція автора доказывать разложеніе московской Руси XVII вѣка и сходство въ дѣятельностяхъ Ивана IV и Петра I, чтобы увѣрить, что Россія XVIII вѣка, начавъ реформой, не измѣнила своей національности,— приводитъ насъ къ блаженной памяти эпохѣ борьбы славянофиловъ и западниковъ. Взглядъ Евг. Бѣлова поэтому-то и любопытенъ и обращаетъ на себя вниманіе, что онъ послѣднее блѣдное воспоминаніе о томъ, что прошло и чему никогда не вернуться. И славянофилы, и западники давно выродились, переродились между собою, дали новый цвѣтъ — и теперь оправдывать Петра I отъ обвиненій въ колебаніи національныхъ основъ болѣе смѣшно, чѣмъ еслибъ доказывать, что въ нашемъ распоряженіи, въ лицѣ начальнаго лѣтописнаго свода, имѣется лѣтопись монаха Нестора. Теперь другіе интересы, другіе взгляды, другія партіи, другіе пріемы историческаго анализа, другой матеріалъ для научно-историческихъ операцій; теперь національныя особенности объясняются какъ послѣдствіе тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ, а не наоборотъ. Самую національность, говорятъ, нужно истолковать изъ суммы данныхъ прошлаго историческаго процесса, а не послѣдній объяснять при помощи икса, именуемаго національностью. «При настоящемъ состояніи нашей науки—объяснять что-либо изъ особенностей національнаго характера—большею частью значитъ признаться въ незнаніи и въ безсиліи дать надлежащее объясненіе», какъ совершенно вѣрно замѣтилъ одинъ изъ современныхъ русскихъ историковъ.

Минье. Исторія французской революціи. Спб. 1896 г. XXVII + 434. Ц. 1 руб. Новое изданіе г-жи Поповой даетъ, за 1 руб., 30 печатныхъ листовъ, на которыхъ помѣстилась вся двухтомная «Исторія французской революціи» Минье, значительная вступительная статья К. Арсеньева и не мало выдержекъ изъ «Революціи» Кинэ. Статья г. Арсеньева представляетъ обстоятельный и по-

дробный очеркъ литературы предмета. Въ выдержкахъ изъ Кинэ нашли мѣсто лучшія характеристики и разсужденія изъ прекраснаго сочиненія извѣстнаго французскаго ученаго.

Минье—не такъ давно (1884) умершій французскій академикъ, снискавшій симпатичное имя честнымъ образомъ мыслей, литературнымъ талантомъ и учеными изслѣдованіями о Маріи Стюартъ, Карлѣ V, Филиппѣ II и проч.; но больше всего извѣстенъ онъ, какъ авторъ «Исторіи французской революціи», которая вышла еще въ 1824 г., выдержала болѣе 10 изданій (послѣднее недавно). Разбираемая книга есть перепечатка съ 1-го изданія, которое было допущено въ библіотеки средне-учебныхъ заведеній. Сочиненіе Минье заслужило такой успѣхъ. Это—одна изъ тѣхъ популяризацій труднаго отдѣла науки, которыя такъ рѣдко выполняются удачно. Книга Минье — прекрасный учебникъ для широкой публики: въ сжатой, но ясной формѣ, онъ даетъ все существенное для пониманія столь мудренаго явленія, какъ великая революція, причемъ авторъ, вообще сочувствуя своему предмету, хладнокровно воздаетъ должное каждому по заслугамъ его. Его сужденія отличаются всегда дѣльностью, а иногда и глубиной, поразительной для того времени, когда писался его трудъ.

Мы не вправѣ требовать отъ историка 1820-хъ годовъ тѣхъ перспективъ, которыя открываются только теперь, благодаря массѣ новаго матеріала (особенно вызваннаго столѣтнимъ юбилеемъ революціи) и такими капитальными трудами, какъ изслѣдованія Токвиля, Зибеля и Სореля У Минье, напримѣръ, нѣтъ культурной стороны дѣла, что̀ отчасти повело къ одностороннему выдвиганію политики. Онъ говоритъ, «Революція имѣла политическій характеръ, потому что была направлена противъ абсолютной власти двора и противъ сословныхъ привиллегій, и характеръ военный— потому что Европа напала на нее». Въ наше время наука выставляетъ великое соціальное и культурное значеніе первой революціи. Эта мысль прекрасно проведена въ новѣйшемъ учебникѣ по исторіи революціи, принадлежащемъ опытному перу Карно, сына революціонной знаменитости и отца бывшаго президента республики. Эту книжку, какъ учебникъ, мы считаемъ образцовой: такъ она написана кратко и въ то же время живо, тепло, картинно и глубокомысленно. Она переведена, въ прошломъ году, и на русскій языкъ *). Былъ еще сдѣланъ, въ 1870-хъ годахъ, переводъ извѣстныхъ лекцій о революціи гейдельбергскаго профессора Гейссера, которыя, по краткости, также напоминаютъ учебникъ для большой публики. Утверждая, что у насъ нѣтъ ничего подобнаго труду Минье по революціи, г. Арсеньевъ упустилъ изъ виду двѣ упомянутыя книги. Всѣ три сочиненія имѣютъ свои достоинства и освѣщаютъ сложный предметъ съ разныхъ сторонъ и разными способами. Еще должно напомнить читателю о недавнемъ переводѣ (1892) превосходнаго и крупнаго ученаго труда талантливаго Сореля («Европа и французская революція»), напомнившаго всѣмъ и дополнившаго Токвиля.

---

[1]) Разборъ этой книги см. «Міръ Божій», 1895 г. іюнь, библіогр. отд.

Токвиль «Старый порядокъ и революція». Пер. подъ ред. П. Г. Виноградова. Изд. «Научно-образовательной библіотеки». М. 1896 г. Происхожденіе, характеръ и направленіе того великаго переворота, который ознаменовалъ конецъ прошлаго столѣтія во Франціи и такъ существенно отразился на судьбѣ остальной Европы, были предметомъ обсужденія во многихъ трудахъ и до появленія книги Токвиля. Нѣкоторымъ изъ нихъ нельзя отказать ни въ талантливости изложенія, ни въ знакомствѣ съ эпохою, ни въ проницательности при изслѣдованіи частныхъ причинъ явленій, и однако, небольшая книжка Токвиля «Старый порядокъ и революція» пережила и переживетъ большую часть этой литературы. И она достигаетъ этого не достоинствами внѣшняго изложенія, всегда сжатаго, тщательно выработаннаго и нѣсколько высокопарнаго, но значительностью выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ, обиліемъ фактовъ, получившихъ освѣщеніе, правильностью пріемовъ изслѣдованія, позволившихъ автору установить цѣлый рядъ положеній, истинное значеніе и справедливость которыхъ дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи могли только подтвердить. Измѣнивъ многія царившія дотолѣ понятія о революціи, этотъ «этюдъ», какъ скромно называетъ его самъ авторъ, оказалъ большое и плодотворное вліяніе на всѣ дальнѣйшія изслѣдованія политическаго и соціальнаго строя старой Франціи и происхожденія великой революціи. Прочитывая теперь эти сжатыя страницы, изобилующія глубокими выводами и мѣткими замѣчаніями, вы безъ труда отмѣчаете тѣ мысли автора, которыхъ дальнѣйшее развитіе даютъ работы такихъ изслѣдователей, какъ Тэнъ, Сорель, Шерестъ, у насъ М. Ковалевскій, Н. Лучицкій, и др.

Для того, чтобы понять причины того значенія, которое имѣло разсматриваемое произведеніе Токвиля, надо коснуться методовъ его изслѣдованія. Для этого будетъ достаточно двухъ указаній. Разсматривая причины того обстоятельства, что дворянство оставляло села, Токвиль говоритъ: «главная и постоянная причина этого явленія лежала не въ волѣ тѣхъ или иныхъ лицъ, а въ медленномъ и непрерывномъ дѣйствіи учрежденій» (141 стр.). Тутъ же— нѣсколько ранѣе—на возраженіе, исходящее отъ примѣра отдѣльныхъ лицъ, онъ отвѣчаетъ: «я говорю о классахъ: на нихъ однихъ должно останавливаться вниманіе исторіи». Такова его точка зрѣнія, которая привела бы его къ еще болѣе значительнымъ результатамъ, если бы понятіе класса было для него выработаннымъ въ смыслѣ не только юридическаго установленія, но и экономической категоріи. Однако, недостаточное знакомство съ политической экономіей, не помѣшало А. Токвилю установить свой взглядъ по вопросу о распредѣленіи земельной собственности передъ революціею,—взглядъ, шедшій въ разрѣзъ съ общепринятымъ, но подтвердившійся и подтверждающійся позднѣйшими изслѣдованіями. Мы говоримъ о его мнѣніи, что уже до революціи и революціонныхъ конфискацій существовалъ во Франціи многочисленный классъ крестьянъ - собственниковъ и что имъ принадлежала значительная часть всей территоріи. Заключеніе это, позднѣе подвергавшееся критикѣ, въ самое послѣднее время на-

ходитъ новое подтвержденіе въ результатахъ архивныхъ изслѣдованій нашего ученаго Н. В. Лучицкаго.

Непосредственная задача, которую ставитъ себѣ Токвиль въ своемъ сочиненіи, состоитъ въ томъ, чтобы «объяснить, почему великая революція, подготовлявшаяся одновременно почти на всемъ материкѣ Европы, вспыхнула у насъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; почему она какъ будто сама собою вышла изъ общества, которое ей предстояло разрушить, и, наконецъ, какъ могла старая монархія пасть такъ окончательно и такъ внезапно» (стр. 11). Разсматривая причины указанныхъ явленій, Токвиль строго отдѣляетъ среди нихъ «древніе и общіе факты, подготовившіе великій переворотъ», отъ «частныхъ и болѣе позднихъ фактовъ, которые окончательно опредѣлили его мѣсто, происхожденіе и характеръ» (стр. 157). Относя къ числу послѣднихъ факторовъ политическое вліяніе литераторовъ, антирелигіозное направленіе ихъ ученій, ошибки правительства, наконецъ, самую природу націи, опредѣлившую особенности явленія, авторъ выражаетъ убѣжденіе, что всѣ эти второстепенныя причины, носящія характеръ случайности, могли произвести только то, что было уже заранѣе подготовлено. Революція вспыхнула во Франціи раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому, что въ медленномъ процессѣ преобразованія феодальныя учрежденія, нѣкогда общія всей Европѣ, во Франціи раньше, чѣмъ гдѣ-либо, потеряли свое политическое значеніе и оправданіе, сохранялись, однако, въ видѣ цѣлой сѣти гражданскихъ привиллегій и преимуществъ, являвшихся принадлежностью класса привиллегированнаго, принимавшаго все болѣе и болѣе характеръ замкнутой касты. Эти стѣснительныя, необъяснимыя въ глазахъ остального населенія, раздражавшія его на каждомъ шагу, привиллегіи дворянства возбудили демократическую страсть къ равенству. И революція, этотъ бурный порывъ къ равенству, вышла какъ бы сама собою изъ нѣдръ стараго общества, потому что, несмотря на множество привиллегій и сословныхъ раздѣленій, французское общество XVIII вѣка было уже по существу уравнено, и оставалось только устранить внѣшнія разгородки, чтобы раскрыть это равенство. Два факта, составлявшіе тогдашнюю особенность Франціи, подготовили возможность необъяснимаго на первый взглядъ явленія, что французская монархія, выдерживавшая въ теченіе столькихъ вѣковъ такіе жестокіе удары, могла пасть такъ окончательно и такъ внезапно. Королевское правительство, уничтоживъ провинціальныя вольности и замѣнивъ собою, въ трехъ четвертяхъ Франціи, всѣ мѣстныя власти, сосредоточило въ своихъ рукахъ всѣ дѣла, какъ самыя мелкія, такъ и наиболѣе важныя. Эта административная централизація, являясь учрежденіемъ стараго порядка, а не созданіемъ революціи или имперіи, какъ ранѣе думали, породила въ населеніи общее убѣжденіе, что о всѣхъ дѣлахъ должно заботиться централизованное правительство, вопросъ же о томъ, въ чьихъ рукахъ будетъ правительственная власть, оказался вопросомъ второстепеннымъ. Вслѣдствіе господства той же системы централизаціи, Парижъ долженъ былъ стать хозяиномъ страны, вѣрнѣе говоря,

просто замѣнилъ собою всю страну. Этого было достаточно, чтобы послѣдняя всегда оказывалась въ подчиненіи той власти, которую призналъ Парижъ.

Таково разрѣшеніе, которое даетъ Токвиль непосредственной задачѣ своего труда. Но его выводы и содержаніе гораздо шире поставленныхъ авторомъ рамокъ. Для Токвиля, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Виноградовъ, «переворотъ 1789 г. былъ не просто крупнымъ событіемъ, возбуждающимъ ученую любознательность, а какъ бы узломъ, въ которомъ сходятся нити прошедшаго и современности». Въ своихъ «Воспоминаніяхъ», касаясь іюльской революціи, онъ пишетъ: «1830-мъ годомъ закончился этотъ первый періодъ нашихъ революцій, или, вѣрнѣе, нашей революціи, потому что у насъ была среди различныхъ переворотовъ только одна революція, начало которой видѣли наши дѣды, а конца которой мы, по всему вѣроятію, не увидимъ. Въ 1830 г. среднее сословіе одержало окончательную и полную побѣду» (стр. 11 рус. изд.). Подобная широта взгляда и давала Токвилю возможность, какъ отмѣтить въ ошибкахъ и крайностяхъ революціи слѣды политическаго воспитанія и пріемовъ стараго порядка, такъ и освѣтить многое въ явленіяхъ современности. Поэтому, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ редактора русскаго перевода, что книга Токвиля до сихъ поръ «является лучшимъ введеніемъ къ предмету и лучшимъ сужденіемъ о причинахъ и направленіи революціи» и что «отъ нея приходится начинать всякому, кто хочетъ уразумѣть настоящее положеніе Франціи — и одной-ли Франціи».

СОЦІОЛОГІЯ. ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

Г. Лебонъ. «Психологія народовъ».—*Д. Леббокъ.* «Начало цивилизаціи».

Густавъ Лебонъ. Психологія народовъ и массъ. Перев. съ франц. Изд. Ф. Павленкова. Спб. Ц. 1 р. Г. Лебонъ пользуется во Франціи значительной извѣстностью, благодаря своимъ трудамъ по исторіи цивилизацій Индіи, арабовъ и древняго Востока. И нельзя сказать, чтобы изслѣдованія эти не имѣли своихъ достоинствъ и значенія. Но авторъ ихъ не удовлетворился собираніемъ историческихъ матеріаловъ и описаніемъ фактической стороны исторіи Востока. Онъ рѣшилъ извлечь изъ своихъ трудовъ основы истинной общественной науки, своего рода философію исторіи, и еще разъ доказалъ, что таланты компилятора и описателя не заключаютъ еще въ себѣ задатковъ истиннаго ученаго. Широкія, но безсодержательныя обобщенія, которыя онъ выдаетъ за научно-обоснованныя истины, на самомъ дѣлѣ суть не болѣе, какъ банальности, облеченныя ученой терминологіей и обставленныя глубокомысленными соображеніями. Вся первая часть разсматриваемой нами книги, заключающая въ себѣ психологію народовъ сводится къ развитію того положенія, что у каждаго народа есть свой особый психическій складъ, который

составляетъ его отличіе и опредѣляетъ его цивилизацію, т. е. вѣрованія, искусства и учрежденія. Въ основѣ второй части, которая носитъ претенціозное названіе психологіи толпы, лежитъ не отличающееся новизною убѣжденіе въ томъ, что «толпа непостоянна, не признаетъ разума, не слушаетъ разсужденій, а подчиняется только чувству». Что касается теоріи о расовой душѣ, управляющей жизнью народовъ, то нельзя не согласиться на этотъ разъ съ мнѣніемъ автора, который хотя и имѣетъ много общихъ съ Лебономъ недостатковъ, однако по данному вопросу смотритъ несравненно болѣе здраво. По мнѣнію П. Лакомба, котораго мы имѣемъ въ виду, «объясненіе при помощи духа расы имѣетъ одинъ маленькій недостатокъ: оно слишкомъ коротко. Поддерживая слогъ на желаемой высотѣ, оно доставляетъ краснорѣчію желаемую пищу, но не даетъ автору ничего, кромѣ блестящихъ страницъ» («Соціологическія основы исторіи», стр. 252). И Густавъ Лебонъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ приведенный приговоръ. Въ развитіи своего основного положенія о преобладающей роли расоваго психическаго начала, онъ пользуется очень незначительнымъ запасомъ идей и аргументовъ, но за то большимъ запасомъ словъ, дающимъ ему возможность повторять эти аргументы и мысли въ многоразличныхъ, но равно мало доказательныхъ комбинаціяхъ. Эти разсужденія не всегда имѣютъ даже достоинство послѣдовательности. Отвергая вліяніе политическаго строя и вообще учрежденій на духовный складъ и участь народовъ, авторъ, однако допускаетъ, что школьное воспитаніе составляетъ средство, которымъ единственно возможно нѣсколько воздѣйствовать на «душу народа» (231 стр.). «Въ школахъ-то,—говоритъ онъ далѣе,—именно и подготовляется будущее паденіе латинскихъ народовъ». Между тѣмъ, не нужно ни особой проницательности, ни особыхъ познаній, чтобы видѣть ту непремѣнную связь, которая существуетъ между политическими учрежденіями страны и системами школьнаго образованія. Если даже «душа народовъ» поддается вліянію школы, то можно-ли говорить о ничтожномъ вліяніи политическаго строя, который всегда опредѣляетъ характеръ школы? Кого можетъ убѣдить авторъ логикою подобныхъ аргументовъ, мы не беремся судить. Впрочемъ, онъ и не задается, повидимому, подобной цѣлью. По его мнѣнію, «не съ цѣлью убѣждать, но чаще всего съ цѣлью развлечься, тратятъ философы свое время на писаніе. Лишь только человѣкъ выходитъ изъ обычнаго круга идей среды, въ которой ему приходится жить, онъ долженъ заранѣе отказаться отъ всякаго вліянія и довольствоваться узкимъ кругомъ читателей, самостоятельно пришедшихъ къ идеямъ, аналогичнымъ съ тѣми, которыя онъ защищаетъ» (стр. 7). Такимъ только читателямъ и можемъ мы рекомендовать плодъ «развлеченія» Густава Лебона.

Сэръ Джонъ Лёббокъ. Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка. Умственное и общественное состояніе дикарей. Второе изданіе, исправленное и дополненное по пятому англійскому изданію (1889 г.) подъ редакціею Д. А. Коропчевскаго. Спб. Изд. книжн. магазина М. М. Ледерле. Ц. 2 р. 50 к. Есть нѣкоторыя книги, на

долю которыхъ выпадаетъ особенно завидная судьба. Ими не только пользуются, какъ орудіями распространенія просвѣщенія: ихъ любятъ, какъ что-то живое, непосредственно близкое. Такое чисто сердечное отношеніе выразилось въ скромномъ и трогательномъ торжествѣ, устроенномъ недавно умершимъ Гёксли въ 1880 году. Это было «празднованіе совершеннолѣтія» книги Дарвина, *Происхожденіе видовъ*, появившейся въ 1859 г. Гёксли началъ свое чтеніе словами: «Сегодня мы празднуемъ совершеннолѣтіе этой небольшой зеленой книжки», и это вступленіе не было риторической фигурой: очевидно, онъ относился къ дорогой ему «зеленой книжкѣ», какъ къ живому существу, и былъ увѣренъ, что также къ ней относятся и его слушатели.

Книгу Лёббока «Начало цивилизаціи» нельзя, конечно, ставить на ряду съ названной книгой Дарвина, къ которой вполнѣ подходитъ нѣмецкій терминъ «epochemachend», т.-е. открывающій собою новую эпоху. Лёббокъ не положилъ свою жизнь на раскрытіе истинъ, дающихъ ключъ къ пониманію природы, какого намъ недоставало до тѣхъ поръ. Его скорѣе можно назвать любителемъ науки, отдающимъ свои досуги собиранію и систематизированію научнаго матеріала и наблюденіямъ надъ жизнью природы. Въ области антропологіи ему принадлежатъ только два сочиненія; заглавіе одного изъ нихъ мы выписали выше, а другое, предшествовавшее ему, носитъ названіе «Доисторическія времена». Послѣднее касается болѣе матеріальной культуры доисторическихъ обитателей Европы, а первое—духовной культуры дикихъ народовъ. Очевидно, Лёббокъ отдался интересамъ необычайнаго, по своему оживленію и по плодотворности результатовъ, движенію въ области науки о человѣкѣ, происходившему въ шестидесятыхъ годахъ, и плодомъ его занятій культурой доисторическихъ и дикихъ народовъ явились двѣ названныя книги. Впослѣдствія онъ посвятилъ часы, остававшіеся свободными отъ его финансовой и политической дѣятельности, изученію нравовъ пчелъ, осъ и муравьевъ, а въ недавніе годы, онъ съ такою же любовью учитъ, какъ любить природу, какъ разумно пользоваться жизнью и т. д.

Тѣмъ не менѣе, доставшійся намъ плодъ его занятій вопросами умственнаго развитія первобытнаго человѣка, въ видѣ названной выше книги, чрезвычайно цѣненъ. Такая книга могла только выдти изъ рукъ автора съ большимъ и яснымъ умомъ, который отчетливо различалъ русло научной мысли въ свое время и вѣрно угадывалъ его направленіе въ ближайшемъ будущемъ. И одновременно съ «Началомъ цивилизаціи», и послѣ ея появленія, написано было множество сочиненій по тому же предмету на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но, за исключеніемъ «Первобытной культуры» Тэйлора, ни одно не пользуется такой общепризнанной, не преходящей извѣстностью, какъ названное сочиненіе Лёббока. Для того, чтобы удержать за собою такое высокое мѣсто въ научной литературѣ въ теченіе четверти вѣка, столь богатой однородными научными трудами, книга Лёббока должна была обладать особыми, неоспоримыми достоинствами.

Мы полагаемъ, что эти достоинства оцѣнены и русскими чи-

тателями, раскупившими два изданія, которыя вышли въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ. Очевидно, не прекращающійся спросъ на эту книгу понудилъ г. Ледерле повторить петербургское изданіе 1876 г., которое выходитъ теперь «исправленнымъ и дополненнымъ» по новѣйшему англійскому изданію. Мы можемъ только порадоваться прочной привязанности нашей читающей публики къ книгамъ, заслужившимъ ея довѣріе и признательность.

Когда въ нашу печать проникло умственное движеніе, вызванное теоріей развитія не только въ біологіи и физической антропологіи, но и въ психологіи, и въ соціологіи, «Начало цивилизаціи» Лёббока явилось путеводною нитью среди разнообразныхъ мнѣній о происхожденіи семейныхъ и общественныхъ отношеній, вѣрованій, языка и т. п. Наплывъ новыхъ взглядовъ, измѣнившихъ укоренившіяся вѣками воззрѣнія на происхожденіе семейнаго союза, на первыя начала общественности, на отношеніе дикаго состоянія къ цивилизованному, создавалъ потребность въ книгахъ, гдѣ новыя воззрѣнія излагались бы ясно, проводились систематически и приходили къ законченнымъ выводамъ. Среди такихъ книгъ, «Начало цавилизаціи» Леббока занимало одно изъ первыхъ мѣстъ.

Эта книга познакомила многихъ съ послѣдовательными ступенями развитія семьи и окончательно ниспровергнула въ ихъ глазахъ прежнюю теорію патріархальной семьи, какъ первичной формы ея. Пользуясь трудами Бахофена, Мак-Леннана и Моргана, Леббокъ, сопоставляя ихъ мнѣнія, провѣрялъ ихъ этнографическими данными, какія въ то время могли быть въ его распоряженіи, и установилъ, что первоначальною формою брака былъ, такъ называемый, общинный бракъ, когда жены составляли достояніе цѣлой дикой общины. Эта форма, по его мнѣнію, постепенно смѣнилась индивидуальнымъ бракомъ, основаннымъ на похищеніи, что̀ повело къ эксогаміи и къ истребленію дѣтей женскаго пола. Сообразно съ этими различными формами брака, ребенокъ въ первыя времена общественнаго союза считался принадлежащимъ исключительно матери, и родство считалось по женской линіи. Впослѣдствія, закрѣпленіе индивидуальной формы брака выражалось признаніемъ ребенка принадлежащимъ только отцу, и родство считалось исключительно по отцовской линіи. Наконецъ, съ извѣстной постепенностью, выработалось понятіе о принадлежности ребенка обоимъ родителямъ, хотя, можно сказать, что этотъ процессъ еще не вполнѣ закончился, такъ какъ родословная до сихъ поръ связывается только съ родомъ отца. Многочисленныя доказательства для подтвержденія своихъ взглядовъ Леббокъ нашелъ въ системахъ родства дикихъ народовъ, незадолго передъ тѣмъ отысканныхъ и разработанныхъ Морганомъ.

Всѣ эти взгляды на происхожденіе и развитіе семьи съ теченіемъ времени подвергались различной переработкѣ съ помощью увеличивавшагося запаса этнографическихъ данныхъ, возроставшихъ по преимуществу въ области первобытной исторіи культурныхъ народовъ. Въ каждой странѣ, между прочимъ, и въ нашемъ

отечествѣ, появились изслѣдователи родной старины и имъ удалось отмѣтить въ процессѣ развитія семьи многое, оставшееся, за недостаткомъ матеріала, недоступнымъ Лёббоку. Въ настоящее время и у насъ составилась уже довольно обильная литература по этому предмету; такъ, въ прошломъ году, на страницахъ этого журнала мы могли отмѣтить одновременное появленіе трехъ сочиненій, спеціально касающихся этихъ вопросовъ, а съ того времени ихъ вышло въ свѣтъ, по крайней мѣрѣ, столько же. Тѣмъ не менѣе, даже и въ этой области мнѣнія Лёббока сохраняютъ не одинъ лишь историческій интересъ. И въ частности, и въ общей послѣдовательности своей, они далеко не могутъ считаться опровергнутыми или устраненными новѣйшей наукой. Напротивъ, видя, что ученые до сихъ поръ съ нимъ считаются, мы не можемъ не признать, что давность придаетъ имъ цѣну, фиксируемую лучшимъ пробнымъ камнемъ—временемъ. Если для этихъ воззрѣній четверть вѣка минула, не покрывъ ихъ пылью, скрывающею ихъ отъ нашихъ глазъ, то это можетъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ ихъ живучести и прочности.

Въ неменьшей степени то же можно сказать объ отдѣлѣ разсматриваемаго сочиненія Лёббока, посвященномъ происхожденію и развитію вѣрованій первобытныхъ народовъ. Исходная точка зрѣнія автора, признающая первоначальной стадіей вѣрованій «атеизмъ», т. е., отсутствіе какихъ бы то ни было вѣрованій или религіозныхъ понятій, можетъ считаться значительно поколебленной такимъ авторитетомъ, какъ Тэйлоръ, но его остальныя ступени развитія вѣрованій до сихъ поръ не утратили своего значенія. Если и нельзя установить, что вѣрованія всѣхъ народовъ поднимались именно по такимъ ступенямъ, какія онъ указываетъ, если приходится признать, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, шаманизмъ, развивались по преимуществу лишь у извѣстныхъ расъ, то общая схема Леббока все же даетъ и въ настоящее время возможность удобно оріентироваться въ разнообразныхъ, часто сбивчивыхъ описаніяхъ этихъ вѣрованій. Мы полагаемъ, что для многихъ читателей весьма важно усвоить постепенность развитія вѣрованій первобытныхъ народовъ, заключающуюся въ послѣдованіи фетишизма, тотемизма или обожанія природы, шаманизма и идолопоклонства или антропоморфизма. Теперь, когда значеніе умственнаго состоянія первобытнаго человѣка для исторіи нашихъ собственныхъ умственныхъ понятій выяснилась настолько, что стало достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей, философія дикарей, т. е. попытки ихъ объяснить себѣ явленія жизни личной и жизни окружающей природы, получаетъ особенный интересъ. Трудно было бы указать другое сочиненіе, гдѣ съ такою простотою, сжатостью и систематичностью изложены понятія дикарей о сновидѣніяхъ и тѣняхъ, о колдовствѣ, о поклоненіи живымъ и неодушевленнымъ предметамъ, поклоненіи предкамъ, обоготвореніи людей, жертвоприношеніяхъ, религіозныхъ обрядахъ и проч. Повторяемъ, что если Леббокъ не можетъ имѣть притязанія на такую самостоятельность и глубину мнѣній, какъ Тэйлоръ, другой англійскій ученый, извѣстный русскимъ читателямъ, какъ авторъ «Первобытной

культуры», то все же указанныя выше качества изложенія Леббока дѣлаютъ главы его сочиненія, посвященныя вѣрованіямъ, весьма интересными и цѣнными въ особенности для читателей, не имѣвшихъ случая ознакомиться раньше съ этими любопытными и важными сторонами первоначальныхъ стадій умственной жизни человѣчества.

Мы не останавливаемся на двухъ менѣе разработанныхъ или, вѣрнѣе, болѣе сжатыхъ главахъ о характерѣ и нравственности и о правѣ у дикарей. Въ настоящее время онѣ могутъ, пожалуй, показаться слишкомъ эскизными, но и въ этомъ видѣ онѣ не лишены значенія для начинающихъ читателей.

Къ книгѣ приложены двѣ записки автора, читанныя на собраніяхъ Британской научной ассоціаціи, представляющія возраженія архіепископу Уотли и герцогу Аргайлю. Онѣ имѣютъ только библіографическій интересъ, но если онѣ прилагаются къ англійскому изданію, то и русскому читателю не лишне имѣть ихъ.

ПСИХОЛОГІЯ.

Бинэ. «Введеніе въ экспериментальную психологію».—*Г. Ланге.* «Душевныя движенія».—*Ф. Поланъ.* «Психологія характера».—*Ф. Кейра.* «Воображеніе и память».

Бинэ. Введеніе въ экспериментальную психологію. Переводъ съ французскаго Е. И. Максимовой подъ редакціей профессора А. И. Введенскаго. Спб. 1895 г. Психологія опытная, т. е. та, которая занимается изслѣдованіемъ душевныхъ явленій, въ недавнее время получила новое направленіе, такъ называемое экспериментальное. Экспериментъ, до сихъ поръ примѣнявшійся въ области естественныхъ наукъ, теперь сталъ примѣняться для цѣлей изслѣдованія психическихъ явленій. Толчекъ къ такому направленію далъ знаменитый нѣмецкій философъ Вундтъ. Онъ первоначально былъ профессоромъ физіологіи, но уже издавна интересовался вопросами философскими и въ началѣ семидесятыхъ годовъ написалъ «Физіологическую психологію», которая представляетъ попытку изслѣдованія тѣхъ психическихъ явленій, связь которыхъ съ физіологическими наиболѣе очевидна и наилегче подлежитъ изученію. Онъ первый, основалъ психологическую лабораторію, въ которой именно и производятся экспериментальныя изслѣдованія, при Лейпцигскомъ университетѣ въ 1878 г. Съ тѣхъ поръ ученый міръ пришелъ къ убѣжденію въ такой важности психологическихъ лабораторій, что въ настоящее время нѣтъ ни одного университета въ Западной Европѣ и Америкѣ, который не имѣлъ бы ихъ. Экспериментальныя изслѣдованія психическихъ явленій уже имѣли очень важное вліяніе на рѣшеніе основныхъ вопросовъ психологіи. Вслѣдствіе этого, положеніе эксперимента быстро упрочилось въ психологіи, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что эксперименту подчиняются все болѣе и болѣе значительныя области психологіи. Къ сожалѣнію, у насъ, въ Россіи установился

ложный взглядъ на экспериментальную психологію. Многіе полагаютъ, что такъ какъ къ психологіи примѣняется названіе экспериментальной или физіологической, то она есть часть физіологіи, что, разумѣется, приводитъ къ очень важныхъ погрѣшностямъ въ рѣшеніи принципіальныхъ философскихъ вопросовъ.

Въ этомъ отношеніи книжка Бинэ можетъ оказать большія услуги русскому читателю. Она знакомитъ его съ происхожденіемъ и современнымъ состояніемъ экспериментальной психологіи, съ методами изслѣдованій, съ устройствомъ лабораторій въ различныхъ университетахъ. При этомъ авторъ, хорошо извѣстный своими психологическими изслѣдованіями, совершенно правильно оцѣниваетъ значеніе эксперимента и предостерегаетъ противъ ложнаго пониманія отношенія психологіи къ физіологіи. «Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—психологія сдѣлалась настолько всеобъемлющей, и въ кабинетѣ ея находится столько заимствованныхъ у физіологіи приборовъ графическихъ, электрическихъ и другихъ, что иногда становится нѣсколько затруднительнымъ провести пограничную черту между собственно психологіей и физіологіей нервной системы. Тѣмъ не менѣе психологическія работы имѣютъ одну характерную черту, которая, хорошо понятая, устраняетъ всякое смѣшеніе. Самонаблюденіе является основой психологіи, оно такъ опредѣленно характеризуетъ ее, что всякое изслѣдованіе, произведенное при помощи самонаблюденія, вполнѣ заслуживаетъ быть названнымъ психологическимъ, а всякое изслѣдованіе, пользующееся другимъ методомъ, указываетъ на другую науку, и мы позволяемъ себѣ особенно подчеркнуть этотъ пунктъ, который очень часто упускается изъ виду въ новѣйшихъ изысканіяхъ по физіологической психологіи».

Ланге, Г. Душевныя движенія. Психофизіологическій этюдъ. Переводъ М. Н. Спб. 1896. (Изданіе Павленкова). По мнѣнію К. Ланге, котораго переводчикъ почему-то назвалъ Г. Ланге, печаль, радость, страхъ, гнѣвъ и т. п. съ одной стороны, и любовь, ненависть, презрѣніе, изумленіе и проч.—съ другой, суть двѣ группы явленій, которыя должны считаться отличными въ психологическомъ отношеніи. Только первую изъ этихъ группъ авторъ называетъ душевными движеніями, тогда какъ явленія другой группы, по его мнѣнію, могутъ быть называемы страстями, чувствами или какимъ-либо инымъ именемъ.

Вообще, на душевныя движенія смотрятъ, какъ на нѣчто само по себѣ извѣстное, не требующее никакого особаго разъясненія, такъ какъ каждый по собственному опыту можетъ имѣть объ этомъ достаточныя свѣдѣнія. Однако, пока мы будемъ довольствоваться чисто *субъективнымъ* пониманіемъ душевныхъ движеній, до тѣхъ поръ невозможно будетъ научное изслѣдованіе ихъ отношеній. Ни одинъ предметъ не можетъ быть разработываемъ научно, если у него нѣтъ объективныхъ признаковъ, относительно которыхъ были бы согласны различные изслѣдователи. Объективные признаки эффектовъ суть ихъ *физіологическія проявленія*, которыя и представляютъ точку опору, и, по мнѣнію автора, вѣроятно, единственную для ихъ научнаго изслѣдованія, но ими,

какъ онъ утверждаетъ, до сихъ поръ не пользовались. Такимъ образомъ, опредѣленіе природы и взаимнаго отношенія аффэктовъ нужно ставить въ зависимость отъ изученія ихъ *физіологическихъ* проявленій. Съ этой точки зрѣнія Ланге описываетъ такіе аффэкты, какъ печаль, тоска, радость, испугъ, гнѣвъ, неистовство и затѣмъ еще нѣсколько подобныхъ, физіологическіе признаки которыхъ хотя менѣе, но все-таки замѣтны, каковы смущеніе, напряженіе, разочарованіе. Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ вопросу о сущности *отношенія между душевными движеніями и сопровождающими ихъ тѣлесными процессами.* Разрѣшеніе этого вопроса заключается въ опроверженіи того мнѣнія, что непосредственное дѣйствіе процесса, за которымъ слѣдуетъ аффэктъ, имѣетъ чисто психическій характеръ.

При бѣдности нашей литературы по этому вопросу, эта книжка можетъ быть полезной для опытнаго читателя; неопытнаго же читателя она можетъ легко ввести въ заблужденіе, заставляя его думать, что чисто физіологическій методъ изслѣдованія эмоцій на самомъ дѣлѣ есть единственно научный. Въ дѣйствительности же это мнѣніе, которое авторъ, главнымъ образомъ, стремится доказать, совершенно неправильно въ методологическомъ отношеніи, на что въ недавнее время было указано по поводу книги Ланге знаменитымъ нѣмецкимъ философомъ В. Вундтомъ.

Фр. Поланъ. Психологія характера. Переводъ съ французскаго подъ редакціею и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Спб., 1896 г. Изд. Павленкова. Рибо. Различныя формы характера. Переводъ съ французскаго Д. Н. Стефановскаго. Харьковъ, 1894 г.— Вопросъ о характерѣ одинъ изъ труднѣйшихъ въ психологіи. Духовная жизнь человѣка есть сплетеніе различныхъ способностей (ума, чувствъ, воли). Если принять во вниманіе, что каждая изъ сторонъ духовной жизни человѣка имѣетъ массу особенностей, то мы легко поймемъ, что комбинація этихъ способностей можетъ быть безконечно разнообразна, а отсюда мы легко поймемъ, какія представляются трудности для психологіи— найти типы, которые могли бы опредѣлять конкретные характеры. Попытки найти эти типы дѣлались неоднократно, и нельзя сказать, чтобы онѣ приводили къ вполнѣ благопріятнымъ результатамъ. Къ числу новѣйшихъ попытокъ нужно отнести и классификацію Полана.

По его мнѣнію, изученіе разныхъ характеровъ сводится къ изслѣдованію главныхъ психическихъ элементовъ, создающихъ личность. Цѣль изученія характера должна заключаться въ томъ, чтобы свести всѣ черты характера къ наименѣе сложнымъ психическимъ элементамъ и къ наиболѣе простымъ формамъ психологическихъ законовъ.

Поставивши въ такомъ видѣ задачу изслѣдованія, какъ намъ кажется, совершенно правильно, онъ сначала разсматриваетъ типы, вызываемые преобладаніемъ *специальной формы духовной дѣятельности*, которыя раздѣляются на двѣ большія группы, именно на типы, вызываемые различными формами психологической ассоціаціи, и типы, вызываемые различными свойствами стремленій и духа; эти два типа имѣютъ, въ свою очередь, многочисленныя

подраздѣленія. Затѣмъ онъ разсматриваетъ вторую большую группу типовъ, обусловливаемыхъ преобладаніемъ или отсутствіемъ того или другого *стремленія*, причемъ подъ стремленіемъ разумѣетъ органическія стремленія, соціальныя и сверхобщественныя. Наконецъ, эту абстрактную характеристику онъ примѣняетъ для опредѣленія одного конкретнаго случая (характера Флобера).

Вообще, о книжкѣ Полана можно сказать, что она даетъ богатый матеріалъ, но въ умѣ читателя остается очень неясное впечатлѣніе отъ его классификаціи, которая далеко не всегда проводится послѣдовательно.

Гораздо удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи книжка Рибо, попытка классификаціи характеровъ котораго заслуживаетъ особеннаго вниманія. Признавая за истиннымъ характеромъ свойство единства и стойкости, онъ замѣчаетъ, что среди безчисленныхъ человѣческихъ личностей у большинства не имѣется ни единства, ни стойкости, ни особыхъ отличительныхъ признаковъ. Всѣ эти случаи безформенныхъ и не стойкихъ онъ устраняетъ изъ своей классификаціи. Классификація его устанавливаетъ четыре ряда, опредѣленность которыхъ послѣдовательно возрастаетъ, а общность убываетъ. Первый рядъ содержитъ самыя общія условія, не соотвѣтствующія никакой конкретной дѣйствительности, на подобіе *родовъ* въ зоологіи и ботаникѣ.

Второй рядъ, аналогичный съ видами, заключаетъ въ себѣ основные типы характера, чистыя формы, но на этотъ разъ реальныя и, слѣдовательно, оправдываемыя и подтверждаемыя наблюденіемъ. Въ третьемъ ряду идутъ смѣшанныя или *сложныя* формы, подобныя разновидностямъ, менѣе отчетливо обрисованныя, нежели въ предыдущемъ ряду. Сообразно съ этимъ, мы получаемъ прежде всего два крупныхъ подраздѣленія характеровъ на *чувствительные* и *дѣятельные*. Чувствительные, въ свою очередь, дѣлятся на смиренные (humbles), созерцательные, эмоціональные; активные дѣлятся на активные съ посредственнымъ умомъ и на высшіе активные характеры. Наконецъ, здѣсь же слѣдуетъ третья большая группа: апатичные (слабая степень возбудимости и слабая реакція). Въ третьемъ ряду дѣло идетъ о сложныхъ характерахъ. Сюда относятся: чувствительно-дѣятельные, апатично-активные, апатично-чувствительные и типъ уравновѣшенный. Четвертый рядъ содержитъ замѣняющія формы, или эквиваленты характера, которые все болѣе и болѣе удаляются отъ чистыхъ типовъ, но у множества людей занимаютъ ихъ мѣсто.

Ф. Кейра. Воображеніе и память. Переводъ съ французскаго, Е. Максимовой. Спб., 1896 г. (Изданіе редакціи журнала «Образованіе»).—Память—одна изъ самыхъ основныхъ функцій человѣческаго духа, поэтому ознакомленіе съ природой этой способности до извѣстной степени является введеніемъ въ изученіе психологіи. Авторъ книжки очень просто и ясно, снабжая свое изложеніе многочисленными конкретвыми примѣрами, знакомитъ насъ съ постановкой вопроса о памяти. Особенно цѣннымъ нужно считать то, что онъ подробно останавливается на выясненіи вопроса о такъ называемой *множественности* памяти. Онъ указываетъ на

то, что различныя лица по отношенію къ памяти представляютъ различные *типы*. Такъ, одни лица пользуются въ процессѣ воображенія зрительными образами; это зрительный типъ. Другіе слуховыми образами это слуховой типъ, и, наконецъ, типъ моторный, который характеризуется преобладаніемъ двигательныхъ образовъ. Говоря о практическомъ значеніи памяти, авторъ указываетъ на опасности, создаваемыя исключительнымъ развитіемъ одного рода образовъ, и дѣлаетъ указанія относительно того, какъ можно было бы достигнуть равновѣсія ихъ. Книжка Кейра очень полезна для всѣхъ, интересующихся вопросами психологіи вообще и педагогической психологіи въ частности. Нужно выразить сожалѣніе, что въ книжкѣ французскаго автора совершенно отсутствуютъ указанія на экспериментальныя изслѣдованія о памяти, производившіяся въ послѣднее время въ нѣмецкой наукѣ. Въ нихъ мы получаемъ разъясненіе весьма важныхъ сторонъ вопроса о воспитаніи памяти.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

H. Depasse. «Du travail et de ses conditions».—P. Pic. «Législation du travail industriel».

Du travail et de ses conditions par Hector Depasse, 1895.

Législation du travail industriel par Paul Pic, 1895. Обѣ книги, заглавія которыхъ нами выписаны, посвящены, въ сущности, одному и тому же вопросу: *условіямъ труда во Франціи*. Тѣмъ не менѣе, онѣ отнюдь не совпадаютъ по своему содержанію. Въ то время, какъ П. Пикъ разсматриваетъ условія юридическія, г. Депассъ интересуется преимущественно фактическими и нравственными отношеніями, въ то время какъ первый авторъ ограничивается изложеніемъ дѣйствующаго права и ничего не хочетъ знать о возможныхъ реформахъ, второй старается, напротивъ, дать совѣты, мечтаетъ объ улучшеніяхъ. Различіе точекъ зрѣнія отражается и на способѣ обработки выбранной темы: трудъ П. Пика представляетъ тяжеловѣсный, нѣсколько суховатый, обильный фактами трактатъ, предназначенный для интересующихся вопросомъ; книжка Депасса — рядъ журнальныхъ статей, легко написанныхъ, нѣсколько легковѣсныхъ, обращенныхъ къ широкому кругу читателей. Соединивъ обѣ книги вслѣдствіе общности темы, подъ одинъ заголовокъ, мы ихъ теперь разсмотримъ, имѣя въ виду указанныя различія, отдѣльно.

«Законодательство промышленнаго труда» Поля Пика—это курсъ лекцій, читанныхъ имъ студентамъ ліонскаго университета. Собранныя въ одну книгу, онѣ придставляютъ обстоятельное (больше 600 стр.) руководство для желающихъ изучить французкое промышленное законодательство. Матеріалъ расположенъ въ такомъ порядкѣ: общаго характера вступленіе, высшіе промышленные органы, права собраній и союзовъ (синдикаты рабочихъ и предпринимателей), государственное вмѣшательство (регламентація

картелей, санитарный надзоръ за производствомъ, государственныя монополіи, отдѣльныя ограниченія свободы промышленности), спеціально рабочее законодательство, контрактъ найма и его условія, отношенія рабочихъ съ хозяевами, примирительныя камеры, учрежденія, служащія для улучшенія быта рабочихъ. По этимъ рубрикамъ распредѣлено все французское промышленное законодательство, тутъ же приводятся главнѣйшія постановленія законодательства иностраннаго и дѣлается краткій очеркъ высказывавшихся различными писателями мнѣній. Впрочемъ, послѣдній отдѣлъ, несмотря на представляемый имъ значительный теоретическій интересъ, составленъ П. Пикомъ довольно небрежно. Имъ приводятся мнѣнія лишь немногихъ *французскихъ* экономистовъ и то въ слишкомъ сжатомъ, бездоказательномъ видѣ.

Самъ авторъ—большой поклонникъ дѣйствующаго во Франціи права; онъ въ немъ не видитъ недостатковъ и точно лишь изъ приличія критикуетъ нѣкоторыя детали. Дѣло идетъ, напр., о сокращеніи рабочаго дня. П. Пикъ приводитъ существующія по этому поводу разногласія, но выводъ его таковъ: «лучшее рѣшеніе, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, состоитъ въ сохраненіи status quo» (стр. 304). Регламентація рабочаго времени хороша, потому что она существуетъ, но Боже избави идти въ этомъ направленіи дальше. «Если бы государство тѣмъ фактомъ, что оно опредѣляетъ продолжительность рабочаго дня, было вынуждено установить minimum заработной платы,—слѣдовало бы безъ всякихъ колебаній отказаться отъ самого принципа регламентаціи рабочаго времени». Такъ боязливъ г. Пикъ.

Мы видимъ, что въ его книгѣ тщетно было бы искать широкихъ взглядовъ и глубокаго теоретическаго освѣщенія предмета. Первая, общаго характера глава, гдѣ авторъ совершенно запутывается въ разграниченіи существующихъ экономическихъ школъ, всего больше свидѣтельствуетъ объ его теоретическомъ безсиліи. Но зато въ трудѣ П. Пика мы имѣемъ незамѣнимую справочную книгу, не всегда безпристрастную къ французскому законодательству, однако, весьма обстоятельную и полную. Иное надо сказать о сочиненіи Депасса.

Передъ нами французскій чиновникъ, членъ «Высшаго совѣта труда» (Conseil supérieur du travail), завѣдующій дѣлами призрѣнія и страхованія. Онъ очень гуманно настроенъ. Его не удовлетворяютъ существующія экономическія отношенія, онъ хотѣлъ бы улучшить матеріальное положеніе рабочихъ и уничтожить «борьбу труда съ капиталомъ». Для этого имъ придумано специфическое средство—«камеры труда». Такъ г. Депассъ называетъ смѣшанныя коммиссіи изъ хозяевъ и рабочихъ, обсуждающія всѣ могущія возникнуть недоразумѣнія, устанавливающія размѣръ заработной платы и опредѣляющія остальныя условія фабричной работы. Авторъ возлагаетъ огромныя надежды на проектируемыя камеры: онѣ кажутся ему способными прекратить стачки, улучшить отношенія рабочихъ съ хозяевами и поднять нравственный престижъ труда. Средство, впрочемъ, не ново. Самъ Депассъ указываетъ на многочисленные случаи его примѣненія во Франціи

(даже въ средніе вѣка, что въ виду цеховой организаціи напрасно удивляетъ автора) и еще чаще въ Англіи. Въ интересной главѣ «Les expériences étrangères» мы находимъ подробное описаніе тѣхъ «благодѣяній», которыя всегда оказывала возможность для рабочихъ обсуждать общія дѣла совмѣстно съ хозяевами. Къ сожалѣнію, въ числѣ перечисляемыхъ благодѣяній нѣтъ тѣхъ, которыхъ ждетъ Депассъ: въ тѣхъ же отрасляхъ промышленности, гдѣ существуютъ или существовали «камеры труда», стачки возникали неоднократно и противорѣчіе классовыхъ интересовъ не сдѣлалось меньше.

Депассъ—большой оптимистъ и на придачу очень преувеличиваетъ силу закона. Онъ думаетъ, что стоитъ издать законъ, разрѣшающій образованіе камеры труда (имъ заготовленъ уже и соотвѣтствующій законопроектъ), и онѣ размножатся, какъ грибы. Увы, не такова участь другого, уже изданнаго (въ 1892 г.) и очень восхваляемаго Депассомъ закона—о третейскомъ посредничествѣ. Результаты его, публикуемые въ «Bulletin de l'office du travail» (органъ министерства промышленности и торговли) — ничтожны. Къ третейскому суду при стачкахъ враждующія стороны прибѣгаютъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и еще рѣже такое посредничество прекращаетъ стачку. Можемъ ли мы въ виду такого примѣра разсчитывать на успѣхъ «камеръ труда», этихъ постоянныхъ третейскихъ коммиссій?

Нашъ авторъ скользитъ по поверхности, онъ не понимаетъ экономической сущности затрогиваемыхъ вопросовъ. «Surproduction, surtravail, surpopulation» — иронически перечисляетъ онъ (стр. 112) термины, представляющіеся ему нелѣпыми, придуманными «доктринёрами» для затемнѣнія ясныхъ вопросовъ. Ему самому дѣйствительно все ясно. Въ особой главѣ, обсуждая «le paradoxe des maschines», онъ очень просто разрѣшаетъ этотъ парадоксъ: если машины вытѣсняютъ рабочія руки, это происходитъ «не отъ усовершенствованій техники, а отъ ея недостаточнаго совершенства» (стр. 146). Депассъ не замѣчаетъ, что вѣдь это пустая фраза. И такихъ фразъ въ его книгѣ не мало. Цѣлая глава («Le travail et l'homme») посвящена безцѣльной декламаціи на тему о великомъ значеніи труда. Это какое-то упражненіе въ краснорѣчіи. Порою Депассъ парадируетъ очень рѣзкими мнѣніями, которыя тотчасъ же обставляются оговорками, лишающими ихъ смысла. Такъ, заявивъ, что рабочій имѣетъ право на полный результатъ своего труда, онъ дальше доказываетъ (стр. 43—44) законность всевозможныхъ вычетовъ изъ этого «полнаго результата»: вычетовъ въ пользу общества, въ пользу капиталиста и проч. Получается какая-то игра понятіями!

Но въ книгѣ Депасса есть также справедливыя соображенія: авторъ вполнѣ основательно недоволенъ существующими формами призрѣнія бѣдныхъ, критикуетъ систему рабочихъ домовъ, энергично рекомендуетъ поднять образованіе рабочихъ и проч. Въ главѣ о безработицѣ Депассъ высказывается противъ односторонности тѣхъ, которые хотятъ устранить перерывы въ работѣ. Онъ желалъ бы, напротивъ, обезпечить возможность болѣе или менѣе

продолжительныхъ перерывовъ. Читатель видитъ, что и изъ книги Депасса, нѣсколько поверхностной и слишкомъ мало считающейся съ фактами, онъ можетъ извлечь кое-что, хотя это «кое-что» въ сравненіи съ тѣми обильными свѣдѣніями, которыя сообщаетъ книга Поля Пика—въ сущности, очень незначительно.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія «Посредника».—Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой.—Изданіе О. Н. Поповой.

Въ новомъ году «Посредникъ» выступаетъ съ такими же хорошими книжками и по внѣшности, и по внутреннему содержанію, какими онъ отличался и въ предыдущіе годы. Особенно хороши только-что вышедшіе подъ заглавіемъ «Тайны и чудеса Божьяго міра», популярные разсказы по космографіи, составленные Е. Чижовымъ. Книжка эта, благодаря прекрасному изложенію и дешевизнѣ (45 коп. болѣе чѣмъ за 15 печатн. листовъ со множествомъ хорошихъ рисунковъ), навѣрное выдержитъ не одно изданіе и появится не только въ семьяхъ и среднихъ школахъ, но и въ сельскихъ училищахъ и библіотекахъ. Тема, взятая г. Е. Чижовымъ, эксплоатировалась для народныхъ изданій и раньше, но изъ числа имѣющихся теперь въ продажѣ нѣсколькихъ книжекъ нельзя назвать ни одной вполнѣ удачною. Г-ну Е. Чижову посчастливилось болѣе другихъ авторовъ и книжка вышла очень хорошей во всѣхъ отношеніяхъ. Быть можетъ, составителю до нѣкоторой степени помогло то обстоятельство, что онъ не былъ ограниченъ однимъ или двумя печатными листами и могъ поэтому излагать предметъ съ большею полнотою и ясностью.—«Побѣдители бури»—это люди, посвятившіе себя спасанію погибающихъ на морѣ. Разсказамъ объ этихъ герояхъ и описанію разныхъ способовъ спасанія погибающихъ и посвящена книжечка съ такимъ заглавіемъ. Составлена она не дурно. Разсказы, изложенные въ ней, возбуждаютъ глубокую симпатію въ читателѣ къ истиннымъ труженикамъ моря.—«Шемякинъ судъ», смѣхотворная комедія, недурно составленная г. Николаемъ Поповымъ, по старинному сказанію съ такимъ же названіемъ. Автору удалось сохранить весь юморъ древняго народнаго произведенія. Деревенскія сцены С. Т. Семенова «Раздоръ» не блещутъ особеннымъ талантомъ, но составлены живо и интересно. Молодой парень полюбилъ дѣвушку и хочетъ жениться, но отецъ невѣсты требуетъ, чтобы тотъ вошелъ въ домъ. Старшій братъ жениха сначала соглашается отдѣлить половину имущества младшему, но подъ вліяніемъ своей жены измѣняетъ свое намѣреніе. Отсюда и происходитъ раздоръ. Однако, все кончается къ общему благополучію.

«Родныя пѣсни», сборникъ стихотвореній, составленный г. Владиміромъ Бончъ-Бруевичемъ и изданный книжнымъ складомъ А. М. Муриновой, даетъ 41 стихотвореніе Н. А. Некрасова, Н. А. Вроцкаго, В. И. Немировича-Данченко, Ф. Филимонова, А. Н. Пле-

щеева, С. Я. Надсона, С. Д. Дрожжина, И. В. Сурикова, А. П. Барыковой, А. А. Голенищева-Кутузова, И. С. Никитина, А. А. Мея, К. Д. Бальмонта, В. Гиляровскаго, А. Толстого, А. М. Федорова, А. С. Пушкина, Я. П. Полонскаго и Ю. В. Жадовской. Изъ этого перечня видно, что только у немногихъ авторовъ взято по два и по три стихотворенія, а многіе изъ извѣстныхъ и даже изъ очень крупныхъ поэтовъ (Лермонтовъ напр.) не попали вовсе въ сборникъ. Составитель, очевидно, и не задавался цѣлью дать образцовыя произведенія лучшихъ русскихъ поэтовъ; на первомъ планѣ у него идея, вложенная въ произведеніе. Поэтому въ сборникѣ, вмѣстѣ съ бытовыми, встрѣчается не мало стихотвореній и на гражданскіе мотивы. Книжечка издана чисто, съ портретомъ Н. А. Некрасова на обложкѣ и стоитъ не дорого—10 коп. за 3 печатныхъ листа.

Книжка, изданная О. Н. Поповой, «Приключеніе двухъ кораблей» и проч. составлена Н. А. Рубакинымъ и содержитъ, кромѣ описанія полярной природы, разсказы о путешествіи и гибели американскаго парохода «Жаннеты» и о путешествіи парохода «Роджерсъ», отправленнаго разыскивать «Жаннету». Разсказы переданы очень живо и читаются съ большимъ интересомъ. Книжка иллюстрирована множествомъ рисунковъ и стоитъ дешево, 20 коп. за 7 печатныхъ листовъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Edinburgh: Pieturesque Notes by Robert Louis Stevenson» With Illustrations by T. Hamilton Crawford (*Seeby and C°*) *1896.* (*Эдинбургъ; живописные очерки*). Мало кто изъ читателей Стивенсона знакомъ съ его художественнымъ описаніемъ родного города Эдинбурга. Очерки Стивенсона появились еще въ 1878 г., но теперь онѣ собраны въ отдѣльную книгу и снабжены прекрасными иллюстраціями, число которыхъ въ текстѣ доходитъ до 50-ти. Авторъ достаточно извѣстенъ читающей публикѣ, и хвалить его книгу было бы лишнимъ, но мы прибавимъ только, что живописные очерки Эдинбурга и шотландской жизни такъ же увлекательны и интересны, какъ и всѣ другія произведенія Стивенсона.

(Daily News).

«Lay Sermons» by M-r Ruskin (Wise). (*Свѣтская проповѣдь*). Новый, только-что вышедшій въ свѣтъ, томъ писемъ Рёскина заключаетъ чрезвычайно интересную переписку его съ однимъ викаріемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ уже появлялись въ печати въ отдѣльномъ изданіи, подъ заглавіемъ: «Письма къ духовенству», но большинство изъ нихъ все-таки совсѣмъ неизвѣстны публикѣ. Оригинальность Рёскина, блескъ его таланта выражаются особенно ярко въ этой перепискѣ. Эти письма, по выраженію одного изъ почитателей Рёскина, должны были дѣйствовать, какъ ударъ молніи, наводя на многія размышленія и заставляя задумываться о многихъ вопросахъ, казавшихся уже безповоротно рѣшенными. Въ этихъ письмахъ, кромѣ того, заключается много автобіографическаго матеріала, еще болѣе увеличивающаго интересъ переписки.

(Daily News).

«Thomas Carlyle» by Hector C. Macpherson (*Oliphant Anderson and Ferrier*). (*Томасъ Карлейль*). Въ числѣ множества біографій Карлейля и статей, посвященныхъ его личности, какъ писателя и человѣка, эта новая біографія займетъ далеко не послѣднее мѣсто. Авторъ ея, съ полнымъ безпристрастіемъ, разобралъ личность Карлейля, пользуясь для этого новыми, неизданными документами. (Bookseller).

«Ice Work, Present and Past» by Dr. T. G. Bonney (Kegan Paul and C°). (Дѣятельность льда въ настоящемъ и въ прошломъ). Авторъ этой книги затрогиваетъ въ высшей степени интересныя и, повидимому, необъяснимыя проблемы исторіи земли, знакомя читателей со всѣми существующими геологическими теоріями и стараясь, по возможности, сдѣлать имъ правильную безпристрастную оцѣнку. Книга написана популярно; изложеніе сжатое. Она входитъ въ составъ международной научной библіотеки ((The International Scientific Series). (Daily News).

«The life and Travel of Mungo Park in Africa» by W. and R. Chambers. (Жизнь и путешествія Мунго Парка). Африка была совсѣмъ еще мало извѣстна во времена Мунго Парка, и онъ самъ, отправляясь въ свое путешествіе, конечно, имѣлъ меньше свѣдѣній объ Африкѣ, нежели наши современники, никогда не вступавшіе на африканскій берегъ. Мунго Паркъ, слѣдовательно, является великимъ піонеромъ, но даже помимо этого его жизнь такъ же, какъ и его путешествія и приключенія, представляетъ несомнѣнный интересъ для огромнаго числа читателей, увлекающихся описаніями новыхъ странъ и путешествій. (Daily News).

«Electricity for Everybody» by dr. Philip Atkinson (*Gay and Bird*). (*Электричество для всѣхъ*). Книга предназначается какъ для обыкновеннаго читателя, совсѣмъ не имѣющаго или имѣющаго мало техническихъ познаній, такъ и для практическаго механика, занимающагося электричествомъ. Законы электричества изложены очень простымъ и удобопонятнымъ языкомъ и поэтому книга можетъ служить хорошимъ руко-

*

водствомъ для всѣхъ, приступающихъ къ изученію электричества.

(Daily News).

«*The Philosophy of Belief; or Law in Christian Theology*» *by the Duke of Argyll* (*John Murray*). *London*. (*Философія вѣры*). Прошло уже тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ авторъ этой книги издалъ свой первый краснорѣчивый трактатъ «Царство закона», создавшій ему вліятельное положеніе среди современныхъ философскихъ писателей. Вслѣдъ за этимъ трактатомъ онъ издалъ книгу «Единство природы» и, наконецъ, теперь выпустилъ въ свѣтъ третій томъ, составляющій продолженіе двухъ предыдущихъ и далѣе развивающихъ его взгляды на отношеніе естественныхъ законовъ природы къ религіи вообще и къ ортодоксальнымъ воззрѣніямъ въ частности. Кромѣ разсужденій автора, адресованныхъ къ обыкновеннымъ читателямъ, не изучающимъ философіи, въ этой книгѣ заключается интересное автобіографическое предисловіе, прекрасно обрисовывающее состояніе души автора, сознающаго трудности возложенной имъ на себя задачи разъяснить человѣку, въ чемъ именно заключается сущность вѣры. (Bookseller).

«*Les paysans au moyen âge*» *par André Réville agrégé d'histoire. Préface par Rène Worms* (*V. Giard et T. Brière*). (*Крестьяне въ средніе вѣка*). Авторъ, умершій два года тому назадъ, оставилъ послѣ себя нѣсколько неизданныхъ трудовъ, и самые интересные изъ нихъ собраны въ этой книгѣ. Тутъ находятся четыре публичныя лекціи, прочитанныя имъ въ Женевѣ. Почтенный профессоръ очень подробно и основательно изучилъ бытъ крестьянъ XIII и XIV вѣковъ, ихъ экономическія условія, частную жизнь и настроеніе умовъ и съумѣлъ заключить въ тѣсныя рамки публичной лекціи плоды своихъ долговременныхъ изысканій и своей громадной эрудиціи. Благодаря его добросовѣстному труду, мы можемъ теперь составить себѣ довольно ясное и точное понятіе о земледѣльцахъ среднихъ вѣковъ, объ ихъ образѣ жизни, привычкахъ, воззрѣніяхъ и характерѣ и условіяхъ окружающей ихъ обстановки.

(Journal des Débats),

«*Etudes littéraires et morales*» *par F. Hémon, inspecteur del'Académie de Paris*. (*Ch. Delagrave*). (*Изслѣдованіе литературы и нравственности*). Авторъ, какъ указываетъ заглавіе его книги, интересуется вопросами нравственности и ищетъ отраженія ихъ въ литературныхъ произведеніяхъ. По его мнѣнію, только тѣ литературныя произведенія и имѣютъ выдающееся значеніе, которыя богаты выводами, относящимися къ области нравственности. Такую же точку зрѣнія авторъ проводитъ и въ своихъ очеркахъ, касающихся современныхъ нравовъ. Изъ чисто литературныхъ очерковъ автора наиболѣе интересны посвященные Монтеню, Жуанвиллю и Брюнетьеру, а также изслѣдованіе типовъ въ первыхъ произведеніяхъ Корнеля.

(Journal des Débats).

«*Social Rightsand Duties*». *Addresses to Ethical Societies By Leslie Stephen* (*Sonnenschein and C°*). (*Соціальныя права и обязанности*). Книга составлена частью изъ публичныхъ лекцій, частью изъ статей, печатавшихся въ разное время въ журналахъ, и входитъ въ серію такъ-называемой «Ethical Library». Авторъ касается вопросовъ о соціальныхъ правахъ и обязанностяхъ; отдѣльныя главы, посвященныя этимъ вопросамъ, озаглавлены слѣдующимъ образомъ: «Наука и политика», «Сфера политической экономіи», «Нравственное значеніе соревнованія», «Соціальное равенство», «Наслѣдственность», «Наказанія», «Роскошь», «Обязанности авторовъ» и «Тщеславіе философовъ». Выводы автора, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ вниманія, хотя, быть можетъ, съ его точкою зрѣнія и не всегда можно согласиться.

(Daily News).

«*From the North Pole to the Equator*». *By Alfred Edmund Brehm. Translated by Margaret R. Thomson, with 83 illustrations*. (*Blackie and Son*) *1896*. (*Отъ сѣвернаго полюса до экватора*). Этотъ переводъ труда извѣстнаго нѣмецкаго натуралиста не нуждается ни въ какой оцѣнкѣ, такъ какъ имя автора слишкомъ хорошо извѣстно всей читающей публикѣ.

(Bookseller).

«*The Daily News' Jubilee; a political and social Retrospect of fifty Years of the Queen's Reign*» *by M-r Justin Mac Carthy M. P. and Sir John R. Robinson*. (*Юбилей газеты*). Пятидесятилѣтній юбилей газеты «Daily News» далъ поводъ къ изданію политическаго и соціальнаго обзора царствованія королевы Викторіи и дѣятельности либеральной партіи, органомъ которой служитъ указанная газета. Въ этотъ пятидесятилѣтній періодъ времени Англія достигла огромныхъ успѣховъ во всѣхъ направленіяхъ и поэтому небезъинтересно прослѣдить, какимъ путемъ шло ея развитіе. Исторія распространенной и вліятельной газеты за пятидесятилѣтній промежутокъ времени, конечно, должна быть вѣрнымъ отраженіемъ исторіи самой Англіи. (Bookseller).

«Democracy and Liberty» by M-r Lecky (Longmans and C⁰). (Демократiя и свобода). Одною изъ самыхъ интересныхъ чертъ этого новаго изслѣдованiя демократiи является сравнительная оцѣнка французскихъ и американскихъ учреж деній и изученіе отношеній, существующихъ между современнымъ демократическимъ движеніемъ и католицизмомъ. Кромѣ этого, авторъ затрогиваетъ много другихъ вопросовъ, имѣющихъ жгучій современный интересъ и, между прочимъ, ирландскую проблему. Очень любопытны главы, касающіяся итальянской демократіи, законовъ о бракѣ и нравственныхъ причинъ, лежащихъ въ основѣ всякихъ рабочихъ безпорядковъ и движеній. (Daily News).

«Greck Tribal Society by Hugh Seebohm (Macmillian and C⁰). (Греческое племенное общество). Очень подробное, интересное историческое изслѣдованіе древняго греческаго общества. Авторъ желаетъ прослѣдить, насколько въ греческомъ обществѣ встрѣчаются тѣ главныя черты племеннаго общества, какія мы находимъ широкораспространенными повсюду у членовъ арійской расы. Въ этомъ изслѣдованіи ясно обнаруживается превосходная эрудиція автора и знаніе исторіи. (Athaeneum).

«Popular books of animals for Young People» by H. Scherren (Casxell and C⁰). (Популярная зоологія для юношества). Очень полезная и интересная книга, вполнѣ удовлетворяющая своей цѣли служить настольною книгою юношей, особенно интересующихся зоологіей. Несмотря на очень популярное изложеніе, книга сохраняетъ характеръ серьезнаго научнаго сочиненія.

(Daily News).

«The Universities of Europe in the middle Ages» by Hastêngs Rashdall, M. A. Fellow and Tutor of New College, Oxford. (Clarendon Press). (Европейскіе университеты въ средніе вѣка). Сочиненіе это является плодомъ очень добросовѣстнаго и подробнаго изслѣдованія, причемъ авторъ указываетъ на всѣ источники и документы, которыми онъ пользовался, такъ что никакія ошибки и недоразумѣнія невозможны. Вообще. книгу слѣдуетъ причислить къ разряду лучшихъ и наиболѣе полныхъ изслѣдованій средневѣковой Европы и спеціально средневѣковаго научнаго движенія. Въ первой части авторъ говоритъ объ университетахъ въ Салерно, Болоньи и Парижѣ; во второй—о научномъ движеніи въ Испаніи, Франціи, Италіи, Германіи, Шотландіи и т. д. Третья часть посвящена англійскимъ университамъ и студенческой жизни въ Англіи. (Athaeneum).

«The present Evolution of Man» by G. Archdall Reid (Chapman and Hall). (Эволюція человѣка въ настоящее время). Доктрина эволюціи въ послѣднее время подверглась сильнымъ нападкамъ, но въ то же время вызвала горячую защиту ея приверженцевъ. Споръ выдвинулъ на сцену многіе жгучіе вопросы, которыхъ именно и касается авторъ въ книгѣ. Взгляды автора отличаются оригинальностью и смѣлостью, такъ какъ онъ возстаетъ противъ многихъ общепринятыхъ воззрѣній на очень важные біологическіе вопросы. (Daily News).

«A travers l'histoire de la France» (études critiqves) par A. Lecoy de La Manche (Tequi). (Очерки исторіи Франціи). Авторъ собралъ въ этой книгѣ свои историческіе очерки, появлявшіеся уже въ печати въ различныхъ журналахъ. Но эти историческіе эскизы, въ общемъ, производятъ до нѣкоторой степени впечатлѣніе калейдоскопа и въ сущности дѣйствительно представляютъ нѣчто вродѣ послѣдовательной исторической панорамы, гдѣ передъ глазами зрителей проходятъ различныя событія. Впрочемъ, это не мѣшаетъ интересу книги, успѣхъ которой обезпеченъ уже самимъ именемъ автора.

(Journal des Débats).

«Comment se resoudra la question sociale» par M. G. Molinari (Guillaumin). (Какъ разрѣшится соціальный вопросъ). Подъ такимъ заглавіемъ авторъ предлагаетъ читателямъ очень полное и основательное изслѣдованіе соціальнаго вопроса и доказываетъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, предлагаемыхъ въ настоящее время для разрѣшенія его. По мнѣнію автора, вопросъ разрѣшится постепенно, мирнымъ путемъ подъ вліяніемъ дѣйствія, всегда почти незамѣтнаго, естественныхъ законовъ, управляющихъ обществами, также какъ и отдѣльными индивидами. Особенное значеніе авторъ придаетъ конкурренціи, которая, по его убѣжденію, является главнымъ двигателемъ прогресса и содѣйствуетъ улучшенію условій существованія человѣческаго рода.

(Journal des Débats).

«Les Sélections Sociales» par M. G. V. de Laponge (librairie Thorin-Fonteming). (Соціальный подборъ). Авторъ этого любопытнаго изслѣдованія по соціальнымъ вопросамъ ставитъ въ основу соціальной эволюціи принципъ соціальнаго подбора. Въ его книгѣ можно

встрѣтить много новыхъ и оригинальныхъ взглядовъ на соціальные вопросы.

(Journal des Débats).

«Les SciencesSociales enAllemagne» par G. Bouglé(Felix Alcan). (*Соціальныянауки въ Германіи*). Вопросъ о методѣ—одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ области соціальныхъ наукъ; на этомъ основаніи авторъ и занимается въ своей книгѣ изученіемъ и разъясненіемъ методовъ, которые положены въ основу трудовъ главныхъ германскихъ соціологовъ, Лазаруса—съ его психологіей народовъ, Зиммеля—съ его наукою о нравственности, Вагнера—съ его политико-экономической системой, Іеринга—съ его философіей права и др. Авторъ выдѣляетъ наиболѣе характеристичныя черты германской соціологіи, стремящейся къ тому, чтобы быть абстрактной, теоретической и психологической.

(Revue des Revue).

«My Confidences: an Autobiographical Sketch adressed to my descendants» by Frederick LockerLampson. (*Smith, Elder and C°*). (*Моя исповѣдь*). Авторъ мемуаровъ, одинъ изъ англійскихъ поэтовъ, вращался въ лучшемъ англійскомъ обществѣ и лично былъ знакомъ и друженъ со многими выдающимися людьми,—какъ мужчинами, такъ и женщинами,—въ области политики, литературы, искусства и науки. Это обстоятельство придаетъ, конечно, особенный интересъ его мемуарамъ, вообще обнаруживающимъ въ авторѣ большую наблюдательность и ширину взглядовъ философа, смотрящаго на жизнь добродушными, снисходительными глазами. Очень интересны главы воспоминаній, относящіяся къ Джорджъ Элліотъ, Чарльзу Диккенсу, Броунингу и Теккерею.

(Daily News).

«L'Ecole Saint Simoniènne, son histoire, son Influence jusqu'à nos jours» par George Well, docteur es lettqes (*Felix Alcan*). (*Школа сенсимонистовъ, ея исторія и ея вліяніе вплоть до нашихъ дней*). Авторъ въ предшествующемъ своемъ трудѣ (Un Précurseur du socialisme, Saint Simon et son œuvre), посвященномъ исключительно послѣдователямъ знаменитаго философа, не касался исторіи этой школы; теперь онъ пополняетъ этотъ пробѣлъ, занимаясь въ своей книгѣ эволюціей сенсимонизма, съ самаго его возникновенія до нашихъ дней. Особенно поучительна послѣдняя глава, въ которой заключается критика этой философской системы. Авторъ различаетъ въ ней методъ, метафизику и соціальный режимъ. Историческій методъ, возобновленный Огюстомъ Контомъ, существуетъ и до сихъ поръ; пантеистская метафизика до сихъ поръ еще имѣетъ послѣдователей. Что же касается коллективизма сенсимонистовъ, то онъ и по сіе время вдохновляетъ многихъ изъ современныхъ соціалистовъ. Политика школы выразилась въ особенности въ организаціи кредитныхъ учрежденій, общественныхъ работъ и народнаго воспитанія; на этихъ именно трехъ путяхъ слѣдовали примѣрамъ школы. Подробный указатель собственныхъ именъ составляетъ очень полезное прибавленіе къ этому, чрезвычайно интересному, историческому изслѣдованію.

(Journal des Débats)

«Les Etats-Unis d'Amérique (*1765—1865*)*» par Edward Channing, professeur, adjoint à l'Université Harvard-Cambridge University Press, Clay and Sons. 1896.* (*Соединенные Штаты Америки*). Книга входитъ въ составъ очень интересной серіи историческихъ изслѣдованій, издаваемыхъ профессоромъ кэмбриджскаго университета подъ руководствомъ Протеро. Авторъ ея рисуетъ блестящую историческую картину развитія великой американской республики. Не пускаясь въ подробности описанія битвъ и войнъ, авторъ, главнымъ образомъ, останавливается на основныхъ причинахъ, способствовавшихъ изумительному росту и развитію Соединенныхъ Штатовъ. и старается выяснить, какимъ образомъ изъ такого разнороднаго матеріала, какой представляли англійскія колоніи въ Америкѣ въ 1760 году, развилось колоссальное зданіе, поражающее своею гармоническою и могущественною организаціей. Книга издана прекрасно; къ тексту приложены карты, дополняющія его.

(Journal des Débats).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го марта по 15-е апрѣля.

Жанъ де-Лафонтенъ. Басни. Въ переводахъ Крылова, Измайлова, Дмитріева, Хемницера, Коринфскаго, Талина, Лихачева, Юрьина, Жукова. Съ рис. Дорэ. Спб. 96. Изданіе П. Сойкина. Ц. 1 рубль.

Валерій Брюссовъ. *Chefs d'oevre.* II изданіе. 96 г. Ц. 60 к.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). *Грезы и пѣсни.* Спб. 96 г. Изданіе IV. Ц. 50 к.

Северинъ Янишевскій. Сборникъ стихотвореній. Москва. 96 г.

Генрихъ Ибсенъ. Собраніе сочиненій Томъ I. Изданіе Юровскаго. Спб. 96 г. Ц. за 6 т. 3 р. 50 к.

Н. М. Минскій. *Иліада Гомера.* Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 96 г. Ц. 75 к.

В. П. Соколовъ. *Новая мама.* Повѣсть. Москва. 96 г. Ц. 75 к.

Генрихъ Сенкевичъ. *Камо грядеши?* Романъ изъ временъ Нерона. Перев. съ польск. В. М. Лаврова. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Москва. 96 г. Ц. 1 р. 50 к.

Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сок ращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ *О. Петерсонъ* и *Е. Балабановой*, въ трехъ томахъ. Т. I. Романскіе народы. Спб. 96 г. Ц. 2 р.

Наша старина. *М. Базилевскій. Эксилархъ Бостинаи.* Этюдъ изъ временъ Гаоновъ. Изданіе Шермана. Одесса. 96 г. Ц. 15 к.

Разсказы о Восточной Сибири. Ф. Девель. Съ рис. и картой Сибири. Москва. 96 г. Изданіе «Посредника». Ц. 20 к.

Безстрашная дѣва или смерть за вѣру. Повѣсть перев. съ англ. Москва. 96 г. Изданіе «Посредника». Ц. 8 коп.

Сказка о царевичѣ Гайдарѣ. *Кота Мурлыки.* Москва. 96 г. Изданіе «Посредника». Ц. 1½ к.

Человѣкъ безъ сердца. Сказка. Перев. съ англ. Ц. 1½ к.

Разуваевскіе мужики у Московской думы. Разговорное сказаніе Н. Полушина. Москва. 96 г. Ц. 1½ к.

Пора опомниться! О вредѣ спиртныхъ напитковъ. Сост. по изложенію А. П. Пакина. Москва. 96 г. Ц. 1½ к.

Нужды и недостатки крестьянскихъ обществъ. Крестьянина С. Т. Семенова. Москва. 96 г. Ц. 1½ к.

На сходкѣ. Разсказъ Желтова. *Школа.* Разсказъ Козырева. Москва. 96 г. Ц. 3 к.

Три доли. Повѣсть *Марко-Вовчка.* Москва. 96 г. Ц. 10 к.

Безпріютная въ тепломъ гнѣздышкѣ. Повѣсть изъ американской жизни. По роману «Фонарщикъ» г-жи Комминсъ. Москва. 96 г. Ц. 6 коп.

В. П. Быстренинъ. *Вѣрное средство.* Разсказъ. Москва. 96 г. Ц. 5 коп.

И. И. Пантюховъ. О пещерныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896. Ц. 1 рубль.

Н. П. Партанскій. Лѣсъ, его вліяніе на человѣка и значеніе въ природѣ. Курскъ. 1895 г. Ц. 10 коп.

Ѳ. Медвѣдевъ. Комнатное цвѣтоводство. Изд. «Полезной Библіотеки». Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

М. Лацарусъ. Взаимодѣйствіе души и тѣла. Изд. «Междун. Библ.». Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

К. Ельницкій. Избранныя педагогическія статьи. Изд. «Педаг. Библ.». Москва. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

В. Г. Бѣлинскій. Сочиненія. Въ IV томахъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 96 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

И. А. Гофштеттеръ. Генрихъ Сенкевичъ, какъ психологъ современности. Съ портретомъ. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

М. К. Бурда Эд. Дженнеръ и его жизнь.

Изд. Одес. Гор. Аудит. Нар. Чт. Одесса. 1896 г. Ц. 6 коп.

М. К. Бурда. Луи Пастеръ, его жизнъ и его открытія. Изд. Одес. Гор. Аудит. Нар. Чт. Одесса. 1896. Ц. 6 коп.

Законы. Дешевое изданіе для народа. Я. Канторовича. О Священныхъ правахъ Верховной Самодержавной Власти. Спб. 1896 г. Ц. 5 к.

— То-же. О духовныхъ завѣщаніяхъ. Спб. 1896. Ц. 5 к.

— То-же. Объ опекѣ и попечительствѣ. Спб. 1896. Ц. 5 к.

— То-же. О нарушеніи общественнаго спокойствія. Спб. 1896. Ц. 5 к.

— То-же. О преступленіяхъ противъ собственности. Спб. 1896. Ц. 10 к.

— То-же. О союзѣ родителей и дѣтей. Спб. 1896. Ц. 5 к.

— То-же. О преступленіяхъ противъ народнаго здравія. Спб. 1896. Ц. 5 к.

— То-же. О преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ. Спб. 1896. Ц. 10 к.

— То-же. О преступленіяхъ противъ вѣры. Спб. 1896. Ц. 5 к.

— То-же. О союзѣ брачномъ. Спб. 1896. Ц. 10 коп.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Александръ Миклашевскій. Рабочій вопросъ и соціальное законодательство въ Германіи. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

И. В. Лучицкій. Крестьянская поземельная собственность во Франціи до революціи. Кіевъ. 1896 г. Два тома. Цѣна каждаго тома по 75 коп.

Н. И. Борисовъ. Волшебный фонарь въ народной школѣ. Изд. Херс. Губ. Зем. Упр. Херсонъ. 1896 г.

Лѣтняя колонія для учениковъ начальныхъ евр. учебн. заведеній. Одесса. 96 г.

Проектъ нормальной сѣти училищъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ.

Эдмондъ Дэмоленъ. *Какъ воспитывать нашихъ дѣтей.* Перев. съ франц. Спб. 96 г. Изданіе Лебедева. Ц. 20 к.

В. Вундтъ. *Индивидуумъ и общество.* Перев. съ нѣм. Спб. 96 г. Ц. 20 к.

Проектъ нормальной сѣти училищъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Изданіе Нижег. уѣздн. земства. 96 г.

Отчетъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1894 г.

Докладъ Екатеринбургской земской управы о всеобщемъ обученіи. 1895 г. Екатеринбургъ.

Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи. Издав. подъ ред. Н. Криштофовича. Т, I. Варшава. 96 г.

Отъ Комитета Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій.

За Невской заставой, отъ Обводнаго канала и до деревни Славянки, на протяженіи болѣе чѣмъ 15 верстъ, по обоимъ берегамъ Невы, почти непрерывной цѣпью тянутся фабрики и заводы. Здѣсь сосредоточены всевозможные виды производства: желѣзодѣлательное (заводы Обуховскій, Невскій механическій, Александровскій сталелитейный, громадныя желѣзнодорожныя мастерскія), фабрики: ткацкая, бумагопрядильныя, ситцевыя, суконныя (Паль, Губбартъ, Торнтонъ), бумагодѣлательная фабрика Варгуниныхъ, заводы стеариновый, химическій, кирпичные, цементные, лѣсныя биржи (Громова, Лебедева, Русанова), ультрамариновый заводъ, Императорскіе фарфоровый и стеклянный, карточная фабрика и т. д.; всего болѣе 32 фабрикъ и заводовъ.

Населеніе этой мѣстности (Шлиссельбургскаго участка), достигающее солидной цифры 60 тыс., состоитъ, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ, ихъ семей и лицъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ фабрикамъ и заводамъ. Такой составъ населенія налагаетъ особый отпечатокъ на всю мѣстность. Въ рабочіе дни и часы тихія, пустынныя улицы кажутся безлюдными, но за то по вечерамъ, послѣ «шабаша» и особенно по праздникамъ, картина совершенно мѣняется: весь рабочій людъ высыпаетъ на улицы и запружаетъ ихъ до такой степени, что мѣстами едва возможно пройти по панели или проѣхать по улицѣ. Кабаки и другія питейныя заведенія набиты биткомъ. Свои свободные часы здѣшній рабочій рѣдко проводитъ дома, что вполнѣ понятно: квартиры рабочихъ, большею частью, грязны, зловонны и страшно переполнены. Въ лучшемъ случаѣ рабочій толкается безцѣльно по улицѣ, а не то, идетъ въ питейное заведеніе, гдѣ и спускаетъ свои послѣдніе гроши; а заведенія эти въ изобиліи и близко, подъ рукой: въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ хоть одного, а въ нѣкоторыхъ по два и по три. Знатоки мѣстныхъ нравовъ утверждаютъ, что рабочіе оставляютъ здѣсь не менѣе половины заработка.

Въ 1885 году, среди мѣстной интеллигенціи зародилась мысль устроить на разумныхъ и нравственныхъ началахъ праздничныя развлеченія для рабочихъ, съ цѣлью отвлечь этихъ послѣднихъ отъ пьянства и дать имъ возможность удовлетворить столь присущую каждому человѣку потребность временами развлечься, повеселиться, отвести душу, безъ ущерба для кармана, здоровья и нравственности. По иниціативѣ извѣстнаго общественнаго дѣятеля, Владиміра Павловича Варгунина, нынѣ умершаго, и Михаила Сергѣевича Агафонова, составился кружокъ лицъ, который, собравъ по подпискѣ около 1.300 рублей, огородилъ заборомъ пустопорожнее мѣсто, поставилъ на немъ павильонъ для музыкантовъ, небольшую эстраду для представленій и открылъ этотъ импровизованный садъ для публики, взимая за входъ по 10 коп. съ человѣка. Въ саду игралъ военный оркестръ, пѣлъ хоръ солдатъ-пѣсенниковъ, увеселялъ народъ балаганный дѣдъ, на открытой сценѣ давались небольшія пьески, пантомимы; продажа крѣпкихъ напитковъ не допускалась. Эта первая скромная попытка имѣла большой успѣхъ (на 25 гуляньяхъ перебывало болѣе 64 тыс. человѣкъ), что еще болѣе утвердило кружокъ въ мысли о необходимости устройства для народа разумныхъ развлеченій и побудило его расширить и развить свою дѣятельность. Отсылая желающихъ ознакомиться подробно съ исторіей дѣятельности кружка къ брошюрѣ Е. П. Карпова «Десятилѣтіе народныхъ гуляній за Невской заставой», укажемъ лишь на главныя формы развитія этого дѣла. Въ 1888 году гулянья были переведены въ прекрасный паркъ, арендованный у Калинкинскаго пивовареннаго товарищества; здѣсь былъ выстроенъ деревянный открытый театръ, поставлены карусели, качели, кегель-банъ, стрѣльбище, американскія горы, устроена открытая пло-

щадка для танцевъ; на открытой сценѣ, кромѣ дивертиссемента и маленькихъ пьесъ, стали ставить произведенія Островскаго, Гоголя, Потѣхина и др. Число посѣтителей съ каждымъ годомъ росло.

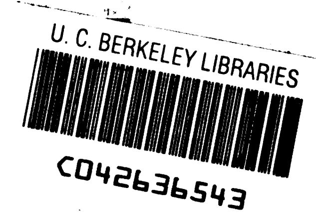
Въ 1891 году кружокъ, занявъ у 44 лицъ изъ 4% 44.500 р., купилъ у Калинкинскаго Товарищества паркъ и 4 деревянныхъ дома и сталъ хлопотать объ утвержденіи устава. Въ томъ же году уставъ былъ утвержденъ и кружокъ преобразился въ «Невское Общество устройства народныхъ развлеченій», которое поставило себѣ задачей доставленіе мѣстному рабочему населенію нравственныхъ, трезвыхъ и разумныхъ развлеченій, какъ-то: народныхъ гуляній, чтеній, концертовъ, спектаклей, танцовальныхъ вечеровъ и т. п., а также устройство хоровъ изъ рабочихъ, читаленъ, дѣтскихъ садовъ. Общество, отнюдь не преслѣдуя коммерческихъ цѣлей, стремится къ наивозможной доступности и удешевленію устраиваемыхъ имъ развлеченій.

Лѣтнія гулянья идутъ очень хорошо; на 27—29 гуляньяхъ ежегодно пребываетъ болѣе 100 тыс. посѣтителей; любовь къ театру замѣтно прививается; гулянья несомнѣнно вліяютъ смягчающимъ образомъ на мѣстные нравы: стало меньше пьянства, уличныхъ дракъ, исчезли кулачные бои.

Но гулянья устраиваются только лѣтомъ; зимойже, въ часы досуга, рабочій, по прежнему, обреченъ на безцѣльное шатанье по улицамъ и посѣщеніе кабаковъ. Поэтому, передъ «Невскимъ Обществомъ», съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности, встала необходимость постройки большого каменнаго зданія для народныхъ развлеченій, или временно, по крайней мѣрѣ, большого каменнаго театра. Не имѣя средствъ для осуществленія такого громаднаго предпріятія, Общество пока приспособило подъ зимній театръ второй этажъ одного изъ своихъ деревянныхъ домовъ. Зрительный залъ этого театра вмѣщаетъ не болѣе 250 человѣкъ, а потому, хотя зимніе спектакли, устраиваемые по праздникамъ кружками любителей, посѣщаются рабочими такъ же охотно, какъ и лѣтніе, но они доставляютъ развлеченіе, сравнительно, ничтожному числу рабочихъ и кромѣ того, опять-таки вслѣдствіе небольшого числа мѣстъ и необходимости назначать низкія цѣны, даже при даровомъ трудѣ исполнителей, театръ не окупаетъ расходовъ по постановкѣ спектаклей. Въ виду этого, въ декабрѣ прошлаго года, Комитетомъ Общества снова былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ большого каменнаго зданія для народныхъ развлеченій, которое вмѣщало бы зрительный залъ на 1.600 человѣкъ, залъ танцовальный, гимнастическій, библіотеку, читальню, чайную, быть можетъ, музей.

14-го марта настоящаго года Комитетъ созвалъ экстренное общее собраніе членовъ Общества, на обсужденіе котораго внесъ проектъ и смѣту предполагаемой постройки. Представлено было три проекта: небольшого зрительнаго зала на 680 человѣкъ, стоимостью, приблизительно. въ 40—50.000 рублей, большого театра на 1.600 человѣкъ—въ 100.000 руб. и зданія народныхъ гуляній—въ 150.000 р. Комитетъ предложилъ собранію построить зданіе по одному изъ представленныхъ проектовъ на пожертвованія и на 4% ссуду отъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу. Но, конечно, Обществу было бы трудно покрывать проценты и погашеніе большого займа, безъ ущерба въ веденіи предпріятія; оно могло бы выдержать заемъ не болѣе, какъ въ 50.000 рублей; всю же остальную недостающую сумму придется собрать пожертвованіями.

Собраніе рѣшило приступить немедленно къ сбору пожертвованій, выразивъ надежду, что столь благое дѣло, какъ наполненіе досуга рабочаго человѣка здоровыми, разумными и нравственными развлеченіями, найдетъ откликъ въ нашемъ обществѣ, которое и поможетъ «Невскому Обществу» воздвигнуть первое въ Россіи большое зданіе народныхъ развлеченій.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636543

